Петроградский Губернский Совет Профессиональных союзов

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

АРХИВ
ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ

ВЫПУСКАЕМЫЙ

Ученой Комиссией по исследованию истории труда в России

КНИГА ПЕРВАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАД — 1921

14-я Государственная типография. Птг., Социалистическая, 14. Р. В. Ц. Тир. 5000.

Задачи и деятельность Ученой Комиссии по исследованию истории труда в России.

Служа основою личной, общественной и государственной жизни, труд является одним из важнейших факторов экономического, политического и культурного бытия народа. И само собою разумеется, что лишь найдя ответы на вопросы о происхождении и эволюции разнообразных форм труда, особливо—производственного, и в частности изучив меняющиеся условия, в которых жили и работали на протяжении столетий трудящиеся элементы, можно разрешить коренные проблемы исторического существования данного народа.

Однако, русская научная литература не уделила должного внимания труду, как животворящему социальному началу: она не учла его роль в судьбах России, не выяснила наиболее острых моментов в его историческом развитии, не накопила даже соответствующего сырого материала.

Наступила пора, когда нельзя долее откладывать распашку этого почти непочатого поля, как ни тяжела предстоящая задача.

История труда крайне разнообразна по выдвигаемым ею научным вопросам. Для исследования ее требуются совокупные усилия историков, экономистов, техников и других специалистов. Самая же работа этих исследователей осложняется необходимостью обширных изысканий в архивах не только с целью извлечь из их недр материал по уже известным темам, но и для того, чтобы наметить новые задания на основании вновь открываемых письменных памятников прошлого.

Нет нужды говорить, что представляя собою хранилище естественно образовавшихся собраний документов, архивы—в целом—раскрывают самые затаенные поры и извилины минувшей жизни, и будучи чужды предзвятости и лицеприятия, освещают ее беспристрастно: в архивах с одинаковой рельефностью запечатлены стремления различных социально-экономических групп населения, независимо от того, какая из них торжествовала в данный момент; на ряду с преднамеренным и бессознательным искажением фактов, вызываемым то материальными интересами, то сословными и религиозными предрассудками, здесь пробивает себе путь неприкрашенная правда действительности; бок о бок с яркими эфектными событиями здесь оставили свой след серенькие коллизии, обыденные безшумные происшествия, из которых незаметно складывается существование индивидуума, общества и государства. Однако таковые „человеческие документы“ не плавают на поверхности архивного моря, они сокрыты на дне его, и нужно приложить много труда, чтобы извлечь их.

Так как не только дела общественного и государственного значения, но даже и мелкие рассматривались и разрешались не одной какой-либо инстанцией, а несколькими, то по каждому из них сохранились документы в ряде архивов, причем эти собрания документов и по содержанию и по характеру во многом различны в зависимости от свойств тех учреждений, при которых образовались архивные фонды. Вот почему обычно тот или иной архив в отдельности—ведомственный, общественный, частный—не заключает в себе исчерпывающего мате-

риала по теме, интересующей исследователя, и поэтому приходится обращаться к целой сети архивов, чтобы собранные сведения обладали желаемою количественною полнотою и качественным разнообразием. А между тем даже обследование одного значительного архива поглощает много времени и усилий.

В архивах имеются дела, которые будучи составлены из материалов, некогда нарочито подобранных для канцелярских надобностей, содержат в себе существеннейшие данные по определенному вопросу; такие дела, освобождающие исследователя от кропотливых поисков нужных сведений, являются весьма ценными,—однако только в качестве пособия. Описывая события и явления преимущественно с одной лишь внешней стороны, не обнажая их существа, к тому же нередко тая в себе стремление к предвзятой цели, эти дела совершенно лишены красок жизни, ее дыханья. И оттого они не могут служить основным материалом для исследования по истории труда, сотканной главным образом из элементов бытового характера; при изучении ее несомненно более важными являются те архивные дела, которые, каждое в отдельности непритязательно рассказывая о незначительных житейских взаимоотношениях, будничных эпизодах, воспроизводят в своей совокупности четко и правдиво протекшую жизнь в гармоничной пестроте ее реальных черт.

Конечно, подобные дела приобретают характер научного материала лишь при массовом использовании их. И этим-то обстоятельством определяется ответственная роль архивистов в разработке истории труда. Розыскать в ряде архивов множество дел, самым причудливым образом вплетающихся в историю труда,—такая скрупулезная работа не по плечу самим исследователям; тут необходимо научно-техническое сотрудничество архивистов, не только опытных в своем деле, но и способных усвоить научные нужды специалистов, с разных сторон подходящих к изучению истории труда. Только тогда, когда архивисты зафиксируют сохранившиеся в обследуемых архивах соответствующие документы и весь этот чрезвычайно обширный и разнообразный материал будет систематизирован, архивные сокровища станут доступными для исследователя.

Столь же сложная подготовительная работа нужна и со стороны библиографов. Если краеугольным камнем при изучении истории труда должны служить архивные документы, то все-же нельзя оставить без серьезного внимания печатные источники на русском и иностранных языках. Подобно архивным бумагам, печатные материалы, рассыпанные по многочисленным изданиям, могут быть использованы исследователями в полной мере лишь после того, что будут подобраны библиографами и классифицированы.

Таким образом для планомерного и всестороннего исследования истории труда необходимо организованное соучастие разнородных работников. И именно для того, чтобы об'единить, координировать частью индивидуальный, частью коллективный труд и направить его в конечном итоге к единой цели, образована при Петроградском совете профессиональных союзов „Ученая Комиссия по исследованию истории труда в России“ [1]).

Общая задача Комиссии—разработка архивных материалов по истории труда и тех социальных групп, которые живут личным трудом; ближайшая—изучение вопросов, касающихся истории производственного труда и тех видов организационной и научно-технической деятельности, которые служат данному производству; основные формы производственного труда, подлежащие изучению,—фабрично-заводский, ремесленный и сельско-хозяйственный труд [2]).

Приняв за правило не ставить работу сразу слишком широко, а начав с малого, раздвигать пределы изысканий по мере накопления опыта, Комиссия, наметив сравнительно узкие рамки для библиографического указателя по русским источникам, на ряду с этим ограничилась на первых порах обследованием лишь нескольких важнейших для ее задач ведомственных и заводских архивов, дабы на практике проверить и в случае надобности изменить систему работ, а вместе с тем постепенно освоить сотрудников с возложенными на них функциями,

---

[1]) Возникшая по моей инициативе и при ближайшем содействии члена президиума Петрогр. совета проф. союзов Г. В. Цыперовича, Комиссия приступила к занятиям 18 февраля 1921 г. Состав Комиссии и ее сотрудников—см. на внутренней стороне обложки журнала.

[2]) Подробности приведены в третьей части настоящей книги.

подготовить их к руководству более молодыми работниками. Установив тесное деловое общение между сотрудниками, Комиссия приложила старания к тому, чтобы придать их изысканиям единое направление и благодаря этому ей вскоре удалось при помощи систематического архивного карточного каталога проникнуть в глубину архивов и обнаружить чрезвычайно обильные материалы по ряду вопросов истории труда, что в свою очередь позволило ей приступить к изданию „Архива истории труда в России".

„Архив" предназначен для опубликования разнообразных результатов архивных изысканий в области истории труда. Главное место уделяется самостоятельным более или менее цельным исследованиям; в отношении выбора тем и периода, ими захватываемого, не ставится ограничений, но в принципе желательно, чтобы каждая из них разрабатывалась в возможной полноте и последовательности. В особом отделе будут печататься относящиеся к истории труда описания архивных фондов и отдельных наиболее ценных по содержанию архивных дел, а также документы, небольшие очерки, заметки, рецензии на книги и проч.—Лишь в виде исключения будут помещаться такие статьи в известной мере теоритического или общего характера, как, напр., напечатанные в настоящей книге три статьи, долженствующие дать читателю общее представление о состоянии западно-европейской и русской историографии труда.

Отнюдь не переоценивая видимые результаты полугодового труда Комиссии, следует признать, что в тяжелых условиях нынешнего времени они могут служить показателем жизнеспособности ее начинания. Правда, исключительно доброжелательное отношение к Комиссии со стороны президиума и культурно-просветительного отдела Петроградского совета профессиональных союзов [1]), а также Петроградского отделения Главного Управления архивным делом, широко раскрывающего пред сотрудниками Комиссии двери архивов, значительно облегчило занятия. Но при всем том сотрудники Комиссии и журнала не проявили бы так много живой энергии, если бы не были проникнуты сознанием, что работа, в которой они об'единились, даст рано или поздно ожидаемые плоды.

Конечно, число лиц, дружески сгруппировавшихся вокруг Комиссии, еще далеко не достаточно, чтобы усилиями их одних деятельность Комиссии приняла желанные размеры и интенсивность. Однако не может быть сомненья, что все, кто исследует тот или иной вопрос истории труда в России, ознакомившись с задачами Комиссии, примут участие в ее работе.

Раз Комиссия поставила себе в обязанность способствовать всестороннему изучению истории труда, а ее орган призван вводить в научный оборот новые архивные материалы, то естественно, что она с полной готовностью предоставит в распоряжение исследователей данные, заключающиеся в ее архивном указателе, и постарается облегчить им пользование подлинными архивными делами.

Комиссия радушно встретит каждого, кто пожелает работать.

18 августа 1921 г.

Юлий Гессен.

---

[1]) Особое внимание и содействие Комиссии оказали нынешний председатель Совета союзов И. И. Лепсе, заведующий культурно-просветительным отделом З. И. Любинский и его заместитель О. П. Ольгин.

Выходу настоящей книги в свет усердно способствовали завед. литер. - изд. бюро Л. Г. Громов, инструктор этого бюро А. И. Степанов, а также заведующий 14-ой Государственной типографией М. И. Лепянский и ее рабочие.

История труда и его значение.

Хотя история и является самою древнею из наук, но развитие ее шло чрезвычайно медленно и лишь сравнительно недавно, каких нибудь полтораста лет тому назад, под словом «история» перестали понимать собрание более или менее занимательных биографий выдающихся людей и коллекцию анекдотов о выдающихся событиях и памятных происшествиях. Но даже после того, как на историю стали смотреть гораздо серьезнее, еще в начале 19-го столетия, ученые почти вовсе не касались той стороны исторического процесса, без изучения и понимания, которой вообще нельзя понять важнейшего и существеннейшего в прошлой жизни человечества: экономическая история была совершенно заброшена, ею не занимались и не интересовались. Самые выдающиеся и талантливые историки первой половины 19-го века, вроде Маколея, посвящая по много томов сравнительно небольшому периоду истории родной страны, довольствовались тем, что отводили изображению хозяйственной жизни данной эпохи лишь несколько беглых страниц, отделывались от этого вопроса общими и неопределенными характеристиками, и притом не ставили ни в какую связь экономику с политикою и с другими областями исторической жизни. Встречались, правда, уже тогда счастливые исключения. В 1817 году немец Бек написал превосходное исследование по истории финансов древних Афин; но хотя эта книга осветила очень многое в самой темной глубине прошлого афинской республики, однако последователей и продолжателей Бек не нашел. В начале сороковых годов 19-го века, французский ученый Герар нашел, издал и блестяще исследовал в высшей степени важную рукопись о ховяйстве большого аббатства Сен-Жермен-де-Прэ в самую неведомую, самую загадочную пору средних веков, и сразу неожиданным светом озарилась вся экономическая история ранней эпохи феодализма. Можно было ожидать, что Герар найдет последователей и продолжателей. Но ничего подобного не случилось; о нем забыли, так же, как забыли о Беке.

Нужен был решительный толчек, который придал бы изучению экономической истории широкий не только научный, но и общественный интерес. Этот толчек был дан одновременно,—на континенте Европы Карлом Марксом, а в Англии—Торольдом Роджерсом.

Уже с конца сороковых годов полная необходимость во всех исторических об'яснениях исходить из экономики была для Маркса ясна. Как публицист, рассуждавший о современных ему бурных политических событиях, Маркс с ранних пор привык усматривать под внешними формами политической борьбы глубоко заложенные в самой природе капиталистического общества классовые противоречия. В 50-х и 60-х годах это воззрение в нем все более укреплялось и становилось руководящим для всей его умственной жизни, для всех его научных изысканий и политических воззрений. Деятельность Маркса в начале 60-х годов, особенно с 1862—1863 г.г., в эпоху основания первого интернационала, очень много содействовала широкому распространению новых идей и нового исторического понимания. Наконец, в 1867 году появился первый том его «Капитала» и о марксовской историко-философской теории заговорили специалисты,—сначала экономисты, а затем историки.

Живейший интерес, как положительный, так и полемический, как среди сторонников, так и среди противников, был возбужден и поддерживался не только определенностью и законченностью теоретической формулировки, которую придали Маркс, а еще более Энгельс, материалистическому пониманию истории, и не только страстностью, с которою они оба отстаивали свое воззрение. Общие условия политической жизни средины 19-го века были таковы, что марксов-

ская точка зрения на историю все более приобретала жизненный, практический интерес. Необычайно ускорившийся темп экономических и политических изменений, так характерный для капиталистической эпохи, давал себя чувствовать. Рабочий класс был, правда, еще сравнительно слаб численно, мало организован и в обыкновенное время мало влиятелен политически, но уже запомнились и—одних обрадовали, других сильнейшим образом встревожили—отдельные яркие и трагические моменты: 1848 год с небывалым до тех пор четырехдневным восстанием парижских рабочих в июне, с подавлением этого восстания, участие рабочего класса в революциях германской и австрийской,—все это было еще слишком недавно и, главное, все это случилось слишком неожиданно. Ведь только после событий 1848—1851 г.г. стали вспоминать, что проницательные умы, вроде Лоренца Штейна, еще задолго до революции предсказывали ее резко выраженный социальный, а не только политический характер. Благодаря, отчасти, этой неожиданности, а отчасти благодаря тому, что рабочее движение оказалось не задавленным, но только временно, в пятидесятых годах, придавленным, и в начале шестидесятых годах опять начало поднимать голову,—события 1848 года не переставали привлекать к себе внимание, нисколько не забывались и не тускнели. Марксовская попытка об'яснения этих событий пробудила прежде всего интерес к общей его исторической теории. Появление первого тома «Капитала» в 1867 году еще более этот интерес усилило и углубило.

Каков политический смысл появления рабочего класса, как самостоятельной силы в истории? Чем обуславливается быстрый рост этого класса? Каково его соотношение с другими классами общества? Что такое, вообще, социальные классы и какие признаки отделяют один класс от другого? Действительно ли так уж ново появление рабочего класса и его вмешательство в политическую жизнь? Раз возникши, эти вопросы уже не могли быть сданы в архив. Периодические собрания первого интернационала, Парижская коммуна 1871 года, рост германской социал-демократии,—все это поддерживало напряженный интерес к проблемам, выдвинутым Марксом. Деятелям науки, как экономистам, так и историкам, стоило лишь обратить сколько нибудь серьезное внимание на эти вопросы,—и сейчас-же они увидели, как мало пока сделано в области экономической истории, до какой степени тут нужно начинать, так сказать, с азбуки. И в тоже время жизнь стала настойчиво обращать внимание ученых исследователей на другой производительный класс общества—на крестьянство и его историю.

Почти одновременно с выходом 1-го тома «Капитала», в Англии (с 1866 года) стало публиковаться многотомное исследование профессора Оксфордского университета Роджерса под названием «История земледелия и цен в Англии». С каждым томом все яснее становился ход исторической жизни английского крестьянства, причины и последствия расслоения его на отдельные экономические группы, все больше и больше подтверждалась та истина, что без истории хозяйства данной страны можно р а с с к а з а т ь, но нельзя п о н я т ь ее историю вообще. Роджерс, не зная Маркса, и вполне независимо от Маркса, дал первое приложение его воззрений и методов, и именно по истории земледелия и земледельческого класса. Исследование английского ученого дало могущественный толчек к изучению истории крестьянского класса и на континенте Европы. До тех пор уже были ценные работы Маурера по истории общины в Германии, Гакетгаузена (1847 г.) об общине в России, Зугенгейма по истории крепостного права в странах центральной Европы по преимуществу и т. д.,—но до Маркса и Роджерса все эти работы являлись какими то одинокими островками среди моря общего невежества в области экономической истории. Отныне историей крестьянства занялись несравненно серьезнее, систематичнее, глубже. В Германии школа Шмоллера, из которой вышли Кнапп и Виттих, успела больше всего сделать по истории земледелия и крестьянства. Во Франции и России прогресс науки сказался несколько позднее. В Англии, как это ни странно, преемники Роджерса выступили позже, чем в Германии, Франции и России. Во всяком случае, с начала семидесятых годов 19-го в. до настоящего времени не проходило года, чтобы в одной из этих стран (а с 80-х г.г. и в Италии) не появилось одной или нескольких, мелких или крупных работ по экономической истории.

И можно сказать, что ни одна область исторического знания в последние пятьдесят лет не сказывалась в таком близком и постоянном соприкосновении с жизнью, с текущей хозяйственною и общею политикою, как именно экономическая история; переход Германии к покровительственной таможенной политике в конце 70-х годов повлек за собою небывалое оживление в области исследования истории промышленности; большие рабочие стачки во Франции в 90-х г.г. вызвали к жизни литературу по истории рабочего класса; возрастающее значение профессиональных союзов в Англии породило классическое двухтомное исследование о тред-юнионизме, написанное Сиднеем и Беатрисою Уэбб; экономический кризис в жизни крестьянства скандинавских стран в последние десятилетия 19-го и в начале 20-го века сопровождался появлением ряда работ по истории местного крестьянства.

Чем об'яснить это явление, эту теснейшую связь между наукою и жизнью в данном случае? Чем об'яснить, что Жорес, говоря от имени социалистической партии во французской палате депутатов в 1899 году о положении французского крестьянства, постоянно ссылался на исторические работы покойного русского профессора И. В. Лучицкого о крестьянах времен революции? Чем об'яснить, что в германском рейхстаге, едва только заходила речь об экономических реформах или их критике, ораторы всех партий, начиная с правых и кончая покойным Карлом Либкнехтом, не переставали приводить в виде серьезнейших доводов те факты и умозаключения, к которым пришли Шмоллер, Инама-Штрнэгг, Шульце-Геверниц и другие деятели чистой науки? Это об'ясняется прежде всего тем, что, действительно, ни в одной области исторической науки нельзя почерпнуть столько уроков, сколько в области истории экономической. Экономика так мало зависит от отдельных людей, напротив, люди с их будто-бы вполне свободной волей так много зависят от экономической эволюции, самые законы и характер этой эволюции еще так загадочны, так таинственны и трудно уловимы, что, конечно, только от ясного знания и понимания прошлого можно надеяться получить хоть какие нибудь руководящие нити для будущего. И немудрено, что именно те политические деятели, которые стоят на точке зрения марксизма, больше всего считаются и должны считаться с выводами, к которым приходит в данной области бесстрастное историческое исследование.

Таким образом, наука должна быть благодарна социальному и политическому движению средины 19-го века за тот благодетельный толчок, который направил ее внимание на разработку экономической истории, до тех пор почти вовсе неизвестной; в свою очередь деятели социально-политической жизни полными пригоршнями черпают из постоянно пополняемой научной сокровищницы то, что им совершенно необходимо для целей практической борьбы за свои идеалы.

Но есть в огромной области экономической истории вопрос, который выделяется своей колоссальною важностью из всех других. История производительных классов общества (и прежде всего, в их числе крестьян и рабочих)—вот на что все больше и все пристальнее направляется мысль ученых исследователей, и вот что ближе всего соприкасается в то же время с заданиями практической политики. Немудрено, что история крестьянства и рабочего класса и на западе, и у нас привлекают к себе внимание (особенно в последние 20—25 лет) больше, чем любая другая отрасль социально-экономической истории. Втечение почти всей всемирной истории до нового времени земля была либо единственной, либо главенствующей формою капитала, земледелие и сельское хозяйство кормили и делали сильными большие народы, крупные державы. Узнать во всех подробностях историю крестьянства любой европейской страны от начала средних веков и чуть ли не до 18-го века, кроме разве северной Италии и, отчасти, Англии, значило бы понять основной смысл едвали не всей социально-политической жизни данной страны. Все остальные классы общества во весь этот долгий период так или иначе вращались вокруг этого главного ядра—крестьянства, и их место в истории определялось их отношениями к крестьянскому классу. С другой стороны, с того момента, когда движимый капитал начинает приобретать все большее и большее значение, другая отрасль труда,—рабочий труд становится все более и более значительным фактором, влияющим на историю. С конца 18-го века, а особенно с третьего и четвертого десятилетий 19-го века, без отчетливого знания истории рабочего класса нельзя уже понять очень и очень многого.

История трудящихся классов (и прежде всего крестьянского и рабочего) не есть вся экономическая история данного народа, но только часть ее, этого не следует забывать, чтобы не впасть в преувеличение и ошибки. Но ко всей громадной задаче построения экономической истории легче и удобнее всего подойти именно чрез построение истории трудящихся классов. Человек, человеческий материал, данный класс общества—это настоящая реальность истории, осязаемая величина, видимая даже неопытному глазу. Следя за изменениями в составе, в настроениях, в политическом поведении каждого из классов общества, теснее и непосредственнее всего связанных с экономическою жизнью страны, мы постепенно доберемся до понимания самых скрытых пружин исторической эволюции. С этой точки зрения трудно назвать какой либо третий класс общества, с которого так же удобно было бы начинать изучение экономической истории, как класс крестьянский для более старого периода европейской истории и классы крестьянский и рабочий для изучения новейших времен.

Что касается практического значения изучения истории обоих упомянутых трудящихся классов, то оно не всюду вполне одинаково. В современной Англии крестьянство, как обособленный класс, почти исчезло, его экономическая и политическая роль сыграна уже давно. Еще в 30-х, 40-х, 50-х годах в Англии происходили судебные процессы и велись горячие споры по вопросу об огораживании былых общинных земель, и писались особые исторические трактаты по этому поводу. Теперь это явление отошло в область прошлого, и вообще, ничто, связанное

с исчезающим крестьянством, уже не может иметь в Англии злободневного характера. В других странах Западной Европы, в Германии, а особенно во Франции, крестьянство не только не исчезло, но, напротив, обнаруживает большую устойчивость. Но крестьянских в о п р о с о в в этих странах тоже почти не существует: крестьянство, вообще переживающее гораздо более медлительную эволюцию, чем классы, связанные с движимым капиталом, еще до сих пор не изжило периода, последовавшего после полного уничтожения всех пережитков старых феодальных отношений. Новые задачи ставятся туго, разрешаются медлительно, внутри-классовое расслоение идет, но далеко не таким бурным темпом, как многие ждали этого после 1848 года.

При этих условиях и в Англии, и в странах континентальной Европы интерес разработки истории крестьянского класса—прежде всего есть интерес научный, и в несравненно меньшей степени—практический. Напротив, история рабочего класса, быстро растущего в Англии и Германии, более медленно во Франции и Италии, сплошь и рядом оказывается нужною для уяснения настоящего положения вещей. В истории рабочего класса нигде не было такой резкой черты, которая, как острым ножом, раз навсегда разрезала историю крестьянства: рабочий класс не знал ни феодализма, ни уничтожения феодализма. То, что было во Франции до 1848 года, является для практического политика, когда речь идет о крестьянстве,—древнею историею, не имеющею ни малейшего касательства к современности. Напротив, рабочие восстания, происходившие во Флоренции в 14 и 15 веках, или эксплуатации рабочего труда в Англии 18-го столетия, или силезийские стачки сороковых годов 19-го века—все это явления, если их рассматривать со стороны общей, с точки зрения их социологической природы, чрезвычайно важные и поучительные для всякого, кто силится понять те или иные черты новейшего рабочего движения. Движение и настроение английских углекопов в 1821 году несравненно более походят психологически на движение и настроение так называемого городского «меньшего люда» (popolo minuto) в северной Италии в 14 столетия, чем быт и стремления французского крестьянства в 1788 году на быт и стремления того же крестьянства при Наполеоне, спустя всего двенадцать лет после начала революции.

Есть только одна страна, для которой и история крестьянства, и история рабочего класса имеют первостепенный не только научный, но и чисто-практический интерес, в почти одинаковой степени. Это Р о с с и я. Революция здесь уничтожила все старые политические и юридические отношения, но экономическая эволюция, хотя при изменившихся условиях, будет продолжаться, и делом первостепенной государственной необходимости является возможность хотя бы приблизительного предвидения, в какую сторону направятся в ближайшем будущем пестрые и сложные течения хозяйственной жизни страны. Крестьянский вопрос или, вернее, ряд крестьянских вопросов существовал в России всегда. Эти вопросы, живо затрагивающие громадное большинство русского народа, занятого земледельческим трудом, не только не разрешены, но и не могут в 3—4 года быть разрешены; мы даже не можем вполне ясно отдать себе отчет в размерах и характере происшедших изменений. Собирание точной статистики в деревне во всероссийском масштабе в данный момент является предприятием, донельзя затруднительным. При этих условиях громадную пользу может принести разработка и научный анализ тех данных, которые уже находятся в архивах. Данные о площадях запашки и посева, о влиянии урожаев и неурожаев, о причинах местных явлений вроде малоземелья или черезполосицы или удачного или неудачного расположения путей сообщения и т. д. и т. д.—сплошь и рядом окажутся весьма мало устаревшими, несмотря на бурю, пронесшуюся над Россией. При известных, уже обозначающихся условиях, могут сказаться полезными и старые сведения о рынках сбыта сельскохозяйственных продуктов и т. п. Трудно даже перечислить все категории практических вопросов, по которым крестьянской России могут понадобиться данные, касающиеся истории земледельческого класса.

Что касается рабочих, то их организации в России (начиная с профессиональных) еще так молоды и им предстоит считаться с такими сложными проблемами в будущем, что внимательное ознакомление с историей своего собственного класса, вероятно, покажется им, рано или поздно, делом не только интересным, но прямо необходимым. Не следует забывать, что, напр., вопрос о значении иностранного капитала для русского рабочего класса, вопрос о повышении производительности труда, о категориях и расценке различных разрядов трудящихся,—все это вопросы не только сегодняшнего, но и вчерашнего дня, и знать свой вчерашний день—даже с практической точки зрения—оказывается безусловно необходимым.

Но разве можно даже приблизительно предвидеть ту огромную пользу, которую приносит человечеству всякое расширение научного знания, само по себе, даже независимо от прямых практических заданий? Разве можно предсказать, на какие новые пути натолкнется в будущем обобщающая мысль, когда архивы откроют свои тайны и поток новых фактов, новых наблюдений и частичных исследований обогатит науку? Издатели средневековых текстов во Франции

и Германии вызвали к жизни великие исторические исследования Фюстель-де-Куланжа, Вайтца, Маурера, всех этих ученых, написавших историю средних веков; английские фабричные инспектора, когда начали публиковать отчеты о своих поездках, наверно не предвидели, какую бесценную услугу они оказывают этим Марксу и Энгельсу, какое значение эти скромные «синие книги» будут иметь для экономической науки.

Нельзя предвидеть и теперь всех последствий, которые может иметь и для науки и для практической политики систематическая, широко поставленная, неустанно продолжаемая коллективными усилиями многих исследователей разработка громадной массы документов, относящихся к истории труда в России и хранящихся в наших архивах.

Можно лишь сказать с уверенностью, что все, кто прямо или косвенно помогут поставить эту работу на правильную дорогу и будут самую работу делать, принесут бесспорную пользу и науке, и русскому народу.

Е. Тарле.

11

Вопросы истории русской промышленности и промышленного труда (в дореформенное время), постановка их в нашей исторической литературе.

I.

История труда есть ничто иное, как история форм промышленности. Каждая из этих форм имеет свою специфическую, отличную от прочих, физиономию, отличается определенными техническими и экономическими свойствами, определенной организацией производства и сбыта, определенными отношениями между участниками в производственных процессах. А все эти свойства ее, вместе взятые, дают представление о состоянии труда при данной форме промышленности — о характере применяемой рабочей силы и условиях ее применения, об участии ее в продукте труда и удовлетворении ее потребностей, материальных и духовных. Конечно, на-ряду с условиями труда (в широком смысле), вытекающими из соответствующей формы промышленности и являющимися необходимыми последствиями этой формы как таковой или результатами совершаемой ею эволюции, вызванными данным фазисом ее развития, есть и такие явления, которые могут рассматриваться в качестве случайных, хотя и не для самой истории труда, но для определенной формы промышленности, возможными при различных формах или могущими обнаруживаться или отсутствовать при той или иной из них. Но все же и такого рода обстоятельства,—мы говорим, конечно, лишь о наиболее существенных, основных в истории труда—при более близком изучении и анализе их проявляют свою связь с определенной формой промышленности в известном периоде ее развития или при наличности определенного подвида или варианта этой формы и обыкновенно при существовании этой формы или подвида ее принимают иной облик, вытекают из иных причин и влекут за собой иные последствия, чем это может быть установлено в отношении других форм промышленности.

Мы различаем обычно четыре основных формы промышленности—производство для собственных потребностей в пределах домашнего хозяйства; ремесло, т.-е. производство для рынка, но местного, ограниченного, а следовательно, в небольших размерах, из чего опять-таки вытекает ручной способ производства и ограниченное применение наемной рабочей силы; далее—кустарную или домашнюю (капиталистическую) промышленность, характеризуемую более широким рынком сбыта и вытекающей отсюда наличностью посредника между производителем и потребителем при мелком характере самого производства; и наконец—фабрику или централизованное предприятие, где производительный процесс совершается на основах широкого разделения (расчленения) труда с применением машин, двигателей и рациональных способов производства и происходит в помещении предпринимателя и под его руководством и надзором.

Эти четыре формы промышленности не означают четырех периодов в истории труда, ибо они могут существовать одновременно и действительно существуют в одни и те же исторические эпохи, хотя в каждую эпоху преобладающей и господствующей является определенная форма. Каждая из этих форм промышленности обнаруживает различные подвиды и варианты в зависимости от времени и места, проходит различные фазисы в своем историческом развитии, переход от одной к другой совершается постепенно, в различных странах и отраслях производства в разное время и разным путем.

Так, от производства для домашних потребностей переход к ремеслу в развитой его форме, т.-е. в той форме, где ремесленник является хозяином мастерской, владельцем сырья и инструментов, совершается нередко через посредство того зачаточного вида его, где руководителем про-

цесса производства является еще сам потребитель, снабжающий производителя материалом и указывающий ему способ обработки, или где потребитель сам же и выполняет необходимую работу, используя лишь принадлежащие ремесленнику приспособления (мельницу, кузницу, печь для обжигания посуды, станок). И в том и в другом случае ремесло, как производство для сбыта, еще не вполне выделилось из работы для собственных нужд, для домашнего хозяйства.

Ремесло, в виду незначительности связанного с производством его капитала и благодаря сбыту на местном рынке, без помощи посредника, не предполагает антагонизма между хозяином и работником, а напротив, построено на принципе единства интересов того и другого, рассматривая состояние подмастерья как переходную ступень к экономической самостоятельности. Однако ограниченность рынка, давая возможность пропитываться определенным промыслом в каждой данной местности лишь небольшому числу производителей, может привести к различным искусственно создаваемым стеснениям доступа к званию мастера и к образованию, вследствие этого, самостоятельной, отдельной от хозяев группы подмастерьев, которые большую часть своей жизни проводят в таком зависимом положении, а вследствие этого, обнаруживают и отличные от хозяев интересы и нужды и ведут борьбу с ними за осуществление своих задач и целей.

Такие условия мы находим в Западной Европе с XIV, иногда и XIII ст.—цеховой строй, всячески затрудняющий подмастерьям приобретение положения мастера, путем всевозможных сложных и требующих значительных материальных затрат требований, к ним пред'являемых. Эти цеховые стеснения, вытекающие, повидимому, из ограниченности рынка, ведут к образованию уже в это время зачатков рабочего класса, хотя еще малочисленного и непостоянного, не вполне выделившегося из прочих групп, населения, но все же постепенно формирующегося, это видно из временных и постоянных единений подмастерьев, из забастовок и союзов, из борьбы, которая этим путем ведется с мастерами, из требований сокращения рабочего дня, повышения оплаты труда и т. д., выдвигаемых подмастерьями.

Расширение рынка, возможность производить для других местностей должна была, казалось бы, устранить эти препятствия, открыть всем и каждому доступ к самостоятельному занятию промыслом. Однако, совершившееся в Западной Европе в XVII—XVIII ст. образование широкого рынка, охватывавшего целую страну или, по крайней мере, часть ее, нисколько не разрешило вопроса, ибо сбыт в других городах и областях вызвал необходимость в посредниках, знакомых с требованиями новых рынков, и тем самым поставил прежних самостоятельных ремесленников в зависимых от скупщиков-торговцев, превратил их в кустарей. Положение прежних хозяев и подмастерьев в значительной мере уравнялось, однако, не в смысле поднятия последних до уровня первых, а в виде понижения первых до уровня вторых.

Конечно, кустарь по прежнему работал в собственной мастерской, производил по своему усмотрению, распределял свое время по своему желанию. Самая степень его зависимости от капиталиста была весьма различная: мы находим здесь различные ступени, начиная от производителя, который сам везет изготовленные им товары на базар и там продает их торговцам, вплоть до таких, которые вынуждены изготовлять их по предварительному заказу для определенного скупщика или группы (компании) скупщиков. Во всяком случае зависимость кустарей обусловливается нуждою в посреднике, и получение материала (иногда и орудий) от последних не создает, а лишь усугубляет ее. Развитие, повидимому, идет в направлении закрепощения кустаря, хотя наиболее тяжелым являлось, быть может, на Западе, как это наблюдалось и у нас, положение тех из них, которые не имели такого определенного покупателя, а вынуждены были каждый раз разыскивать его, находясь под угрозой остаться на руках с непроданным товаром и не иметь средств для жизни и для продолжения промысла.

Не только в смысле степени зависимости кустаря различные промыслы обнаруживают много вариантов. Кустарная форма промышленности вообще возникает в разных странах и местностях и в различных отраслях производства не одновременно: мы находим шелковую промышленность, производимую рабочими на дому, в итальянских городах уже в XII—XIII ст., в Константинополе даже в X ст., тогда как сапожный промысел стал кустарным и в Западной Европе не ранее XIX ст. Точно также и у нас находим промыслы, которые из производства для собственных потребностей уже в XVII ст., а быть может, и раньше, успели превратиться в кустарную промышленность, работающую для рынка. В известном своим слесарным промыслом селе Павлове, Нижегородской губ., уже по писцовой книге 1621 г. упоминается об 11 больших кузницах, при Петре выделываемые там ножи и замки распространялись по всей России, а во второй пол. XVIII ст. купцы возят в Сибирь висячие замки с павловских заводов. В селе Дунилове Шуйского уезда, как видно из акта 1667 г., уже тогда занимались выделкой нестрядей и холста и этим платили оброки в казну. В других местностях Шуйской области в XVII ст. развились мыловаренный промысел, кузнечный, калачный; шуяне завели у себя «варити мылишки», строили «мыльни» и развозили свои изделия, ездили «для своих бедных промыслиш-

ков». По описи Носова 1710 г., из 174 тяглых дворов Шуи третья часть занималась изготовлением промышленных изделий—было 16 кожевенных заведений, 11 мыловаренных, 14 сыромятных, 4 медных, 7 изб скорняжных, 4 рукавишных.

Раннее (и самобытное) возникновение многих наших крестьянских кустарных промыслов подтверждается и сведениями относительно товаров, сбываемых на таких ярмарках, как Благовещенская (Архангельской губ.) или Макарьевская (Нижегородской губ.). Из записной книги гостинного двора Важской Благовещенской ярмарки 1727 года видно, что наезжие купцы скупали в ней десятками кусков и сотнями, даже тысячами аршин холст разных сортов, сукна белые и серые, там же приобретались меха и овчины, возами закупались ковши и ложки, и все это вывозилось, как видно из выписей, в Москву, Ярославль, Кинешму и даже в сибирские и малороссийские города. Следовательно, имелись многочисленные промыслы, работавшие для широкого рынка. Такой характер имели уже с начала XVII ст. промыслы Семеновского уезда Нижегородской губ., ибо мы знаем, что в 1624 г., при возобновлении Макарьевской ярмарки, лысковское полотно, корженецкая деревянная посуда, заволжские шляпы и валенки, мурашкинские рукавицы, тулупы и шапки были первыми товарами, привозимыми на это торжище. Окрестности Валдая, Каргополя и некоторые местности на Двине и Ваге, по словам Кильбургера, производили холст, который вывозился за-границу, точно так же, как и ветлужские рогожи отправлялись в Англию: в 1730 г. на догрузку кораблей английского консула Варда куплено было в Архангельске 12530 ветлужских рогож, одинаких, семичетвертных, по 18 руб. тысяча [1]).

Не следует впрочем усматривать в приведенных фактах чего-либо свойственного исключительно нашим кустарным промыслам и отличающего их от западно-европейской кустарной или домашней промышленности (которую вследствие этого различия, нередко именуют «домашней»—в противоположность нашей—«кустарной»). И на Западе в XVII—XVIII ст. и даже в первой половине XIX в. широко была распространена деревенская промышленность; во многих случаях и там она возникла из производства крестьянами изделий из шерсти, льна, дерева, камня и других видов местного сырья для собственных надобностей и лишь постепенно превратилась в работу для сбыта на соседних рынках, а затем и для приезжих купцов. Так возникла известная силезская льняная промышленность, различные промыслы Исполинских, Рудных гор., Тюрингии, Вестфалии, ткацкий промысел в Лилле, Камбре, Дуэ, Амиене и т. д. [2]). Но даже и там, где исходной точкой явилось городское ремесло, все же кустарная промышленность широко распространилась за пределами городов и центром тяжести всех развитых и имевших существенное значение отраслей производства являлись всегда деревенские жители. Лишь с упадком кустарной формы производства и вытеснением ее фабрикой деревенские промыслы стали исчезать, а в городах уже народились новые, составляющие характерную особенность второй половины XIX ст. кустарные промыслы, изготовляющие одежду, белье, обувь, искусственные цветы, игрушки и т. д.

Наконец, был еще и третий путь возникновения кустарной промышленности, на который обратил особое внимание М. И. Туган-Барановский, придавая ему однако чрезмерное значение. Фабрика вызвала к жизни различные кустарные промыслы; последние явились результатом разложившейся фабрики или точнее мануфактуры, ибо в большинстве случаев речь идет о централизованных предприятиях, применяющих ручной труд, а не машину. Отдельные случаи подобного рода, когда владельцу фабрики или мануфактуры казалось выгоднее раздавать работу на дом, чем производить ее в собственном помещении, и он постепенно сокращал выделку товаров в последнем или вовсе прекращал ее, мы находим и в Западной Европе [3]).

Туган-Барановский посвятил целую главу в своей «Русской фабрике» доказательству того, как часто у нас кустарная промышленность обязана была своим возникновением фабрике (мануфактуре) и последняя погибала, не будучи в состоянии выдержать конкуренцию кустаря. Но при этом, он, к сожалению, слишком часто исходит из того, совершенно недоказанного положения, что уже в XVIII ст. в данной отрасли производства (и местности) существовали централизованные предприятия, которые затем прекратили свое существование. «Отдача бумажной пряжи на дом появилась у нас только в конце XVIII в., раньше бумажное тканье производилось исключительно в самом фабричном здании». «На суконных фабриках XVIII в. вся

---

[1]) И. В. Соколовский. К вопросу о состоянии промышленности в России в конце XVII и в первой половине XVIII ст. Ученые записки Казанск Унив. 1890. Кн. III, стр. 20—30. Мещерский и Мадзолевский. Свод материалов по кустарной промышленности, стр. 119—420. Корсак. О формах промышленности. 1861. Стр. 186. Борисов Описание г. Шуи с прилож. старинных актов, стр. 61, 156, 282.

[2]) См. Кулишер. Эволюция прибыли. Т. I. 1906. Стр. 546 и сл.

[3]) Stieda. Literatur, heut. Zustände und Entstehung der deut. Hausindustrie. 1881. p. 108 и сл.

работа по обработке шерсти в сукно производилась на одной и той же фабрике (мануфактуре), позже (в начале XIX ст.) в помещении мануфактуры выполнялось только крашение и отделка сукна, а суровье заготовлялось по окрестным деревням». «В Московской губ. еще при Петре были устроены крупные шелковые фабрики» (мануфактуры), «при простоте техники промысел этот не замедлил переселиться в деревню, вместе с возвращавшимися в деревню рабочими шелковых фабрик» [1]).

Однако, как мы видели выше, пряжа и тканье холста и сукна производились у нас во многих местностях в XVII и даже в XVII ст. и даже там, где речь идет о таких тканях, как бумажные или шелковые, которые не были предметами крестьянского потребления, распространение производства этих изделий нередко находило себе благоприятную почву в ранее существовавшей выделке холста. Конечно, в этих случаях, как и во многих других, возникновение кустарной промышленности происходило нередко под влиянием торговцев, которые стали раз'езжать по деревням и раздавать сырье крестьянам, давая толчек для превращения производства для домашних потребностей в работающую для рынка промышленность. Но все же мы имеем здесь дело с децентрализованной промышленностью, а не с централизованным предприятием—с раздаточной конторой, а не с мануфактурой.

О том, насколько широко были распространены крестьянские кустарные промыслы в первой половине XVIII ст., можно судить на основании мнений и наказов, поданных в комиссии о коммерции и о составлении нового уложения в начале 60-х г.г. XVIII ст. Здесь к предметам крестьянского промысла депутаты от крестьян относят: выделку лопат, дуг, лаптей, мочал и рогожи, производства столярное, плотничье, кирпичное и каменьщичное, печное, колесное, приготовление кож и овчин, шуб и тулупов, сапог, хомутов, седел, даже выделку гвоздей, сошников, серпов, кос, крестов и игл, наконец изготовление веревок, холстов и крашенье шерсти, серых сукон и лент, а также производство солода, мела и бумаги. Торговля всеми этими предметами должна быть дозволена крестьянам; они, следовательно, изготовляются для сбыта и крестьяне частью торгуют сами собственными изделиями этого рода, частью сбывают их другим крестьянам, которые занимаются снабжением ими населения, главным образом опять-таки крестьянского,—в этом смысле и говорится о том, что это предметы «крестьянских надобностей». «Словом, все это принадлежит к крестьянским домашним нуждам, не может сделать никакого подрыва и помешательства купеческому торгу; поэтому и следует дозволить крестьянам невозбранно торговать всеми помянутыми предметами при торжках и при погостах» [2]).

В свою очередь купцы в той же комиссии жаловались на развитие мелкого крестьянского производства, на то, что крестьяне различных сел Нижегородской губ. занимаются кожевенным, мыльным, солодовенным и прядильным производствами, чем «принуждают купечество покупать нужные припасы для вырабатывания оных товаров возвышенными ценами»; купцы северных городов указывают на то, что крестьяне «промышляют кожевенными заводами так точно, как и купцы», крестьяне же Старицкого, Ярославского и Царево-Санчурского уездов, по уверению купечества, занимающиеся кузнечным мастерством, «наймуясь у купцов в работу и обучась гвоздичному мастерству, размножают оное в селах и деревнях собою, сманивают к себе для оного мастерства обязанных задатками»... [3]).

Крестьяне таким образом занимаются и сбытом кустарных изделий, они устраивают у себя и заведения с наемными рабочими, так же, как это делают и купцы. И те и другие выполняют одни и те же функции, но, конечно, при этом сталкиваются интересы «мочных» и «маломочных» людей, ибо крестьяне скупают не только мед, пеньку, лен, скот, но и промышленные изделия—холст, сукна, овчины, шелк, бумагу, и «продавая все это—и по торжкам и ярмаркам в розницу, тем причиняют купечеству подрыв».

Когда М. И. Туган-Барановский говорит о фабрикантах, вышедших из среды крестьянства, противополагая их фабрикантам из купеческого звания, то мы в значительной мере имеем пред собою именно только что упомянутых и «мочных» и «маломочных» торговцев, ибо и в том и другом случае это были не владельцы фабрик или мануфактур, а скупщики промышленных изделий, имевшие раздаточные конторы. С течением времени, правда, многие крепостные крестьяне, например, ивановские и шуйские, стали действительными фабрикантами, но первоначально и в течение продолжительного периода они не выходили из сферы кустарничества, не открывая собственных крупных заведений, а продолжая работать в мастерской с немногими наемными рабочими или ограничиваясь производством в собственных помещениях лишь отдельных операций, напр., на-

---

[1]) Туган-Барановский. „Рус. фабрика", 214, 219, 237, 239.

[2]) Лаппо-Данилевский. „Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII ст." 1899, стр. 86.

[3]) Лаппо-Данилевский, стр. 101.

бойкой миткаля и отделкой суконных материй, т.-е. конечных процессов производства, как это было и на Западе в XVIII ст., до появления фабрик и машин [1]).

Такое недостаточно точное разграничение форм промышленности и неправильное применение терминологии и до сих пор господствует в экономической литературе, что не может не отразиться на изучении истории труда, для которой ясное и отчетливое выяснение и определение форм промышленности является необходимой предпосылкой, исходной точкой, базисом для всего дальнейшего. Еще недалеко то время, когда иностранные исследователи, в особенности французские и английские, попросту говорили о мелком и крупном производстве, различали лишь ремесло и фабрику, причем ремесло отождествлялось с цеховой организацией, несмотря на то, что в XVII—XVIII ст. сплошь и рядом цехи уже состояли не из самостоятельных ремесленников, а из зависимых от торговцев кустарей. Кустарную промышленность, как самостоятельную форму, стоящую посредине между ремеслом и фабрикой, французские и английские авторы стали выделять лишь в самое последнее время под названием «домашней системы» (domestic system), децентрализованной фабрики (fabrique dispersée), домашней мануфактуры и т. д., хотя и теперь это разграничение форм промышленности применяется гораздо более к современной эпохе, чем к прежним периодам хозяйственной жизни. В немецкой литературе необходимость проводить различие между ремеслом, кустарной или домашней промышленностью (Hausindustrie, Verlagssystem) выдвигается уже давно. В частности Маркс придавал большое значение разграничению форм промышленности, указывая на то, что наряду с фабричными и мануфактурными рабочими и ремесленниками, которых капитал об'единяет в одном и том же месте и которыми он непосредственно командует, капитал приводит в движение при помощи незримых нитей еще другую армию рабочих на дому, разбросанных по большим городам и по деревням. Характерными особенностями домашней или кустарной формы производства являются для Маркса работа на дому у кустаря или в небольших мастерских, содержимых посредниками, отсутствие машин и изготовление товаров за счет капиталиста. Эту современную форму промышленности Маркс противополагает старой домашней форме производства, которая отчасти совпадает с понятием ремесла, отчасти же обнимает тот вид кустарного производства, где отсутствует сколько-нибудь значительная зависимость кустаря от капиталиста, ибо именно эту зависимость Маркс считает одним из характерных признаков современной домашней промышленности [3]).

При этом Маркс вполне справедливо относит к этой форме промышленности и те случаи, когда в мастерской работает 20—40 человек или когда стоящая во главе ее мастерица дает заработок 18 девушкам (lace-schools), ибо и здесь мы имеем перед собой несамостоятельные предприятия, т.-е. мануфактуры, а лишь мастерские, работающие за счет другого лица, выдающего сырье для производства и заботящегося о сбыте изделий.

Те «мелкие шелкоткацкие фабрички», которые мы находим в 20-х и 30-х годах неподалеку от Москвы, или те маленькие скорняжные фабрики, которые первоначально имелись в Арзамасском уезде и придавали скорняжному промыслу «несколько фабричный характер», являлись, повидимому, такими же кустарными мастерскими, как те заведения по изготовлению патрон, о которых упоминается в эпоху возникновения этого промысла в различных селениях Московской губернии; в последнем случае прямо говорится о том, что «приехал в такую то деревню приказчик от такого-то купца, снял или купил избу и открыл фабричку» или же крестьянин, работавший ранее в Москве, уезжая домой, «уговаривался со своим хозяином, что будет на него работать патроны за известную цену», т.-е. в обоих случаях речь идет о зависимых кустарях или посредниках, производящих на скупщика [2]). Так что едва-ли из этих фактов можно делать вывод о переходе от фабрики к домашней промышленности несамостоятельной, а отсюда к «самостоятельному» кустарному производству. Ни фабрик, ни мануфактур здесь, повидимому, совсем не было, что же касается кустарной промышленности, то разграничивать ее на два вида—самостоятельную и несамостоятельную едва ли возможно. Производство в мастерской посредника создает для кустаря столь же зависимое положение, как и непосредственная работа на торговца у себя на дому единолично, при помощи членов семьи или наемных рабочих.

Конечно степень этой зависимости, как мы уже упоминали, может быть различная—она определяется в значительной мере характером и условиями сбыта изделий, изготовленных в кустарной мастерской (работающей при помощи наемного труда или без него). Как указывает экономист, писавший под псевдонимом В. В., по мере того, как развивается товарный характер

---

[1]) Туган-Барановский, ук. соч. стр. 96 и сл. 215, 237. Гарелин. „Город Иваново-Вознесенск". Ч. I. стр. 204.

[2]) Marx. Das Kapital. B. I. 2 Aufl., p. 236 и сл., 484, 490 и сл.

[3]) Туган-Барановский, стр. 240, 246, 248.

промысла и место потребления кустарных изделий отодвигается от пунктов их производства— растет и участие скупщика в сбыте. Сначала он является случайным покупателем, потом наряду с потребителем становится постоянным участником торга, затем почти вовсе оттесняет потребителя, пока, наконец, не делается единственным лицом, имеющим сношения с кустарями. Вместе с указанным изменением формы сбыта растет и фигура самого скупщика [1]). Тот же автор приводит и различные способы сношений между кустарем и скупщиком. Так, в игрушечном промысле Александровского уезда Владимирской губ. сбыт изделий совершается следующими путями: 1) изделия лично доставляются кустарем в Москву в определенные лавки или предлагаются то тому, то другому торговцу, 2) они посылаются туда чрез посредство возчика, исполняющего роль коммиссионера, 3) продаются иногородним торговцам, нарочно для того об'езжающим производителей (самый выгодный для последних способ), 4) сбываются местным деревенским торговцам по вольной цене и в 5) им же по предварительному заказу или в счет долга кустаря лавочнику [2]).

Как ни разнообразны по своему характеру приведенные способы сбыта, все же их об'единяет один момент—наличность посредника. Между тем тот же В. В., как и многие другие исследователи кустарной промышленности, включает в эту форму производства и случаи непосредственной продажи товаров потребителю, при отсутствии торговца, т. е. ту форму сбыта, которая характеризует ремесло, а Е. Н. Андреев в «Трудах комиссии по исследованию кустарной промышленности» отнес сюда даже крестьянское производство для собственных нужд (домашних ткачих) [3]). Равным образом земские обследования кустарных промыслов, произведенные в 90-х годах и в начале XX ст., понимали под кустарями обыкновенно самостоятельных производителей, работающих на неопределенный рынок [4]), относя сюда и «вольную непосредственную продажу потребителю», но исключая зависимую форму в виде наемной работы на скупщика, так что и здесь в понятие кустарной промышленности попало и деревенское ремесло (хотя, казалось бы, оно работает на определенный местный рынок), но не вошли почему-то те случаи, когда зависимость кустаря наиболее резко выступает наружу.

II.

Переходя к рассмотрению централизованной формы производства, будет ли то мануфактура или фабрика, мы должны отметить, что здесь таких затруднений и недоразумений, какие встречаются при отграничении сферы кустарной промышленности от иных форм производства, не может быть— понятие ясно и определенно. Но есть другое затруднение; оно заключается в установлении самого факта наличности в том или другом случае, упоминаемом в источниках, именно централизованного производства, а не раздачи работы на дом. На важное значение мануфактуры в истории экономического развития Европы указал Адам Смит, выдвигавший на первый план разделение труда как момент, значительно увеличивающий богатство населения, и находивший широкое разделение труда именно на мануфактуре. Еще больше внимания уделил мануфактуре Маркс, для которого она являлась не только выражением т.-наз. сложной кооперации, но и первой формой промышленности, создающей зависимость рабочего от капиталиста в силу владения последним орудиями производства, той формой, при которой «принадлежит капиталисту соединенный из многих индивидуальных рабочих, выполняющих отдельные действия, общественный производственный механизм, и производительная сила, создаваемая комбинацией труда, представляется как бы производительной силой капитала» [5]).

Последующие авторы, однако, далеко не всегда выделяли понятие мануфактуры, либо подразумевая под фабрикой всякое централизованное предприятие, независимо от того, совершается ли производственный процесс ручным способом или при помощи машин и двигателей, либо считая мануфактуру лишь временным и случайным явлением, в отличие от таких коренных и широко распространенных форм промышленности, как ремесло, кустарное производство и фабрика.

В пользу последней точки зрения можно действительно привести аргументы. В самом деле, если принципиально мануфактура, в силу присущих ей особенностей, не может не обращать на себя внимание историка и экономиста, то на практике ее значение сильно умаляется,

---

[1]) В. В. Очерки кустарной промышленности в России. 1886 г. Стр. 133—134.
[2]) Там же, стр. 144.
[3]) Труды комиссии по исслед. кустарн. промышл. т. XIV, стр. 461, 464.
[4]) Рыбников. Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий. 1913 г. Стр. 11—13.
[5]) Marx. Das Kapital. B. I 2. Aufl. p. 373.

вследствие того, что централизованных предприятий мы находим в Западной Европе до применения машин весьма немного. Так что можно без особого преувеличения утверждать, что переход совершился непосредственно от кустарной формы промышленности к фабрике и только машина, применение которой в кустарной мастерской являлось делом невыгодным, а нередко и вовсе невозможным, заставила рабочего покинуть свою кустарную избу и перейти в помещение предпринимателя.

Сравнительно редко мы встречаем действительные мануфактуры в западно-европейских государствах; часто при рассмотрении того или иного случая, упоминаемого в источниках, оказывается, что перед нами не владелец централизованного предприятия, а посредник, занимающийся раздачей сырья рабочим на дом и распространением изготовленных ими товаров [1]). Проф. Е. В. Тарле, на основании архивных материалов, выяснил наличность лишь крайне незначительного числа мануфактур во Франции даже в эпоху Революции [2]). Многих авторов вводило в заблуждение упоминание в источниках XVII и XVIII ст. о мануфактурах и фабриках, тогда как при более близком анализе оказывалось, что и тем и другим термином обозначали производство вообще, независимо от того, какова была в данном случае форма промышленности—ремесло ли, кустарное ли производство или централизованная мануфактура (о фабриках вообще говорить нельзя было, ибо машин не было), или же подразумевали под мануфактурой определенные отрасли производства—текстильную промышленность.

В отношении русской промышленности XVIII и первой половины XIX ст. вопрос относительно степени распространенности централизованных мануфактур решить гораздо труднее, но во всяком случае приведенное выше утверждение М. И. Туган-Барановского относительно того, что суконное, шелковое и ряд других производств при Петре I производились исключительно на фабриках (т.-е. мануфактурах) и лишь впоследствии приняли кустарный характер, вовсе не доказано, ибо мы не в состоянии установить, насколько работа совершалась действительно в помещении предпринимателя, а не на дому у кустарей. Источники по этому вопросу, относящиеся к Западной Европе, в значительной мере изучены и на основании имеющихся в нашем распоряжении данных мы в состоянии во многих случаях довольно точно определить, о какой форме промышленности идет речь, хотя имеются конечно и спорные, недостаточно выясненные случаи. Предприятия петровского времени и екатерининской эпохи, как и последующего периода, с этой точки зрения совершенно не рассмотрены. Наших исследователей эта проблема весьма мало интересовала, и везде, где упоминается о фабрике, они себе рисовали централизованное предприятие, не сомневаясь в том, что оно имело такой характер, и именуемый фабрикантом предприниматель не являлся лишь владельцем раздаточной конторы. И это относится не к одним только описаниям той или другой эпохи в смысле ее промышленного развития; и специальные исследования, посвященные истории отдельных промышленных центров (как, напр., Шуи, Иваново-Вознесенска, Московской губ.), говоря о фабриках, употребляют этот термин далеко не всегда на основании точных сведений о той форме производства, которая обнаруживалась в данном случае, а часто просто заменяют им понятие крупного предприятия, где капиталист совершает значительные обороты, раздавая сырье большому количеству зависимых от него рабочих, нередко в свою очередь пользующихся наемным трудом, иногда же концентрируя отдельные процессы производства в собственном помещении, тогда как остальные выполнялись у рабочих на дому; последнего рода явления мы встречаем нередко в первой половине XIX ст. «Многие фабриканты—гласит сообщение, относящееся к 1830 г. и касающееся хлопчатобумажной промышленности Владимирской губ.—имеют при своей фабрике малое только число станов, раздавая пряжу для тканья по деревням крестьянам, работающим на собственных своих станках, и получая от них сотканные изделия, дают окончательную отделку при фабрике» [3]).

Когда Я. Гарелин говорит, что в начале XIX ст. совершился переход многих кустарей-набойщиков в крупные фабриканты, то не равнозначуще ли это попросту его же утверждению, встречающемуся в другом месте его книги, что «таким путем кустарь при некоторой изворотливости и предприимчивости мог сделаться сначала мелким, затем и крупным капиталистом» [4]), так что вопрос о форме производства остается открытым. Гакстгаузен, путешествовавший по России в 1843 году, упоминает неоднократно о различного рода фабриках, находящихся в той или другой местности, которую он посетил. Напр., в одной из деревень, прилегающих к Арзамасу, он нашел 6 клееваренных фабрик, 2 фабрики восковых свечей, 8 больших фабрик, изготовляющих ковры и валенки, и много сапожных фабрик, причем «большинство жителей входят

---

[1]) Кулишер. Эволюция прибыли с капитала, Т. I. Стр. 598 и сл. Лекции по истории экономического быта, изд. 5-ое, стр. 313 сл. 318 сл.
[2]) Тарле. Рабочий класс во Франции в эпоху Революции. Т. II. 1911 г. Стр. 67, 84.
[3]) Журн. Мануф. и Торговли. 1830 г. Цитир. у Туган-Барановского, стр. 215.
[4]) Гарелин. Город Иваново-Вознесенск, стр. 204.

в состав ассоциации сапожных фабрикантов» [1])—т.-е., очевидно, артели сапожников, состоящей во всяком случае не из фабрикантов в том смысле, как мы теперь понимаем это слово, а вероятнее всего из мелких производителей, самостоятельных или работающих на торговца; и, вообще, лишь относительно тех «больших» ковровых фабрик, которые упоминаются у Гакстгаузена, можно с известной вероятностью утверждать, что это были централизованные предприятия, но отнюдь не обо всех остальных, приведенных выше.

Еще менее думали несомненно о форме производства Петр I и Екатерина II, когда они приказывали «фабрики и заводы заводить или размножать» или Фоккеродт, когда он сообщал, что Петр старался о «заведении фабрик в царстве, какие обыкновенно заводятся в чужих краях» [2]). Если здесь под заведением фабрик разумеется введение в России новых отраслей промышленности, перенесение их из-за границы, то понятие фабрики (или мануфактуры) без сомнения равнозначуще промышленности в таких случаях, как вызов иностранцев для того, чтобы они могли «как хлебопашество, так фабрики и художества в цветущее состояние приводить» или как сообщение о том, что «Микляев ту мануфактуру (суконную) умножил». Тем более в этом смысле говорится в известном указе Петра 1712 г. «завод суконный размножать не в одном месте, так, чтобы через пять лет не покупать мундира заморского, а именно, чтобы не в одном месте завесть, а заведчи дать торговым людям, собрав в компанию, буде волею не похотят, хотя в неволе» [3]). В и следнем случае «завод суконный» употребляется в том же смысле, как во Франции говорили в XVIII ст. la fabrique de soie lyonnaise, что обозначало лионскую шелковую промышленность, которая производилась исключительно в кустарных мастерских.

Тот же Петр I в 1696 г. говорит кузнецу Актуфьеву (родоначальнику Демидовых): „постарайся, Демидыч распространить свою фабрику, а я тебя не оставлю“ [4]), т.-е. предлагает ему расширить свое чугунное, плавильное и оружейное производство, которое выполнялось в то время тульскими казенными кузнецами в своих же избах ремесленным способом; они работали на московскую оружейною палату. Здесь, в Туле, уже с 70-х годов XVII ст. упоминается о существовании чугунно-литейного, затем и оружейного завода. История последнего подробно изложена в появившейся еще в 1826 г. книге Гамеля, причем у различных авторов, описывающих, на основании этого сочинения, оружейное производство Тулы, положение изображается таким образом, как будто речь идет о едином предприятии, о заводе в том смысле, как мы применяем этот термин в настоящее время; на самом деле, если внимательнее изучить книгу Гамеля, то оказывается, что и выражение „тульский оружейный завод“ для всего почти двухстолетнего периода существования этого промысла (вплоть до 1873 г.) означало лишь нечто собирательное в смысле целой группы мелких самостоятельных заведений, работавших главным образом на казну, но также и для вольного рынка.

В 1712 году последовал приказ Петра: «для лучшего в оружейном деле способа, при оружейной слободе, изыскав удобное место, построить заводы. на которых бы можно ружья, фузеи и пистолеты сверлить и обтирать, а палаши и ножи точить водою, и ежли к тому оружейному делу и ко всяким заводам надлежит быть какового мастерства иноземцам, или русским людям, и таких людей изыскивать и употреблять. Для лучшего же на Туле в оружейном деле усмотрения и поспешения построить оружейный двор, дабы то ружье делать всеми мастеровыми на том оружейном дворе безостановочно, а по домам, где кто живет, ружья впредь отнюдь не делать». В этом указе характерно то, что „заводам“ противополагается „оружейный двор“. Под первыми, очевидно, разумеются мастерские, которыми пользуются отдельные оружейники для совершения тех или иных операций, нуждающихся в специальных приспособлениях, в особенности приводимых в движение водой. Все же остальные работы могут ими выполняться либо у себя дома, либо в особом здании—оружейном дворе. Указ настаивает на переходе оружейников в поселднее, желая сосредоточить производство в одном месте, повидимому, в целях „безостановочной“ работы и лучшего надзора за качеством ее. Но это не удалось, ибо после того, как каменный оружейный двор в 1718 г. был действительно построен и оружейники были переведены туда, они оказались очень стесненными при работе, так как вместе с учениками имелось выше 1100 человек, не считая еще состоявших при них работников. Поэтому ими было подано прошение

---

[1]) Haxthausen. Studien über die inneren Zustände etc. Russlands. T. I. 1847. p. 327.
[2]) Фоккеродт. Россия при Петре Великом. (Чтения в Общ. истории и древностей Российск. 1874 г. Книга 2).
[3]) Первое полное собрание законов. IV. № 2324.
[4]) Первое полное собрание зак., № 2324.
[5]) Труды Ком. по исслед. куст. промышл. в России. Вып. IX. 1883. Стр. 2247.
[6]) Гамель. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношениях. 1826.

о разрешении работать попрежнему на дому, на что последовал ответ генерал-фельдцейхмейстера „оружейных кузнецов на каменный двор до указу не переводить, а делать им ружье попрежнему в домах своих". Таким образом прежний способ производства сохранился. Вскоре после этого, в 1733 г., часть каменного оружейного двора, т.-е. большая часть палат и кузниц была сломана, тогда как упомянутые выше „заводы", приводимые в действие водой, продолжали служить для выполнения различных работ по производству оружия.

Мастерам поручались для производства на-дому различные работы, смотря по умению и способности каждого, а одновременно с этим они приготовляли при помощи собственных инструментов и своего материала и различные предметы, как, напр., пистолеты, штуцера, кортики и шпажные эфесы, стремена, шпоры, и для свободного рынка. Позже, к концу XVIII ст., они были разбиты на пять цехов, по специальностям, а цехи делились на артели; вновь возник проект постройки каменного оружейного завода с отдельными корпусами для помещения каждой артели рабочих, но из этого ничего не вышло и „оружейный завод"—этот термин сохраняется все время—снова не превратился в завод. Наряду с казенными мастерами производили в той же Туле, и в ведении того же завода, оружие также вольные мастера, именуемые „фабрикантами". Это видно из рескрипта Александра I, посланного начальнику Тульского завода в 1812 г.—ежемесячно приготовлять в Туле на заводе „ружей разного калибра 7.000 казенными мастерами, 3.000 вольными фабрикантами, старых ружей переделывать вольными фабрикантами 3.000, а всего в месяц приготовлять 13.000». В 1823 г. было издано новое положение о „заводе", согласно которому принадлежавшие к нему (прикрепленные) три тысячи оружейников распадались на шесть цехов (ствольный, замочный, белого оружия, приборный, ложевой и стальной), причем каждый из цехов имел своего старосту и старшину и судей цехового разряда.

При этом любопытно, что оружейникам разрешалось теперь не только производить в свободное от казенных работ время различные изделия для продажи, но и устраивать у себя специальные заведения, именуемые в источниках „фабриками", для выделки не только оружия, но и различных иных железных и стальных вещей, изделий замочно-слесарного производства. В 1825 г. уже насчитывалось 43 различных „фабрики", принадлежавших оружейникам, для выделки мундштуков, оконных и дверных задвижек, замков; существовали и чугунно-литейные заведения, из которых одно (оружейника Гайтерева), имело даже паровую машину; были мастерские по выделке самоваров, ножей, гвоздей, печных изразцов, экипажей, кузнечных мехов. Железо оружейники покупали для своих надобностей в двух лавках, и вырученные от продажи его суммы, за вычетом расходов, поступали в общественный фонд оружейников.

Как мы видели, оружейный завод представлял собою ничто иное, как поселенную в определенной местности и пользовавшуюся особыми льготами группу лиц, которая лишь отчасти работала на казну, в значительной же мере на собственный страх и риск, и притом не совместно, а каждый в отдельности, при помощи собственного материала и инструментов, а также наемных помощников, лишь отчасти пользуясь и казенными приспособлениями „заводами", снабженными машинами и двигателями (установленные на них в начале XIX ст. паровые машины, впрочем, с 1816 г. в течение двух десятилетий бездействовали). В таком положении дело находилось вплоть до 1864 г., когда после освобождения тульских оружейников от крепостной зависимости казенный завод был передан в аренду частному лицу. К этому времени на заводе насчитывалось 20.500 человек обоего пола, причем из 10 тыс. душ мужского пола состояло оружейными мастерами почти 4 тыс. человек, а из этого числа работало в помещениях завода 1276 чел. и на дому 2362. После освобождения часть прежних казенных мастеров совершенно прекратила работу для завода, занявшись исключительно своими промыслами, или поступив в иных местах на фабрики и заводы, другие, как и вновь нанимавшиеся на заводе мастера, производили оружие попрежнему главным образом ручным способом в своих домах и лишь отчасти пользовались казенными мастерскими.

Мы остановились несколько подробнее на рассмотрении характера Тульского оружейного завода, так как последний является ярким примером того, как мало можно полагаться на термины, встречаемые в источниках, а тем более в описаниях различных промышленных предприятий или в монографиях, посвященных истории промышленности. Необходимо, очевидно, в каждом отдельном случае внимательно изучить все обстоятельства, сопутствующие учреждению того или другого предприятия, и все условия, характеризующие его деятельность, ход и развитие. Архивные материалы в состоянии в этом направлении выяснить очень многое и тем самым содействовать разрешению вопроса о том, в каких случаях мы имеем перед собою действительно промышленный капитализм, концентрацию производства вполне зависимых от предпринимателя рабочих, и где имеется лишь подготовительная стадия его—торговый капитализм.

На основании тех данных, которыми мы располагаем в настоящее время в исторической литературе, освещение этого вопроса связано с огромными затруднениями. В самом деле, хода-

тайства предпринимателей об отводе им земельных участков для постройки фабрики и получение ими земли для этой цели, как и установление факта возведения строений или передачи им каких-либо зданий казной,—все это еще мало доказывает. Земли могли быть использованы для иных надобностей и строения могли вовсе не сооружаться или они могли служить для жилья предпринимателя, для конторы и складов сырья или готовых изделий. При таких условиях предпринимателю не трудно было в любой момент сократить или даже вовсе прекратить раздачу материалов рабочим и скупку изготовленных ими товаров, и в результате оказывалось, как это было установлено в 1730 г., что у многих фабрик и заводов так же, как и у торговых компаний „одно имя", они заведены не для производства, а для пользования различными привилегиями [1]).

С другой стороны, отсутствие централизованного предприятия не доказывается такими фактами, как, напр., уплата ткачами своим помощникам бабеньщикам, сновальщикам и шпульникам известной суммы с каждой изготовленной штуки материи и даже обязанность этих ткачей покупать на свой счет свечи, необходимые им при выделке ткани [2]). Один из рабочих шелковой фабрики графа Апраксина и К-о в Москве писал в 1719 г. в поданной им компании челобитной следующее: „разделяю пряжу сию, сырцовые шелки на своем иждевении и за оные работы дается мне за работу: за основной шелк от всех работ по 22 алтына с фунта, за утошный от всех работ по 15 алт. с фунта; да на упаль шелков, которая бывает при навивании сырцовых шелков и при мельницах в усушке и в других тратах, также и на починку инструментов, на дрова, на свечи, на масло и на прочие всякие харчи по 4 алтына на фунт. А за вышеписанную упаль вычитывают у меня деньги из заработанных денег все сполна" [3]). Здесь и производство на собственном „иждевении" рабочего, и обязанность его нести расходы на починку инструментов, на приобретение дров, свечей, масла, которые ему затем покрываются, указывают, повидимому, на то, что работу он выполнял у себя на дому, но все же с уверенностью мы не решились бы это утверждать.

Гораздо больше внимания необходимо уделить указаниям о продолжительности рабочего дня, жалобам рабочих на то, что их заставляют работать и по большим праздникам и в субботу не отпускают до вечера. Такого рода заявления рабочих, встречающиеся в делах о волнениях на фабриках и заводах, использованных, напр., В. И. Семевским, или в сведениях, собранных в 1803 г. мануфактур-коллегией относительно положения рабочих на находившихся в ее ведении поссессионных фабриках, во многих случаях несомненно свидетельствуют о централизованном характере предприятия. Если, напр., мы читаем, что „в полчаса шестого поутру имеет караульный солдат звонить в колокол, дабы все мастеровые люди в шесть часов на работу шли, и работать им до полудня, а в полдень имеет караульный солдат звонить в колокол, чтобы все мастеровые люди шли обедать" [4]),—то это резко противоречит сущности кустарной или домашней промышленности, где каждый рабочий устанавливает продолжительность своего рабочего дня, начало и конец его и перерывы в работе по собственному усмотрению.

Любопытно, что этот «регламент мастеровым людям, в которые часы им работать», относится к той самой шелковой мануфактуре графа Апраксина с товарищами, на которой работал упомянутый выше рабочий на своем «иждевении» и покупал сам для себя дрова, свечи, масло, производил починку инструментов и т. д. Если бы однако в последнем случае действительно оказалась работа на дому, то это все же нисколько не противоречило бы регламенту о рабочем дне, а свидетельствовало бы лишь о смешанном характере предприятия, производившего часть работ в особых помещениях мануфактуры, а другие раздававшего по домам. Мы приводили указания относительно такого рода явлений в нашей промышленности 20-х годов XIX ст., когда нередко наибольшая часть пряжи и тканей выделывалась крестьянами на дому и только апретура совершалась в фабричном здании. Но это, повидимому, практиковалось и в XVIII веке. Так, напр., из упомянутого выше обследования мануфактур-коллегии 1803 г. видно, что на полотняных мануфактурах женщины на дому с помощью детей разматывали пряжу на катушки. Широко распространен был женский труд в шелковом производстве, причем однако разматыванием шелка женщины часто занимались не на фабрике, а на дому. В предприятиях по выделке сукна в это время женский труд также применялся уже в значительных размерах, но это совершилось, повидимому, лишь во второй половине XVIII ст., ибо составленный в 1741 г., хотя и не примененный на деле, суконный регламент настаивает на том, чтобы «мастеровым

---

[1]) Фирсов. Русские торгово-промышленные компании в первую половину XVIII ст. 1896. стр. 53.
[2]) Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II. Т. I. 1881 стр. 465-466.
[3]) Лаппо-Данилевский. Русск. промышленные и торг. компании, стр. 77, прим.
[4]) Лаппо-Данилевский, ук. соч. стр. 82.

и рабочим людям отнюдь не допущать, чтоб жены и дочери их, кои работать в состоянии будут, дома праздно пребывали или гуляли», причем допускает работу для женщин, как в помещении самой мануфактуры, так и на дому, утверждая, что мастеровые «таким двойным рачением знатно в лучшее состояние прийдут и больше домашнего благословения ожидать имеют».

III.

Одним из основных и существенных вопросов, на которых останавливалась русская историография в области развития нашей промышленности, вопросов, имеющих не менее крупное значение, чем мало затронутая проблема относительно форм промышленности является вопрос о зарождении нашей крупной промышленности при Петре, относительно тех условий, при которых она возникла и тех результатов, которые получились, а в связи с этим и о дальнейших судьбах ее, о тех фазисах, которые можно подметить в ее развитии. Что представляла собою петровская фабрика (понимая под этим словом вообще капиталистическую промышленность) по отношению к экономической жизни московской Руси, была ли она естественным ее плодом, дальнейшим и успешным развитием ранее зародившихся начал, порождением уже раньше возникшего торгового капитала, который теперь вступил в новую промышленную фазу,—или же эта фабрика явилась искусственным созданием, чуждым русской жизни наростом, а потому и неудачной, недолговечной попыткой? Вопрос этот отчасти находится в связи с общей оценкой реформ Петра I, с взглядом на степень их подготовленности, на отношение между ними и дореформенной Россией, как и Западом того времени, с мнением о силе влияния и глубине действия петровских реформ, а с другой стороны, проблема эта соприкасается с общими построениями хода экономического развития вообще и хозяйственной эволюции России в частности и соотношения между обоими моментами [1]).

Если обратимся к более старым сочинениям, посвященным промышленности петровского времени, то найдем у них положительную оценку деятельности Петра в этой области—она создала крупный переворот в хозяйственной жизни, вывела Россию «из небытия в бытие». Так А. Н. Афанасьев в своей статье «Государственное хозяйство при Петре Великом» утверждает, что до Петра ремесла удовлетворяли одним первым, неизбежным потребностям и поддерживались одним навыком, рутиной, привычкой и наследственностью ремесл в семействах, а не специальным техническим изучением; некоторые из них «мы знали и мало и худо, а другие и совсем не знали». Напротив, при Петре ремесла (под которыми автор разумеет и кустарную промышленность) делают огромные успехи, появляются новые технические познания, создается организация ремесленного класса. Что же касается крупной промышленности, то по мнению Афанасьева, в этой области «Петр является преобразователем, нововводителем и творцом. Почти не встречая до него фабрик и заводов в России (зачатки были и до Петра, но большею частью слабые и безуспешные), мы после него находим двести тридцать три казенных и частных фабрики и завода. Разнообразие предметов новозаведенного мануфактурного производства и это, по времени, значительное число, ясно свидетельствует, как был широк план Петра. Он хотел перенести на русскую почву мануфактурную деятельность в полном и целостном ее об'еме и много успел в этом» [2]).

Равным образом и Семевский указывает на то, что Русь до Петра в продолжении 900-летнего существования почти бездействовала на поприще промышленности вообще и мануфактурной в особенности, тогда как Петр не только учреждает у нас разнообразные фабрики и поддерживает их привилегиями, но и возбуждает дух предприимчивости, стремится обеспечить производство верным и скорым сбытом посредством заграничной торговли [3]).

Сочувственно к деятельности Петра в промышленной области относится и историк С. М. Соловьев и хотя от собственной оценки он воздерживается, но в связи с общим взглядом на реформу Петра, как на великий подвиг, на огромный, всесторонний переворот, сопровождавшийся крупными всемирно-историческими последствиями, и заложивший новые начала во всех сторонах внутренней жизни народа, Соловьев не может не признать влияния этого блестящего подвига и на экономическую жизнь России, на создание ее промышленности [4]).

---

[1]) Семевский, ук. соч. I. стр. 462—63, 478—79.

[2]) Афанасьев. Государственное хозяйство при Петре Великом (Современник. 1847. Кн. VII.).

[3]) М. И. Семевский. Очерк управления мануфактурной промышленностью от Петра I до Екатерины II. Журн. Мин. Нар. Просв. 1859.

[4]) Соловьев. История России. Т. XVIII гл. III.

Однако, подчеркивая заслуги петровской реформы, всю ее широту и размах, и в частности придавая важное значение деятельности Петра в области промышленности, приведенные авторы не задавали себе вопроса, насколько подготовлена была та почва, в которую бросались эти новые семена. Впервые поставил этот вопрос Корсак в своей замечательной книге «О формах промышленности», и пришел к отрицательному выводу. «Самое важное условие для развития фабричной промышленности в стране—говорит он—есть подготовка значительной части населения в роли искусных и дешевых работников... Россия в эпоху Петра находилась в положении, далеко неблагоприятном для введения в ней фабричного или мануфактурного способа производства. Петр между тем хотел перенести на русскую неподготовленную почву мануфактурную деятельность в полном и целостном ее об'еме. Он разом захотел ввести у нас почти все отрасли промышленности, существовавшие в то время на Западе. В одно и то же время нужно было и подготовить работников, и основывать фабрики, и открывать сбыт для их произведений. Средства, которые избрал Петр для исполнения своих планов, заключались большею частью в тех мерах и той регламентации, которые были произведением меркантилизма на Западе» [1]).

Корсак находит, что «самый прямой и естественный переход к фабричной и мануфактурной форме производства должен бы состоять в соответственной организации тех местных и наиболее распространенных промыслов, изделия которых прежде имели довольно обширный сбыт... Вместо того, чтобы простых сельских ремесленников, которые до сих пор работали на продажу в свободное время самостоятельно, делать фабричными работниками, было бы гораздо лучше сделать их самих фабричными предпринимателями,—и вместо того, чтобы строить на счет казны фабрики и отдавать их потом купцам и помещикам, не лучше ли было бы отдавать их целым местностям, которые были заняты тем же промыслом при помощи домашних простых орудий... Новая форма промышленности была решительно противоположна всем народным привычкам и формам жизни» [2]).

Эта мысль—что Петр направил развитие нашей промышленности по ложному пути, придал ей искусственный характер насаждением крупного производства, повторялась затем многократно. Ярким выразителем ее, хотя и в несколько видоизменной форме, является П. Н. Милюков. Он касается этого вопроса уже в своем «Государственном хозяйстве в России в первой четверти XVIII ст.» В необходимости целей,—читаем здесь—в которой сомневались современники Петра, было бы теперь поздно и бесполезно сомневаться; относительно своевременности их постановки могут быть, к сожалению, два ответа, смотря по тому, будем ли мы их рассматривать по отношению к внутреннему или внешнему положению России. По отношению к внешнему положению России своевременность постановки этих целей доказывается уже их успешным достижением... По отношению к внутреннему положению ответ на вопрос должен быть отрицательный. Новые задачи внешней политики свалились на русское население в такой момент, когда оно не обладало еще достаточными средствами для их выполнения. Политический рост государства опять опередил его экономическое развитие... Ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы» [3]).

Указывая на то, что на Западе «домашняя форма промышленности мало-по-малу превратилась в чисто-капиталистические формы», в другом своем сочинении тот же автор противопоставляет Западу Россию, где «мануфактура и фабрика не успела развиться органически, из домашнего производства, под влиянием роста внутренних потребностей населения», а «создана была впервые правительством, которое руководилось при этом как своими нуждами (напр., в сукнах для армии), так и теоретическими соображениями о необходимости развития национальной промышленности... Старинные русские кустари при этом были забыты и новая форма производства перенесена с Запада готовою. В стране без капиталов, без рабочих, без предпринимателей и без покупателей эта форма могла держаться только искусственными средствами и привилась лишь благодаря продолжительному и усиленному покровительству. Рабочие даны были фабрикантам даровые в лице приписанных к заводам крепостных (т наз. поссессионных крестьян), покупатели даны были обязательные, так как фабрики получили монополию на производство, а однородные иностранные продукты были обложены тяжелыми ввозными пошлинами». И результат все же получился слабый. При поверке в 1730 г. многие фабриканты оказались «подложными», а в 1744 г. «за неразмножением фабрик и за худым мастерством сделанных на тех фабриках товаров» закрыты были 44 фабрики; не мало предприятий закрылись

---

[1]) Корсак. О формах промышленности. 1860. стр. 124 сл.
[2]) Корсак, там же, стр. 128 сл.
[3]) Милюков. Государственное хозяйство в России в первой четв. XVIII ст. и реформа Петра Великого. 1892. Стр. 735.

и сами собой. В результате «в списке 300 важнейших фабрик, существовавших в 1780 году, мы находим только 22 уцелевших от петровских времен; между тем общее количество фабрик и заводов, открытых при Петре, доходило до сотни» [1]).

Однако тот же автор признает, что позже «с воцарением Екатерины II русская промышленность поднялась на высшую степень развития. Екатерина покончила с системой личных монополий и очень последовательно проводила систему свободной внутренней конкуренции. Правительство перестало смотреть на занятия фабрикой как на своего рода службу». Правда «и для екатерининской фабрики вольнонаемный труд еще слишком дорог и потому лишь постепенно и медленно начинает входить в употребление», но все же появляется фабрикант-доброволец, находивший выгодным не только работать крепостным трудом, но и приглашать со стороны все в большем количестве вольнонаемных рабочих. «Только в 1809 году впервые разрешено было условно суконным фабрикантам работать на посторонних покупателей, и только в следующем десятилетии предложение сукон начало превышать размер спроса на них со стороны правительства». Но в то же время «народное потребление развивалось в XVIII веке, параллельно с ростом государственных потребностей» и «русская фабрика уже ко времени Екатерины стала отвечать действительным потребностям русского населения.» [2]).

«Новый тип вполне капиталистической фабрики—продолжает П. Н. Милюков—развивается лишь в XIX ст., постепенно вытесняя петровский тип поссессионной фабрики с принудительным трудом приписанных к ней рабочих и екатерининский тип—помещичьей фабрики с переведенными на нее крепостными крестьянами». С 40-х годов «наемный труд окончательно восторжествовал даже в излюбленных некогда казной производствах, в других отраслях вольнонаемные рабочие и раньше постепенно вытесняли крепостных... Тем не менее, собственно капиталистический тип фабрики развивался на смену поссессионному и крепостному типу лишь при сильнейшей правительственной поддержке» [3]).

Против этих взглядов решительно выступил М. И. Туган-Барановский в своем труде о «Русской фабрике», дающем яркую картину промышленного развития, хотя и вызывающем различные возражения. Постановка у него вопроса о зарождении русской крупной промышленности и рабочего класса и последующем ходе их развития означает дальнейшее углубление проблемы.

М. И. Туган-Барановский исходит из того факта, что «Петру несомненно удалось вызвать у нас крупное производство»—это подтверждается количеством и размерами возникших при Петре фабрик; о дальнейшей их судьбе, о «подложных» фабриках он не упоминает. Возвращаясь таким образом к старому, приведенному выше, взгляду об огромном значении деятельности Петра в области создания нашей промышленности, Туган-Барановский однако, в отличие от указанного направления, не ограничивается констатированием факта, а старается показать, что «случайные личные воззрения Петра и его преемников» отнюдь не играли решающей роли в истории нашей промышленности. Он пытается установить, что хотя в «допетровской Руси не существовало промышленного капитализма, но был вполне развит торговый капитализм. Концентрация торгового капитала, наблюдавшаяся в до-петровской Руси, была вызвана не правительственным мероприятиями, а естественной эволюцией торговли, преимуществами крупной торговли, перед мелкой». Дело в том, что ничего не может быть ошибочнее представления о Московской Руси, как о государстве исключительно земледельческом, почти не имевшем торговли. Наоборот, всех иностранцев, приезжавших в XVII веке в Москву, поражало развитие торговли в этом городе и вообще склонность русских к торговле. Мало того, торговый капитал успел к этому времени проникнуть и в область промышленности. «Уже в XVII веке кустарь был в руках торговца, владевшего рынком», «торговец являлся необходимым посредником между производителем (в огромном большинстве случаев деревенским кустарем) и потребителем» [4]).

«Этот-то торговый капитал—по мнению М. И. Туган-Барановского—и явился базисом, на котором основалось крупное производство в эпоху Петра». Но «торговец отнюдь не обнаруживал наклонности делаться самостоятельным предпринимателем и обращать своего поставщика-кустаря в наемного рабочего, работающего в мастерской хозяина». Перемена произошла лишь благодаря тому, что на сцену выступил новый фактор—государство. Последнее нуждалось в целом ряде предметов вооружения, обмундирования и т. д., и самые крупные фабрики и заводы, оружейные, пушечные, литейные заводы, суконные, парусно-полотняные, писче-

---

[1]) Милюков. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. 6 изд. 1909, стр. 85—87.
[2]) Там-же, стр 87, 89, 97.
[3]) Милюков. стр. 90.
[4]) Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. I. 3 изд. 1907. стр. 2, 11.

бумажные фабрики—поставляли свои изделия исключительно или главным образом в казну. «Поэтому-то те заводы и фабрики, которые Петр признавал особенно нужными, устраивались самой казной и затем передавались частным лицам. В других случаях казна ссужала значительные капиталы без процентов, снабжала инструментами и рабочими частных лиц, устраивавших фабрики на свой собственный страх и риск» и т. д. При этом автор подчеркивает, однако, то обстоятельство, что «значительная и большая часть петровских фабрик, устраивавшихся частными лицами, обходилась без денежной помощи со стороны казны», и «даже в том случае, когда фабриканты получали денежные и иные пособия от казны (фабричные строения, материалы, мастеровых и проч.), им самим приходилось приплачивать крупные суммы на ведение фабрики». Поэтому-то значительно большая часть фабрикантов петровской эпохи была из торгового сословия, это были «старинные московские капиталисты-купцы». «Итак—заключает он — хотя без мер, принятых Петром, крупное производство не имело никаких шансов развиться в тогдашней России, эти меры имели успех лишь вследствие подготовленности русской экономической почвы к новым формам промышленности». Да и самая промышленная политика Петра совершенно не была случайна, диктовалась экономической необходимостью. Промышленное производство России по западно-европейскому образцу было так же необходимо, как и переустройство ее армии на европейский лад. Для того, чтобы успешно вести войну, требовались не только обученные солдаты, но также и пушки, ядра, порох, оружие, солдатское сукно, полотно» и т. д. Наконец,—это автор считает необходимым подчеркнуть,—если «крупное производство возникло в России под непосредственным влиянием правительства», то это вовсе не является чем-либо характерным именно для русской промышленности, ибо «не существует ни одной страны в мире, на Западе или на Востоке все равно, где капитализм развился бы без деятельной поддержки правительства». Об «искусственности» русского капитализма таким образом говорить не приходится [1]).

Установив таким образом, что уже в Московской Руси существовал торговый капитал, который успел подчинить себе и кустарную промышленность и что этот торговый капитал создал и крупную промышленность при Петре, хотя и под давлением правительства и для удовлетворения потребностей казны, как это было впрочем и на Западе,—Туган-Барановский, однако, в дальнейшем делает существенную оговорку. «Тем не менее—говорит он—Петр не может считаться насадителем капиталистического производства в России по той простой причине, что вызванная им крупная промышленность не была капиталистической. Социальное и экономическое положение тогдашней России было таково, что капиталистическое (т.-е. основанное на наемном труде) производство у нас было невозможно. Для последнего в России не хватало самого главного—класса свободных рабочих». Отсюда приказ Петра 1721 г., на основании которого на «купецких людей» распространено право покупать к фабрикам и заводам населенные деревни «под такою кондицией, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно»; отсюда, на ряду с пользованием таким крепостным трудом приписанных к заводу крестьян (впоследствии именуемых «посессионными»), низкая производительность которых возмещалась усиленной эксплоатацией, появляется закрепощение свободных мастеров, работающих на фабриках, и превращение последней в «рабочий дом, в котором порядок поддерживался суровой дисциплиной». Лишь в 1753 г. право фабрикантов не-дворян покупать к фабрике рабочих было ограничено определенным максимумом, а в 1762 г. совсем отнято; последствием этого было изменение состава фабрикантского класса: в то время, как в среде петровских фабрикантов дворяне почти отсутствовали, при Екатерине II их имелось уже много, причем дворянские фабрики отличались крупными размерами [2]).

Поощрение правительством крупной промышленности путем привлечения иностранных капиталистов и рабочих, выдача ссуд фабрикантам и разного рода привилегии продолжались и при Екатерине II, да и главным потребителем изделий крупного производства оставалось государство, на которое работали и суконные предприятия, и горные заводы. К концу царствования Екатерины правительственная опека над частной фабрикой ослабела,—в этом отношении М. И. Туган-Барановский сходится с П. Н. Милюковым,—система монополий и исключительных привилегий не применяется более, появляются и фабрики с вольнонаемным трудом, причем и развитие промышленности с этого времени идет быстрее. «Фабрика, которая в начале была таким же чуждым (хотя и необходимым) элементом нашего хозяйственного строя—признается автор—как были чужды московскому политическому строю новые административные формы, созданные Петром, постепенно органически срастается с этим строем». Сравнивая далее XVIII ст. и первую половину XIX в., М. И. Туган-Барановский приходит к тому выводу, что во вторую

---

[1]) Туган-Барановский. Стр. 4-8-17.
[2]) Там-же, стр. 20 и сл. 30—31.

эпоху «промышленность решительно перерастает государственный спрос», те отрасли производства, в которых крепостной труд продолжает господствовать, перестают развиваться»—крепостной труд оказывается несовместным с новыми требованиями техники, с машинным производством, становится решительным тормазом промышленного развития [1]). Напротив, успешный рост обнаруживает новая отрасль производства, — хлопчатобумажная, которая развивается при совершенно иных условиях.

Автор подробно останавливается на возникновении и развитии русской хлопчато-бумажной промышленности, причем он проводит параллель между ней и прочими отраслями текстильной индустрии, аналогичную той, которую мы находим в отношении хлопчато-бумажной и шерстяной промышленности Англии в «Крупном производстве» Шульце-Геверница. Последний, как известно, выяснил тот весьма важный факт, что отраслью английской промышленности, приобревшей мировое значение и положившей основу всему экономическому могуществу Англии, явилась не искони существовавшая и пользовавшаяся всевозможным покровительством правительства шерстяная промышленность, строго регламентированная и имевшая цеховую организацию, а хлопчато-бумажная промышленность, которая впервые зародилась в Англии в XVIII веке и не только не пользовалась защитой государства, а напротив, подвергалась первоначально гонениям, ввиду того, что она наносила ущерб старинной и столь важной шерстяной промышленности. Но именно это то отсутствие защиты заставило предоставленную своим собственным силам хлопчато-бумажную промышленность напрягать все усилия к завоеванию рынка—она не могла почивать на лаврах, подобно суконной промышленности, вполне обеспеченной во всем государством; ради сокращения издержек производства ей пришлось перейти к машинной технике, применить новейшие усовершенствования, и это то создало ей первое место среди английской индустрии, дало ей возможность—ибо нигде в мире машины еще не применялись—захватить всюду рынки в свои руки [2]).

Подобным же образом и у нас эта отрасль производства успешно развилась без помощи правительства, причем однако в России, в отличие от Англии и других западно-европейских государств, раньше всего получила развитие «завершительная операция хлопчато-бумажного производства—ситцепечатание (ручная набойка), затем бумажное ткачество и только значительно позже бумагопрядение. Но существенно то, что к «бумаготкацким фабрикам не приписывались крестьяне, им не давалось казенных строений и земельных участков, они почти не пользовались ссудами от правительства. Правительство не признавало нужным заботиться о развитии хлопчато-бумажной промышленности так усиленно, как оно заботилось о развитии суконного, парусного и кожевенного производств по той простой причине, что в бумажных тканях военное министерство не нуждалось». За 50 лет (1812-15 г. по 1856-60 г.) «количество перерабатываемого в России хлопка возросло более, чем в 50 раз», а в тоже время, «быстрый рост хлопчато-бумажной промышленности у нас, как и в других странах, вызвал тяжелый кризис в области обработки льна и пеньки», суконное же производство, излюбленное детище нашего правительства, стало успешно развиваться лишь после того, как оно было освобождено от правительственной регламентации и обязанным суконным фабрикам было предоставлено право сбывать сукна на вольный рынок. Точно также и в чугунно-плавильном производстве получился полный застой, ибо правительство, признавая его необходимым для целей государства, щедро наделяло заводчиков даровыми рабочими руками—причиной отсталости была система принудительного труда [1]). В дальнейшем М. И. Туган-Барановский приводит целый ряд данных, из которых видно, что постепенная замена вотчинных и поссессионных рабочих вольнонаемными в течение первой половины XIX ст. и в результате полная отмена крепостного права, которое «стало действовать угнетающим образом на общее экономическое и в частности промышленное развитие страны», являлось экономической необходимостью.

Из затронутых М. И. Туган-Барановским многочисленных вопросов, относящихся к истории промышленности и рабочего класса в России, наибольшее внимание обратила на себя первая указанная нами проблема об условиях возникновения крупной промышленности. Различие точек зрения П. Н. Милюкова и М. И. Туган-Барановского вызвало полемику между обоими авторами, в которой приняли участие и другие. К мнению первого примкнул, например, В. А. Мякотин, на точке зрения второго стоял П. Б. Струве. Все они признавали, что в противоположность «непрочности фабричного производства в первое время после Петра», совершается «его постепенная акклиматизация» в России со времени Екатерины» и «об искусственности капитализма в России вообще» никто из них не говорил. Весь спор сводился к условиям зарождения крупной промышленности в первой половине XVIII ст. В. А. Мякотин находит, что факт существования тор-

---

[1]) Там-же, стр. 34-35, 44-45, 50-51, 59-60, 82, 89, 91.
[2]) Schulze-Gävernitz. Der Grossbetrieb, 1891.

гового капитала в московском государстве общеизвестен, но одного этого факта, пожалуй, еще недостаточно, чтобы признать петровскую фабрику порождением именно этого капитала. Необходимо ранее установить, какие именно причины побудили представителей торгового капитала, перейти к организации крупной промышленности, заключались ли эти причины в условиях самого экономического процесса и далее необходимо выяснить, «достаточны ли были силы торгового капитала для задачи создания крупного производства». На оба эти вопроса дается ответ отрицательный [1]).

Наоборот, П. Б. Струве утверждает, что у нас для создания капиталистической промышленности имелись на-лицо особо благоприятные условия, более выгодные, чем на Западе, ибо в то время, как там «промышленный капитал столкнулся с ремеслом,—самостоятельным производством на заказ, для известного потребителя, с созданными ремеслом традициями и учреждениями, словом с целым ремесленным строем», в России капитализм не встретил никаких, «антикапиталистических традиций и учреждений», а нашел здесь кустарную промышленность, которая «поскольку она имела для населения серьезное экономическое значение и не сводилась к примитивной обработке малоценного или дарового сырья, всегда была plus ou moins капиталистической формой», ибо «как производство на широкий и неопределенный рынок, кустарная промышленность не только не стоит—подобно ремеслу в антагонизме с капитализмом, а наоборот, является предестинированным и расчищенным самой историей полем приложения капитала» [2]).

П. Н. Милюков отвечает на это, что «ни ремесленный строй (Запада) не находился в таком антагонизме с капиталом, ни русская кустарная промышленность не представляла такого тождества с развитым капитализмом», как утверждает П. Струве, но в то же время он указывает на то, что весь вопрос заключается в том, действительно ли «уже до Петра торговый капитал превратил домашнее производство в капиталистическое и петровская фабрика так или иначе воспользовалась этими уже выработанными предыдущим экономическим развитием формами». И прибавляет: «существование подобного подготовительного процесса я и теперь считаю возможным и вероятным; но доказать, что он существовал при недостатке сохранившегося и приведенного в известность материала, было бы очень трудно» [3]).

Здесь мы имеем пред собой, таким образом, проблему первостепенной важности, которая может быть освещена лишь на основании новых архивных данных: изучение истории крестьянских промыслов и деятельности торгового класса в эпоху XVII столетия, отчасти и характера городского производства в этот период может и должно дать возможность выяснить спорный вопрос об условиях возникновения нашего капитализма и о той почве, на которой создалась промышленность XVIII ст. и той форме, которую в действительности принимали «фабрики» петровской и екатерининской эпохи.

Мы приводили уже выше некоторые данные о развитии кустарной промышленности в XVII и первой половине XVIII ст. В сочинениях Мещерского и Модзалевского, в трудах по исследованию кустарной промышленности в России начала 80-х г. г., в приведенной выше статье И. В. Соколовского, как и в различных монографиях, посвященных описанию отдельных городов, губерний и уездов в экономическом и статистическом отношении можно найти данные по этому вопросу. М. И. Туган-Барановский также ссылается на различные факты существования скупщиков-капиталистов в Московской Руси и подчеркивает рост кустарного производства в эпоху Екатерины II. При этом он утверждает, что «фабрика XVIII в. выделывала, главным образом, или товары, поставляемые в казну (напр. сукно, полотно, писчая бумага), или предметы потребления высших классов населения, кустари же изготовляли грубые товары, расходившиеся преимущественно среди простого народа», так что «даже если на фабриках и в кустарных заведениях выделывались товары одного и того же рода (напр., на ситцепечатных фабриках и у кустарей-набойщиков), качество фабричных и кустарных изделий было настолько различно, что исключало конкуренцию между ними [4]). Но действительно ли это так? Была ли уже столь велика разница между кустарной и фабричной набойкой, когда и та и другая производились ручным способом при помощи одних и тех же аппаратов и приспособлений? При крайне низкой технике производства, факт, подчеркиваемый неоднократно тем же автором в отношении не только XVIII, но и первой половины XIX ст., могла ли получиться сколько-нибудь значительная разница в изделиях того и другого рода? Сомнение возникает и по поводу других видов изделий, которые, якобы, вообще выделывались одними фабриками, как например, полотно, писчая бумага, будучи изготовляемы для надобностей казны. Ведь здесь речь идет не о тонком полотне, а о

[1]) Мякотин. Попытка общей истории русской фабрики. «Рус. Богатство». 1899. Январь.
[2]) Статьи Струве в «Новом Слове», окт. 1897 г. и в «Мире Божьем». Апрель 1898 г.
[3]) См. предисл. к 4 изд. «Очерков по ист. рус. культ.» 1906.
[4]) Туган-Барановский, стр. 55—56.

солдатском холсте и парусине для кораблей, палаток и т. д. Между тем нам известно широкое распространение прядения и ткачества льна по деревням уже в XVII ст., а в эпоху Екатерины, как указывает Шторх, полотно уже в готовом виде через посредство скупщиков, державших кустарей в полном подчинении, поступало на рынок (что приводит и Туган-Барановский). Мельницы для производства бумаги существовали у нас в качестве мелких предприятий уже в XVII ст. и могли также развиваться и помимо фабричной формы производства. Наконец и выделка таких товаров, как шелковые материи, могла иметь форму кустарной промышленности. Все эти вопросы, конечно, требуют детального архивного изучения, но любопытно, например, то обстоятельство, что вся шелковая промышленность Западной Европы, насажденная в XVII и XVIII ст. во всевозможных странах, и в Лионе, и в Цюрихе, в Пруссии, Австрии — везде, вплоть до начала XIX ст., имела характер кустарного производства; централизованных мануфактур этого рода почти совершенно не было.

Почти одновременно с книгой М. И. Туган-Барановского появились два других сочинения, которые проливают свет на некоторые вопросы из истории промышленности и промышленного труда в России в XVIII ст.—речь идет в обоих случаях о первой половине этого века и притом главным образом о предприятиях, принимавших форму компаний. Мы имеем в виду исследования Н. Н. Фирсова и А. С. Лаппо-Данилевского.

Н. Н. Фирсов указывает на то, что «в Московском государстве к концу XVII века создалась, благодаря своему официальному положению, небольшая, сравнительно, группа значительных по своему капиталистов». Это были «именитые купцы», «гости», «коммерции советники» как их именует Кильбургер, которые были торговыми уполномоченными царя, так как чрез них он главным образом и вел свои торговые дела». Из них правительство первой половины XVIII ст. создает торговые компании, которые заменяли казенный торг, оно «надеялось получить от них более устойчивые выгоды, чем от непосредственного участия казны во внешней торговле». Оно же создает и промышленные компании. Подобно чисто-торговым компаниям, и последние не выросли естественно из туземной промышленности, а были «учреждены» государственной властью, которая, испытывая великую «нужду» и руководствуясь западно-европейскими примерами, как «избывать» эту материальную «нужду», раньше своего торгово-промышленного класса сознала необходимость в крупных промышленных предприятиях, а следовательно, и в их западно-европейской организации» [1]).

Н. Н. Фирсов приводит слова Фоккеродта, что «большая часть фабрик, заведенных Петром Великим с помощью иноземных мастеров, вынуждена была прекратить свое существование за малой доходностью предприятия». Впрочем—прибавляет автор—и «300 фабрик 1780 года одним своим числом пока ровно ничего положительного не доказывают; возможно, что многим из них также, как многим фабрикам 1730 года, было «одно имя». «Тем не менее—подчеркивает он—Петр Великий дал тему для дальнейших правительственных мероприятий в этой области; эта западно-европейская «тема» повторялась в русском законодательстве и эксплоатировалась русской жизнью» и впоследствии, с той, однако, разницей, что при Петре «преобладает серьезный государственный взгляд», тогда как при его приемниках государственные цели «на практике начали сильно эксплоатироваться видными властными деятелями для личных целей. Официальные лица, близкие к правительственной власти, захватывают в свои руки наиболее выгодные промыслы—они образуют компании для эксплоатации рыболовных, китоловных, звериных промыслов, горных заводов, становятся «содержателями» этих казенных предприятий—как именуется в источниках—и эти компании затмевают собою даже самые крупные купеческие товарищества. При этом «с каждым новым правительством на место преж их влиятельных людей вставали новые, желавшие, подобно своим предшественникам, при помощи связей, приобрести себе экономические блага на законном основании». Н. Н. Фирсов подробно излагает авантюру иностранного барона Шемберга, который при содействии Бирона, вызвавшего его из Саксонии, добыл себе привилегию на Благодатские горные заводы и на земли в Лапландии и по Белому морю для рыбных промыслов и для торговли; при этом он сам состоял генерал-берг-директором и стоял во главе берг-коллегии, в ведении которой находились горные заводы, так что производил надзор над самим собою. С падением Бирона и ему пришлось отказаться от своих выгодных операций и покинуть Россию, причем обязательств своих по отношению к казне он не выполнил. Его сменил с еще более обширными планами и еще более широкими привилегиями подвизавшийся при Елизавете Петровне гр. Шувалов, который образовал компанию с различными иностранными капиталистами и в интересах этого товарищества—как выяснил автор — добился уничтожения внутренних таможен в пределах Великороссии» [2]).

---

[1]) Фирсов. Русские торгово-промышлен. компании в 1-ую пол. XVIII ст. 1896, стр. 2, 14, 36, 55.

[2]) Фирсов. там-же.

Больше указаний по интересующему нас вопросу дает, однако, другое сочинение на ту же тему о торгово-промышленных компаниях первой половины XVIII ст., принадлежащее перу А. С. Лаппо-Данилевского. И он обращает внимание на образование класса капиталистов в Московском государстве: «гости получали от казны товары на комиссию, для чего, вероятно, и плодили царские монополии», и наживали капиталы и затем пускали их в оборот, покупая лучшие товары от иностранцев, утаивавших их от казны, или же отдавая их под проценты. В этот период и сложился класс самостоятельных «купецких людей», из которых правительство в начале XVIII ст. стало набирать компанейщиков. Однако—подчеркивает автор—«члены компаний далеко не всегда отличались состоятельностью, да и самое образование их, по признанию современников, вызвано было между прочим, редкостью крупных капиталов; принимая сравнительно небольшие вклады (сумму в 3—4 тыс. руб. считали уже значительною), компании превратились в складчины, отчасти восполнявшие недостаток в таких капиталах». Вообще говоря, в капиталах чувствовалось сильная нужда. В противоположность М. И. Туган-Барановскому, А. С. Лаппо-Данилевский находит, что компании без правительственных субсидий возникать не могли—одна из них жалуется на недостаток сырья, другая на невозможность привлечь людей со средствами; в 1744 г. при осмотре фабрик ассесором Меженинovым оказалось, что некоторые из них прекратили свою деятельность «за неимением капитала». В виду этого, казне приходилось выдавать и даровые материалы, и инструменты, и в особенности денежные суммы, которые нередко достигали значительных размеров, так что «казна превратилась в банкира, ссужавшего предпринимателей более или менее крупными капиталами» [1]). Но и это еще не обеспечивало их, ибо опытных русских мастеров не было, а иностранцев не легко было добыть и трудно было ладить с ними, да и изделия выделывались низкого качества и нередко не находили себе сбыта. «Плачевное состояние многих фабрик не подлежит сомнению» [2]).

А. С. Лаппо-Данилевский не соглашается с М. И. Туган-Барановским и по вопросу о характере нашего крупного производства XVIII ст.: нельзя утверждать, что оно было исключительно крепостным, а не капиталистическим. К середине столетия «наряду с крепостными контингент вольнонаемных рабочих постепенно увеличился». По данным начала 1760 годов из почти 38 тыс. рабочих и мастеровых на всех фабриках, состоявших в ведомстве мануфактур-коллегии насчитывалось около 14 тыс. казенных и приписных по ревизиям, около $11^1/_2$ тыс. собственных и купленных и около $12^1/_2$ тыс. вольных и наемных, так что последняя группа вскоре после издания указа 1762 г. составляла уже третью часть всех рабочих [3]).

Из вышедших в последние два десятилетия сочинений мы можем назвать лишь общие курсы по русской истории, но они в сущности никаких новых положений в интересующей нас области не выдвигают. Так В. О. Ключевский изображает общий характер реформы Петра, указывая на то, что он «взял из старой Руси силы, верховную власть, право, сословия, а у Запада заимствовал технические средства для устройства армии, флота, государственного и народного хозяйства, правительственных учреждений», и все же произвел «коренной переворот», или «скорее потрясение»; «оно было революцией не по своим целям и результатам, а только по своим приемам и по впечатлению, какое произвела на умы и нервы современников [4]).

Что касается промышленности, то для развития ее Петр применял два средства, «льготы и принуждение». «Фабрика и завод при Петре являются преемниками древне-русского монастыря: подобно последнему, они получают значение нравственно-исправительных учреждений». «На смену старого боярства теперь рядом с вельможами табели о рангах становилась знать ткацкого станка и чугунно-плавильной печи». Он ведь «дал мужику-капиталисту дворянскую привилегию, право владеть землей с крепостным населением» [5]).

Но каковы были результаты в экономическом отношении? «Мысль, смутно мелькавшая в лучших умах XVII ст. о необходимости предварительно поднять производительность народного труда, направив его с помощью технического знания на разработку нетронутых естественных богатств страны, чтобы дать ему возможность нести усиленные государственные тягости,—эта мысль была усвоена и проводилась Петром, как никогда ни прежде, ни после него: здесь он стоит одиноко в нашей истории... Он внес в народно-хозяйственный оборот такое количество нового производительного труда, которое трудно взвесить и оценить. Но осязательные признаки этого обогащения обнаружились не в под'еме общего уровня народного благосостояния,

---

[1]) Лаппо-Данилевский. Рус. промышленные и торговые компании в перв. пол. XVIII ст. 1899 г., стр. 11—13, 29 и сл. 33 и сл. 37 и сл. 41.
[2]) Там-же стр. 64 и сл.
[3]) Там-же, стр. 64 и сл.
[4]) Ключевский. Курс русской истории. Ч. IV. 1916. Стр. 285—292.
[5]) Там-же, стр. 152—53.

а в ведомостях казенного дохода... В широких народно-хозяйственных замыслах Петра—основная мысль его реформы, неудачей этих замыслов обозначился ход этой реформы, в финансовых успехах выразился главный результат ее» [1]).

Н. А. Рожков в своем кратком очерке экономической истории России («Город и деревня») указывает на то, что с половины XVI ст. в Московской Руси система натурального хозяйства «стала подтачиваться и разрушаться»—обнаружилось «широкое развитие внешних меновых сношений», но «еще большее значение в этом отношении принадлежало торговле внутренней», «Москва представляла собой в то отдаленное время такой же туго завязанной узел гужевых путей сообщения, каким она является в наше время в отношении железных дорог». В XVIII ст. развивается фабрика и на-ряду с ней товарно-кустарное производство: в конце царствования Петра было 233 фабрики, в 1762 г.—984, в 1796 г.—3.161. Однако наиболее быстро развитие фабрики совершалось в первой половине XIX ст., причем принудительный труд оказывался мало производительным, вследствие чего основанные на кустарном труде дворянские фабрики составляли в 30-х годах уже только 15 проц. общего числа фабрик, в 40-х годах всего 5 проц., а после издания закона 1840 г., закона, по которому фабриканты получили право освобождать своих поссессионных рабочих за деньги или бесплатно более половины поссессионных фабрик очень скоро перешли к вольнонаемному труду. А это «вызывая усиленный спрос на свободных рабочих, неизбежно выдвигало вопрос о необходимости освободить крестьянское население от крепостной зависимости» [2]).

На роли торгового капитала и торгового класса, который он называет зачатком крупной буржуазии, останавливается и М. Н. Покровский, указывая на то, что «ни при одном перевороте в Москве, в XVI—XVII веках, и даже ранее, дело не обходится без участия буржуазии», во главе движения мы всегда встречаем «гостей», откупщиков и тому подобных представителей торгового капитала. У современника Петра Посошкова «уже намечается тот пункт, где торговый капитализм переходит в промышленный, «без купечества — читаем у Посошкова—никакое не только великое, но и малое царство стоять не может; купечество и воинству товарищ: воинство воюет, а купечество помогает». Только—прибавляет М. Н. Покровский—параллель Посошкова можно бы перевернуть: «в петровской политике роль души приходилась на долю купечества, а воинство было телом, той материальной силой, которая «уготовляла потребности» торговому капиталу [3]).

В дальнейшем автор показывает, как при Петре происходят «поиски суррогатов свободного рабочего» и в распоряжение фабрикантов отдаются арестанты обоего пола, бродяги, нищие, проститутки и наконец, «солдатские, матросские и разных других служилых людей жены» и как затем обращаются к прямому пути, к крепостным крестьянам, ибо «готовый источник несвободной рабочей силы был под руками». Он изображает появление дворянских фабрик и развитие двух покоившихся всецело на принудительном труде отраслей производства — винокурения и уральских горных заводов [4]).

IV.

Мы ограничиваемся, за недостатком места, этими немногими сочинениями, посвященными истории промышленности или затрагивающими вопросы развития последней. Мы не упоминаем о старых работах Кириллова, Чулкова, Шторха, Семенова, Германа [5]), ибо во всех этих сочинениях имеется в сущности лишь сырой материал, хотя несомненно весьма ценный, но не приведенный в стройную систему и выражающийся не столько в данных действительной жизни, сколько в различных усердно собранных законодательных актах. Разбору последних посвящена и книга Нисселовича по истории фабрично-заводского законодательства России [6]). Мы не останавливаемся, наконец, и на исследованиях иностранных авторов, посвященных развитию русской промышленности, как напр. Ордега, Штида, Витчевского Шульце-Генерница и др. [7]).

---

[1]) Ключевский, IV, стр. 284—85.

[2]) Рожков. Город и деревня в русской истории. 1913. Стр. 51—52, 78, 97—98.

[3]) Покровский. Очерк истории русской культуры. Ч. I. Изд. 2-ое. 1917 г., стр. 104, сл. 111 сл.

[4]) Там-же. стр. 128 сл.

[5]) Кириллов. Цветущее состояние Всероссийск. государства. 1831.—Чулков. Историческ. описание российской коммерции.

[6]) Нисселович. История фабрично-заводского законодат. Российск. Империи. 1883.

[7]) Ordega. Die Gewerbpolitik Russlands von Peter I bis Katharina II. 1885. Schulze-Gävernitz. Volkswirtsch. Studien aus Russland. 1899. (Рус. пер.: Крупное производство в России). Wittschewsky. Russland Handels-Zoll: und Industriepolitik. 1905.

Во всяком случае, уже из приведенного можно усмотреть, что в русской историографии выдвинут ряд существенных вопросов по истории промышленности и промышленного труда и на них дан определенный ответ, который затем повторяется довольно однообразно у самых различных авторов. Такова и мысл о значительном развитии торгового капитала в Московской Руси, о созданной на почве последнего петровской фабрике, первоначально чуждой русской жизни, но постепенно входящей в нее в качестве необходимого элемента, о необходимости применения несвободного труда, о постепенном переходе к вольнонаемному труду, в виду обнаруживающейся невыгодности крепостного труда, и об отмене в связи с этим крепостного права. Указывается и на успешное развитие на ряду с фабрикой и кустарного производства в XVIII ст. и первой половине XIX ст., на рост последнего под влиянием первой.

Другие моменты однако, в виду гораздо меньшей их выясненности, еще не вошли в обиход науки. Недостаточно освещен вопрос о роли торгового капитала в созданной Петром промышленности—действительно ли петровская фабрика была исключительно купеческой и действительно ли казенные пособия, получаемые предпринимателями, были незначительны и они обходились собственными капиталами; только архивный материал может дать на это удовлетворительный ответ, так же как лишь при помощи последнего мы в состоянии будем выяснить, в какой мере промышленность XVIII ст. была капиталистической, т. е. покоилась на вольнонаемном, а не на принудительном труде и какое влияние крепостной труд и чрезмерная опека правительства оказали на развитие отдельных отраслей промышленности в первой половине XIX ст.; и этот последний вопрос только поставлен, но отнюдь не разрешен.

Если утверждение П. Б. Струве, что капитализм нашел в России гораздо более подготовленную почву, чем на Западе, является не более, как софизмом, ибо, как известно, и до эпохи меркантилизма в западно-европейских государствах существовала домашняя промышленность и цеховая организация вовсе не была равнозначуща ремесленной форме производства,—то, с другой стороны, нельзя усматривать несвоевременности создания у нас крупной промышленности в том, что для этого необходимы были усилия со стороны правительства и что эта новая промышленность работала для армии или для высших классов населения. Вся крупная промышленность Запада, возникшая в XVII — XVIII ст. носила такой же характер производства предметов вооружения или обмундирования армии или изготовления предметов роскоши для двора и придворных кругов [1]), вся она создавалась при помощи «искусственных» мер, вроде выдачи денежных пособий, беспроцентных ссуд, исключительных привиллегий, освобождения от налогов, вызова иностранцев для насаждения новых отраслей производства, установления высоких запретительных пошлин на изготовляемые в стране товары. Последние две меры практиковались даже в Англии, хотя других она не применяла, в особенности деньгами не снабжала предпринимателей, ибо у них имелись достаточные собственные капиталы. Но Кольберг во Франции вынужден был это делать, Фридриху Великому и Марии-Терезии создание новых производств стоило огромных сумм—мы находим длинные списки лиц, получавших пособия на создание и расширение производства [2]).

И при всем том успех был и там не больше, чем у нас при Петре или Екатерине II. Вся с таким трудом созданная Фридрихом Великим шелковая промышленность к концу его царствования почти совершенно погибла, так же как индустрия, насажденная им во вновь приобретенной Силезии, являлась мертворожденной и сообщаемые ему в донесениях цифры относительно числа предприятий и рабочих имелись лишь на бумаге, но отнюдь не в действительной жизни. Столь же медленно и плохо прививалась и новая крупная промышленность в Австрии в XVIII ст. И все же, как и у нас, эти первые, хотя и нередко неудачные, шаги положили основу для будущего развития капитализма.

И даже пользование принудительным трудом не свойственно одной лишь России. В Австрии напр. мы находим большое количество предприятий, применявших труд собственных крепостных крестьян—текстильная промышленность в деревнях в значительной мере покоилась на таком несвободном труде. А кроме того, тот труд арестантов, преступников, бродяг, сидельцев работных домов, наконец сирот из приютов, о котором у нас упоминается в различных законодательных актах, был широко распространен во всех западно-европейских государствах. Тюрьмы не даром именовались «прядильными домами», они превращались в построенные на коммерческих основаниях и сдаваемые промышленникам в аренду предприятия. Нищих и бродяг повсюду ловили и сажали в работные дома, чтобы таким путем создавать новую крупную про-

---

[1]) См., напр., Sombart. Krieg und Kapitalismus. 1912. Его же. Luxus und Kapitalismus. 1912.
[2]) См. напр. Beer. Oesterreichs Volkswirtschaft unter Maria-Theresia. 1897. Hintze-Schmoller. Gesch. der preuss. Seidenindustrie im 18. Jahrh. (Acta Borussica, изд. Берлинской акад. наук).

мышленность. Те приходские ученики, ужасную эксплоатацию которых мы находим в Англии в начале машинной эры и в защиту которых был издан первый фабричный закон 1802 г., и задолго до того применялись в кустарных мастерских и мануфактурах. Вообще, поскольку мы находим в XVII—XVIII ст. в Западной Европе централизованные мануфактуры, они в значительной мере работали при помощи принудительного труда, хотя конечно были и такие, которые пользовались частью или всецело свободными рабочими [1]).

Вопрос о характере применяемого на русских фабриках труда подробно рассмотрен В. И. Семевским, сочинение которого о «Крестьянах в царствование Екатерины II-ой» содержит особый отдел о поссессионных крестьянах. Он указывает на существенное различие между заводами владельческими, на которых работали крестьяне, принадлежавшие на праве собственности помещику, его крепостные, и заводами поссессионными, рабочие которых не составляли полной собственности владельца, а были прикреплены к самому заводу, почему их нельзя было продавать, а можно было лишь переукреплять вместе с заводом, и то не иначе, как без раздробления и с разрешения соответствующих учреждений. Сами владельцы назывались только «содержателями» заводов.

Для всех таких разрядов заводского населения в XIX в. было найдено общее название (раньше его не было) «поссессионных» мастеровых и крестьян. В. И. Семевский подразделяет их на несколько групп. Во-1-х сюда относятся казенные мастеровые, отданные заводчикам вместе с казенными заводами, к которым они были приписаны. Положение этих мастеровых нередко с передачей заводов частным лицам значительно ухудшалось и заводчики, применявшие и труд собственных крепостных, не проводили различия между теми и другими, заставляли их выполнять работы, которых они ранее не производили, сдавали в рекруты, подвергали тяжелым наказаниям. Такое понижение казенных мастеровых на уровень крепостных вызывало среди них нередко волнения и отчаянную борьбу за свои права; но не легко было им добиться признания своих прав, ибо и государственные органы, которые, казалось бы, должны были разбираться в различиях между категориями заводских рабочих, как напр. мануфактур-коллегия, рассматривали казенных мастеровых «равно яко крепостных» и никаких особых прав за ним не признавали [2]). Вторую группу поссессионных крестьян составляли крестьяне, купленные к фабрикам, что практиковалось в течение 40 лет со времени известного указа Петра I 1721 г. до отмены его Петром III; только Павел вновь разрешил такую покупку; в 1816 г. она была совершенно запрещена (кроме горных заводов). Крестьяне покупались к фабрикам, главным образом купечеством, которое, вообще говоря, не могло владеть крепостными, но покупали и дворяне, причем, однако, деревни, купленные последними к фабрикам, в отличие от остальных их имений, принадлежали им не на полном, а на ограниченном праве собственности [3]).

Наконец третья категория поссессионных мастеровых состояла из тех самых элементов, пользование трудом которых, как мы указали, было широко распространено и в Западной Европе. Сюда относились беглые, далее свободные гулящие люди и «непомнящие родства»—из тех и других вербовались «вечно отданные» к фабрикам. Сюда же входили незаконнорожденные, «зазорные дети», как они именовались, заштатные церковники и солдатские дети. Кроме вечной отдачи—со времени Петра III она прекратилась—была и временная, хотя обычно и временно отданные навсегда оставались при фабрике. На фабрики отсылались женщины, виновные в различных преступлениях, публичные женщины, нищие—«бедные и малолетние, которые ходят по улицам и просят милостыню», просящие милостыню солдатки, «подлые и неимущие люди» из купечества и разночинцев мужского пола; в 1753 г. было предписано «шатающихся по миру мужского пола разночинцев, кои в службу не годны, а работать еще могут, отдавать на фабрики в работу, также баб и девок и малых ребят, и из богаделен определенных на жалованье отнюдь по миру ходить не пускать» [4]).

В. И. Семевский приводит много интересных данных относительно волнений казенных мастеровых на уральских горных заводах во второй половине XVIII ст., из которых видны условия жизни этих рабочих, а затем подробно останавливается на быте поссессионных крестьян на суконных фабриках, в особенности пользуясь регламентом (не вошедшим в силу) 1741 г. и наконец рассматривает положение поссессионных рабочих в первые годы XIX в.

---

[1]) См. об этом мою Эволюцию прибыли, т. I, 1903 г., стр. 610 и след. и мои Лекции по истории экономического быта Западной Европы. 5 издание. 1918 г. стр. 316. и след.

[2]) Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II. Т. I. 1881 г., стр. 401, 406, 413 и сл. 436 и сл.

[3]) Там-же, стр. 393 и сл.

[4]) Там-же, стр. 401 и сл. 472 й др

Картина получается весьма нерадостная. Рабочие жалуются на промедление в уплате заработанных денег, на то, что их не вознаграждают за остановки в работе, происходящие не по их вине, что им приходится выполнять и не-фабричные работы, что их заставляют покупать продукты в хозяйской лавке по повышенным ценам, что им вместо денег платят припасами, что им не дают отдыха в субботу после обеда, в праздничные и воскресные дни. На горных заводах они вынуждены были, так как они были заняты другими работами, нанимать за себя для различных работ посторонних лиц, напр. для рубки дров, которым они платили не по 25 к., как получали сами, а по 35 и 40 к. На горных заводах рабочий день обычно продолжался 11 часов, на фабриках (поссессионных) 12 часов, но были и случаи более продолжительной работы—в 13 и 13½ часов, иногда и до 15 часов, так что работники прядут и чешут шерсть «и стригут сукно в темноте». Определялось количество годовой выработки, обязательной для каждого мастерового, но оно устанавливалось на ревизскую душу, почему рабочим приходилось работать не только за себя, но и за стариков и малолетних. На многих фабриках и даже горных заводах применялся труд малолетних. На большой московской суконной фабрике жизнь рабочих была настолько невыносима, что они просили лучше отдать их в солдаты,—а ведь отдача в солдаты производилась за преступления и одно слово солдатчина вызывало в те времена представление о всевозможных ужасах. Какова была эта жизнь можно судить и из обследования 1803 г., в котором говорится, что «поныне очень срамно было видеть, что большее число мастеровых и работных людей так ободрано и плохо одеты находятся, что некоторые из них насилу и целую рубаху на плечах имеют» [1]).

О разрядах рабочих, приписанных к заводам, в особенности к горным заводам, переданным гр. Шувалову, и о волнениях среди них упоминает и Н. И. Фирсов [2]). Подробно на этих вопросах останавливается А. С. Лаппо-Данилевский, приводящий любопытные данные о размерах заработной платы в первой половине XVIII ст. на различных фабриках и по отдельным видам труда (на петербургских полотняной казенной фабрике и коломянковой мануфактуре, на казенных суконных и каразейных фабриках в Москве и Сокольском уезде, на нескольких частных шелковых фабриках в Москве—Апраксина с тов., Павлова с тов., Памфилова с тов. на бумажных фабриках в Петербурге и Москве). Эти сведения заимствованы из Мемориала о российской торговле, составленного повидимому в 1760-х г.г. и хранящегося в архиве департамента таможенных сборов [3]). О положении рабочих и о волнениях на горных заводах трактует большая статья В. И. Семевского (период Екатерины II), с юридической точки зрения их условия рассмотрены В. А. Удинцевым, истории поссессионных горных заводов посвящена статья И. Сигова [4]).

Наиболее внимательно изложены вопросы, относящиеся к истории фабричного труда в тесном, смысле М. И. Туган-Барановским, причем, в отличие от других исследователей, горной промышленности он совершенно не касается. У него мы находим описание ряда случаев перехода промышленников от принудительного к наемному труду в 40-х г.г. XIX ст. и в связи с этим освобождения поссессионных рабочих [5]), далее он подробно рассматривает волнения поссессионных рабочих в первой половине XIX ст., давая таким образом продолжение исследования, произведенного В. И. Семевским для второй половины XVIII ст. Сведения эти почерпнуты из архива департамента торговли и мануфактур. Автор отмечает, что одним из наиболее частых поводов к волнениям были неудовольствия на слишком низкую заработную плату, причем нередко поссессионные рабочие были недовольны тем, что работавшие вместе с ними вольнонаемные мастера получали большую, иногда даже вдвое большую, чем они, плату. Но были и другие причины волнений—чрезмерно длинный рабочий день или трудность работы, принуждение к другой не-фабричной работе (в поле, во дворе хозяина) работа в праздничные дни, пользование трудом престарелых и малолетних, жестокое обращение, побои и истязания отдача в рекруты вместо своих крепостных, штрафы и вычеты, принуждение покупать продукты из фабричной лавки, наконец, приравнение их, поссессионных мастеровых, к крепостным [6]). Как мы видим, основания волнений были во многих отношениях те же, что и в екатерининскую эпоху.

М. И. Туган-Барановский рассматривает далее попытки создать фабричное законодательство в первой половине XIX ст., которые, конечно, не могли привести ни к чему, так что первый

---

[1]) Там-же, гл. II—V.
[2]) Фирсов, ук. соч., гл. VIII, стр. 164 и сл.
[3]) Лаппо-Данилевский, ук. соч., стр. 69 и сл.
[4]) Семевский. Горнозаводские крестьяне во второй половине XVIII в. Русск. Мысль. 1900. Кн. I, III, IV, V. Удинцев. Поссессионное право. И. Сигов. Народ и поссессионные владения на Урале. Русск. Богатство. 1899, кн. 3,
[5]) Туган-Барановский, ук. соч., стр. 130 и сл.
[6]) Там-же, стр. 141 и сл.

закон, изданный в 1845 г. в защиту малолетних, остался на бумаге, и наконец подробно останавливается на размерах заработной платы на фабриках в дореформенную эпоху. Данные о заработной плате на целом ряде фабрик и притом на одной и той же фабрике в различное время, что позволяет сделать вывод о движении заработной платы и при сопоставлении его с изменением цен на хлеб выяснить перемены в реальной плате, заимствованы автором из различных дел архива департамента торговли и мануфактур; дела эти являются результатами волнений, происходивших на фабриках, подачи жалоб рабочими и обследований, произведенных комиссиями и специально командированными чиновниками, причем цифровой материал нередко покоился на записях в конторских книгах или же на показаниях самих рабочих. М. И. Туган-Барановский приходит к тому выводу, что во второй четверти XIX ст. заработная плата значительно повысилась и стояла сравнительно весьма высоко; это об'яснялось быстрым ростом фабричной промышленности и, следовательно, большим спросом на рабочие руки и недостаточным предложением их, в виду закрепощенности массы населения и применения крестьянами своего труда в кустарных промыслах.

Во всяком случае, выяснение движения заработной платы и условий труда в XVIII и первой половины XIX ст. находится еще в зачаточном состоянии, между тем уже из тех сравнительно немногих данных, которые приведены Семевским, Лаппо-Данилевским и в особенности Туган-Барановским, как и Гарелиным и некоторыми другими исследователями промышленности в различных районах, можно усмотреть, насколько обильны должны быть те источники, из которых они черпали свой материал, сколько драгоценного для науки несомненно содержат еще не изученные, а во многих случаях и не разобранные архивы, такие архивы, как, напр., департамента торговли и мануфактур, коммерц-коллегии и департамента таможенных сборов, горного департамента, министерства внутренних дел и т. д. Они способны пролить яркий свет на то, что до сих пор покрыто почти мраком неизвестности.

Что выяснение всего этого представляет огромный интерес для историка-экономиста, это само собою понятно. И едва ли необходимо в настоящее время доказывать, насколько необходимы сведения об условиях зарождения и развития нашей промышленности, об эволюции различных отраслей и в различных местностях (нередко весьма различной), о том, как сложился, из каких элементов состоял и какие требования пред'являл наш рабочий класс,—на сколько все это существенно для экономиста-практика, для того, чтобы экономическая политика не бродила впотьмах, а вышла на ясную и прямую дорогу.

И. Кулишер.

Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения.

I.

Россия—страна крестьянская. Часто так ее называют, имея в виду характерное преобладание во всей истории ее народно-хозяйственного быта земледельческого и вообще сельскохозяйственного труда и производства. Город с его особым социальным и экономическим укладом никогда не имел на Руси (если не считать древнейшего, «Киевского» периода) такого решительного, определяющего влияния на развитие общественных отношений и политического строя, как в странах Западной Европы. В течение ряда столетий на широких пространствах Восточно-Европейской равнины медленно строилась гражданская и государственная жизнь страны, постепенно колонизуемой русским славянством. И в этом вековом строительстве был главным, основным деятелем русский земледелец-промышленник, колонизатор-крестьянин. То шире расселяясь по свободным землям, то вытесняя с них прежнее население, инородческие племена, все дальше к северу и востоку, то смешиваясь с ними и их ассимилируя, то отступая под напором азиатских орд и сплачиваясь гуще в некоторых областях, в разливах и отливах колонизационного движения по течению рек и водоразделам речных систем, шло русское население вглубь обширной Восточно-Европейской равнины и постепенно превращало ее в Европейскую Россию; а затем перешло и за ее пределы в дальние страны Сибири и Средней Азии. Начавшееся в далекой древности колонизационное расселение восточных славян имеет свое вековое продолжение в переселенческих передвижениях русской народной массы.

В ранние века своего появления на исторической сцене русские славяне заняли-было плодородные места черноземной и степной полосы Восточной Европы. Но тут их встретила упорная борьба со степными кочевниками, турецкими племенами, а завершилась она отступлением русских в лесные области и продолжительным господством монголов-татар. Только сплотившись заново в государственных организациях Московской Руси и Литовско-русского государства, сломили славяне татарскую силу, сперва на юго-западе, потом и на востоке, и шире развернули оккупацию средних и южных областей великой равнины, об'единенные в большом московском царстве, которое само себя переросло и стало Российской Империей. Но и ее территория не удержалась в пределах Восточной Европы; переселенческое движение понесло ее и дальше—в области Северной и Средней Азии до дальних восточных вод Великого Океана.

Вот в каком смысле иногда называют всю историю России—историей колонизуемой страны. На ряду с широким внешним расселением шла внутренняя колонизация в тяжкой борьбе с природой—под'емом новин, распашкой земли из-под леса, развитием лесных и водных промыслов, основанием новых и новых поселков и выселков, волосток и волостей.

Руководящей и организующей эту вековую народно-колонизационную работу силой стало надолго крупное землевладение, соединенное с экономическим и политическим господством землевладельческого класса над трудовой народной массой. Еще в ранний период «первоначального накопления», когда власть над этой массой была сосредоточена в руках засевших по городам князей и их дружин, а экономическая эксплоатация населения сбором с него натуральной дани служила основой для оптовой внешней торговли, из общественной массы выделились господствующие группы с землевладельческим боярством и княжеской властью во главе. Князья и бояре с примкнувшим к ним духовенством сосредоточили в своих руках значительные производственные средства: даровую рабочую силу рабов (холопов, челяди) и людей «полусвободных»,

попавших под владельческую зависимость либо в поисках пропитания и защиты, когда горькая судьбина выбила их из привычной житейской колеи (изгои на княжих и церковных землях), либо по задолженности и отработке долга (закупы на землях боярских), а также запасы зерна, скота и мертвого инвентаря, главное, платежных средств (ценных мехов, служивших средством расплаты, серебра и золота). Эти накопленные средства они вкладывают в землевладельческое хозяйство, становятся крупными землевладельцами-вотчинниками обширных имений.

Крупное землевладение отнюдь не означает еще крупного хозяйства. Напротив, характерной чертой средневекового крупного землевладения было его соединение с мелким хозяйством. Вотчинник-рабовладелец сажал на землю своих холопов и иных зависимых людей (изгоев, сирот, ролейных закупов) на пашенную и промысловую работу, организуя ее не как плантатор, а как землевладелец, раздающий участки для разработки за более или менее крупную долю в продуктах труда и сбора. Обычно только небольшая часть имения оставалась в непосредственном хозяйственном его пользовании, а значительно большая отходила под трудовое крестьянское хозяйство. Поэтому и холопы, посаженные на пашню, становились «задворными людьми», получая некоторую экономическую самостоятельность и бытовую обособленность от господского двора. Применение к землевладельческому хозяйству рабочего труда должно было в древнейшую эпоху сыграть свою не малую роль в самом создании крупного землевладения; через своих людей владелец овладевал землей, осваивая ее себе. Но дальнейшее развитие этого личного и потомственно-вотчинного землевладения скоро переросло убогие рамки рабовладельческого хозяйства. Князья и церковные учреждения развивают рабочие силы своих имений, забирая в их состав бездомных и безработных изгоев, привлекая и обедневшие элементы трудового населения возможностью устроиться на налаженном хозяйственном участке, да еще с помогой богатого владельца для почина и обзаведения,—конечно, за цену утраты экономической независимости и не только ее одной. Тем же путем шли и светские землевладельцы—бояре, вовлекая в состав живого инвентаря своих вотчин, со стороны, свободных людей, то опутанных ссудой в голодную годину (закупы), то соблазненных помогой и защитой сильного человека (закладники).

Дело в том, что политические порядки и отношения средневековой Руси отдавали в руки крупных землевладельцев, как и на Западе в эпоху феодализма, значительную правительственную власть над населением их имений. Не только холопы, но и свободные люди, поселившиеся на земле такого владельца, подлежали его вотчинному суду и управлению. Он собирает с населения дани и повинности вместе со своими хозяйскими доходами, набирает отряды вооруженной силы, которую ведет в княжеское войско, творит суд и расправу среди своих людей. Вотчина крупного землевладельца, светского или духовного, была, по выражению одного из наших историков, учреждением «не только землевладения, но и управления». Тяжела бывала рука такого управителя; но иногда еще тяжелее бывали зависимость от княжеских чиновников (наместников и волостелей с их помощниками) и беззащитность от обид сильного соседа; и вольные люди из сельского населения, гонимые либо экономической нуждой, либо бесправием, шли под защиту и опеку сильных вотчинников.

Это экономически сильное и властное землевладение стало опасным соперником вольному расселению народной массы. В упорной борьбе с природой заселяла она страну, богатую лесом и водой; приходилось с большим трудом выбирать и отвоевывать у леса участки под пашню, расселяться мелкими поселками, раскидываться на больших расстояниях; крупное значение в народном быту лесных и водных промыслов (звероловства, рыболовства, лесного пчеловодства) усиливало экстенсивность расселения в погоне за удобными угодьями. Хозяйственный труд, работая первобытными приемами, скользил по поверхности страны, овладевая территорией неустойчиво и неглубоко при разбросанности редкого и передвигавшегося на новые места населения. Поскольку оно оседало прочнее в занятой местности и сохраняло соседские связи между поселками, возникали крестьянские волости. Территории этих волостей были весьма значительного об'ема, по сотне и по две квадратных верст, но слабо очерчены, мало организованы. Их границы определялись крайними пунктами поселения, но леса и земли, не взятые в хозяйственную разработку, оставались неразмежеванными между отдельными волостями и долго служили областью вольного захвата. Население такой волости составляло волостную общину с выборными, старостой и собраниями крестьянского мира. Но волостная община не была хозяйственным союзом, и земледельческое и промысловое хозяйство велось отдельными дворами и поселками иногда союзами складников. Однако, пользование лесом и пастбищами, заселение новых участков и распоряжение старыми, разработанными, но почему-либо покинутыми «в пусте», вызывали потребность некоторой регламентации, которая была делом волостного мира, «старосты со крестьянами». От них должен был получить участок новый поселенец, чтобы вступить в состав общины; они и защищали, как могли, волостные земли и угодья от слишком утеснительных

сторонних захватов. А волость была заинтересована в пополнении своего состава, чтобы не ослаблять своей трудовой и платежной силы, особенно с тех пор, как старинная дань в пользу князя стала тяжеле и определилась крепче в связи с «неминучею данью» в пользу татарского хана, которую князья собирали в свою казну для выплаты «выхода татарского» и «ханских запросов». Все дани и платежи, как и издельные трудовые повинности, налагались княжеской властью гуртом на всю волость, а крестьяне сами разверстывали их между собой «по животам и промыслам» и «по силе» каждого хозяйства, собирали их промежь себя и выплачивали общей суммой или отбывали сообща, с круговой порукой всех за каждого, имущих за неимущего, хозяйственных «жильцов»-волощан за пустые заброшенные участки. Понятно, что волость заботится не меньше, чем землевладельцы-вотчинники, через своего выборного старосту о привлечении поселенцев («жильцов») на опустелые участки, принимает их на льготных условиях, пока не обживутся, сдает угодья на оброк. С другой стороны, волостная община была и в делах общего управления деятельным особым мирком. Старинная княжеская администрация была до крайности слабосильна. Князь назначал для суда и управления своих наместников и волостелей редко на одну обширную волость, обычно на несколько волостей, соединенных в наместничий округ. Такой округ, часто в несколько сотен верст, наместник ведал с ничтожной силой пятишести помощников (тиунов и доводчиков), как представитель судебной и полицейской правительственной власти. Понятно, что до наместничьего суда и расправы доходили только важнейшие дела об убийстве, разбое и грабеже, а мелкие текущие дела решались выборными людьми в волости. Но те же волостные люди были необходимым орудием и самого наместничьего управления. На них лежала обязанность преследовать, задерживать и выдавать властям «ведомых лихих людей», т. е. профессионалов разбоя и конокрадов, вести обыск по всякому делу под страхом уплаты всем миром крупных уголовных штрафов, которые пали бы на виновных, за нерозыск их. Волостные люди сами должны собрать весь следственный и обвинительный материал для наместничьего суда, а их представители сидят к тому же в качестве «судных мужей», сведущих в своем обычном праве, в своей «старине и пошлине», на суде наместника, который без них не имеет права творить свой суд. Деятельна крестьянская волость и в удовлетворении духовных потребностей населения; она строит церкви, подыскивает для них причт, обеспечивает его содержание. Так крестьянская волость стоит рядом с вотчинами крупных землевладельцев в строе старинного русского управления. И великокняжеская власть опирается на них в своей деятельности; она, в сущности, мало «управляет» народной и общественной жизнью; ее основная забота в эксплоатации народного труда для обеспечения средств, нужных правительству, путем организации платежей и повинностей населения. И, в то же время, эта власть сама вошла в состав крупно-землевладельческих сил страны, широко развивая свое дворцовое землевладение и хозяйство пахотное и луговое, ловчее, бортное и рыболовное силами своих дворцовых крестьян и «деловых людей», а также трудовой повинностью окрестного волостного крестьянства помогать нарядом на работу потребностям дворцового хозяйства в рабочей силе. Примыкая к землевладельческому классу экономически и социально, власть эта опирается на него в своей правительственной деятельности, организует его ратную службу, обращая землевладельцев в военно-служилых людей, находит в их среде личный состав своей администрации. С помощью крупных землевладельцев, светских и духовных, строит эта власть свое «государство» над трудовой народной массой. Она стоит во главе землевладельческого класса, об'единяет и организует его, и, в то же время, постепенно подчиняет его себе, приучает и принуждает его видеть в своей «милости», в своем «пожаловании» источник и опору всех прав и преимуществ.

А в такой властной опоре крупное землевладение нуждалось, прежде всего, ради борьбы своей с волостным крестьянством.

В союзе с властью великих князей всей Руси нашло оно надежную опору для своего развития и преобладания. Роль этого землевладения, боярского и монастырского, в процессе внутренней колонизации Великороссии была весьма значительна. Все расширяя свои захваты, оно клином врезывается в волостные территории, подымая новину в неразмежеванных пустошах, а то и захватывая земли и угодья, которые волостные люди считали «извечно» своими. При обилии свободных земель такие захваты часто, на первых порах, и не вызывали возражения со стороны волостных общин. Но разрастаясь и умножая свои починки и деревни, вотчинное землевладение постепенно все более утесняло развитие волостного хозяйства, отнимая у него более близкие и удобные участки. Кроме прямого земельного захвата наступление вотчины на волость принимало также иные формы: скупки разработанных («жилых») участков у отдельных членов волости и перехода части волостного населения «во крестьянство» на земли вотчинников-землевладельцев ради «помоги», «ссуды» и покровительственной защиты. Крестьянская волость теряла в этой борьбе, как сторона более слабая и экономически, и социально, удобные земли, угодья, живую силу, и тщетно пыталась найти защиту в княжеской волости, к которой

обращалась с жалобами на то, что «деревни и пустоши волостные разымают бояре, митрополиты и монастыри за себя», что уходят из волости к крупным землевладельцам ее трудовые «жильцы», бросая свои участки «в пусте» и тем ослабляя ее рабочую и платежную силу. Конечно, правительственная власть была заинтересована в охране волостей от расхищения, так как на них ведь лежало «тягло» государевых платежей и повинностей; она и принимала, по временам, некоторые меры для такой охраны, с ранних пор (еще в междукняжеских договорах XIV века) и позднее (в законодательстве московских царей). Но крупное землевладение имело слишком большое значение для этой власти во всем строе ее военной и правительственной силы, чтобы она могла решительно стать на сторону волости в ее борьбе с вотчинниками-землевладельцами. Напротив, власть эта широко содействует росту и укреплению вотчинного землевладения, утверждая его захваты и привилегии своими жалованными грамотами, устраняя тем самым притязания волостей, основанные на их «старине и пошлине».

Такова, в общих чертах, была социально-политическая обстановка, в которой развивался «крестьянский вопрос» старой Руси, поскольку она выяснена нашей историографией. Крупные перемены в политическом строе Великороссии конца XV и XVI столетий—образование самодержавного Московского царства—внесли в эту обстановку ряд новых условий, которые сделали положение крестьянства только еще более тяжелым. Правительство Московского царства собрало в своих руках все властные полномочия, которыми прежде великие князья делились с мелким удельным княжьем и землевладельческой аристократией. Все классы населения должны были склониться перед единой самодержавной властью. И эта власть значительно расширила социальную базу, на которую опиралась, ослабляя и ограничивая крупное землевладение, княжеское и боярское, отчасти церковное, в пользу среднего и мелкого землевладения своих служилых людей-помещиков, получавших населенные земли в поместье для обеспечения средств на их содержание и служилую годность, так как они обязаны являться на государеву службу «конны, людны и оружены». Та же повинность службы с «земли», на коне и в доспехе полном с вооруженными людьми лежала и на владельцах собственных земель, на вотчинниках, права которых стали столь же условными—под условием исправной службы. Организация этого служилого землевладения повела к широкой раздаче тяглых волостных земель вместе с их крестьянским населением в поместья, а то и в вотчинное обладание служилым людям—боярам, детям боярским и дворянам. В итоге получилось полное уничтожение самостоятельных волостных общин в большой части Московского государства. Они уцелели, преимущественно, на севере, в Поморских уездах, где почти не было служилого землевладения.

Так, при развитии служилого землевладения крестьянские волости шли в поместную и вотчинную раздачу и гибли во владельческом дроблении. Исчезала волостная организация; права и обязанности волостного мира с его выборными переходили к служилому землевладельцу (помещику или вотчиннику), власть которого становилась между крестьянами и государством. Про землевладельца официальные акты говорили, что это он, а не сами крестьяне, «тянет во всякия государевы подати», так как его дело собрать и внести подати со своих крестьян, он отвечает за податную исправность имения пред правительством, которое и не вмешивается в его расчеты с крестьянами. Служилый землевладелец—наследник волостного мира и в надзоре за полицейским порядком в имении, получая тем самым и низшую судебно-административную власть над сельским населением; он же преемник волости в хозяйственном управлении, распределяет по-хозяйски пустые участки, призывает и сажает на землю новоприходцев и т. п. Все управление деревнями становится хозяйственным делом помещика или вотчинника, властно распоряжающегося «своими крестьянами». Но сам он—слуга государства, которое его «верстает» в службу, наделяет землей, определяет всю его деятельность по своим нуждам, прежде всего, в ратной службе. Оно держит надзор и над его хозяйничаньем, запрещая ему «пустошить» поместье, чтобы крестьяне не разошлись, и не оскудел он сам для службы, не оскудели и подати, наложенные на «тяглое» крестьянство; а то землю «отнимут на государя» и передадут в другие руки. На таком «служилом землевладении» строилась вся московская государственность.

И та же землевладельческая основа осталась фундаментом русской государственности в той Российской Империи, которая выросла из Московского Царства. Не даром Россию 18-го века называют «дворянским царством». Землевладельческое дворянство стало «опорой престола» и, по выражению одного из историков наших, «через правительство управляло страной». Дворянские интересы вдохновляли внутреннюю политику власти, давали опору и направление политике внешней. Немаловажное значение крупного землевладения в самом созидании обширной империи еще недостаточно выяснено в нашей историографии. Его развитие во вновь приобретенных областях—в Малороссии и Остзейском краю, в землях, отнятых у Польши, в Черноморьи, в Поволжьи—укрепляло новые связи с государственным центром, служило значительным средством расшире-

ния великорусской колонизации путем переселения владельческих крестьян на новые места, как ту же роль частью на юге, частью на наиболее далеких окраинах—за пределами Европейской России сыграло дворцовое-династическое землевладение. И во всем строе государственного управления старой «дореформенной» Империи ярко отражается преобладающее значение дворянского землевладения, крупного и среднего, господство помещичьего класса во всех сторонах государственного и общественного быта. Предоставляя землевладельцам-помещикам полную власть над их «крепостными» крестьянами, правительство удешевляло и упрощало задачи своего управления—и полицейского, и финансового, а видело в них, по крылатому слову одного из носителей высшей власти, «своих даровых полицмейстеров». С деспотизмом этой власти дворянское общество, в конце концов, легко мирилось, несмотря на слабые вспышки дворянской оппозиции и на дворцовые перевороты, которыми оно, от времени до времени, низлагало докучных правителей и расправлялось с наиболее ненавистными, чтобы передать власть в руки более надежного для дворянских интересов государя. И более ярки представители самодержавной и помещичьей России времен Николая I решительно настаивали на неразрывной связи крепостничества и самодержавия: «власть помещичья необходима для поддержания власти самодержавной», говорили они: «у того и другого одно историческое начало и законность их одинакова».

Веками строилась русская государственность на землевладельческой основе. Эта особенность русского исторического процесса определялась направлением народно-хозяйственной жизни и тем положением, какое заняла Россия в мировом хозяйстве, в международном торговом обмене. Преобладающее значение в русском экономическом быту земледелия и сельско-хозяйственных промыслов, вообще промышленности добывающей, сделало Россию поставщицей сырья на международный рынок, а ее землевладельческие силы—господами и над торговым капиталом, и над зарождавшейся постепенно более крупной промышленностью. Сказалось это в старой Руси тем, например, что торговлю Великого Новгорода держало в руках новгородское землевладельческое боярство, у которого местное купечество находилось на положении торговых агентов; сказалось и в обширной торговой деятельности московских государей, крупнейших землевладельцев. В 18-м и 19-м столетиях широко развивается участие дворянства и непосредственно и через оброчных помещичьих крестьян в торговле хлебом, в устройстве заводов, а затем и фабрик. Экономическая сила землевладельческого класса встречает на этом поприще правительственное покровительство, часто в ущерб интересам купечества. Значение этой дворянской торговли обусловило то явление, что в рядах русского купечества весьма значительное место заняли в 19 веке потомки не старинных торговых людей, а крепостного крестьянства, помещичьих крепостных, отпущенных на оброк из деревни в город для торговли и промышленной деятельности. Торговля дворян-помещиков и оброчных крестьян существенно подрывала развитие на Руси сколько-нибудь сильной торгово-промышленной буржуазии, как особого и самостоятельного класса. Являясь приспособлением дворянского крепостнического хозяйства к развитию на Руси хозяйства денежного, она постепенно перерабатывала помещика-барина в предпринимателя, который эксплуатировал предоставленный ему крестьянский труд для производства на рынок. В таких условиях медленно, но неуклонно созревал экономический быт России для перехода от крепостнической организации народного хозяйства к иной, основанной на «буржуазных» началах свободы труда и свободной частной собственности. Этого требовали нужды разросшегося международного и внутреннего торгового оборота, окрепшей крупной промышленности и новой общественности. Россия все глубже входила в фазу капиталистического развития.

Освобождение крестьян в 1861 году и связанные с ним остальные реформы шестидесятых годов открыли последний предреволюционный период русской исторической жизни. Это был типичный, своего рода «переходный», период в силу «незаконченности» реформ, проведение которых в жизнь оказалось сразу пропитанным реакционными тенденциями, которые искажали основные «начала» преобразования и тормозили переход России всецело к новым формам общественных отношений и государственного строя. Пережитки «дореформенных» отношений не рухнули сразу под напором новых потребностей страны, а сравнительно медленно разлагались в постепенном вырождении с прорывами реакционных возвратов к изжитому прошлому.

Политическим результатом «освободительных реформ» оказался расцвет бюрократизма, освобожденного от соперничества сословно-дворянского владычества в стране, а крестьянство не стало свободным и полноправным элементом гражданской жизни. Жизнь сельского населения скована теснными рамками «податного сословия», круговой поруки и тяжелых платежей, рекрутчины и бесправия перед властями. Удержалось, в значительной мере, и преобладающее значение помещичьего землевладения в сельско-хозяйственном производстве на внутренний и на внешний рынок. Быстрый рост хлебного вывоза, начавшийся еще накануне «освобождения» в Николаевские времена, развивался, в конечном итоге, не только за счет под'ема производства, но и за счет необходимого народной массе потребления. Развитие производительных сил страны

оказалось недостаточно напряженным для глубокой перестройки государственного и общественного быта на тех новых «буржуазных» началах—политической свободы и гражданского равенства, какие имели в виду, волей-неволей, деятели реформ шестидесятых годов. В таких условиях творческие силы и власти, и общества были надолго парализованы затяжной и напряженной внутренней борьбой—героичной борьбой интеллигентских революционных групп и полицейских сил правительства. Однако, жизнь делала свое глубокое дело. Втягиваемая все глубже в международный экономический оборот, Россия переживает в последние десятилетия 19-го века ускоренным темпом капиталистическое развитие своего народного хозяйства. Существенной особенностью этого развития была огромная роль в его питании иностранного капитала, настойчиво проникавшего на русскую почву не только путем финансирования многих крупных предприятий или прямой их организации, но и путем все возраставших иностранных правительственных займов. Это дало на время сильную поддержку старой самодержавной власти. Приемами деятельной политики своего министерства финансов сосредоточена в руках правительства значительная экономическая власть; покровительством крупной промышленности создавалась видимость высоких экономических кон'юнктур при несомненно грозном положении благосостояния масс; все шире развертывалась захватная, империалистическая политика при отсутствии для нее крепкой внутренней базы в достаточном развитии производительных сил страны. Внешняя политика вырождалась в опасный и бесплодный авантюризм; внутренняя—в систему реакционных попыток восстановить и укрепить землевладельческую основу старого самодержавного строя особым покровительством поместному дворянству и закреплением сословной обособленности и правового приниженья крестьянства, а также найти этому строю новую опору в связи его с интересами крупного торгового и промышленного капитала. Однако, и в таких условиях ускоренное развитие капиталистического хозяйства в стране подтачивало, а не укрепляло устарелый государственный строй, и «переходное» время от старой дореформенной России к новому порядку всех отношений завершилось запоздалой и слабосильной попыткой 1906—1916 годов перейти к буржуазно-конституционному строю. С точки зрения «судеб крестьянства» характернейший момент этой попытки—Столыпинская программа «ставки на сильных», которых он усмотрел в зажиточных крестьянах, ища в них новую социальную базу для пошатнувшегося самодержавия. Дело, конечно, в том, что развитие капитализма, все глубже проникая в жизнь страны, разлагало дворянство, как класс, особый от буржуазии, а в то же время разлагало и крестьянство, которое в своем принудительном сословном обособлении представлялось ранее (например—народниками) таким цельным определенным классом со своими особыми «общинными» идеалами. К концу 19-го века крестьянство оказывается сильно дифференцированным по степени экономического обеспечения и переродившимся в мелкую буржуазию в то время, как из него же выделялся в пореформенный период все более значительный городской и сельский пролетариат.

Всю эту элементарную общую схему казалось не лишним напомнить, чтобы иметь ее в виду при характеристике положения в нашей исторической литературе основных вопросов по истории крестьянства. Такими основными вопросами, наиболее занимавшими внимание исследователей, были: происхождение, характер и развитие крепостного права, происхождение и значение крестьянской общины и самое понятие о «крестьянстве», как особом общественном классе.

II.

Вопрос о «прикреплении крестьян», один из важнейших вопросов русской истории, можно и теперь считать «открытым». Один из усерднейших его исследователей, недавно скончавшийся М. А. Дьяконов, писал в 1893 г., что это вопрос, который все еще разделяет мнения исследователей, как разделял их и в ту пору, когда М. П. Погодин впервые выступил против общепринятого в те времена взгляда, что закрепощение крестьян произошло по указу, изданному Борисом Годуновым от имени царя Федора Ивановича в 1592 году. Погодин писал свою статью о том, «должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права» в 1858 году, и с тех пор пошли разногласия по вопросу о происхождении крепостного права, до сих пор далеко не исчерпанные. Ответ на этот вопрос, согласный по существу с тем, какой давался на него старыми историками—от Татищева до Карамзина, т.-е. что «прикрепление крестьян» было создано правительственным указом, отменившим знаменитый «Юрьев день», отстаивал, например, до конца дней своих В. И. Сергеевич (см. его «Древности русского права», т. I, изд. 3-е, стр. 278—280; 1909 г.); он только несколько иначе определял время этого указа, полагая, что «общее прикрепление крестьян надо относить к первому или второму году царствования Федора Ивановича (1584—1585)». Мнение Погодина, что такого указа вовсе не

было, что крестьянское закрепощение не создано каким-либо законодательным актом, а «образовалось само собой, вытекая из обстоятельств народной жизни», развивали дальше и углубляли другие исследователи, особенно В. О. Ключевский и М. А. Дьяконов. При этом к разногласию относительно «происхождения» крепостного права, указным-ли законодательным путем оно возникло, или бытовым и обычноправовым, присоединилось другое, о самом существе этого права. Для старых историков, как и для Сергеевича, сущность прикрепления в том, что «крестьяне прикреплены к земле». Дерптский профессор русского права Энгельман, чей труд («Die Leibeigenschaft in Russland», 1884 г.) вызвал первую работу В. О. Ключевского («Происхождение крепостного права в России», в журнале «Русская Мысль», 1885 г., № 8, а затем в сборнике его статей: «Опыты и Исследования»), представил дело так, что в конце 16-го века возникла поземельная зависимость, соединенная с прикреплением крестьян к земле, а рядом с этой крестьянской зависимостью существовало с древнейших времен «крепостное право» господ над холопами; первая была, по Энгельману, учреждением государственного права, а вторая—права частного, гражданского. Постепенное привлечение холопов к государственным повинностям, которые лежали на крепких земле тяглых крестьянах, привело к смешению крестьян и холопов в один разряд населения, завершенному в податной реформе Петра Великого, когда и те, и другие одинаково зачислены в состав «ревизских душ»—плательщиков подушной подати; а это об'единение крестьян и холопов в общих обязанностях по отношению к государству уничтожило и различие их положения относительно владельцев, которые распространили и на крестьян сверх прежней их «поземельной зависимости» и холопскую, личную—крепостную зависимость, чем и создано настоящее крепостное право (Leibeigenschaft).

Пересматривая этот вопрос в упомянутой работе и в другом исследовании («Подушная подать и отмена холопства в России», 1886 г., там же), Ключевский пришел к выводу, что под крепостным правом следует разуметь именно личную, а не поземельную зависимость, что «крепостной... был крепок только землевладельцу и прикреплялся к земле лишь насколько этого требовали интересы землевладельца и падавшие в конечном счете на крестьян требования государственной власти. Действительно, крепостными назывались люди, принадлежавшие владельцам «крещеной собственности» по каким-либо крепостям, т. е. документам, удостоверяющим законность притязаний этих владельцев, а выражалась их власть над крепостными в почти неограниченном распоряжении их личностью: продаже, переселении с места на место, переводе с земли на дворовую службу, наказании за провинности и т. п. Эта рабовладельческая сущность крепостного права роднит его с древним холопством, которое Ключевский и признает «первичной формой крепостного состояния на Руси». Стало-быть, вопрос о происхождении крепостного права на крестьян может быть разрешен, если выяснить не то, как государство создало его посредством поземельного прикрепления крестьян, а то, как оно допустило распространение на крестьян прежде существовавшего крепостного холопского права. Поэтому поземельное устройство крестьян и их поземельные отношения к помещикам и вотчинникам, а также положение крестьян в государстве по податной, рекрутской и другим повинностям, по их подсудности и административному управлению ими, представлялись Ключевскому явлениями особого порядка, которые хотя и развивались в тесном взаимодействии с развитием собственно крепостного права, и сильно осложняли «крепостное состояние» крестьян, но прямого отношения к крепостному праву не имеют. Исследования Ключевского и направились всецело на выяснение истории не «земельного прикрепления», а «развития и изменения личной крепости» крестьян, причем источником этого развития «личной крепости» он признал рост задолженности крестьян у землевладельцев по получаемой ими помоге и ссуде и в применении к положению крестьян, по их отношению к кредиторам-землевладельцам, кабального холопства, которое своим основанием имело отработку обязательств по задолженности.

Однако, всем этим еще не исчерпывалась вся сложность вопроса о «прикреплении» крестьянства, так как перед исследователями стояло в изучаемых ими судьбах крестьянства наряду с «прикреплением к земле» и «личной крепостью землевладельцу» еще государственное «прикрепление к тяглу». И правительственная власть, и волостные крестьянские общины с ранних пор образования Московского государства борются против свободы отдельных крестьян уходить из волости, покинув «в пусте» тяглый податной участок; такой вольный выход ослаблял рабочую и платежную силу и углублял тяготу платежей волости, которая собирала и вносила их в государеву казну общей суммой за круговой порукой всех волощан. Еще в 14-м и 15-м столетиях князья обязывались в договорах между собой не принимать к себе тяглых людей, плательщиков дани, и запрещали, оберегая интересы своей казны, частным землевладельцам перезывать на вотчинные земли тяглых волостных людей. В 16-м веке волостным общинам предоставлено право «старых своих тяглецов крестьян», которые ушли на частновладельческие земли, выводить назад и сажать по старым местам. Так и в 17-м в. предписано

уложением царя Алексея «беглых крестьян и бобылей сыскивая, свозить в государевы дворцовые села и черные волости на старые их жеребьи», а «крепостью» служили при этом писцовые книги, где беглецы эти были записаны на старых своих «жеребьях». В эпоху Петра Великого, когда слияние владельческих крестьян с холопами окончательно оформило помещичье крепостное право, верховная власть установила взгляд на остальную массу крестьянства, как на крестьян государственных, обложила их сверх общей подати еще особым оброком, подобным тому, какой помещичьи крестьяне платили своим господам, а в 19-м веке передала их в заведывание министерства «государственных имуществ». И если правительство не торговало крепостными людьми в розницу, то жаловало населенные земли в поместье и в вотчину, разрушая крестьянские волости, а в императорские времена носители верховной власти щедро раздаривали государственных крестьян в частную собственность своим слугам за придворные услуги, за военные и гражданские заслуги; а в распоряжении землепользованием государственных крестьян власть правительственная действовала вполне по-помещичьи, ломая своей надельной политикой крестьянские обычные порядки.

При всем различии положения владельческих и волостных государевых крестьян в Московском государстве общим у них было то, что и те, и другие—тяглые люди, причем ответственность за их податную исправность лежала в одном случае на землевладельце, в другом—на волостной общине. Обстоятельство это, несомненно, осложняет представление о закрепощении владельческих крестьян вопросом, как на него влияла их тяглая повинность: для них «прикрепление к тяглу» перекрещивалось с крепостью землевладельцу, и все отличие крепостных крестьян от холопов в эпоху полного их закрепощения покоилось на том, что они—тяглые люди, плательщики податей, так что самое смешение крестьян и холопов в начале 18-го века было формальной отменой холопства, хотя на деле привело к полному порабощению крестьян.

На почве таких наблюдений слагалось представление о государственной основе крестьянского закрепощения, которой подготовлено и обусловлено закрепощение крестьян землевладельческих имений—помещикам и вотчинникам. Так еще в пятидесятых годах Б. Н. Чичерин (в статье: «Холопы и крестьяне в России до 16-го века») об'яснял, полагая, что первоначально «свободный переход крестьян повсеместное явление в древней России», что первыя ограничения перехода «возникли из поземельного значения князей», что власть правительственная стала в 14-м и 15-м столетиях проводить в жизнь отдельными распоряжениями стеснение крестьянского перехода для того, чтобы обеспечить исправное отбывание платежей и повинностей; а по мере усиления этой власти такие «частные и произвольные ограничения перехода» примыкают к целой системе «государственных требований, которые впоследствии поведут к всеобщему укреплению сословий». Во времена Ивана Грозного все тяглые люди «считались, по мнению Чичерина, уже крепостными», причем под «крепостными» он разумеет потерявших право перехода с одного места жительства на другое, прикрепленных по повинностям и жительству к земле. Общий указ о прикреплении владельческих крестьян (Чичерин полагал, что такой указ был издан правителем Годуновым в 1592 или 93 году) был только распространением на них той мысли, что «каждый подданный должен нести на своем месте наложенное на него государственное тягло», которое применялось и к служилым, и к тяглым людям; владельческие крестьяне подлежали ей, так как зависимость от землевладельца не освобождала их от государственного тягла. Стало-быть, установление «крепостного права» землевладельцев на крестьян их имений имело с этой точки зрения тот смысл, что правительственная власть, блюдя интересы своей казны, противодействовала их превращению в частновладельческих холопов, которые государственными податями не облагались, а, с другой стороны, обеспечивало их трудом содержание своих служилых людей (помещиков и вотчинников), а прикрепляя крестьян к земле, достигало цели иметь на учете всю трудовую силу, эксплоатируемую для финансовых надобностей и вообще экономического обеспечения государственной и служило-сословной организации. Эти основные суждения Чичерина получили дальнейшее развитие в исторической литературе, напр., у М. Ф. Владимирского-Буданова («Обзор истории русского права»), который подчеркивает (против Ключевского), что «холопство есть личная зависимость, крестьянство—поземельная», что правительство, проводя рядом мероприятий общее прикрепление крестьян в пользу частных землевладельцев, обращает его «в общую меру в пользу государственной службы», и что только в императорский период крепостное состояние «становится частною зависимостью (а не государственным учреждением) и поглощает в себе прежнее холопство», так что «единственное отличие его от холопства заключается в признании за крестьянами значения тяглых людей.» Близко к этому и мнение С. Ф. Платонова о происхождении «крепости» владельческих крестьян: «возникшая в практике правительственно-податной, она легко была усвоена и частновладельческою практикой» («Очерки по истории смуты»).

Столь значительные различия, не только в ответах на вопрос о «происхождении крепостного права в России», но и в самом подходе к нему, зависит, очевидно, от того, что отдельные исследователи по разному понимают самую задачу, то суживая ее до вопроса о закрепощении собственно помещичьих крестьян, то расширяя до размеров вопроса о «закрепощении» всей массы сельского населения и даже шире—вообще «тяглых» людей в связи с тем, что называют «общим закрепощением сословий» по службе и повинностям. Эта двойственность сказалась особенно характерно на трудах М. А. Дьяконова. В его работах по истории сельского населения процесс закрепощения трудовой массы, по существу единый и составляющий социально-экономическую базу всего построения русской государственности на землевладельческой основе, неизбежно двоится. Утрата свободы передвижения и переселения «крестьянами-старожильцами», основным контингентом сельского населения в отличие от «новоприходцев»—подвижного элемента этого населения, находит свое об'яснение с двух разных точек зрения. Либо закрепощающая их «старина жительства» возникает «в связи с потерей свободы выхода под влиянием потребностей государственного хозяйства и финансовых интересов», либо создает ее «долговая зависимость с'емщиков земли от землевладельцев». Поэтому «старожильство», как основание прикрепления, имеет совсем разные основания по отношению к тяглым волостным крестьянам и ко крестьянам владельческим. Для первых—таким основанием было «прикрепление к тяглу», которое закрепляло их «к тяглым участкам или к тяглой общине»; а для вторых «основанием была невозможность использовать право перехода по несостоятельности и задолженности». Задолженностью крестьян-старожильцев землевладельцам, об'ясняет Дьяконов (вслед за Ключевским) возникновение «личной зависимости» крестьян от помещиков и вотчинников. «Прикрепление к тяглу» и «крепость по старине» у Дьяконова два разных явления, мало связанные между собой, несмотря на то, что и владельческие крестьяне были тяглыми, и члены тяглых волостных общин были старожильцами, так что оба основания «закрепощения» касались, очевидно, и тех, и других. Но соотношение этих понятий безнадежно спутано представлением, что источник «старожильства» владельческих крестьян в их задолженности землевладельцу. Такое значение крестьянской задолженности отрицали В. И. Сергеевич и М. Ф. Владимирский-Буданов, а кроме того, нельзя не упомянуть о содержательной критике всей Дьяконовской теории старожильства в двух очерках П. Е. Михайлова. «Происхождение земельного старожильства» (в «Журнале М-ства Народн. Просв.», 1910, кн. 6) и «Обычный институт старожильства и крепостное право» (там-же, 1912, кн. 1). Старожильцы—это старожилы крестьянских обществ, одинаково на землях частновладельческих и волостных, а задолженность захватывала и угнетала, преимущественно, новоприходцев, вводя их крепкой петлей в основной состав крестьянства—в среду «застарелых», обжившихся и обычно более «домовитых». Не только в «происхождении» крепостного права, но и в дальнейшем его развитии, вплоть до смешения крестьян с холопами и полного их закрепощения, едва ли есть основание приписывать этой задолженности столь крупное, решающее значение.

Для отдельных элементов в крестьянской среде эта задолженность, несомненно, имела значение условия, закабалявшего их землевладельцам, как для закупов древней Руси, крестьян-серебреников 14-го, 15-го в. в., так и особенно широко в эпоху экономического кризиса 16-го века. Но исторические корни личной зависимости владельческих крестьян, которая постепенно сближала их с холопами, а в 18-м веке обратила в «шляхетских подданных», шире и глубже. Исследователи, сосредоточившие внимание на экономической зависимости, закабалявшей крестьянство в форме ссуды и помоги, пришли, как Дьяконов, к заключению, что другие стороны крепостного права, как подчинение крестьян вотчинному суду и управлению землевладельца и его «финансовым правам» над ними в связи с его ответственностью за податную их исправность,—вошли готовым элементом в состав крепостного права по уничтожении крестьянского перехода. Но землевладельческая власть над крестьянами старше уничтожения «Юрьева дня». Эта вотчинная власть—исконная черта средневекового крупного землевладения и органическая основа средневековой государственности, землевладельческой по всему своему укладу (этот вопрос правильно поставлен в работе П. И. Беляева: «Древнерусская сеньория и крестьянское закрепощение», в «Журнале М-ства Юстиции», 1916 г., октябрь и ноябрь).

Так подлинно можно еще и до сих пор считать вопрос о прикреплении крестьян открытым в нашей историографии. А в основе всех разногласий, по прежнему, спор о том, было ли крепостное право создано правительственным указом, отменившим Юрьев день, или как утверждал Погодин, «образовалось само собой», т.-е., по словам Дьяконова, «без всякой законодательной отмены постепенно отмирал крестьянский выход», подавляемый трудными экономическими условиями сельского быта.

И дело тут далеко не в одних только теоретических разногласиях и методологических приемах. Важнее количественная скудость материала, на котором строится все изучение истории крестьянства и все выводы. Недаром Дьяконов и в 1893 году отмечал, что все разноречивые

мнения строятся «на одном и том же старом материале», и в 1909 г. повторял, что «сказать, что в руках исследователей имеется уже достаточный материал для окончательного сведения итогов, едва ли возможно».

Эта недостаточность материала сказывается на изучении всех основных вопросов истории крестьянства.

Начать с обычного в нашей историографии представления, что все земледельческое население 14 и 15-го веков пользуется свободой перехода и «сначала без всяких ограничений» (Дьяконов). Едва-ли не один Владимирский-Буданов сохранил в своем изложении связь дальнейшей истории крестьянства с памятью о том, что еще в 12-14 вв., «значительная масса населения попала в состояние прикрепленных путем личной экономической зависимости («ролейные закупы», «старые озорники», «смерды»), и что другая часть сельского населения образовалась уже тогда из поселенных несвободных людей». А, между тем, и в грамотах великорусских 14-го и начала 15-го века встречаем, под именем «сирот», крестьян, которые противополагаются «вольным людям», и правом перехода не пользуются. Грамот от этой ранней поры известно крайне мало, но так как большая их часть сохранилась в позднейших списках, то не безнадежно думать о пополнении их состава новыми находками, особенно в монастырских архивных фондах.

Другой пример: лишь недавние публикации («Архивный материал» Самоквасова 1905—1909 г., «Акты писцового дела» и «Арзамасские акты» 1915 г. Веселовского) дали возможность ближе присмотреться к ряду особенностей поместного хозяйства; на основании этого нового материала Дьяконов (в статье: «Поместье и крестьянская крепость») значительно углубил представление о развитии личного закрепощения наблюдениями над помещичьим хозяйством 16-го века, где обычными оказываются разделы между владельцами не только крестьянских дворов, но и крестьян отдельно от дворов, перевод крестьян с земли во двор помещика, их переселение и вывоз на новые места, сделки на крестьян без земли, словом значительный рост помещичьей власти над личностью крестьянина вне связи ее с поземельными отношениями (и независимо от какой либо задолженности).

Далее, те же новые материалы дали повод заново поставить вопрос о роли правительственной власти в деле крестьянского прикрепления. Правда, и ранее были известны два (всего два!) документа конца 16-го века, где упоминалось о запрете тяглым людям уходить и землевладельцам вывозить крестьян «в заповедные лета»; издание Самоквасова добавило еще пять таких документов, а затем Дьяконову удалось разыскать еще несколько актов, упоминавших о летах «заповедных» и «выходных». Толкование этих терминов осветило по-новому старый спорный вопрос. Приходится вспомнить с почтением о прозорливости старика Погодина, которую он проявил более полувека тому назад в таком, несколько неуклюжем рассуждении: «общего закона как запретительного, так и позволительного о переходе крестьян при Борисе, кольми паче при Федоре, еще не было, а бывали ограничения в частности, по времени и месту, по обстоятельствам, разные позволения и разные запрещения». Общего указа об отмене Юрьева дня не было, но в конце 16-го и начале 17-го вв. ряд правительственных распоряжений приостанавливает крестьянский переход то для отдельных землевладельцев по особым пожалованиям, то в целых областях государства, притом, то на определенный указный срок, а то вообще «до государева указу», т.-е. до нового особого распоряжения, которое заменит «заповедные годы» «выходными», и в 17-м веке, как видно из некоторых актов, крестьянский выход, исчезнувший из жизни, хранится, как мечта, в крестьянских толках, полных укора, что-де «при прежних государях бывали выходы, а при нынешнем государе выходов нет». С. Ф. Платонов в недавней книге своей «Борис Годунов» дал ценный итог нынешнему положению вопроса о происхождении крестьянского закрепления, причем связал начало политики «заповедных лет» с особым «уложением» Ивана Грозного о выходе и вывозе крестьян.

Так даже сравнительно небольшие по количеству извлечения из обширного архивного материала дают крайне ценную пищу научной работе историка. Но твердое основание и надлежащую широту эта работа может получить только при значительном усилении разработки существенных архивных залежей. В частности для истории крестьянства очередной задачей должно бы стать насущное дело систематического разбора и описания, а затем и издания богатого материала актов Поместного приказа и вообще Вотчинного архива, входящего в состав Московского архива юстиции. Тут хранится еще непочатая масса материала для истории землевладения, крепостного хозяйства и судеб крепостного хозяйства в 17-м (и более ранних) и 18-м веках. Для 19-го века мы не имеем такого основного фонда, так как губернская реформа Екатерины II разрушила прежнюю централизацию вотчинного дела, и для следующей эпохи архивные материалы расходятся по разным ведомственным архивам.

А, между тем, только значительное обилие соответственного материала дало бы возможность поставить изучение крепостного хозяйства, задачи, в которой интересным пионером выступил П. Б. Струве в книге «Крепостное хозяйство» (1913 г.); едва ли, с другой стороны, надо настаивать на мысли, что только изучение крепостного хозяйства даст надлежащую опору исследованию и крепостного быта, и крепостного права. Разработку как государственных, так и частных (вотчинных) архивов с этих точек зрения надо признать очередной задачей того отдела истории труда и трудового населения, который относится к историческим судьбам русского крестьянства до эпохи его освобождения от крепостной зависимости.

III.

В эпоху «освобождения» перед сознательными элементами русской общественности, принимавшими более или менее активное участие в работе над реформами, стал на очередь во всем его об'еме вопрос о крестьянстве, как общественном классе. По широко распространенному суждению, Россия вступала в период перестройки всего своего социально-политического строя на новых началах и, прежде всего, на обновленной освобождением крестьян социальной базе—всенародной, бессословной, демократической. «Народ пробуждается, народ призывается к действию», такова была не особенно определенная суть больших ожиданий. Но как воплотятся эти ожидания в живой действительности, было не ясно. Одни полагали, что формой их воплощения будет буржуазный строй, основанный на свободе труда и личной собственности, с правовой стороны—на формальном равенстве перед законом, со стороны политической—на конституционализме. Другие не мирились с мыслью о конституционно-организованном господстве обеспеченных материально классов (землевладельцев-помещиков и торгово-промышленной буржуазии) над трудовой массой населения, а главное не верили в силу и зрелость буржуазных (землевладельческих и капиталистических) элементов русской общественности для такого «западнического» направления и развития русской жизни.

Известное дело, как характерны для нашей интеллигенции пятидесятых и, особенно, шестидесятых годов, сознание своего бессилия для подлинного обновления русской жизни и мечты о том, что надлежащую мощную опору для творческой борьбы за это обновление дадут народные массы, пробужденные к деятельной активности. Самые «начала» грядущего нового строя всех социальных и политических отношений предстояло, с этой точки зрения, угадать и осмыслить для содействия их торжеству—путем изучения народного быта и народного мировоззрения. А под «народом», от которого так много ожидали и в который так крепко верили, разумели крестьянство. Точка зрения Карла Маркса, определенно установленная еще в сороковых годах, что только городской рабочий пролетариат представляет собою революционную силу, призванную заменить выродившийся феодально-землевладельческий и сменивший его буржуазно-капиталистический строй новым и в корень иным (социалистическим), не могла быть усвоена даже наиболее широкой и смелой русской публицистической мыслью по сравнительной слабости развития в России капитализма, а, стало-быть, и пролетариата.

Формула Герцена: «человек будущего в России—мужик, точно так же, как во Франции—рабочий» и выражала это состояние русской общественной мысли. На «народ», на «величие простой народной массы, которого никогда не можем достичь мы, со всей нашей отвлеченной образованностью и прививной гуманностью», оглядывались с надеждой революционно настроенные горожане-разночинцы, на него же не без страха озиралась дворянская интеллигенция, видя на Руси только две реальные силы—государственную власть и народную массу, силы, при сближении которых «все, что в промежутке, будет раздавлено и смято».

Спрашивали себя и те, и другие, чего ждать от этого «третьего лица» исторической драмы, переживаемой правительством и обществом, лица, которое еще не проявило себя, а в молчаливом ожидании «не раскрывает своих тайн»? Народ—крестьянство представлялся определенным цельным классом со своими глубокими навыками общественного быта, со своими особыми идеалами, которым суждено лечь в основу нового строя социальных и политических отношений. А среди представлений о тех особенностях народного быта, которым предстояло столь широкое развитие и столь огромное значение, первое место занимала крестьянская община с ее мирскими порядками, с ее отрицанием личной земельной собственности, с ее уравнительным землепользованием. Славянофилы идеализировали эту общину, как носительницу «внутренней правды», справедливых общественных отношений и общинной свободы, а русский утопический социализм видел в ней залог того, что «социализм, революционная идея может у нас сделаться народною» и воплотиться в жизни, помимо потрясающей борьбы с развитым буржуазным строем. Однако, преобладали среди деятелей крестьянской реформы иные суждения:

полагали, что с завершением «освобождения» и наделения землей, по осуществлении выкупной операции, крестьянство станет классом мелких земельных собственников, исчезнет сословная обособленность крестьянства с распространением на него общих узаконений, исчезнут постепенно и общинные порядки землепользования, поддерживаемые круговой порукой в уплате казенных податей. Споры и разногласия о значении и судьбах крестьянской общины получили в таких условиях большое практическое и принципиальное значение.

Научная историческая литература откликнулась на интерес к крестьянской общине рядом исследований об ее происхождении и об основах ее строя. И подобно тому, как говорилось недавно о происхождении крепостного права, можно и про вопрос о происхождении русской земельной общины сказать, что он «продолжает и теперь оставаться столь же спорным, как и 50 лет тому назад, во времена Чичерина и Беляева»: к такому заключению пришел в 1913 г. последний, кто сделал обзор этого вопроса в нашей литературе (см. «историко-критический очерк» П. Архангельского: «К вопросу о происхождении русской общины» в «Сборнике статей», посвященных Д. А. Корсакову, Казань, 1913 года; ср. Владимирского - Буданова, «Происхождение древне-русского общинного землевладения» в его «Обзоре истории русского права»).

А, между тем, разноречивые выводы о происхождении земельной общины имели, в борьбе различных идеологий той эпохи, не только научное значение: ими как бы обосновывались и, отчасти, предопределялись различные воззрения и предвидения относительно заложенных в быту и навыках народной массы возможностей грядущего развития—буржуазного или социалистического. Основные противоположные точки зрения были высказаны, как известно, с одной стороны, «западником» Б. Н. Чичериным, с другой—«славянофилом» И. Д. Беляевым. Чичерин (в двух статьях 1856 и 57 года: «Обзор исторического развития сельской общины в России» и «Еще о сельской общине»—см. в его «Опытах по истории русского права», М. 1858) ребром поставил вопрос о земельной общине с уравнительными переделами, как о результате правительственного воздействия на народную жизнь; «настоящее устройство сельских общин—писал он—вытекло из сословных обязанностей, наложенных на земледельцев с конца 16-го века, и преимущественно из укрепления их к местам жительства и из разложения податей на души». Уравнительность землепользования—следствие подушной раскладки податей; «обычай делить землю по душам не мог вкорениться раньше подушной подати», т.-е. раньше 18-го века. Так называемое «юридическое обезземеление крестьян», т.-е. отрицание крестьянских прав собственности на землю, которая вся либо помещичья, либо государственная, стало, с этой точки зрения, рассматриваться, как необходимая предпосылка для всякого «уравнения» и всех распорядков общинного землепользования. Но связывать все эти явления с последствиями установления при Петре Великом подушной подати оказалось невозможным. Чичерин и сам признал земельную общину 18-го века лишь последним моментом в долгом историческом развитии общинных отношений. Против Беляева, который отстаивал мнение, что крестьянская земельная община—наследие глубокой древности, а не новое явление, созданное закрепощением крестьян землевладельцам и государству, Чичерин возражал только упреком, что Беляев «не видит исторического хода в развитии нашей сельской общины», и попыткой наметить это историческое развитие от древней, по его представлению, «патриархальной»—общины к общине «владельческой», и далее—«государственной». В такой, более широкой, постановке вопроса спутывалось, однако, само понятие о предмете обсуждения; расширяясь, это понятие становилось слишком многогранным, захватывая ряд явлений из области не только поземельных отношений, но также административного строя и финансового управления Московского государства и даже более ранних эпох. Крестьянская община позднейшего времени представилась результатом вековой эволюции социальных форм, друг друга сменявших, от «родового быта» времен доисторических через территориальные общины исторического времени (волости) к сельским обществам с их общинным землевладением и землепользованием 18-го и 19-го столетий.

Для многих историков-социологов история сельской общины оказалась связанной с наследием «первобытного коммунизма» времен так называемого «родового быта», который представлялся особой стадией развития, проходимой всеми народами. Однако, представление это, усвоенное историками и социологами в 30-х и 40-х годах 19-го века из тогдашней этнографической литературы, остается в наше время не согласованным с выводами современной этнологии, которая выяснила большую сложность этого вопроса и сильно ограничивает мнение о распространенности и единообразии так называемых «родовых организаций» у разных племен (см. хороший обзор вопроса в статье А. Н. Максимова, «Теория родового быта»; «Сборник в честь 70-летия проф. Д. Н. Анучина, М. 1913 г.). Понятно, что попытки выяснить, как развились территориальные общины из родовых союзов, не могли дать прочного вывода; самая задача установить такое развитие, тем более не в какой-либо общей социологической конструкции,

а на определенной исторической почве—в условиях колонизиции Восточной Европы русскими славянами, должна быть признана мнимою.

Вопрос о русской общине есть вопрос об исторической связи крестьянской общины, какую мы наблюдаем в быту помещичьих и государственных крестьян 18-го и 19-го в.в. с волостными общинами 14—17 в.в. Изучение этих волостных общин (особенно в трудах А. Я. Ефименко, «Исследование народной жизни», М. 1884; П. И. Иванова, «Поземельные союзы и переделы на севере России в XVII в. у свободных и владельческих крестьян», М. 1901; М. М. Богословского, «Земское самоуправление на русском севере в XVII в.», 2 тома, М. 1909—1912 г.; Н. П. Павлова-Сильванского, «Феодализм в удельной Руси», Спб. 1910, ч. I: «Община и боярщина»; М. А. Островской, «Земельный быт сельского населения русского севера в XVI—XVII веках», Спб. 1913) выяснило их значение, как территориальных союзов и самоуправляющихся организаций, сложившихся в эпоху колонизационного расселения, а затем, как административных и финансовых единиц в составе Московского государства; выяснило это изучение также большую сложность их внутреннего быта, в частности—экономического в области поземельных отношений и промысловых предприятий. Но черт общинного землевладения и землепользования, подобных тем, какие характеризуют позднейшую сельскую общину, в этих волостных общинах не оказалось. Однако, развитие волостного быта под давлением все нараставших финансовых требований государства, которое вело дело к закрепощению волостных старожильцев, постепенно усиливало ограничение прав отдельных хозяйств, а затем и всей волости распоряжаться земельными участками и угодьями, и усиливало воздействие административной власти на поземельные отношения волостного населения, применительно к нуждам и выгодам финансовой системы раскладки и сборов. Этим подготовлено то уничтожение крестьянской собственности на земельные участки, которое оформлено знаменитыми «межевыми инструкциями» 18-го века и проводилось в жизнь с большой последовательностью во второй половине этого века и в начале 19-го. Политика эта находила опору в требованиях малоземельного меньшинства в среде севернорусского крестьянства, сильно дифференцированного по степени благосостояния с конца 16-го в. по мере усиленного развития архангельской торговли и промышленных предприятий в поморских областях. Так общинно-передельные порядки, так уравнительное землепользование возникают не только на землях государственных крестьян, но и во владельческих имениях, где «тягловая разверстка» и поравнение обусловлены тем же стремлением использовать всю наличную трудовую силу земледельцев как для обеспечения податной исправности населения, так и для нужд барского хозяйства. «Юридическое обезземеление» крестьянства является, действительно, существенной предпосылкой для возникновения и развития уравнительного землепользования.

О происхождении этого «юридического обезземеления» особую теорию построил В. И. Сергеевич («Древности Русского Права», т. III): он усмотрел его исторический источник в конфискации частновладельческих земель московскими государями, особенно в известных обширных новгородских конфискациях Ивана III, а затем в многочисленных конфискациях вотчин удельных князей и опальных бояр. На этих землях, ставших «землями царя и великого князя», как и вообще на землях, принадлежащих великим князьям, возникло землевладение крестьянских общин, о котором крестьяне выражались так: «земля царя и великого князя, а нашего владения»; общий оброк, налагаемый на целые крестьянские общества, имел следствием ряд мероприятий по их землеустройству, которыми подготовлено возникновение общинного землепользования с равными наделами тяглецов после введения подушной подати и под ее воздействием. В изложении Сергеевича не ясно и не убедительно оставалось представление, что «все землевладение крестьянских общин возникло на землях, составляющих собственность московских государей»; непонятным оставалось, как это совершился переход от порядков и отношений, возникших на определенных категориях земель, к распространению этих порядков и отношений на «все землевладение крестьянских общин». Впрочем, немногим лучше обстояло дело, когда другие исследователи просто относили встречающиеся в актах по отчуждению земельных участков выражения: «земля царева и великого князя, а моего владения» просто ко всей тяглой крестьянской волостной земле: происхождение представления, что вся земля—великокняжеская, оставалось невыясненным. Большую заслугу по выяснению всех этих недоумений надо признать за А. И. Андреевым, который установил (в исследовании: «Отступные грамоты», П. 1916), что упомянутые формулы, говорящие о «земле царевой и великого князя» (иногда: «земля Божия да государя великого князя» или: «государева царева вотчина») при продаже крестьянского участка, встречаются только в особой разновидности грамот, именно—отступных, и касаются сделок на участки оброчных земель великого князя; а земли эти первоначально отнюдь не смешивались с черными волостными. Лишь постепенно, со второй половины 16-го века, идет уравнение их в податном отношении с этими последними, причем начинает исчезать и различие между купчей на черную волостную землю и отступной на землю оброчную (великокня-

жескую). Много тут еще невыясненного, требующего дальнейших разысканий и нового материала.

Но если в деталях, требуемых отчетливым и точным изучением, еще многого надо ожидать от новых разысканий (особенно архивных), то в общем историческом воззрении можно, кажется, признать, что образование общинного уравнительного землепользования явилось результатом подчинения земельного быта народной массы государственному строю, опиравшемуся на землевладельческие основания как служило-сословного строя, так и всего государственного властвования. Крестьянская община—одно из проявлений того нивелирующего сельскую массу воздействия, какому она подвергалась со стороны владельческой силы и государственной власти. А воздействие это выковывало из массы сельского населения особый общественный класс, входивший как трудовая сила в экономическую систему землевладельческого крепостного хозяйства, по типу которого строилось и хозяйство государственное, поскольку оно относилось к положению крестьян государственных, зачисленных, в конце концов, в состав «государственных имуществ».

Как вопрос о происхождении крестьянской общины, и об условиях ее развития на частных и казенных землях, так и вопрос о составе крестьянства (оброчного и барщинного), т. е. о том, насколько по мере развития денежного хозяйства, торговли и промышленности, работы на рыночный сбыт, зарождалось и нарастало расчленение крестьянства в экономическом отношении еще при господстве крепостного права, вопреки его угнетающему развитие экономического быта и нивелирующему давлению, требуют, прежде всего, широких разысканий в государственных и вотчинных (частных) архивах по истории крепостного хозяйства. Только такие разыскания дадут возможность уяснить на прочном основании, пока только намеченные в общих чертах экономические причины, с одной стороны, падения крепостного права, с другой-же, устойчивость его пережитков после «освобождения», медленность поворота всей народной жизни на новые пути.

Крестьянская община не оправдала ни одного из ожиданий, какие с нею связывали разные группы «людей шестидесятых годов». Она не исчезла бесследно, уступая место индивидуалистическому буржуазному землевладению, но, представляя собою соединение общинного землепользования с индивидуальным, подворным хозяйством, не стала ячейкой коммунистического развития, так как осталась чуждой общинному производству. Не сохранила она от разрушения «устоев» крестьянского быта и единства крестьянства, как особого класса, так как даже до освобождения, и тем более после него не устраняла все нараставшего разложения крестьянской массы на разные слои по степени зажиточности от более или менее крупной сельской буржуазии до сельского безлошадного, а то и бездомного пролетариата. «История крестьянства» после освобождения есть, преимущественно, история его постепенного разложения в новых условиях народного хозяйства. Процесс этот,—осложненный правительственными мероприятиями, тщетно направленными на его задержку, и переселенческим движением, которое разрежало, по местам и временам, напряженность новых отношений, и аграрными движениями—ярким свидетельством этой напряженности,—подлежит еще обстоятельному изучению по материалам, частью изданным, частью еще покоющимся в архивах. Довольно обширная литература по этим вопросам не столько исторического, сколько экономического и публицистического характера, не входит в задачи настоящего очерка, хотя общий ее обзор представляется весьма желательным.

А. Пресняков.

Принудительное обращение помещичьих крестьян в горнозаводские рабочие.

Из истории крестьянских волнений.

I.

Возникновение первого в России горного завода относят к 1628 году. То было, однако, единичное явление. Да и заводы, позже строившиеся иноземцами и богатыми боярами при содействии правительства, представлялись, можно сказать, случайными. Условия политической и экономической жизни России в 17-м веке не благоприятствовали развитию фабрично-заводской деятельности. Только со времени Петра I правительство принимает известные меры к созданию крупного производства. Для обеспечения государства организованной военной силою оно стало устраивать горные и оружейный заводы, парусные, полотняные и суконные фабрики, каковые нередко передавало частным лицам; вместе с тем оно поощряло разного рода пособиями частную инициативу. С этого лишь времени начинается живая история русского завода [1]).

Много трудностей приходилось заводчикам преодолевать при разрешении вопроса о рабочей силе. Имелись три вида рабочих рук: вольные люди, казенные крепостные крестьяне и помещичьи крепостные крестьяне. Число вольных рабочих не могло быть велико, так как сельское население находилось в крепостной зависимости, а городское было малочисленно. К тому же, помимо своей недостаточности, вольные рабочие не удовлетворяли заводчика и тем, что их труд был неустойчив: искусных мастеров было мало, их надо было создавать, между тем вольный рабочий, научившись мастерству у данного предпринимателя, мог в любое время уйти к конкуренту. В виду этого, несмотря на то, что правительство, в угоду заводчикам, ограничивало свободу вольных рабочих, а также отправляло на частные предприятия бродяг, незаконнорожденных, женщин, присужденных к наказанию за проступки, и проч., превращая их порою в крепостных данного предприятия, заводчики все-же всячески добивались возможности пользоваться трудом крепостного крестьянства.

Правительство вообще снабжало частные заводы рабочей силою, приписывая к ним деревни с казенными крестьянами; но дорожа своими крестьянами, а вместе с тем стремясь принудить предпринимателей набирать для заводов вольных безработных, «гулящих» людей, оно не всегда предоставляло казенных крестьян заводчику, а если и давало их, то отнюдь не в требуемом количестве.

Оставались еще помещичьи крестьяне, но первоначально заводчики, не принадлежавшие к дворянству, не могли в силу общих постановлений иметь крепостных; дворяне же, владея «душами», не могли по своему усмотрению обращать их на заводские работы. Но в целях размножения фабрик и заводов Петр I разрешил (18 января 1721 г.). как дворянам, так и «купецким людям» покупать с дозволения берг- и мануфактур-коллегии деревни, становившиеся принадлежностью самого предприятия, но не его хозяина. Позже (17 января 1752 г). было определено, какое именно количество крестьян может покупать каждый заводчик в отдельности;

---

[1]) Ср.: *В. И. Семевский*, «Крестьяне в царствование имп. Екатерины II», том I (1881 г.), часть «Поссессионные крестьяне»; *М. Туган-Барановский*, «Русская фабрика в прошлом и настоящем,» т. I (1898 г.). Рукописный очерк сенатского секретаря К. Крамаренкова, составленный около 1776 г., «О начале, переменах и умножении в России рудокопного дела и горных заводов» (извлечение из очерка напечатано во 2-ой части настоящей книги).

напр., для железных заводов на домну не более ста дворов, считая во дворе четыре души мужского пола, да к двум молотам по тридцать дворов. Это правило не было распространено на дворян; однако вообще деревни, купленные дворянами для завода, брались на особый учет, подлежали правительственному контролю; поэтому другие деревни дворянина (находившиеся в его владении на вотчинном праве) не могли быть причислены им самовольно к заводу. Лишь в конце 18-го века дворяне получили возможность всецело без контроля правительства распоряжаться крестьянами, купленными для завода, если таковой не пользовался пособием от казны землей и лесом (тем не менее в 1820 г. авторитетные законоведы [1]) признавали, что дворянин, в роли заводчика, не имеет права переводить своих крестьян на завод в другую губернию).

Право покупать помещичьих крестьян для заводов приобрело сугубое значение, когда в 1760 г. была приостановлена приписка казенных крестьян к частным предприятиям. Между тем вскоре последовало также запрещение покупать помещичьих крестьян для заводов (указ 29 марта 1762 г., подтвержденный 8 августа того-же года), что особенно дало себя чувствовать купцам. К тому времени число вольных рабочих возросло, однако заводчики попрежнему нуждались в крепостном труде, вследствие чего всячески обходили запрет. В виду этого было вновь разрешено (16 марта 1798 г.) покупать для заводов населенные деревни [2]) на следующих основаниях: число покупаемых крестьян определяется указом 1752 г. (вышеупомянутым); деревни навсегда остаются при заводе; крестьян нельзя переводить на другой завод одиночками или семьями; половина купленных крестьян работает на заводе, прочие остаются при сельском хозяйстве. Последние два условия имели, как видно, целью оградить купленные деревни от разорения, удержать крестьян на их земле. Законодатель, очевидно, не допускал и мысли о возможности полного увода всех крестьян из купленной деревни на отдаленный завод, благодаря чему крестьяне остались бы без земли, а земля без крестьян. Но уже в 1802 г. пришлось издать закон в том, что деревни покупать к заводам можно только в местности, лежащей вблизи завода, дабы не было надобности переселять крестьян на завод, что лишало их возможности обрабатывать свою землю и владеть своим имуществом.

Но это постановление и в дальнейшем не всюду соблюдалось, вследствие чего и возникли те крестьянские волнения, которые описываются в настоящем очерке.

В 1807 г. по отношению к горным заводам Уральского хребта [3]) было постановлено: вместо приписки целых деревень с казенными крестьянами, впредь давать частному заводу лишь по 58 душ с каждой тысячи крестьян, приписанных к нему; крестьяне, переходящие таким образом на заводские работы, именуются «непременными работниками»; прочие, остающиеся на земле, обязаны материально поддерживать «непременных работников» (устройство дома, лошадь с упряжью). При этом правительство попрежнему желало, чтобы заводы «как можно меньше брали казенных крестьян» в виде непременных работников, чтобы заводы наполнялись вольными рабочими, а при отсутствии последних—помещичьими крестьянами, специально покупаемыми для завода; с этой целью была уменьшена подать с тех заводчиков, которые откажутся от казенных непременных работников (и от казенных земли и леса). Но так как в области Уральского хребта было мало помещичьих деревень и, следовательно, предусматривалась необходимость переводить туда крестьян из отдаленных мест, то, в виде отступления от закона 1802 г., требовавшего, чтобы заводчики покупали крестьян лишь в окрестностях, были установлены для Уральского хребта следующие правила: заводчик может издалека переселять крестьян на завод, но он обязан давать им то пособие, какое полагается «непременным работникам»; переселять можно, не разлучая членов семьи; жалованье и провиант выдаются в размере, определенном для непременных работников; крестьяне могут быть привлекаемы только к работам по заводу и к хлебопашеству на заводских дачах или отводах; переселенцы, прослужившие 30 лет, а их дети 40 лет, вправе требовать личной свободы [4]).

---

[1]) Журнал совета комиссии составления законов от 26 ноября 1820 г. Архив госуд. совета, департ. законов, 1820 г., дело № 10, стр. 160—9.

[2]) Предоставленное купцам право покупать помещичьих крестьян рассматривалось правительством как «пособие от казны», за каковое купец должен был платить казне; «пособие со стороны казны заводчикам недворянам состоит не в одних только людях казенных, но и в праве иметь людей, купленных собственным капиталом». Первое полное собрание законов, № 22498, стр. 1056.

[3]) Высочайше утвержденный 15 марта 1807 г. доклад министра финансов. Первое полное собрание законов, № 22498, стр. 1062—63.

[4]) Эти условия были менее благоприятны, чем те, которые были установлены для суконных фабрик в 1806 г., так как покупка крестьян к суконной фабрике нуждалась в каждом отдельном случае в высочайшем разрешении; свобода давалась после 20-тилетней работы. Первое полное собрание законов, № 23132, стр. 411—12.

II

В Череповском уезде Новгородской губернии, а также в Вельском и Кадниковском уездах соседней Вологодской губернии были расположены селения, принадлежавшие некогда княгине Дашковой и ее сыну; в селениях Новгородской губернии насчитывалось 1312 мужчин, а в Вологодской — 319. Владельцы хорошо относились к своим крепостным крестьянам и намеревались передать их по завещанию в род Воронцовых или же освободить от крепостной зависимости. Но наследием Дашковой овладела ее дочь, по мужу Щербинина. В конце 1811 г. она продала указанные селения надворному советнику Александру Ивановичу Яковлеву [1]), которому принадлежали Холуницкие железные заводы в Слободском уезде Вятской губернии в расстоянии около восьмисот верст от купленных имений [2]).

Уже один переход в руки нового владельца не мог не взволновать бывших дашковских крестьян, обладавших денежными средствами, лелеявших надежду стать свободными. Но еще более сильное движение должна была вызвать страшная весть, что новый хозяин тотчас-же приказал отправить здоровых людей на Холуницкие заводы. Крестьяне отказались признать Яковлева за своего господина, настаивали, чтобы им разрешили вернуть Яковлеву деньги, уплаченные им Щербининой, дабы они стали свободными, или же, чтобы их перечислили в казенные крестьяне.

Яковлев торопился использовать для нужд заводов вновь приобретенную живую силу. Он прислал с этой целью своего дворового человека Ведерникова, которому и удалось отправить на заводы из деревень Новгородской губернии 200 крестьян; но в Вологодской губернии, откуда надо было забрать 70 душ, его постигла неудача: здешние крестьяне отказались повиноваться. Яковлев прислал собственноручно подписанный приказ (25 января 1812 г.) о немедленной высылке людей. Но это не помогло. Крестьян, как видно, подкрепляло то обстоятельство, что вельский земский суд дал знать, что без распоряжения высших присутственных мест нельзя переводить крестьян не только из одной губернии в другую, но даже за пределы округи. Однако земские полицейские начальники стали на сторону Яковлева, и это позволило Ведерникову похваляться, что он переселит на заводы не только семьдесят человек, но и многих иных, а прочих выведет в другие места, а дома их сожжет. Угроза привела крестьян в такое смятенье, что все молодые выразили желание пойти в солдаты (т.-е. на ту службу, хуже которой, казалось, ничего не могло быть!), лишь бы избавиться от Яковлева. Убедившись, что на помощь местных властей нельзя рассчитывать, крестьяне, в лице своего выборного Иванова, обратились с жалобой к Вязмитинову, главнокомандующему в Петербурге и управляющему министерством полиции. Описав случившееся, Иванов указывал в прошении, что Яковлев отправил крестьян на заводы как-будто лишь для временной работы, но все знают, что навсегда.

Вологодскому губернатору не удалось склонить крестьян к признанию Яковлева; они отвечали, что пока не последует решения государя по просьбе, отправленной чрез ходоков, Тихонова с товарищами, до тех пор они никому повиноваться не будут и «произвольно живые в руки не дадутся»; под господство Яковлева не пойдут, разве их изрубят и он возьмет их трупы. Присутствие вызванного воинского отряда не смущало крестьян. Между тем комитет министров (ознакомившийся с происшествием в имении Яковлева по докладу Вязмитинова), оставив без внимания указ 1802 г., запретивший переселять крестьян на отдаленные заводы, предписал (2 июля 1812 г.) губернатору потребовать от крестьян именем государя, чтобы они повиновались новому хозяину...

Несчастье сплотило бывших дашковских крестьян: Тихонов, родом из Вологодской губернии, хлопотал и за новгородских собратьев; а Степанов, живший в Новгородской губернии, выступал на защиту и вологодских крестьян. Они действовали сообща. В июне 1812 г. Тихонов подал Вязмитинову прошение, в котором заявил, что Яковлев, вовсе не интересуясь приобретенным имением, хочет перевести на завод всех дашковских крестьян, а затем продать земли вопреки закону, воспрещающему покупать и продавать крестьян без земли. А два месяца спустя узнав,

---

[1]) Родоначальник Яковлевых, известных своим богатством, Савва (дед Александра Ивановича), мещанин г. Осташкова, прибыв в Петербург (по семейному преданию—пешком), стал сперва заниматься рыбною торговлею, а накопив капитал—откупом таможенных сборов, нажив миллионы, купил несколько заводов у Демидова и у др., устроил полотняную фабрику в Ярославской губернии. В 1762 г. был произведен в коллежские ассессоры, что дало ему потомственное дворянство *(А. Б. Лобанов-Ростовский,* «Родословная книга», 2, стр. 453—459). См. также «Русское Богатство», 1899 г., кн. 3, стр. 209.

[2]) Архив министерства внутренних дел, департамент полиции исполнительной, 1812 г., дело № 159/677 „Об ослушании крестьян, купленных надворным советником Яковлевым у помещицы Щербининой".

повидимому, о решении комитета министров, Тихонов решился послать прошение государю; из этой бумаги мы узнаем, что Ведерников немилосердно высек 150 человек, у многих забрал имущество, у иных разрушил дома, отобрал скот, запретил производить сельские работы, увеличил размер подати; выборного Иванова, который привез из Новгорода бумаги, говорившие в пользу крестьян, неизвестно куда отправили. Но это прошение, как и дальнейшие, остались без ответа.

Время шло. Вологодские крестьяне были непоколебимы. Когда Яковлев, вызвавшись, в виду войны, дать 87 конных и пеших воинов, распорядился набрать их из числа вологодских крестьян, губернатор сообщил, что это неисполнимо, так как крестьяне остаются «в дерзновенном неповиновении».

А между тем началось волнение также и среди новгородских крестьян. По их жалобе новгородский губернатор в свое время послал заседателя, чтобы остановить отправку 200 человек, но заседатель, поселившийся у Ведерникова, стал избивать крестьян, доискиваясь, все ли дали доверенность Иванову, хотя никто не отрицал своего участия в этом деле; а Ведерников по ночам вязал спящих крестьян, старосте обрил половину головы и бороды; от побоев многие умерли, и их семьи пошли по миру. Губернатор не обратил внимания на таковые притеснения, и это заставило крестьян выйти из повиновения. Прибывшая сотня казаков не только не усмирила их, но—по словам губернатора—еще более раздражила. И не удивительно. По заявлению Тихонова и Степанова, введенные в деревню башкиры стали чинить крестьянам тяжкие обиды: избивали, грабили крестьян, насиловали их жен и дочерей, хватали молодых людей и полуобритыми, связанными отправляли в Череповск. Наконец, крестьяне подняли восстание. До шестисот крестьян вооружились пиками, бердышами, рогатинами, ружьями и даже двумя пушками. Ставя себе в пример вологодских собратьев, они поклялись не выдавать друг друга, не признавать ничьей власти, кроме государевой. Казаки, как видно, были изгнаны, и губернатор обратился в Петербург за разрешением усилить воинский отряд, так как крестьяне «явно показывают свою неустрашимость».

Новгородские крестьяне нашли-было защитника в лице губернского депутатского дворянского собрания, к которому они обратились (март 1813 г.) с жалобой, что хотя срок, на который 200 душ были отправлены на завод, истек, они не возвращены; вместе с тем крестьяне указывали, что лишены возможности уплачивать государственные подати, так как разорены новым хозяином. Губернский предводитель дворянства уведомил об этом губернатора, прося принять надлежащие меры, но губернатор ответил, что депутатское собрание не должно было дозволить крестьянам представлять подобные бумаги. В виду этого предводитель дворянства, имевший счеты с губернатором, уведомил Вязмитинова о жалобе крестьян.

В это время по пути из Вологды в Петербург ехал сенатор граф Хвостов. Узнав о волнении в новгородском имении Яковлева, он вызвал небольшой воинский отряд и быстро усмирил крестьян, арестовав двух вожаков; после сего он отослал прочь воинский отряд. Возмущенный тем, что Яковлев отправил на завод двести крестьян, Хвостов поспешил известить обо всем председателя комитета министров.

Имея пред собою донесения влиятельных Хвостова и предводителя дворянства, комитет министров иначе, чем раньше, отнесся к событию в Яковлевой вотчине; он (4 апреля 1813 г.) постановил: расследовать жалобы, принесенные крестьянами депутатскому собранию, и запретить Яковлеву переселять крестьян на заводы, обязав его подпиской вернуть домой двести человек.

Вологодский и новгородский губернаторы не могли быть довольны таким оборотом дела; оба они не намеревались направить волнения к благополучному для крестьян исходу.

За несколько дней до получения последнего распоряжения комитета министров новгородский губернатор был извещен, что земский исправник посетил деревню Давыдово, чтобы проверить, действительно ли крестьяне раскаялись вследствие увещевания Хвостова. И оказалось, что крестьяне твердо решили ни при каких обстоятельствах не покориться Яковлеву; если иные обещали Хвостову подчиниться новому хозяину, при условии, что никто не будет арестован, то лишь для того, чтобы были выведены башкиры; губернатору и земскому суду крестьяне не верят, так как все действуют в угоду Яковлеву; они ждут вестей от своих ходоков. Это сообщение, повидимому, не заключало в себе преднамеренного преувеличения. По сведениям, собранным в соседних селениях, причиною возмущения новгородских крестьян была не только отправка на заводы, но также «привычка к вольности, какою они прежде пользовались при владетельнице Щербининой». После мирных дней, проведенных у Дашковых, жизнь под господством заводчика должна была казаться ужасной, и легко допустить, что даже будучи обнадежены Хвостовым, что отправка на заводы будет отменена, новгородские крестьяне не в силах были преодолеть страх пред завтрашним днем, так как понимали (и это впоследствии оправ-

далось), что, лишившись теперь возможности использовать вновь купленных крестьян для нужд заводов, Яковлев позже вновь станет добиваться перевода их туда. Если верить свидетельству вологодского губернатора, то и вологодские крестьяне даже после об'явления им, что предполагавшаяся пересылка 70 человек не состоится, отказались подчиниться Яковлеву, требуя, чтобы их отдали законным наследникам Дашковых или казне. Но все же надо помнить, что не только в ту пору, когда прибыл на разведки исправник, но и позже новгородские крестьяне ничего не знали о состоявшемся распоряжении комитета министров: такая неизвестность должна была держать их в воинственном настроении; этим следует об'яснить также поведение вологодских крестьян: предполагая, что в отношении новгородских крестьян пересылка на заводы не отменена и не имея благоприятных известей от ходоков, они могли опасаться, что об'явленная им отмена переселения 70 человек является частной временной мерой и может быть даже только уловкой.

Как бы ни было, получив донесение исправника, что Хвостов вовсе не привел крестьян к раскаянию, новгородский губернатор приказал вернуть в деревню башкирский отряд. Выразив благодарность Хвостову за усмирение волнений и извиняясь за отмену его распоряжения о выводе башкир, губернатор об'яснил, что он потому так поступает, что от большого пожара остаются искры, а главное потому, что хотя «сам Яковлев виноват, но право помещика золотит худую его пилюлю», т.-е., если только мысль губернатора нами верно понята, и беззаконный поступок помещика не должен служить причиною умаления его прав. Такому взгляду на отношения между господином и крестьянами губернатор не изменил и тогда, когда ему пришлось выполнить постановление комитета министров: он сообщил Вязмитинову, что поведет следствие по жалобам крестьян секретно, дабы оно не было истолковано «в худую сторону» соседними селениями, которые также могут оказать неповиновение и выдумать, будто их обременяют поборами. Но заслуживает особого внимания то, что губернатор, как уже было выше отмечено, не оповестил крестьян о состоявшемся к тому времени постановлении комитета министров об отмене переселения их на завод. При таком условии посылка башкирского отряда в деревню приобретала провокационный характер.

Башкирский отряд, в течение продолжительного времени, не смог войти в деревню, встречая организованное сопротивление со стороны крестьян. Эта неудача об'яснялась тем, что военное начальство имело из Петербурга предписание избегать кровопролития. В виду этого губернатор обратился к Вязмитинову за разрешением применить вооруженную силу. Об этом хлопотал и вологодский губернатор. Еще не осведомленный о постановлении комитета министров, он донес Вязмитинову, что все старания «тронуть ожесточенные сердца бунтующих крестьян и переловить главнейших из них» не удались: они изгоняют из селений «увещателей», угрожая оружием, а их старейшины не покидают деревни из осторожности; по общественным делам отправляются такие крестьяне, которые к бунту не причастны; «таким образом—назидательно говорил губернатор—упорное сопротивление означенных крестьян, продолжаясь с одинаковым ожесточением более уже года», служа вредным примером для соседей, требует принятия воинских мер. А между тем он отлично сознавал, что крестьяне без вины виноваты. Позже, уж зная, что комитет министров отменил переселение крестьян, губернатор осмелился откровенно сказать, что главною причиной неповиновения крестьян явилась «поспешность, с которой Яковлев потребовал отправки людей на заводы из имения, где жители, обыкнув упражняться почти в едином хлебопашестве, постоянно находились при домах своих, отлучаясь для работ только в близкие места и то на короткое время, и потому будучи привязаны к месту рождения своего сильнее, вообразили, что они с тех заводов никогда в дома свои не возвратятся, а останутся там вечно в работниках».

Хвостов пришел в негодование, узнав, что новгородский губернатор позволил себе нарушить его распоряжение. Он не замедлил сообщить об этом высшим властям, и, повидимому, под его личным воздействием было решено ближе ознакомиться с тем, что происходило в вотчине Яковлева.

Домогательства обоих губернаторов о предоставлении им полноты власти не были удовлетворены. Комитет министров поручил (13 мая) ликвидацию волнений полковнику свиты его величества Чуйкевичу, предписав ему прежде всего об'явить крестьянам, что их требования касательно оставления на месте приняты; но если и после этого крестьяне не подчинятся Яковлеву, тогда Чуйкевич обязан, обеспечив себя достаточным количеством войск, захватить зачинщиков и предать их суду с тем, чтобы приговор был тотчас же приведен в исполнение.

В это время (быть-может, по желанию Чуйкевича) Вязмитинов запросил новгородского губернатора: об'явил-ли он крестьянам, что их не переведут на заводы? Губернатор ответил, что не имел соответствующего предписания свыше, «самому же собою сделать оное—так оправдывался губернатор—я не осмеливался». Это об'яснение не удовлетворило Вязмитинова. Он не

приминул возразить губернатору, что, получив уведомление о постановлении комитета министров, он должен был дать знать об этом крестьянам, «поелико оное всего ближе могло служить к их успокоению», «кажется ничто—писал Вязмитинов в заключение губернатору—не препятствовало довести сие до сведения крестьян». Однако было бы ошибочно думать, что губернатор поступил в данном случае легкомысленно. Нет, это был, очевидно, человек рассудительный, дальновидный. Он уклонился от инициативы в столь щекотливом деле, опасаясь, что самовольное об'явление крестьянам резолюции комитета министров повлечет за собою выговор со стороны Вязмитинова. Это не было безосновательно: Вязмитинов заинтересовался вопросом, послал-ли губернатор крестьянам добрую весть, только тогда, когда комитет министров потребовал, чтобы Чуйкевич первым долгом сообщил крестьянам, что их желания удовлетворены; но за месяц до того, в конце апреля, то самое министерство полиции, во главе которого стоял Вязмитинов, отказало ходоку Степанову в выдаче копии с постановления комитета министров...

Когда Чуйкевич, собрав вокруг себя достаточное войско, вступил в сношение с бунтовавшими крестьянами, волнение среди них улеглось. Они встретили его миролюбиво, узнав, что останутся на месте. Но в тупору пришли с завода давно жданные собратья. И это обстоятельство оказалось роковым. Стало известно, что многим из них не суждено было вернуться домой. По об'яснению Яковлева он хотел в своих же интересах вернуть крестьян к сроку, и что он вообще не осмелился бы, в нарушении указа 15 марта 1807 г., обратить в число постоянных работников тех крестьян, которых отправил на завод, разлучив с семьями; но в 1812 г. по Слободской округе свирепствовала эпидемическая болезнь; жители зараженных окрестных селений, приходившие работать на завод, были так слабы, что не могли возвращаться на ночь домой, а потому они жили вместе с крестьянами из Новгородской губернии; благодаря этому многие крестьяне заболели и умерли; отпустить же остальных нельзя было, так как это было сопряжено с опасностью для их жизни, а кроме того таким путем болезнь всюду распространилась бы. Возможно, что в этих словах была доля правды. Однако вернувшиеся с заводов вероятно рассказали своим односельчанам много горестного о жизни на заводах, и тогда крестьяне вновь заволновались. Чуйкевичу пришлось покинуть селение. Убеждения начальства и проповедь вызванного архимандрита не имели успеха. Тогда ночью войска двинулись на крестьян. Завязался упорный бой: крестьяне «дрались и отражали башкирцев отчаянно», Чуйкевич и многие из его отряда были ранены; среди крестьян насчитали до 20 убитых. Возмущение было подавлено. Стало спокойно. Но вместе с тем и безлюдно. Крестьяне разбежались. По словам Чуйкевича, они стали возвращаться в большем количестве лишь с прибытием 170 солдат вологодского полка, так как только тогда крестьяне поняли, что правительство, действительно, решило их усмирить; а ранее они полагали, что башкиры действовали, будучи подкуплены Яковлевым; многие, однако, продолжали скрываться в ожидании возвращения ходоков; воспретить окрестным селениям снабжать беглых хлебом нельзя было, так как все были на стороне восставших.

В Вологодской губернии суд над крестьянами состоялся без всякой задержки. Так как уездный город Вельск был далек от места происшествия, то во избежание промедления губернатор предложил уголовной палате миновать вельский уездный суд, и палата согласилась. Был вынесен следующий приговор: старосту, сотского и еще одного крестьянина подвергнуть телесному наказанию (200 и 150 ударов), а затем, вырезав им ноздри и поставив на лбу и щеках «указные штемпелевые знаки», сослать в Нерчинск в вечную каторжную работу; одного крестьянина наказать ста ударами и сослать в Сибирь на поселение. Прочие были освобождены от кары.

Новгородская палата оказалась менее уступчивой, чем вологодская; она направила дело о семи зачинщиках (другие семеро скрылись) в череповский уездный суд для производства следствия; это обидело Чуйкевича и военного министра, который заявил, что свидетельства одного Чуйкевича достаточно для вынесения приговора виновным в возмущении, и что надо немедленно наказать зачинщиков, дабы башкиры могли затем выступить в поход. В результате комитет министров предписал новгородской палате вынести приговор, не требуя расследования дела уездным судом.

III.

Яковлев не мог примириться с тем фактом, что крестьяне, купленные им для завода, остались на своих местах. Он не имел надобности в земледельцах; ему нужны были рабочие. К тому же и самолюбие не позволяло ему признать себя побежденным. В 1813 г. Яковлев возобновил попытку перевести на завод бывших дашковских крестьян [1]). Пермское горное правление донесло министру финансов, что согласно закону 1752 г. на заводах Яковлева должно быть 4.556 человек, однако имеется всего 903; хотя недостающее число можно было бы частью пополнить путем найма вольных людей, но местные крестьяне, забрав на заводе много денег вперед, не выполнили работу в надлежащее время и в должном размере; в виду этого, а также недостаточного числа вольных рабочих, правление просило дозволить Яковлеву перевести на заводы бывших дашковских крестьян «сколько для безостановочного действия заводов, столько и для умножения горных податей». Министр финансов обратился за разрешением в комитет министров, об'ясняя, что закон 1802 г. неприменим к Вятской и Пермской губерниям, так как здесь нет возможности приобрести помещичьих крестьян в близком от заводов расстоянии. Но комитет министров отклонил домогательство Яковлева (23 января 1814 г.), так как он в свое время нарушил требования закона 1807 г., не испросив предварительно разрешения властей на перевод крестьян, не оказав им пособия, не предоставив им те «выгоды», которые предусматривал упомянутый закон, да к тому же под предлогом временной работы перевел туда многих крестьян, разлучив их с семьями, оторвав от дома.

Тогда Яковлев задумал купить новые деревни, чтобы перевести крестьян, придерживаясь требований закона 1807 года. Министр финансов дал на это свое принципиальное согласие, вследствие чего горное правление позволило Яковлеву приобрести в Вятской губернии четыре деревни, в расстоянии 350 верст от заводов, с 514 душами мужского пола. Прежде всего были куплены у помещиц Свешниковой и Рехенберг деревни Аристова и Шишелева в Яранском уезде с 361 мужч. Крестьянам было об'явлено (13 октября 1815 г.), что они проданы Яковлеву, и они обязались при первом требовании перейти на заводы. Очевидно, они дали такую подписку или по невежеству, или рассчитывая, что их будут отправлять на заводы лишь для временных работ. По словам их ходока Петрова, они «предполагали быть в рабстве все равно, как у прежних помещиц». Вот почему, когда 1 декабря им заявили, что их тотчас отправят на заводы, они пришли в крайнее смятение. Крестьяне были зажиточны; хорошая земля, скот в достаточном количестве, избы, крытые тесом,—все это создавало благоприятные условия жизни. Прибывший в деревню Аристову знакомый нам Ведерников приступил к описи крестьянского имущества. Он согласился дать крестьянам отсрочку до 6 декабря; он готов был и далее отложить перевод, но старший приказчик велел немедленно ехать. Тогда крестьяне послали в Москву, к Яковлеву, двух ходоков, чтобы, опираясь на закон 1802 г., запрещавший перевод на дальние заводы, выпросить отмену распоряжения или, по крайней мере, отсрочку до умолота хлеба и продажи имущества (Ведерников уменьшал при описи цену имущества, дабы поживиться крестьянским добром!). Но Яковлев отказал и велел наказать выборных [2]).

Яковлев об'яснил властям свой отказ тем, что крестьяне добивались отсрочки лишь с целью позже совсем отказаться от переселения. Действительно, они надеялись, что им удастся выхлопотать отмену перевода, как это было с дашковскими крестьянами, с которыми вятские

---

[1]) Архив министерства внутренних дел, департамент полиции исполнительной. 1815 г., дело № 140 «О крестьянах надв. сов. Яковлева, оказавших непослушание в переселении их в заводы»; архив госуд. совета, департамент законов. 1816 г., №№ 2 и 13 „О пересмотре закона о переселении и переводе помещиками крестьян"; там же, 1820 г. №№ 10 и 40, 1829 г. № 28 (одно дело). К делу 1816 г. приложено оставшееся в делопроизводстве госуд. совета дело министерства полиции от 1815 г. № 88 (о возмущении крестьян Яковлева).

[2]) Заподозрив Ведерникова в покровительстве крестьянам из личных корыстных видов, Яковлев послал ему грозное письмо: «Душевно скорблю, что за дальним расстоянием—так писал между прочим Яковлев—не имею столько силы и власти, чтобы сию минуту быть бы мне так близко возле тебя, чтобы руки мои на голове твоей не оставили ни одного волоса, а спину твою сделали мягче брюха... Скажи мне, изверг человечества, какой имеешь ты в голове гнусный план против меня, что в течение шести недель не можешь ты купленных мною крестьян на заводы перевести?.. Предписываю тебе, что если ты хочешь поберечь своей головы, чтобы она не была поставлена в станок, то с получением сей эстафеты купленных мною крестьян, руководствуясь посланным к тебе наставлением в рассуждении которых оставить следует, всех до единого на заводы отправляй». Письмо Яковлева, как и другие сведения, приведены в сборнике «Столетие Вятской губернии», том II (1881 г.) в главе «Волнения между крестьянами, купленными заводчиком Яковлевым и т. д.».

находились в сношениях. Вятские крестьяне обратились за помощью к местным властям, «но богатство господина Яковлева,—по словам ходока Петрова,—заслепило всем глаза». В виду этого, они отправили двух ходоков в Петербург просить не лишить их «кормилицы»-земли и дозволить им или выкупиться на волю, или остаться у Яковлева на оброке. Извещенный об этом, губернатор потребовал, чтобы крестьяне немедленно перешли на заводы, но крестьяне решили не покидать деревни, о чем уведомили губернатора письменно в торжественных выражениях, заявив, что готовы отдать в военную службу всех своих мужчин в возрасте от 17 до 40 лет, лишь бы не пойти на заводы.

Губернатор ясно сознавал, в какое отчаяние должно было привести крестьян требование расстаться навсегда с деревней, где они жили из поколения в поколение, покинуть привычный труд, разрушить отчий дом. В частном письме к министру полиции Вязмитинову (24 января 1816 г.) он указывал: «Яковлев впредь предвидеть был должен, что общая привычка крестьян к земледелию, приемлемая ими еще от прадедов своих, оставить свое водворение и переместиться в заводские работники не есть маловажная перемена, а когда бы господин Яковлев брал работников только для работы, оставя старых и малых в своих положениях, то верно сего бы быть не могло. Когда же сих крестьян силою водворять в заводы, не ручаюся, чтобы оные не чинили побегов и разных злодеяний». Но все-же губернатор ничего не сделал для разрешения конфликта, всецело охраняя лишь интересы заводчика. И поэтому случилось то, что губернатор имел в виду, говоря: «сего бы быть не могло», а именно—кровавое столкновение крестьян с солдатами.

Поощряемые депутатами от вологодских и новгородских крестьян, вышедших победителями из борьбы с Яковлевым, вооруженные дубьем и ружьем, яранские крестьяне, к которым присоединились также женщины, а равным образом и чужие крестьяне, принудили земского исправника отозвать приведенных им солдат и понятых в числе всего трехсот человек. Тогда был вызван воинский отряд в сто штыков под командою полковника. Начальник высланной вперед команды поручик Захаров, встретившись (21 января 1816) с 500 крестьянами, приказал солдатам стрелять, но крестьяне бросились на них и смяли: Захаров, избитый крестьянами, бежал; из его отряда один был убит, девять тяжело ранены, пятнадцать легко. Со стороны крестьян оказалось девять раненых, из коих вскоре двое умерли.

Крестьяне, как они на другой день писали советнику губернского правления Трусову, прибывшему к месту происшествия, «не хотели драться», думали, что с ними будут говорить, но вдруг стали стрелять; у них даже дубинок еще не было, когда раздались выстрелы, и только после выстрелов они вооружились ими, чтобы отбить ружья и положить их «под сохранение». Далее крестьяне писали, что они от «помещика Яковлева не прочь», но пусть подождут распоряжения из Петербурга; если там их просьба не будет удовлетворена, они сами, без солдат, пойдут на заводы, «а до получения бумаги,—так заявили в заключение крестьяне,—сказать сущую правду—не поедем». Трусов ответил, что губернатор, посылая его, знал о ходоках, а потому нельзя ждать бумаги из Петербурга; пусть несколько лучших крестьян явятся для беседы, они не будут задержаны, как не был задержан крестьянин, доставивший письмо. Но и в новом письме на имя советника крестьяне настаивали на своем,—«не пролейте христианскую нашу кровь», «нам не хочется до помянутых наших ходателей ехать со своих земель к господину Яковлеву в заводы»: далее они просили распоряжения, чтобы поп не отказывался похоронить убитого крестьянина.

Переписка оборвалась, так как было вытребовано подкрепление из Костромы и Нижнего Новгорода. Набралось 483 солдата при 8 офицерах под командою бригадного начальника; на место происшествия поспешил также окружной генерал; был вызван архимандрит Феофилакт. Губернатор, по болезни, доехал лишь до Яранска. Оттуда он отправил (30 января) через драгуна «об'явление» крестьянам, предлагая им прислать выборных для переговоров, гарантируя им личную неприкосновенность и оставляя драгуна в заложники. Явились пять выборных, которые и стали просить отложить переселение до распоряжения из Петербурга. Но губернатор приказал им раз'яснить собратьям, что они должны немедленно покориться. Однако в ответном послании губернатору крестьяне заявили, что по прочтении его бумаги «мы, мирские люди, в один голос завопили, что рабочих людей не даем господину Яковлеву», что они будут ждать возвращения ходоков,—каков будет приказ государя, так они и поступят. Заключили же крестьяне письмо заявлением: «еще доносим..., что с нарочно посланным драгуном и возвратно посылаем и что ваше превосходительство трудить не желаем и все равно мы посылаем и засим писать более смыслу нашего нету». Смысл этих неясных слов становится понятным из нового письма губернатора к крестьянам, в котором было сказано: «вы воспретили начальнику губернии приезд в деревню вашу, который хотел доумить и успокоить вас». Таким образом крестьяне отвергли всякие сношения с местными властями. Они возложили свои

надежды на государя. Им казалось, что вот-вот придет желанная бумага, которая вернет их к прежней жизни. Они не знали, с какими трудностями были сопряжены в столице хлопоты ходоков, от которых не было известий. Отправившись из деревни в декабре, выборные от деревень Аристовой и Шишелевой прибыли в Петербург в начале января. Разыскав человека, «пишущего просьбы», они подали прошение в сенат, а вместе с тем приготовили прошение для государя. Но сильные морозы мешали увидеть государя; надо было ждать случая. Ходоки написали об этом в деревню, прося сообщить, не притесняют ли крестьян, и прислать деньги. Однако это письмо, адресованное священнику в Яранске для передачи по назначению, попало в руки властей. Крестьянам оставалось неизвестным, что делается в столице; они не знали, что сенат вскоре вернул ходокам прошение без последствий, и что прошло не мало дней, пока им удалось, дождавшись государя у под'езда дворца, передать ему лично прошение; государь принял его среди других.

В деревне Аристовой каждая минута была дорога: военные начальники тяготились бездействием, а крестьяне не могли не тревожиться, видя вблизи солдат. Между тем всеподданнейшее прошение медленно совершало свой канцелярский путь: только 1-го февраля оно попало в комиссию прошений, от которой государь потребовал заключения. Самый вопрос о переводе крестьян на заводы вызвал к себе в ту пору острое внимание со стороны Александра. 16 января 1816 г. было дано знать государственному совету, что так как из-за переселения помещичьих крестьян происходят волнения, заканчивающиеся пролитием крови, особливо при переводе на заводы, то государь повелел рассмотреть этот вопрос и, если нужно, выработать новый законопроект; а вслед затем, впредь до выработки нового положения, было приостановлено переселение вновь купленных крестьян в область войска донского [1]). Но об отношении государя к переводу крестьян не знали в Вятской губернии, и событие, в Аристове рассматривалось лишь с точки зрдния неповиновения крестьян своему помещику.

Ни проповедь Феофилакта, ни воззвание бригадного начальника не могли склонить крестьян к повиновению, и тогда было решено приступить к военным действиям. Однако обе стороны не хотели дойти до пролития крови, а потому между ними состоялось соглашение: крестьяне впустили военную команду, а окружной генерал дал три недели сроку, чтобы ждать решения из Петербурга. Сообщив 12 февраля об этом Вязмитинову, окружной генерал просил его или исходатайствовать им разрешение остаться на местах, или же выслать ходоков из столицы, чтобы крестьяне удостоверились, что переход на заводы неизбежен.

Между тем, осведомившись, что вооруженное столкновение было предотвращено миролюбием крестьян, комитет министров (22 февраля) постановил: воздержаться от переселения крестьян впредь до рассмотрения их ходатайства. Но это решение комитета опоздало.

Когда деревни были заняты солдатами, крестьяне стали вновь хлопотать о продлении отсрочки; губернатор согласился при условии, чтобы хоть часть работников была отправлена на заводы, так как там выполняются казенные заказы. Но, повидимому, предвиделось, что крестьяне не выполнят это требование, а потому губернатор запросил Вязмитинова, следует ли применить к ним вооруженную силу? Впрочем, вскоре оказалось, что в ответе Вязмитинова нет нужды, так как исправник «под видом следствия по земскому суду» вызвал 16 «самых возмутителей» и отправил их на завод, а потом еще 5 человек; после этого, в виду истечения трехнедельного срока, губернатор приказал принудить прочих к переселению, и все покорились, несомненно рассчитывая, что их вернут домой, когда выяснится благоприятный исход ходатайства. К 1-му марта в деревне остались лишь те, кого Ведерников не велел переводить. А известие о постановлении комитета министров воздержаться от переселения было послано Вязмитиновым губернатору лишь 3-го марта.

Вскоре поступило сообщение, что крестьяне ведут себя на заводах вполне спокойно. Но, то была обманчивая тишина.

Комиссия прошений, рассмотрев ходатайство крестьян, нашла, что, дозволив Яковлеву переселить вятских крестьян на заводы в качестве «непременных работников», горное правление имело в виду закон 1807 г., но он относится лишь к Уральскому хребту, а не к Вятской губернии, а потому водворение крестьян на заводы в Вятской губернии являлось неправильным. Однако комитет министров отверг это толкование, так как Вятская губерния, почти лишенная помещичьих имений, была включена в отношении заводов к Уральскому хребту. Поэтому, приняв

---

[1]) Часто встречающееся в литературе (напр., Туган-Барановский, «Русская фабрика», стр. 88) указание, что в 1816 г. было окончательно запрещено покупать крестьян к фабрикам и заводам, неточно: указом 6 ноября 1816 г. была приостановлена покупка к фабрикам и заводам, подведомственным министерству внутренних дел но не всех вообще; таким образом указ не распространился на горные заводы, находившиеся в ведении министерства финансов (см. Первое полное собрание законов, № 26504).

во внимание, что почти все крестьяне уже переведены на заводы, где они остаются спокойными, комитет министров постановил (28 марта) не возвращать крестьян домой, выслать на заводы оставшихся в деревнях и поручить вятскому вице-губернатору, управлявшему губернией вместо больного губернатора, отправиться на заводы, чтобы лично убедиться, выполняет ли заводчик все обязательства по отношению к крестьянам, предусмотренные законом 1807 года.

Чем об'яснить решение комитета оставить крестьян на заводе, хотя тогда в других случаях господствовала тенденция противодействовать обращению крестьян в рабочие? В деле Яковлева сыграли роль казенные интересы, тесно связанные с выгодами заводчика. Именно эта связь позволила Яковлеву, когда крестьяне отказались повиноваться ему, обратиться (15 декабря 1815 г.) к помощи Вязмитинова. Допуская, что одной из причин возмущения крестьян «может быть свойственная каждому, особливо в простом народе, привычка к месту своего рождения», Яковлев патетически восклицал в письме к Вязмитинову: «но могут ли быть уважены подобные причины в таковом деле, в котором польза частного человека соединена с пользою государственною, ибо казна получает с заводов доходы по количеству выплавляемого на них чугуна», а оно зависит от числа рабочих рук. Эти-то казенные интересы, побудившие в свое время министра финансов разрешить Яковлеву покупку крестьян для завода, а комитет министров—примириться с состоявшимся переводом их, заставили и департамент законов государственного совета сделать для Вятской губернии исключение из общего правила. Обсуждая вопрос о правилах для перевода крестьян на заводы (а также вообще для переселения их), департамент поставил себе в задачу согласовать свободу заводчика в праве перевода, требуемую общественной и государственной пользою, «со всевозможным облегчением и выгодою переселяемых»; он знал, сколь тягостно переселение для крестьян, но история соответствующих постановлений, заявил департамент, показывает, как затруднительно сочетать нужду заводов в рабочей силе с улучшением участи крестьян, переводимых туда; законы 1802 г. и 1807 г. служат к этому иллюстрацией. Горные заводы доставляют припасы военному и морскому ведомствам и изготовляют металлические изделия, нужные обществу и государству, а потому, раз в местах расположения горных заводов нет вольных рабочих, нельзя запретить переводить туда крестьян, но вместе с тем надо позаботиться и о крестьянах. Поэтому, имея в виду стремление правительства, чтобы заводы работали вольными людьми, государственный совет запретил переводить крестьян на сибирские заводы и дозволил покупать крестьян внутри России лишь при соблюдении закона 1802 г., допускавшего покупку в близких местах, но он признал вместе с тем необходимым для Уральского хребта и, в частности, для Вятской губ. сохранить в силе закон 1807 г., которым для этих мест было сделано отступление от закона 1802 г., т. е. разрешено переселять на заводы крестьян из дальних мест; при этом госуд. совет наметил лишь следующие меры для облегчения положения крестьян: заводчик обязан заблаговременно приготовить для них «водворение» (т. е. дом, обзаведение); в течение первого года со дня перевода крестьян на завод он оплачивает из своих средств подати, причитающиеся с них; срок 40-летней работы исчисляется для детей с 12-тилетнего возраста. Это все [1]).

Вице-губернатор представил такой отзыв о положении крестьян на заводах Яковлева, который, казалось, не допускал сомнения, что там все обстоит благополучно: заводчик заботится о снабжении крестьян жильем и обзаведением, крестьяне не выражали недовольства. Комитету ничего иного не оставалось, как «принять его к сведению». Однако до государя дошли, как видно, слухи, опровергавшие достоверность сообщения вице-губернатора; отказав в утверждении мемории комитета министров, Александр повелел, чтобы и губернатор обревизовал Яковлевские заводы (20 июня). Это оказалось вполне своевременным. Сам вице-губернатор разрушил идиллическое представление о жизни крестьян на заводах новым донесением (24 июня), что шестеро крестьян, с которыми в заговоре были еще 15, запасшись топорами и ножами, бежали в деревню, чтобы убить Ведерникова; оставшиеся в деревне вместе с ними возмутились, требуя собственноручно подписанного государем указа о переводе на заводы, так как другим документам не верят; они послали в Петербург двух ходоков, Петрова и Федорова, и, вооружившись, стали ждать их возвращения, но военная команда в 50 человек овладела деревней, не встретив впрочем сопротивления, так как все, кроме женщин и дряхлых, разбежались.

Губернатор столь же поверхностно ознакомился с положением крестьян на заводах, как и вице-губернатор; он засвидетельствовал, что администрация надлежащим образом относится к крестьянам, оплачивая их труд даже в большем размере, чем полагалось; иные уже связались с прочим местным рабочим населением путем браков; однако некоторые крестьяне все еще убеждены, что перевод на заводы состоялся без ведома правительства. Так как доклад губер-

[1]) Журнал департ. законов, 23 мая 1816 г., № 13 (стр. 230—37).

натора по своему характеру ничем не отличался от доклада вице-губернатора, то и на этот раз комитет министров ограничился «принятием к сведению» (12 сентября).

Когда месяц спустя мемория комитета министров была представлена государю, он велел запросить губернатора: что сделано с крестьянами, оставленными в деревне, не переведены ли они на заводы? Этот запрос был вызван просьбою ходоков о принятии крестьян Аристовой и Шишелевой в казну. Прибыв в столицу в августе, ходоки поспешили к государю с прошением, но он не принял, сказав, что надо передать по назначению. Однако в октябре Федорову все же удалось вручить лично государю прошение [1]). Федоров вскоре уехал в деревню, а Петров стал ходить к Аракчееву, чтобы проследить ход дела. Когда от губернатора поступило сообщение, что все крестьяне уже находятся на заводах, за исключением 12 беглых (в том числе Петрова и Федорова) и 9, заключенных в тюрьму, Вязмитинов, по поручению Аракчеева, об'явил Петрову, что в виду фактического перехода крестьян на заводы, дело считается законченным, рассказал ему, что крестьяне живут там в спокойствии, и велел ему туда отправиться (15 января 1817 г.).

Но дело оказалось еще не законченным. В мае 1817 г. от Петрова прибыло новое всеподданнейшее прошение. Увидя, как страдают его товарищи, и сам испытав ужасы заводской жизни, он ушел с завода без вида; из Софии (по соседству с Царским селом) он отправил «нарочитою эстафетою» прошение. Петров имел мужество поведать со всей правдивостью о том, что сделал Яковлев с крестьянами, пользуясь поддержкой местных властей. «Я осмеливаюсь— говорил Петров в прошении—пред высочайшей твоей особою признаться, если бы не богатство Яковлева склонило начальников губерний, то какая необходимость предстояла им пренебречь» законами [2]), которые даже крестьянин помнит, а чиновники забыли; крестьяне—писал Петров— напоминали об этих законах, «кричали, просили оными ограждения, но никто слышать и взирать на закон не хотел, чинили это только в угоду господину Яковлеву». Далее, указав, что дважды всеподданнейшие прошения оставлены без удовлетворения и напомнив о вторжении войск в деревни, жертвою чего пали двое крестьян, Петров говорил, что наверно местные власти денесли, будто войска были вызваны в виду буйства крестьян, но пусть государь рассудит, возможно-ли, чтобы 350 крестьян, среди коих были старцы и дети, ничего не имея в руках, кроме «крестьянского к пашне доспеха», выступили против нескольких сот регулярных солдат? Крестьяне надеялись на силу закона, а победа полководца была куплена богатством Яковлева. Крестьяне разорены, доведены до такого состояния, о котором страшно сказать государю, потому что «несвойственно и хищному зверю то делать»; к этому присоединились мучительные работы на заводах, жестокие наказания, от которых не избавлены даже старцы. Как же мог Вязмитинов—воскликнул Петров—сказать, будто крестьяне добровольно остались на заводе, дабы улучшить свое положение, якобы бывшее в деревне бедственным! Кто «может согласиться из воли быть в каторжной работе, в которую Яковлев верителей моих и меня употребляет»; какую хитрость должен был выдумать Яковлев чрез вятское начальство, чтобы обмануть Вязмитинова; «если бы таковой поступок сделал не Яковлев, многие бы темницы для него готовы», а этому богачу «вся губерния, что только возмыслит», содействует. В заключение Петров просил вернуть крестьян в деревни и передать их в казенное ведомство; они готовы уплатить Яковлеву деньги, истраченные на покупку деревень.

Ознакомившись с прошением Петрова, Аракчеев вытребовал от Вязмитинова, для представления государю, доклад вятского губернатора о положении крестьян на заводах. Эти бумаги поступили в комитет министров. Признав, что прошение не заслуживает внимания (кроме жалобы на то, что крестьяне не получили полностью деньги за хлеб, проданный Ведерниковым), и высказав подозрение, что Петров просто избегает отчета в израсходовании мирских денег, а потому подает прошения, комитет министров (15 мая) нашел все же необходимым для совершенного прекращения дела послать на заводы кого-либо из «доверенных чиновников», дабы узнать истинное положение крестьян, и с ним послать Петрова, которого предать суду, если его жалоба окажется неосновательной. Государь согласился, но приказал командировать туда флигель-ад'ютанта Никиту Панкратьева.

Нижеприводимый доклад Панкратьева (18 июля 1817 г.) свидетельствует, что Панкратьев оправдал доверие, оказанное ему государем. Он не пошел по пути губернатора и вице-губернатора. Не придавая значения формально-правильным счетам, он заглянул в глубь жизни крестьян,

---

[1]) Во время двухмесячного отсутствия государя из Петербурга ходоки работали в Новгороде, чтобы прокормиться. Там они разминулись. Подав прошение государю, Федоров высказал государю опасение о судьбе Петрова, неизвестно где находящегося; государь приказал полиции разыскать его, но Петров сам отыскался. Петрову был продлен срок вида, чтобы он мог оставаться в Петербурге до рассмотрения ходатайства.

[2]) Закон 1802 г., а также закон 1810 г. о покупке крестьян к суконным фабрикам.

как материальной, так и духовной. Если даже предположить, что при оценке заводских порядков Панкратьев пощадил Яковлева, то в очень малой степени; во всяком случае он раскрыл правду о несчастной участи крестьян, переведенных в непривычную им заводскую обстановку. Возможно, что тут сказалось общение с Петровым в пути из Петербурга на заводы.

«Переселенные крестьяне, размещенные на Холуницком и Чернохолуницком заводах [1]), расположены по сих пор довольно тесно, так что в одной избе живут по два и по три семейства, и хотя строения для них уже готовы, но контора боится разместить их вдали от старожилов, опасаясь побегов.—Они находятся в таком же положении, как и прочие Яковлева крестьяне.—Плату за работу получают такую же, как и вольные работники.—Довольствуются из экономии провиантом и одеждою.

«Из приложенной при сем записки [2]) можно видеть все подробности их положения—сколько платится им за каждую работу, и сколько денег выручено за проданные имущества на прежнем местопребывании их. Рассматривая все сие, никак нельзя сказать, чтобы заводчик старался делать им особенные какие-либо притеснения, напротив того, контора и управитель всегда будут правы по всем бумажным документам и счетам. Но входя в истинное положение переселенцев сих, а не в одни формальные наружности, я нашел, что они находятся в самом бедственном состоянии.

«Привыкши с давних лет обрабатывать поля свои и жить в счастливом избытке, они внезапно лишены были всякой собственности и погнаны, как стада скотов, из мирных жилищ своих в каторжную работу,—я говорю каторжную, ибо работа на Холуницких заводах столько же трудна, как и на Нерчинских. Ужасный переход сей от сельской жизни к заводской столь труден, что из бедных переселенцев сих 77 душ обоего пола умерли в течение одного прошлого года, что составляет шестую часть целого. Работают они ежедневно по 10-ти и 12-ти часов в сутки, имея в виду всегда единообразную тяжкую работу; и хотя плата, им производимая, кажется довольно велика, но контора, снабжая их провиантом и одеждою, и имея совершенный монополь сих предметов, высчитывает за оные деньги из следующих за работы, так что выработка остается весьма малая. Я смотрел счетные листы переселенцев, в коих пишется то, что они зарабатывают, и то, что должны экономии, и нашел, что по сих пор почти никто из них еще ничего не заработал, но напротив многие должны экономии. Сие тем менее удивительно, что контора даже и на вольных работниках считает большие недоимки, что видно из приложенной ведомости. К сему прибавить надобно, что отпускаемый конторою провиант состоит в одной муке и соли, и иногда в солоде, от чего и происходит, что переселенцы, не имеющие у себя огородов, питаются весьма скудно. Сие должно быть им тем ощутительнее, что они в прежней жизни своей имели привычку к избытку; хотя контора и старается о заведении им огородов, но они имеют столь сильное отвращение от заводской жизни, что не хотят за оные приняться. Также заметить надлежит, что хотя плата мастерам и изрядная, но может ли иметь каждый дарование отличиться в мастерствах.—Во время переселения их отняты у них конторою все лошади и деньги из опасения побегов, и хотя контора и ведет счет следующим за сие деньгам так, как и за проданный хлеб в деревне Аристовой, но деньги по сих пор переселенцам не возвращаются, и они не имеют теперь никакой собственности, а в виду одна только тяжелая работа. В похвалу конторе надобно сказать, что она дает теперь некоторым семействам по корове.

«Рассматривая все сии обстоятельства, хотя и нельзя особенно ничего опорочить в действиях г. Яковлева, но нельзя не согласиться, что состояние сих несчастных переселенцев весьма бедственно, и что участь их весьма похожа на участь негров, кои томятся в американских плантациях. Переселенцы сии об'явили мне, что лучше желают быть взяты все в солдаты или пойти на поселение в Сибирь, чем оставаться на заводах Яковлева. Будучи очевидным свидетелем несчастного положения крестьян сих, я осмеливаюсь возбудить внимание правительства вообще на систему насильственного правления (отправления?) на заводы. Жестокая мера сия столь же противна известным чувствам человеколюбия и милосердия Государя Императора нашего, сколь и пользе государственной.

«Не входя в рассмотрение, можно ли из сострадания к несчастным возвратить их на прежние жилища или сколь вредно будет сие для общественной пользы, я представляю все на рассмотрение правительства.

«Посланный со мной крестьянин Евдоким Петров оставлен мною на Холуницких заводах; мне предписано было отдать его под суд, в случае ежели найду просьбу его неосновательною.

---

[1]) 10 семейств были поселены на Богородском и Нижнетроицком заводах, 44—на Холуницком, 56—на Чернохолуницком.

[2]) См. дело департам. полиции исполнит., 1815 г., № 140.

Но уверясь, на самом деле, что он точно был поверенным всего общества аристовских крестьян, и что он ничем более других не виновен я не счел себя в праве сделать его несчастным. При сем поставляю себе обязанностью представить, что наказание так называемых зачинщиков бунта аристовских крестьян должно быть произведено весьма осторожно, ибо в деле сем виновны не некоторые буйные люди, но вообще отчаяние».

При обсуждении доклада Панкратьева комитет министров стал на ту точку зрения, что горное производство, «как необходимая и знатная отрасль внутренней и внешней торговли», должно быть поддерживаемо, а потому мысль о возвращении крестьян в деревню была отвергнута, «по крайнему недостатку в людях» на заводах; комитет постановил: поручить губернатору убедиться на месте, выдают ли крестьянам вещи и припасы по действительным ценам, или контора допускает злоупотребления, и изыскать меры, дабы крестьяне сверх питания и одежды получали за работу также деньги; причитающиеся крестьянам деньги за их проданное имущество, хранящиеся в заводской конторе, немедленно роздать по принадлежности; предложить государственному совету ускорить разработку законопроекта о переводе крестьян.

Это постановление не пришлось по душе Александру. Он лишь «на сей только раз» утвердил решение об оставлении крестьян на заводах; далее он приказал немедленно выдать крестьянам также деньги, вырученные от продажи их хлеба; наконец, государь повелел государственному совету заняться не одним только вопросом о переводе в будущем крестьян на заводы, но и об улучшении положения крестьян, уже находящихся на частных и казенных горных заводах, причем он указал, что по его мнению «никакие препятствия не могут и не должны существовать, раз идет дело о страждущем человечестве».

Таким образом затаенное желание Панкратьева вернуть крестьян домой не осуществилось. С другой стороны, его призыв к осторожности при наказании крестьян за возмущение не дошел до слуха тех, в чьих руках оказалась их судьба.

21 октября губернатор частным образом узнал, что на Холуницких заводах готовится экзекуция над крестьянами, для чего заводский исправник вытребовал на завод слободский земский суд, а вместе с тем обратился в вятскую городскую полицию за катом. Губернатор заволновался. Ему было известно содержание доклада Панкратьева, столь чутко отнесшегося к печальной доле крестьян; к тому же губернатор получил предписание позаботиться об улучшении их положения. Надеясь предотвратить не только самую экзекуцию, но даже оглашение судебного приговора, он немедленно отправил на завод находившегося в Вятке слободского земского исправника с предписанием не подвергать крестьян наказанию до получения распоряжения от него, губернатора. Но когда слободский исправник прибыл на другой день на Холуницкий завод, то оказалось, что уже были наказаны из числа приговоренных те 16 крестьян, которые жили на Холуницком заводе, так как слободский земский суд был вынужден поспешить на завод в виду угрозы заводского исправника, что он и без присутствия суда подвергнет крестьян наказанию. Лишь в день экзекуции губернатор получил от горного правления уведомление о приговоре, вынесенном вторым департаментом горного правления и утвержденном берг-инспектором; одновременно о приговоре известил губернатора заводский исправник, заявив, что, получив указ горного правления, он остановил работы заводов, дабы одних крестьян взять под стражу, а других под присмотр, вследствие чего на Чернохолуницком заводе уже не работают три дня; длить такое состояние нельзя, но и отпустить арестованных он не может, так как, зная об ожидающей их участи, они способны, впав в отчаяние, совершить злодеяние как над собою, так и над заводами. Губернатор оказался в затруднительном положении; у него не было никакого формального повода вмешаться в дело, так как оно было подсудно горному правлению, которому в таких случаях были обязаны подчиняться местные судебные установления. Губернатору пришлось приказать довести экзекуцию до конца.

Главными виновниками буйства были признаны двое старост, которые внушали крестьянам, что их переводят на заводы вопреки закону 1802 г., и трое ходоков, разглашавшие, будто их ходатайство было высочайше удовлетворено, и еще один крестьянин, склонивший некоторых других к побегу с завода; их приговорили к наказанию кнутом и ссылке в Нерчинские каторжные работы (с вырезанием ноздрей и наложением клейма), но двое из них, в том числе Петров, столь потрудившийся для спасения своих односельчан, бывшие в бегах, подлежали преданию суду, когда будут пойманы; что касается прочих, то, принимая во внимание, что они не были вожаками, и что нельзя лишить заводы людей, суд применил к ним меньшую кару: 34 человека, в возрасте от 40 до 70 лет, наказать тридцатью ударами плетью; 20 человек, в возрасте от 30 до 40 лет, двадцатью-пятью ударами батожьем; 23 человека, в возрасте от 20 до 30 лет, тридцатью-пятью ударами палками; крестьян, включенных в последние три отделения, наказать не всех, а третьего по жребию.

Комитет министров был потрясен описанной экзекуцией. Он решил (1 декабря) довести обо всем до сведения государя, а председатель комитета предложил постановить на будущее время, чтобы по делам, по которым к наказанию присуждается много людей, приговоры приводились в исполнение не прежде, как сенат рассмотрит дело, а министр юстиции испросит высочайшее повеление на исполнение приговора. Государь это вполне одобрил и повелел сенату сделать надлежащее распоряжение [1]).

Губернатор представил подробный доклад (26 ноября 1817 г.) о положении вятских крестьян на заводах, причем коснулся и прочих рабочих на яковлевских заводах. Из числа вятских крестьян только четыре семейства получили денежный заработок за первый год пребывания на заводе, причем не более 33 рублей на семью, но на 55 семействах накопились долги заводской конторе, достигшие у одного семейства до 228 рублей; долги числились и на старых рабочих; из крепостных крестьян, поселенных на заводах ранее вятских крестьян, 111 семейств имели заработок, достигший у некоторых до 154 р. (максимум), а 106 вошли в долги, причем у иных долг возрос до 139 р.; из государственных крестьян, издавна живших на заводе, 84 семейства имели заработок (максимум 153 р. на семью), а 109 семейств впали в долги, доходившие у некоторых до 159 р.. Эти цифры являлись разницей между суммой, причитавшейся рабочему за выполненный труд, и тем, что рабочие брали в конторе с'естными припасами и одеждой, а изредка и наличными деньгами. Контора об'ясняла слабый заработок одних рабочих и задолженность других тем, что вятские крестьяне не хотели работать, надеясь вернуться домой, а некоторые были в бегах, между тем как контора выдавала продукты их семьям; долги же старых мастеровых происходят от неприлежания, от пьянства, недозволенных отлучек, а также благодаря случаям смерти кормильца семьи, долговременной болезни, когда на семьях накопляются долги за выдаваемые им припасы и одежду. Губернатор был склонен удовольствоваться внешней правильностью счетов, а потому он, напр., не остановился подробнее на вопросе о ценах, по которым рабочим отпускались продукты и одежда; но выраженное свыше желание, чтобы рабочие помимо пропитания и одежды имели также деньги, заставило губернатора критически отнестись к слабому заработку одних и к задолженности других рабочих, и набросать проект тех изменений, которые должны быть внесены в способы расплаты с рабочими, установленные конторой (напр., отменить вычет за продовольствие во время болезни). Затем губернатор произвел расчет между конторой и вятскими крестьянами по ликвидации их имущества; крестьянам причитались: взятые у них наличными 1604 р. 20 к.; за отобранных лошадей—3218 р.; за снятый хлеб и проч.—17500 р.; с крестьян причиталось: за похищенные беглыми крестьянами у Ведерникова деньги и вещи—1046 р.; за раз'езды по поимке беглых—466 р. 65 к.; таким образом крестьянам следовало уплатить 20809 р. 55 к. Но в конторе не оказалось всей суммы, а потому им уплатили только 5900 р.; на остальную сумму каждому крестьянину была выдана соответствующая расписка конторы.

Доклад губернатора о выработанных им правилах был заслушан комитетом министров, затем Вязмитинов предложил (декабрь 1817 г.) передать их на рассмотрение министра финансов. И дело на этом остановилось. Только два с половиною года спустя вновь назначенный на пост министра внутр. дел В. Кочубей освежил дело. Он запросил губернатора (7 июня 1820 г.), не следует-ли внести изменения в его правила и роздал-ли Яковлев крестьянам их собственные деньги?

Губернатор отправился на завод, но не для того, чтобы проверить, требуют-ли предложенные им правила изменений, а чтобы побеседовать с заводчиком. Губернатор узнал, что горное правление самостоятельно собирает сведения об оплате труда рабочих для представления в особую комиссию, учрежденную комитетом министров. Что касается собственных денег крестьян, то оказалось, что, игнорируя высочайшее повеление, Яковлев в течение трех лет не роздал их, мотивируя это тем, что крестьяне плохо работая, покушаются целыми десятками к побегу, а другие проматывают деньги, а потому, в целях предотвращения побегов и мотовства, Яколев не отдал денег крестьянам. Только теперь, по требованию губернатора, был произведен расчет.

Получив об этом донесение губернатора, Кочубей предложил комитету министров об'явить Яковлеву чрез губернское начальство, чтобы он не смел в будущем повторять нечто подобное, что он должен в положенные сроки и полностью выдавать крестьянам припасы и деньги, в противном случае его заводы будут взяты в опеку, а он сам предан суду. Вместе с тем Кочубей указал на необходимость передать выработанные губернатором правила министру финансов,

---

[1]) Александр живо интересовался делом яковлевских крестьян; он велел напомнить губернатору, что от него ожидаются подробные сведения о положении крестьян на заводах; будучи в Москве, он вытребовал сперва донесение губернатора от 1816 г., а потом и вновь поступившее.

которому поручено совместно с государственным советом составить правила к улучшению положения крестьян, приписанных к заводам. Комитет министров одобрил эти предложения и довел о них до сведения государя (14 июня 1821 г.). И все же дело не двинулось вперед. Шесть лет спустя, покидая должность государственного секретаря, Оленин сообщил (20 мая 1827 г.) своему преемнику, что, разбирая бумаги, накопившиеся за 15 лет, он нашел дело о переселении крестьян, которое остановилось в своем движении в виду того, что оно было поставлено в связь с вопросом о продаже крестьян одиночками и без земли, а этот вопрос не был разрешен из-за того, что члены государственного совета не представили своих мнений.

Когда же, наконец, в 1829 г. государственный совет обсудил вопрос о продаже крестьян врознь и без земли, то, желая затянуть дело, он предложил образовать для рассмотрения вопроса особый комитет из лиц, назначенных государем, так как затрагивались права дворян на крепостных...

Такой комитет был учрежден, и этим решение вопроса о заводских крестьянах было отложено.

Юлий Гессен.

Судьба указа о свободных хлебопашцах [1] в царствование Александра I.

Вопрос о свободных хлебопашцах очень слабо разработан в нашей исторической науке. На него твердо установился взгляд, как на гуманную, но бесплодную затею «дней Александровых прекрасного начала», как на мероприятие, отразившее на себе либеральные настроения эпохи, но бессильное претворить их в действительную жизнь. Этим определялось все значение вопроса для русской истории вообще и истории русского крестьянства в частности, и соответственно этому значению уделялось внимание на его разработку. Не подлежит спору, что в учреждении свободных хлебопашцев нашел отзвук поверхностный либерализм начала Александровского царствования, не менее справедливо и то, что законодательство о свободных хлебопашцах имело мало реальных результатов (к 60-тым годам цифра уволенных не достигала 150.000 душ). Однако неверно, будто этим исчерпывается весь интерес изучения вопроса. Изучение его важно не только для характеристики отношения правящих кругов к крестьянскому вопросу, но и для анализа той социально-экономической среды, во взаимодействие с которой вступило законодательство о свободных хлебопашцах при своем практическом применении.

Вокруг вопроса о свободных хлебопашцах, начиная с момента его зарождения, сплелись интересы, стремления, взгляды различных общественных и политических групп и учреждений, и потому, следя за судьбой мероприятия среди реальной обстановки эпохи, мы вскрываем ту историческую атмосферу, которая определяла не только участь данного либерального начинания, но в значительной степени участь многих современных ему и позднейших начинаний по крестьянскому вопросу.

Для составления настоящего очерка мы воспользовались, кроме имеющегося в печати материала [2], неизданным материалом архива министерства внутренних дел, комитета министров и комиссии по составлению законов.

I.

Как известно, инициатива закона о свободных хлебопашцах принадлежит гр. С. П. Румянцеву, фигуре очень видной среди немногочисленного лагеря тогдашней либеральной знати. Писатель, меценат, прикоснувшийся к западной культуре во время частых поездок за границу, усвоивший некоторые идеи освободительного века, чрез призму Версальского и Петербургского дворов, и своеобразно сочетавший их с сословно-дворянским умонастроением [3], гр. С. П. Румянцев в ноябре 1802 г. обратился с прошением на высочайшее имя по поводу разрешения ему отпустить крестьян своих на свободу на особых условиях, которым он предлагал придать форму общего узаконения. Свое прошение гр. Румянцев начинает восхвалением указа 12 дек. 1801 г. [4] и указанием на историческую законность и оправдание постановки вопроса о ликви-

---

[1]) В следующей книге «Архива истории труда в России» имеет появиться статья того же автора о хозяйственном быте свободных хлебопашцев. *Ред.*

[2]) Архив Гос. Совета, изданный (до 1825 г). Калачевым, и журналы Комитета Министров т. I и II за 1802—1812 г.г. СПБ. 1888 и 1891 г.

[3]) О Румянцеве—см. «Русск. Архив» 1869 г. стр. 839—882 и 1953—1966.

[4]) О праве лиц всех свободных состояний приобретать не населенные земли. Первое Собрание Законов т. XXVI, № 20075.

дации крепостного права: после того, «как Петром Великим истреблено насильственным образом невежество... нечувствительно и без всякого опасения начаться может постепенное уничтожение и самого рабства, которое иное ли что, как положительное и ужасное бедствие»? Далее следует изложение средств для уничтожения «крепостной зависимости».

Главный принцип для разрешения вопроса формулируется гр. Румянцевым следующим образом: «в предложениях моих разрешение трудностей основывается на добровольных соглашениях и взаимных равно для дворянства, как и для крестьян выгодах».

Этим принципом очерчиваются прежде всего рамки допустимых средств освобождения. Исключается принудительная государственная реформа, и принимается лишь путь частных соглашений между крестьянами и помещиками. Точка зрения, типичная для большинства проектов по крестьянскому вопросу времен Александра, и хорошо отражающая страх современного дворянства перед последствиями радикальной ломки сложившихся на почве крепостничества хозяйственных и правовых отношений.

Формулировка этого принципа содержит еще и указание на счет характера добровольных соглашений: они должны основываться на взаимных и равных выгодах обоих сторон, крестьян и дворянства. Каким же путем достигается это равенство в выгодах при резком неравенстве хозяйственного и юридического положения сторон?

Ответ дается такого рода: «кажется бы, можно было установить, что невозбранно никакому помещику, пользующемуся свободным имением, увольнять и целыми селениями, утверждая крепостным порядком участки и угодья за каждым крестьянином особливо, или же всю дачу за обществом, на таких условиях, кои согласуются с государственными узаконениями, и кои полезными найдены будут обоюдно. Правительству же остается тогда быть лишь беспристрастным и строгим таковых постановлений ручателем; а крестьян, покушающихся быть несостоятельными, брать в рекруты, давая помещикам квитанции и возвращая сим последним землю».

Таким образом в глазах Румянцева гарантии взаимной выгодности соглашений в значительной мере служит уже сама их добровольность. Источником такого убеждения служит признание за факт одинаковой правоспособности сторон при заключении договора об увольнении, что на самом деле являлось, конечно, чистейшей фикцией. Очевидно, для того, чтобы сделать увольнение крестьян привлекательным для дворянства, гр. Румянцев выдвигает невмешательство правительственной власти в соглашение их с крепостными. С той же целью гарантировать помещичьи интересы предлагается в прошении наложение тяжкого взыскания на «крестьян, покушающихся быть несостоятельными».

Эти положения в совокупности сводили бы все рассуждение о необходимости взаимных выгод к, прикрытому звонкими фразами о бедствиях рабства, поползновению расширить дворянское право распоряжаться своим имением путем дозволения помещикам отпускать крестьян целыми селениями, если бы не одна черта, существенно меняющая картину: отпуск совершается с укреплением за крестьянами земельных наделов.

В этом требовании нельзя не видеть желание оградить права крестьян при их увольнении. Отпуск их не иначе, как с землею, ограничивал свободу помещика распоряжаться своим имением, и на столько же не соответствовал в силу этого его хозяйственным соображениям, насколько отвечал жизненным потребностям русского крестьянства.

Эта благоприятная для крестьян сторона Румянцевского проекта дополняется указанием на необходимость создания из уволенных крестьян особого сословия, наделенного правом собственности на землю и пользующегося благами указа 12 декабря 1801 года о предоставлении людям свободного состояния приобретать ненаселенные земли.

В образовании сословия свободных поселян гр. Румянцев усматривает как бы conditio sine qua non всего проектируемого учреждения, так как переход уволенных крестьян в разряд государственных не избавил бы их от опасности «попасть в раздачу, могущую последовать от государей».

Таким образом, исходя в упразднении крепостничества из обоюдных выгод сторон, гр. Румянцев приходит к компромиссу между тенденцией к распространению уже существовавшего права дворянства на увольнение крепостных по одиночке и семьями на целые селения и стремлением к удовлетворению первейшей нужды крестьян в свободном обладании землею. Компромисс, обнаруживший свою безжизненность при соприкосновении с действительностью, но прекрасно отразивший благодушный оптимизм инициатора закона о свободных хлебопашцах, проникнутого духом умеренного аболиционизма.

Именно этот дух умеренного аболиционизма вызвал, вероятно, в Александре полное сочувствие к предложению гр. Румянцева; с одной стороны, оно вполне отвечало его собственному взгляду, «что следует удовлетворить массу народа, которая, волнуясь, может сделаться опасною»,

и с другой—все предложение было, как будто бы, вполне приемлемо и для дворянства, суля ему выгодное расширение прав; следовательно, и антитеза взгляда Александра, выставлявшаяся его «либеральными» сотрудниками по комитету, что «не следовало слишком обижать дворян, составлявших также значительную массу, легко могущую приобресть влияние»,—эта антитеза, с которой не мог не считаться Александр, также получала своего рода удовлетворение [1]).

Государь поспешил передать прошение гр. Румянцева в Госуд. Совет, который 12 января 1803 г. приступил [2]) к обсуждению, как прошения, так и составленного Румянцевым проекта указа.

Обращаясь прежде всего к проекту указа, мы замечаем в нем наряду с повторением и развитием мыслей, выраженных в прошении, и кое-что новое.

В декларативной части указа излагается мотивировка нового мероприятия. В мотивировке мы не встречаем никаких одиозных для дворянства выпадов по адресу крепостного права, даже самая освободительная идея проекта выступает в тщательно замаскированном виде. Указу придается форма дарования дворянству новых преимуществ в свидетельство «отличных заслуг и тех давных на пользу общую пожертвований, коими блестят в бытии прошедших Российские дворянские поколения» [3]). Освобождение крестьян оказывается не целью закона, а очень искусно изображается каким-то хорошим, но механическим следствием осуществления выгодной для дворянства привилегии. И в формулировке статей наблюдается нарочитое желание сбить все острые и неудобные для дворянства углы нового мероприятия, при чем подтверждается незыблемость того самого крепостного права, которое в прошении осуждалось.

В одной статье проекта мы читаем: «дозволяется благородным не только отпускать на волю людей или крестьян, им принадлежащих, как доселе указами установлено, но еще увольнять и целыми селениями, обязывая крестьян крепостным условием, так как всякий из пользующихся господским правом лучше то придумать может к умножению ли дохода или каких для себя личных выгод». А другая статья говорила: «Указом нашим 12 декабря 1801 г. повелено укреплять земли за людьми состояний свободных. Вследствие сего всякий дворянин, увольняющий и целым селением, может, по усмотрению какой для себя особой пользы, утверждать за каждым уволенным такой участок земли, какой заблагорассудится».

Таким образом увольнение крестьян целыми селениями и наделение их землею, фигурирующие в прошении, как два неразрывно между собою связанных акта, здесь как бы расчленяются: право помещика уволить крестьян селением не обусловливается непременным обязательством укрепить за увольняемыми землю и приобретает самостоятельное значение.

Мы не думаем, чтобы сам Румянцев желал придать этим статьям указанный смысл, но такое толкование их делалось возможным, благодаря неясности формулировки, проистекавшей из стремления, во что бы то ни стало, построить весь проект, исходя из дворянских прав и преимуществ. Эта конструкция выдерживается и в следующих двух статьях (IV и V), трактующих об условиях выкупа крестьян, которые предполагаются возможными в троякой форме: 1) в форме полного и единовременного выкупа крестьянской земли и свободы, 2) в форме выкупа земли и свободы в рассрочку, 3) в форме выкупа земли с сохранением обязательства уплачивать оброк, при чем гарантия для соблюдения условий крестьянами устанавливается та же, что и в прошении, с тем лишь отличием, что к отдаче несостоятельных крестьян в рекруты присоединяется еще определение их в какую-нибудь государственную работу.

Но конструкция эта ломается, когда проект делает робкую попытку пойти несколько дальше по сравнению с прошением в обеспечении крестьянских интересов. Статья четвертая, «оставляя каждому из дающих свободу придумывать все то, что к выгодам его собственным и к благу увольняемых споспешествовать может», повелевает, однако, «вносить всегда предусмотрительно о том просьбу в Сенат, который, удостоверясь, во-первых, о настоящей пользе крестьян, рассматривает, не находится ли чего расстраивающего согласие государственных по разным частям узаконений», после чего уже следует императорское подтверждение. Итак, Румянцев решился все же вывести правительственную власть из пассивной роли «ручателя» сделок о купле и продаже крестьянской земли и свободы и отвел сенату активную роль инстанции, контролирующей соглашение и притом с точки зрения интересов увольняемых крестьян.

В результате Государственный совет мог найти в прошении Румянцева более или менее откровенное изложение мотивов и цели предполагаемой меры, а в проекте указа, приемлемое для дворянства обличье нового закона.

---

[1]) *Богданович:* «История царствования Александра I», т. I, прилож. стр. 90.

[2]) В состав Гос. Сов. в то время входили: гр. Завадовский, гр. Зубов, гр. Румянцев, Вязмитинов, кн. Лопухин, гр. В. Кочубей, Трощинский и Державин. См. *Вишняков,* «Крестьяне-собственники в России», с. 16.

[3]) «Русский Архив», 1869 г., с. 1957.

Протоколы заседаний совета (12, 19, 20 января и 9 февраля 1802 г.) слишком кратки для того, чтобы представить картину обсуждения и выработки закона о свободных хлебопашцах. Однако некоторые черты ее удается все же наметить.

На первом же заседании Государственный совет выявил свою позицию по отношению к проекту Румянцева. Были выделены две стороны вопроса: 1) «Главная мысль об увольнении крестьян по условиям их с помещиками; 2) образ, коими предполагается произвести ее в действие» [1]). К первой стороне вопроса совет отнесся положительно, признав, что увольнение путем частных сделок помещиков с крестьянами, с «законами, доселе существовавшими, сообразно и во многих случаях действительно как помещикам, так и крестьянам может быть полезно» [2]). Зато предложенный способ осуществления этого принципа подвергся жестокой критике. Прежде всего была отвергнута мысль об издании общего положения об увольнении крестьян, так как «издание общего закона об освобождении крестьян—полагали члены совета—по условиям (т. е. в виду возбуждения умов) может произвесть превратные толки, и вместо того, чтобы видеть в нем установление, на прежних законах и на взаимной пользе основанное, многие помещики, пораженные слухами, усмотрят в нем первое потрясение их собственности, а крестьяне возмечтают о неограниченной свободе» [3]).

Известный поэт Державин, в то время министр юстиции, который, по собственным словам, больше всех других членов совета настаивал на ненужности нового закона [4]), присовокупил типичное для реакционного большинства дворянства замечание в том смысле, «что обычай сей, (т. е. крепостное право), утвердясь временем, соделался столько священным, что прикоснуться к нему без вредных последствий великая нужна осторожность» [5]).

Совет выступил против идеи издания общего закона и с другой стороны. «Издание такового общего положения об освобождении крестьян по мнению совета, многих помещиков, по жадности к прибыткам, вовлечет в свои корыстные рассчеты. Пользуясь расположением крестьян к свободе, они будут представлять отяготительные им условия, а крестьяне, предубежденные признаком вольности и не быв в состоянии ни измерить всей тяжести сих условий, ни рассчесть возможности их сил, войдут с помещиками их в сделки, для них разорительные, а конец их будет тот, что неисправные отданы будут в рекруты или в работу, а исправные из зажиточных помещичьих крестьян превратятся в свободных бобылей» [6]). В этом любопытном рассуждении аргументация бьет мимо цели. Задачей членов совета, очевидно, было доказать недопустимость общего закона об увольнении, исходя из интересов отпускаемых на свободу крестьян, а между тем из критики явствует только то, что для крестьян должен оказаться безусловно невыгодным закон, построенный на принципе добровольности и свободе сделок между увольняемыми и помещиком. Таким образом компреметируются не освободительные тенденции мероприятия, а идея добровольности соглашений, опасные последствия которой для крестьян указаны очень верно и оправдались вскоре на деле. Но ссылка на интересы крестьян для совета—всего лишь оружие для борьбы с неприятной для него стороной проекта, и совет ради них вовсе не желает отказаться от выгодной для дворянства свободы сделок; наоборот, он протестует против предложения Румянцева поставить соглашение об увольнении под контроль сената, так как это повлечет за собой ряд технических затруднений по собиранию сведений с мест.

Обращает на себя внимание то, что совет не выступил с возражением против весьма существенного и далеко не вполне приятного для дворянства положения: о наделении крестьян землею. Чем это об'ясняется? Протоколы совета не дают никакого ответа на этот вопрос. Мы полагаем, что разгадку можно найти в следующем заявлении гр. Кочубея, участника обсуждения указа: «Главное основание закона сего, писал Кочубей в 1814 г., состояло в том, чтобы твердым образом устроить участь крестьян, в свободные хлебопашцы увольняемых, с возможным охранением польз владельцев и благоустройства в Государстве. Твердо основать участь крестьян не можно было иначе, как, во-первых, устранением всякого к ним прикосновения со стороны владельцев с того времени, как сделались свободными; а, во-вторых, доставлением им вместе с сим в полную собственность нужного количества земли, дабы посредством сего именно избежать того неудобства, которое существует в других иностранных государствах, где при свободе находятся самых беднейших неоседлых людей, единственно в тягость обществу служащих» [7]).

---

[1]) «Арх. Госуд. Совета», т. III, ч. I, с. 784.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) «Записка Державина», стр. 486.
[5]) «Арх. Госуд. Сов.», т. III, I, с. 785.
[6]) «Арх. Гос Сов.», т. III, ч. I, с. 785.
[7]) Архив М-ства внутр. дел., Деп. общ. дел., дело № 1814.

Отнюдь не аболиционист, но, вместе с тем, и не крайний крепостник в духе Державина или Ростопчина, гр. Кочубей, можно полагать, в данном случае выражает среднее мнение совета, отвечавшее точке зрения большинства его членов. При решении острой дилеммы о расширении прав дворянства на свободное распоряжение своим имением или об ограничении этого права в смысле обязательного укрепления за крестьянами земельных участков получило перевес соображение о безопасности существующего государственного строя над узкой сословной точкой зрения. Впрочем, позднее совет делал не двухсмысленные попытки исправить допущенную самим им оплошность. Советом были выработаны положения, которые должны были лечь в основание указа. Прежде всего, дабы указ не имел формы общего узаконения, решено было издать его на имя гр. Румянцева и только в конце указа дать ему расширенное толкование, распространить дозволение «освобождать крепостных людей с отдачею им земли по условию на остальных помещиков с тем, однако, чтобы каждый испрашивал особенно на сие высочайшее соизволение». Относительно порядка заключения соглашений совет предлагал, не подвергая их ни какому контролю высших инстанций, приравнять их к прочим крепостным обязательствам, в силу чего следовало ограничиться явкою их в те же присутственные места, где записываются последние. Исполнение договора со стороны крестьян должно было обеспечиваться способом, для увольняемых не менее жестоким, чем в проекте гр. Румянцева, но более выгодным для помещиков. Крестьянин, не исполнивший своих обязательств, подлежал возвращению помещику с землею и семейством его во владение попрежнему.

О дальнейших перипетиях обсуждения указа наши сведения чрезвычайно скудны. Известно только, что в январе и феврале 1803 г., при участии самого гр. Румянцева, приглашенного по воле государя, рассматривались три проекта: из них один был составлен на основании изложенных выше положений совета, другой внесен по высочайшему повелению Трощинским, и третьим был новый проект гр. Румянцева [1]).

Указ Сенату в окончательной редакции, равно как и инструкция министру внутренних дел, в которую решено было заключить правила практического применения указа, были утверждены Госуд. советом 9 февраля 1803 г. [2]).

Получив утверждение Александра, проэкт указа должен был поступить в Сенат для распубликования, но здесь указу пришлось натолкнуться на препятствия, уготованные ему Державиным, к которому, как генерал-прокурору, он поступил для доклада Сенату. Не отсылая указа в Сенат, Державин отправился во дворец, чтобы отклонить Александра от уже принятого решения. Перетряхнув перед ним все те же доводы против закона, которыми аргументировали члены совета, и особенно напирая на тот вред, который может повлечь за собою новое мероприятие и для крестьян и для государственного хозяйства, Державин почти успел в своем предприятии. Александр, если верить Державину, оказался настолько нетверд в своих симпатиях к указу о свободных хлебопашцах, что приказал ему возвратить его в Госуд. совет для нового рассмотрения. Однако, уже на следующий день к Державину явился Новосильцев с повелением передать указ в Сенат для обнародования. Это не обескуражило Державина, который решил воспользоваться правом Сената делать государю представление о неудобствах новых законов. Но сенатор Колокольцев, которому Державин поручил устроить эту сенаторскую фронду, вместо того, чтобы склонять сенаторов к неодобрению указа, предпочел вовсе не явиться на заседание Сената, и указ был последним принят. Однако, Державин не сложил оружия. Ему удалось уговорить сенаторов внести снова проект указа на рассмотрение общего собрания, под предлогом разногласия по поводу его исполнения в первом департаменте, куда он был отослан для распубликования. Новая попытка затормозить издание закона была парализована, по словам Державина, тем влиянием, какое на Александра оказывали в то время «француз Лагарп» и «прочие его окружавшие ласкатели». Осведомленный своими либеральными друзьями о новых шагах Державина, Александр, призвав его к себе, упрекнул в некорректном исполнении им своих обязанностей. Державин пытался защищать свою позицию, вторично изложив свой отрицательный взгляд на мероприятие. Однако, Александр приказал ему, не обращая снова указа в общее собрание, немедленно привести его в исполнение.

20 февраля 1803 г. указ был обнародован, а 21 февраля вышли «высочайше утвержденные правила для руководства министру внутренних дел» [3]).

Не зная содержания нового проекта Румянцева и проекта Трощинского, мы можем сопоставить окончательную редакцию лишь с первым проектом указа и прошением Румянцева, а также с положениями, первоначально выработанными Госуд. Советом. С этой точки зрения

[1]) «Арх. Госуд. Сов.», т. III, ч. I, стр. 787—788. Проект Трощинского и новый Румянцевский нам неизвестны.

[2]) Подробности см. «Дневник Державина», стр. 486—490, а также Семевский, «Крестьянский вопрос в России», т. I, стр. 254—255.

[3]) Полн. собр. зак., т. XXVII, № 20620 и 20625.

закон 1803 г. представляется компромиссом между предложениями Румянцева и взглядами совета. Из указа тщательно вытравлен дух аболиционизма. Он издан на имя Румянцева с распространением дарованного им права на всех остальных помещиков и с усиленным ударением на достигаемое им выгодное расширение дворянских преимуществ. Основной предпосылкой увольнения крестьян признается заключение «условий, какие по обоюдному согласию признаются лучшими». Заключенные помещиком и крестьянами условия записываются у крепостных дел в гражданской палате, при чем, в случае неустойки, с той или другой стороны, жалобы потерпевших разбираются присутственными местами, которые и чинят взыскание. Несостоятельные крестьяне «возвращаются помещику с землею и семейством его во владение его попрежнему».

Таким образом, выгодная для дворянства сторона проекта была закреплена законом, но в него вошла и та сторона мероприятия, которая ограждала интересы крестьян, стесняла использование его помещиками исключительно в своих хозяйственных рассчетах. Указом были установлены: обязательное наделение увольняемых крестьян землею и контроль органов высшей государственной власти над договорами об увольнении. Были заимствованы из проекта Румянцева подразделение условий на три различные по своему правовому и хозяйственному смыслу категории. Допускался, во-первых, выкуп крестьянами свободы и земли путем единовременного взноса условленной суммы; во-вторых, выкуп того и другого в рассрочку, при чем до полной уплаты условленной суммы крестьяне остаются «в некоторых известных к помещику повинностях»; в-третьих, заключение такого договора между помещиками и крестьянами, в силу которого последние, оставаясь крепкими земле помещикам, получают ее в пользование, обязуясь «на известное число лет, по жизнь или навсегда, исправлять известные повинности, или платить подать деньгами или продуктами», при чем договор сохраняет свою обязательную силу и для всякого лица, которому имение перейдет в собственность путем покупки или наследования. Что касается порядка утверждения договоров об увольнении, то инструкция создает крайне сложный аппарат контроля, возглавляемый министром внутр. дел.

Во избежание принуждения со стороны помещика, договоры скрепляются подписью земского исправника и уездного предводителя дворянства в том, что «условия точно сделаны по согласию крестьян, и что в подписи их не было ни принуждения, ни подлога». Далее условия поступают на рассмотрение к губернскому предводителю, который препровождает их к министру внутренних дел. Последний должен следить, чтобы уступаемая крестьянам дача была разделена на участки между всеми увольняемыми по отдельности, и чтобы каждому из них был выдан план с подписью землемера и помещика. В последнем пункте Госуд. совет разошелся с Румянцевым, который предусматривал так же и утверждение дачи за *обществом*. Своей склонностью к частному крестьянскому землевладению совет, вероятно, отдал дань популярному в ту эпоху увлечению Адамом Смитом, с его проповедью частной хозяйственной инициативы, но эта статья, на несоответствие которой укладу русской деревенской жизни, уже в 1857 г. указал Кошелев [1]), и на которую обрушился позже В. И. Семевский [2]), на практике редко соблюдалась. Министру внутр. дел вменялось также наблюдать за тем, чтобы прочие крестьяне, остающиеся закрепощенными, не были совершенно лишены земли в пользу увольняемых. Затем договор поступал по докладу министра на высочайшее одобрение.

Вопрос о юридическом положении уволенных крестьян был разрешен в том же смысле, что и гр. Румянцевым, т.-е. в смысле создания «особого состояния свободных хлебопашцев». Кроме права собственности на землю, крестьяне наделены были правом продавать, закладывать и передавать ее по наследству, не раздробляя, однако, участков менее 8-ми десятин, а также правом вновь покупать землю и переселяться с ведома казенной палаты из одной губернии в другую. Получили они также очень важное право входить во всякого рода обязательства и в том числе принимать на себя, с согласия кредиторов, долги помещика. Этот пункт был весьма выгоден для дворянства, позволяя ему перекладывать долги, лежавшие на имении, на увольняемых крестьян, но и с точки зрения крестьянских интересов, раз уже была признана добровольность сделок, он был вполне целесообразен, так как в противном случае задолженность помещика обратилась бы в непреодолимое препятствие к их увольнению.

Хлебопашцы должны были уплачивать подушную подать и нести рекрутскую повинность натурой, исправлять земские повинности.

Двойственность принципов, положенных в основу закона 1803 г., с одной стороны, как мероприятия, направленного на расширение дворянских привилегий, а с другой, как первого шага по пути к освобождению крестьян на основе удовлетворения их жизненной потребности в обладании

---

[1]) См. дела секретн. Комитета для рассмотрения постановлений о крепостных людях. 1857 г. № 5. «Записка о свободных хлебопашцах».

[2]) «Крестьянский вопрос в России», т. I, стр. 256.

землей, предопределила в значительной мере бесплодность его для действительной жизни, но безплодность эта была неизбежна. Если бы позднейшее законодательство усилило и расширило ту сторону его, которая была благоприятна для раскрепощения крестьян и образования свободного и наделенного землей крестьянства, то он мог бы послужить отправной точкой для ликвидации крепостного права государственной властью. Но дальнейшая практика закона обнаружила нежелание и боязнь правительства Александра I (то же самое с равным правом можно было бы сказать и о правительстве Николая I) вступить на путь ликвидации крепостного права вообще, а тем более на выгодных для крестьян условиях. Наоборот, правительство, не переставая колебаться между двумя противоположными принципами, заметно склонялось в сторону сословно-дворянской точки зрения, что неизбежно влекло за собой скрывшихся в законе освободительных тенденций.

Главный интерес истории закона 1803 г. за этот период сосредоточивается вокруг нескольких центральных вопросов, выдвинутых его практическим применением, характер разрешения которых и предопределил его окончательную участь.

Такими основными вопросами были вопросы: 1) о безземельном увольнении крестьян, 2) об освобождении их по духовным завещаниям и 3) о предоставлении им денежной помощи со стороны государства для увольнения на свободу.

II.

Вопрос об отпуске крепостных целыми селениями б е з з е м л и возник в практике указа впервые в 1807 г. по следующему поводу.

В 1805 г. помещик Таврической губ., гр. Коховский, заключил условие об увольнении принадлежавших ему крепостных ногайцев. По этому условию Коховский освобождал всех своих крепостных, всего 328 душ, но без земли и за весьма высокую плату—90.000 руб., из которых 25.000 руб. увольняемые внесли при заключении договора, а остальные 65.000 руб. обязались уплатить в течение следующих двух лет, после чего они должны были покинуть землю помещика; те из увольняемых, которые не уплатят в срок всех назначенных взносов, теряют вместе со свободой и уплаченные уже деньги.

Своекорыстное использование Коховским добровольности сделок с крепостными было очевидно, а главное—сопровождалось нарушением правила о наделении увольняемых землею, поэтому министр вн. д. Кочубей не рискнул взять на себя утверждение условий и внес дело на решение Госуд. совета. И что же? Совет не нашел в деле Коховского ничего противоречащего закону о хлебопашцах, так как было соблюдено условие о добровольности сделки.

В том же году министр доложил совету об увольнении крестьян помещиком Виленской губ. Нагурским. Суть дела состояла в том, что Нагурский в 1800 г. уволил крестьян своих с движимым имуществом, но без земли, обязав их притом в течение его жизни состоять в совершенном послушании. Наследник Нагурского, Жуковский счел для себя невыгодным даже безземельное освобождение крестьян и стал оспаривать законность акта. Совет признал, что акт, как согласный с литовским статутом, имеет законную силу; но затруднение состояло в противоречии его с положением указа о наделении крестьян землею. На этот раз совет отнесся серьезно к этому противоречию и, утвердив отпуск крестьян на волю, постановил издать общее распоряжение, в силу которого отпуск крестьян целыми селениями допускался не иначе, как по закону о свободных хлебопашцах. Постановление совета было подтверждено указом 14 декабря 1807 г. [1]) Совет в данном случае принял во внимание, что «за людей, отпущенных на волю, в исправлении рекрутской повинности и в платеже податей отвечает помещик, чего к целым селениям приложить, конечно, не можно..., а как в законах наших нет никакого постановления, каким образом крестьяне без земли могут быть увольняемы без нарушения общей рекрутской обязанности, и с платежем казенных податей, то случай сей требует нового и особенного положения» [2]).

Следовательно, препятствием для увольнения крестьян без земли послужили на этот раз соображения фискально-государственного характера. Когда же казна не страдала, освобождение без земли не возбранялось. Однако, с изданием указа 14 декабря не изменилось в дальнейшем отношение правительства к безземельным освобождениям крестьян

В 1810 г. Госуд. совет. утвердил увольнение без земли 7000 крестьян по духовному завещанию помещика Виленской губ. Корпя, найдя возможным «в сем случае отступить некоторым образом от сих постановлений, предположив неведение помещика о правилах, по предмету

---

[1]) П. С. З., т. XXIX, № 22714.
[2]) «Арх. Госуд. Сов.», т. III, ч. I, с. 814—813.

сему изданных». К этому доводу министр. вн. дел кн. А. Б. Куракин присоединил еще другой, более веский—ссылку на то, что в случае неутверждения акта «крестьяне должны остаться в крепостной зависимости», но совет, усмотрев в этом порицание крепостного права, ограничился первым доводом [1]).

Еще ярче характеризуется настроение совета делом таврического помещика Попова. Последний, по примеру Коховского, отпустил на свободу своих крепостных-ногайцев, оставив за собой всю землю. Министр вн. дел Козодавлев отстаивал утверждение отпуска, при этом он подверг критике ссылку на ущерб, претерпеваемый казной при такого рода освобождениях, указав, что уволенные крестьяне во всяком случае должны приписаться к тому или иному податному состоянию, а следовательно платить налоги и нести все государственные повинности. И для того, чтобы избегнуть в дальнейшем необходимости санкционировать отдельные случаи нарушения указа, он предложил изменить самый указ, исключив из него статью о наделении землею увольняемых крестьян. Что касается положения последних, то оно могло быть, по его словам, вполне обеспечено предоставлением им права покупки земли и поселением их на казенные земли.

Однако, гражданский департамент Госуд. совета, присоединившись к заключению Козодавлева по делу Попова, не решился согласиться с его предложением об изменении указа [2]).

С 1816 г. дела о свободных хлебопашцах стали вноситься в комитет министров [3]). В 1820 г. Комитет без колебаний утвердил увольнение крепостных помещика Рогозина (Тверск. губ.), которые получили настолько незначительный надел (70 десятин на 73 души), что были признаны освобожденными без земли [4]), а в 1825 г. счел действительным безземельное увольнение помещиком Таврич. губ. Годлевским 313 крепостных ногайцев [5]). В обоих случаях уволенные долго не могли найти подходящей земли для поселения.

Несмотря на такое покладистое отношение правительства к нарушениям статьи о наделении крестьян землею, освобождение без земли встречается не часто. Об'яснение этого следует искать в глубокой привязанности крестьян к земле: они скорее соглашались терпеть крепостное бремя, чем получить свободу ценой обезземеления.

III.

Если в вопросе о наделении увольняемых землею правительство в значительной степени руководилось соображениями о выгоде дворянского землевладения, то в вопросе об освобождении крестьян по духовным завещаниям они уже целиком определили линию его поведения.

Вопрос этот возник впервые в 1804 г. Министр. вн. дел. внес в Госуд. совет прошения двух помещиков о дозволении им отпустить своих крестьян из родового имения с тем, чтобы, оставаясь при их жизни в крепостном состоянии, крестьяне после их смерти вступили в свободные хлебопашцы. Этот случай вполне подходил под третий вид условий об увольнении, допускаемых правилами 21 февраля 1803 г. но Госуд. совет, желая по возможности стеснить переход дворянских земель в руки крестьян, приравнял его к отпуску по духовному завещанию, а так как закон запрещал распоряжаться родовым имением по завещанию, то и подобный отпуск попадал под запрещение. Совет постановил в качестве общего правила не утверждать сделок, по которым крестьяне родовых имений поступают в свободные хлебопашцы по смерти помещика, что и было закреплено указом 19 декабря 1804 г.

Новая законодательная мера сыграла роль сильного тормоза для практического применения закона, преграждая наиболее удобный и легкий путь, так как при освобождении крестьян завещаниям помещики могли избежать сложной процедуры утверждения акта, переложив заключение его на своих наследников. Задерживая освобождение крестьян, оно тяжело отозвалось на крестьянской жизни, внеся в нее болезненные конфликты, нередко трагически завершавшие участь крепостных. В применении указа 19 декабря очень продолжительное время наблюдаются заметные колебания. Правительство сначала снисходительно относилось к нарушениям постановления совета.

Так, уже в 1805 г. в министерство вн. дел поступило прошение нижегородского помещика Трофимова, который, покупая в 1801 г. своих крестьян, занял деньги не только у

---

[1]) «Арх. Госуд. Сов.» т. IV, ч. I, с. 593.

[2]) «Арх. Госуд. Совета». т. IV, ч. I, с. 612—13.

[3]) О внесении министром. вн. дел. всех дел о своб. хлебоп. на рассмотрение Комитета Мин. в 1816 г. было дано особое высочайшее повеление. См. Дело Комит. Мин. журн. 4-го августа 1816 г.

[4]) Дела Комит. Мин. журн. 2 марта 1820 г. № 418.

[5]) Дела Комит. Мин. журн. 8 марта 1823 г.

своих «благодетелей», но и у самих крестьян. В свою очередь, Трофимов уже при покупке дал крестьянам обещание отпустить их по завещанию на свободу. Болезнь и приближающаяся старость заставили Трофимова, по его собственным словам, озаботиться скорейшим исполнением данного крестьянам обещания; тем более, что родственники Трофимова, к которым должно было перейти имение, не имели дворянских прав и потому принуждены были бы распродать доставшихся им крепостных. Все это побудило Трофимова составить завещание, по которому после смерти его крестьяне переходили к его жене, а по смерти последней получали безвозмездно свободу и все земли. За утверждением этого завещания Трофимов и обратился к правительству: просьба Трофимова получила (5 мая 1806 г.) высочайшее утверждение [1]).

Одновременно Госуд. совет. (в августе 1805 г). рассматривал вопрос, близко затрагивавший постановление 19 декабря. Помещица Вологодской губ. Аникиева в декабре 1804 г. заключила со своими крепостными договор об увольнении их в хлебопашцы; он уже прошел через низшие инстанции, крестьяне успели внести 3000 р. в счет выкупа, когда помещица умерла. Оставаясь верным решению 19 декабря, совет мог бы счесть освобождение крестьян недействительным, но на этот раз он признал увольнение вполне законным. По предложению министра коммерции гр. Н. П. Румянцева решено было даже издать общее постановление, предписывающее «условия, помещиками и крестьянами сделанные, хотя бы за смертию первых и не прошли они узаконенные формы, в своем течении не пресекать» [2]). Это заключение подтверждено было особым указом 3 октября того же года [3]). И в дальнейшем мы находили новые примеры готовности правительства поступиться прямым соблюдением указа 19 декабря. Так, в 1808 и 1811 г.г. советом были утверждены освобождения крестьян по завещаниям двух помещиц [4]).

Отношение «Комитета [5]) по рассмотрению особых случаев по делам об увольнении крестьян в свободные хлебопашцы» к нарушениям указа 19 декабря было еще мягче. Так, напр., им было признано действительным освобождение крестьян помещика Оренбургской губ. Можарова, хотя случай этот был совершенно аналогичен тому, который послужил поводом для запрещения отпускать по духовному завещанию, при чем дело осложнялось тем, что распоряжение помещика Можарова, которым он увольнял после смерти своей крестьян на свободу, оспаривалось его наследниками. В том-же духе было разрешено подобное же дело крестьян помещицы Хвостовой.

Благожелательное отношение комитета к крестьянам об'ясняется в значительной мере той влиятельною ролью, какую в нем играл министр вн. дел О. П. Козодавлев, который несомненно сочувствовал освобождению крестьян, хотя и считал допустимым сохранение права собственности на землю за помещиками. Проводить свои взгляды Козодавлеву приходилось далеко не без борьбы, следы которой сохранились в бумагах комитета. Его противником, и очень влиятельным, был Кочубей, отвергавший право помещиков увольнять крестьян по завещаниям, мотивируя тем, что это право является „законоположением, на искушениях, так сказать, основанном", потому что, зная о содержании завещания, крестьяне могут соблазниться мыслью ускорить получение свободы путем убийства помещика-завещателя [6]). Козодавлев доказывал несостоятельность такой аргументации, ссылаясь на то, что если принять довод гр. Кочубея, то на основании его следовало бы взять под подозрение всех вообще наследников завещателя, и не одних только крестьян, „чего однакож никакие законы никогда не предполагали". Козодавлев предлагая бесповоротно признать законным увольнение крестьян по духовным завещаниям помещиков, приводя следующие доводы:

1) подобные увольнения были уже неоднократно утверждаемы правительством;

2) если такие, вновь поступившие, требования оставлены будут без утверждения, то около 2.000 душ обоего пола, ожидающих свободы, должны будут обратиться в крепость;

3) неутверждением таковых актов уже за несколько времени пред сим остановилось увольнение крестьян, а после и совсем прекратиться может и, наконец,

---

[1]) Архив Мин. вн. дел. Деп. общ. д. № 25, 1805 г.

[2]) «Арх. Госуд. Сов.», т. III, ч. I, с. 789—796.

[3]) П. С. З. т. XXVIII. № 21. 933.

[4]) «Арх. Госуд. Сов.», т. III, ч. I, с. 824—825.

[5]) Комитет был утвержден в 1813 г. высоч. рескриптом на имя С. П. Румянцева, в составе гр. Кочубея, сенатора Болотникова, министра вн. дел. Козодавлева и самого гр. Румянцева, в качестве председателя. Но гр. Румянцев по болезни не мог принять в нем участие. Работа Комитета была мало продуктивна. Вскоре из него выбыли Кочубей и Болотников, В 1816 г. в него возвратился Болотников, и были назначены для присутствия кн. Салтыков и сен. Сиверс., но и в обновленном составе Комитет просуществовал недолго. В 1817 г. он имел всего лишь 3 заседания, а в 1818 г., после смерти Козодавлева, он окончательно распался. См. арх. Мин. в. д., Деп. Общ. д., № 131 и № 132, а также Дела Ком. Мин., журналы 30 декабря 1816 г. и 2 марта 1820 г.

[6]) Арх. Мин. в. д., Деп. Общ. д. № 132.

4) по многим актам нет в виду никаких споров со стороны помещиков и крестьян, но от посторонних людей“ [1]).

Когда распался Комитет 1813 года, Комитет министров в Госуд. совет., которые обычно решали в последней инстанции дела о хлебопашцах, встали в вопросе об освобождении по духовным завещаниям на точку зрения Кочубея, который, заняв после Козодавлева пост управляющего министерством в. д., в качестве докладчика по делам о хлебопашцах, стал давать направление всей практике закона.

Однако, эта линия не сразу обнаруживается из решений, каковые на первый взгляд, и по существу, и по мотивировке, кажутся противоречивыми, друг с другом не связанными.

6 Марта 1820 г. Комитет министров рассматривал доклад об отпущенных помещиком слободско-украинской губ. Ивановым 16-ти крестьянах. по духовному завещанию, с обязательством до смерти помещика «пребывать в полном ему повиновении». В 1816 г. крестьяне обратились с просьбой о причислении их, согласно с волей завещателя, к свободным хлебопашцам, при чем завещание никем не оспаривалось. Комитет принял предложение Кочубея об удовлетворении просьбы крестьян на том основании, что имение было благоприобретенное и, следов., помещик был в праве распорядиться им по завещанию [2]). Из этого решения как-будто вытекает, что запрещения отпуска по завещанию могли относиться исключительно к родовым имениям. Но на деле было иначе. В 1814 г. ярославский помещик Добротин духовным завещанием отпустил на волю своих благоприобретенных крестьян. Наследники стали оспаривать законность распоряжения Добротина и Комитет Министров, не взирая на благоприобретенность имения, решил вопрос в пользу наследников [3]).

То-же было и в другом случае. Помещица Новоладожск. уезда Пасевьева завещала в 1802 г. все свое благоприобретенное имение своему мужу с тем, чтобы после его смерти крестьяне в числе 1000 человек были отпущены на свободу с наделением землею. После ее смерти между мужем и крестьянами, с одной стороны, и прямыми наследниками, с другой, возник процесс по поводу законности завещания. Наследникам удалось добиться признания недействительности завещания. Госуд. совет. в своей резолюции, чтобы оправдать применение указа 19 декабря к благоприобретенным имениям, ссылается на неизвестную нам высочайше утвержденную записку 25 января 1805 г., которой постановлено «по завещаниям, сделок, предположенных помещиками на увольнение родовых и приобретенных крестьян в свободные земле дельцы, по смерти не утверждать». Таким образом был установлен тот usus, согласно которому исчезало различие между приобретенными крестьян и родовыми, когда дело касалось их увольнения по завещаниям [4]).

В чем состоял истинный критерий для утверждения или неутверждения подобных увольнений, обнаруживается из решения по делу об освобождении по завещанию крестьян помещицы Московской губ. Феропонтовой. Они были родовыми и, не взирая на это, воля завещателя была утверждена. В принятом Комитетом заключении Кочубея подчеркивалась незаконность акта, но в оправдание его утверждения приводился следующий характерный довод: «Сие (т.-е. противоречье с законом) было бы достаточно к уничтожению распоряжения ее, если бы пред'явлены были какие-либо законные противу оных распоряжения, но духовное завещание ее, пройдя весь порядок, для пред'явления и свидетельствования актов сего роде установленный, и быв утверждено судебным местом, не встретило никакого сопротивления, как свидетельствует губернское начальство ни при жизни помещицы Феропонтовой, ни после смерти ее» [5]).

Итак, сопоставляя приведенные случаи, мы видим, что судьба завещания об освобождении родовых крестьян зависела от того, оспаривалось ли завещание, или нет. При отсутствии протеста со стороны наследников завещание утверждалось безразлично, относилось-ли оно к благоприобретенным имениям или родовым.

Когда представлялся выбор между освобождением крестьян и неприкосновенностью дворянских интересов, правительство становилось на сторону последних. Любопытен следующий инцидент. В 1820 г. рассматривалось Комитетом дело об отпусках крестьян по завещаниям помещиц Башевой и Юрловой. Оба увольнения не были признаны действительными. Для соблюдения либерального декорума, министр. вн. дел предложил «употребить только некоторое ходатайство со стороны правительства у наследников, ежели они согласятся, чтобы заключили с крестьянами добровольное условие на увольнение их в свободные хлебопашцы». Это показа-

---

[1]) Дела Комитет. Мин., журн. 25 сентября 1823 г.
[2]) Дела Комитет. Мин., журн. 6 марта 1820 г.
[3]) Дела Комит. Мин. журн. 25 сентября 1823 г.
[4]) „Арх. Госуд. Сов.“ т. IV, ч. III, с. 64—72.
[5]) Дела Комит. Мин. журн., 2 марта 1820 г.

лось комитету слишком смелым; он нашел «неприличным и неудачным употреблять оное (ходатайство) со стороны правительства, потому что наследники в праве отказаться от предложений, какие будут им сделаны, и следовательно предприятие сие было бы бесполезно, а между тем ходатайство таковое произвело бы в крестьянах одну только мечтательную надежду и могло бы подать повод к неудовольствиям на помещиков своих и чрез то возродить между ними разные безпорядки». Утверждая эту резолюцию, Александр все же пожелал испытать «некоторое ходатайство» за судьбу крестьян, но входя в положение комитета, согласился сделать его «не от лица правительства, а от своего и в частном виде» [1]).

Результаты такой установившейся в последнее пятилетие рассматриваемого периода точки зрения правительства на увольнения по духовным завещаниям выразились в том, что из 13 завещаний, поступивших за это время на его решение, только 5 получили утверждение. Количество крестьян, оставшихся в силу этого в крепостном состоянии, не может быть исчислено точно, но их было не менее 2000 человек.

Обычно крестьяне стойко защищали свое право на свободу, вели разорительные для них долголетние процессы и неохотно подчинялись окончательным приговорам. Дважды Комитету министров пришлось столкнуться даже с активным проявлением недовольства крестьян в подобных случаях.

В 1823 г. помещица Ярославской губ. Ошанина подала прошение, в котором об'ясняла, что умерший дядя ее Озеров желал отпустить крестьян своих из имений в Ярославской и Костромской губерний, но не успел за болезнью заключить с ними условия и потому постановил в своем духовном завещании, чтобы костромские его крестьяне были тотчас после его смерти уволены на свободу с обязательством уплатить долг опекунскому Совету, ярославские же оставались бы во владении сестры его Ошаниной, а по смерти последней перешли во владение дочери ее, т. е. самой просительницы, которой платили бы в течение ее жизни по 2.000 р. в год, после чего они так же, как и костромские крестьяне, должны были получать свободу вместе с землею. Ошанина просила, чтобы были освобождены тотчас же не только костромские крестьяне, но и ярославские, так как мать ее и она сама предпочитают уволить доставшихся им крестьян под условием уплаты ими ежегодно определенных в завещании 2.000 р. Ошанины уже приступили к сделке с крестьянами, когда брат девицы Ошаниной пред'явил протест против увольнения крестьян и завещания Озерова, ссылаясь на свои наследственные права. Дело приостановилось. Ошанину удалось вскоре добиться от сестры отказа от намерения освободить крестьян, а от гражданской палаты—как признания недействительности завещания, так и укрепления увольняемых крестьян за ним, как за единственным прямым наследником. Уже во время производства дела в гражданской палате крестьяне подавали министру внутренних дел жалобы на притеснения, которые им приходится испытывать со стороны Ошанина, и на заключение многих из них под стражу по распоряжению земского суда. После решения дела в пользу Ошанина крестьяне открыто воспротивились вводу его во владение. Меры, принятые земским судом, оказались тщетными. Волнение произошло, по выражению Ярославского губернатора, нестолько «от упорства крестьян, сколько наиболее от уверенности их, что сделанное умершим помещиком Озеровым в пользу их духовное завещание неот'емлемо дает им право быть свободными хлебопашцами». Лишь прибегнув к силе, удалось усмирить движение. По этому делу комитет министров согласился с Кочубеем, что так как «узаконениями, о свободных хлебопашцах изданными, вообще увольнять крестьян в сие звание по духовным завещаниям воспрещено, то засим и не возможно приступить к какому либо дальнейшему со стороны министерства внутренних дел на счет увольнения крестьян распоряжению».

В октябре 1821 г. помещик Мельницкий составил духовное завещание, согласно которому освобождались после его смерти все принадлежавшие ему крестьяне и дворовые, как родовые, так и благоприобретенные, со всеми землями и угодьями в трех губерниях Новгородской, Тверской и Вологодской. Мельницкий не требовал с крестьян никакого вознаграждения и предоставил им разделить между собой даже все его движимое имущество, выделив из него лишь 14-ю часть в пользу его сестры. Петербургская гражданская палата не согласилась, однако, утвердить завещание, предложив Мельницкому заключить с крестьянами формальное условие. Вскоре после этого помещик умер, не успев войти в сделку с крепостными, а завещание его послужило предметом продолжительной тяжбы между крестьянами и наследниками имения.

Во время рассмотрения этого дела в сенате, крестьяне дважды подавали прошение на высочайшее имя, жалуясь на несправедливые приговоры низших судов. Но комитет министров, постановив (15 декабря 1823 г.) предоставить окончательное решение по делу Сенату, не согласился даже с предложением Кочубея сделать наследникам представление: не пожелают ли

---

[1]) Дела Комит. Мин. журн. 2 марта 1820 г.

они «из уважения к благонамеренному предприятию помещика на счет крестьян привести завещанную им о том волю в исполнение». Комитет опасался задеть неосторожно права наследников и «подать чрез то крестьянам к превратному толкованию, что правительство поставляет сие наследникам в обязанность». Дело в Сенате было проиграно крестьянами. Однако, этим оно не кончилось. В 1827 г. комитету министров пришлось вернуться к делу о крестьянах Мельницкого, но уже не по поводу их увольнения, а их неповиновения.

Со времени перехода дела в Сенат, т. е. с осени 1822 г., новгородское имение Мельницкого было отдано под опеку племянницы умершего помещика Мавриной и помещика Хрипунова. Маврина, стремясь поправить свои хозяйственные обстоятельства, а отчасти, может-быть, желая выместить раздражение на своих соперниках по судебному процессу, повернула дело круто и перевела крестьян с оброка на месячину, т. е. прибегла к наиболее жестокому способу эксплоатации крепостного труда. В результате, по словам губернатора, крестьяне „не получали в свое время месячины и оставались вовсе без пропитания, а дети ходили по миру". Только надежда на скорое освобождение удерживала крестьян от открытого протеста. Наконец, резолюция Сената поставила их перед перспективой остаться навсегда в полной власти помещицы Мавриной и в тисках ее хозяйственного режима. Тогда „крестьяне и дворовые люди отказались вовсе от повиновения". Пришлось прибегнуть к вооруженной силе. Доведенные до отчаяния, крестьяне оказали упорное сопротивление.

Приехавший в губернию для ревизии сенатор Баронов, отправившись на место происшествия и найдя деревню Березну покинутой мужским населением, приказал, „дабы обуздать как сих бунтовщиков, так и всех тех, кто отважится попуститься на подобное действие", сжечь деревню, предварительно выведя женщин и детей с их имуществом [1]).

IV.

В последние годы царствования Александра обнаружилась тенденция признать полную свободу сделок между помещиками и крестьянами.

В недрах государственных учреждений назревала реформа закона о свободных хлебопашцах. Схема этой реформы очень проста: уничтожалось положение о наделении землею крестьян, упрощался или даже устранялся правительственный контроль актов об увольнении, и тем самым отпадала в значительной мере надобность в запрещении освобождать крестьян по духовным завещаниям. В результате получилась реформа, вполне отвечавшая стремлениям к превращению закона о хлебопашцах в выгодное расширение помещичьих прав.

Кампания в пользу реформы нарастала постепенно. Первым шагом было обсуждение Гос. советом дела Рычкова (в декабре 1822 г. и январе 1823 г.).

Помещик Рычков за два года до смерти заключил с крестьянами условие об увольнении их на свободу, без всякого вознаграждения, со всей принадлежащей ему землей. Но было оговорено, что помещик сохраняет до смерти своей право владения, как крестьянами, так и землею, обязуясь не продавать ни крестьян, ни земли, а также не покрывать долгов из доходов имения. Акт был записан в уездном суде, но засвидетельствован не исправником и уездным предводителем дворянства, как полагалось, а дьяконом, дьячком и еще тремя частными лицами. После смерти Рычкова наследники стали домогаться уничтожения акта, ссылаясь на указанные формальные упущения. Местные власти пошли на встречу этим притязаниям. Но Сенат, не смотря на несоблюдение формальностей, признал акт Рычкова за обоюдное условие, вступившее в действие при жизни помещика, и на этом основании утвердил его. Гражданский департамент Гос. совета присоединился к этому решению, общее собрание Госуд. совета также склонилось-было к нему, когда неожиданный протест Кочубея нарушил единодушие. В течение двух заседаний Кочубей развивал доводы против утверждения сенатского решения и, несмотря на противодействие кн. Куракина, взявшего это решение под свою защиту, достиг того, что на его стороне оказалось 14 членов из 22. Этот раскол голосов побудил одного из членов совета (протокол не сохранил его имени) высказать следующее мнение, устранявшее самый повод для подобных разногласий путем исключения из указа одиозного для дворянства предписания об укреплении за увольняемыми земли: „Крестьяне, получившие единожды свободу, должны по существующим на это законам остаться при оной навсегда, и надлежит предоставить им на произвол, записаться ли в сословие свободных хлебопашцев или в казенные поселяне; землю же, по не совершению на оную уступочного права, оставить во владении наследников. Вероятно, что отпущенные на волю крестьяне пожелают остаться на земле родины своей, и яко свободные поселяне будут в добро-

[1]) Дела Комит. Мин. журн., 2 марта 1820 г.

вольных с владельцами земли условиях нанимать их землю. Тогда ознаменуется на самом опыте та непреложная истина, что свобода и недвижимая собственность суть две различные между собою вещи, суть два отдельные и не могущие в существе своем смешаны быть понятия, и свободный поселянин не будет вечно укрепленным рабом земли, которую пашет. Новое еще в России свободное сословие тогда только в существе составится, когда на истинных началах учреждено будет, и когда от'яты будут существующие ныне препоны: помещикам освобождать, а крестьянам получать свободу". Однако, это предложение не встретило сочувствия в совете, потому, что оно влекло за собою ломку существующих законов, между тем совет предпочитал нарушать закон в отдельных, частных случаях, чем преобразовать его в общем виде, так как эта тактика сохраняла иллюзию незыблемости и твердости правительственной политики. Александр встал на сторону меньшинства со следующим пояснением: «Неоспоримо, что формы не соблюдены, а если бы неясность существовала на счет намерения помещика уволить сих крестьян, то всеконечно следовало бы остановить исполнение сего дела. Но воля помещика несомненна. По сему нахожу я, что сурово будет препятствовать улучшению участи сих людей, единственно за несоблюдение формальностей» [1]).

Эта резолюция сводила на нет значение указа 19 декабря 1804 г. При таком положении вещей изменение закона 1803 г. становилось настоятельной потребностью. Необходимо было устранить те его положения, которые заставляли, ради соблюдения дворянских интересов, устанавливать тормазы для увольнения крестьян. Подобное решение и было принято при рассмотрении Госуд. советом (января 1821 г.) дела о крестьянах Кузьмина.

Помещик Владимирской губ., Кузьмин в 1811 г. уволил по двум отпускным на свободу с землею 19 душ своих крестьян с тем, чтобы они воспользовались свободой лишь после его смерти. Отпускные были явлены у крепостных дел, но все дальнейшие формальности не были соблюдены. В следующем году Кузьмин сделал духовное завещание, в котором подтверждал освобождение крепостных. В 1816 г. воля завещателя была исполнена, и крестьяне были причислены казенной палатой к свободным хлебопашцам. Но сестры Кузьмина стали протестовать против увольнения крестьян, так как они были отпущены в конечном счете по духовному завещанию, между тем имение родовое.

Московский Сенат нашел (в феврале 1821 г.) это обстоятельство достаточным, чтобы возвратить в крепостное состояние крестьян, которые уже в течение пяти лет пользовались свободой [2]). Крестьяне подали всеподданнейшее прошение о перенесении их дела в Госуд. совет В комитете министров, где прошение было подвергнуто предварительному обсуждению (1823 г.), Кочубей и министр юстиции кн. Дм. И. Лобанов-Ростовский настаивали на утверждении решения Сената, находя пересмотр дела в Госуд. совете излишним в виду очевидного нарушения Кузьминым закона 1803 г. и дополнительного указа 19 декабря, но остальным членам комитета помешала согласиться с ним приведенная выше резолюция Александра по делу Рычкова [3]). Гражданский департамент совета сразу пришел к правильной постановке вопроса. С одной стороны акт Кузьмина не соответствует законам, с другой же стороны, намерение помещика — очевидно; выгоды крестьян соблюдены в полной мере, и согласие их не подлежит сомнению, поэтому, если руководствоваться последней высочайшей резолюцией, то необходимо оставить крестьян Кузьмина на свободе, а наследникам в иске отказать. В последнем смысле дело и было разрешено. Но тотчас вслед за этим решением департамент занялся вопросом об изменении законодательства о крестьянах. Было признано с полной откровенностью, что многочисленные формальности, требующиеся законом, вместо того, чтобы защищать крестьян, были «обращаемы часто против крестьян», а также, что «несправедливо уничтожать условие, если крестьяне желают удержать оное в его силе, как сие доселе нередко случалось». Но как быть с охраной землевладельческих прав дворянства? Приемлемое и выгодное для дворянства решение вопроса было выдвинуто уже при рассмотрении дела Рычкова—следует допустить увольнение целыми поселениями без земли, тогда отсутствие формальностей не только перестанет быть опасным, но наоборот, сделается выгодным для землевладельческих интересов. Департамент постановил: предоставить комиссии по составлению законов выработать новое положение о свободных хлебопашцах на основании как высочайшей резолюции по делу крестьян Рычкова, так и пожеланий Департамента. В общем собрании Госуд. Совета за пересмотр закона высказалось пятнадцать членов против трех [4]).

В 1825 году Совет комиссии для составления законов закончил в главных чертах законопроект, подвергнув старое законодательство жестокой критике. Стеснение завещательных

[1]) «Арх. Госуд. Сов.», т. IV, ч. I, с. 682—693.
[2]) Дела Комит. Министр., приложение к журналу 4 сент. 1823 г.
[3]) Дела Комит. Мин., журнал 4 сент. 1823 г. № 1449.
[4]) «Арх. Госуд. Сов.», т. IV, ч. I, с. 706—710.

распоряжений и обилие ненужных формальностей были признаны «одной из причин, почему сей способ отпущения, высокий в своей цели, имеет мало успеха»; особое раздражение было вызвано положением закона о праве помещиков увольнять крестьян обязательно с землею и притом, как из приобретенных, так и родовых имений. В этом положении члены комиссии узрели самое непозволительное попрание землевладельческих привилегий дворянства. «Сие распоряжение, превращая недвижимое имение в наличный капитал, не только благоприятствует расточительности, но и лишает дворянство способа поддержать прочным и приличным образом достоинство своего сана и благосостояние своего потомства. Сверх того оно выводит крестьянское сословие из того круга прав, которое состоянию их свойственно, ибо владение недвижимыми населенными имениями во всех монархических землях принадлежит дворянству, поелико сим токмо способом может оно сохранить силу свою и наследственный блеск своего сана».

Комиссия нашла возможным отменить ограничение права отпуска крестьян по завещаниям, но только для благоприобретенных имений, а не родовых; с готовностью уничтожила сложный порядок утверждения условий, установив вместо него простую запись у крепостных дел в Гражданской палате; наконец, по пункту о земле признала, что «гораздо было бы сообразнее с целью, если бы помещик, отпуская на волю своих крестьян, удержал право собственности на землю, предоставив им пользоваться оною временно за отправление условленных работ или из платежа в его пользу, определенного оброка. «При таковом распорядке, выиграли бы обе стороны: дворянство сохранило бы недвижимое имение, а крестьяне, приобретши личную свободу, получили бы на уступленные участки право полезной собственности (dominium utile) временное или постоянное, которое наиболее прилично их состоянию» [1]).

Таким образом вместо сословия свободных хлебопашцев проектировалось создание нового крестьянского состояния срочных и бессрочных арендаторов, закон «о свободных хлебопашцах полностью превратился бы в новую дворянскую привилегию. Но перемена на престоле помешала проекту комиссии стать законом. Вопрос о свободных хлебопашцах перешел «в комитет 6 декабря 1826 г.», а затем в «комитет 1839 г.», где и получил частичное разрешение в виде указа об обязанных крестьянах, правда на основаниях, во многом отличных от выработанных комиссией по постановлению законов.

V.

У правительства Александра I был, казалось, один способ усилить значение закона о хлебопашцах, как освободительной меры, не задавив интересов дворянства — это предоставить увольняемым крестьянам денежную помощь от государства.

Мысль об этом возникла вскоре после издания указа 20 февраля 1803 г. Уже в ноябре 1803 г., по словам гр. Строгонова, в неоффициальном комитете велись разговоры о содействии выкупить помещичьих крестьян ссудами из казны. Но вопрос этот стал принимать более конкретные формы к 1809 г., когда выяснились уже несколько реальные результаты применения указа. Заслуга возбуждения его принадлежит кн. А. Б. Куракину.

Будучи министром вн. дел., кн. Куракин из составленных по его приказанию статистических таблиц убедился, что выкупные суммы, назначаемые помещиками, во многих случаях настолько велики, что не могли быть покрыты крестьянами из собственных средств. Это побудило его представить в комитет министров особую записку.

«Могло ли предвидеть правительство, писал он, что помещики (как то было при большей части важнейших в сем роде сделок) отяготят все бремя обязанностей над выкупающимися крестьянами и вместо простого способа даровать им свободу без собственной потери, выведут из сей операции предприятие единый прибыток целию имеющее». Напомнив о трагическом положении, в какое ставит несостоятельных крестьян указ 20 февраля, заставляя их «снова обратиться в подданство, т. е. в состояние, коего горесть они испытали, которое тем несноснее, что наслаждались уже они свободой и познали чувство обладания называемое собственностью», Куракин предложил меры двоякого рода: во-первых, ссуда крестьянам из казны, а во-вторых, установление правительственной опеки над несостоятельными крестьянами. Первая мера имеет тот крупный недостаток, что может непосильным образом обременить государственый бюджет; вторая же не требует от казны никаких особых расходов. Поэтому Куракин останавливается на второй. По обнаружении несостоятельности крестьян собирается комиссия из губернатора, и губернск. и уездных предводителей дворянства. Приведя в известность запла-ченные за прошедшее время суммы, они приостанавливают действие обязательств. Затем, зачтя сделанные крестьянами взносы «в оброк за прошедшее и неизвестное число следующих лет»,

[1]) Дела комиссии по составлению законов. Разр. VI, № 408.

и наложив секвестр на крестьянскую недвижимость, об'являют крестьянам, что условие вступит в силу лишь по истечении того срока, на который зачтен оброк. Только в случае вторичной несостоятельности крестьяне возвращаются уже окончательно в крепостную зависимость.

Преподнося эту горькую пилюлю комитету, Куракин напомнил о «благотворительной цели правительства, желавшего всеми способами освобождению помещичьих крестьян благоприятствовать» [1]). Но, как и следовало ожидать, его предложение не встретило отклика, за исключением министра юстиции кн. Лопухина, развившего мысль о предоставлении десятилетних ссуд несостоятельным крестьянам и об обращении последних в случае неуплаты в казенные крестьяне; все остальные члены (5 мая 1809 г.) высказались против изменения закона, ссылаясь на то, что уверенность крестьян в правительственной поддержке «сделает их несостоятельными плательщиками, и что всякая слишком быстрая перемена в законе произведет неминуемо в народе предосудительные правительству слухи» [2]).

Но если установление опеки не было приемлемо для правящего дворянства, то выдача ссуд в некоторых случаях могла содействовать благополучному окончанию выгодных для помещика финансовых операций. Поэтому, отвергнув денежную помощь крестьянам, как законодательную меру, Комитет нередко соглашался на ассигнование ссуд в порядке частных решений. По приблизительному подсчету за рассматриваемый период было подано со стороны крестьян и помещиков около 20 прошений о ссудах, из коих 13 были удовлетворены. Успеху прошений много содействовал Александр I, который несколько раз лично ассигновывал крупные суммы на выкуп и пособие крестьянам: в 1804 г. крестьяне кн. Куракина получили в ссуду 200.000 р. [3]), в 1819 г. крестьяне кн. Голицына—5.424.168 р., крестьяне Измайлова в том же году—140.000 р. [4]), крестьяне кн. Головкина в 1821 г.—133.150 р. [5]).

Денежная помощь крестьянам оказывалась в форме выкупа их казной, с перечислением на них долга или в форме пособия для уплаты помещику установленных взносов. Первого рода помощь была оказана несколько раз при продаже крестьян из одних рук в другие. Так, в 1810 г. Комитет министров постановил купить в казну крестьян помещика криг-комиссара Зверева, имение которого, вследствие лишения его дворянского звания, поступило в торги для удовлетворения долга Адмиралтейств-Коллегии в 51.783 р. Крестьяне согласились принять на себя уплату долга с рассрочкой на десять лет и внести немедленно недоимки Опекунскому Совету в 5.734 р. [6]).—В другой раз, в 1825 г., по постановлению Комитета министров были выкуплены в казну крестьяне закрывшегося купоросного завода Шубина за 15.315 р., которые в виду бедности крестьян были разложены на 33 года с уплатою процентов [7]).

Однако, правительство остерегалось удовлетворять часто подобные просьбы крестьян, опасаясь внушить им мысль о праве их при всякой перепродаже ожидать выкупа в казну. Это опасение погубило дело крестьян кавказского помещика Зотова, которые, подлежа продаже кизлярскому армянину Колонтарову, обратились с просьбой о выкупе их в казну для перевода их в свободные хлебопашцы [8]). Та же участь постигла крестьян сенатора Тейльса, которые в 1797 г. были пожалованы помещику из дворовых в числе 300 душ. Вспоминая о тяжких минутах их обращения в крепость, они просили для избавления их от еще более тяжкого будущего, ожидающего их в виду продажи имения с торгов за долги, обратить их в свободных хлебопашцев путем уплаты из казны помещику 36.000 р. единовременно и по 1.200 р. ежегодно. Не взирая на обещание крестьян в пятнадцать лет возвратить казенный долг, государь согласился с Кочубеем, что так как по закону крестьяне «сами обязаны платить владельцам по условию с ними деньги за отпуск и удовлетворив исканию просителей сих о заплате за них из казны помещику следуемой суммы, мог бы дан быть повод и другим крестьянам к подобным просьбам, кои вероятно в таком случае сильно бы умножились» [9]).

Характерный случай подобного рода произошел в 1821 г. Свитский генерал Дьяков подал прошение на высочайшее имя о выдаче ему 575.000 р. за отпускаемых крестьян. Доставшееся ему и его двум братьям имение подлежало разделу между ними, в виду чего крестьяне, опасаясь для себя тяжелых последствий подобного раздела, предложили внести за увольнение

---

[1]) Архив М. В. Д. Деп. общ. д. 1813 г., № 130.
[2]) «Журн. Комит. Мин», т. I., ст. 286—7: печатн. изд. С.П.Б. 1888 г.
[3]) П. С. З., т. XXVIII, № 21831.
[4]) *Семевский*, op. cit., с. 270—71.
[5]) Архив Мин. Вн. Д. Деп. Общ. Дел., 1821 г., № 246.
[6]) «Журн. Комит. Мин»., т. I, с. 167, т. II, с. 85, 232.
[7]) Дела Комит. Мин., журн. 1 сент. 1825 г., № 1675.
[8]) Дела Ком. Мин., журн. 26 мая 1825 г., № 1021.
[9]) Архив Мин. Вн. Д., Деп. Общ. Д., 1805 г., № 32.

их в свободные хлебопашцы 575.000 р., с беспроцентной рассрочкой суммы на 25 лет. Наследники не могли согласиться на рассрочку, что и побудило Дьякова просить о ссуде. Но обнаружилось, что назначенная Дьяковым сумма несоразмерна со стоимостью имения, и ему удалось получить ссуды [1]). Благодаря тому же обстоятельству пришлось остаться в крепостной зависимости 193 крестьянам помещицы Гурьевой, которые просили в 1817 г. выдать им ссуду 75.000 р. с рассрочкой на 14 лет, дабы расплатиться с помещицей. Комитет министров нашел, что, «просимая помещицей цена в генеральности каждого жителя соответствовать не может» [2]).

Помощь, которую крестьянам, не смотря на все препоны, удавалось порою получить от правительства, в общем содействовала их освобождению и избавлению от тех последствий, какими им угрожала несостоятельность. Но так бывало не всегда.

В этом отношении весьма показателен случай с крестьянами помещицы Соболевской. Помещица Соболевская, владевшая деревней Креницы, смежной с городом Новой-Ладогой, дабы избавиться от постоянных земельных споров с этим городом, уволила в 1820 г. своих крестьян вместе с землею за 55.000 р. Городское общество согласилось на причисление их к Ново-Ладожскому мещанству и выдала им пособие в 10.000 р., которое они и внесли помещице. Чтобы уплатить остальные 45.000 р., они возбудили просьбу о выдаче им ссуды из казны на 10 лет под поручительство Ново-Ладожского городского общества. Ссуда была предоставлена. Но Соболевская неожиданно отказалась дать крестьянам обещанную свободу, ссылаясь на то, что они опоздали внести ей в срок установленную сумму, на «разные огорчения» с их стороны, неповиновение и неплаты оброка. Местные власти выяснили лживость этих обвинений, истинные же «причины, на коих Соболевская не соглашается совершить акт на увольнение крестьян, никакого уважения не заслуживают, ибо она уклоняется от того единственно по причине многих, сделанных ею долгов, с заплатою коих из суммы, предназначенной за увольнение крестьян, едва ли что либо в пользу ей остаться может». Не ограничиваясь присвоением полученных уже 10.000 р., помещица, по словам петербургского губернатора, «собирая с крестьян оброк в излишестве, дурным управлением привела их в расстроенное состояние». Такова была картина, раскрывшаяся перед Комитетом министров при обсуждении дела (29 июля 1824 г.). Как же реагировал на нее Комитет? Он нашел, что «не должно принуждать помещицу к выполнению прежде из'явленного ею намерения, о котором не было никакого письменного условия, и потому остается только истребовать от нее заплаченные крестьянами деньги» [3]). К счастью для крестьян, сама Соболевская, чтобы не упустить 45.000 руб., согласилась возобновить уничтоженное было условие.

В двух случаях выданная крестьянам ссуда не могла предотвратить печальных для них последствий добровольности сделок.

В 1819 г. помещица Тверской губ. Лебедева отпустила 12 крестьян, обязав их уплатить до 1-го мая 1821 г. 5.279 руб. В первый же год крестьяне внесли 2.000 р., когда-же стал подходить срок последнего взноса, они, не будучи в состоянии сами уплатить его, обратились с просьбой на высочайшее имя о ссуде в 3.279 р. Просьба была удовлетворена, о чем помещица получила извещение. Но в ответ на это Лебедева об'явила, что в виду неуплаты крестьянами денег в срок она считает себя свободной от обязательств, и что, кроме того, ею уже проданы двое детей из семьи, оставшейся на ее попечении, после ссылки на поселение уволенного ею крестьянина Андреева. Впрочем, она готова освободить остальные 10 душ, если за них ей будет выдана вся сумма полностью. Завязалась длительная переписка между Кочубеем и министром финансов Гурьевым. Последний находил действия Лебедевой противозаконными и предлагал принудить ее к исполнению договора с крестьянами, выдав ей ассигнованную сумму с вычетом за двоих детей. Но Кочубей заявил, что Лебедева была в праве нарушить условие и даже продать две души, и видел единственное упущение с ее стороны лишь в том, что она не предупредила об этом своевременно крестьян. Поэтому он полагал оставить вопрос о возобновлении условия на усмотрение помещицы; если же она пожелает освободить крестьян, то вычесть из ссуды стоимость двух проданных ею детей. Это мнение было высочайше утверждено. Тогда Лебедева предложила крестьянам возместить ей вычет, но крестьяне настаивали на прежних условиях, не сознавая, что несогласием на их изменение они превращают себя снова в крепостных; получение ссуды укрепило их в мысли, что они не могут быть лишены раз приобретенной свободы. Убедившись в противном, они в течение ряда лет тщетно просили правительство о защите. Еще в 1826 г. их ходок Андреев добивался потерянной свободы [4]).

---

[1]) Архив Мин. вн. дел., Деп. Общ. Д., 1821 г., № 244.
[2]) Дела Комит. Мин., журн. 17 апреля 1817 г.
[3]) Дела Ком. Мин. Журн. 29 июля 1824 г. № 1484.
[4]) Архив Мин. в. д., Деп. общ. д., 1821 г., № 249.

Второй подобный же случай произошел с крестьянами кн. Александра Борисовича Куракина, одного из крупнейших русских помещиков. Он задумал в 1804 г. уволить своих крестьян небезызвестного села Надеждина в свободные хлебопашцы. Предприятие должно было носить чисто-благотворительный характер и вокруг него Куракин сумел создать достаточно шума [1]). С крестьян он не требовал никакой платы; после его смерти они обязаны были лишь вносить доход от вотчины в размере 20.000 р. в течение 40 лет в пользу различных богоугодных заведений, которые он собирался основать в своем имении; по истечении же 40 лет взносы крестьян ограничивались 3 р. с души в общую кассу для помощи нуждающимся из их среды. В таком виде условия Куракина были утверждены в 1806 г. Госуд. советом [2]). Еще в 1804 г. по его просьбе лежавший на его имении долг переведен был на государственное казначейство с обязательством для крестьян внести его с процентами в известный срок. Освободясь от долгов, Куракин предложил крестьянам заключить условия, но при этом платежи были значительно повышены по сравнению с первоначальными. Крестьяне не решались дать тогда согласие на изменение условия, и дело оставалось не оконченным до 1813 г., когда Куракин предложил новые условия, еще более увеличив свои денежные требования, но крестьяне отказались принять их. Тогда Куракин воспользовался этим отказом, чтобы покончить со своими «благотворительными» планами, и по духовному завещанию передал свое поместье целиком своим родственникам, упомянув о неблагодарности крестьян, «которые нашли свои безрассудные затруднения», чтобы отвергнуть благодеяние.

После смерти Куракина в 1818 г. наследники его были введены во владение. Крестьяне же, полагая, что со смертью помещика они получили свободу, отказались повиноваться и подали прошение о признании их освобождения. Однако. Комитет Министров, (1824 г.) признал, что Куракин был в праве изменять условия с крестьянами даже после высочайшего одобрения их в первоначальном виде и получения денежной помощи от казны. В конечном случае затея Куракина принесла крестьянам лишь порку плетьми и ссылку в Сибирь.

Безправность крестьян, их неспособность разбираться в юридических вопросах, даже самая жажда освобождения, побуждавшая их доверчиво хвататься за маленькую надежду на расторжение уз, все это создавало широкое поле для легальных и нелегальных злоупотреблений со стороны помещиков, фикцией обоюдных и равно выгодных соглашений. Только на основе принудительного определения государственной властью отношений помещиков и крестьян возможно было широко развить денежную помощь увольняемым, как в виде выкупа, так и в виде подсобных ссуд, и только на этой основе подобная помощь способна была служить для крестьян гарантией, что однажды приобретенная свобода не будет ими снова утрачена.

Но правительство Александра I было далеко от подобных мероприятий. Политика правительства в этом вопросе лишь гуще подчеркивает основные черты той картины, которая вырисовывается пред нами из общего обзора процесса составления и практики указа 20 февраля.

Правящие круги, оставаясь в границах узко сословного горизонта, были глухи к требованиям жизни, явно указывавшими то направление, какое необходимо было придать законодательству о свободных хлебопашцах для того, чтобы он мог служить действительным средством к ликвидации крепостного права. Правда, мы наблюдали попытки как отдельных членов правительства, так и самого Александра поддержать, а иногда даже и углубить действительность указа 1803 г., как освободительного мероприятия, но эти попытки оказывались слишком робкими. Наоборот, тенденция к расширению дворянских прав в правительственной практике указа получила весьма яркое выражение.

И снисходительное отношение к безземельному освобождению крестьян, и законодательство о духовных завещаниях имели целью приноровить практику указа к дворянским интересам; а проекты реформы указа, возникшие в Государственном совете и обработанные комиссией по составлению законов, лучше всего показывают, что если и можно было ожидать в дальнейшем поворота в судьбах указа 1803 г., но никак не в сторону превращения его в орудие освобождения крепостных крестьян, а скорее в сторону окончательного вырождения его в новую дворянскую привилегию.

Вл. Бирюкович.

---

[1]) Все документы, относящиеся к предположенному им увольнению крестьян (условие, прошения, об'яснительную записку и т. д.). Куракин сделал достоянием публики, издав их в 1807 г. особой книгой, см. Семевскнй, op. c., с. 275.

[2]) «Арх. Госуд. Сов.», т. III, ч. I, с. 806—807.

„Первое мая“ в России.

(По материалам б. архива департамента полиции и особого отдела того же департамента).

В 1889 г. на первом международном социалистическом конгрессе в Париже было постановлено праздновать „Первое мая“. Всеобщее празднование этого дня должно было показать, что интересы пролетариев всех стран солидарны, что рабочие воодушевлены одними и теми же идеалами, и что для достижения этих идеалов они готовы бороться до конца. И вот, начиная с 1890 г., 1 мая рабочие всех больших городов выходят на улицы с развевающимися знаменами, выставляют экономические и политические требования и с пением проходят по городу. Еще недавно русские рабочие находились в менее благоприятных условиях, чем их европейские товарищи. „Нам, русским,—говорится в одной прокламации,—отрадно бывает читать описание демонстрации в Париже, Берлине, Брюсселе и др. городах; нам радостно слышать голоса наших товарищей, протягивающих нам руку, напоминающих, что далеко от нас, при совсем других условиях, они борются за тоже, за что боремся и мы, верят в тоже, что и мы... Но наши товарищи по Европе счастливее нас. Они смело выходят на улицу, открыто заявляют свои требования и мирно расходятся по домам. Вспомним же, как жестоко еще недавно расправлялась с нами полиция за такую же мирную демонстрацию. Вспомним, что десятки наших товарищей еще до сих пор сидят по тюрьмам. Вспомним все те преследования, которым подвергались мы за свободное слово, за свободную мысль“.

В этих кратких словах сжато и схематически представлены внешние условия, в которых протекала в ту пору жизнь европейских и русских рабочих.

К 1889 г. русские рабочие были распылены, они не представляли организованной пролетарской массы. Лишь за голодным 1891 годом, когда последовал новый под'ем общественного движения, создалась возможность, и появилась необходимость приступить к организационному об'единению деятельности социал-демократических групп. 1-го марта 1898 года в Минске состоялся с'езд делегатов от групп, на котором сорганизовалась „Российская социал-демократическая партия“, об'единившая в России рабочих разных национальностей. Но и до 1898 г. русские рабочие не были молчаливыми зрителями празднования Первого мая их товарищами за границею. Даже в 1890 году они выступили на первомайское торжество, хотя выступление это, как и всякое новое дело, сначала было довольно скромным, но дело не в размерах, а во внутренней силе, толкавшей рабочих на шествие.

Главным лозунгом Первого мая 1890 г. было требование „8-мичасового рабочего дня“. Уже за несколько недель до Первого мая рабочие Варшавы рассуждали о необходимости заявить свою солидарность с рабочим классом Запада и с большим интересом следили за всеми газетными известиями об агитации в пользу восьмичасового рабочего дня на Западе. Революционное общество „Пролетариат“ отпечатало и распространило в нескольких тысячах экземпляров прокламации с призывом рабочих достойно отпраздновать Первое мая. В самый день Первого мая около 10000 рабочих прекратили работы на нескольких больших фабриках и заводах: также не работало много ремесленников. От неприсоединившихся к забастовке потребовали немедленного прекращения работы, и даже в окна одной из фабрик были пущены камни. Закончилось дело появлением полиции и арестованием человек десяти рабочих.

Остальная рабочая Россия не могла отметить этот день выступлением. В майском „Летучем листке“ № 3 (Екатеринослав, 1902 г.) сообщается о тех затруднениях, с которыми при-

ходилось сталкиваться русским рабочим при праздновании Первого мая: „самодержавное правительство полно страха перед революционным рабочим движением, перед социалистическим праздником Первого мая. Когда русские рабочие не решались еще Первого мая выходить на улицу, а тайно собирались в лесу, чтобы скромно, в количестве 100—200 человек, присоединить свой голос к грозному голосу заграничных рабочих,—тогда по приказанию правительства жандармы выслеживали рабочих, нападали на них и арестовывали. Но арестами и ссылкой правительство не только не запугало рабочих, не только не остановило рабочего движения, а, наоборот, только показало рабочим, что кроме капиталистов у них есть еще злейший враг—царское правительство... И начиная с 1899 года, Первое мая рабочие стали праздновать открыто... Впервые, Первого мая рабочие вышли на улицу в Варшаве и остальной Польше. В следующие годы в Харькове 10000 рабочих бросили в этот день работу; правительство хотело избить и засадить их в тюрьмы, но побоялось такой массы рабочих и освободило всех арестованных. Наконец, прошлый год в Тифлисе и в Петербурге, на Обуховском заводе, правительство стреляло в рабочих на майском празднике, и много невинной крови рабочих было им пролито там".

Действительно в 1891 и 1892 годах в России не было „открытых" выступлений рабочих. В Петербурге в первый раз они собрались в 1891 году в своем „тайном" собрании и выслушали посвященные моменту речи своих товарищей. Речи эти звучали горячим призывом „на борьбу с сильным политическим и экономическим врагом", воодушевляли „к вооружению себя мощным оружием—знанием законов развития человечества"; указывали на жгучую необходимость „заняться просвещением и организацией рабочих для обеспечения полной победы поставленных рабочими идеалов"; звали на борьбу „за общий прогресс, истину и светлое будущее".

В западных губерниях первое мая 1891 г. рабочие отметили более грандиозным выступлением. Так, в Варшаве бросили работу около 8000 человек; в Лодзи забастовала текстильная фабрика Познанского в 3 тысячи человек. В Жирардове устроившие стачку рабочие, в числе 9000 человек, вступили на улице в схватку с полицией и были подавлены только благодаря вмешательству войск, пустивших в ход оружие и положивших на месте несколько человек убитыми.

Однако, несмотря на эту расправу, рабочие все тех же западных губерний демонстративно подчеркнули более яркими красками свою солидарность с рабочими других стран в следующем же 1892 году.—Правда, Варшава уже уступила свое первенство другим пунктам; Лодзь—стала в этом году центром движения: там Первого мая остановились все фабрики и заводы; 100.000 человек открыли шествие по улицам города, требуя „восьмичасового рабочего дня, увеличения платы и политической свободы". Войска и казаки рассеяли демонстрантов и оставили на улицах убитыми 36 рабочих.

Выступление Петербурга в том году было отмечено в одной агитационной брошюре „Искры" всего двумя строчками: „в 1892 году тайное празднество повторилось в Петербурге". О следующих 1893, 1894 и 1895 годах в делах и литературных воспоминаниях ничего не говорится по поводу празднования Первого мая в Петербурге. Да и в других пунктах России, где в предыдущие годы рабочие отпраздновали этот день, 1893 и 1894 годы были отмечены лишь частичными собраниями по отдельным профессиональным союзам. Однако, в западных губерниях, шедших впереди других Первое мая 1895 г. было поворотным пунктом в истории рабочего движения. Тут на митингах уже слышались речи, призывавшие выступить на борьбу не только за экономическия требования, но и за политическое освобождение. В этом же 1895 г. и московские рабочие присоединились к празднованию Первого мая. Впервые собрались они на сходку в числе двухсот человек и, воодушевленные горячими призывами ораторов, указывавших им на необходимость быть во всем солидарными и следовать за своими заграничными товарищами, решили ежегодно устраивать собрания Первого мая.

Ко дню Первого мая 1896 г. появились прокламации и в Петербурге, до сего времени получавшие распространение лишь в польских губерниях. Отмечая без'исходную нужду и безрадостную жизнь рабочего, а также призывая рабочих для завоевания лучшего будущего поднять свою „мускулистую руку" на капиталистов и „всех прочих врагов рабочего класса", прокламационная литература, выпущенная ко дню Первого мая 1896 года, послужила толчком к определенному рабочему движению, вылившемуся в форме стачек, вспыхнувших в Петербурге через месяц после того. В Москве из-за коронации весною 1896 года, вызвавшей усиленное полицейское наблюдение, Первое мая не было отпраздновано. В других крупных городах происходили сходки и были выпущены прокламации, в которых, кроме экономических требований, уже проводилась идея борьбы за осуществление политических прав, в виде свободы стачек, собраний, союзов, слова и печати. В таком же тоне были написаны и прокламации 1897 г. Равным образом этот год был отмечен собраниями и сходками по центрам и большим городам. К Первому мая 1898 г. от имени Российской Социал-Демократической Рабочей Партии было издано первое общее для всей России воззвание. В нем формулировались общие требования пролетариата: восьми-

часовой рабочий день, политическая свобода, свобода стачек, слова и союзов, а в заключение впервые было прибавлено: „мы требуем созыва парламента, куда народ будет посылать своих выборных людей путем общего, тайного, прямого и равного для всех выбора". В этом году и Харьков примкнул к празднованию; за городом были устроены собрания, на которых присутствовало по нескольку десятков человек. Прошло довольно оживленно Первое мая этого года в Иваново Вознесенске. В Костроме, Екатеринославе, Одессе появились прокламации. Тифлисские рабочие праздновали Первое мая за городом в ущелье. Западные губернии, по обыкновению, отметили день Первого мая прокламациями и собраниями. С 1898 г. дело борьбы рабочего класса за освобождение труда стало особенно разрастаться, и майский праздник приобрел реальное значение, как символ единения и готовности во всякое время выступить на действительную борьбу и схватку с врагами рабочего класса. Правительство, в свою очередь, принимало меры, имевшие общую тенденцию: задавить рабочее движение и вообще обуздать всякую рабочую оппозицию.

В 1899 г. празднование Первого мая приняло уже настолько внушительные размеры, что заставило правительство усилить гонение. В этом году Петербургом, Москвою, Киевом были выпущены прокламации, в которых уже определенно, путем ссылки на политические требования западно-европейских рабочих и признания общности с ними интересов русских рабочих, последние обращались с призывом, чтобы «русские рабочие шли по тому же пути, как и их западные товарищи, т.-е. по пути завоевания всеобщего избирательного права и политической свободы». Таким образом, требования рабочих, хотя медленно, но все более и более убедительно концентрировались вокруг политических лозунгов, которые, хотя пока еще не обрисовывались яркими штрихами борьбы с самодержавным строем, но уже давали внушительные для того очертания. Да и самое празднование Первого мая из кружкового и тайного все более становится массовым и открытым. Впереди по обыкновению шло рабочее движение Запада России, которое было отмечено в Варшаве, Домброве—собраниями и шествиями по улицам с пением революционных песен; в Либаве—стачками с демонстративными шествиями 20-титысячной толпы рабочих по городу. В Ростове-на-Дону, Донецком Бассейне, Кривом-Роге были разбросаны прокламации. В Харькове и Саратове также распространялись воззвания; в Одессе происходили собрания. Тифлис снова отпраздновал маевку в ущельях.

В 1900 г. харьковские рабочие стали на путь открытых демонстраций. Выпустив прокламации с требованиями свободы слова, печати, стачек, союзов, повышения платы, восьмичасового рабочего дня и «участия народа в управлении», рабочие, оставив мастерские и заводы, в количестве 10000 человек, подняв красное знамя, двинулись процессией по городу, останавливая рабочих на других заводах. С пением революционных песен они продолжали шествие, пока не были рассеяны казаками. Петербургские рабочие, хотя еще и в этом году не выступали открыто, но прокламации их носили уже ясно выраженный политический характер. Так, в одной из них, распространенной в 5000 экземпляров, говорилось: «мы развернем наши знамена, на которых будут блестеть при весеннем солнце наши требования: долой самодержавие, да здравствует победа правды и рабочего класса». Из других городов следует остановиться на Екатеринославе, где были выпущены 13 апреля предмайские прокламации, приведшие к провалу типографии и аресту 80 лиц. В Варшаве демонстранты с пением «Варшавянки» и с красным знаменем устроили шествие по городу, вступили в схватку с казаками, при чем было задержано до 2000 человек. В Вильне, Лодзи, Домброве и друг. городах были собрания рабочих. В Одессе, Ростове-на-Дону были выпущены прокламации.

В 1901 г. рабочий Тифлис, праздновавший до сего Первое мая в ущельях, выступил на улицы с возгласами «да здравствует политическая свобода», заранее подготовленный к тому распространенными за неделю прокламациями; празднование омрачилось налетом казаков, арестовавших до сорока человек и ранивших 24 человека. В Петербурге празднование этого дня приняло грандиозные размеры на Обуховском заводе. Когда часть забастовавших в этот день рабочих была уволена, прочие потребовали возвращения уволенных и пред'явили требования: «в семичасового дня и приема обратно уволенных товарищей». А когда требования их не были удовлетворены, они большою толпою вышли на Шлиссельбургский тракт, но были остановлены полицией и конными жандармами. Произошли стычка и побоище. Вытребованные эскадрон жандармов, две роты пехоты и отряд городовых открыли огонь вдоль проспекта и разогнали демонстрантов. К суду были привлечены 37 лиц, и из них только восемь оправданы, а остальные осуждены на каторгу и ссылку. Задолго до Первого мая в Петербурге была выпущена общепартийная прокламация, призывавшая рабочих: «начать решительную борьбу за наше освобождение от самодержавия... на ряду с требованием 8-мичасового рабочего дня провозгласить требование политической свободы, созыва выборных от народа для управления государством и контроля над министрами».

1902 год сделал еще более сильный поступательный шаг вперед как в смысле более резкого и определенного подчеркивания в прокламациях идеи борьбы с существующим политическим строем, так и в отношении размеров первомайского движения. Последнее охватывает все больший и больший круг городов и местечек. Созванная в марте этого года в Белостоке конференция организаций Р. С.-Д. Р. П. выпустила к Первому мая прокламацию. В ней выставлены требования: «да здравствует восьмичасовой рабочий день»; «да здравствует политическая свобода», «долой самодержавие». При этом более определенно подчеркивается та мысль, что «бесконтрольное самодержавное управление должно уступить место демократии, т.-е. управлению страны собранием выборных от всего народа». В Сормове и Нижнем-Новгороде состоялось открытое выступление рабочих, благополучно окончившееся для них. Не то было в Вильне. Когда там были разбросаны первомайские прокламации в театре, на галлерее было арестовано 35 человек, которых подвергли, по распоряжению губернатора фон-Валя, сечению розгами от 25 до 50 ударов. Секли в мае этого года в Минске, Екатеринославе и на Воткинских заводах, Вятской губернии.

Первое мая 1903 года, в виду происшедших антиеврейских беспорядков в Кишиневе, было бледно в смысле демонстрации; из опасения погромов и пролития крови партийные комитеты отказались от майских празднований. Последние вылились в формы забастовок, тайных собраний и огромного распространения прокламаций в 63 городах.

Хотя за 1904 год—год войны с Японией—сообщения о майском празднике кратки и однообразны: «выпущены прокламации, произнесены речи, были собрания»,—но правительство все же не могло предотвратить демонстраций. В Риге произошло даже столкновение с полицией, которая несколько раз отступала. В Митаве при звуках марсельезы было поднято красное знамя, и рабочие вступили в схватку с городовыми. Но сила и значение празднования этого года не во внешнем демонстративном проявлении рабочего движения, а в том новом взгляде на задачи «Первого мая», который был высказан в прокламации Центрального Комитета соц.-демокр. рабочей партии. В прокламации этой нет призыва к восстанию, но этому дню придается огромное агитационное значение, в смысле воспитания у рабочих сознания и чувства международной солидарности. «Где та сила, где то правительство, которое могло-бы устоять перед солидарностью пролетариев всего мира»... «Правительства должны будут отвечать в парламентах представителям рабочих, должны будут считаться с пролетарскою волею». Выставив требования об осуществлении «всех свобод», прокламация заканчивается словами: «Дайте нам политическую свободу, дайте нам восьмичасовой рабочий день, и мы покажем, как может быть счастлива жизнь на земле». «Да светит нам ясное майское солнце». «Да здравствует Российская, да здравствует международная социал-демократия».

В 1905 году—году первой русской революции—возлагали большие надежды на вооруженное восстание рабочего класса. В одной прокламации фракции «большинства» писалось: «пусть Первое мая этого года будет для нас праздником народного восстания: давайте ждать сигнала к решительному нападению на... мы свергнем... и назначим временное революционное правительство: готовьтесь же к великому бою». Однако, вследствие колоссальных оборонительных приготовлений правительства пришлось отказаться от мысли о восстании». «День восстания не далек, но он еще не настал... мы не берем на себя невыполнимых организационных обязательств устроить вооруженную демонстрацию, писалось от Бюро Комитетов Большинства, но мы имеем по нашему плану «возможность» устроить и демонстрацию и даже восстание. В свою очередь, меньшевики писали: «мы не предрешаем, в какие формы выльется праздник, но лучшим видом майского выступления мы считаем у нас демонстрацию с вооруженным отпором в виду русских условий». Таким образом, фактически и большевики, и меньшевики готовились к вооруженной демонстрации и смотрели на нее как на рекогносцировку, могущую превратиться в восстание. Дело ограничилось забастовками, собраниями и распространением в большем количестве прокламаций. Однако, Варшава, устроившая грандиозную стачку, пострадала, так как часть рабочих, не будучи заранее предупреждена, вышла на улицу, ее встретили войска, и тогда было убито 30 человек и ранено 100.

В 1906 г. Первое мая приняло характер народного пролетарского праздника, и это было новым по сравнению с прошлыми годами. Кроме того, проявились отпечатки индивидуалистических черт, т. е. той проникновенности каждого участника праздника мыслью, что и он должен сделать что-то высшее его личных интересов во имя общего блага. В прокламациях отмечалось, что «Первое мая» «это мирная, но грозная в своем спокойном величии демонстрация против отжившего порядка и вместе с тем радостный предвестник будущей свободной России»... «Во имя наших требований празднуйте Первое мая, покажите всему миру, что вас не утомила долгая борьба, что вы готовы довести ее до победы».

После весны радостных надежд в 1905 году, разочарования в 1906 году и горького уныния в конце этого года, принесшего кровавую расправу в декабрские дни восстания,—май 1907 года, стоявший в преддверии третье-июньской думы, должен был, казалось, быть пасмурным и безрадостным. Но надежды не угасли. «С новой силой и мощью расцветает надежда в измученных пролетарских сердцах»,—говорится в одной из прокламаций. «Счастье впереди—ему имя социализм». Указав на огромную пропасть, лежащую между капиталистами и рабочими, и видя спасение рабочих «в солидарности пролетариев всех стран», прокламация усматривает опасность «для угнетения народа» в постоянной армии и провозглашает лозунг: «долой милитаризм». Острый вопрос о сокращении рабочего времени все еще стоит неразрешенным для пролетариата. «Работай, работай... в жару и в холод, с малых лет до глубокой старости, с раннего утра до глубокой ночи: так велит капитал. Поменьше труда для других, побольше отдыха: это отстаивает пролетариат. Пусть будет свободное время для себя. Восемь часов для труда, восемь часов для сна, восемь часов свободных». «Пролетариат теперь как-будто притих. Нет открытых выступлений, нет баррикад и битв на улицах и площадях»... «То затишье перед бурей. И будут битвы, и будут победы. Готовьтесь же к ним». Окончательными лозунгами выставлены «Великая Российская революция, Учредительное собрание, солидарность пролетариев всех стран, социализм, восьмичасовой рабочий день, долой войну и милитаризм».

Характерные черты первого мая 1908, 1909, 1910 и 1911 годов отмечены в одной из первомайских прокламаций 1912 года. «С поникшей головой встречали мы, рабочие России, наш первомайский праздник в последние четыре черных года. Не было радостных песен борьбы, не было ликующего красного знамени, не было забастовок, митингов, демонстраций. Правительство душило. Фабриканты и заводчики отнимали все, завоеванное в годы революции. В стране было всеобщее уныние. Лишь в последний год забрезжил первый луч света. Русский рабочий расправляет спину, он готовится снова к борьбе... Число рабочих стачек увеличилось. В отдельных городах рабочие уже стали вновь устраивать уличные демонстрации». Другая прокламация отзывается на Ленские события. «Утро первомайского праздника займется зарей, обагренной кровью расстрелянных рабочих на далеких приисках Лены. Разве вся жизнь русских рабочих и крестьян не есть массовый ленский расстрел, не есть кровавая расправа, в которой гибнут миллионы людей... Наши западно-европейские братья уже открыто ведут свою социалистическую борьбу с буржуазным строем... русским рабочим мешает царизм... необходимо окончательное уничтожение царизма». Заканчивается прокламация возгласами: «долой капитализм, да здравствует восьмичасовой рабочий день, да здравствует социализм, долой царская монархия, да здравствует демократическая республика».

О праздновании первого мая 1912 года в Петербурге говорит доклад С.-Петербургского градоначальника Драчевского председателю Совета Министров: «С утра 1-го мая в столице начали прекращать работы рабочие фабрик, заводов, мастерских и типографий—кроме правительственных—и к 12 часам дня число бастующих достигло 100.000 человек. Во дворах заводов: Путиловского, Нобеля, Невского, Судостроительного и на фабрике Паля и при выходе на улицу рабочие пытались петь революционные песни, а на Путиловском заводе один рабочий выкинул красный флаг, но демонстранты были немедленно разгоняемы подготовленными заранее нарядами полиции.—Около 3 часов дня, на Невском проспекте, между Казанским и Аничковым мостами, рабочие пытались группироваться отдельными кучками и петь революционные песни; подобные же попытки наблюдались на Троицкой, Владимирской и Симеоновской площадях, на Садовой улице, Владимирском проспекте, а также на Выборгской стороне у Литейного и Сампсониевского мостов, но попытки эти были немедленно прекращаемы чинами полиции. В демонстрациях принимали участие, преимущественно, рабочие, учащихся же высших учебных заведений почти не было. Порядок восстановился повсеместно наличными силами полиции и жандармов, без вызова воинских частей. В течение дня было задержано за подстрекательство к беспорядкам до 40 человек; в числе задержанных оказался студент с.-петербургских частных политехнических курсов, сын подполковника, Никандр Еремов, арестованный на Троицкой площади, как предводительствовавший толпою рабочих».—Об этом было сообщено Николаю II по телеграфу.

1914 г.—год двадцатипятилетия празднования дня Первого мая. Большинство прокламаций отмечает этот важный момент в жизни пролетариата. «Майский праздник рабочих всех стран, майский смотр сил пролетариата установлен ровно 25 лет тому назад. За эти четверть века во всех концах мира сплачивались полки сознательных рабочих, закаляя свои силы в борьбе с капиталистами и капиталистическими правительствами, об'единяясь в союзы разных видов и социалистические партии. И теперь десятки миллионов социалистов всего мира представляют из себя армию, которая в недалеком будущем вступит в решительный бой с буржуазией, чтобы свергнуть наемное рабство, чтобы передать в руки самих рабочих землю, фабрики и все орудия

труда». Провозглашены лозунги: «долой капитализм, да здравствует социализм, долой самодержавие, да здравствует демократическая республика, да здравствует восьмичасовой рабочий день».

1915 и 1916 годы отмечены первомайскими демонстрациями за мир. «Рабочий класс заинтересован в создании демократической Европы... Будущий мир не должен быть диктуем только правительствами... Война своими проявлениями укрепила капитализм; для того, чтобы свергнуть эту систему и завоевать свободу, необходимо об'единение всего рабочего класса без различия расы и национальности».

Позднейшие годы у всех в памяти: празднование Первого мая отмечено в газетах, в свободно распространяемых воззваниях, красочных плакатах и всенародных собраниях.

В. Колпенский.

Описания архивных фондов и дел, документы, заметки и проч.

Волнения среди фабрично-заводских рабочих.

(С 1824 г. по 1860 г.).

По данным архива 3-го отделения собственной его величества канцелярии[1]).

Период крепостного труда в крупной промышленности представляет собою наименее изученную страницу в истории рабочего класса в России. В особенности это относится к массовым проявлениям недовольства рабочих своим положением и попыткам добиться его изменения,—о них мы знаем чрезвычайно мало. Единственная—и вместе с тем ценная—работа, в которой отводится много места данному вопросу—это книга В. И. Семевского, „Крестьяне в царствование Екатерины II", но она не идет далее конца XVIII века и рассматривает систематически вопрос только по отношению к приписным крестьянам, выполнявшим вспомогательные работы на горных заводах. Интересный материал, относящийся к более позднему времени, имеется в «Русской фабрике» М. И. Туган-Барановского и в книге того же Семевского, «Рабочие на сибирских золотых промыслах», но тут материал носит отрывочный и случайный характер. Поэтому предстоит еще много работы по собиранию материалов, которые дали бы возможность набросать общую и связную картину движения, охватывающую все важнейшие отрасли промышленности и категории труда. Настоящая статья представляет собою попытку использовать в этих целях те данные, которые собирались 3-м отделением собственной его величества канцелярии. Как известно, это учреждение было создано указами 25 июня и 3 июля 1826 г. под непосредственным впечатлением восстания декабристов и имело своей задачей организовать более успешное, чем раньше, наблюдение за всеми проявлениями общественного недовольства, создававшего угрозу для государственного спокойствия. Естественно поэтому, что его внимание было сразу же обращено на рабочие волнения и беспорядки, происходившие на фабриках и заводах. Правда, о рабочем вопросе, о пролетариате, о классовом самосознании и тому подобном в то время не было еще речи; все же всякое волнение рабочих и проявление вольного образа мыслей среди них, выросшее на почве местных экономических нужд, служило предметом расследования агентов корпуса жандармов, и зоркое око его шефа, гр. Бенкендорфа, тщательно старалось разглядеть, не скрывается ли за ними рука каких-нибудь иных „более дальновидных" лиц из других сословий и званий...

Первым случаем, относящимся к нашей теме, является дело о волнении среди мастеровых Кирицкого чугунно-плавильного и зеркального завода в Рязанской губ., принадлежавшего на поссессионном [2]) праве бр. Генике. Из справки видно, что в 1797 г. мастеровые этого завода также оказывали неповиновение своему прежнему владельцу [3]).

В июне 1824 г. они подали жалобу в земский суд на то, что новый владелец Генике притесняет их: делает вычеты по 20 коп. из платы, положенной в 1818 г. прежним владельцем, и не отпускает им леса из заводской дачи и кирпича. Земский исправник обещал представить жалобу мастеровых в Московское Горное Управление и тем «остановил их от своеволия и уклонения от работы». Но все же они вновь явились большой толпой в земский суд и потребовали удовлетворения. Земский исправник с трудом с помощью воинской команды успел обратить их на завод к работе и, произведя следствие, отправил его в уездный суд с двумя мастеровыми, наиболее оказывавшими буйство.

Однако, мастеровые, не выжидая решения дела, „не один раз попускали себя к новым своевольствам и затейным жалобам", так что земский исправник и даже начальник губернской полиции, нарочно для сего вызванный, не могли привести их в должное послушание.

---

[1]) В силу особенностей делопроизводства 3-го отделения дела, хранящиеся в его архиве, не отражают описываемое событие в законченном и полном виде. Для более подробного ознакомления с данным событием надлежит обратиться в какой-либо другой и даже другие архивы, в зависимости от того, каким путем шло дело (напр., архив сената, министерства внутренних дел и проч.). Материалы, извлеченные из архива 3-го отделения, могут послужить исходной точкой для более детального исследования.

[2]) Поссессионными фабриками и заводами назывались те, которые пользовались в той или иной форме материальной поддержкой со стороны правительства.

[3]) Архив 3-го отделения, „Об ослушании и буйстве мастеровых чугунно-плавильного завода, принадлежащего бр. Генике" (4 экспед. дело № 81 за 1826 г.).

В январе 1825 г. сам губернатор прибыл на место и с не малым трудом, наконец, склонил их к исполнению своих обязанностей в ожидании решения дела. 12 августа 1826 г. Рязанская Уголовная Палата, рассмотрев дело об ослушании восьми человек, постановила: подвергнуть их наказанию при полиции батожьем. Между тем в мае того же года Генике подал новую жалобу об ослушании еще семи мастеровых, и по этому делу Уголовная Палата 25 сентября признала их виновными, вменив им в наказание тюремное содержание, а также и то, что они до поступления в суд жалобы уже были наказаны розгами на основании указа 15 июня 1811 г. полицейским образом.

Со своей стороны Московское Горное Управление признало их прошения недельными, но потребовало, чтобы подушные и рекрутские деньги платились не ими, а заводовладельцем. Вместе с тем, с согласия министра финансов, Генике было разрешено сдавать мастеровых за дурное поведение в рекруты натурою, как во время производства набора, так и в зачет будущего, по своему желанию, но не иначе, как с разрешения Горного Управления.

Генике не преминул воспользоваться этим правом, и 24 сентября ему было разрешено сдать четырех человек, замеченных наиболее в буйстве и ослушании. Однако, при приведении указа в исполнение мастеровые заявили, по донесению губернатора, что „они себя не считают принадлежащими заводо-содержателю Генике, но вольными казенными мастерами, к заводу приписанными, и потому распоряжениям его подлежать не могут, а особенно отдавать их в рекруты никто не имеет права". Когда четырех человек, предназначенных в рекруты отвозили в город, по дороге их отбили, и разыскать их не удалось. По распоряжению губернатора 25 июля 1826 г. был образован на месте военный суд, который вынес приговор 6 мастеровым, как зачинщикам: наказать шпицрутенами сквозь 500 человек каждого один раз, а затем сослать в Сибирь на отдаленные казенные рудники; двое были наказаны полицейским образом на жительстве „в страх другим", с отдачей в ведение заводской конторы; 31 человек от наказания были освобождены. Будучи на заводе, губернатор успел обнаружить, между прочим, что мастеровые „питают скрытое единодушие, утвержденное между ими клятвою, чтобы всем распоряжениям начальства, ежели оно приступит к отдаче кого-либо из них в рекруты, противиться даже при самых наказаниях".

---

1 сентября 1826 г., по донесению Омского областного начальника, бежало неизвестно куда 18 крестьян, принадлежащих Колывано-Воскресенским горным заводам. В дальнейшем выяснилось, что в два раза бежало всего 41 человек [1]). Вскоре они были возвращены обратно. Главная причина побега у всех была одна — желание, поселившись за-границей между гор на свободном, никем необитаемом и неизвестном для других месте пользоваться свободой и совершенной независимостью (каковую свободу—по их словам—имели подобные им беглые, именуемые каменьщиками), не платить подушной подати и не отбывать заводские работы.

В конце 1823 г. на Верхне-Исетском заводе, принадлежавшем Яковлеву, была сделана попытка составить нечто в роде тайного общества. Обнаружена она была лишь в мае 1827 г., когда в руки администрации попала бумага, адресованная «президенту тайного общества ревнителей свободы вице-адмиралу и магистру 4-х степеней и 500 Совета Мордвинову», где сообщалось, между прочим, что «семена свободы сеются на хребтах Урала и бесплодные скалы превращаются в плодоносные нивы, представляющие приятное зрелище для сеятелей. Свобода, врожденное чувство человека, здесь распространило ветви свои, под сенью коих после трудов ратных спокойно отдохнут сыны ее; свобода... присоединила в число сподвижников своих, кроме уже известных Вам, Великий Магистр, еще несколько человек, кои стараниями моими возненавидели династию, властвующую ныне над потомками древних славян, столько же, сколь питают усердие к новому монарху—свободе» [2])...

Автором послания оказался крепостной Яковлева, Андрей Лоцманов, занимающийся письменной частью в конторе и учительством в заводской школе. На допросе он показал, что все содержание бумаги является плодом его вымысла и написано под влиянием чтения рыцарских романов и слухов о масонских ложах, только-что закрытых правительством. Действительно, никаких других членов сообщества не оказалось и адмирал Мордвинов попал в президенты его и магистры 4 степеней помимо своей воли лишь потому, что имя его, как видного патриота, пользовалось широкой известностью. Но кроме вымысла в этом деле была и своя очень жизненная подкладка. Будучи сыном приказчика Яковлева, Лоцманов детские годы провел в Москве, где побывал в нескольких пансионах. Он любил читать книги, из коих упоминает о романе Шпица «Рыцари Льва», записке о якобинцах и сочинении Гельвеция—«Дух разума». После смерти своего отца он подал прошение об отпуске его на волю, но получил отказ; желание его поступить на военную службу также осталось без удовлетворения. Эти неудачи в попытках выйти из тяготившей его крепостной зависимости дали толчок мыслям о составлении общества для распространения идей свободы. Отправленный в возрасте шестнадцати лет на завод для определения на службу, он познакомился там с конторщиком Махотиным, в котором думал найти себе единомышленника. Последний распрашивал Лоцманова о масонских ложах или его отношении к ним, и эти разговоры навели его на мысль о составлении вышеозначенного документа, который настолько заинтересовал Махотина, что он взял его себе из стола тайно от Лоцманова. Впоследствии их отношения расстроились, и письмо попало в руки начальства.

---

[1]) Дело 4-й экспед. № 77 за 1826 г., „О побеге 18 крестьян Усткаменогорской округи".

[2]) 1 экспед., дело № 441 за 1827 г., „О возмутительном письме, написанном заводским служителем Лоцмановым".

Лоцманов был арестован и посажен в Бобруйскую крепость, откуда был освобожден лишь в 1832 г.

Усиление беспокойного духа среди заводского населения не осталось незамеченным в надлежащих сферах, и в 1828 г. шефу жандармов гр. Бенкендорфу была представлена записка «О положении заводов Уральского Хребта», намечающеяся ряд мер для борьбы с этим явлением.

В этой записке, автор которой пожелал остаться неизвестным, отмечается, что «сибирский народ, говоря вообще, одарен от природы хорошими способностями и добрым характером, но между людьми, принадлежащими к заводам Уральского Хребта, есть много ума хитрого, напитанного духом своеволия и неповиновения к начальству. А как в числе таковых находится не малая часть людей грамотных, то не удивительно, что с сими расположениями бывает там всегда довольно коварных просителей и ябедников». Между тем «утвердительно сказать можно, что заводские люди зажиточнее прочих, занимающихся хлебопашеством крестьян, а на партикулярных заводах они богатее, нежели на казенных» [1]). Последнее утверждение дает основание думать, что записка исходила от лица, принадлежащего вероятно к заводовладельческим кругам, ибо по существу своему оно стояло в противоречии со многими фактами, к числу которых нужно отнести и то, что волнения разыгрывались преимущественно не на казенных, а именно на частных заводах.

Чтобы водворить на последних спокойствие и лучший порядок, автор предлагает искоренить ябедников и возмутителей, не делая тем, кои обнаружатся в преступных своих замыслах или действиях, ни малейшего послабления; изъяв яснее и определеннее положение об уроках и платах по разным горным и заводским производствам, предоставить заводосодержателям управление заводскими людьми на правах, помещикам дарованных; устранить горное начальство от всякого вмешательства в хозяйственные распоряжения по сим последним. Тогда заводские люди «перестали бы обольщаться ложными понятиями о мнимых правах своих и остались бы в должном послушании». В заключение подчеркивается необходимость поставить рабочих в такое положение, чтобы они могли «содержать себя с семействами своими без затруднения и не были вынуждаемы изыскивать к тому другого постороннего средства».

Записка эта была передана на рассмотрение министра финансов гр. Канкрина, по дальнейшего движения не получила.

В 1829 г. происходили большие волнения среди заводских крестьян княгини Белосельской в Оренбургской губ. Крестьяне Юрезень-Ивановского завода, собравшись толпой в 300 человек, избили мастера Сурина и посадили его под караул при заводской полиции неизвестно с каким намерением. Затем на заводе собралось большое число крестьян также с Минского завода и принадлежащих к нему селений. Прибывший сюда вице-губернатор „с первых почти минут заметил особенную строптивость и дух своеволия". Но затем после переговоров крестьяне, „став на колени, просили войти в их положение и тут же хотели подать особенное прошение о всех своих прежних угнетениях и обидах", но его не оказалось под рукою. Это прошение было подано на следующий день от имени 2571 человека и содержало жалобу на бывшего заводского исправника Гоферланда и на несправедливое следствие, произведенное прежде о крестьянине Тараканове, содержавшемся в Уфе под стражею. Проверив этот список и обнаружив в нем преувеличение числа подписей, вице-губернатор все же должен был констатировать, что количество недовольных, бывших налицо, оставалось весьма велико и простиралось до 1200 человек, которые „с решительным домогательством все желали освободить из-под стражи Тараканова, без коего они, как говорили, не могут быть покойны и никому другому не доверяют..., а некоторые из них отзывались таким образом, что они миром дали присягу стоять за Тараканова и друг за друга" [2]).

По наведенным справкам выяснилось, что еще ранее крестьяне выказывали неоднократно „грубость и неуважение к заводскому начальству", а именно: заставили исправника удалиться с завода, не исполняли приказаний и нарядов заводского начальства, самовольно собирали с миру деньги и самовольно отлучались, действовали самоуверенно, заключая некоторых под стражу, а других содержащихся по распоряжению заводского начальства, освобождали, заставили безвременно удалить от должности приказчика и помощника его, об'явив, что не потерпят никакой над собой власти, из Катавского завода поставленной, самовольно отрешили мастера от должности, нанеся ему тяжкие побои, наказанием и угрозой принуждали иных крестьян быть в общем заговоре, задержали посланного начальством нарочного с донесениями главному начальству с намерением принудить заводского исправника прочитать им эти донесения.

По прибытии значительных вооруженных сил вице-губернатор приказал 3-го августа заводскому исправнику собрать крестьян помянутых заводов и деревень в Юрезень-Ивановский завод к раннему обеду, но они начали собираться перед вечером и даже в ночное время. Когда (4 августа) крестьяне собрались на площади у заводской полиции, они были окружены вооруженной командой, после чего часть крестьян „обнаружила раскаяние в своих поступках", но более 1100 человек „пребывали в смущении, величайшем упорстве и непреклонности"; наиболее виновные в возмущении были подвергнуты телесному наказанию, после чего 1076 человек „по священническом увещании и при читанных им от него молитвах обещались впредь быть в полном повиновении и послушании". Но тридцать четыре человека упорствовали, почему были взяты под стражу. Потом еще четырнадцать

[1]) „О положении заводов Уральского Хребта". 1-ая экспед., дело № 23 за 1828 г.

[2]) „О неповиновении заводских крестьян княгини Белосельской". 4 экспед., дело № 151 за 1829 г.

изъявили раскаяние, прочие же двадцать „остались совершенно непреклонны ни к какому послушанию под тем предлогом, что они не хотят изменить присяге, данной за Тараканова и друг за друга". Девять главных зачинщиков были задержаны для производства следствия.

Что же послужило причиной этого волнения? В поданной ранее крестьянами записке содержались следующие жалобы и претензии: 1) на малую против других заводов плату и на неумеренные и отягощительные вычеты из нее за долги; 2) на дороговизну хлеба, который отпускается им по 70 коп. за пуд, тогда как конторе обходится по вольной цене 40—50 к.; 3) на то, что контора не делает с ними надлежащего расчета в долгах их и несвоевременно выдает заработанные деньги; 4) на несоразмерность возлагаемых на них работ, особенно по рубке дров; 5) на употребление некоторых стариков в работы, силам их не соответствующие; 6) на то, что контора по прошествии двух или трех лет отбирает у некоторых лошадей не по той цене, по которой они выдавались, а по гораздо низшей, засчитывая остальную сумму в долг, вычитаемый из заработанных денег; 7) на то, что устройство больших дорог падает на их счет, тогда как они, быв непрерывно заняты заводскими работами, не могут нести этой повинности в натуре. К этому нужно присоединить слышанные заводским исправником устные жалобы, что дети менее 12 лет употребляются на рудничные работы—они вывозят в день каждый по 150 пудов руды ручной тележкой, содержатся они не в казармах, а в дурных и тесных балаганах, что за продовольствие их хлебом и пустой пищей взимается по 5 к. в день, если же кто берет говядины или постного масла, то из полагающейся платы в 20 к. ничего не остается; если они вывезут менее назначенной нормы, хотя бы на одну тележку или пуд руды, то лишаются платы за весь день.

Производивший следствие советник Сочемяев доносил, что восстановленная тишина на заводе сохраняется, хотя носились слухи, что между крестьянами еще „скрываются тайные толпы и совещания к новому возмущению, но явного от них волнения не было замечено", чему способствовало, по его мнению, оставление на заводах воинской команды.

В том же 1829 г. происходило волнение на Нижне-Сергиевском и Атингском заводах в Пермской губернии [1]).

Вследствие жалоб мастеровых и рабочих людей на низкую плату и тягость работ в 1822 г. с согласия министра финансов, было предписано этим заводам содержать их на том положении, какое существовало на казенных Гороблагодатских заводах. Однако приведение в исполнение этого постановления затянулось, и только 22 августа 1822 г. для разъяснения положения был прислан чиновник Максимов, которому крестьяне Нижне-Сергиевского и Атингского завода заявили, что желают перейти на казенное положение, прося, чтобы на них были распространены новые штаты, только-что изданные для Гороблагодатских заводов,—на что со стороны Максимова последовало согласие. Но на другой день, собравшись в большом числе у конторы, крестьяне стали кричать, что «все читанные им указы суть старые. и требовали, чтобы им прочитаны были вновь учрежденные для Гороблагодатских заводов штаты, „за подписью его императорского величества". Когда Максимов отозвался, что нового положения у него нет, они «с дерзостью возразили, что старых положений и указов слушать не будут и к работам не приступят». Вскоре потом они ушли с завода. Заводский исправник донес, что до 150 человек собрались итти в Екатеринбург. Посланный для их увещания берггауптман Тетюев настиг толпу в 86 человек в селе Решетском в 23 верстах от Екатеринбурга и успел остановить их. Крестьяне согласились возвратиться на завод, с условием, чтобы был прислан чиновник «для вразумления тех штатов, которые были объявлены Максимовым». Однако, вскоре решили итти в Екатеринбург. Здесь их окружили солдаты, 83 человека были возвращены на завод, а пятеро отправлены на казенные Березовские золотые промыслы «сколько для того, чтобы впредь не могли расстраивать других к неповиновению, столько и на тот самый конец, чтобы после, по окончании исследования, предать их военному суду».

---

22 июля 1830 г. Вологодский губернатор донес, что фабричные крестьяне, состоящие при Шпрогорской писчебумажной фабрике помещиц Ивановой и Кафтыревой, жаловались ревизующим сенаторам на арендатора Эгансона в обременении их работою, а последний, в свою очередь, жаловался на неповиновение их. Для разбора этих жалоб были командированы чиновники, которые и привели фабричных в повиновение; приписанные же к фабрике крестьяне в количестве 51 души отозвались, что они готовы повиноваться помещицам, но арендатора слушать не хотят. Восемь зачинщиков были преданы суду. Николай I положил резолюцию: «исследовать поведение арендатора» [2]).

Следствием было установлено жестокое обращение Эгансона с фабричными людьми. Несмотря на это, уголовная палата вынесла следущий приговор: 15 человек наказать через палача плетьми по 15 ударов каждому, а одного сослать в Сибирь на поселение. Губернский прокурор подал протест, в котором между прочим отметил, что бесчеловечное управление Эгансона подтверждается следующими фактами: 1) неестественной смертью рабочего Петрова, последовавшей от понесенных им истязаний, 2) фабричному Тройникову была

---

[1]) Дело 4-ой экспед. № 222 за 1829 г.

[2]) 4 экспед., дело № 150 за 1830 г. „О неповиновении фабричных людей бумажной фабрики, принадлежащей помещицам Ивановой и Кафтыревой".

проломлена им голова камнем, и 3) согласно свидетельским показаниям, телесные наказания розгами, линьками и кулаками широко практиковались Эгансоном, как «следствие своенравного произвола без всякого разбора и даже раскрытия вины обвиняемого». Даже начальник 1-го округа корпуса жандармов в своем донесении Бенкендорфу писал, что «таковое действие Вологодской Уголовной Палаты, противное всяческой справедливости и законности, заслуживали особого внимания г. министра юстиции». Дело поступило на рассмотрение сената. Из материалов, приложенных к делу, видно, что в 1832 г. все губернские и уездные предводители дворянства, служившие по выборам с 1818 г., были подвергнуты по высочайшему повелению ответственности «за невнимание», ибо Широгорская фабрика была «на правах дворянских» [1]).

В феврале 1831 г. происходили волнения среди крестьян Унженского чугуно-плавильного завода, помещиков Тепелевых (Тамбовской губ.). Они бунтовали еще в марте предшествующего года, а теперь вновь, в числе 222 семейств из трех селений, оказали неповиновение не только вотчинному управлению, но и местному начальству; они заявили, что не получили по прежним своим жалобам удовлетворения и высказали опасение, что в предстоящий 96-ой набор из них будут взяты в рекруты люди не по очереди, а по воле помещика. Когда три эскадрона гусарского полка прибыли в селение Сабурово, крестьяне заперлись в одном дворе и в течение двух дней не склонялись на увещевания. Когда же 60 мастеровых под прикрытием воинского отряда разломали сарай занятого ими двора, то оттуда посыпались камни, поленья, дубины и заостренные палки. Солдаты произвели три выстрела дробью; было легко ранено три человека. После того солдаты вошли во двор с обнаженными саблями и примкнутыми штыками; главный зачинщик Яковлев бросился было на офицера, но был остановлен выстрелом в лицо холостым зарядом и схвачен. Дело поступило в военный суд, но когда приговор был представлен на высочайшее усмотрение, Николай положил резолюцию: «дознать истинные виды и побудительные причины всех происшедших по имению тому беспорядков». В виду этого была образована комиссия военного суда.

Из донесения жандармского подковника Маслова от 15 декабря 1832 г. явствует, что 80 крестьян с мая предшествующего года все еще содержались под арестом, каковая медлительность об'ясняется тем, что некоторые из членов комиссии, «имея желание помогать подвергшимся по делу сему ответственности заводским управляющим, бывшим непосредственной причиной бунта, дают способы умножать дело бесполезной» перепиской. Об этом гр. Бенкендорф счел нужным сообщить министру внутренних дел.

(Продолжение следует).

К. Пажитнов.

---

[1]) Так как фабрика принадлежала дворянам, то местное дворянство, в лице своих представителей, обязано было наблюдать, чтобы рабочие не терпели притеснений.

Материалы для истории рабочих на горных заводах.

Из записки В. Крамаренкова.

Печатаемый ниже материал представляет собою выдержку из имеющейся в моем распоряжении копии с составленной (около 1776 г.) обер-секретарем сената *В. И. Крамаренковым* [1]) записки по истории горного дела в России. Записка эта подразделяется на X глав; в первой, озаглавленной «О начале, переменах и умножении в России рудокопного дела и горных заводов», дается исторический очерк горного дела до образования в 1719 году Берг-Коллегии; вторая носит заглавие «О горных правительствах»; третья—«О должности Берг-Коллегии»; четвертая — «О порядке производства дел по Берг-Коллегии», содержит также «продолжение известия о горных делах после учреждения Берг-Коллегии»; пятая—«О сборе десятины»; шестая—«О приписке и покупке к заводам крестьян»; седьмая—«О обрабатывании крестьянам заводских работ, какие им за то зачеты положены и о происшедших от них непослушаниях»; восьмая—О бытии заводским крестьянам судом и расправою ведомым в горных правительствах»; девятая—«О отводе под заводы в рудники земель и лесов и о сбережении сих последних»; десятая—«О числе заводов и о вступающих в казну от них доходах».

Примечания принадлежат В. Крамаренкову за исключением отмеченных мною ссылок на полное собрание законов. В некоторых местах текст для ясности исправлен мною в согласии с собранием законов.

А. В. Шебалов.

VI.

О приписке и покупке к заводам крестьян.

Что касается до обработывания заводских работ и до приписки и покупки к заводам крестьян, то хотя по первоначальному основанию Пискорского [2]), яко древнейшего из всех в Перми завода, и видно, что намерение или желание было, чтобы заводские работы отправлять вольнонаемными людьми; но сей завод с начала основания своего не мог действием продолжаться

---

[1]) Крамаренков, Василий Иванович, переводчик, сотрудник „Трудов Вольного Экономического Общества", род. в 1730 г.; начал службу в 1746 г.; состоял в 1765 г. при гр. Р. И. Воронцове, затем обер-секретарем сената (1778 г.), председателем харьковской гражданской палаты, председателем слободско-украинской палаты суда и расправы (1793 г.); 18 января 1799 г. уволен по прошению от службы. „Сборник русск. ист. общества", т. 60, стр. 444; „Архив кн. Воронцова", т. IV, стр. 504—506; „Сенатский архив", I, именные указы имп. Павла I, стр. 476 и 487; С. Венгеров, „Источники словаря русских писателей", т. III (1914 г.), стр. 247. *А. Ш.*

[2]) При селе Пыскорском, Пермской губ., Соликамского уезда, на правом берегу Камы, при впадении в нее р. Пыскорки, близ заштатного гор. Дедюхина. Местность была в 1558 г. пожалована Иваном Грозным Григорию Ионникиевичу Строгонову, открывшему соляной рассол по берегам р. Камы, в 1640 г. был основан Пыскорский мединлавильный завод, прекративший свое действие в 1680 г. за бедностью руд. В 1722 г. найдены были новые руды, а потому завод опять начал действие и с 1760—1781 г. находился в частном содержании гр. Воронцова; с 1781 г. перешел в казенное ведомство, а в 1820 г. совсем прекратил действие (П. Семенов, «Географическо-статистический словарь Российской Империи», IV, 257). *А. Ш.*

видно единственно по той причине, что не имел приписных крестьян, а исправлялся вольнонаемными людьми паче в такое время, когда еще и люди к сей горной и многотрудной работе были не за обыкновенны.

Сия причина может быть побудила к тому, что когда внутри России—в Московской губернии в Малоярославецком и в Боровском уездах иноземцами Миллерами около 1656 года заводились первые железные заводы, то к ним отдана была для работы и Вышнегородская волость со крестьяны.

По сему примеру при построении в последующее время и казенных заводов всегда уже приписка крестьян чинена была, как то при заведении в Олонецком уезде, в Фоймогубской волости, медного завода в 1701 году велено к оному приписать крестьян до 40 дворов.

В 703 году января 9, по именному указу к отданным в содержание Никиты Демидова Гагильскому и Невьянскому заводам велено приписать в работу Аяцкую и Краснопольскую слободы, да Монастырское Покровское село с деревнями и со всеми крестьяны, с детьми и с братьями и племянниками и с землею и со всякими угодьи, взимая с него, Демидова, за все то, что с тех крестьян в казну и в монастырь доходу было (брать в казну) железом по договорной цене. А крестьянам за их работу ему, Демидову, считая в правду, зачитать, что за них платить станет.

Но в том же году января 23 дня именным же указом велено давать дозволение во всех городах на всяких землях искать всякие руды, но своими однакож проторьми мастерами и работными людьми без приписки крестьян.

При построении около 700 года в Тобольском уезде, на речке Каменке, Каменских заводов по именному же указу и по приказу ближнего боярина князя Михаила Яковлевича Голицина велено к тем заводам приписать в работу 337 дворов.

Да и к другим казенным заводам крестьяне равномерно приписывались, но чтобы кроме Демидова другим частным заводчикам приписка или хотя дозволение в покупке к заводам крестьян до 721 года даваны были, того по делам не видно.

А именным 1721 января 18 дня указом [1]) для размножения заводов дозволено, как шляхетству, так и купецким людям к тем заводам деревни покупать не возбранно с позволения Берг-и Мануфактур Коллегии, токмо под таким условием, дабы те деревни всегда уже не отложно при тех заводах остались.

Но что работы заводские от самого заведения заводов и потом всегда тягостными казались, сие можно видеть из многих побегов и упорств, приписными заводскими крестьянами в разные времена сказанных, которые не только были не малым препятствием успеху в построении заводов и в размножении при оных действия, но нередко и управляющих заводами подвергали опасности так, что для усмирения их принуждено иногда было употреблять воинские команды; но какие, где были от них непослушание и возмущение, и чем оные усмирены, о том по порядку показано будет ниже сего в особой статье. А поелику самыми опытами по вышеписанной 721-ый году же усмотрено было, что как при казенных, так и при частных горных заводах без приписных или купленных крестьян обойтись не можно, то в 724 году мая 29-го именным указом, за подписанием Правительствующего Сената последовавшим по доношению генерал-порутчика Геннина, велено к Сибирским заводам для работ приписать слободы, без которых обойтись не можно, с особым предписанием, каким образом в заработных деньгах поступать должно.

Но чтобы в то же самое время в Сенате или в Берг-Коллегии сделано было какое учреждение о порядке заводских работ и о платеже за оные, того в делах не видно, а только отыскан взятой справкою из Берг-Коллегии о том проект, учиненный в канцелярии главного заводов правления с тем, что по оному в работах приписными крестьянами и в зачете за оные, как при казенных, так и при частных заводах поступается. И с которого при сем под буквою П прилагается копия [2]).

А тем же 724 года указом в продолжении оного предписано с тех приписных крестьян подушных, как осьми, так и четырех гривенных денег не взыскивать, а заработывать им те деньги заводскою работою, с зачетом им по указу января 13 дня 1724 года [3]).

Что же с них сбиралось на содержание полков, оной платить с заводов из заводской суммы.

В текущее потом время хотя открывались во многих местах надежные и богатые рудники, однакож с казенной стороны не строили при них заводов по той причине, что опасались, дабы

---

[1]) 1-е П. С. З, т. VI, № 3711.

[2]) Названной копии в моем распоряжении не имеется. *А. Ш.*

[3]) Сим указом предписано платить за работы людям во всех местах равномерно: в летнее время—мужику с лошадью по 10-ти и без лошади по 5 коп., в зимнее—с лошадью по 6-ти, а без лошади по 4 коп. на день.

употребленные на то будущих при них начальников издержки не превзошли чаемого от того прибытка, а частные люди по недостатку работников, как то сие точно изображено в данной в 734 году марта 23 [1]) дня отправляемому тогда в Сибирь тайному советнику Татищеву инструкции, и для того в сей инструкции, между прочим, ему предписано объявить обывателям, что ежели кто пожелает завести железные заводы, тому кроме объявленного, в привилегии увольнительного времени, дастся ко всякой домне из казенных волостей от 100 и до 150 дворов, а к молоту до 30 дворов, с таким обязательством, чтобы он за тех крестьян все надлежащие подати и накладки платил бездоимки, а за работы зачитал по плакату, приписывая деревни ближние сподвал, а не выбором с принадлежащими к ним землями.

А в том же 1734 г. по представлению помянутого Татищева от 2 числа октября в бывшей тогда Кабинет с тем, не повелено-ли будет и на медные заводы раздавать заводчикам из казенных деревень, хотя на всякую плавильную печь дворов по 50-ти, посланным к нему из Кабинета от 23 декабря того же года указом велено и на медные заводы раздачи чинить, так в данной ему вышеписанной инструкции предписано.

В 1736 г. января 7 [2]) числа именным указом 9-м пунктом повелено: которые вышеписанных мануфактур-фабриканты покупали на свои мануфактуры и фабрики людей и крестьян без земель и не целыми деревнями, тем быть при них по крепостям, и впредь покупать им не запрещать, токмо без земель же и не целыми деревнями [3]).

В изданном в 1739 году марта 3 дня [4]), берг-регламенте между прочим в 12 пункте сказано: ежели кто государству полезные и прибыточные рудокопные заводы заведет, а вольных работников достать не возможно и к тем заводам, по силе нашего в прошлом 1736 году состоявшегося указа, целыми волостями не приписывать, но по рассмотрению давать по нескольку дворов, которые самим заводчикам перевозить и поселять при заводах; но токмо сколько возможно стараться при тех заводах селить деревни покупными людьми и крестьянами.

Но в конфирмованном в 1740 году августа 9 числа представлении, учиненном о горных делах Кабинет-министрами обще с обербергдиректором бароном Шембергом для отвращения того, чтобы иногда излишних противу препорции при заводах крестьян не было, в 3 пункте предписано: «Имеющихся приписных к заводам крестьян разделить по пристойному числу, сколько по необходимой нужде к которой части потребно, а излишних возвратить в губернию, и там смотреть, чтобы заводчики не заводили домен, молотов и медных плавильных печей для одного токмо виду и чтобы им больше дворов и крестьян получить: но всякими мерами старались всякой при своем заводе делать железа больше, а тем приписных к заводам слобод крестьянам зарабатывать при тех заводах токмо по складу положение на них подушные и четырех гривенные и раскольнические деньги, считая за заработы, припасы и проезд, как при казенных заводах о том учреждение учинено.

Когда в 744 году апреля 10 дня по представлению Берг-Коллегии обще с Оренбургским губернатором определено было ради возобновления в Оренбургской губернии, при городе Табынске казенной медный завод отдать в содержание Симбирскому купцу Твердышеву на уставленных кондициях, то в 4-й из оных постановлено приписать к тому заводу и крестьян, считая на каждую 1000 пуд чистой меди по 50 дворов, а в каждом дворе по 4 человека работников.

Хотя по сему указу точно изображено, чтобы при приписке к заводам крестьян числить во дворе работников по 4 человека, однакож не видно, чтобы по 754 год в рассуждении других заводчиков сему правилу следовано было, но всегда наблюдалось предписание, изображенное в данной тайному советнику Татищеву в 734 году марта 23 [5]) дня выше прописанной уже инструкции, считая в положенную к приписке пропорцию только наличное число душ, как-то:

В 752 году 17 января Правительствующий Сенат по случаю об'явленного чрез покойного генерал-фельдмаршала и кавалера графа Александра Борисовича Бутурлина именного указа о подаче из Сената ведомости о числе фабрик и заводов, имеющих покупные деревни, с показанием, какое на оных с покупки деревень приращение сделано и на каком основании и порядке оное происходит, имея уже в подаче о порядке в приписке к фабрикам и заводам крестьян общее Берг-Мануфактур Коллегий мнение, в том состоящее: 1-е, чтобы к заводам наперед в положенную препорцию причислять купленных и крепостных заводчиковых крестьян,

---

[1]) 1-е П. С. З., т. IX, № 6559.
[2]) 1-е П. С. З., т. IX, № 6858.
[3]) Но сей указ именным же 1744 г. состоявшимся в 27 день июня на докладе Сената указом отменен, а велено покупать крестьян с землями в отвращение того, дабы покупные без земель крестьяне на старые свои жилища побегов не чинили, а покупные с землями более имели привязанности к фабрикам.
[4]) 1-е П. С. З., т. XII, № 9004.
[5]) 1-е П. С. З. т. IX, № 6559.

потом 2-е, приписных, не помнящих родства и незаконнорожденных, хотя из них и излишние явятся, а напоследок 3-е, есть-ли и за тем недостанет в положенное число, то дополнивать из приписных к тем заводам государственных крестьян с таким обязательством, чтобы они в силе берг-регламента в место государственных крестьян купили собственных, а по покупке, тех приписных крестьян от частных заводов отрешa, приписать к казенным, определил: 1-е, покупных в силу, вышеписанных указов, к заводам и фабрикам, сходственно с вышеприписанным во мнении Берг-и Мануфактур-Коллегии положением, крестьян оставить при фабриках и заводах; но как по усмотрению из ведомостей при игольной фабрике компанейщиков Рюминых в числе 2822 душ покупных противо положенной пропорции на одну домну и четыре молота 220 дворов, считая в каждом дворе по 4 человека работников мужеска полу, всего 880-ти душ, найдено излишних 1942 души, то сих излишних приказал продать имеющим право покупки в полгода, или на то число построить вновь доминные и молотовые заводы в те ж полгода, с таковым подтверждением, ежели в те полгода не построят, то таковых заводчиков почитая за преступников против именного 721-го года января 18 [1]) дня указа, в Мануфактур-Коллегии в 723 г. декабря 3-го [2]) изданного регламента 17 пункта, и с ними поступать по силе сих законов. В сем же приказании хотя сказано считая во дворе по 4 человека работников, но излишество исчислено по наличеству числа душ; 2-е, Берг-Коллегии предписал и впредь давать заводчикам о покупке к заводам крестьян дозволение на точном основании вышеупомянутой данной в 1734 г. марта 23 [3]) тайному советнику Татищеву именной инструкции. И именно, считая на одну домну по 100, а к молоту по 30 дворов, считая мужеска полу во дворе по 4 души, к медиплавленным же заводам велено давать дозволение в покупке крестьян, исчисляя выплавку чистой меди на каждую тысячу пуд по 50 дворов или по 200 душ; 3-е, поелику не всякому из заводчиков случиться отыскать такую деревню, где бы по состоянию его завода пропорциальное число душ было, то не велено ставить в вину, ежели излишнее число душ противу пропорции куплено будет, однакож не более, как по 5 душ на сто, а излишнее противу сего подвергать конфискации. О чем в Берг-, Юстиц-и Мануфактур-Коллегии указы посланы.

Сие положение потдверждено еще Сенатским указом, посланным в Берг-Коллегию по определению следующего 753 года июля 16 дня с тем именно подтверждением, чтобы излишних, за предписанною по мнению Берг-Коллегии препорцию,-крестьян от частных заводов отчисляя, приписать к казенным Екатеринбургским заводам.

В 753 году ноября 9 дня по доношению Берг-Коллегии, а по прошению покойного сенатора, генерала-фельдцейхмейстера, графа Петра Ивановича Шувалова, к новоностроившемуся тогда его в Оренбургской губернии железному заводу определением Сената к трем домнам и шести молотам велено приписать по тому же положению на каждую домну по 400, а на молот по 120, а всего 1920 душ из черносошных и ясашных крестьян Казанской губернии, о чем между прочим и в Казанскую губернскую канцелярию послан указ.

.Но как сия канцелярия, ответствуя на сей указ доношением, просила об'яснения, каким образом ту приписку крестьян к помянутым графа Шувалова заводам учинить, то по определению Сената 1754 г. марта 7 и 10 чисел именно ей предписано: приписать к тем заводам крестьян, известную пропорцию, полагая 1-е, в каждом дворе наличных по 4 души работников, а 2-е, считая сих работников возрастом от 15 до 60 лет с тем дополнением, чтобы в заводы из тех приписных крестьян употреблять с переменою третью часть, а две доли оставлять в домах для крестьянских работ.

На сем точно основании в том же году, по определению Сената мая 2-го дня, велено сделать приписку крестьян к новостроившемуся тогда в Оренбургской губернии графа Сиверса медному Вознесенскому заводу.

В следующих потом 755 и 756 годах по прошениям покойного сенатора, генерала-Фельдцейхмейстера графа Шувалова о приписке крестьян к новостроившемуся в Сибире Нижнотуринскому о двух домнах и 10 молотах заводу, по определениям Сената октября 31 и июня 7 чисел, хотя и велено приписать тоже самое число по положенной вышеприписанными указами пропорции 2.000 душ, считая в каждом дворе работников от 15 до 60 лет по 4 человека: но к

---

[1]) 1-е П. С. З. т. VI, № 3711. В сем указе сказано: А ежели кто будет заводы заводить токмо для лица малые, чтоб ему тем у кого деревни купить, и таковых вымышленников до той покупку отнюдь не допускать и смотреть того накрепко в Берг-Мануфактур-Коллегии, а ежели таковые явятся, и их по усмотрению штрафовать отнятием сего движимого и недвижимого имения.

В Регламенте Мануфактур Коллегии 17 пункте написано согласно с сим указом, в том, чтобы деревни покупать к фабрикам и тех деревень без фабрик не продавать, а что с теми чинить, кто, малые фабрики имея, купит крестьян только для лица, того не дополнено.

[2]) 1-е П. С. З., т. VII, № 4378.

[3]) 1-е П. С. З., т. IX, № 6559.

тому дополнено еще следующее: ту приписку учинить целыми деревнями и дворами, не разбивая семей их в розницу, но всех находящихся в тех деревнях и семействах, как престарелых, так и малолетних и не годных в работу при них же оставить, из которых по возврасте малолетние на места умерших и другими случаи выбылых в число работников комплектоваться имеют.

Между тем, когда о таковой же приписке крестьян к железным Сибирским заводам статской советник Никита Демидов просил в Главной Правления заводов канцелярии с тем, чтобы оных дополнить по числу наличных на его заводах домен и молотов из оставшихся за отдачею Гороблагодатским, бывшим тогда графа Шувалова, заводам крестьян, и та канцелярия представила о том Сенату, то по определению оного 1756 года июня 11 дня велено ту приписку сделать во всем сходственно с тем определением, какое в пред'идущим году октября 31 дня о приписке к заводам графа Шувалова крестьян учинено: 1-е, целыми деревнями и дворами, не разбивая семей их в розницу, но исчисляя годных в работу от 15 до 60 лет; 2-е, всех тех приписных к заводам деревень и дворов, сколько в них с настоящего по ревизии числа душ, ни выключая не токмо престарелых и малолетных, но и умерших, и ни каких убылых по окладу подушных денег, оброчного провианта и других податей к платежу надлежало, оное все бездоимочно тем крестьянем заводскими работами заработывать, а что сверх того переработают, за то получать им указную плату, и 3-е, в казну же все указные с них доходы требовать и принимать от тех заводов без доимочно.

Но в 757 году граф Петр Иванович Шувалов просил в Сенате, чтобы к его Сибирским и Оренбургским заводам приписку крестьян приказать сделать на основании вышеприписанной данной в 734 году Татищеву инструкции уже на домну не по 100, но по 150 дворов, считая во дворе годных в работу от 17 до 60 лет по 4 человека; то и на сие его прошение, сходственное с ним, того года сентября 1 дня определение последовало с такою оговоркою, что хотя по прежнему 753 года июня 16 дня определению Сената пропорция на каждую домну по 100 дворов и положена, но им, господином сенатором и кавалером графом Шуваловым, с отдачи Гороблагодатских заводов в его содержание не токмо по обязательству в 5 лет, но уже и до того времени старанием его и употреблением капитала выковка железа в двое умножена, а для того и велено сделать приписку в числе работников во дворе сходственно с его прошением по силе Татищеву данной инструкции, в которой сказано давать ко всякой домне от 100 до 150 дворов, и при том дополнено тем, чтобы за престарелых, малолетных и не годных к работе подушной оклад заработывали годные, а для обучения и укомплектования мастерств потребное число выбрать из тех же приписных крестьян и поселить при тех заводах.

В 758 году октября 17 дня по прошению заводчиков Твердышева и Мясникова к Оренбургским их железным и медным заводам дозволено прикупать крестьян: к первым на основании вышеприписанной инструкции, данной тайному советнику Татищеву 734 г. марта 23 [1]) дня на каждую домну по 150 дворов, а к медным—по силе сенатского вышеприписанного 1744 г. апреля 10 дня и учиненных с Твердышовым при отдаче казенного медного в его содержание при городе Табынске завода кондиций 4-го пункта—на каждую 1000 пудов чистой меди по 50 дворов, считая в каждом дворе от 15 до 60 лет годных работников по 4 человека, с тем, чтобы оных покупать как порознь, так и селами и деревнями и с находящимися при них, сверх того числа, престарелыми и малолетными, дабы малолетними и новорожденными престарелых и умерших мастеров и работников те места наполняемы быть могли.

Сии последние положения о покупке и приписке к горным заводам крестьян, постановленные Сенатом, Берг-Коллегия приемля за основание, делала приписку ко всем отданным с того времени из казенного в партикулярное по именным и сенатским указам содержание медным и железным заводам, как то 1-е к Верхисетскому железному, отданному сенатору графу Роману Ларионовичу Воронцову 1758 г. декабря 14 числа по Сенатскому указу, 2-е, к Уткинскому и Сыльвинскому, отданным в 759 году по Сенатскому же указу, 3-е, к Юговским, отданным действительному камергеру и кавалеру Ивану Григорьевичу Чернышеву в 157 году марта 21 дня по именному указу, и к другим заводам, и на сем основании раздача к заводам крестьян продолжалась по 760 год, а в сем году начала она останавливаться так, что когда заводчик Походяшин в том году просил о приписке крестьян к новопостроенным его в Верхотурском уезде Петропавлевским заводам, то по представлению о том же и от Берг-Коллегии—определением Сената хотя и велено ту приписку сделать на основании 1734 года часто номинаемой данной Татищеву инструкции и последовавших потом указов, однакож уже с сроком только на десять [2]) лет с тем обязательством, чтобы, в сие время купя своих

---

[1]) 1-е П. С. З., т. IX, № 6559.

[2]) В 1769 г. сентября 16 дня именным указом, состоявшимся из доклада Сената, за оказанное Походящиным к казенному интересу усердие тех крестьян с прошествии 1-го срока повелено при заводах его оставить еще на 5 лет.

крестьян, переселил к тем его заводам, а после того уже никому никакой приписки по ныне не было.

А в 762 г. по именному указу, состоявшемуся в 8 день августа [1]) докладе Сената, в рассуждении того, что в Комиссии Уложенья тогда уже сочинялись права, кому какими преимуществами как дворянству, так и купечеству пользоваться, и покупка к фабрикам и заводам крестьян остановлена, в чем и поныне разрешения еще не последовало. 1766 г. мая 25 [2]) межевой инструкции 23 й главы 6-м пунктом предписано: По предложенным привилегиям и крепостям примечать 1-е, кому дозволено иметь завод или фабрику на наемной земле и производить мастерство наемными людьми, а особого дозволения в покупке людей и земли не дано, нет ли за такими заводчиками и фабрикантами купленных без дозволения собою целых селений и земель? 2-е, кому и дозволено покупать—толь число куплено, или и не превосходит ли постановленную к заводам препорцию, и всель они в том звании, к чему куплены, употребляются, или сколько из них состоят на помещичьих заводчикам податях? 3-е, не окажется-ль таких, которым привилегии даны до запретительных указов, а купили они после состояния того, в противность оных, и 4-е, словом, о всем, что найдется присовокупленное ими без дозволения и в противность законов, представлять о том Сената нашего в Межевую Экспедицию.

VII.

О обрабатывании крестьянам заводских работ, какие им за то зачеты положены и о происшедших от них непослушаниях.

Отдача крестьян к горным заводам, сколько по делам видно, началась, как вышесказано, с построением первых в Московской губернии, в Тульском, Каширском и Малоярославецком уездах, Истинского, Угоцкого и Поратовского иноземцами Марселиусом и Филимоном Акемою заводов около 1656 г., к которым отданы для работ Соломенская и Вышегородская волости, но, как видно, что от тех крестьян произошло непослушание, а от заводчиков на них жалобы, то в 1663 году по указу государя царя Алексея Михайловича велено тем крестьянам на заводах работать по наряду стольника Афанасья фон-Визина, который состоял в следующем: дров сечь на угольное сжение всем вообще по 1000 сажень, мерою сажень 3 аршина и 6 вершков, на заводах работать, дрова, руду и уголье и к заводскому делу всякой лес возить, и всякое изделье делать зимою всем с лошадьми, а весною, летом и осенью половине с лошадьми, а другой пешим противу прежняго по 48 человек [3]) переменяяся по одной, или по две недели.

В 1683 году подтверждены те же самые работы, а более налагать на них запрещено, а за тех крестьян заводчикам велено платить в казну за все то, что с них сбиралося по окладу стрелецких, ямских и полоняничных денег и всяких дворцовых доходов железом, считая пуд по 45 копеек.

При отдаче в 704 году по именному указу к Невьянскому Никиты Демидова заводу Аяцкой и Краснопольской слобод и села Покровского Монастырского с деревнями велено тех слобод крестьянам зарабатывать на том заводе в подушной и прочие с них положенные оклады, а какой зачет за работы делать, того в том указе не из'яснено, а велено за тех государственных и монастырских крестьян ему, Демидову, платить за все то, что те крестьяне платили в казну и в монастырь, железом по договорной цене или деньгами.

Невидно также, чтобы и при казенных заводах были какие особые учреждения о работах крестьянских и о зачетах за оные по состоянию 1724 года января 13 числа именного указа, которым предписано за работу людям и лошадям давать во всех местах равно, а именно в летнее время—мужику с лошадью по 10-ти, а без лошади по 5 копеек, в зимнее же время—с лошадью по 6-ти, а без лошади по 4 коп. на день.

Того же года февраля 16 дня именным же указом по доношению генерала-маиора Геннина, между прочим, о приписке к заводам для работ слобод велено: с крестьян тех слобод подушных, как осьмигривенных, так и четырехгривенных денег не брать, а заработывать им те подушные деньги на тех заводах и за ту работу зачитать им по вышеписанному состоявшемуся января 13-го 724 года указу; чтоже с них на содержание полков подушных денег взять надлежало, оные платить в те полки из заводских денег в Москве или Петербурге, а,

---

[1]) 1-е ПСЗ., т. XVI, № 11638.
[2]) 1-е ПСЗ.. т. XVII, № 12659.
[3]) В Вышегородской волости показано со вновь прибывшими 318 дворов, а в 714 г. показано сих крестьян 2961 душа.

как тех приписных слобод жители подушные деньги заработают, тогда им заработные деньги платить по вышеписанному ж указу, а без платежа денег в работы их не употреблять.

В изданном в том же 724 году июня 26 дня плакате, в 7 оного пункте предписано: ежели по указам для каких работ потребны будут люди и лошади, то оных собрать со стольких душ, со скольких расположено и повелено будет, буде же без расположения и вскоре велено будет взять работников, то брать с жителей по очереди и таковым работникам давать деньги по выщепрописанному января 13 1724 года указу, а именно в летнее время мужику с лошадью по 10, а без лошади по 5, в зимнее ж с лошадью по 6, а без лошади по 4 копейки на день. А времена счислять летнее—апреля с 1 числа, а зимнее—с октября по апрель месяцы.

В имянной 740 года августа 10 дня аппробации на поданное тогда из учрежденной при кабинете о горных учреждениях комиссии представление между прочим в 3-м пункте написано: приписных к заводам слобод крестьянам зарабатывать при заводах одни по окладу положенные на них подушные и четырехгривенные и раскольнические деньги, считая за работы, припасы и проезды: как при казенных заводах работа продолжается чрез весь год без перерывно, того ради промышленникам самим должно стараться иные работы наймом и порядком производить, а ежели когда ни ямщиков, ни подрядчиков не сыщут, или будут за работу просить дорогую цену, в таком случае могут в работу употреблять приписных к тем их заводам крестьян, хотя бы они подушные и четырехгривенные и раскольнические и заработали, однакож за такие излишние, сверх надлежащих положенных на них податей, работы платить им заработные деньги по плакату, а без платежа заработных денег тех крестьян промышленникам в работы не употреблять, чтобы они раззорены не были, а упомянутые подушные и четырехгривенные и раскольнические деньги платить промышленникам в определенные места без доимки.

В 741 году октября 23 дня, по учиненному в канцеляри Главного заводов правления о работах крестьянских при заводах учреждению, отправлять определено:

1-е. Чтобы к добыче медных припасов и к рубке дров на угольное сжение и на топление квартир из домов высылались крестьяне марта к 25 числу со старостами, сотскими и выборными и отдавались бы заводчику или их прикащику все без нетов, а по прибытии того же часу принимать и определять их в работу и надлежащие припасы вырубать и оскабливать, также и дрова вырубать и в поленницы складывать, и отдавать приемщикам в апреле, конечно мая до 1 числа, а с того числа отпускать их для пашни и севу хлеба.

2-е. К складке дров угольных в кучу, дернению, осыпке и к сжению и разломке куч, добыче и обжигу руды и извести посылать по исправлении пашенной работы и севу ярового хлеба мая с 25, конечно июня к 1 числу и быть при той работе июля до 10 числа, а с того числа отпущать для сенокоса и убрания с поль хлеба в дома, а как они тем исправятся, то к означенным, положенным на них недоделанным заводским работам, высылать их в сентябре месяце так, чтобы они к тем своим работам пришли сентября к 15 числу и были бы до ноября месяца, пока земля замерзнет.

3-е. Лесные припасы, известь, горновой камень и уголь на заводы, также железо и припасы на пристань возить в начале первого зимнего пути.

4-е. Потребной лес на судовое дело становить на пристань летом, или как способнее усмотрится.

5-е. К строению плотины и фабрик пеших высылать к 1-му числу апреля и быть им в работе до того времени, как они отпущаются в домы с мая месяца, а к возке земли в плотину конных посылать по окончании вешняго севу к 1-му числу июня, и быть в работе до 1 числа июля, а с того числа отпущать в их домы для сенокосов и собирания с поль хлеба до сентября месяца.

6-е. В домашние заводчиковы и прикащиковы работы, яко к плотничному и к поставке сена, и к делу домашних уборов, и к другим тому подобным делам, их не принуждать, разве кто сам добровольно пожелает, и договориться за какой платеж работать.

7-е. Им-же, крестьянам, когда они в работу из домов поедут, платить за проход пешим и конным по 6 коп. на 50 верст, за возку извести и горнового камня по плакату по деньге на версту, считая на возу клади 25 пуд., а ежели летом возка бывает, то по копейке на версту с двадцати пуд., а весною и осенью в распутное время по вышеписанному с 15 пуд., а за возку руды и угля по расчислению плакатной платы, считая в час переездку по 3 версты, свалка и гребка по часу, и потому придет, например рудник, или курень от завода в 18-ти верстах, то оные переедут с возвратом в 12 часов, да свалка и нагребка два, итого 14 час., работных же часов считать по адмиралтейскому регламенту в день 12, и потому придет по оной плакатной плате на 18 верст с воза или с короба по 7 коп.; а уголь возить мерными коробами вышиною 7 четвертей, шириною во дне 3-х четвертей, а длиною 3 аршина, в верху

ширина 6 четвертей, длина 3 аршина 2 четверти, и те коробы надлежит заводчикам иметь свои, а крестьянин должен иметь только дровни, сани, телеги и роспуски.

Но как сего учреждения к порядочному наряду в работы еще не довольно было и от приписных крестьян не только произошли о изнеможении их и в утеснении от заводчиков жалобы, но некоторые из них пришли и в непослушание, о которых ниже именно показано будет, то в 1756 июня 16 дня указом Сенат Берг-Коллегии повелено: рассмотрев, каким образом с приписными, к казенными и партикулярным заводам, государственными крестьянами поступать и порядочное употребление их в работы и дачу заработных денег без излишней крестьян тягости производить, также не возможноль миновать высылки их из самых отдаленных от заводов жилищ, и к тому другой полезнейший способ изыскать, дабы чрез то не только крестьянские жалобы, но и самые их противности отвратить было можно, представить со мнением Сенату, то на сие та Коллегия в 761 году июля 19 дня представила:

1-е. Прописывая указ 724 года мая 29 дня о приписке к заводам для работ слобод, без которых обойтись не можно, и о не взыскании с крестьян тех слобод подушного оклада который положено им заработывать на тех заводах, и за работу зачитать по указу, представляла, чтобы, когда тех слобод жители подушные деньги заработают все, тогда за излишние, работы заработные деньги платить им по вышеприписанному 724 мая 29-го дня указу, а без платежа денег в работы отнюдь не употреблять.

2-е. Сколько в силу вышеупоминаемого указа, к которому заводу числом душ приписано будет, и сколько с них в год придется в казну заплатить подушных и четырехгривенных и иных по указам положенных сборов, о том сочинить верные ведомости, а по сим же ведомостям заводосодержателям или их прикащикам каждогодно сочинять раскладные ведомости с точным показанием, коликое число приписным крестьянам при каждом заводе за те подушные деньги и прочие сборы заработать заводских работ, сколько к тому потребно пеших и конных работников, к которому заводу и к какому времени выслать надлежит, и сии ведомости заводчику или заводскому управителю, сочиня заблаговременно, отсылать в те приписные слободы и деревни, к которым заводам оные приписаны.

3-е. Приписным крестьянам по получении таких ведомостей каждогодно по годовым своим ведомостям раскладывать к заводским работам на каждый завод самим между собою чрез выборных, под присягою, при своем земском управителе, или от них поверенных по пожиткам и состоянию каждого, дабы ни малейшей обиды и тягости одному пред другим не было и положенные за подушный оклад заводские работы отправлять, могущим и годным быть в работе людям, а за негодных и выбылых располагать к тем годным, взимая к тому в подмогу деньгами по справедливой же в том разверстке, а без таких расположений от команды собственно в работы никого не наряжать.

4-е. В работные и другие земледельные времена пашенных крестьян в заводские работы не наряжать, и по рудным и следственным делам на заводы и никуда от земледельных их работ из домов не брать и не отлучать, кроме татиных и криминальных дел.

5-е. На заводы приписных крестьян в подлежащие времена из слобод, сел и деревень управителям высылать с нарочными старостами, сотниками и другими выборными людьми, которых на заводах управителям отдавать на лицо по списку и в той отдаче получать тем приводцам квитанции, смотря и того, чтобы наряженные в работу крестьяне брали с собою назначенные в конную работу лошадей и надобный к ним прибор, и во время работы неименнием для себя запасу и для лошадей фуража отнюдь бы уже не отговаривались, и ежели где чего на заводах купить готового не можно будет, то они должны оное возить из домов своих; в случаях же недородов хлебных во время работ при заводах помогать им дачею из казны, из заводских магазейнов провианта, а за оной зарабатывать им или платить деньгами.

6-е. Что крестьяне заработают в подушной оклад, за оной теми работами и зачитать, не чиня особой выдачи им денег, дабы тем удобнее избежать излишних затруднений в письменном производстве, волокит и недодач крестьянам; подушные же и прочие положенные подати платить уже с казенных заводов каждогодно казенными, получаемыми за металлы, добываемые при тех заводах, от Берг-Коллегии, а с партикулярных заводов—самим заводчикам и компанейщикам на указные сроки в учрежденные и назначенные от главного комиссариата места, не отговариваясь в том на сроки не платежом, хотяб на который срок, чего крестьяне и не заработали, в чем с ними счет по окончании расположенных работ в надлежащие времена чинить, а за такие недоработы, кто чего за побегами и прочими огурствами не отправит, с таковых доимки деньгами не взыскивать, но заработывать им прежде положенными ими другими работами, дабы впредь того им делать не повадно было.

7-е. Ежели ж при коих партикулярных заводах у заводчиков или их приказчиков с работающими при заводах в делываемых вещах и в заплатах или за подушной оклад зачетах

происходить будут споры, при таких заводах быть от крестьян выборным надежным и добрым и не подозрительным людям в каждом году по одному или по два человека, которым за всех крестьян все деланные работы по ведомостям, на кого сколько по раскладкам положено, принимая от них сдавать приставленным от заводчиков приказчикам и служителям, записывая в особоучрежденные книги, заручая каждую статью с обоих сторон, а по окончании какой либо работы с теми выборными считаться, не волоча уже других крестьян, и оные расчеты чинить им в скорости, не продолжая дале трех дней, под опасением штрафа и наказания прикащиками за излишнюю волокиту; да и деньги крестьянам за то, что они работать будут сверх подушного окладу по окончанию работ, а в прочих каждомесячно или понедельно, кто когда сработает, отдавать самим им в руки при тех же выборных, которым, по окончании дач коей либо артели, в засвидетельствование в том подписываться и при таких заплатах, одних за другими напрасно не задерживать.

8-е. Приписных крестьян за огурство, за умышленное и малое ослушание, укрывательство от высылки в работы и побеги от работ, которое кто однолично и не во многом числе учинят, наказывать первой и второй раз батожьем, за третий плетьми, и буде кто в том примечится, таковых по наказании водить в работы и при работах держать под караулом, а оные наказания чинить им от земских их управителей, и заводчикам самим и приказчикам их никакого наказания не чинить, под опасением штрафа; буде же такую продерзость укрывательством и побегами или противностями в нарядах учинят многолюдством, то по рассмотрению от главной команды из таких наказывать первейших зачинщиков десятого по жребью кнутом, а прочих—плетьми и батожьем, смотря по вине, и сверх того зачинщиков смирять горными и заводскими работами по рассмотрению на время; с земских же управителей и старост за не высылку в работы на срок крестьян в первой и другой раз вместо штрафа взыскивать убыток, издержанной на посылку для нетчиков. А в третий раз, смотря по вине, штрафовать управителей денежным штрафом, а старост и прочих помощников их наказывать на теле, а буде больше трех раз в том они виновными найдутся, таких наказывать и штрафовать, как за ослушание указов положено; а за недоплаты в выдачах денег и в отводах по явке работ и в записках по сработаниях оных и в прочем волокиты и всякие тягости на казенных заводах—управителей, а на партикулярных—заводчиков или их приказчиков, кто в том виновным явится, штрафовать; за взятки же в тех делах с крестьян—управителей и надзирателей и других чинов, кто в том явится виновен, штрафовать и наказывать так, как узаконено за взятки в государственных делах без упущения.

9-е. Ежели при партикулярных к оным государственных крестьян кто в работы наниматься будет по вольной договорной цене для получения наперед денег, или для каких других выгод, в том на обе стороны для собственных их выгод никакого воспрещения не чинить, хотяб та цена и дешевлее определенной крестьянам платы была.

10-е. Впредь с приписных к казенным заводам крестьян из подлежащих ко взятью рекрут по силе указа 1760 г. августа 1-дня для укомплектования мастерств оставлять по потребному числу, без чего миновать не можно, а до остальных отдавать. Ибо чрез то взятие в рекруты и сверх того в выборе в мастерства оные крестьяне понесут великое отягощение и раззорение.

11-е. Что хотя при казенных и партикулярных заводах за всякие работы крестьянам в подушной оклад, по учиненным пробам, зачеты происходили, но как те пробы уже давно чинены были и по обстоятельству так много прошедшего времени некоторые поделки переменились, а леса поотдалели, то и почитала Берг-Коллегия, что надлежит о тех работах и поделках вновь верные пробы учинить, и по тем пробам, что к лучшему усмотрится, таким образом с крестьянами и поступать, а между тем покаместь заводским поделкам вновь проба учинится, поступать по учиненному в 741 году вышеписанному учреждению.

12-е. Сверх всего присуждала она, чтобы заводчики старались по силе берг-регламента удовольствовать свои заводы покупными людьми и на ту покупку и переселение к заводам крестьян оставляла сроку пять лет, по прошествии же оных—приписных крестьян отрешить; ежели же крестьяне похотят добровольно на заработные деньги на заводах работать, в том им запрещение не чинить.

Сие однакож представление подтверждения из Сената не получило потому наипаче, что вскоре после того вступили от приписных заводских крестьян на заводчиков жалобы, а напротив того от заводчиков, из Берг-Коллегии и из других горных правительств—о непослушании и огурстве тех крестьян доношении, и каких таковые обоюдные представления, также и от крестьян непослушании, а иногда и самые противу посланных для усмирения их воинских команд не малые упорства не однократно при разных заводах происходили, то об оных здесь подробнее включается.

Заводские работы с первого их введения в России казались тягостными приписным к заводам крестьянам, однако при оказанных ими непослушаниях, огурствах, а иногда и самых возмущениях противу заводчиков, горных начальств и начальников видно, что не малый к тому повод подавали иногда и сами заводчики излишним наложением в противность законных учреждений, на тех крестьян заводских работ, недоплатою заработных денег, высылкою в деловую пору на заводские работы и другими подобными тому утеснениями, о коих ниже пространнее изъяснится.

И поелику первейшая отдача в заводские работы крестьян учинена к вышеупомянутым уже в Московской губернии Поратовским и Угодтским иноземцов Петра Марселиуса и Филимона Акемы заводам, то первые сии крестьяне еще в 1678 году пришед в непослушание, просили об увольнении их от заводских работ, показывая свое раззорение от того, что якобы на них от тех заводчиков была великая налога, накладывалась сверх указной лишняя работа и повозки, но как сего своего показания ничем не доказали, то тогда уже указом велено им остаться по-прежнему при тех заводах в заводских работах [1]).

Из выписки, взятой из Берг-Коллегии, видно, что около 700 или 701 года, которого точно не показано, Кунгурцы, не желая, чтобы по близости их горные заводы строены были, когда приехал с Верхотурья в Кунгур стольник Алексей Калитин для промыслу медных руд, то они, собравшись во многих тысячах, оружейною рукою бунтом подошли под город Кунгур в намерении помянутого Калитина за рудной промысел убить там, что он, нашедши себя в осаде, принужден был отбиваться от них пушками, а на последок, боясь превосходной их силы, тайным образом ушед из Кунгура с бывшими при нем воинскими людьми, пробирался до Верхотурья лесами, а не настоящими дорогами. Чем за сие дерзновение Кунгурцы наказаны—по тому екстракту и в Сенате по делам не видно.

По 722 год были-ли при каких заводах непослушания от заводских крестьян, кроме вышеупомянутых, по делам не видно; а в сем году при самом начинании строения Екатеринбургских заводов и фабрик под распоряжением бывшего там генерал-маиора Геннина, присланные к нему для употребления в заводские работы от Сибирского губернатора князя Черкаского полк солдат и несколько работников ближайших волостей из крестьян сперва по нескольку человек, а потом и все ушли так, что его, генерал-маиора Геннина, почти одного на пустом и тогда еще не обитаемом месте оставили. И хотя к отвращению их побегов, к удержанию при работах употребляемы были разные снисходительные и строгие средства, однако же не пресеклись побеги даже по 726 год. Почему в сем году, когда в Екатеринбурге в Оберберг-ампте, что ныне Канцелярия Главного Заводов Правления, от посыланного солдата для приводу в тот Оберберг-ампт бежавшего с работы же Камышловской слободы крестьянина Титова получено известие, что многие из приписных к заводам, также и из Тобольских слобод, крестьяне с имеющимся у них огненным ружьем и разным орудием оставя свой скот и хлеб, бежали целыми семьями, и стояли в сборе близ башкирских вотчин при некоем озере в числе 1500 человек с намерением бежать, но куда, о том было не известно, то по определению того Оберберг-ампта для отвращения того побега было об'явлено башкирцам, дабы они, тех беглых русских людей ловя в своих жилищах, привозили в Екатеринбург, а за поимку оных (кроме лошадей) брали б у них все их пожитки себе, и в поимке тех беглецов вспоможение чинили, дабы тем их злое намерение пресечь.

И как, несмотря на сие средство, и в следующем 721 году приписные к заводам разных волостей крестьяне не переставали чинить побегов, то Берг-Коллегия, получив о том из Оберберг-ампта известие в апреле месяце, представляла Сенату, чтобы о высылке тех беглецов на прежние жилища через Иностранную Коллегию писать к башкирцам с тем, чтобы они таких беглецов в свои владения не пускали, а когда пойдут, ловили бы и приводили на прежние жилища, или бы об'являли их Уфимскому воеводе, о чем она в Коллегию иностранных дел и от себя сообщила. А как над теми беглецами предводителем был Самарский казак Гареванов, то присуждала по поимке в страх другим при собрании учинить оному наказание, к Уфимскому воеводе писала, чтобы он о поимке тех беглецов и повороте на прежние жилища приложил всевозможное старание.

А между тем того же года от 26 числа апреля генерал-маиор Геннин, представляя Берг-Коллегии, сколько каких для действия заводов потребно заготовить крестьянами материалов, для наряду которых и высылки в работу хотя он и посылал с указами, но те крестьяне в работы не пошли, показались ослушными, а ежели их к тому принуждать, то опасно было, чтобы они не учинили большого сопротивления, или бы, разбежавшись, не привели сами себя оставлением своих пашен в наступающую деловую пору в скудость и голод, что еще вреднее почитал он для заводов; однако ж поелику они сами были причиною тому, что дрова на угольное жжение ими в надлежащее время не вырублены, без чего заводы приходили в остановку, то в отвра-

---

[1]) Из выписки, имеющейся в сенатском архиве по делу о заводах иноземцев Миллеров.

щение того предприял он тех крестьян и в деловую пору к рубке дров принудить, а от чего произошло непослушание исследовать.

На сие от Берг-Коллегии по определению ее июня 27 числа ему предписано о непослушании исследовать и виновным учинить наказание, из крестьян же нарядить в работу только из тех, кои посемейнее хотя и в деловую пору, и есть ли сими исправиться будет не можно, то в дополнение к ним нанять и стараться, чтобы все показанное от него, генерал-маиора, по табели число пудов железа и меди сполна сделано и выплавлено было. Но что по сему исполнено, о непослушании крестьян исследовано-ли и наказание какое начальным того непослушания сделано-ли, того далее по делу не видно.

Не малое сопротивление и возмущение учинили статского советника Никиты Демидова Калужского уезда, Ромадановской волости к Выровскому его заводу приписные крестьяне в 752 году.

Сии крестьяне в апреле месяце того года, вознамерившись отложиться от него, Демидова, собрался не малою партиею и подговоря к себе еще из других железных заводов мастеровых людей, Выровской Демидова завод, раззорили, из пруда воду выпустили и весь оный опустошили, и похваляясь и самих Демидовых с их прказчиками побить до смерти. А потом посланного из Калужской провинциальной канцелярии для осмотру и описи раззоренного ими завода и для взятья от них обязательства в нечинении того раззорения канцеляриста с понятыми сии противники, будучи с ружьем и рогатинами, в волость к себе не допустили, об'являя, что они помещику своему в послушании быть не желают, и ежели кто к ним впредь прислан будет, то они побьют их до смерти.

17-го апреля сысканные в Калужскую провинциальную канцелярию из тех противящихся крестьян 23 человека в допросах показали, что они именно все сговорились в послушании у Демидова не быть, а в вотчину их не пущать, и для драки и сопротивления командам собрали ружья, рогатины, оглобли и прочее дреколие и каменье. Сии по наказании за их дерзновение отданы Демидову.

Мая 4 числа от Рижского полку в Калужскую провинциальную канцелярию представлено было, что те же крестьяне, выходя с дрекольями из своих жилищ, останавливали разные команды и офицера, отправленного для осмотра места и занятия лагеря, не допустили и свое дерзновение так далеко простирали, что человек по сорока и более в Калугу со всяким дрекольем из них входили, а потом, напав на посланных с Дугненского Демидова завода работников, бив их смертно, в волость увезли и денег 1400 руб. взяли; также посланных в ту волость из той же канцелярии для разломания казанов не допустили и многолюдным собранием, человек 1000 и больше, со всяким оружием обучались военной екзерциции и из ружей стреляли, которое их действие и из города Калуги было видно.

Мая 15 посланного по указу Сенатской конторы для увещевания их Рижского полку офицера с командою те крестьяне, выбежав противу него с 500 человек с рогатинами, сбили и в Калугу отослали и следовавшие к ним роты остановили и недопустили, а посланной к ним для об'явления о нечинении противностей и непослушания указ приняв, сказали, хотя не точию из Правительствующего Сената, но и из Кабинета Ее Величества, а за неподписанием собственныя Ее Величества руки указ будет, то они и того слушать не будут, похваляяся при том, ежели впредь за чем приедет, то убьют до смерти.

Когда все сие дошло до сведения Сената, то по определению оного велено было военной конторе для увещания их в послушание отправить знатную команду с тем, что ежели они от противностей не удержатся, то для страху выпалить по них из ружья пыжами, а есть-ли и за тем не усмирятся и в послушание не придут и будут стрелять из ружья или другие какие нападении на ту команду учинят, то всему Рижскому полку в ту волость вступить и с теми противниками поступить, как с злодеями военною рукою, предостерегая однакож, дабы без крайней нужды ни до какого кровопролития не дайтить, а их противников усмирить. По сему указу командирован был Рижского полку полковник с командою в 500 человек, но многолюдство и скоропостижная наглость тех противников были толь велики, что они и сию команду разбили и, многих офицеров и драгун бив, ружья и аммуницию отбили и полковника схватили, били ж и в волость к себе увезли и под караулом держали, но при сем случае и из противников побито 59 человек.

По полученным о том рапортам по определениям Сената и Военной Коллегии для усмирения их определен был бригадир Хомяков, и ему велено было, оных противников определенным в его команду полками округа, вдруг поступить военною рукою так, как с неприятелями, а сверх того и имянным 8 июня того же года указом повелено определенным для усмерения тех крестьян о скорейшем их от таких злоумышленных поступков отвращении и о приведении в повиновение от Военной Коллегии наикрепчайше подтвердить с тем, что ежели они от злого своего начинания по увещанию в истинное раскаяние не придут и извинения не принесут,

то жилища их выжечь и, не допуская к сражению, палить по них из пушек и, всею командою наступя, бить и разбирать по рукам всех без остатку, чтоб то их зло, как наискорее искоренить и вовсе пресеч и во всем с ними, яко сущими государственными злодеями, противниками и недоброжелателями всеобщего внутреннего покоя, поступить без всякого послабления, о чем показанному бригадиру Хомякову и подтверждено.

Бригадир Хомяков в том же июне месяце рапортовал, что те противники не токмо с повиновением к нему не приходили, но и противу двух полков сопротивление показывали, но когда для окружения сих противников некоторые деревни зажжены и к селу Ромаданову команда приступила, то из тех противников из того села вышедших 200 человек по рукам разобраны, а прочие, хотя и разбежались, но потом все были переловлены.

Следствие об них препоручено было генералу-маиору Апачинину, а потом оказалось, что противников Ромадановской волости крестьян было всех 674 человека, в числе которых первыми заводчиками оказались восемь человек и как сие, так и все вообще винились, что хотя они и показывали на помещика своего Демидова, якобы от него причиняемо было им великое утеснение и тиранское мучение, но сие, показание выдумали они только для одного виду, в самом же деле поводом к их возмущению было желание отбыть от владения Демидова в ведомство Дворцовое по тому примеру, как от того уже Демидова Оболенская волость, купленная им у князя Репнина, взята и причислена к дворцовым с выдачею ему из казны тех денег, которые им князю Репнину заплачены, чего и они желая, бунт начали. И как они во всем винными найдены, то по определению Сената 753 года в марте месяце велено: первых из них 8 человек возмутителей, учиня наказание кнутом и заковав в твердые кандалы, отослать в Сибирь на железные того же Демидова заводы для употребления в работы. А Оболенской волости крестьянам Кондратьеву, Черкасову и Епифанову, кои советы к возмущению подавали, также учиня наказание кнутом, отдать по прежнему в ту же волость, чем сие неустройство и кончено.

При построении в Оренбургской губернии в 754 году покойного графа Сиверса Вознесенского завода по указу Сената велено к оному из Казанской губернии черносошных и ясашных волостей приписать 1000 душ крестьян, и когда в следующем 755 году управитель того завода с указами для об'явления оных и для наряду в работы ездил в приписные волости, то из оных двух сел, Хмелевки и Большого Толкиша, крестьяне указов тех не послушали, и требуя именного указа за собственным ручным подписанием в работы без того идти отказались, прочих же приписных сел крестьяне третью часть из своих в заводские работы отправили.

Посему, по определениям Сената и Берг-Коллегии, для высылки тех крестьян в работы посланы были сперва при капрале 5 человек солдат, потом 10 человек драгун, напоследок при капитане велено отправить пристойную воинскую команду, которыми хотя те крестьяне в работы по временам и высланы были, однако же и с заводов, иногда не вступая еще и в работу, а иногда с работы бегали, продолжая сие по 763 год, в котором Оренбургское горное начальство в Берг-Коллегию рапортами представляло, что за противностию и побегами тех крестьян по недостатку угля того Вознесенского завода действие нужно было остановить, однако же от того начальства в заводскую контору указом предписано, чтобы пока те крестьяне в завод высланы будут, уголь заготовлять вольнонаемными людьми и находящимися при том заводе обывательми и заводского действия не остановлять.

В 760 году 14 дня августа Сенату Берг-Коллегия представила, что приписанные к заводам дворянина Никиты Демидова Юрмыцкой и Куяровской слобод крестьяне, взволновавшись, отказались от заводских работ, об'являя, что они в те работы до тех пор не пойдут, покаместь от стороны Демидова с ними в заработных деньгах расчета сделано не будет.

А в то же время вступили в Сенат от Оренбургской губернской и Главного заводов правления канцелярий представления о таковых же тех приписных крестьян противностях с тем об'яснением о жалобах тех крестьян, что того Демидова заводские приказчики налагали на них, крестьян, противу подушного и прочего положенного с них платежа излишние работы, и за оные не производили им платы, что на те работы высылали их не в указанные времена и сверх того они же, приказчики, чинили на них тяжкие и несносные налоги, причиняли нестерпимые побои и над некоторыми произвели и смертное убийство.

Таковые же представления и еще присланы в Сенат, как в том же году, так и потом в 761 и 762 годах из Казанской, Оренбургской и Сибирской губерний, а напротиву того и от самих приписных крестьян поданы в Сенат прошения с жалобою на заводчиков, в коих они показывали о причиняемых им от заводских приказчиков несносных притеснениях побоями, тиранскими мучениями и смертными убийствами, взятками и малопроизводимою за заводские работы платою и тому подобными; то по определениям Сената велено было отправить на те заводы для исследования о всем том нарочных, куда и были отправлены полковник Лопатин и надворный советник Шамшев, а Ее Императорскому Величеству по таковому же Сената 762 года

августа 14, 21 и 22 чисел определению поднесен доклад, в котором вследствии данного Сенату того же августа 9 числа именного указа о рассмотрении о заводах и о приписных к оным крестьянах об'ясня 1-е, малые с розданных из казенного в партикулярное содержание заводов в казну доходы, 2-е, на каком основании велено по указам те заводы раздать и крестьян к ним приписать, приложа при том и ведомость, какие заводы кому и по каким указам розданы, с которой и при сем под буквою Р прилагается копия [1]), 3-е, о причиняемых приписным крестьянам от заводчиков и их приказчиков утеснениях и о происшедших от них жалобах между прочим представил, чтобы обнародовать, не сыщутся ли ко взятью тех заводов такие охотники, которые бы компаниями или каждый особо пожелали взять те заводы в свое содержание, но только уже без приписных крестьян, а с одними мастеровыми людьми, и работников к тем заводам нанимать за добровольную плату, да и мастеровых оставить только на 10 лет, а после того иметь своих по добровольному договору, оставляя однако заводчикам право в покупке крестьян, сколько по числу домен. молотов и печек потребно; покаместь-же на сем основании ко взятью заводов охотников не сыщется, до тех пор оставить оные в содержании прежних заводчиков, но без крестьян, с одними потребными мастеровыми, а ежели на сем основании кто за собою удержать не захочет, то оставить оные в казенном содержании на том же основании, на каком оные до отдачи частным владельцам были.

Но сей доклад не получил конфирмации, а между тем того же года от 6 июня получено в Сенат известие, что при усмирении приписных к Гороблагодатским, тогда за покойным генерал-фельдцейхмейстером и кавалером графом Шуваловым бывшим, заводам при селе Костеневе крестьян побито из них 16, ранено 5, переловлено 40 человек, да при деревне Нижней Тойме побито 12, ранено 4 человека, то того же 1762 года декабря 6-го дня именным за подписанием собственные руки указом дано Сенату знать, что Ее Императорское Величество, уведомясь из поданного от Сената доклада о некоторых от приписных к горным заводам крестьян беспокойствах, заблагорассудили для усмирения и рассмотрения оных послать генерала-квартирмейстера князя Вяземского, ныне действительный тайный советник, генерал-прокурор и кавалер, которого и снабдили от себя же особою инструкциею, повелевая впрочем Сенату приложенной при том манифест напечатать секретно и ему, князю Вяземскому, вручить для публикования в потребных местах 200 экземпляров, дав ему тогда же в команду потребное число офицеров для вспоможения, а при том и открытый указ во все места, где медные и железные заводы находятся, дабы губернаторы, воеводы и все в Казанской, Оренбургской и Сибирской губерниях находящиеся воинские команды ему, князю Вяземскому, делали по его требованию такое вспоможение, какового только он по комиссии ему вверенной востребует, а в канцеляриях и во всех приказных местах исполняли бы по его требованиям, как наискорее, и такие уведомления и справки письменные подавали, каковые по сему делу ему понадобятся, так как и служителей приказных, которых он для своей комиссии изберет, отпускали, а прежде посланному полковнику Лопатину и надворному советнику Шамшеву для следствия о приписных к заводам крестьянах и их обидах, разорениях и смертных убийствах, быть с их комиссиею в его же, князя Вяземского, команде.

Таким образом господин действительный тайный советник, генерал-прокурор и кавалер князь Александр Алексеевич Вяземской в силу того Высочайшего указа, получив от Сената и от других присутственных мест в нужных своей комиссии надобностях по своим требованиям удовольствие, тогда к порученному ему следствию отправился, где вступя в оное и при расмотрении обоюдных, как от заводчиков на непослушание крестьян, так и напротив того—от сих последних на утеснения, причиненные им от заводчиков жалоб, в соответствие возложенной на него от Ее Императорского Величества столь важной доверенности, стараяся в самой точности исполнить Монаршую волю, как в рассуждении самих заводов, их состояния, количества выковки железа и выплавки меди, числа приписных ко оным крестьян, полагаемых на них заводских работ, возможность и невозможность в обрабатывании оных, так и в рассуждении самих причин, побуждавших до того крестьян к непослушанию, а иногда и к самой отчаянности, не оставил ни чего без исследования и все то соображая с заводскими учреждениями, какие им найдены злоупотребления, неудобства и излишности, и что им к отвращению всего того определено и заводским конторам предписано, с кого какое взыскание положено, и что впредь к поправлению им за нужное признано, о том в разные времена донес Ее Императорскому Величеству реляциями, а с определений своих в Берг-Коллегию сообщил копии, и всю толь важную запутанную и многотрудную комиссию в следующем же 763 году окончя, в Санктпетербург возвратился.

---

[1]) Названной копии у меня не имеется. А. Ш.

При следствии же том к отбывательству крестьян от заводских работ и к непослушанию их найдены главные причины следующие.

1-е. Что крестьяне до приписки их к заводам, будучи ясашными, имея хорошие и довольные земли и платя напред сего в казну небольшую подать, приобыкли к праздности и лености так, что когда вошли они в приписку в заводские работы, за которые положена им столь малая плата, что оная не только не сравнительна с выгодами, получаемыми ими самым легким трудом по доброте обитаемых ими земель, от изобильного хлебопашества и великого скотоводства, но еще нарочито уменьшительна, то сии заводские работы, сделавшись им большею тягостию, оставили в них навсегда негодование, которое инако и отвратиться не может, как только тогда, когда положена будет за заводские работы плата, соравнительная с выгодами, от земли ими получаемыми.

2-е. Что по приписке к заводам с начала положенные на них тогдашние подати заводскими работами заработывали они с праздничными и воскресными днями только в 122 дни, по умноженному же потом на них подушному окладу должны уже стали заработывать в 158 дней; а сверх того и на дальней на заводы и с заводов до жилищ своих проход не менее 56 дней употреблять принуждены.

3-е. Сею прибавкою хотя убавилось у них в домашнем их управлении дней, но за работы никакой прибавки однако ж им не сделано.

4-е. А когда указом 1762 года марта 21 дня запрещено фабрикантам и заводчикам деревни покупать до утверждения вновь сочиняемого уложенья с тем, чтобы они в заводских работах довольствовались вольными работниками, то сей указ начальники, бывшие над крестьянами, протолковали так, что будто и приписные крестьяне от работ освобождены.

5-е. Сверх того разглашались еще и ложные, последовавшие якобы в том же году, указы в такой силе, что все приписные крестьяне от заводов отрешены, чему поверив, начальники запрещали крестьянам ходить в работы и, стращая их, об'являли, что если работ не оставят, то сечены будут кнутом.

6-е. К тому же все тамошние начальники и купцы под скрытом старались и поощряли крестьян к отбытию от заводов, первые для того, чтобы, получив их попрежнему в свое управление, пользоваться с них доходами, а купцы и гражданство чрез то для своих работ могли б их дешевлее нанимать.

7-е. От некоторых приписных крестьян заводские управители требовали подписок с обязательством таковым, яко бы они сами желали быть вечно при заводах.

8-е. Некоторые, указ 1760 г. октября 12 дня [1]) о прибавке на государственных крестьян по 60 коп. на душу, в котором между прочим напечатано за прибавкою того числа на крестьянство, чтоб никаких без указов доходов, подвод и работ с них уже требовано и брано не было, толкуя превратно, поставляли себя свободными и от заводских работ.

9-е. Другие разглашали, яко бы воспоследовало повеление, чтоб казенные заводы действием остановить на 5 лет, а на партикулярных вовсе приписным не работать.

10-е. Управители заводские накладывали на них несносные, сверх определенных, работ, утесняли взятками и мучили побоями.

11-е. Плату за многотрудную работу производили весьма малую.

12-е. В заводские работы высылали в самую деловую пору, и при том всех без остатка, некоторые же и по пришествии деловой поры с работы в домы не отпускали, удерживая их при заводских работах, и чрез то лишили их своего хозяйства, к пропитанию их необходимонужного.

13-е. При делании плотин принуждали свозить лежащий сверх глины песок в показываемые от нарядчиков места, не зачитая сего в число работы.

14-е. В перевозке материалов дорогу полагали менее настоящего расстояния, а другие— уменьшали за то платеж заработных денег.

15-е. В складке дров прибавляли сверх настоящей меру более и иногда до четверти аршина.

16-е. В некоторых местах к деланию плотин употребляли крестьян зимою, когда никаких земляных работ не производится, а плату давали по плакату, по зимнему же времени самую малую, а сверх того и работу определяли уроками потележно, а неподенно так, что заплата производилась и обходилась за кубическую сажень по положенному от заводчиков расстоянию по 4, 5 и не больше 9 копеек; а хотя некоторые управители заводов представляли, что у насыпки в плотины земли были другие работники за особую плату, но и с теми по исчислению обходилась сажень только от 13 и до 17 копеек, в других же местах с кубической сажени

[1]) 1-е П. С. З. т. XV, № 11120.

25 и 30 копеек никогда не платится. Вольные же по подряду нанимающиеся работники за такую же сажень получают от 40 и до 50 копеек.

17-е. По Берг-Коллежскому учреждению положено за недожег угля взыскивать только с угольных мастеров по 6 коп. за короб, но некоторые однако-ж взыскивали сие не только с мастеров, но сверх того и с крестьян при рубке дров у каждого короба вычитали по 12 копеек.

18-е. При высылке из домов на заводы крестьян принуждали иметь хороших лошадей, а кто оных не имел, наказывали, а по сей необходимости крестьяне и должны были, выменивая хороших лошадей, за одну давать по две, и чрез то разоряться.

19-е. Уткинского графа Ягушинского завода крестьяне, имея жительство на проезжей от Москвы в Сибирь дороге, принуждены, сверх заводской, нести дорожную тягость, отправляя почтовую и ямскую гоньбу.

20-е. Принуждаемы были кормить заводских лошадей собственным фуражем, а за то получали малую плату, на других же заводах—принуждали их и к поставке сена.

21-е. Некоторых заводов крестьяне при работах употребляли собственные свои инструменты без всякой заплаты.

22-е. Употребляли крестьян и в недозволенные по Берг-Коллежскому учреждению дни к работам и к строению конюшень, к тому же и не к тем самим заводам, к коим они были приписаны.

23-е. Некоторых заводов на приписных-же крестьян от Сибирской губернии наложена поставка провианта и овса в пограничные крепости, на коих за одних заводчики ставили подрядом, не взяв к тому от крестьян поверенных, против продажных цен весьма с большею передачею в намерении том, чтоб ту большую цену им на заводах против плакатной платы заработывать, с других же, под казенным ведомством состоящих, сбираются на ту поставку деньги, против которых заводские крестьяне имели себе не мало убытку.

24-е. Крестьяне из жилищ высылаются на заводы с лошадьми, на которых на все время пребывания своего фуража завести никак не могут, и по не имению же при заводах лугов по причине гористых и лесных мест живущие при заводах продают сено дорогими ценами: а сверх того некоторые из заводчиков запрещали еще как фураж, так и харчевой припас покупать у вольнопродающих, а усиливали их брать все то из заводских запасных магазейнов против продажного двойными ценами, почему крестьянам не только из вырабатываемых денег для отвозу в жилищи свои ничего не оставалось, но по ращотам оставались иногда не малым числом и должны.

По сим, толь отяготительным для крестьян обстоятельствам, некоторые из них и просили 1-е, чтобы заводские работы велено было отправлять положенному числу на три смены и каждой смене быть в работе по четыре месяца. 2-е, Подушные же деньги платить бы им самим, а не от заводов, и вырабатываемые ими деньги отдавать им по рукам.

Сверх того при разборе крестьянских жалоб и при усмирении крестьян примечено им:

1-е. Что крестьяне во время бытности заводов в казенном содержании зарабатывали только тогдашний подушный оклад по 1 р. 12 к. на душу с небольшею иногда накладкою, чем они и были довольны; но когда заводы отданы в партикулярное содержание, а потом и прибавка подушного оклада по 60 коп. на душу прибавилась, то канцелярия Главного заводов правления не только и сию прибавку заводскими же работами зарабатывать определила, но сверх того в удовольствие заводчиков, по просьбам некоторых из них ссылаясь на представление Берг-Коллегии и на последовавший на оное из Сената указ, по неимению вольных работников, им в рассуждении требования от них дорогой цены [отказало?]. Приписным же крестьянам велено работать и сверх подушного оклада за одну плакатную же плату, располагая на них на не малую сумму работы, и от сего крестьяне, получив больше себя отягощения, начали производить разные вымыслы к отбывательству от работ, делая указам противные толки.

2-е. Они же, все полагаемые на них излишние работы приписывая прискам заводосодержателей, приходили в огорчение и от того, что заводчики, получа в свое содержание заводы, время от времени прибавляли при оных молоты, печи и фабрики, к которым не прибавя в приписку крестьян и не делая им кроме некоторых, и то малым числом, вольнонаемными работниками помочи, располагали все вновь прибывающие заводские работы на тож число приписных крестьян.

3-е. Что приискивать и умножать число вольнонаемных работников удерживает и собственная заводосодержателей прибыль потому наипаче, что как по Берг-Коллежскому положению положена приписным крестьянам за работы весьма малая плата, то за оную вольного работника и достать неможно.

4-е. На некоторых заводах и то усмотрено, что заводосодержатели просят о выборе и об отдаче из тех же приписных крестьян к заводам, в разные мастерства, почему они и опре-

деляются иногда и сверх статного числа единственно для того, чтоб тем умножить число живущих при заводах, и отвлекши их вовсе от хлебопашества, воспользоваться заводскою от них работою за мелкую цену.

5-е. Крестьяне о своих зароботках никаких у себя записок не имеют; так равно и конторы заводские никаких в том им квитанций не давали, и все о том между ими расчеты основывались на одной памяти, с частою однакож, и то по воле управляющих заводами, переменою.

6-е. Книги о приходе и расходе материалов, хотя и прошнурены были, но у некоторых шнуры вынуты и в книгах, вместо прежних, местами другие листы вшиты, да и оные тем самым скреплены, кто сам же, всему тому ведя приход и расход, делали и с крестьянами щоты по черным книгам; другие же и того не производили и к заводчикам ни в одном году обстоятельных щетов не отправляли.

7-е. Что сие и при следствии произвело то затруднение, что в зачете за работы подушных денег верного исчисления познать и в недоплате обличить было не возможно.

8-е. На некоторые новозаведенные заводы переселиваны были крестьяне—без всякого в правительствах прошения и дозволения—заводчиками самими собою, где крестьяне,—не получая от них пашенных для себя земель, принуждены были сами для своего прокормления нанимать у башкирцов земли.

9-е. Мастеровых людей употребляли не только к одной заводской, им принадлежащей, работе, но из них же отделяли в кожевенные мастера и к деланию судов.

10-е. По Берг-Коллежскому учреждению плата расположена хотя и поурочно, но уроки столь велики, что едва самоприлежнейший и довольно силы имеющий работник исправить оные может, некоторые же между ими есть и такие, которые и вовсе в назначенное время уроком своим исправиться не могут, как то:

11-е. Кучная работа положена таким образом, что 20-тисаженную кучу определено двум работникам скласть, одернить, сжечь и разломать, дров вырубить, считая каждую сажень в длину, широту и высоту по $3^1/_2$ аршина, с платою за нее по 3 р. 40 коп.; исчисляя же определенное на сию работу время, не упоминая уже о крайней при том трудности, не придет работнику в сутки более 3-х копеек.

12-е. Возить уголь положено коробами, а плату производить за оное по плакату, исчисляя расстояние, сколько в сутки на одной лошади коробов перевести можно, зачитая работнику зимою по 6 к. в день; коробы же с Берг-Коллежским положением в мере хотя и сходственны, но токмо весом в каждом и с саньми по 10 пуд. 7 фунтов содержится, а как к тому положится в него угля 21 пуд. 36 фун., то уже и привести оного, а особливо в тамошних гористых местах на одной лошади не можно, почему хотя и возили оные на двух, но плату получали только на одну лошадь.

13-е. Возка в плотину земли делалася трудною по одному введенному обычаю, каждому работнику на одной лошади полагалось вывезти земли, в 100 саженях от плотины лежащей, кубическую трехаршинную сажень в $2^1/_2$ дня, но такую сажень, хотя едва в три дня окончить можно, платится однако-ж только за $2^1/_2$ дни по 25 коп.

14-е. За деготь и смолу, по учреждению Берг-Коллежскому определенную, брать с душ положено зачитать только по $3^1/_2$ коп. за ведро, но крестьяне дешевле 12 к. в покупку сыскать оного не могут.

15-е. Деревни к заводам приписаны не по смежности, близости и сряду, но обходя ближние, смотря по выгодам; дальние в расстоянии от заводов верст до 700; почему, следуя Берг-Коллежскому учреждению, достается некоторым крестьянам в разные времена в году от жительств своих в заводы и с заводов обратно в жительства перейтить до 2.400 верст; за проход же до заводов никакой платы не производилось.

16-е. Хотя к заводам приписываются старые и малолетние крестьяне с тем, чтобы места убылых в числе работников всегда из подросльх заменять было можно, но поелико сие в рассуждении приписки не об'яснено, то крестьяне и начали толковать, что к заводам принадлежат одни только те, кои в припись прежде поступили, подростки же после к тому не принадлежат.

17-е. Что при некоторых заводах приписных крестьян числу положенных на печку и домны весьма не достаточно, и всех работ исправлять не могут.

18-е. Что к некоторым заводам хотя и приписаны крестьяне по числу печей и домен, за исключением престарелых свыше 60 и малолетних ниже 15 лет, однако же таковые престарелые и малолетные от работ не исключены, а выключены только больные, дряхлые, увечные и малорослые с тем, что за них должны зарабатывать здоровые, так что в некоторых местах один за трех подушные деньги зарабатывать был должен.

В рассуждении всем вышеприписанных найденных им отяготительных обстоятельств и к отвращению происшедших возмущений и непослушаний, так равно и к удовольствию крестьян, господин действительный тайный советник, генерал-прокурор и кавалер князь Александр Алексеевич Вяземской, сверх учиненных им заводским канторам предписаний, признал за нужное сделать следующее распоряжение:

1-е. В тех местах, где ямскую гоньбу крестьяне отправляют работы, на заводах исправлять только половинным числом крестьян, а другую оставлять для гоньбы, а потому и должна одна домна остаться без действия, предоставляя к награждению сего урока один только тот способ, чтобы для действия другой домны уделять крестьян от другого завода.

2-е. При тех заводах, у которых крестьян меньше положенной по учреждению пропорции на домны, печки и молоты, оставить их только при рубке куренных дров, сжения и возки угля, добычи и возки половинного числа руды, а прочие работы исправлять вольнонаемными людьми.

3-е. Смотреть командам, чтоб на крестьян более того, что должны зарабатывать за подушной оклад, отнюдь налагаемо не было.

4-е. Хотя некоторое сумнение в том он имеет, чтобы когда работникам заработанные деньги отдаваны будут в руки, не произошло в платеже подушных денег недоимок, однакож и к отвращению того полагает он довольным принуждение к платежу от управителей и приказчиков.

5-е. Крестьянам, кои жилища свои в далеком расстоянии имеют, давать с заводов в натуре муку, а лошадям фураж обыкновенною рациею, муку за ту самую плату, по какой цене покупается, а за рацию фуража в сутки не свыше двух копеек, и те деньги высчитать с крестьян при разделе, а кои захотят сами покупать у других, тем не воспрещать.

6-е. Время летнее для хлебопашества крестьянам оставить мая с 1-го до 10-го сентября, в которое ни к чему не высылать, исключая плотинной работы, ибо заводы никакой остановки иметь не будут потому, что вся заводская работа производится весною, осенью и зимою.

7-е. Приготовление крестьянами лесных припасов—рассуждает он отменить—для того, что от несвычки лошадей и за неимением твердой упряжки сия работа для крестьян крайне разорительна, тем паче, что под большие деревья запрягают по 30 лошадей, кои 15 свезти могут, чего ради употреблять бы заводосодержателям лошадей собственных, которых они на каждом заводе и без того по немалому числу содержат.

8-е. От каждых заводов тем крестьянам, кои далее 200 верст живут, давать росписании, чего сколько вырабатывать потребно, пред наступлением каждого года, но и то определить известную работу и иметь главную, без которой миновать не можно, как-то: рубку куренных дров весною, складку и сжение куч в уголь осенью, а возку оного и руды зимою. Прочую же всю работу исправлять вольными. Живущих же ближе 200 верст употреблять и в прочие по Берг-Коллежскому учреждению работы, исключая добычи и поставки лесных припасов, також плотничную работу, кроме строения судов, кое все исправлять вольными.

9-е. Для тех работ высылать в три партии, для чего крестьян, находящихся в жительствах от 15 до 60 лет, разделять на три части, включа в то число и больных, кои по выздоровлении работать могут, и каждую часть счислять за партию. Являться им на заводе 1-й для рубки дров марта 15, 2-й к клаже, осыпке, сжению и разломке куч сентября 12-го, а 3-й к добыче и возке руд в первых числах ноября месяца.

10-е. Тех работных приводить выборным, или сотским с писчиками в заводскую контору. А оной того ж числа и давать работу.

11-е. По исправлении положенных работ увольнять в домы, а находившихся при рубке дров, кои до хлебопашества всех вырубить не успеют, а пожелают дорубать в сентябре месяце, тех отпускать с 20 апреля; однакож о таковых, кои же после 15 марта в работу вступили и уже большую половину дров вырубили, и в жилища их писать, чтобы они при 2-й партии опять присланы были, ближние к 6-му, а дальние к 15 числу сентября.

12-е. Ленивых и нерадивых наказывать, смотря по вине, а тех, кои уходить будут, бив плетьми, высылать под караулом к работам.

13-е. Все оное положить на старост выборных и писчиков и с них с наказанием за неисполнение взыскивать.

14-е. В жилищах, по уравнению партий, перед партиею делать распоряжение таковым образом, чтобы которая партия была в первом году у рубки дров, ту в другой год наряжать к кладке, осыпке, жжению и разломке куч, а в третий год к добыче и возке руд, чрез что все крестьяне в тех работах уравнение иметь будут.

15-е. Конторам заводским больше наряженных работ не налагать и крестьян на заводы не переселять, вместо прежде переселенных за старостию других не требовать, и теми, переселенными все заводские работы по нарядам исправлять без изъятия, сходственно с Берг-Коллежским учреждением.

16-е. В повреждении ж плотин, когда потребуются работники, оных брать и употреблять.

17-е. Как плату тогда работники весьма малую получали и по плакату такому, который уже давно издан и в такое время, когда и деньги еще в народе дороже и с крестьян поборы не так велики были, почему и крестяне заработывали оные не в большее время, а сверх того и пропитание в цене против прежнего возвысились вдвое, то чтоб крестьянам лучшую придать охоту к заводской работе и отнять роптание в том, что они чрез заводские работы разоряются, особливо великими уроками, и заводосодержателей принудить к сысканию вольных работников, или к переселению собственных крестьян, почитал он за необходимо нужное из находящихся при партикулярных заводах, собственных крестьян имеющих, государственных отписать и определить из них, рассмотря нужную способность, некоторых в прибавок к государственным заводам, а состоящих в отделении отрешить, и принудить заводчиков, чтоб они, переводя для производства заводской работы, селили собственных своих крестьян.

18-е. Не имеющим же собственных крестьян дозволить покупать столько, сколько по числу домен, печек и молотов потребно, с тем только всем им прибавлением, чтоб по покупке чрез год неминуемо все перевезены и поселены были при тех заводах, а к прочим всем прибавить против положенной ко урокам платы, сравнивая, сколько можно с вольными работниками, кои меньше 7 коп. в день не получают.

19-е. Как работники обращаются в работе по Адмиралтейскому Регламенту,—не располагая кратких и больших зимою и летом дней,—по 12 часов и следовательно и во весь год равная плата им производится. В рассуждении же того, что летом, яко во время хлебопашества, обыкновенно дороже работникам везде платится, то и он полагал производить приписным крестьянам, не далее 400 верст от заводов живущим, апреля с 1-го октября по 1-е число пешему по 7-ми, конному по 12 коп. в сутки, а октября с 1-го, когда крестьянин со всем домашним управится, пешему по 9, а конному по 8 копеек. Живущим же далее 400 верст, в рассуждении их отдаления, производить при партикулярных заводах против плакатного платежа вдвое, а к казенным, далее 400 верст, не приписывать.

20-е. За урочные же работы, яко за многотруднейшие, платить за рубку дров на угольное сжение за кубическую сажень по Берг-Коллежскому учреждению по 28 коп., ибо оную сажень вырубить и скласть средний работник может в $4^1/_2$ дня.

За кладку тех дров в кучи, дернение, осыпку, сжение и разломку 20-тисаженной кучи по 6 рублей для того, что два работника с лошадьми сложат в 7, дернят и осыпают в 9, могут в 10, разламывают в 8, да в кучах бывают по 6 и по 7 дней, умалчивая о разных при том бывающих им опасностях.

За возку угля давать хотя и прежнюю плату, но только уменьшить коробы и сделать их против тогдашних одною третью меньше так, чтобы оные и с кладью не более весу 20 пуд в себе имели, и возить не иначе как зимою. За всякие же случающиеся повозки, кои от завода не далее 15 верст, давать плату по учреждению Берг-Коллежскому, а далее 15 верст, платить по плакату, равно же и за возку с заводов на пристани железа, меди, песков и прочих припасов по зимнему пути хотя б и далее 50 верст было с тою же плакатною платою, а сверх сего заводчикам стараться все то исправлять наемными работниками.

В поставке дегтя и смолы крестьян не принуждать, а покупать подрядом для того, что некоторые крестьяне к сидению оных и лесов не имеют.

За возку в плотину земли с кубической сажени плату производить за ближнюю к плотине в расстоянии 50 сажень по 30 копеек, от 50 до 150 сажень по 45 копеек, от 150 до 300 по 60 к., от 300 до одной версты по 80 к., а ежели случится далее версты—платить по расчислению; сажень кубическую измеривать на земли, а по выработке принимать ямы, а не телегами считать; в коих же на поверхности будет земля в плотинное употребление неспособная, оную в сажени не полагать, а платить за работу поденно.

В рассуждении отдаленных заводов, кои далее 200 верст от жилищ крестьянских, давать и за прохожие до завода дни, считая на три дня по сту верст, также и на обратный проход по 7 коп. на день единажды каждому в год.

21-е. Крестьянам от заводов давать без платы, доколи они на работах будут для рубки дров, на каждого работника по два топора, к дернению и осыпке куч—лопатки и кайла, к возке угля—коробы и другие инструменты, и кои будут от работы портиться, те переменять, а за утраченные небрежением взыскивать.

22-е. Обращающимся в железных при домнах медиплавиленных, при печках и при других там работах, работникам надлежит давать равно противу прочих по 7 к. на день.

23-е. В расположениях между всеми приписными крестьяны по подушному окладу работ и выборе им между собою окладчиков совестных, высылке в работу, во учинении с крестья-

нином каждым счетов погодно, в даче квитанции и в прочих потребностях, чего им не описано, отдал он на распоряжение Берг-Коллегии.

Сверх того описал каждого особ и вообще завода состояние, не весьма рачительное во умножении знания горного исскуства попечение, и из них некоторых стесненное с другими положение, от одного к другому помешательства и недостатки в материалах и рудах причиняющее и получаемою от них заводчиками прибыль, присовокупля к тому и то, что вольных работников на заводах и в рудокопных ямах весьма мало, чтя по его примечанию и от того происходит, что прилежащие в соседстве к ним крестьяне, не токмо весьма малолюдны, но и населены разными народами, кои пользуяся вольностию и разными промыслами, а другие имея хорошие земли, хотя в некоторые места, от Свияжска и Вятки для работ и приходят, но и те в заводские работы не охотно и в малом числе нанимаются для того, что по близости другие работы на соляных варницах и других заводах сыскивают, а сверх того, как с такими вольнонаемными людьми поступается на тех заводах еще и сурово, при вступлении в работу опоручиваются друг по друге, и кои уйдут, то другие за них для зарабатывании за ушедших удерживаются, то по сим обстоятельствам и нет у них охоты итти в работы на те заводы.

По сим его донесениям в 1763 году апреля 9 дня имянным Берг-Коллегии указом предписано впредь от того времени приписным к заводам крестьянам подушной оклад платить самим, с приложением при том указе с учиненных им, господином действительным тайным советником, генерал-прокурором и кавалером князем Александром Алексеевичем Вяземским, с учреждения, какое сделано по исполнению при Гороблагодатских заводах, копии с тем, чтоб на всех заводах против того для учинения також учреждения заводчикам дать с оных копии ж, дабы оное им до тех пор, пока особливой о том указ будет и берг-Коллежской регламент новым постановлением снабдится, служило генеральным наставлением, с которого при сем так, как и с приложенного при том же указе из'яснения, каким образом на вышеупомянутых заводах в нарядах в работы крестьян для того поступалось под буквами С. Т. приобщаются копии же [1]).

В 768 году ноября 28, декабря 3-го и 10-го и 769 годов января 8 и 21 чисел господин действительный тайный советник, генерал-прокурор и кавалер князь Александр Алексеевич Вяземской словесно предлагал Сенату, что как по Высочайшей Ее Императорского Величества конфирмации по обнародованному 13 ноября того же 1768 года указу [2]), всем состоящим в казенном ведомстве крестьянам, сверх семигривенного подушного с них сбора, в казну платить оброку с положенной—по последней ревизии—мужеска пола души велено по 2 р. в год, в котором числе разумеются и приписные к казенным и партикулярным заводам крестьяне, кои по прежним указам из прежеположенных на них податей деньги заработывали на заводах, сей же прибавочной в дву-рублевой оклад сбор до заработывания приписными крестьянами не принадлежат, то дабы иногда, по необ'яснению о сем в публикованном указе, от заводчиков и от приписных к заводам крестьян не произвело разных понятий, и для того, не благоволит ли Сенат Берг-Коллегии на основании сего сделать объяснение, по которому б оная могла от себя в подчиненные ей места дать знать.

По сему поднесенным Ее Величеству докладом от Сената представлено между прочим, как по случаю возвышения во всем государстве на продукты и на всякие вещи противу прежних времен цен, по мере которых все помещичьи крестьяне стали платить свои подати прежних гораздо превосходнее, так и по подносимому от Сената докладу ноября 13 дня 1768 года [3]) обнародованым указом на государственных крестьян поборы прибавлены ж, а напротив того все крестьяне от 1724 года в платеже им на прежнем плакате остаются, который соответствовал времени прежних цен и налагаемых на них тогдашних поборов, но как положение стало быть тому со всем уже не согласно, то в рассуждении того, не угодно-ли будет повелеть, чтоб не токмо приписным к горным заводам, но и всем крестьянам, коим за работы производится плата не по мастерству, но по плакатному исчислению, заработные деньги платить впредь до будущего учреждения на каждые сутки в летнее время пешему работнику по 6-ти, конному по 11, в зимнее пешему по 5, конному по 8 копеек. Заводским же крестьянам за проход от жилищ к заводам и с заводов к своим жилищам по 3 к. на день, считая проходу на каждый день по 25 верст, и плату зимнего и летнего времени щитать по сделанному о том в плакате положению. Сей доклад Высочайше конфирмован 1769 г. апреля 3 дня с тем, чтобы плату производить каждому работнику в летнее время пешему по 6, а конному по 12 коп. в зимнее пешему по 5, а конному по 8 коп. Впрочем же быть по тому докладу, то Сенат, по обнародовании сего Высочайшего установления, того же года мая от 6 числа предписал сверх того Берг-Коллегии, чтобы она во все подчиненные ей места, равно и заводским крестьянам, дала от

[1]) Упомянутых коний у меня не имеется. А. Ш.
[2]) 1-е П. С. З., т. XVIII, № 13194.
[3]) 1-е П. С. З., т. XVIII, № 13194.

себя знать, дабы прибавочной, сверх семигривенного подушного оклада, в число новоположенного в двурублевой оброчной сбор приписные к заводам крестьяне платили сами в губернские, провинциальные и воеводские канцелярии в указные сроки, когда велено платить подушные семигривенные деньги, а буде кто из приписных крестьян пожелает и за прибавочной в двурублевой оклад по установленным вышеписанным ценам заработывать на заводах, то им сие оставить на волю, однакож с тем, чтоб оные деньги в надлежащие места вступали в теж сроки бездоимочно, по основанию изданных о платеже от них подушных денег последних указов.

Казалось, что вышеупомянутое распоряжение в обработывании приписным крестьянам заводских работах прибавка плаката приведет их в спокойное состояние, но однакож приписные к Олонецким Петровским заводам и после того, и именно в 1770 году, как то Берг-Коллегия от 10 числа марта того года донесла Сенату, пришли в непослушание.

Причиною сего возмущения было неправильное истолкование вышепрописанного 769 года мая 6 числа о прибавке плаката, и вследствие оного изданного того же мая от 27 числа указа [1]), которым хотя и положено зарабатывать приписным крестьянам заводскими работами прежние семигривенный подушный и прибавочные четырех и шести гривенные оклады, а вновь накладной один рубль, буде не похотят и оной заработывать, платить в казну натурою, однако же им сперва протолковано от регистратора Петровской заводской канцелярии Назимова, якобы тем указом предписано было заработывать на заводах только семь гривен, а 2 руб. вносить в казну деньгами, и потом Кижской трети крестьянин Калистратов, ходя по погостам и волостям с копиею того указа, толковал не только о двух рублях, якобы зарабатывать их не следует, но уже и о семигривнах из'яснял, чтоб и за них не работать, а тем уверя народ, собирая в корысть себе денежные поборы, с намерением, как то после по последствию открылось, и впредь тем же пользоваться, и в сем намерении, отводя крестьян от заводских работ, ходил он стряпчим и в Санкт-Петербург, откуда писал в волости, якобы и Берг-Коллегия тоже самое, что и он толковал, рассуждала, и всем тем возмущая народ, привел в противность и непослушание.

Сенат того ж марта 10 и апреля 13 чисел определил сперва: отправить туда для исследования полковника Винтера, которому в помощь велено придать из Адмиралтейской штаб-офицера, а из Берг-Коллегии одного члена, которым и надлежащая в том инструкция дана, но как от сих в порученном им деле невидно было никакого успеха, то по именному указу того же года в декабре месяце для скорейшего исследования и приведения крестьян к послушанию отправлен туда генерал-маиор Лыкошин, и хотя сперва, из особого матернего и высокомонаршего милосердия, данным 1771 года января 31 дня именным генерал-маиору Лыкошину указом, между прочим повелено было ему стараться усмирить крестьян умеренностию и увещаниями, да и потом от 3 апреля того же года именным указом повелено для скорейшего тех крестьян усмирения отправить туда лейб-гвардии Семеновского полка капитан-порутчика Ржевского с особливым манифестом, из'являющим ее милосердие, для публикования в потребных местах, но как все то не успевало, крестьяне упорствовали и посылаемые от генерал-маиора Лыкошина заводские малые команды для поимки возмутителей не только в селения свои не допускали, но некоторые из них и разбили, то и велено усмирить их отправленною для того от Военной Коллегии воинскою при полковнике во сто человеках, а потом еще двумя ротами гренадер с двумя пушками умноженною командою, что и исполнено; оказавшиеся же сего возмущения главные начинщики наказаны по законам, иные на теле и ссылкою в Сибирь, а другие денежным взысканием, тою самою суммою, какая на всю сию следственную комиссию издержана.

Напоследок в 1775 г. в марте месяце казанскому губернатору князю Мещерскому сперва от волостного выборного старосты Краснова, а потом и от дворянина Евдокима Демидова донешениями представлено, что приписные к Овзянопетровским его, Демидова, железным заводам (приписные) из Казанского уезда крестьяне, воспротивяся нарядчикам, в заводы работников не дали, и просил о усмирении их, что он, губернатор, потому тогда же в те жительства отправил штатной роты капитана с одним унтер-офицером и шестью рядовыми, с тем, чтоб он, собрав в село Котловку выборных старост и лучших мирских людей, отдал особо посланной от него-губернатора, приказ, чтоб они тотчас исполнили все то, что по учреждению 763 года о заводах требуется, да и впредь бы исправляли без малейшего ослушания под опасением за ослушание тягчайшего наказания.

По сему от 24 апреля отправленной капитан рапортовал губернатору, что хотя крестьяне выборы на сотников и выборных на раскладчиков волостному выборному Краснову отдали и в наряд работников и в приготовлении к отправлению в заводы вступили, но потом в одной партии, называемой Низовой сотни, собранные работники возмутившись разошлись по домам, а главным

[1]) 1-ое. П. С. З., т. XVIII, № 13303.

заводчикам сего непослушания показывал он приписного к заводам села Котловки выборного Крекова.

А между тем и от приписных крестьян дошла до него, губернатора, на заводчика Демидова жалоба в том, якобы после покупки от графа Шувалова Овзянопетровского Демидовым завода под тем же именем умножено и сделано еще три завода, и они крестьяне, вместо одного, обрабатывают четыре завода, и что, по силе законов, на путь высланным в завод 560 человекам платы ничего не дано, и отправлены все на собственном крестьянском коште, а от 24 июня вышеупомянутой же капитан рапортировал к нему, что Низовой сотни работники, возмутясь, делают великие своевольства и озорничества и сборы денежные, а потому он, губернатор, для усмирения оных истребовав от Второго Гренадерского полка обер- и унтер-офицера да 20 гренадер, отправил к означенному капитану, чтоб как наискорее зачинщики к возмущению к нему доставлены были, однакож, когда и сия команда не привела их в устрашение и они, собравшись из осми жительств, все до последнего встретя того капитана единогласным криком, изъявляющим их сопротивление, ответствовали ему, что зачинщиков у них нет и что они все равны, никого взять не дадут, и ни на какое увещание не соглашаяся, выговарили с крином многие дерзновенные слова, бравши при том в противном смысле содержание всемилостивейшего 17 марта 775 г. манифеста [1]), якобы тем манифестом освобождаются они от заводских работ. И, наконец, собравшись из всех жительств во многолюдстве в село Болдырь, ожидали прибытия туда команды, то губернатор принужден был, истребовав от генерал-порутчика и кавалера Суворова в двух ротах гренадер с полковою пушкою при майоре воинскую команду, отправить для их усмирения, что увидя тотчас крестьяне пришли в повиновение и повеленное исполнили, работников на заводы отправили и зачинщики с раскаянием явились.

Казанский губернатор от 23 сентября того же 775 года о всем том донес Сенату с тем изъяснением, что по делу первейшими зачинщиками оказались крестьяне Алексей Креков и товарищи, всего 9 человек, и со мнением, чтобы в пересечении к покушениям к таковым же дерзостям и от других приписных к заводам крестьян учинить им на месте, в жительствах их, при прочих наказание на теле и сослать в Сибирь в самые дальные места на поселение с семейством их, а села Болдыря дьякона Тимофеева, который видя их непослушание, вместо увещания речьми своими более еще поощрил их к преступлению, лиша его настоящего сана или и с оным перевесть к другой в отдаленное место церкве, или же и в Сибирь на поселение.

Посему Сенат октября 5 того ж года определил, что бы он показанным зачинщикам, согласно его мнению, в их жилищах учиня на теле наказание по его рассмотрению с их семействами сослал в Сибирь на поселение в отдаленные места, а дьякона Тимофеева предал на суд Святейшему Синоду, которым и определено, не сымая с него сана, перевесть в отдаленное к другой церкве место.

VIII.

О бытии заводским крестьянам судом и расправою ведомым в горных правительствах.

А как надобность состояла и в том, чтобы заводских крестьян, подвергнув в рассуждении судебных дел Губернским провинциальным и Городовым канцеляриям, не отвлечь их от заводских работ, то в отвращение того, кроме криминальных дел, во всех прочих судебных делах велено ведать их горным начальствам, как то:

1-е. Сенатским указом 725 года июня 18 дня 9-м пунктом данным генерал-майору Геннину предписано: ежели от мастеров и работников и приписных слобод от крестьян или от других происходить к нему будут на подчиненных к тем заводам коммисаров и прочих управителей в обидах, во взятках и в прочих раззорениях жалобы, то ему обще с ассессором таких судить и по обстоятельству вин наказывать, разве кто смертной казни или вечной ссылке на галеру подлежать будет, таковых с делами об них отсылать в Сибирский надворный суд.

2-е. 1731 г. июня 14 дня, между прочим, приписных к заводам крестьян и мастеровых людей, также горных и заводских и прочих партикулярных заводчиков во всяких исцовых, также в татиных и разбойных и убивственных делах, судить и по делам их надлежащее по Уложению и по указам решение чинить в Оберберг-амте определенному члену и о решении таких дел и о сборе пошлинных денег надлежащие рапорты и по указам посылать и на не правое того Оберберг-амта решение апелляцию иметь губернатору, так как такими делами воеводы губернаторам подчинены.

---

[1]) 1-ое П. С. З., т. XX, № 14275.

Данными инструкциями повелено: 1734 года марта 23 дня [1]) тайному советнику Татищеву, как губернаторам, воеводам и прочим всякого звания военным и земским управителям в дела горные, то есть строения работы и прочее вступаться и горных служителей, кроме великих и розыскных дел, касаться запрещено, так и ему, тайному советнику, вовсе до губернии принадлежащие дела, то есть таможенные и кабацкие сборы, укрепление границ, пропуски застав и тому подобное и притом до определенных от губерний служителей дела нет; ежели же где за служителями губернскими усмотрит какие непорядки или казне ущерб, то ему писать к их начальникам, а между тем их добрым порядком отвращать; а буде оные губернаторы то презрят, то тогда ему с обстоятельствы писать, как и им о том указом подтверждено.

1764 года марта 13 дня [2]) бывшему на Гороблагодатских и Камских железных заводах главному командиру полковнику Ирману 24-м пунктом предписано: весьма того наблюдать надобно, чтоб от определенных на заводах офицеров и управителей крестьянам непристойное мучение, или удержек в заработанной плате и расчета не происходило, и во все сотни об'явить: ежели такие обиды им учинятся, тоб они, крестьяне, в Гороблагодатском горном начальстве просили от миру, прислав нарочно челобитчиков, а сами б ни малейшего ослушания в заводских работах ниже своевольства не делали и ждали от него, Ирмана, решения, под саможесточайшим штрафом, и которые присланы будут от народа для челобитья, тех ни под каким видом никому за то не притеснять.

Апреля 7 дня [3]) определенному на Нерченские серебро-плавильные заводы главному командиру, тогда бывшему генерал-майору Суворову, между прочим 1-м пунктом: приписных к тем заводам крестьянам и присылаемым на оные людям быть единственно в ведомстве заводском, а губерниям их не ведать.

---

[1]) П. С. З., т. IX, № 6559.
[2]) П. С. З., т. XVI, № 12085.
[3]) П. С. З., т. XVI, № 12075, марта 5 дня 1764 г. инструкция генерал-майору Суворову, с высочайшими резолюциями. — «Об управлении Нерчинскими серебренными заводами», п. 1.

Против забастовок на заводах морского ведомства.

Журналы (секретные) заседаний Совета по управлению заводами морского ведомства:

Заседание 3-го ноября 1911 года.

1) Обсудив возбужденный Начальником Обуховского сталелитейного завода вопрос о необходимости обеспечить действие заводов Морского Ведомства как в военное время, так и при других обстоятельствах, путем разработки мероприятий, имеющих целью с одной стороны изменить условия найма рабочих и мастеровых и установить ответственность за проступки по военно-морским законам, а с другой стороны—улучшить материальные условия рабочих и тем самым способствовать продуктивности их работ,—Совет полагал, что разработка мероприятий для достижения указанной цели представляется совершенно необходимой тем более, что осуществление этого предположения будет отвечать высказанным в Государственной Думе мнениям о необходимости обеспечить казенные заводы от нежелательных случайностей, могущих затруднить их деятельность. Вместе с тем Совет полагал соответственным образовать для этого Комиссию под председательством генерал-лейтенанта Гросс, в составе начальников заводов и, для выяснения юридической стороны дела, представителя от Канцелярии Морского Министерства.

2) Копия секретного доклада начальника Обуховского сталелитейного завода, от 25 октября 1911 года, № 6984.

Товарищу Морского Министра.

«В случае возникновения общих беспорядков в рабочей промышленной жизни, остановка действия Обуховского завода может чрезвычайно тяжело отразиться на обороне государства, особенно же в военное время. Озабочиваясь непрерывным действием Обуховского завода, полагал бы совершенно необходимым и своевременным принять теперь же соответствующие меры, которые, конечно, должны быть проведены в законодательном порядке, и с своей стороны думаю, что эти меры могут заключаться в следующем. Со всеми постоянными номерными мастеровыми должны быть заключены условия найма на новых основаниях, а именно—поступление мастерового на казенный завод, имеющий государственное значение в смысле изготовления средств обороны, должно быть обусловлено призывом его на военную службу, со всей законом сопряженной с несением военной службы ответственностью, как во время военных действий государства, так равно и при всяких других обстоятельствах, когда Морское Министерство в государственных интересах найдет призыв мастеровых на военную службу необходимым; в то же время казалось бы справедливым оговорить в условиях найма, что в случае призыва на военную службу мастеровых будет производиться увеличенная рабочая плата в определенном %-м отношении. Мера призыва на военную службу, но только в отношении мастеровых из числа отбывавших военную службу и находившихся в запасе нижних чинов, уже применялась, и несмотря на забастовки на заводе и прилегающем его округе, призванные на военную службу запасные нижние чины работали в продолжение всей забастовки, а по сему полагаю, что предлагаемое мною мероприятие обеспечит непрерывную работу завода. Что касается проведения этой меры в жизнь, то, думаю, что именно в настоящее время, в виду более или менее спокойного состояния масс, проведение ее более удобно, и, по всей вероятности, не встретит никаких осложнений, в будущем же, в случае менее спокойного состояния масс, необходимость проведения может встретить осложнение и даже остановку работ.

«Мероприятие, это, полагаю, будет встречено сочувственно и со стороны Высших Государственных Учреждений. Насколько мне известно, Государственной Думой высказывалось пожелание обеспечения действия казенных заводов, имеющих отношение к государственной обороне, как в военное время так и при разных других обстоятельствах.

«Мне известно, что в Западной Европе, а именно во Франции, существуют подобные условие найма для мастеровых, работающих на военных заводах и арсеналах, причем компенсирующим пренмуществом служит государственная пенсия мастеровым, выдаваемая всем без исключения мастеровым по прошествии определенного числа лет работ. Несомненно, что пенсия, как компенсация, имеет зна-

чительные преимущества против меры увеличения оплаты труда лишь во время призыва на военную службу, так как при наличии второй меры призванные на работу мастеровые, конечно, будут посещать мастерские, но мера эта вряд ли будет способствовать продуктивности их работ, в первом же случае расчет за недостаточно продуктивную работу ведет за собой потерю значительных преимуществ, заключающихся в правах на пенсию, но, конечно, эта мера, чрезвычайно интенсивная по результатам работ и принятая во Франции, будет стоить государству значительно дороже.

Все вышеизложенное представляю на благоусмотрение Вашего Превосходительства".

(Подписал) Генерал-майор А. Меллер.

Заседание 10-го июля 1913 года.

1) Обменявшись мнениями по затронутому в конфиденциальном письме Министра Внутренних Дел, от 30 июля с. г. за № 17480 вопросу, Совет признал предлагаемое гофмейстером Маклаковым, как меру борьбы с забастовками, сообщение заводоуправлениями полиции списков удаленных со службы рабочих, к которым затем, уже распоряжением полиции, будут применяться положения об усиленной охране, вполне целесообразной, но при непременном условии, чтобы эти списки сообщались не низшим органам полиции (приставам и пр.), как мало, по заявлению г.г. Начальников заводов, подготовленных к столь серьезной работе, а губернаторам и градоначальникам по принадлежности.

Кроме того Совет высказал пожелание, чтобы, в целях ограждения заводов Морского Ведомства от забастовок, был выработан законопроект, предоставляющий право надлежащей власти об'являть означенные заводы на военном положении и усиливающий уголовную ответственность лиц, принимающих то или иное участие в забастовках.

2) Копия конфиденциального письма Министра внутренних дел Н. А. Маклакова к морскому министру И. К. Григоровичу от 30 июня 1913 г. за № 17489.

Милостивый Государь
Иван Константинович!

В последние месяцы, как известно Вашему Высокопревосходительству, забастовочное движение среди рабочих в С.-Петербурге, заметно разрастаясь все более и более, охватывает предприятия по обработке металлов и в особенности те из них, которые заняты выполнением заказов военного и морского ведомств. Мирное пока течение забастовок и экономический характер пред'являемых рабочими требований не дают поводов для непосредственного вмешательства правительственной власти. Но систематическое распространение их среди тех именно предприятий, бездействие которых, при современных политических условиях, угрожает самым важным государственным интересам, требовало бы самого серьезного внимания, тем более, что ничтожность поводов, которые не редко выставляют причинами забастовок, заставляют предполагать другие скрытые побуждения и возможность влияния извне.

Признавая в виду сего настоятельно важным принять ныне же в самом начале развития забастовочного движения меры для прекращения, я согласно выводам состоявшегося у меня 28 мин. июня Совещания нахожу, что первым условием успешности их является планомерность и солидарность в действиях всех учреждений и лиц, заинтересованных в восстановлении нормального порядка. Для сего я считал бы необходимым обязать правления фабрик и заводов, чтобы они осведомляли полицию о всех случаях начинающегося движения среди рабочих и обо всех данных, служащих к выяснению действительных причин забастовок и их инициаторов, равно как и о тех мерах, которые намечены правлениями для борьбы с забастовкою.

Затем в виду имеющихся сведений о крайнем разнообразии условий труда в однородных предприятиях, что может служить причиною забастовок, я считал бы необходимою мерою предупреждения, чтобы владельцы предприятий, не ожидая пред'явления каких-либо требований на этой почве со стороны рабочих, сами по своей инициативе озаботились бы возможным урегулированием, по соответствии с другими однородными предприятиями, условий расценки, заработной платы, сверхурочных работ, продолжительности рабочего дня и пр.

Наиболее опасные проявления забастовок предусмотрены специальным законом, изложенным в ст.ст. 1359[3]—1359[8] Улож. о наказ. Как известно Вашему Высокопревосходительству, Правительствующий Сенат в раз'яснении своем от 3 ноября 1910 года признал, что основанием к изданию сего закона послужила опасность для жизненных интересов страны забастовок в предприятиях, имеющих общественное или государственное звачение, и что действие его подлежит распространению на все технические артиллерийские заведения и на все заведения морского ведомства. Считая означенный закон весьма действительным средством для борьбы с забастовками, я находил бы обязательным непременное возбуждение судебного преследования против забастовщиков во всех подлежащих случаях, ибо угроза действительной уголовной репрессии несомненно имела бы отрезвляющее влияние на рабочих и остановила бы многих из них, которые примыкают к забастовке лишь по чувству солидарности с товарищами. О привлечении к уголовной ответственности рабочих следовало бы вывесить об'явления во всех предприятиях, подлежащих действию означенного закона.

Что же касается мер административного воздействия, то применение их без особо важных побудительных причин к рабочим, состоящим еще на фабриках и заводах, я нахожу не только незаконным, но даже вредным, ибо это почти всегда служит поводом к запросам в Государственной Думе, которые, вызывая всеобщее внимание и даже сочувствие в некоторых кругах общества, укрепляют самосознание рабочих, служат моральною поддержкою забастовщиков и нередко вызывают даже прилив материальных

пожертвований в их пользу. Между тем удаление мерами фабрично-заводской администрации рабочих, оказывающих вредное влияние на товарищей, не представляло бы для нее никаких существенных затруднений, кроме лишь небольших материальных жертв в виде выдачи условной при расчете рабочей платы за несколько дней вперед. С увольнением же от службы рабочего полиции открывается полная возможность для применения к нему в случае необходимости Положения об усиленной охране, как к безработному, представляющему известную опасность для общественного порядка и спокойствия.

Сообщая об изложенном на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства, имею честь покорнейше просить, если Вы изволите признать целесообразными проектируемые мною меры, не отказать в благосклонном содействии к применению их на заводах морского ведомства, а также во всех предприятиях, изготовляющих заказы вверенного Вашему Высокопревосходительству Министерства.

Соответствующие указания по сему предмету мною сделаны уже С.-Петербургскому Градоначальнику.

Пользуюсь случаем засвидетельствовать Вам, Милостивый Государь, уверения в глубоком моем почтении и искренней преданности.

(Подписал) Маклаков.

Сообщил А. Л. Блэк.

Из практики предварительного обследования заводских архивов [1].

I. Архив Обуховского сталелитейного завода.

Из истории завода (1862—1908 г.г.).—Завод, расположенный по Шлиссельбургскому тракту в с. Александровском, основан в 1862 г. горным инженером Обуховым и первоначально принадлежал частной компании. В связи с выдачею морским министерством ссуды в 3 милл. рублей, в 1865 г. был от министерства назначен управляющим заводом А. А. Колокольцов, при котором завод развился как в металлургическом, так и в механическом отношении. С 1886 г. завод перешел в собственность морского министерства, скупившего паи завода.

Главная задача завода с самого начала состояла в усовершенствовании собственной выделки стали, и в этом отношении был достигнут большой успех. В 1863 г. сталь выделывалась с пределом упругости не выше 1700 атмосфер, а в половине 80-х годов таковая получалась до 4500 атмосфер упругостью, хотя считается достаточным 3300 атмосфер; наибольшая же прочность орудийной стали, вообще достигнутая в то время, не превышала 5000 атмосфер. До указанного усовершенствования в выработке стали поднялся в те годы один лишь Обуховский завод, и только в 90-х годах другие заводы России пошли с ним в ряд. С этого времени правительство перестало заказывать пушки за границей, при чем изготовление орудий, лафетов, броневых плит и других производств для морского ведомства сосредоточилось исключительно на Обуховском заводе. Постепенно возникли: громаднейшая пушечно-отделочная в 3 света, ремонтная, мастерская полевых орудий с минным отделом, станочная и снарядная, пудлинго-прокатная, чугуно-литейная, сталелитейная, молотовая, бессемеровская, отжигательная, бронепрокатная, модельная, пушечная, газовый завод, электрическая станция, здания конторы, чертежных и магазина, здание со всеми усовершенствованиями для больницы и школы, пожарное депо, квартиры для служащих, 24 домика для рабочих, церковь, бани и пр. Средства производства, как-то: печи, паровые молоты, гидравлические прессы и станки, соответствуют последнему слову техники. Одно из капитальнейших сооружений—50-титонный паровой молот для ковки больших орудийных болванок, ударяющая баба которого весит 3000 пуд.; для устройства фундамента под наковальню пришлось углубиться в землю на $11^1/_2$ саж., чтобы дойти до твердой скалы, на которой был залит бетон, заполнивший собою конус из котельного железа. В 1893 г. поставлен гидравлический пресс, производящий давление в 3000 тонн, а в 1897 г. пресс в 7000 тонн для прокатки броневых плит; ранее поставлен гидравлический пресс для прессования жидкой стали, производящий давление в 10.000 пуд. (120 пуд. на кв. дюйм.). Всех паровых машин в 1908 г. было на заводе—27, при 55 паровых котлах и 4 локомобилях; разных станков до 400. В настоящее же время число двигателей возросло до 524 (главным образом электродвигатели при 2 паровых машинах), котлов до 70, а станков—свыше 1200.

Кроме выделки пушек, составляющей главную цель устройства завода, вводились, по мере надобности, и другие производства: изготовление лафетов, башенных установок, снарядов, мин Уайтхеда, броневых плит, валов для паровых машин судов и разных других предметов кораблестроения и снабжения. Некоторое время завод занимался производством ружейных стволов и стальных шин для железных дорог.

С 1 февраля 1862 г. по 1 мая 1895 г. заводом было изготовлено 6795 пушек, 502 лафета, 200 валов для судовых машин и значительное количество других предметов.

Орудия, выпускаемые с завода, отправлялись чаще всего водою по р. Неве на баржах—на морской полигон за Охтой и в Кронштадт, но могут быть отправляемы и по устроенной заводом железнодорожной ветви к Николаевскому вокзалу.

При переходе в 1886 г. в собственность морского министерства завод остался существовать на коммерческих основаниях, т.-е. не получая никаких сумм от казны, а работая исключительно на собственные средства.

Для улучшеня быта как служащих завода, так и рабочих (число которых в 1896 г. доходило до 3000 чел., а в 1917 г. возросло до 10.600 чел.), были приняты следующие меры. Увеличив жалованье

---

[1]) Ученая Комиссия по исследованию истории труда в России поручила своему сотруднику, А. Л. Блеку, предварительно ознакомиться с состоянием архивов некоторых крупных заводов, дабы выяснить, какой метод научного обследования их является наиболее целесообразным. *Ред.*

и переведя почти все работы на штучную плату, заводоуправление к 1896 году уменьшило число рабочих часов до 10 (с прежних $11^1/_2$ часов), а в праздничные дни ограничило работу на один шабаш, с $6^1/_2$ ч. утра до 2 часов дня. При заводе устроено было училище с 3-хгодичным курсом, на 100 чел., и вечерние курсы для рабочих; устраивались народные чтения с фонарем. Имеется лазарет с приемным покоем, инвалидный дом, экономическое общество, потребительная лавка и пр.

Как по размерам, так и по богатству механизмов и сооружений завод занимает одно из первых мест среди технических учреждений России. Изделия его обходились дешевле изделий однородных заграничных заводов.

Расширение и улучшение деятельности завода продолжалось в течение всего времени его существования. На многих выставках (напр.: Парижская 1867 г., Всероссийская в Петербурге 1870 г., Венская 1873 г., и др.) заводу были присуждены высшие награды.

О состоянии архива. Архив сохранился в достаточном порядке. Ему отведен особый каменный склад, безопасный в пожарном отношении, но холодный.

Архив был всегда централизован при Главной конторе завода. Дела были заведены по однородной номенклатуре, несколько раз изменявшейся и по мере надобности развивавшейся, и велись по годам. Дела хранятся в завязанных папках, с общей нумерацией папок, за время с 1863 г. по 1918 г. включительно, от № 1 до № 778. С 1919 г. дела имеют текущий характер и находятся в делопроизводстве Главной Конторы, хранятся в регистраторах по новой номенклатуре и под новой нумерацией.

В архивных папках бумаги первых лет не подшиты, но рассортированы по делам, так что за период с 1863 г. по 1890 г. число папок совпадает с числом дел. За время с 1890 г. дела, как общее правило, подшивались и в папках хранятся по нескольку дел под особыми №№. Попадаются иногда вместо подшитых дела в регистраторах. Делам имеются названия, определяющие их содержание, но внутренних описей бумаг нет. В делах последних 15 лет имеется нумерация листов.

Всех дел в 778 папках насчитывается до 1333. Ниже приводятся 294 дела (помещающиеся в 191 папке), могущие представить интерес для Комиссии. Остальные дела касаются чисто-технических вопросов.

По периодам наличность архива и дела, выбранные для Комиссии, распадаются следующим образом:

ПЕРИОДЫ.	Всего в архиве		Выбрано.	
	папок.	дел.	папок.	дел.
1863—69 г.	29	29	2	2
1870—79 »	84	84	12	12
1880—89 »	97	97	11	11
1890—99 »	138	184	24	24
1900—04 »	73	113	18	18
1905—09 »	115	196	32	36
1910—14 »	146	333	54	76
1915—18 »	96	297	38	115
Итого	778	1333	191	294 (344 части).

Вероятно часть переписки за первые годы постепенно была подвергнута уничтожению. Имеется в 33 папках до 152 дел с неопределенными заголовками: „По разным вопросам", „О разных предметах", „Разные бумаги" и т. п., которые подлежат особому рассмотрению.

Помимо вышезарегистрированных папок и дел в архиве хранится еще:

Бухгалтерских книг (счета работ)	158 номеров.
Книг, нарядов, материальных заказов и т. п.	157 „
Копировальных книг	306 „
Входящих и исходящих журналов, книг, накладных и т. п.	366 „
Итого	987 номеров.

Так как дела сдавались в архив систематически по годам, то удалось проверить степень его полноты. Утрата дел имела место лишь в единичных случаях, притом утрачены исключительно дела узко-технического и сметного характера. Таких дел насчитывается: в 1894 г., 1897 г., 1902 г., 1911 г. и 1914 г.—по 1, в 1912 г.—4, в 1913 г.—3, а всего 12. В 1918 г. из архива исчезли по отдельным техническим вопросам 44 дела.—Содержание исчезнувших дел представляется безразличным не только для работы Комиссии, но даже для составления истории завода. Исчезновение их, повидимому, носит случайный характер, и, может-быть, они еще будут обнаружены на заводе.

Передачи дел архива в другие учреждения не было. Уничтожение каких-либо дел в первые дни революции на заводе отрицается. Однако, все же возможно, что штрафные записи рабочих и так называемые „черные списки" все-таки исчезли вместе с прежней охраной завода. Но многое из того, что на других заводах наглядно было выделено в особые дела и потому легко поддавалось уничтожению, на Обуховском заводе, вследствие принятой группировки по годам, вероятно сохранилось в общих делах под наименованием „Следственных дел", „О служащих заводов", „Журналы Правления", „Распоряжения по заводу" (приказы, циркуляры, об'явления), „О вычетах" и т. д. [1]).

[1]) Раз'яснения при ознакомлении с архивом были даны заместителем управляющего заводом инж. А. А. Рыбаржем.

Перечень выбранных дел,

сгруппированных по однородным рубрикам.

№№ рубрик.		Число дней.
1.	Переписка с Правлением, Советом Управления, Морским Министерством и другими высшими учреждениями: 1865 г.—1 дело, 1871—1880 г.г.—6, 1881—1899 г.г.—17 и 1900—1918 г.г.—24 дела, всего	48
2.	Отчеты: за 1865 г. 1895—6 г.г., 1900—2 г.г., 1907—9 г.г., 1911 г., 1914—1918 г.г.	13
3.	Сметы за 1876 г., 1877 г., 1908—10 г.г., 1912—13 г.г., 1915—18 г.г.	10
4.	О служащих завода: 1870, 1873, 1876, 1882, 1885, 1890, 1900, 1907 г.г.	15
5.	Следственные дела о служащих и рабочих: 1874 г., 1899—1904, 1908—1918 г.г.	17
6.	Журналы Правления и Совета Управления: 1897, 1899, 1900, 1901 и 1909 г.г.	5
7.	Устройство лавки потребителей и переписка с Обществом Потребителей 1899—1918 г.	14
8.	Пенсии и пособия за 1906—1918 г.г.	18
9.	Распоряжения по заводу, приказы Начальника завода, циркуляры, об'явления 1908—1918 г.г.	23
10.	Составление статистических сведений, 1906 и 1918 г.г.	2
11.	Положение работ за 1908 и 1909 г.г.	2
12.	Финансовое положение завода 1908 г., 1917 г., 1918 г.	3
13.	Введение в действие новых положений 1908, 1909, 1914, 1918, 1919 г.г.	5
14.	Ревизии и приведение завода в порядок 1908, 1909, 1910 г.г.	3
15.	О производительности завода 1916—18 г.г.	3
16.	Переписка с Обществом заводчиков и фабрикантов 1915—18 г.г.	4
17.	Переписка с особым Заводским Совещанием 1915—17 г.г.	3
18.	Сберегательно-вспомогательная касса 1908—1918 г.г.	13
19.	Санитарное дело 1908 г. и 1915 г.	2
20.	Отправка в больницы рабочих, служащих и их семейств за 1910—1917 г.г.	8
21.	Оказание медицинской помощи, 1918 г.	2
22.	Вычеты из содержания и удержание подоходного налога, 1911 г. и 1918 г.	8
23.	Выдача цеховой платы за время отбывания учебного сбора, за время говения и прочие 1911 г.	1
24.	Выдача премии, 1914 г.	1
25.	Увеличение заработной платы и установление новых норм, 1917—18 г.г.	2
26.	Сдельные работы 1918 г.	1
27.	Претензии судовых команд 1917 г.	1
28.	Улучшение быта рабочих 1908, 1916, 1917 г.г.	3
29.	Представление сведений в разные учреждения о заработке рабочих. 1916 г.—1917 г.	2
30.	Страхование рабочих и служащих 1916 г.	1
31.	Выдача пособия Благотворительным Обществом и Попечительством. 1912 г.	1
32.	Устройство Технической школы, 1908 г.	1
33.	Устройство Ремесленного Училища. 1914 г.	2
34.	Устройство Родильного Приюта. 1908 г.	1
35.	Учреждение похоронной кассы. 1910 г.	1
36.	Устройство инвалидного дома для престарелых служащих и мастеровых, 1916 г.	
37.	Устройство Экономического Общества при заводе. 1916—18 г.г.	
38.	Представление к наградам. 1916—1917 г.г.	2
39.	Аренда домов для надобностей завода. 1914 г.	1
40.	Отчуждение имуществ у немецких колонистов для обеспечения жилищами рабочих. 1915—1917 г.г.	2
41.	О старостах—1911, 1913, 1915, 1917 г.г.	4
42.	Закрытие собрания и открытие столовой 1913 г.	1
43.	Оказание помощи семьям призванных по мобилизации, утратившим трудоспособность и пр. 1914 г.	1
44.	Командирование на завод для работ нижних чинов флота и армии. 1915 г.	1
45.	Выборы представителей от рабочих в Центральный Военно-Промышленный Комитет и делегатов в разные учреждения 1915 г. и 1918 г.	3
46.	Мобилизация и воинский учет, отсрочки, демобилизация завода. 1905 г. и 1915—18 г.г.	11
47.	Переписка с Комитетом рабочих, 1917—18 г.	3
48.	Переписка с Продовольственном Комитетом. 1918 г.	2
49.	Примирительная Камера. 1917—18 г.г.	2
50.	Эвакуация завода и рабочих 1917—18 г.г.	4
51.	О проникании на территорию завода посторонних лиц. 1916 г.	1
52.	Прикрепление рабочих и служащих к заводу в военное время, 1917 г.	1
53.	Разных других	12
	Итого	294

II. Архив Балтийского завода.

Из истории завода (1855—1906 г.г.). На месте нынешнего Балтийского завода в 1855 г. англичанами М. Карром и М. Макферсоном был основан сперва небольшой литейный завод, развившийся вскоре в небольшой же механический, занимавшийся постройкой и, главным образом, ремонтом буксирных пароходов. С 1863 года завод расширился, и началось военное судостроение.

Не обладая достаточными денежными средствами, Карр и Макферсон довели дело до такого состояния, что завод, обремененный значительными долгами частным лицам и министерствам морскому и путей сообщения, должен приостановить все свои работы. В 1871 г. завод был приобретен английским акционерным обществом под названием „Балтийского", с Правлением в Лондоне.

Английское Общество устроило при механическом и судостроительном заводе прокатный и железнодорожный отдел и, кроме того, пробовало заниматься постройкой локомотивов.

Приобретя вскоре затем от английского общества более половины всего числа акций, морское министерство уже добилось преобразования Английского Общества в Русское Акционерное Общество под названием „Балтийское железоделательное, судостроительное и механическое Общество", устав которого и был утвержден 20-го мая 1877 г. С этого времени железопрокатное и локомотивное производства были прекращены, и завод стал специализироваться по машиностроению и судостроению для Морского Ведомства.

В 1904 г. завод перешел в собственность казны, при чем Положение о заводе было составлено применительно к частным коммерческим порядкам.

Параллельно с постройкой судов и машин шло оборудование завода, которое в главных чертах выразилось постройкою мастерских: судостроительной, котельной, плотничной и столярной—сталелитейной, корабельной, электрической станции, электротехнической мастерской и нового здания столярно-плотничной—плаза, чертежныя и конторы, а также увеличением мастерских: механической, чугунолитейной и прессовой.

Состояние архива. Архива за период, предшествующий переходу в казну, на заводе, повидимому, не сохранилось,—имеется только дело № 92—Ликвидационной Комиссии (2 тома) и Приказы Начальника завода за последний год этого периода, начиная с 27 апреля 1893 г. За время с 1894 года архив, сколько можно судить по общему ознакомлению, сохранился в достаточном порядке. Он централизован при Главном Административно-Техническом Делопроизводстве, в рассортированных и подшитых делах,—некоторые из них во многих томах. Всех наименований дел до 1200 нумеров. Большая часть этих дел касается чисто-технической стороны исполнявшихся заводом заказов, и ни наименование их, ни раз'яснения служащих не дают основания предположить, чтобы в них содержался какой-либо бытовой материал. Но, конечно, надо проверить это просмотром некоторых из них на выдержку. В виду указанного централизованного характера архива, в отдельных конторах завода (материальной, бухгалтерии, цехов) находятся только отрывочные дубликаты, не могущие представлять интереса.

Уничтожению в первые дни революции подверглись 3 дела, а именно:
Дело № 231—Высочайшие награды—20 тетрадей.
„ № 402—Конфиденциальное дело о служащих и рабочих (предполагают, что оно заключало в себе „черные" списки).
д. без № —Штрафные журналы рабочих (2 тома).

Из числа остальных дел предположительно выделены 82 номера, из коих 42 (в 121 томах) несомненно должны заключать в себе запас интересного материала.

Особенное внимание надо обратить на 18 томов подлинных Приказов Начальника завода (д. № 201), так как в них за 28 лет изо-дня-в-день отражались все события на заводе, распоряжения, инструкции и вообще весь внутренний распорядок жизни, и дело № 1168—„Протоколы и постановления Исполнительного Комитета и общих собраний служащих" — (революция) — 5 томов, с оценкою минувших порядков.

Вторая серия выделенных дел в числе 40 номеров (до 230 томов или тетрадей) могут заключать в себе интерес второй очереди.

Число занятых на заводе рабочих и служащих по годам может быть восстановлено, повидимому, за все время с 1894 г., а приходо-расходные сметы в систематизированном виде существуют с 1900 г. (д. № 192). В случае надобности придется за дополнительными сведениями обратиться к книгам Бухгалтерии.

Сотрудник Ученой Комиссии встретил полное содействие со стороны Управляющего заводом тов. *Н. Э. Захарова* и Технического Директора, Инж. *В. К. Скорчеллети*, прикомандировавших в его распоряжение служащих, наиболее знакомых с историей завода.

Перечень выбранных дел.

№№ дел.		Число томов.
	Дела, наиболее интересные.	
94.	Очерки деятельности завода	2
99.	Проект правил оплаты труда рабочих	1
150.	Исторический очерк деятельности завода за 1897 год	1
189.	О пенсиях и пенсионерах	6
198.	Депутаты от рабочих	3

№№ дел.		Число томов.
200.	Судебные дела по искам к заводу	4
201.	Приказы начальника завода	18
206.	Сообщения, лекции и доклады	3
207.	Техническая школа завода и обучение мастеровых и их детей	12
208.	Курсы машинистов и кочегаров	11
334.	Беспорядки мастеровых в 1901 г.	1
337.	Освобождение арестованных за беспорядки мастеровых	1
340.	Кража и порча заводского имущества	2
341.	Освидетельствование служащих и рабочих в Морском Госпитале	3
345.	О производительности завода	1
348.	Доклады контролеров о задельных работах	9
359.	Сберегательная Касса	1
395.	Доклад А. Н. Чикалева по рабочему вопросу	1
399.	Диаграмма процентного отношения состава служащих и мастеровых по губерниям	1
432.	Колония для служащих и рабочих	1
501.	С'езды Общества заводчиков и фабрикантов	2
519.	Старосты мастеровых	1
559.	Столовые для рабочих и служащих завода	1
627.	Забастовки рабочих	4
671.	Делегаты от мастеровых	1
678.	Выборы в Государственную Думу	1
686.	Сведения об участии служащих в Обществах	2
693.	О рабочем вопросе, правилах найма и правилах внутреннего распорядка на заводах Морского Ведомства	3
713.	Библиотека завода	1
722.	Страхование служащих	1
812.	Миссионерские курсы	1
839.	Постановления Совета командиров	1
866.	Вознаграждение за увечья и утрату трудоспособности при испытании подводных лодок	1
906.	Относительно газетных статей, касающихся завода	1
940.	Контракты и подписки служащих	1
1080.	Эвакуация завода	6
1087.	О выборщиках от мастеровых в Цент. Военно-Промышленный Комитет	1
1107.	Продовольствие для служащих и мастеровых	1
1168.	Протоколы и постановления Исполнительного Комитета и общих собраний служащих	6
1178.	Переписка с Союзом Инженеров Балтийского завода	1
1179.	С'езд делегатов рабочих и служащих заводов и портов Морского Министерства и судостроительных заводов	1
1180.	Дела контр-разведывательного отделения	1
	Итого 42 дела	121

Дела, представляющие меньший интерес.

71.	Нижегородская выставка	1
77.	Донос Ржендзинского	1
79.	Участие в Парижской выставке	1
80.	О подмастерье Трое	1
92.	Ликвидационный Комитет	2
93.	Программа обстройки завода	1
109.	О сберегательно-вспомогательной кассе старших служащих завода	1
146.	Участие в выставке судоходства	1
188.	Переписка с Правлением (общая)	7
192.	Сметы приходо-расходные по заводу	9
193.	Статистические сведения	1
196.	Общая переписка с разными лицами и учреждениями	16 [1]
197.	О рабочих	2 [1]
202.	Служащие по вольному найму	55 [1]
203.	О принятии на службу	24 [1]
204.	Служащие на коренной службе	3 [1]
205.	Командировка служащих	4 [1]
220.	Выставка в Чикаго	1
230.	Переписка общая с Морским Министерством	24
270.	Оборудование механической прачешной	1
339.	О принятии на работу	6
363.	Подлог расч. книжки № 3331	1
397.	Акты (различные) по заводу	1

[1]) Вероятно в большинстве случайная переписка, личные дела, прошения и прочие. Надо проверить.

№№ рубрик.		Число дней.
430.	Командировка служащих	5
442.	О рабочем Григории Осипове	1
443.	Улучшение хозяйственного положения завода	2
490.	Очки для рабочих	1
518.	Оскорбление мастера Гиндпера	1
557.	Пропуск на завод разных лиц	5
664.	О рабочей силе (общее)	1
690.	50-тилетний юбилей завода	1
716.	Техническое образование в Морском Ведомстве	1
785.	Дела Совета по Управлению заводами Морского Ведомства	19
875.	Взыскание неустойки с мастера Павлова	1
881.	Сведения для обследовательной Комиссии генерала Рерберга	1
894.	О выигрышных билетах, принадлежащих служащим и мастеровым	1
942.	О неправильном получении по книжке № 6997—50 р. 92 к. (дело Бурмана и Костина)	1
987.	Помещение дочерей служащих в Женское Коммерческое Училище	1
997.	Падение при под'еме колонны, причинившее смерть 2 рабочим	1
1022.	О подмастерье Махонине	1
	Итого 40 дел	230

Всего 82 дела, 351 том или тетрадей.

Ал. Блек.

122

О состоянии некоторых Фабрично-заводских архивов в Петрограде.

(Доклад сотрудников Ученой комиссии О. Е. Корнилович и Н. С. Платоновой).

Почти все осмотренные архивы находятся в беспорядке и лишены описей, что создает большие затруднения для ознакомления с ними. Наиболее старый и интересный материал отсутствует в виду того, что на частных заводах, как правило, дела уничтожались каждые 10 лет. Из сохранившихся дел большая часть имеет чисто-технический характер, и только крайне малый процент всех архивных материалов представляет интерес для Комиссии. На основании уцелевших материалов трудно составить представление об условиях работы и жизни рабочих. Так, например, ни в одном из осмотренных архивов нельзя собрать данных о заработной плате; на Ижорском заводе могут быть собраны по этому вопросу сведения лишь за последние 15 лет. Необходим был бы особый штат сотрудников для того, чтобы привести заводские архивы в порядок и сделать их доступными для исследователя.

Архив Ижорского завода был перемещен два раза со времени революции: он был выброшен в помещение рядом с пожарным депо завода, где не охранялся и оказался вследствие этого частью расхищенным, а затем перенесен в механическую лабораторию, где находится и теперь. На заводе предполагают дать архиву новое помещение и привести его в порядок.

Дела архива делились на 3 группы: 1) дела, предназначенные к уничтожению, 2) к временному хранению, 3) дела вечного хранения. Дела первых двух групп уничтожены, дела же вечного хранения передавались с Ижорского завода, как казенного, в архив Морского министерства. По справке, наведенной в этом архиве, дела эти не представляют интереса для комиссии.

Материалы архива Ижорского завода имеют вид обычных архивных дел (что нельзя сказать о материалах архивов частных заводов). Лет за 8 до революции в архив был назначен архивариус для приведения архива в порядок и составления описей. Алфавиты дел в архиве есть, описи же чрезвычайно примитивны: они состоят из порядкового номера и заглавия дела. Технический архив завода для Комиссии интереса не представляет, так как состоит лишь из чертежей. В архиве завода имеются дела с 1896 года, когда там работала последняя комиссия, созданная для разборки дел. О забастовках и волнениях рабочих на заводе в связи с революцией 1905 г. есть одно дело в 3-х частях. Встречаются кое-какие материалы по революции 1917 г. В архиве имеется черная книга (записи секретных характеристик рабочих), начиная с 1868 года за последующее десятилетие. Есть небольшое дело с секретными бумагами Департамента Полиции и Инспекторского Департамента о надзоре за рабочими, а также ряд дел о пенсиях, назначаемых рабочими.

Архив Металлического завода находится в образцовом порядке. В нем имеется 3 вида архивных материалов: 1) архив технический (собрание всех чертежей завода с первого момента существования завода); 2) архив коммерческий, состоящий из копировальных книг (копии исходящих бумаг) и конвалют. Среди них могут встретиться любопытные материалы, но описей у них нет, и для ознакомления с содержанием материала необходимо перелистать громадное количество страниц; 3) 5 отдельных папок с бумагами, относящимися к вопросу о волнениях среди рабочих, о забастовках, о требованиях рабочих в 1905 г., а также материалы о страховании рабочих и о пенсиях. Бумаги эти собраны по частной инициативе управляющего заводом и представляют собою наибольший интерес из всего материала, находящегося в архиве Металлического завода.

На заводе Розенкранц дела архивов технического и коммерческого находятся в беспорядке и свалены в одну груду. Разобраться в них без предварительной большой работы не представляется возможным.

На заводе Феникс архив технический находится в беспорядке; в несколько лучшем состоянии архив коммерческий. Материалы имеются в нем только за последние 10 лет. В связи с юбилеем завода были сделаны попытки собрать сведения о постепенном росте завода: в особый альбом заносились справки о количестве рабочих и машин, о рас-

ширении территории завода, об увеличении производства. По одной отдельной отрасли производства на заводе попытались собрать материал, для чего были приглашены особые статистики; работа эта осталась, к сожалению, не оконченной.

Архив завода военно-врачебных заготовлений помещался в деревянном доме, который истекшей зимой был спешно сломан, а архив перенесен в две комнаты в здании завода, где и свален в беспорядке. Дела архива каждые 10 лет уничтожались за исключением очень небольшого количества дел, преимущественно личного состава. Описей в архиве нет. Необходима была бы работа нескольких лиц в течение довольно продолжительного времени, чтобы привести архив в порядок. По свидетельству одного из лиц, переносивших архив, среди уцелевших дел есть небольшое количество старых (первой половины 19-го века и даже 1—2 дела 18-го века). Большая часть дел относится к последнему времени и особого интереса для истории труда собой не представляет.

Архив Сампсониевской мануфактуры сожжен рабочими в 1917 году.

Эпизод из хозяйственной жизни крепостной вотчины 19-го века*).

(По документам архива департамента полиции исполнительной мин. вн. дел).

I.

По мере того, как «Крестьянский вопрос» в нашей историографии из атмосферы печали и воздыхания перемещался на почву экономического исследования, все досаднее давали себя чувствовать случайность и неполнота материала, на котором один за другим строятся отдельные выводы и цельные теории относительно больших вопросов не только истории собственно крепостного хозяйства и крестьянства, но и русского исторического процесса в его целом. Строгое научное будущее ожидает крестьянский вопрос XVIII — XIX ст. только на пути планомерного, организованного разыскания, собирания и классификации громадного нетронутого документального материала, который давно лежит в столичных и провинциальных архивах и даже умножается, вероятно, за последние годы: задача неразрешимая разрозненными усилиями отдельных лиц. Среди разнообразных вопросов, связанных с этой задачей, неоспорим, но и далеко еще неясен вопрос о типах и разновидностях самого документального материала, подлежащего разысканию и обследованию. Нам бы хотелось обратить внимание на одну из таких его разновидностей, имеющую свою ценность и четко выраженное своеобразие.

Хозяйство и быт крепостного доступны изучению преимущественно по связи его с хозяйством и бытом же его владельца-помещика. Вотчинные архивы дворянских имений, заключающие в себе хозяйственные записи и документы, способные раскрыть исследователю в свое время скрытые от государственного аппарата стороны и подробности жизни вотчины и населявших ее людей, — давно были предметом надежд историка-экономиста, а за ним и историка быта. Теперь не один такой частный «архив» попадет волею судеб в столичные и местные государственные хранилища и станет доступен изучению. Можно даже предполагать, что мы накануне эпидемического издавания и жадной обработки такого рода материала на страницах специального журнала или «Трудов» местных б. Архивных Комиссий и научных обществ «изучения местного края». Надо предвидеть, однако, что тут придется иметь дело с примерами крупных дворянских вотчин чрез посредство их более или менее отчетливо работавших хозяйственных органов, контор, и с документами, отличающимися всеми почти техническими достоинствами документа правительственной канцелярии. Иное дело — среднее и мелкое крепостное хозяйство. И в свое-то время они не имели возможности и, может-быть, необходимости осуществлять такую правильную и подробную отчетность, образцы которой оставила нам «бюрократия» крупной, сплошь-и-рядом многосоставной вотчины. Притом, так как они гораздо легче дробились из поколения в поколение и часто меняли владельцев, они надо думать, за редкими исключениями, сами никогда уже ничего о себе не расскажут исследователю. Последнему, если бы он все же пожелал проникнуть в такое имение, присмотреться к его внутренней жизни, остается прибегнуть к содействию государственной власти, поискать таких случаев, когда она имела поводы врываться в эту жизнь, и проскользнуть туда вслед за нею. Какой-нибудь судебный, уголовный казус, приключившийся с помещиком или помещицей, может развернуть страницы, целую картину нравов и дать представление о «правовом» строе, которым жило население крепостной вотчины—и ничего или почти ничего не даст для экономиста, которому совершенно безразлично,

*) Настоящая статья, не только описывающая архивное дело, но и разрабатывающая его данные, предназначалась для первой части книги; во второй же части она помещена по техническим условиям. *Ред.*

больно ли и до смерти ли или за что именно истязали людей и сами ли владельцы или их приказчики и т. п. Зато много могут дать ему—но и не меньше историку быта и права—такие случаи, когда государство вторгалось в поместье по вестям об убыточном для него хозяйничанье владельца, обследовало приемы и результаты такого ведения дела и прекращало хозяйственную карьеру помещика,—разумеется, как говорилось, для пользы и вотчины и самого владельца,—взятием имения в опеку, ставя задачей опекунам вернуть хозяйство в некоторую норму. В этот патологический момент, когда воля владельца не обратилась еще в злую, чтобы стать наказуемой, но и перестала быть достаточно доброй, чтобы на нее можно было оставить крупицу все же государственного хозяйства, какой была вотчина, эта последняя становилась территорией и предметом как бы судебного расследования на месте, изнутри освещалось изустными показаниями и, если было возможно, документальными справками. Как увидим, в такой комбинации все множество маленьких крестьянских хозяйств, по органическому сплетению их с хозяйством помещика или по принудительной связи их с приходо-расходным его бюджетом, попадало в самый центр внимания следственных властей и, уловленное в сетку разграфленной таблицы, оказывается теперь в удобнейшей форме обозримым для глаза исследователя. Вместе с тем элемент изустных показаний придает такой молчаливой таблице искристость и переливчатость житейского случая, не нарушая незыблемого значения строя твердых цифр, даже придавая им, иной раз, за счет точности подлинную вероятность; напр., тогда, когда о каком-нибудь Петре Ермолаеве вдруг прочтешь, что в год у него выходит на покупку дров «рублей с 5», и тут же почувствуешь, что—не точная цифра, а записана с голоса. Юридический случай взятия вотчины в опеку, получивший свое выражение в канцелярском делопроизводстве в виде «дела», сохранившегося в архиве наших дней, может представить таким образом довольно многообразный интерес. Есть черты не в содержании только такого «дела», а в исторической обстановке самого юридического случая, которые сообщают «делу» некоторое своеобразие и заставляют отнестись к каждому из них с особым вниманием.

В крепостной России XVIII—XIX ст. понятие опеки явилось в одном из указов Петра Великого со всеми словесными признаками стихийного бедствия для дворянской усадьбы. Статья 31 воеводской инструкции 1719 г. заговорила о «беспутных разорителях» своих деревень, как о «непотребных людях», которые «ради пьянства или иного какого непостоянного жития» вотчины свои разоряют, «налагая на крестьян всякие несносные тягости и в том их бьют и мучат». Так как «от того крестьяне, покинув тягла свои, бегают и чинится от того пустота, а в Государевых податях умножается недоимка», то воеводе и земским комиссарам вменялось «смотреть того накрепко и до такого разорения не допускать». На полицейского чиновника, земского комиссара возлагалось доносить о замеченной «пустоте» воеводе, «которому то обыскивать и свидетельствовать с ним комиссаром тутошними людьми и явными квидетельствами, отчего оная пустота явилась и не было ли тем крестьянам от помещиков такого наглого разорения». Сам воевода, однако, по тем «обыскам» и «явным свидетельствам» решения не ставил, а отсылал все делопроизводство в Сенат. Судьба дворянина, таким образом, оказывалась в руках высшего правительственного места в Империи, обнаруживавшей свою социальную природу в том, что «наглый разоритель» временно устранялся от управления деревнями и поступал на «исправление»... к своим «сродникам и свойственникам», тут же в имении, которое «оными же сродниками» и «ведалось» до исправления родича; и только уж «которые (разорители) не исправятся» — срок тому не был указан—«и тех посылать под начал», все в той же заботе, «до исправления»; «а которые не исправятся и под началом будучи, тех не освобождать донеле же исправятся». Если прибавить, что материальные интересы такого разорителя, досидевшегося «под началом» хотя бы до самой своей смерти, обеспечивались тем, что он и его семья, как нарочито подчеркивала инструкция, «довольствовались» доходами «с тех деревень», а строго проверенная обоснованность самого возбуждения вопроса об отдании дворянина в «исправление» требовалась, в заключительной фразе нашей 31 статьи, от воеводы и комиссара под страхом «жестокого их истязания» за возможные «подлоги» и «коварства» в течение расследования,—то можно сообразить, что институт опеки за расточительность, возникавший в обстановке разорения страны, потянувшейся в ранг европейской державы, как одно из орудий борьбы государственной власти за устойчивость ее бюджета и целость расползавшейся хозяйственной клеточки общественного организма, населенной вотчины,—обрекался на худосочное прозябание. Сословная стихия, хлынувшая отовсюду со смертью Петра, создавала крайне неблагоприятные для его развития условия, поскольку по замыслу инструкции острие его, тут же притупленное отмеченными оговорками и общим оборотом мысли 31 статьи, обращено было все же прямо в земное основание и место бытового упокоения «вольности дворянской». Поверхность русской жизни XVIII века вся играет всплесками этой стихии. Одним из них и институт опеки превращен был в ценную техническую подробность сословного благоустройства и

удобства—в «Учреждении для управления губерний» Екатерины II (1775). От 31 статьи Петровской инструкции в «Учреждении о упр. губ.» остался едва заметный и словесно несколько заметенный след в ст. 84 гл. IV («О должности главнокомандующего в отсутствии Императорского Величества»), гласившей кратко и практически неопределенно, что «как Главнокомандующему благочиние, или полиция градская и сельская подчинены, то имеет он пресекать всякого рода злоупотребления, а наипаче роскошь безмерную и разорительную, обуздывать излишества, беспутства, мотовство, тиранство и жестокости».—Сердитое по тону и деловитое по содержанию предписание, мотивированное серьезными государственно-хозяйственными соображениями, через 55 лет сделалось почти неузнаваемым в общем поручении блюдения добрых нравов, даже нравственности и хорошего тона. Зато в статьях 209—222, составивших целую главу (XVI. «О дворянской опеке и о должности сего места»), опека территориально вместилась в особое губернское «присутственное место» и развернулась в тщательно разработанный институт сословного права, призванный к охране и приумножению недвижимого имения и движимого имущества и к заботе о духовном и физическом правильном росте малолетних сирот сословия, даже к помощи вдове дворянина. Следует отметить, что в тексте этой главы не найти и намека, что она может относиться к случаям, предусмотренным статьей 84 Учр. о губ. или статьей 31 Петровской инструкции. Ниже увидим, что прямая неприспособленность ее к таким случаям, естественно, приводила к недоумениям, когда, напр., для руководства опекунам разоряемого имения уже в начале XIX столетия местная власть могла указать только эту главу, очевидно, затрудняясь указать что-нибудь иное, хотя бы из практики местных же прецедентов. Опека за расточительность, можно думать, — редкое явление в XVIII веке и такое, которое в каждом данном случае создавалось решением Сената или с 1775 г.—наместника императорского величества в губерниях (не губернатора), где таковой был назначен.

По некоторым признакам, с начала XIX стол. случаи таких опек должны были участиться в связи с пошатывавшимся положением дворянства в строе управления государства и с развитием кризиса мелкого, отчасти среднего крепостного хозяйства, вызывавшим к жизни в помещике предпринимательский дух или его судорожную пародию с попытками сделать бытовые последствия кризиса для себя незаметными. Действительно, указы Александровского и Николаевского времени (с 1817 г., по разным поводам, числом до десятка) разрабатывают подробности процесса наложения опеки, разграничивая и комбинируя компетенцию привлекаемых к тому учреждений и должностных лиц и вскрывая новые спорные для того времени стороны вопроса. Общая тенденция указов—предоставить окончательное решение простых случаев местным властям: генерал-губернаторам и военным губернаторам, или гражданским губернаторам совместно с собранием предводителей дворянства, однако, большею частью при малейшей спорности с утверждением Сената. Потоки жалоб самих крепостных этой эпохи, поступавших на имя государя или министра внутренних дел, создавали, в свою очередь, ряд расследований с тем же возможным концом—уже по инициативе центра; но это были жалобы преимущественно на жестокое обращение и следствие по ним шло, надо думать, минуя крестьянское хозяйство, прямо под окна помещичьего дома. Судя по тому, что, напр., в 1838 г., по сведениям, имевшимся в министерстве внутренних дел, состояло в опеке 203 имения и из них 140 за жестокое обращение и всего 63 частью за мотовство, частью за распутство, можно думать, что и в XIX ст. не только процент, но и абсолютное количество интересующих нас случаев опеки невелико, если оно и больше, чем в XVIII[1]). Тем ценнее каждый экземпляр такого суррогата «вотчинного архива».

Нетрудно представить себе судьбу любого «дела о разорении» крестьян, поручаемых опеке. Интересующие нас данные о разорении крестьянских хозяйств во всей их подробности играли, в ходе самого делопроизводства, двоякую роль и попадали поэтому в две канцелярии, при чем подробность их определялась первичным их назначением. Мы видели, что историческая обстановка оказывала естественное сопротивление вторжению власти в хозяйственный распорядок поместья, и для того, чтобы—и в тех случаях, когда опека состоялась,—нельзя было двигать дело только на «коварствах» и «подлогах», а среди «обысков» и «свидетельств» решающими были показания цифр. Но они же были и исходною точкой при составления «положения об опеке» и первым руководством при вступлении опекунов в управление вотчиною. Поэтому, сыграв свою роль в сенате или министерстве внутренних дел, они в копии со всеми другими материалами

[1]) Ст. 218 Екатерининского Учр. о губ. предписывает опекунам «доносить погодно верхнему земскому суду, коротко, но подробно о состоянии имения и о опекунском управлении». Если бы подобного рода донесения и сохранились до нашего времени (в провинции или в столицах?), то по краткости своей дали бы материал скорее по истории дворянского землевладения, чем по истории крестьянского хозяйства.

препровождались в губернию и там тоже хранились: в губернском ли правлении, или в канцелярии дворянской опеки—это уже деталь. Значит, разыскание всех таких данных тем технически легче, чем точнее локализируется справка о наличности заключающих их «дел» в архивах министерства внутр. дел и сената в Петербурге и министерства юстиции (в делах Сената) в Москве.

Наконец, третья формальная особенность, выгодно отличающая наш исторический источник и отчасти уже нами отмеченная, состоит в том, что он при всей его единичности, поступает в распоряжение исследователя в сопутствии как бы критического аппарата, точно постройка с нераспущенным еще техническим штатом, над ней работавшим, или труп в окружении всего медицинского персонала, последовательно вступавшего в лечение больного, и участников последнего консилиума, поставившего ему скорбный диагноз. Эта стройная многоголосица, без примеси причитаний, дает возможность двояко оценить раскрывающееся в ней явление мерками того и нашего века и помогает, взаимно их корректируя, найти производную, которая и будет подлинно историческою: как известно читателю, меткость глаза историка не абсолютна, и «недолет-перелет-попадание» есть тоже закон и для твердого исторического суждения.

Попробуем дать отчет об одном деле, возникшем «по представлению ярославского губернатора об изнурительном положении крестьян рыбинских помещиц Бабарыкиных и помещика Власьева» в августе 1808 г. [1]). Здесь в одно «дело» попало два житейских, на месте, не связанных между собою случая хозяйственного «изнурения» крестьян двух вотчин, владельцы коих были людьми, друг другу в достаточной степени посторонними, и жили, когда жили не в городе, даже в разных уездах. Заглавие «дела» неточно передает и соответствующую формальную подробность: в нем имеется не одно, а два самостоятельных «представления» губернатора министру внутренних дел. Только поступившие в министерство одновременно, одновременно же доложенные министру, они стали предметом одного всеподданнейшего доклада, и в дальнейшем обе вотчины проделывали свой подследственный путь неразлучно до общего, печального или спасительного для их владельцев, конца: 9 января 1809 г. высочайшим рескриптом на имя губернатора были «препоручены» Ярославской дворянской опеке. Вследствие встретившихся осложнений вотчина Власьева до октября месяца еще продолжала быть предметом переписки, не изменившей, однако, ничего даже в деталях постигшей ее еще в январе участи.

В обоих случаях инициатива возбуждения дела принадлежала рыбинскому уездному предводителю дворянства Аксакову. Проверка его донесений была произведена губернатором кн. М. Н. Голицыным через посланного на место губернского стряпчего Манина, подробные доклады которого в общем подтвердили картину, данную Аксаковым, и легли в основу представлений губернатора 10 августа министру внутренних дел кн. А. Б. Куракину. Куракин заключил свой доклад о том государю 22 августа предположением, что представлялось бы нужным, сообразно с прежними в подобных случаях примерами, предписать губернатору отдать имение Бабарыкиных и Власьева в опеку и составить вместе с губернским и уездными предводителями положение, по коему бы как помещики знали, в чем именно должен состоять их доход, так и крестьяне, чем они им обязаны».

Но в виду противоречивости и неточности сведений, собранных губернским стряпчим, о размерах взыскиваемого с крестьян, Куракин предлагал «предписать губернатору войти в ближайшее и точное всего того разыскание, и между тем, составив упомянутое положение, препроводить сюда и его и самое сие исследование, по получении коих удобнее могут быть даны окончательные по сим двум предметам разрешения». Александр I, видимо, заинтересовался делом и не ограничился повелением «поверить сделанное исследование», а указал «употребить к чиновникам, кои для сего будут назначены, статского советника Канкрина», хотя последний и находился в то время «по особой комиссии» в Вологодской губернии. Не известно еще, в чем заключалась эта «комиссия», но мы знаем, что Е. Ф. Канкрин (будущий министр финансов 1823—1844 г.г.) успел зарекомендовать себя с 1800 г., как пом. управляющего Старо-Русскими соляными заводами, и образованный автор хозяйственно-статистических докладов, а в интересующее нас время пробовал свои силы на вопросах военного искусства и продовольствования войск: как раз в 1809 г. вышла в Петербурге его работа «Fragmente über die Kriegskunst»; в 1811 г. видим его уже помощником генерал-провиантмейстера I армии. Выбор Александром I именно Канкрина, умевшего впоследствии своим педантизмом и пунктуальностью тяготить самого Николая I, не только обнаруживает интерес и осторожность, с какими отнесся Александр к случаю, из которого нетрудно было создать назидательный прецедент применения указа «о свободных хлебопашцах» 20 февраля 1803 г., в духе третьего варианта освобождения, предусмо-

---

[1]) Архив Мин. Внутр. Дел., Департ. Полиц. Исполнительной, № 210; по книге архивной № 862. Нач. 17 августа 1808 г., окончено 16 октября 1809 г., на 150 л. л.

тренного дополнительными к указу правилами[1]), но и не безразличен для исследователя, ручаясь за аккуратность расследования и четкость документальной его стороны.—Канкрину в Вологду было дано знать 31 августа о возложенном на него поручении: «получив от губернатора все нужные сведения о крестьянах Власьева и Бабарыкиных, на месте их жительства удостовериться в подлинном их положении, со всею подробностью исследовать причины их изнурения и к сим обстоятельнейшим разысканиям присовокупить свое заключение, каким образом наилучше может быть их участь поправлена». А в Ярославль губернатору тогда же было предложено ждать Канкрина и избрать ему в помощь «благонадежнейшего чиновника» (таковым был избран советник губернского правления Дешен).

На два с лишним месяца затем переписка по делу заглохла. Только 7 ноября, по установившемуся санному пути, Канкрин обратился к Куракину за инструкцией и, не получив ее и взяв подорожную и прогоны, 14 числа выехал из Петербурга на место расследования. Оно велось в отсутствие помещиков, которых и не рассчитывали застать в такое время года в усадьбах, и в присутствии рыбинского земского исправника Люткина, «посредством допросов вотчинных управителей и всех крестьян-хозяев порознь, чрез местное обозрение деревень и крестьянского имущества и собирание сведений у посторонних людей»: только случайный приезд в Рыбинск самого Власьева дал повод выслушать и его об'яснения. Дело было деликатное и требовало большой осторожности, чтобы не стать источником беспокойства для обследуемых и соблазна для окрестных крестьян. Канкрин «впрочем употребил все меры, чтобы крестьяне не могли выходить из послушания у помещиков и чтоб сие дело окончено было без излишнего разглашения; однако и не заметно было склонности к беспокойству в первых, и осмотр их не сделал большого впечатления у соседних крестьян в одних деревнях с ними живущих, ибо последние своим положением довольны». Расследование затянулось, и вся работа была закончена в 20 дней. 15 декабря при рапорте Канкрина от 10-го, в министерство внутренних дел были доставлены все материалы расследования. Кроме рапорта тут имеем 11 документов, составивших в общей сложности 47 л., скрепленных по листам подписями обоих следователей. Из них 5 документов относится к деревням помещиц Бабарыкиных и 6 к вотчине Власьева [2]). В рапорте

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XXVII, № 20625, Раз. II, ст. 2, п. с/: «когда крестьяне, оставаясь крепкими земле, делают с помещиком условия, на основании коих, владея его землею, они обязуются на известное число лет, по жизнь его или и навсегда исправлять известные повинности, или платить подать деньгами или продуктами, с тем, чтоб условия сии были обязательны как для него, так и для тех, к коим имение поступать может по продаже или по наследству».

[2]) А именно: 1) 2 «свидетельства», подписанных Канкриным и Дешеном, одно относительно крестьян Власьева, другое—Бабарыкиных; 2) 4 акта «вопросных пунктов» вотчинным управителям Власьева и трех сестер Бабарыкиных; 3) 2 графленные «ведомости»—одна «о имуществе, повинностях и общем положении крестьян девиц Анны, Александры и Марьи Алексеевых Бабарыкиных, сочиненная на местах их жительства, Рыбинского уезда в селениях Карпове, Гремячеве и Пустынниках» (шесть стр. in folio), другая—«генеральная»—«о хозяйственном положении и повинностях крестьян г. коллежского ассесора Михаила Сергеевича Власьева, сочиненная по сделанным им допросам на местах их жительства Рыбинского уезда в деревне Балабанове с 19-ю деревнями о 347 ревизских душах мужского пола» (22 страницы in folio, в иных местах прорванные); 4) «Примерный расчет, сколько сбирается с крестьян г. коллежского ассесора Власьева, Ярославской губернии в Рыбинском уезде в числе 347 ревизских душ состоящих»; 5) «Об'яснения господина коллежского ассесора Власьева»; 6) Экстракт из генеральной ведомости о хозяйственном положении и повинностях крестьян г. колл. асс. Мих. Серг. Власьева, сочиненной и т. д.»—Свидетельства составлены по след. форме: «1803 года декабря 10 дня, мы нижеподписавшиеся, отправленный по высочайшему повелению от его сиятельства господина министра внутренних дел кн. Алексея Борисовича Куракина, статский советник Канкрин и отряженный его сиятельством Ярославским господином гражданским губернатором кн. Михаилом Николаевичем Голицыным советник Ярославского губернского правления, колл. сов. Дешен, во исполнение данных нам предписаний, при Рыбинском г-не земском исправнике Люткине производив следствие о причинах изнурения крестьян (имя рек помещика, имя рек места), посредством доносов, сделанных вотчинному (ым) управителю (лям) и всем хозяевам порознь, чрез местное обозрение тех деревень и крестьянского имущества, а сверх того по соображению единогласных показаний посторонних лиц разного знания удостоверились в следующем:» далее следуют 1) характеристика положения крестьян и отношения к ним владельцев и указания на изнурительность; 2) перечисление мер, коими могло бы быть восстановлено нормальное положение, и 3) подписи Канкрина и Дешена.—Вопросные пункты заключают в себе ответы на след. 17 вопросов: 1) о числе ревизских душ мужского пола, наличных, и сколько находится на барском дворе; 2) состоят ли на барщине или на оброке; 3) как земля поделена и сколько приходится на душу; 4) сколько прежде платили оброку с тягла или вообще; 5) ныне сколько они платят оброку и по каким срокам, и не принуждены ли были продавать для того скот и имущество; 6) сбирается ли оброк с одних наличных крестьян или и за выбылых, как то поступивших в военную

своем Канкрин решительно подтвердил изнурение крестьян обоих вотчин «неумеренными работами и поборами и безрасчетным и нечеловеколюбивым управлением» и указал, что «надежнейшее средство для поправления их состоит в том, чтобы на основании некоторых правил, нами об'ясненных (в «свидетельствах» Б. Р.), препоручить их Ярославской дворянской опеке». Однако, Канкрин тут же осложнил вопрос о Власьеве замечанием, по самому стилю которого можно догадываться, как понял Канкрин свою миссию и мотивы, побудившие Александра I выбор чиновника для такого расследования оставить за собой. «При сем, от вышней прозорли-

---

службу или находящихся на барском дворе; 7) если ходят на барщину, то по сколько дней в неделю и на какую работу кроме хлебопашества, и если работают на усадьбе, то в каких условиях; 8) нет ли женатых несовершеннолетних, 9) не сбирается ли еще чего натурою или деньгами и сколько, и нет ли недоимок; 10) кто исправляет государственные повинности и не платят ли пашенные крестьяне за дворовых и выбылых; 11) как исправляются земские повинности, в дни барщины или в дни, предоставленные для своих работ; 12) не вынуждаются ли денежные сборы побоями или арестом имущества, 13) как наказываются крестьяне, «нет ли в том излишества, и нет ли больных от побоев или не случилось ли чего»; 14) как ставятся рекруты и ратники и не платят ли за рекрут, поставленных от помещика; 15) «кто платил за одевание рекрут и кто давал провиант и прочее для ратников»; 16) дозволяется ли отлучка на промыслы. когда и на какие, и не платят ли особо за дозволение; 17) «в каком положении находятся, имеют ли достаточное число скота, особливо коров для пропитания младенцев; пекут ли порядочный хлеб и имеют ли пристойную одежду; не ходят ли милостыню просить. За подписями Канкрина и Дешена имеется своеручная приписка земского исправника: «оные вопросы вотчинному правителю (имя рек) произведены при мне. Рыбинский исправник Люткин».—Форма «Ведомостей» такова:

Звание деревень и домохозяев.	Наличные души в доме.		Число венцов.	Малолетние женатые.	Младенцы до 2-х лет.	Число действ. работников 15—60 лет, из них сколько больных.	
	м.	ж.				м.	ж.

Сколько тянет тягол.	Сколько дес. земли приходится на тягло.		Сколько для семейства высевается хлеба разного рода.					
	пах.	сенок.	пшеницы.	ржи.	ячменя.	овса.	гороху.	льна.

Сколько собирает сена и продает ли оное.	Откуда довольств. дровами и платит ли за оные.	Сколько дней с тягла работает на барина.	Где какие работы производят.	Чрезвыч. работы сверх определенных.

Сколько платит семья обычных сборов оброком, припасами и пр. и по каким срокам.	Нет ли необычных сборов и не берут ли имущества насильно.	Сколько платит госуд. податей за сколько душ и за кого.	Как исправляются земские повинности.

Как поставлены рекруты и ратники и что в сем случае платили.	Имеет ли промысел и платит ли за дозволение отлучаться.	В каком положении двор.

вости зависеть будет»,—писал Канкрин,—«какие меры могут быть приняты для обеспечения судьбы крестьян Г. Власьева, в Романовском уезде состоящих, кои чрез отдачу одной части имения помещика под опеку могут быть обременены более теперешнего. Мы не осмелились исследовать на месте состояние их, потому что на счет их жалоб и предписаний нет, но судя по общему слуху они также в стесненном положении находятся».

Через две недели, на основании присланных материалов, в министерстве был готов обстоятельный доклад, поступивший на утверждение Александра I 29 декабря. В заключение его кн. Куракин писал, что «оставить крестьян (как Власьева, так и Бабарыкиных) в настоящем положении было бы в конец разорить их. Перемена в управлении их необходима, как в облегчение участи самих крестьян, так и для пользы самих помещиков». Поэтому «отдача имения, Власьеву в Рыбинском и Романовском и Бабарыкиным в Рыбинском уездах принадлежащего, в управление дворянской опеки признается лучшею мерою», и «гражданскому губернатору должен быть на сие указ» [1]). Как и в первом своем докладе (22 августа), Куракин и сейчас не находил «удобным подробности (как-то: определение количества оброка, уничтожение недоимок и проч.) решительно назначать по одному сему исследованию» и предлагал «вместе с тем» предписать губернатору, с губернским и соответствующими уездными предводителями, «составить положение, на основании коего деревни впредь должны быть управляемы и в коем должны быть определены, как повинности крестьян, так и доходы помещиков», т. е. на этот

Сколько в доме скота.							Есть ли порядочной одежи, особ. зимней.
лош.	бык.	кор.	тел.	овец.	свин.	коз.	

Сколько в доме в запасе хлеба четвертями.		На сколько времени за вычетом семян оного стать может.	Есть ли в доме хлеба печеного и бывает ли оного во весь год и какого качества.
ржи.	ярового.		

Считается ли на нем помещичьего долгу.		Наказан ли кто жестоко впоследствие двух годов, за что, не увечен ли он от того.	Примечание.
хлебом.	деньгами.		

Графа «примечаний» обширна и заполнена почти целиком. Через последние две страницы на обоих «ведомостях» приписка рукою исправника: «сия ведомость учинена при мне. Рыбинской исправник Люткин».—«Примерный расчет» не ограничивается общей, по статьям, суммой собираемых с крестьян денег, но произведен и применительно к пяти единицам мужского пола: ревизской душе, наличной, работнику от 15 до 60 лет, хотя бы и малоспособному, действительно способному работнику, и, наконец, работнику, действительно работающему в своем хозяйстве; натуральные повинности и случайные сборы также сведены, но не переведены на деньги.—«Об'яснения» имеют вид записи 14 «уверений» Власьева преимущественно в опровержение показаний его крестьян, не подписаны показателем и имеют подписи лишь Канкрина и Дешена.—«Экстракт» заключает в себе—где можно, количественные—итоги «Генеральной ведомости» по всем ее 29 графам.—Рукою Канкрина, кроме рапорта, писаны: «свидетельство» о кр. Власьева, «примерный расчет», «об'яснения» и все показания крестьян в «генеральной ведомости».

[1]) Непосредственно за этим следовала фраза: „Посредством сего помещики, быв удалены от управления крестьянами, не будут иметь способов делать им утеснения". Она настолько не на месте и мысль, в ней заключенная, настолько свойственна всему докладу, а доклад составлен достаточно логически стройно, что фраза эта здесь нарочито обращает на себя внимание. Психологическое назначение ее, повидимому в том, чтобы убедить Александра I в достаточности предлагаемой меры в интересах крестьян.

раз в отличие от первого доклада не предлагая оставить утверждение за Петербургом [1]). Утверждая это предположение Куракина, Александр I и на этот раз не забыл прибавить одну деталь от себя: «а предположения с. с. Канкрина сообщить губернатору к руководству определения опеки» [2]). Поэтому рескрипт на имя губернатора, подписанный Александром 9 января, был отправлен в Ярославль (12 января) в сопровождении предписания ему и от министра вн. дел принять к руководству предположения Канкрина [3]). В рескрипте «изнурение» крестьян об'яснялось «несообразными их состоянию и неопределительными налогами», а опека представлялась как мера, принимаемая «и для собственной пользы помещиков»: положение о ней, в коем «постоянно были бы определены повинности крестьян и доходы помещиков», предписывалось «в свое время представить министру внутрен. дел». В предписании губернатору Куракин предварил предположения Канкрина ссылкой на «Высочайшее повеление» и сопроводил приглашение «воспользоваться» ими, как по всему и следовало ожидать, характерной оговоркой: «поколику они при ближайшем соображении вами местных обстоятельств могут быть приведены в действие».

Не более, как через неделю по получении рескрипта, 25 января в Ярославле под председательством губернатора «составилось» собрание из предводителей: губернского—Майкова, и уездных—Рыбинского кн. Ухтомского и Романовского секунд-майора Шупинского; заслушав рескрипт и предположения Канкрина, оно приняло и текст «Положения». «Журнал» этого собрания 27 числа был «почтительнейше представлен» министру вн. дел с уведомлением, что «о приведении Положения сего в действие зависящее распоряжение (уже) сделано». О том, как быстро после этого «распоряжения» механизм опеки был приведен в действие, можно судить по тому, что уже 2 февраля назначенные к тому опекуны побывали в Романовской усадьбе Власьева и вступили там в свои обязанности. Между тем всеподданнейший доклад министра о «Положении» состоялся только 9 марта и составлен был в таких выражениях, как-будто «Положение» еще не было приведено в действие и ждало своего утверждения. Куракин высказался, напр. о «Положении» относительно деревень Бабарыкиных, что оно «может быть утверждено и приведено в действие», и создавал этим в кабинете Императора странный юридический казус. Но этот последний должен был повести—и как увидим, повел—к практическим затруднениям применительно к крестьянам Власьева. Положение о них Куракин предлагал тоже утвердить, но одновременно предписать губернатору «войти в ближайшее рассмотрение» двух существеннейших пунктов: о взятых помещиком во двор в личное услужение крестьянах и о крестьянах, «бессменно» работавших при новой усадьбе помещика в 70 верстах от своих деревень, которых—и тех и других—«Положение» предписывало вернуть на места их жительства, и буде они действительно надобны помещику в доме и для благоустройства усадьбы, то первых оставить во дворе, а «заведение» вторых постоянно поддерживать в усадьбе, переменяя его личный состав [4]). На сей раз доклад был целиком «Высочайше апробован», а 12 марта Александр подписал соответствующего содержания рескрипт [5]).

Не может быть сомнения, что Власьев не примирился с январским решением его дела и вероятно приступил к хлопотам, не теряя времени. Но с обращением к милости монарха, с подачею «всеподданнейшей просьбы» он основательно повременил. По крайней мере только 31 мая стало известно о существовании такой «просьбы» Ярославскому губернатору. В этот день он получил требование министра юстиции кн. П. В. Лопухина, которому «Высочайше повелено было ее рассмотреть»,—представить сведения, «по каким причинам и предписаниям поступило в опеку имение Власьева». 10 июня губернатор отправил Лопухину «обстоятельную записку» о произведенном следствии и двух рескриптах, которыми руководство-

---

[1]) И как бы в подкрепление своего предложения (и умолчания?) тут же прибавил, что „сия самая мера была принята с отданным в опеку имением помещика Салтыкова Ярославской губернии". Т. е. составление положения на месте.

[2]) Как бы в ответ Куракину на то, что они недостаточны.

[3]) Приведены в той форме, как они изложены были во Всеподданейшем докладе 29 декабря.

[4]) Возможно, что имеем здесь отражение попыток Власьева хлопотать о пересмотре его дела. См. ниже.

[5]) Начинавшийся точно такими словами: „министр внутренних дел представил мне донесение ваше к нему с Положением, вами обще с предводителями дворянства сделанным". Далее в тексте ни разу не употреблено выражение: „утвердить", а редакция рескрипта прямо исключала даже эту возможность, о „Положении" было сказано так: «Разсмотрев оное, Я повелеваю: 1) Управление имением помещиц Бабарыкиных учредить во всем согласно с сим положением, 2) Управление имением колл. асс. Власьева также распорядить на правилах, вами представленных, с след. к ним дополнениями».— Можно думать, что весь эпизод прошел незамеченным Александром, а донесения губернатора он не читал вовсе.

вался при наложении опеки, а Куракину сообщил о том в частном письме. Почти три месяца прошло с того дня (24 марта), как замещавший Голицына вице-губернатор кн. Урусов, во всеподданнейшем рапорте о получении рескрипта 12 марта, писал, что он «не уклонит войти с дворянским предводителем в ближайшее соображение» об известных двух пунктах и «высочайшую волю исполнит неупустительно»; но только 15 июня, очевидно, под впечатлением запроса министра юстиции, «составилось» вторично собрание предводителей под председательством Голицына и «разсудило» постановить дополнительные к «прежнему своему Положению» статьи, числом 19. О настроении и, так сказать, правовом самочувствии «собрания» можно судить по тому, что в первых двух статьях—по известным двум пунктам—оно признавало количество дворовых людей [1]) достаточным для помещика, а наличность новой усадьбы, в которой нужны были бы какие-нибудь особые работы, по-просту отрицало; а в заключительной статье постановило: «предоставить г. гражданскому губернатору о приведении положения сего в должное исполнение сделать зависящее распоряжение; а между тем копию с него для сведения препроводить к г. министру внутренних дел» [2]). В копии журнал «собрания» и поступил в министерство 24 июня.

«Записка» об этом дополнительном Положении, приготовленная в министерстве для всеподданнейшего доклада в августе (до 15 числа), предлагая одобрить новые статьи, так и гласила, что раз они «приведены уже в исполнение, то остается только предписать ярославскому губернатору, чтобы опека сими уже постановлениями руководствовалась и без представления начальству не делала в нем никаких перемен, и не вводила ничего нового, а испрашивала бы через него разрешения на то отсюда [3]), изъяснив подробно причины, к тому ее побудить могущие». Но в виду состоявшегося вмешательства в дело министра юстиции, пришлось поставить государю вопрос (15 августа), не снестись ли с министром юстиции о совместном рассмотрении дополнительных статей; на что последовала резолюция: «снестись»—и дело опять потерпело оттяжку. 27 августа Куракин обратился к Лопухину с предложением «купно» с ним «заняться рассмотрением сего дела» (как можно понять—дела о дополнительном положении только). Лопухин в таком именно смысле и ответил, что его «производство» по «прошению» Власьева касалось «уничтожения опеки, а не управления имением», и что по всеподданнейшему докладу его 8 августа просителю в удовлетворении уже отказано и «тем все производство» у него кончено. И участие в деле Лопухин принять отказался. Только тогда вышеупомянутая «записка» была доложена 14 сентября Александру с указанием, что «дополнительное положение», относящееся «к обоюдным пользам помещика и крестьян», может быть приведено в исполнение. На докладе пометка: «Его Императорскому Величеству докладывано». Через 2 недели (28 сентября), и не министр, а товарищ министра вн. дел сообщил о том ярославскому губернатору совсем кратко, что дополнительное положение «было представлено на усмотрение Е. И. В-ва», а 7 октября губернатор «донес» министру, что он «известил, о сем ярославское губернское правление. Таким образом «доведение до сведения», а не испрашивание «утверждения», и не уведомление об аппробации, а сообщение, что «до сведения доведено»—такова четкая формула этой последней стадии нашего процесса.

Мы остановились так подробно на его описании не только потому, что до сих пор формальная сторона такого процесса оставалась нам неизвестною, а живые подробности его не лишены интереса, но и потому, что судить о нем, как видим, по общим законоположениям XVIII и XIX стол. было бы прямо ошибкою: перед нами какое-то промежуточное звено с невыработанными в прошлом и не целиком признанными в будущем чертами, один из прецедентов, который ищет опоры не в законе, а в таком же случае, ему предшествовавшем. «Жестокое истязание», которым грозил закон Петра В., не определяя апелляционного порядка, в защиту подозреваемого расточителя от «коварства» местных властей, возродилось в форме включения в процесс особо доверенного чиновника по выбору Императора, бравшего на себя роль гарантии справедливости и одновременно решающей и апелляционной инстанции. Рядовые и будничные фигуры Бабарыкиных и Власьевых попадали в поле зрения верховной власти по исключительности результатов их хозяйственной деятельности; чем более эти последние грозили принять характер бытового явления, в котором хозяйственная неудача или бюджетная невязка ожесточала помещика, а жестокое обращение, срывая досаду, еще больше подрывало хозяйство, тем более являлось необходимым придать процессуальной стороне дела жесткую форму и не вовлекать верховную власть во все эпизоды явления в качестве незаменимого участника про-

---

[1]) „Дворовых" по ревизии, а не крестьян, взятых во двор.

[2]) Курсив наш. В первый раз, в январе, был представлен подлинник за своеручными подписями. В заседании 15 июня было заслушано подробное донесение опекунов вотчины Власьева.

[3]) Подчеркнуто нами.

цесса, поставив на ее место авторитетное учреждение [1]). Шаг за шагом в нашем процессе накапливался материал, о соотносительной хронологии, топографии и происхождении которого наше описание не оставляет сомнений. Сейчас увидим, что может он дать для реконструкции хозяйственного быта крепостных вотчин, взятых в опеку. Удобнее к каждой из них присмотреться особо.

II.

Крепостные девиц Бабарыкиных.

«Девицы» Анна, Александра и Марья Бабарыкины владели своими крестьянами очень недолго, едва два года, когда стряслась над ними беда. Отец их, капитан Алексей Бабарыкин, умер в 1806 г., оставив им свою единственную вотчину в 54 ревизских души в Рыбинском уезде, по общему признанию в полном порядке. В четырех деревнях—Афанасове, Карпове, Гремячеве и Пустынниках—за ним числилось без малого 200 десятин земли на круг: «пахотной, покосной и прочей». Усадьбы он там не поддерживал, и последние лет 15 собственной запашки не имел, в хозяйственный распорядок имения не вникал вовсе и, проживая в Москве, довольствовался оброком [2]). При общей цифре в 600 р. в год, оброк исчислялся по 25 р. с каждого из 24 тягол [3]). Доходной статьей, сверх того, были три мельницы, и единственная натуральная повинность крестьян состояла в ремонте плотин весною, примерно три дня тягла. «Зато» они пользовались всею землею и, как правило, все ходили на промыслы. То были «люди торговые» и, по общему отзыву, «порядочного поведения». После смерти капитана, вотчина перешла в опекунство московского сенатора Бабарыкина, дяди осиротевших «девиц», и при нем сохранился прежний порядок. Но опекунство дяди кончилось по истечении года, и в управление вотчины вступили наследницы. «Неприличное их управление», как выразился на своем очень точном и сдержанном языке Канкрин, оказалось не только «разорительно» для крестьянского хозяйства и к концу второго земледельческого сезона довело их до «изнурения»: оно в корень изменило весь хозяйственный уклад вотчины.

Сестры пожелали во-первых разделиться, во-вторых—завести свое собственное земледельческое хозяйство. Девице Анне при этом досталась д. Карпово и часть земли в с. Афанасове, Марье—другая часть в Афанасове и д. Пустынники, Александре же д. Гремячево. Переселяться совсем на житье туда они не предполагали, но и Москва, видимо, стала им без отца не по средствам, и сестры перекочевали в Ярославль, поближе к своей хозяйственной базе. Смерть отца застала их в такой период, когда каждой из них надо было подумать и уметь ответить, сколько чего за ней числится; но именно поэтому приходилось держаться друг за друга, жить одним домом: три сестры в нем все же составляли семью, и он продолжал почитаться семейным. В такой комбинации первом всего становилась забота о том, чтобы он был и открытым. За этим делом наших «трех сестер» и застигло расследование. Сельской резиденцией, пока для наездов, сестры избрали себе с. Афанасово. Там был отстроен один общий дом, деревянный, и возводились службы, едва ли не особые для каждой. Но управление крестьянами было четко разделено, и следствию пришлось иметь дело с тремя «вотчинными управителями». Делились крестьянами строго поровну, как и землею. Д. Карпово была населена гуще, а Пустынники имели всего одного тягленца: поэтому часть карповских крестьян при разделе переселена была в Пустынники. Помещицы при этом сразу же обнаружили нетерпение завести себе каждая собственную «упашку», а также собственный, громко выражаясь, дворовый штат. От прежнего определенного оброка они отказались решительно и круто повернули крестьян на барщину во всех ее видах. Но, отменяя «окладные» сборы, они тотчас же вынуждены были перейти на систему «неокладных» и, не успев создать системы, породили хаос, в котором следствие различило только стремление сорвать с крестьянина еще и еще что-нибудь, пока казалось, что взято еще не все,—и притом «не приобретая себе никакой пользы». И об'яснило это «нерасчетливостью» и «неопытностью помещиц». В показаниях крестьян можно подобрать признаки того, что хозяйственная энергия девиц Бабарыкиных мало имела общего и со вкусом к хозяйству, во всех ему присущих подробностях, и сопровождалась раздражающим сознанием, что действует в стане врагов. Один молодой крестьянин, взятый в

---

[1]) Уже с 1817 г. последней инстанцией был назначен Сенат. См. о дальнейших указах по этому вопросу Романовича-Словатинского. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права, Киев 1912 г., изд. 2-е, стр. 357 сл.

[2]) «Сначала» он посадил крестьян «на изделье», барщину, и они были «до крайности изнурены», «но увидев безполезность сего хозяйства», перевел всех крестьян на оброк. Показ крестьянина д. Карпово, Вас. Игнатьева.

[3]) Венцов (супружеств).

барский дом и исправлявший некоторое время «лакейскую должность» в Москве и Ярославле, рассказывал по возвращении, что помещицы «сами бьют людей поленами, и если кто, будучи послан за поленом, принесет тонкую четвертинную, того за то бьют»; нередко, просто, «выходя из своих покоев, бьют их, говоря: для чего не выкупаетесь и на волю пейдете». К тому же и держали их там впроголодь: «иногда давали хлеба, иногда денег один грош на два дня, и он более кормился от добрых людей». Однако, незадолго до его от'езда стали давать «месячную препорцию»: 1 пуд муки на человека.—Или еще: кучер, везший девицу Александру из Афанасова, по старости лет и слабости рук не удержал лошадей и вывернул ее из дрожек на повороте; помещице показалось, что она стала жертвой интриги всех гремячевских крестьян, за что все они, мужеска и женска пола, были наказаны палками от 50 до 80 ударов «в стоячку». Девица Анна «мужчин еще не наказывала никого»; зато женщины всех тягол раз были жестоко наказаны розгами поголовно за худое качество предоставленного полотна; в числе наказанных были мать управителя (он и показывал), старуха за 60 лет, и жена, которую наказали в один день в два приема; управитель многозначительно прибавил, что «оно случилось в отсутствие его». Разница между сестрами была в том, что Александра чуяла опасность, но, как увидим, не останавливалась перед нею, даже готовая вызвать «бунт»; Анна в этом отношении была несколько осторожнее, а Марья не обнаруживала темперамента совсем, но в основном хозяйственном приеме следовала старшим сестрам. А так как суть всей ситуации создавалась именно этим приемом, то во всех стадиях производства младшую сестру не отличали от двух старших, а предводитель дворянства Аксаков, напр., так и начал свое донесение, что все они три «быв злонравны», и т. д. Посмотрим, как, в самом деле, отразился этот прием, перевод с оброка на барщину крестьян одной из самых «оброчных» [1]) губерний, на крестьянских хозяйствах Бабарыкинской вотчины.

Его действие приобретало особенную силу и разрушительную быстроту оттого, что ему предшествовало расчленение вотчины совершенно ничтожных размеров на три дальше уже никак неделимые части. Сельцо Афанасово, надо думать, исстари было не только владельческой резиденцией, а и местом крестьянского поселения; но последнее помещицы поспешили уничтожить до основания, крестьян выведя, а постройки пустив или в разбор на материал для барских служеб или на слом, на дрова. И тянувшие к селу три деревеньки приняли исключительно на свои плечи содержание каждая своего владельца. В дальнейшем дроблении единицей становился бы уже двор, и мы не различили бы его вотчинного владельца от не то захребетника, не то пенсионера, а то и просто нахлебника. Но и теперь во всех трех деревнях оставалось всего только 11 дворов, а в них 15 тягол, мужского пола душ всех возрастов 29 и взрослых (от 15 лет) 17. Мы видели, что лет двадцать назад за отцом трех сестер было записано (V ревизией) 53 м. п. души, а в минуту смерти его доход с вотчины исчислялся с 24 тягол. Значит, мы присутствуем при катастрофическом уменьшении земледельческого населения вотчины: хозяйничанье новых помещиц обошлось ей—в 38% ее мускульной силы и государству—в 46% ее если не платежеспособности сейчас, то податного значения при следующей ревизии. Достигнут такой удивительный результат был разными способами: переводом «людей» на барский двор для личных услуг и для «отлучения», променою и даже продажею. Именно в этом случае наибольшую инициативу проявила девица Марья: троих она взяла для услуги, двоих с тем, чтобы сейчас же получить с них 170 р. оброку, выслав на промыслы (в этом и заключалось «отлучение» их от земли, особый вид «обезземеливания»), двоих продала и одного отдала в рекруты [2]). О двух других сестрах наши сведения не так точны, но известно, что каждая из них для личных услуг ограничилась двумя душами м. п., зато девица Александра «отлучила» на заработки троих, переведя их, как и Марья, во двор предварительно, а девица Анна не «отдавала в рекруты» и не «продавала» в чужое хозяйство, а «переменяла на рекруты» своих крестьян.

Следя за такими операциями, можно догадываться об одной подробности «плана», ими руководившего: барщинная способность деревень обессиливалась переводом во двор не столько для непосредственного удовлетворения прихоти окружить себя «многочисленным» штатом прислуги, сколько для быстрейшего накопления денежного капитала на развитие своего хозяйства. При

---

[1]) По высоте % оброчных крестьян Ярославская губ. в середине XIX ст. стояла на втором месте (90,87%), во второй половине XVIII ст.—на четвертом (78%). См. Игнатович, «Помещичьи крестьяне накануне освобождения», изд. 2-е, стр. 49.

[2]) Отдача в рекруты, неся все формальные признаки натуральной государственной повинности, имела и свою экономическую природу. Ее можно было избегнуть, купив рекрутскую квитанцию на деньги, собранные с крестьян. Но ее можно было исполнить, обратив в повод собрать произвольную сумму с крестьян на „под'ем" рекрута. В данном случае в рекруты отдан был сын, а отец его был взят во двор, но по непригодности был отослан в Москву «для прокормления милостынею», дом же его был сломан на дрова.—В результате и получилось у д. Марьи 10 наличных м. п. душ вместо 19 по ревизии.

случае, как знаем, помещицы не прочь были понуждать именно дворовых на выкуп, а не прошло и двух лет, как две из них «особо» прикупили себе по 15 десятин сенокоса. Этот прикуп имел тот смысл, что мог стать одной из исходных точек будущего собственного хозяйства. Пахотная земля была крайне истощена и, видимо, удобрялась плохо. На вопрос, напр., о пшенице крестьяне определенно ссылались на «истощение» почвы, об'ясняя, почему перестали ее высевать. Забота помещиц о скотном дворе и хозяйстве, в котором у каждой было по 9 коров, заметно проходят в ряде крестьянских показаний. Но если бы мы и не ошиблись, заподозрев наших помещиц не в одной лишь склонности к домоводству, но и в замысле некоторой «интенсификации» земледельческого хозяйства, то стоит только взглянуть на данные, собранные расследованием о крестьянском хозяйстве, чтобы убедиться в безнадежности всего предприятия.

В самом деле, эти данные не оставляют никакого сомнения в том, что земледелие было далеко не главным занятием крестьян и едва ли даже они обходились собственным хлебом. В год, когда вотчина попала в опеку, крестьянами трех деревень было высеяно $13^1/_2$ четвертей ржи. При 58 едоках и при урожае сам-3 можно было ожидать, что на едока придется около 9 пудов, т. е. половина потребительной нормы [1]). В один голос крестьяне показывали, отвечая на вопрос, сколько у них в запасе ржи, и надолго ли его хватит, что хватит его, напр. до Рождества или до 1 февраля, как-раз исходя (и не оговаривая того) из 18 пудовой годичной потребительной нормы на едока. Из показаний же управителей известно, что девица Марья отделила себе половину земли, Анна — одну треть, Александра же позаботилась выбрать себе уже перед снятием урожая лучшие полосы и собрала таким образом 11 овинов ржи против $7^1/_2$ крестьянских [2]). Значит, при отце помещиц, в лучшую пору земледелие обеспечивало бы трем деревням потребительную хлебную норму только-только и не считая семян на посев. При этом количество лошадей удовлетворяло хозяйственной потребности тоже в обрез и осталось, со вступлением сестер во владение, неизменным: их было 14 на 15 тягол в 11 дворах, и не было двора без лошади. Резче картина с молочным скотом: в наш год коров оставалось на 58 человек в 11 дворах всего 9; при чем одна из них была «взята в долг у купца для ребенка», и в 3 дворах их не было вовсе, а телят зарегистрировано только 2. Для карповских крестьян имеем здесь результат, прямо катастрофический, новых хозяйственных приемов помещицы. Среднее отношение количества коров и едоков для карповских складывалось сравнительно благоприятно: 1 : 5 вместо 1 : 6 и 1 : 9. Но еще летом, всего несколько месяцев назад, у них было 8 коров [3]), а к концу ноября оставалось 4 (что при 20 едоках и дало указанное отношение). Карповский кр. Василий Игнатьев, во дворе которого на 3 тягла считалось 2 коровы, при опросе заметил с досадою: «прежде было коров по 3 на тягло, а ныне и по одной не приходит» (т. е. не приходится). И в Гремячеве у «строгой» девицы Александры заметно нечто подобное. У кр. Федота Тиханова не осталось коровы, потому что «она продана, когда его вели для отдачи в рекруты», а староста Емельян Николаев, обладатель одной коровы, заметил, что «у него прежде двор был наполнен скотом». Уже летом во всем Гремячеве оставались те две коровы на 19 человек, что найдены были и в ноябре: тогда уже губ. стряпчий Манин узнал от крестьян, что «прежде было их больше, но распроданы для платежа налогов». Но едва ли и в прежнее время размеры крестьянского скотоводства были столь значительны, чтобы превысить удовлетворение натуральных потребностей крестьянской семьи и составить регулярную статью денежного оборота деревни. Прибавим, что у нас нет улик, чтобы сестры, вводя натуральное обложение, покусились на продукт или приплод крестьянского скота, и он таял, приходится думать, под общим давлением всего пресса, нажавшего на крестьянский бюджет со смертью старика Бабарыкина.

Показаниями крестьян и управителей устанавливается твердо, что крестьяне прежде жили «порядочно», «хорошо», «не бедно»; инвентарь, сбруя, телеги, сани «и прочее» были и сейчас сохранились во всех дворах чаще в «порядочном» состоянии, редко (в 3 случаях) в «посредственном»; дворы тоже ни разу не показаны «ветхими», а аттестованы как «хорошие», «порядочные», «изрядные»—«по здешнему обыкновению». Если принять во внимание, что в вотчине была «маленькая з а к а з н а я роща» и в большинстве случаев крестьяне «дровами довольствовались» покупкою, то и поддержание двора в «изрядном состоянии» ложилось на денежную часть бюджета крестьян. С зимней «одежей» сейчас обстояло несколько хуже. В прежнее время крестьяне держали овец, и зимний гардероб для деревни не являлся проблемою. Крестьяне девицы Анны сохранили еще 5 овец, а Александра отобрала их всех до единой. Но именно

---

[1]) Ср. О г а н о в с к и й, «Очерки по истории земельных отношений в России». Саратов. 1911 г. Стр. 126. Наш источник решительно подтверждает эту норму.

[2]) Зато и крестьяне ее соответственно этому протянуть своим хлебом могли до середины декабря только.

[3]) Цифра точно—по дворам: 3+3+2—указанная губ. стряпчим Маниным.

карповские первые приступили к продаже зимнего платья, «частью износили, а с оставшеюся частью изворачиваются с нуждою». О прочих известно только, что этот предмет прежде был «порядочным», а «ныне выводится» и «изворачиваются еще прежним». Надо думать, что при всем том он и в прежнее время мог не стоить крестьянам ни копейки.

Таким образом нет никаких оснований предполагать, что такое крестьянское хозяйство, при самых скромных его потребностях, могло и при прежнем управлении вотчиною держаться на своем уровне без притока денежных средств извне. А повинности, ложившиеся на него в денежной форме, делали приток этот первостепенной проблемой. Не считая рекрутской, тягло повинно было ежегодно иметь на готове и в срок внести: помещичьего оброка 25 р., подушных и земских сборов—(по 3 р. с р. д.) 6 р. 62 к.—32 р. 62 к.[1]). И «отхожий промысел» в нашей вотчине действительно играл виднейшую роль, поддерживая добрую половину бюджета. Поголовно все крестьяне хозяева уходили на промысел, преимущественно «в маркитантах» в Москву, Ярославль, Моршанск и др. города, один работал по мельницам, один «сидел сидельцем в лавочке в Санкпетербурге», один «ходил в крючниках» и промышлял извозом около Рыбинска, один был десятником на С'езжем дворе в Ярославле: и «за пашпорты», сверх оброка, владельцу не платили ничего.

Помещицы напали одновременно и на бюджет и на основной капитал так построенного хозяйства.

Оно прежде всего почувствовало на себе уменьшение количества тягол при взносе государственных сборов: прибавка на тягло получилась в 4 руб. подушных и земских денег и 13 р.[2]) за рекрута, всего 17 р. Во-вторых, хозяину тягла предстояло купить на рынке то количество ржи, которое переходило в амбары помещиц вслед за введением владельческой запашки на, примерно, половине крестьянского поля: на 4 едоков ок. 4 четвертей = 12 руб. Ограничиваясь только этими цифрами, можно заметить, что денежный расход тяглеца возрастал, самое меньшее, на 50%. При этом все тяглецы были повернуты на барщину без ограничения ее временем: в Карпове «летом сплошь ходили на барскую работу, а для собственной оставались почти одни праздники или то время, которое выгрывали, вставая поранее и работая ночью», в Гремячеве ходили, кроме того, «и по воскресным дням», в Пустынниках — «почти ежедневно». Только с 20 июля 1808 г. все три сестры определили 4 дня работать на помещиц и 2 дня на себя, как полагали крестьяне, потому, что порядки вотчины получили огласку. Зимою наступала возка дров, частые посылки в Ярославль[3]), доставка навоза, стройка скотных дворов и сенных амбаров; раз возили девицу Анну в Москву и пробыли в дороге с лошадьми 4 недели, что «стало» им 60 рублей. Среди всех этих зимних оказий поездки на промысел из первостепенного, даже единственного источника денежного оборота хозяйства обращались в совершенную случайность, зависящую от разрешения помещицы. Здесь то и обнаруживалось, что отмена прежнего оброка была не только фикцией, а разрешение, когда давалось, должно было оплачиваться не в 25 р., как было, в сущности прежде, а дороже. Одна девица Марья не последовала по этому соблазнительному пути, как думали, потому, что крестьяне ее только недавно перебрались в Пустынники и даже не все достроили дворы свои. Но и у ней на вторую зиму еще не было об'явлено, будет ли разрешение. Девица Анна первую зиму дозволила отлучиться, но, напр., старосте обошлось это 72 руб.: 40 р. были взяты с него при от'езде, а только он уехал, жена его была «вынуждена» заплатить еще 32 руб. Но на вторую зиму ему велено было оставаться в деревне (навоз возить) и неожиданно приказано собрать с карповских 300 р. «оброку» по раскладке, т. е. уже 60 р. с тягла. В Гремячеве у Александры четверо тяглецов были отпущены за плату по 30 р. с человека[4]); только мельник естественно был оставлен на мельнице, приносившей доходу 650 р. Старосте было поручено «сыскать» для 2, взятых во двор, работников такие места в Рыбинске, где бы можно было получить по 100 р.; ему удалось найти места у купцов за 75 р. в год. Староста потерпел должное наказание «за нестарательность»: у

---

[1]) Если принять, что четверть ржи стоила тогда не дешевле 3 р., то крестьянское тягло отдавало бы ежегодно 11 четв. ржи, немногим более, чем потребляли сами те 4 едока, которые, в нашем случае в среднем, заключались в 1 тягле. Ср. Струве «Крепостное хозяйство». М. 1913, Стр. 114 сл; Игнатович, «Помещичьи крестьяне накануне освобождения». М. 1910, стр. 80; Огановский, Указ. соч., стр. 233.—Уже при сестрах, девица Марья оценила рекрута, поставленного из ее крестьян, в 536 р. Если принять эту цифру за обычную, то на тягло при кап. Бабарыкине рекрутчина падала в размере 22 р. с небольшим в каждый набор.

[2]) 13 р. от уменьшения числа тягол и 8 р. «за столовый запас для рекрута»; тогда прибавка равнялась бы 25 р., т. е. отмена оброка, в его прежней форме, прошла бы незамеченной плательщиком.

[3]) Иногда такая посылка обходилась крестьянину 15 руб.

[4]) Одному из них это обошлось 42 р., но, как можно догадаться, потому лишь, что вперед он сумел дать только 12 р. При возвращении за тягло взято с него 30 р.

него была отобрана «в штраф» корова (другая осталась во дворе), а потом был дан ему теленок. Между тем крестьяне совсем изготовились ехать по прежней цене и даже наняли для очередной постройки господского амбара сторонних людей по 25 р. человеку; однако, отпущены не были: только старосте с сыном было предложено ехать, но уже по 50 р. с человека, и ему самому пришлось отказаться.

Немудрено, что над крестьянским хозяйством, так сжатым в тиски, навис призрак смерти, а о вотчине изобретательных трех сестер пошли нехорошие слухи. Особенно старалась девица Александра. Всякое тягло обложено с появлением помещиц некоторым количеством т. назыв. «припасов». В каждой деревне ассортимент их не был одинаков: в Пустынниках тягло («или баба») давала 15 аршин новин [1]), 2 мотка ниток, 150 шт. яиц из-под розданных бабам на прокормление 3-х на каждую кур и—в этом сказалась индивидуальность девицы Марьи—1 тетерева и ягод «брусничных» 1/2 четверика: в Карпове, отличавшемся большим благосостоянием, девица Анна брала столько же новин, ниток одним мотком больше, тоже 150 шт. яиц, только из-под крестьянских кур, и 10 цыплят, а тетеревами и брусникою не интересовалась, притом брала и лишнее: как то раз в наказание забрала с тягла от 2 до 4 кусков новин, около 20 аршин каждый; а Александра ничего, кроме 25 арш. новин, не пожелала точно определить, а просто «перебрала» в один год всех «куриц» и по 1 овце с тягла; зато на другой год «ничего подобного», как и овец у крестьян, разумеется, ни одной не «нашла» (как не обнаружило их и расследование) и роздала бабам «на прядение для госпожи» по 4 ф. их же собственной шерсти. Мы только-что видели, как она же «меняла» своих телят на крестьянских коров. А вот и прямая «конфискация» с «выселением»: мельник ее рассказывал—«сперва как госпожа приехала из Москвы, отобрала у него 2 коровы и оба засеянные поля и выслала его из Афанасова в Гремячево, отчего он по миру ходил, а после подарила ему воз сена», и так и жил он теперь в чужом доме, проданном бывшим хозяином «постороннему человеку», но еще не «отданном»;—«у сего же дома двор весь разломан»—прибавил мельник [2]).—При просмотре «ведомости» обращает на себя внимание одно крестьянское хозяйство в Гремячеве: в нем не показано, сколько чего высеяно тяглецом, и сказано, что, «ничего не сеял», потому что «в железах находился в Афанасове при плотничьей работе». Это краткая история. «Причина ему была та, что ныне весною, когда все крестьяне были наказаны»[3]), он Федот Тиханов—«будучи старостой отзывался, что более сечь не может потому, что у него руки болят. Барыня, сказав, что он зачинщик бунта, запечатала двор его и брала все семейство в Афанасово; здесь не давала ему хлеба и дать не велела, а когда родственники приносили пищу, то, если только заметила горшки, велела разбить и отдать пищу собакам, а прежде сего требовала за штраф 100 рублей, коих он не мог платить. Около Ильина дни [4]) воротили его в дом его и возвратили ему имущество, исключая малую часть, которая, может-быть, растерялась. После чего отправлен в Ярославль для отдачи в рекруты, где однако по слабости в груди и за кашлем не принят, а выбрили ему затылок». На поверку все крестьяне и некоторые бабы были допрошены поодиночке, и показали: «что били друг друга и что в помощь были призваны Пустынниинские мужики»—и подтвердили его разсказ во всех подробностях, приплетя и известный нам случай с лакеем и поленами.

До бунта, как видим, дело не дошло, хотя подобные аллюры в обращении с «маркитантами» и «сидельцами» петербургских лавочек были, вероятно, рискованнее, чем с исстаринными барщинниками. Следствие не придало веры показанию старосты, что Тиханов «только утчиво просил» освободить его от истязания других, и квалифицировало их поступок, как «ослушание». Но и про девицу Александру выразилось, что та сама «подала притчину тою неосторожностью, что наказала вдруг целую вотчину, не потребовав помощи земского суда». Остается пожалеть, что последний не был вовлечен в дела нашей вотчины: может быть хоть его показания внесли бы диссонанс или по существу новую черточку в разобранный нами простейший случай патологии именно экономического сознания, которое, видимо, у всех трех сестер стояло на одном уровне, и такой «вотчины», смысл существования которой, еще до того, как она стала об'ектом такого сознания и направленной им энергии,—был экономически же совсем призрачным, а формальная юридическая сторона этого существования способна была породить описанную в нашем деле ситуацию.

---

[1]) Тонкое полотно.

[2]) При показании укоризненное примечание допрашивавшего: «заметить должно, что без коровы жене Григория Васильева трудно воспитывать грудного ее сына, тем более что она сама не зрелых лет».

[3]) То самое печальное происшествие с дрожками и кучером.

[4]) Все тот же день 20 июля 1808 г., когда помещицы стали одумываться и в вопросе о барщине.

И дело было на столько просто и ясно, признаки того, что плательщики государственных податей через месяц-другой «сподвал», поголовно пойдут милостыню просить, настолько очевидно, что все подробности его ликвидации в пределах тогдашнего права не вызывали спора и колебаний. Помещицы были устранены от «неприличного» управления и прежний распорядок вотчины целиком восстановлен. Восстановлен он был, если взглянуть на него с точки зрения крестьян: размер оброка формулирован в рескрипте так, что оставшиеся крестьянские тягла, действительно, продолжали бы платить прежний оклад в 25 руб. с тягла. Для помещиц оно обернулось так, что, по их же вине, 25 р. множилось не на 24, а на 15 тягол и вместо 600 р. на троих приходилось 375 р. Правда, у каждой из них оставалось еще по 650 р. дохода с мельниц. Но эти две твердые, не подлежавшие изменению цифры, должны были несколько уменьшиться, потому что за счет помещиц указано было восстановить все разрушения и убытки, причиненные крестьянам в эти два года. Об этом особо упомянуто не было, но в конце известной XVI главы Екатерининского учреждения о губерниях значилось точно, что опекунам «дозволяется взять за труды» себе 5% ежегодно с дохода подопечных. Существеннее было другое: при твердой цифре дохода в рублях, наши сестры становились в ближайшие годы жертвою катастрофического падения курса рубля, к 1816 году докатившегося до 25 коп. без малого.

С вотчиной помещика Власьева дело, при ближайшем рассмотрении, оказалось сложнее.

III.

Крестьяне колл. ассесора Власьева.

Как ни нелепы размеры и формы, в какие вылилась хозяйственная энергия сестер Бабарыкиных, ее порыв сам по себе не был лишь «случайным» эпизодом в их биографии, а в жизни вотчины настали «новые времена» не только потому, что в управление ею вступил новый владелец. Если бы судьбе угодно было продлить дни покойного капитана года на три-четыре, он не только сделался бы свидетелем «позора» и «унижения» России, принявшей в Тильзите союз с Бонапартом, но, пережив его, скоро почувствовал бы некоторые его последствия на своем городском бюджете [1]). И вопрос о доходности описанной вотчины стал бы перед ним в решительной форме. Должно-быть, капитан не повторил бы опыта, кончившегося, как известно, лет 15 тому назад полною неудачей, и барщины бы не ввел; но оброк бы увеличил наверно. Наш «маленький случай», таким образом, нашел бы свое об'яснение в условиях «мировой кон'юнктуры».

Порядки, застигнутые расследованием Канкрина в вотчине колл. асс. Власьева и раскрывающиеся в наших документах со всею подробностью, с этой кон'юнктурой, повидимому, не имели ничего общего. Они, во-первых, имели за собою 15-летнюю давность: так совпало, что Власьев вступал во владение своей рыбинской вотчиной как-раз тогда, когда Бабарыкин производил свой первый хозяйственный опыт. Они, во-вторых, не обнаруживали и тени предпринимательства, которое было бы направлено на эксплуатацию этой именно вотчины. А предприимчивость, жертвою которой сделались его рыбинские крестьяне, получает свое исчерпывающие об'яснение в общем мнении соседей, принятом и Канкриным, что ее «причиной» были: «долги его, роскошный образ жизни, заведение вновь обширной усадьбы и великое число дворовых людей, на оной без соразмерной пользы живущих»; на долги же ссылался в оффициальных своих «об'ясненіях» и сам Власьев; розыском его кредиторов с первых же дней озабочены были и опекуны, назначенные Ярославской опекой. Между тем поле для предпринимательства было, как увидим, обширное, и именно общая кон'юнктура складывалась в этом смысле благоприятно.

Бабарыкинская вотчина прошла перед нами обе формы, какие принимало вообще крепостное хозяйство: сначала оброчную, затем барщинную, каждый раз в чистом их виде. На территории Власьевской вотчины имеем смешанный тип, только в состоянии некоторого неустойчивого равновесия с значительным—и побеждающим на наших глазах— преобладанием первой из них, оброчной. В количественном же отношени оба наши примера—на двух противоположных концах одной скалы. Сестры Бабарыкины принадлежали к той группе мелких землевладельцев, которая числила в себе более 1/2 всех дворян-владельцев первой половины XIX столетия; зато крестьяне,

---

[1]) Как-раз с 1807 года курс ассигнационного рубля, чуть-чуть приспускавшийся начиная с 1804 г., устремился книзу быстрыми и правильными скачками; только в 1815 г. падение его остановилось, и рубль медленно повернул назад, но к 1807 г. так никогда больше и не вернулся. Напомним цифры стоимости асс. рубля в серебр. коп.: 1800 г.—65 коп., 1803 г.—80 к., 1805 г.—76 коп., 1806 г.—75 коп., *1807 г.*—67 коп., 1808 г.—53 коп., 1809 г.—44 коп., 1810 г.—30 коп., 1811 г.—25 коп., *1815 г.*—23 коп., 1816 г.—24,75 коп. *1839 г.*—28,5 коп.

обслуживавшие такое миниатюрное хозяйство, были редкостью и составляли для нашего района около 5% всего крепостного его населения. Наоборот, крестьяне Власьевской вотчины относятся к категории, обнимавшей тогда более 25% крепостных, но сам Власьев, как экономическая разновидность дворянства, относительно—еще большая редкость, чем среди крепостных Бабарыкинские крестьяне; таких, как он, в дворянстве той же эпохи, насчитывают не более 1%. В данном случае имеем дело с «крупным» владельцем «крупной» вотчины [1]). Без знакомства с тем и с другою не стоит и заводить речь о быте и труде ее населения.

Владения Михаила Сергеевича Власьева [2]) раскинулись по 7 уездам Ярославской губернии. За ним считалось в Романовском уезде 297 рев. душ, в Ярославском уезде 370 рев. душ, Рыбинском—347, Ростовском—21, Мологском—5, Пошехонском—13 и Даниловском—18 душ; всего 1081р. душ [3]). Но это не все: за ним были вотчинные владения и в Костромской губ., по крайней мере, в одной из его усадеб Ярославской губ. жили 4 крестьянина, «переведенные» им из Костромской губ. Компактностью не отличались так разбросанные вотчинные куски и в пределах своих уездов. Рыбинские крестьяне жаловались на крайнюю чересполосность их угодий с угодьями крестьян 9 других владельцев, при чем из 19 деревень этого уезда, где жили Власьевские крестьяне, только 6 были населены ими сплошь, в 13 остальных дворы их стояли бок о бок с чужими. Сплошную владельческую территорию можно предполагать со всею вероятностью в Романовском уезде, где стояли «все» три «главные» усадьбы помещика: Иванинская, Петровская и Иевлевская. Центром, административным и хозяйственным, всего этого конгломерата погостов, сел и деревень было «сельцо» Иванины, постоянная резиденция Власьева и его семьи. О размерах этой усадьбы и размахе жизни, которой жила резиденция, легко судить, напр., по количеству «людей», дворовых и взятых во двор с пашни крестьян, составлявших «дворовый штат» Власьевской вотчины. К 33 «дворовым мужского пола», значившимся по V ревизии еще лет 12 назад, помещик не уставал подбирать подходящих «людей», мужчин и женщин, во всех своих крестьянских «мирах»: кроме помянутых выше 4 Костромских, из Рыбинских взято было 16 (не считая 6 девушек) и из «всех других вотчин» «немалое число». Дом, в котором жили зимою и летом хозяева, был о 69 комнатах; было и несколько флигелей. Всего считалось печей с «очагами и каминами», 85. Отопить все это надобно было 70 кв. саж. «долгих» дров в месяц, и на 6 месяцев оброчными крестьянами поставлялось «более» 420 кв. саж., а однополенных «обыкновенных» дров 1260 саж.—количество, поразившее даже современников опекунов: по их мнению, 50 взрослых работников тяглецов, одна только «возка и рубка» такого количества дров (без заготовки и распиловки) была «делом невозможным». Впрочем не все это количество шло на отопление жилых помещений. При доме были прекрасно поставленные «ранжереи». В них было около 300 «плодовитых» деревьев и множество других разных растений и, даже ананасная теплица; «все оное» состояло в ведении садовника, а ему на помощь и выучку «даны» были в ученики переведенные из крестьян «разных округ люди». Опекунам, как видно, «ранжерея» показалась предметом, требующим «упражнения», и они решительно открещивались от управления ею, а за одно уж и садом, тем более, что сам садовник сознался, что «в содержании деревьев в настоящем их виде более познание имеет сам господин его».

Канкрин, желая смягчить личную ответственность Власьева за плохое состояние его крестьян, об'яснял «изнурение» их „из части", т. е. отчасти, тем „предполагаемым обстоятельством", что он „лично не столько входит в управление своих крестьян и все более производит через домовую контору". Это не совсем точно. Что Власьев не входил в их быт, за редкими исключениями, не подлежит спору уже просто в виду их численности. Но „управление" целиком сосредоточивалось в его руках, не говоря уже об инициативе. Самое существование какой-либо „домовой конторы" в с. Иванинах подлежит некоторому сомнению: стоило помещику

---

[1]) Ср. Огановский, указ. соч., стр. 279. Ярославская губ. отнесена там к «Московско-промышленному району». Имеем в виду цифры, относящиеся к 1835 г.: % владельцев до 21 души—53,7, свыше 1 тыс. душ—1; соответствующие % крестьян—5,2 и 25,1.

[2]) Принадлежал к древнему дворянскому роду, восходящему к началу XVI столетия, с того же времени пустившему корни на территории позднейших Ярославской и Костромской губерний.

[3]) Тот век вел счет на рев. души. Количество десятин нашим документам осталось неизвестным. Из донесения опекунов видно, что количество десятин они расчитывали установить только при помощи самого Власьева. Пользуясь данными о % соотношении угодий в нашем районе по данным XVIII и XIX столетий, приведенными у Огановского стр. (242), и сопоставляя их с данными о количестве десятин (195), высеваемой ржи (27 четвертей) и скашиваемого сена (670 пудов) по Бабарыкинской вотчине можно—грубо приблизительно предположить, что, не считая лесных угодий, в Ярославских владениях Власьева было около 5000 десятин.

уехать на время и налегке из усадьбы, как ключи ко всем секретам хозяйственного управления оказывались не поправимо потерянными, и это решительно заставляло теряться опекунов при первых попытках разобраться в „текущих делах“ и „основах“ этого управления. Не заметно и особого „управляющего“ имением. Его центр и жизнь в Иванинской усадьбе могли замирать временами с от'ездом хозяина, и послушные, давние колесики отдельных частей вотчинного механизма продолжали отчетливо работать, сбирая оброки и недоимки; старосты (Иванинский, Петровский, Невлевский, Рыбинский, Ярославский и т. д.) и земские писаря подбирались самим хозяином внимательно и отрешались, при случае, бесповоротно и сурово за хозяйственный промах или административное упущение. Все мелочи и подробности исполнения возлагались на старост или бурмистров. Распоряжения и приказы исходили от их непосредственного начальника-барина.

Особенно проявлялась его инициатива, со всею энергией, в устроении прежде всего самой усадьбы. Дело не сводилось к одной „ранжерее“ или „плодовитым“ деревьям. В тот год— и кажется это не первый,—к которому относятся наши документы, там шла какая-то работа по обстройке и украшению усадьбы и парка. Несколько десятков людей под наблюдением самого Власьева и трех старост „делали кирпич, пилили досок, около прудов и насыпки гор и около строения ходили“. Работа приняла такие размеры, что округа была уверена, что Власьев возводит новую усадьбу; поставлена она была так круто и контролировалась так мелочно, что до дворянского предводителя Аксакова дошло, что люди копают пруды в надетых на шее железных рогатках, а в соседних деревнях прибавляли, что и „в цепях со стулами“. По кирпичному производству был, напр., положен урок 530 кирпичей „выполнить“ в сутки. За невыполнение урока наказание назначал сам „господин“; есть показание одного крестьянина, побывавшего в этой работе и не выполнившего урок: он был наказан „самим господином через лакея по обыкновению барина весьма больно“.—Но и в сфере сельского хозяйства и даже быта крестьян заметна все та же инициатива. Во время опроса крестьянин, бывший раньше „волостным начальником“ (т. е. старостой), пред'явил Канкрину несколько „недоимочных реестров“. Один из них был подписан „каким-то“ Ивановым[1]), но без даты, а другие и вовсе без подписи. Канкрин приписал у себя оговорку о недостаточной внешней достоверности документов, но содержание их записал. Из них видно, что среди других чудовищных требований, обращенных к крестьянам, были: крапивного семени, подорожника по 43 п. 15 ф., „рашков“, „веников“. Нынешний земский писарь прибавил на словах от себя, что тогда „были требованы галки и воробьи с осмака по 100“. Последнее замечание способно похоронить все показание, однако же сам Власьев потом об'яснял Канкрину, что „крапивное семя требовал он, потому что считает более выгодным сеять вместо льна крапиву“. В полушутке о галках и воробьях, которая, должно быть, не дошла до Власьева и им в «об'яснениях» не опровергалась, не трудно угадать страстного садовода-любителя, увлеченного безграничной верой в организованное массовое начинание по истреблению „плодовитых“ „вредителей“. Та же нотка, но уже явно фальшивая, в другом об'яснении, почему часть сборов положена с крестьян припасами: „чтобы они не пропивали свои продукты“ (меж тем, как заведомо крестьяне с его же разрешения платили, вместо продуктов, деньгами по таксе). Это то самое место в „об'яснениях“, где Власьев сослался на долги свои.—Или еще. Крестьяне утверждали, что за женитьбу парня помещик взимает 100 р., а староста даже подсчитывал, что 15 таких парней пора женить, но мешает это именно обстоятельство. Власьев прекратил выдачу паспортов на отлучку крестьянам, не уплатившим недоимок. Но об'яснял он эту меру иначе: именно тем, чтобы „в рассуждении расколи не могли разбежаться“[2]). И вдруг Канкрин пред'явил версию о 100 р.; но и тут у Власьева нашлась другая вариация—тоже марьяжная—на эту, в сущности, тоже недоимочную тему: „не за женитьбу, а за девку боле 25 лет берет 100 р.“, и именно для того, чтобы „раскола не усилилась“.

Доход вообще Власьев предпочитал получать не в натуральной, а денежной форме. Географические условия в данном случае счастливо сочетались с разросшейся в большом бюджете статьей «обязательств». Пускаться на заразительный путь грандиозного сельско-хозяйственного предпринимательства было дорого и рискованно. Но так повелось, должно быть, исстари—по крайней мере нет никаких признаков здесь собственного начинания Власьева—что Романовская вотчина была ареной личного владельческого хозяйства, и крестьяне тянувших к с. Иванинам и 2-м другим усадьбам деревень сидели на изделье. Однако природа брала свое, и барщинная

---

[1]) Был такой и был в свое время старостой. Только поданы были документы другим лицом: Иванов этот, как увидим, раз уже пострадал от гнева помещика.

[2]) Пьянство и „раскола“ вообще, по уверению, Власьева, были источником всех бед, постигших его крестьян. По смыслу, речь идет о холостячестве, входящем в моду на отхожих промыслах и расстраивающем твердый семейный обычай и крепостную оседлость.

система в чистом виде хирела на Ярославской почве: когда опекуны справились о количестве душ, числящихся на изделье, то нашли, что из 297 записанных по ревизии уцелело всего лишь 105 человек, 35%. Барская запашка и функционирование всех прочих господских угодий давно уже поддерживались за счет рабочей силы других вотчин Власьева, который, располагая ею в любом количестве, не имел и необходимости настаивать, как его рыбинский современник, и потом его дочери, на выполнении всего хозяйственного плана Иванинской вотчины силами одних романовских барщинных крестьян. А размеры барщины для окрестных оброчных распределялись в сравнительно небольших пропорциях, которые, сами по себе, по своему первоначальному назначению могли быть сделаны и «не так», по тогдашнему выражению, «отяготительны».

Существовала «при доме» Власьева и ткацкая фабрика, относительно которой, однако, у нас нет ровно никаких сведений, которые позволили бы приблизительно судить о ее размерах. Остановилась она на ходу, как только осталась без хозяйского глаза: ткачи из крестьян были распущены по положению об опеке, а «за тем» осталось при ней всего 2 ткача из дворовых. В точности не было известно, откуда бралась и та пряжа, запасы которой (какие?) найдены были при ней. О доходности и говорить нечего: она тоже остается нам неизвестной. Рыбинские крестьяне, которые будто бы поставляли на нее пряжу, ни в одном показании не обмолвились о том хоть бы словом. Это—невырванная, но стертая страница летописей нашей вотчины.

Размеры долгов, оставшихся на вотчинах, тоже неизвестны. Более 800 рев. душ были заложены Власьевым «в казенных местах». Опекуны беспокоились, нет ли на нем «партикулярных» долгов и, естественно интересовались знать, кто ему, кроме его собственных крестьян, должен. Начальство («собрание» предводителей) ответило опекунам, что то можно узнать, вызвав должников и кредиторов «через узаконенные публики» (т. е. публикации). Это очень досадный пробел, потому что, как знаем, именно косвенное давление долговых обязательств владельца перенапрягало платежную способность рыбинской вотчины Власьева; а не фабрика и не земледельческая барщина на господском «участке».—К Рыбинской вотчине нам и остается теперь обратиться.

Д. Балабаново с 19 деревнями [1])—таково оффициальное наименование рыбинской вотчины Власьева [2]). Но Балабаново—меньшая из всех деревень. В ней всего 1 двор, и притом один из самых захудалых. Зато она возле погоста «сего имени». В данное время здесь, вероятно, церковно-приходской центр и только. Ни одной хозяйственной или административной кровинки не приливает к нему. Но и вообще такого постоянного центра в Рыбинской вотчине нет. Он подвижной, их даже два собственно. Староста Ив. Ермолаев живет в Дикове, в соседстве всего лишь с одним «власьевским» двором, да и то вдовьим. Земский писарь проживает в д. Дору Малого. Где-то собирается мир, сходбище 82 «хозяев» наличных дворов. Одна из его функций—финансовая, преимущественно в карательной ее части. За недоимки наказываются крестьяне «миром», «на мирском сходе», «при мирском сходе»; раз был наказан крестьянин «от старосты», но «умеренно». Но ответственность перед владельцем несет не мир, а староста, и ответственность именно за недоимки. Староста Егор Иванов, когда был еще в должности, «часто наказан», а под конец, «за неугождение господину в рассуждение недоимок 1 из его семейства взят во двор (господский) в кузницу, сын отдан в солдаты». И карьера Егора была кончена. А вот нынешний староста Ив. Ермолаев «пред сим за штраф находился 2 года в работе на усадьбе», но не в рассуждении недоимок, а потому, что «на нем открылся нащет» (проворовался)». «Но, несмотря на то, по жоскости нрава, поставлен ныне господином 3-й раз в старосты». «Неоткровенность» его была замечена и Канкриным: в своих показаниях он расходился даже с недоимочными реестрами, найденными у земского писаря. Старосте положено было «жалованье» от мира 120 р., и все повинности за него вносил мир. Двор его в хозяйственном отношении не выше среднего здесь уровня, только, что недоимок за ним нет. Другое — земский писарь Антон Моисеев. Этот выдается над всеми. У него в образцовом состоянии все «больные места» крестьянского обихода: двор, мертвый инвентарь (сбруя, телега, сани и проч.) и зимняя одежда. Изба—«новая», по двум следующим пунктам отмечено: «изрядная». Такие квалификации—редкость в нашей вотчине. Собственного хлеба в запасе у него столько, что хватит «до лета». При трех едоках в семье во дворе у него 2 коровы—случай, совершенно исключительный. За

---

[1]) Деревни: Савино, Крахина, Спешина, Копасова, Коржавина, Балабаново — находились в безраздельном обладании; деревни: Малинники, Онофриева, Жупина, Кишкина, Завраскя, Нефедова, Буркова, Исраила, д. Дору Малого, Мишкова, Залужье, Клиногоры, Селехова и Дикова—в черезполосном с 9 другими помещиками владении Власьева.

[2]) Ее только и имело в виду расследование, на которое был отправлен Канкрин.

ним почти нет недоимок, какие-нибудь 36 руб. Их и считать не стоит, потому что к следующему году они будут внесены из его годового жалованья (70 р.), и он впервые получит на руки, что останется: до сих пор оно шло целиком на «заплату» недоимки. Наконец, его громадное преимущество, что за него, как и за старосту, все повинности несет мир. Прежде имел он свою мелочную лавочку в Москве и занимался даже подрядами. Кому, как не ему и быть «земским»: теперь в своей новой должности он опирался на прежний свой опыт, такой, какого не было ни у одного из власьевских крестьян. По должности он хранит у себя «реестр» всем недоимкам и, вероятно, только он и знает им точную цифру. Именно к нему, не к старосте, обращаются за такими цифрами во время расследования. Один крестьянин на обычный вопрос, сколько за ним недоимки, так и сказал, что это—«дело земского» (писаря). Он же высказывает предположения о движении недоимок. Прогнозы его в этом вопросе были довольно мрачны: он ждал, что они будут—«уповательно»—и впредь «умножаться».

По V ревизии, 12 лет назад, в Балабановской вотчине считалось 347 душ м. п. Для платежа податей и раскладки повинностей крестьяне были разделены на 115 осмаков, «полагая на осмак» по 3 рев. д. м. п. Как известно, от ревизии до ревизии, уплата подушных и др. государственных и земских сборов производилась по ревизскому числу душ, хотя бы действительная наличность их и менялась. В нашем случае и вотчинное распределение по осмакам не менялось ни разу. 14 семейств, которые были положены в 14 осмаков, в разное время было переведено из нашей вотчины в другие места; в таких случаях владелец, обыкновенно, «переводил» вслед за людьми и соответствующий оклад государственных и вотчинных повинностей, и отбывались они переведенцами по новому месту их поселения. В нашем случае это сделано не было и за переведенные «выбылые» души и осмаки продолжали платить оставшиеся. И еще: личный состав «семейства», проживающего в данном дворе, величина быстро и постоянно меняющаяся, и периодическая поверка действительного соответствия количества осмаков в данном дворе новому составу его необходима для равномерного распределения податных тягот. В нашем случае и перераспределение осмаков среди остававшихся на месте—не производилось ни разу: а между тем 50% «семейств»=«хозяйств»—«дворов» изменилось в числе душ м. п. значительно. Иногда это повышало оклад повинностей вдвое, иногда понижало настолько же.—К моменту расследования в вотчине было 82 двора и в них 274 души м. п. Помимо смертей и перевода 14 семейств (приблиз. 40 д. м. п.), взято было в дворовые 16 ч. Это повышало тяготу государственного обложения на 21%. Женского пола душ насчитано было 306. Население 19 деревень, таким образом, составляло 582 человека [1]), в 101 осмаке.

Земля вся обрабатывалась крестьянами в свою пользу. Крестьяне жаловались на дурной урожай ржи и об'ясняли это недостатком скота и плохим унаваживанием. На 101 осмак имелось 100 лошадей, 1 бык, 105 коров, 72 овцы, 28 телят. Но были и безлошадные хозяева; таких было 7, стало 6 [2]). Коров не было только у 2. Большинство крестьян, кроме обычного, сеяло и пшеницу; лишь 25 хозяйств не показали количества ее высева. Всего вотчиной высевалось, по показаниям крестьян, в четвертях: пшеницы 13½, ржи 105, ячменя 26, овса 235, льну 10. Цифры—относительно ржи—очень преуменьшенные. Староста показывал, что на осмак высевается от 2 до 3 четвертей ржи, что вероподобнее. Цифры ржи «в запасе» страдают тем же и часто берутся произвольно; напр., семья в 7 человек при 3 взрослых имеет на 1 декабря в запасе 14 пуд. и ей «хватит» до Пасхи. За единичными исключениями, своего хлеба, разумеется, не хватает. 14 семейств уже в декабре ходит за подаянием (но при этом только в 2 домах нет хлеба печеного порядочного), лишь 3 семьи обеспечены до нового урожая (на семена покупают), остальным хватает в пределах от Рождества до Петрова дня. Леса в вотчине нет и за 6 исключениями (Христа ради) все покупают дрова (в год от 2 до 15 р.). 38 дворов пришли в совершенную ветхость, а 5 семейств живут «Христа ради» у соседних крестьян других владельцев. «Хороших» же дворов только 18; остальные—«посредственные».

Промысел снова выступает на первый план. Таких, как земский писарь, во всей вотчине еще только трое: один маркитантом в Казани, недоимок за собой не знает, имеет 3 коров, 2 овец и держит теленка; другой—владелец «своего» маслобойного «завода», 4 лошадей, 1 быка, 3 коров, 2 телят, 5 овец; недоимок тоже нет, и пользуется привилегией по оброку и др. господским повинностям с миром дела не иметь, а сам «возит барину» («из милости, что жена во дворе кормилицей жила»); и, наконец, третий держит харчевню в Рыбинске, а у себя

---

[1]) В том числе 38 младенцев до 2 л., в возрасте от 15 до 60 л.—171 м.+182 ж.=353. За вычетом хворых и „не так способных по старости и по молодости", действительно работников 151 м.+154 ж.=305 ч.

[2]) Лошадь куплена одним за 4 р.

в д. Савине держит 2 лошадей, 2 коров с теленком и 3 овец. Остальные все ходят поблизости, в Рыбинске или Твери, в крюшниках, коноводах, лоцманах при баржах, «делают» «прядильную» и «пильную» работу, лен треплют—все без «пашпорта», но в лоцмана, напр., без паспорта принимают уже неохотно; жалуются на тяжесть «крюшной» работы, которая, однако, может давать до 3 руб. в день. Есть указания, что раньше, когда не отказывали в паспортах, ходили в Петербург на прядильные фабрики, работали на свечном заводе.

По недоимочному реестру [1]), нами упоминавшемуся, на 19 деревнях числилось недоимки 30.149 р. 37½ коп., около 300 руб. на осмак [2]). В 1808 году шестеро хозяев внесло 978 р. в их уплату; но этот взнос едва ли бы даже удержал общую сумму от возрастания, так как, по сведениям земского, другие недоимки «открылись» вновь. Налоговый аппарат вотчины, видимо, отказывался служить. Наказание за недоимки не достигало цели, а к продаже или к конфискации крестьянского имущества не прибегали. Значит предполагалось, что источником обложения остается промысел на стороне. Прежде, при отце господина, когда вотчина была «в отличном состоянии», то было пивоварение, торговля рыбою и лавочничество вообще. Власьев был уверен, т. е. уверял, что крестьяне его «садят хмель с выгодою». Но это не подтвердилось. Оставались перечисленные выше безпаспортные промыслы, географически замкнутые в ближайшем районе. Посмотрим, какое налоговое бремя ложилось на эти промыслы.

Постоянный окладный доход с Рыбинской вотчины был исчислен в сумме 12.075 р. Он состоял из оброка и сбора «за припасы». Оброк всегда взимался в размере 60 р. с осмака. Припасы были назначены с осмака в количестве: 3 барана, 3 гуся, 3 куры, 60 яиц, 3 утки, 3 поросенка, 3 пуда говядины, 5 ф. грибов, 3 пуда свинины [3]), новин 30 и холста 30 арш., ниток 6 талек. Но каждый из этих предметов мог быть заменен денежным эквивалентом по таксе [4]). Весь комплект припасов оценен был в 45 руб. Государственная подушная и земские сборы сбирались в сумме 1044 р.: с души по 3 р., да жалованье старосте и писарю 190 р. и 100 р. ежегодная поправка моста. Кроме того, был установлен сбор за паспорта 2 р. 20 к. при отлучке, которая, как мы видели, разрешалась лишь по уплате недоимок. Но самым крупным денежным сбором был сбор на содержание т. наз. бессменных работников, числом 40 человек: на содержание каждого из них собиралось по 3 р. 75 к. в неделю в течение 22 недель зимних и по 4 р. в неделю остальные 30 недель, всего в сумме 8.100 р. Но это был не просто денежный сбор, а и натуральная личная повинность, почти барщина.

Бессменные работники назначались из крестьян по выбору владельца. Повидимому, выбором руководили два мотива: брали, кто был нужен, по своим личным качествам, в очередной работе, брали и «за штраф». Крестьяне считали это «за каторгу». Она была не бессрочная, а назывались они бессменными, потому что не сменялись никем в течение года и не отпускались в определенный срок. Один крестьянин вернулся «из бессменных» в 1808 г. «потому что» пробыл в них 10 лет. Это не значит, что не отпускались и раньше. В тот год вернулся не он один. А наш староста пробыл в бессменных всего два года. Употреблялись они преимущественно для работ в усадьбе Иванинской, но посылались и на пашню. Жили они все вместе, казармою в Иванинах, «харчи» им там отпускались «посредственные», «прокормление производится подрядчиком». Денег на то расходовалось на человека в неделю не более рубля, остальная сумма поступала в доход господину [5]). «Одежу» они получали из дому, «также нередко им присылаются с'естные припасы в подмогу». Заметим, что сбор на содержание бессменных платили все дворы, в том числе и те, откуда были сами бессменные.

Барщина, летняя и зимняя, была «изнурительна» для крестьян не своими размерами, но, главное, тем, что производилась она далеко от места их поселения. Летом на 3 — 4 недели с каждого осмака по человеку, всего ок. 100 чел. отправлялись на сенокос и жнитво за 70 верст в Иванины, где только и были барские угодья. Там люди жили своим хлебом и зачастую ходили по милостыню в соседние деревни. Зимою же начиналась возка дров, по 3 саж. с осмака, из леса за 7 верст от Иванин в усадьбу, извести, хлеба и проч. Зимняя работа неопре-

---

[1]) За 1807 г. имеет такую форму: 1. Список деревень. 2. Сумма недоимки, 3. Сколько нужно вычесть за поданный холст.

[2]) Наличных было 101 осмак.

[3]) Свиней крестьяне никогда не держали. По упомянутой выше старой ведомости за подписью «какого-то Иванова» предполагалось брать сверх того: масла коровьего 20 фун., постного 9, дрожжей ¾ ведра, сукна 6 арш., хрена 3 ф., грибов четыре сорта по 5 фун. каждого. Предположение осуществлено не было, как и вообще крестьяне натурою, кроме холста и новин, ничего не вносили.

[4]) Ее, к сожалению, в тексте нет.

[5]) «Нащет недоимок».

деленна по времени и отвлекает их от промыслов. В последний год только разрешено им за летние работы, жнитво и сенокос, платить деньгами по 3 р. 50 к. с осмака. Крестьяне поголовно все перешли на этот новый денежный сбор и избавились от барщины. Этот сбор выразил доход помещика, заключенный раньше в барщине, в сумме 402 р. 50 к. Если мы упомянем, что сверх крестьянского сельского хлебного «магазейна», существовал еще и помещичий, и что крестьяне ежегодно вносили во второй с души ½ четверика ржи, и по четверику овса и ячменя, то мы, кажется исчерпаем перечень регулярных повинностей, ложившихся на крестьян Балабановской округи, преимущественно, как видно, в денежной форме [1]). В ней это составит 21.621 р. 50 к.

В бюджете отдельного крестьянского хозяйства размер денежного расхода только из этого оклада выразится в сумме 216 р. 21 к. с осмака, если для округления принять цифру осмаков за 100, вместо наличных 101. Но, как знаем, осмак в нашей вотчине в 1808 г. уже расстроенная фикция. Для «двора» это будет — 265 р. 28 к.; для действительного взрослого работника— 194 р. 79 к. Сколько бы мы ни подсчитывали денежные расходы крестьянина на удовлетворение его личных потребностей, в роде отопления, всяческого ремонта, докупки хлеба на пропитание и посев и т. п. и т. д., сумма, которую получим, не пойдет ни в какое сравнение с найденной. Значит, за счет сокращения потребностей сколько-нибудь серьезно сократить найденные цифры не было возможности. Не удивительно, что Канкрин полагал, что власьевские крестьяне «по их угнетенному положению» не могут часто впадать «в действительные» погрешности, «показания достойные». Дань крепостному строю выражалась: для двора—в 250 р. 90 к., для работника—185 р. 30 к. Среди власьевских крестьян, мы видели, было много крючников. Мы отметили уже, что дневной заработок—в горячую навигационную пору—такого крючника доходил до 3 р. Такому нужно было проработать «бессменно» два с лишним месяца, чтобы рассчитаться по вотчинным обязательствам. На государство же—один день в мирное время и неделю, если случался набор.

Парадокс этот был ликвидирован наложением опеки. На этот раз мы знаем отчасти первые ее шаги. По первому «положению» в распорядки Рыбинской вотчины Власьева вносились след. изменения. 1) Все «переселенные» и «переведенные во двор» возвращались, по желанию, на прежнее место жительства с «пособием в необходимом обзаведении, скоте и хлебе, на счет помещика». 2) Все недоимки уничтожались. 3) Вводился, в отмену прежних сборов, единый оброк в 10 р. с рев. души. 4) П. 1 распространялся и на бессменных. 5) Барщина «всякая» отменялась. 6) Восстанавливалось право беспошлинного свободного промысла. Это значило наши цифры: 250 р. заменить 43 р., 185—23 р. Но в опеку попадали и прочие вотчины Власьева всех уездов Ярославской губ. К оброчным здесь были применены те же принципы, кроме цифры оброка, которая оставалась старою. Для изделышков Романовской вотчины установлена барщина 3 дня в неделю.

Применение на деле этого «Положения» встретилось, однако, с некоторыми трудностями.

Прежде всего имя самого владельца вызывало в опекунах, которым предложено было принять на себя «управление крестьянами» Власьева, некоторую настороженность при вступлении в свои обязанности. Следует ли им распоряжаться и всем «движимым имением» помещика? И если да, то всем ли? Надобно наделить некоторых крестьян скотом, хлебом и проч.; если это движимое—в их компетенции, то есть движимое, к которому они приступить боятся ответственности: это дом и службы, опечатанные помещиком при отъезде, и сад с оранжереей, в коих они «познания не имеют»; не оставить ли это в «полное распоряжение» помещика? Распространяется ли их компетенция и самое «Положение» на перевезенных в Ярославск. губ. крестьян костромичей? А затем ряд уже не столь ответственных, но тоже несовместимых с «Положением» ситуаций: среди бессменных есть единственный на всю усадьбу коновал, его следовало бы оставить в усадьбе; дрова возить на дом не под силу одним иванинским изделышм: следовало бы привлечь к этой барщине оброчных; при ткацкой фабрике находятся взятые во двор оброчные: следовало бы их оставить на месте, чтобы не «нарушать» фабрики; оброчные крестьяне всех прочих вотчин отказываются платить оброк, а недоимки на них 28000 р.: следовало бы и с ними поступить, как с рыбинскими, назначить оброку по 10 р. с рев. души. Дополнительное положение кое-что разъяснило в этих недоумениях, но в некоторых случаях запоздало; напр., предписало фабрику оставить работать попрежнему, а работники уже были водворены на места своего крестьянского жительства, поэтому предстояло вернуть ткачей; пришлось восстановить барщину оброчных на сенокос и жнитво в виду большой нехватки в изделышх; движимость,

---

[1]) О рекрутской повинности крестьяне подчеркивали, что за рекрутов помещик денег с них не брал; «но провиант, одежа и прочее исправлено» для рекрутов миром.

за исключением скота и хлеба, решено оставить в полном распоряжении помещика, потому что опека относится только до крестьян; дома оставить за помещиком, а службы—в ведении опекунов; костромских — оставить на месте в усадьбах помещика; коновала—тоже; дрова заготовлять и оброчным крестьянам; с оброчных, не рыбинских, недоимку сложить и оброк уравнять с рыбинскими.

Таким образом кое-в чем наших балабановских крестьян повернули при ближайшем рассмотрении на старое: восстановили барщину летнюю и зимнюю. Исстаринная вотчинная связанность разбросанных по уездам кусков сама по себе тяготела над крестьянами, их населявшими. Прикончить с нею могло освобождение крестьян не от управления помещика, а от принадлежности помещикам и от крепостного строя. О том, на каких условиях это произошло с потомками наших власьевских крестьян лет через 60 после описанного в нашем деле момента, кажется, тоже можно дать архивную справку.

Б. Романов.

Сообщения Ученой комиссии по исследованию истории труда в России.

К сведению и руководству сотрудников.

I.

Задачи комиссии и программа ее работы.

1) Общая задача комиссии—разработка архивных материалов по истории труда и тех социальных групп, которые живут личным трудом (их положение в рамках данного государственного и общественного строя; экономические и культурные условия их быта).

2) Ближайшая задача комиссии—изучение с возможной полнотою вопросов, касающихся производственного труда и тех видов организационной и научно-технической деятельности, которые служат данному производству.

Основные формы производственного труда, подлежащие ближайшему изучению: фабрично-заводский, ремесленный и сельско-хозяйственный труд.

3) В пределы истории труда входит также исследование экономических и общественно-бытовых сторон многообразных отраслей личного труда в сфере общественной и культурно-просветительной деятельности, особенно тех из этих отраслей, которые направлены к удовлетворению массовых потребностей населения: так, напр., народная школа, медицина, ветеринария, агрономия, почтово-телеграфная служба, вообще работа административных служащих, деятельность представителей так называемых „свободных профессий".

4) Торгово-промышленная деятельность, организованная капиталистически, не имеет самодовлеющего значения для задач комиссии. История торговли и капиталистической промышленности привлекается к исследованию лишь как политико-экономический фактор, поскольку таковой непосредственно влияет на быт и деятельность трудового населения.

Примечание. Так, напр., имеют значение данные о финансировании предприятий, о размерах и технике производства, об условиях сбыта изделий, об экономической политике правительства и т. д., в той мере, в какой этими данными освещается развитие той или иной отрасли производственного труда.

5) Разработка материала по истории фабрично-заводского, ремесленного и сельско-хозяйственного труда производится по программам, установленным комиссией (см. ниже).

6) Деятельность и жизнь трудящихся изучаются в массовом проявлении. Однако, подлежат обработке и материалы частного, индивидуального характера (напр., данные об отдельных предприятиях, об отдельных группах трудящихся, даже эпизоды личного характера), которые могут осветить общий вопрос, иллюстрировать какую-либо страницу из истории труда.

II.

Очередные работы.

1) Составление архивных карточных каталогов.
2) Составление библиографического карточного указателя (за период, начиная с 16-го века) по русским и иностранным источникам.
3) Издание журнала „Архив истории труда в России".

Архивные карточные каталоги.

Составляются следующие каталоги: а) хронологический, б) предметный и в) по-архивный.

Примечание. Документы и дела, относящиеся к Польше, Кавказу, Прибалтийскому краю, Бессарабии и Финляндии за тот период времени, когда эти земли входили в состав России, включаются в каталоги на общем основании.

Составление архивных карточек.

1) Карточка составляется и в том случае, если подлинное дело не сохранилось, при чем на карточке отмечается, какая судьба постигла его (напр., уничтожено, сгорело, затерялось), и указываются также те имеющееся в описи отметки, которые могут помочь найти следы дела в другом архиве.

Примечание. Имеются в виду те дела, заголовок которых определенно свидетельствует, что они непосредственно и безусловно относятся к темам, интересующим комиссию, или в заголовках которых заключается то или иное историческое сведение. Уничтоженные дела должны заноситься на карточки с особой осторожностью, дабы не засорить каталог бесполезным материалом.

2) На карточке указывается только год начала дела; число и месяц, а также время окончания дела опускаются.
3) Если в архиве происходила перенумерация дел, то помимо новейшего номера следует по возможности указывать и прежний номер.
4) Так надлежит поступать и в отношении заголовков, когда в новой описи они подверглись изменению.
5) Заголовок наносится на карточки в том виде, в каком он изложен в описи.
6) Когда заголовок не дает представления о содержании дела или вызывает сомнение, подходит-ли данное дело к нашей теме, желательно, чтобы сотрудник ознакомился с подлинным делом и снабдил карточку надлежащим пояснением; если же у сотрудника нет для этого времени, то он отмечает на карточке, что надо сделать такую-то проверку.
7) Сдавать карточки секретарю комиссии следует отдельными пакетами:
а) карточки, не вызывающие сомнения,
б) карточки, возбуждающие сомнения в правильности заголовка,
в) карточки, вызывающие вопрос, должны ли они войти в наш каталог, как не относящиеся быть-может, к нашей теме.
Каждый пакет сдавать при меморандуме, в котором указывается, из какой части архива (департамента, стола и проч.) извлечены дела, какой период времени охватывают представляемые карточки, и количество их.
8) На карточке отмечается наличность печатных документов в данном деле.

Примечание. Сотрудники приглашаются сообщать Редакционной Коллегии о встречаемых ими материалах, которые могли бы быть использованы в «Архиве истории труда» в виде научных исследований, эпизодических очерков, описания дел и документов и т. п.

Обработка архивных карточек.

I. Редактирование.

а) Проверяется, все ли требуемые данные нанесены на карточку; о недочетах запрашивается сотрудник, при чем на карточке делается соответствующая отметка;

б) выправляется заголовок в случае надобности в целях сжатости и ясности;

в) обозначается, к какой или каким группам (см. ниже) относится карточка и в соответствии с этим указывается, в каком числе экземпляров должна быть воспроизведена карточка на пишущей машине;

г) тем карточкам, которые обращают на себя внимание серьезностью-ли содержания или неясностью заголовка, ведется опись, дабы были просмотрены подлинные дела, о чем делается отметка на карточке;

д) карточки, оказавшиеся непригодными, как не соответствующие темам комиссии, не уничтожаются, а хранятся в хронологическом порядке.

II. Систематизация.

Систематизация производится не по априорно составленному плану, а сообразно с тем материалом, который раскрывается архивными карточками, так как теоретически-разработанная программа не может учесть всего изобилия и разнообразия архивного материала, освещающего и такие вопросы, которые не всегда могут быть предусмотрены. Карточка, по своему содержанию относящаяся к различным вопросам, соответственно размножается. Розыск материала по каталогу должен быть облегчен перекрестными ссылками.

Примечание. Вводится особая группа карточек-«Труд во время великой войны», охватывающая все дела, касающиеся труда во время последней войны.

Разъяснение сомнений, возникших в ходе работы.

1. Фабрично-заводский труд.

Отмечаются на карточках дела, которые касаются учреждения фабрик и заводов, а также всех тех мер, которые принимались с целью развить фабрично-заводскую деятельность, как, напр., субсидии, льготы в платежах, предоставление привилегий, монополии, изменения в таможенном тарифе в связи с производством русских фабрик и т. д.

2. Дела о крестьянах.

Крестьяне интересуют комиссию в качестве трудового элемента. Поэтому, когда крестьянин фигурирует в архивных документах исключительно как торговец и промышленник или как рядовой обыватель вообще—он выходит за пределы наших исследований. Только принципиальные дела, касающиеся прав крестьян на торговлю и промышленность, подлежат обследованию.

3. Принудительное отчуждение земли у крестьян.

Дела такого содержания должны быть заносимы на карточки.

4. Рекрутская повинность. Просвещение.

Дела, относящиеся к рекрутской повинности и к просвещению среди трудового населения, заносятся на карточки. Особого внимания заслуживают низшие школы и техническое образование (дела о стипендиях в школах исключаются).

5. Труд чиновников.

Чиновники в своей массе, как трудовой элемент, входят в круг архивных изысканий (их материальный и духовный быт), но исключаются дела личного характера (награждение, перевод и проч.), дела, касающиеся штатов, служебных поручений и т. д.

6. Примеры карточек, которые как непригодные были исключены из каталога.

„Сложение с крестьянина Иванова штрафа за неправильную торговлю".

„О сложении с крестьян Ашурковых штрафа за неимение торговых свидетельств" относятся к торговле, каковая не подлежит архивному обследованию).

„Возврат в Земский суд штрафных денег, взысканных с крестьянина Баланина за порубку леса“ (здесь нет ничего о порубке леса, а лишь о штрафных деньгах).
„Возврат вольноотпущенному Елизару Фролову гильдейских повинностей“.
„О штрафных деньгах, взысканных с крестьянина за неправую апелляцию“.
„Взыскание штрафа за передержательство крестьянина“.
„Штраф с солдата Петрова за несвоевременное об‘явление кантониста“.
„О сборе провианта с Ковенской губ. для имеющих прибыть полков“.
„О постройках в Москве“.
О разрешении спектаклей; о созыве археологического, филлоксерного с‘ездов, с‘езда естественников и врачей, крахмальных заводчиков; об устройстве выставки скота и тому подобн.

7. Примеры карточек, вызвавших сомнение, но признанных подлежащими включению в каталог.

„О сложении с чиновника Иванова штрафа за способствование купцу Дальтину к неправильному владению девкою“ (указание на владение крепостной девкой побуждает включить карточку в каталог).
„О сложении с мещанки Трубаевой штрафных денег за неправое владение крестьянином“ (хотя речь идет о штрафе, но тут есть известие о владении крестьянином, и благодаря этому дело может представить интерес).
„О льготе по рекрутской повинности и платеже податей уволенных из военного ведомства солдатских детей“ (в дореформенную эпоху дети солдат и матросов принадлежали исключительно к трудовому населению, а потому это дело следует отметить).

8. Примеры сверки карточек с подлинными делами.

[1]) В деле „О кредите на постройку железнодорожной ветви“ оказались сведения о стоимости различного рода работ.
[2]) В деле „По спору крестьян сел. Лоевец с помещиком о 59 десятинах земли“ (1895 г.) имеются некоторые данные об экономич. интересах крестьян.
[3]) В деле „О причислении поступивших от бывших помещичьих и государственных крестьян досрочных взносов выкупных платежей к общим рессурсам госуд. казначейства“ (1895 г.) заключаются статистические данные за 1862—91 гг. о поступлении особых взносов с крестьян.

Примечание. Дела, подобные вышеприведенным, включаются в каталог.

[1]) В деле „Об установлении в военно-морских портах контроля“ оказалось лишь несколько случайных цифр о рабочей силе, взятых из другого источника.
[2]) В деле „Об отчуждении земель под устройство железнодорожной ветви“ никаких данных о трудовом населении не оказалось.

Примечание. Подобные дела не включаются в каталог.

Библиографический карточный указатель.

1) Указатель предназначен не для печати, а лишь для нужд Комиссии, а потому он должен обладать лишь такою сравнительною полнотою, которая позволила бы Комиссии успешно пользоваться им при научной разработке истории труда преимущественно по архивным материалам.

2) Сотрудник фиксирует на карточке каждый встречаемый им источник, к какой бы области из истории труда данный источник ни относился.

3) Систематизация библиографических карточек последует лишь по накоплении значительного числа их, а потому сотруднику нет необходимости отмечать на карточке, какая область из истории труда затрагивается данным источником; однако, сотрудник может указывать, в виде примечания, какие именно вопросы рассматриваются в источнике.

4) К тем книгам, которые не посвящены специально вопросам труда, но которые среди постороннего материала заключают в себе также данные по истории труда (таковы, напр., описание путешествий по России, мемуары, сборники и т. д.), применяется „толковая библиография“, т.-е. на карточке в точности отмечается содержание книги, поскольку оно относится к истории труда.

5) Библиография по иностранным источникам составляется на основании непосредственного ознакомления с самим источником.

6) Библиография по русским источникам составляется на основании справочных изданий, библиографических пособий и непосредственного ознакомления со специальными общенаучными изданиями, которые могут заключать в себе соответствующие материалы.

7) Извлечение материала из газет пока откладывается в виду обширности таковой работы. Но принципиально признается желательным обозреть наиболее крупные столичные и провинциальные газеты.

8) Сведения, касающиеся Польши, Кавказа, Прибалтийского края, Бессарабии и Финляндии за тот период, когда эти земли входили в состав России, включаются в указатель на общем основании.

9) Данные, относящиеся к труду во время великой войны, регистрируются отдельно от прочего материала в виде особой секции.

III.

Вопросы, подлежащие разработке по отдельным отраслям производственного труда.

А. Фабрично-заводский труд.

Отдел первый.

1) Число рабочих: а) занятых в помещении и у себя на дому;
б) свободных, крепостных и поссессионных.

2) Распределение рабочих по полу, возрасту, гражданскому состоянию, национальности, месту рождения.

3) Оплата труда—сдельная, повременная и иная; размер платы по отдельным категориям рабочих (натурой, деньгами) и сроки уплаты.

4) Продолжительность рабочего дня, перерывы; остановка предприятия; прогулы рабочих; штрафование.

5) Условия питания (потребление спиртных напитков); фабричные лавки.

6) Жилищные условия.

7) Санитарные условия труда; медицинская помощь.

8) Увечье и вознаграждение потерпевшим.

9) Школы, грамотность среди рабочих.

10) Нарушение фабричного законодательства; фабричная инспекция.

11) Профессиональное движение. Волнения среди рабочих; забастовки; локауты; причины их; степень производственности рабочих; предъявляемые ими требования; результаты.

12) Освобождение крепостных и поссессионных рабочих. Условия освобождения. Отношения рабочих к освобождению.

13) Участие рабочих в обще-политических движениях.

Отдел второй.

1) Юридическая форма предприятия (владелец). Условия возникновения его. Роль русского и иностранного капитала.

2) Льготы, установленные правительством: пособия, заказы, монополия, беспошлинный провоз сырья, предоставление рабочих рук и пр.

3) Причины ликвидации предприятия.

4) Виды обрабатываемого сырья; его цена; место закупки; количество обрабатываемого сырья и выработки; изготовление изделий и цены их.

5) Сбыт: рынки, посредники, конкуренция и т. д.

6) Обработка: ручная, машинная. Виды рабочих машин и двигателей.

7) Изобретения в технике (в частности, русские самородки).

8) Раздача материала для обработки на дому у рабочих.

Б. Крестьянский труд.

Часть первая. До 1861 года.

1) Помещичье хозяйство. Его размеры. Барская земля и крестьянские наделы. Потребительные и промышленные задачи.

2) Вотчинное управление. Вотчинный суд. Сельский мир.

3) Система хозяйства. Барщина и личные повинности. Размер и состав барщины (мужч., женщ., дети). Оброк—его размер, состав (денежный, натуральный). Порядок сбора и уплаты.

4) Состав и условия жизни крепостного населения (дворовые, крепостные, ремесленники). Сравнительная зажиточность. Распространение просвещения (самородки).

5) Государственные повинности: подушная подать, рекрутчина, казенные работы (дорожные, подводные и др. повинности).

6) Продовольственное дело. Меры при неурожаях.

7) Крестьянское хозяйство. Степень обеспеченности скотом. Инвентарь. Система земледелия. Покосы, лесные и др. угодья. Крестьянские ремесла, торговля, отхожие промыслы. Выход на оброк. Отпуск на волю. Выкуп.

8) Переселение. Торговля людьми. Отдача в наем на сторону.

9) Правительственный и сословный (дворянских обществ) надзор за крепостными отношениями. Опека. „Положения“ о размере повинностей. Что было „нормой“ их размера и вотчинных отношений?

10) Крестьянские волнения. Их мотивы. Требования крестьян.

Часть вторая. После 1861 года.

1) Освобождение крестьян. Выход на выкуп. Уставные грамоты.

2) Размер и состав надела (сенокосы, пастбища и пр).

3) Выкупная оценка и выкупные платежи. Недоимки и рассрочка. Цена земли. Аренда: ее размеры и условия.

4) Отношение к помещикам.

5) Казенные и земские платежи и повинности. Недоимки и сборы.

6) Форма землепользования. Система земледелия и его техника. Обеспечение скотом.

7) Промыслы местные и отхожие. Переработка сельско-хозяйственных продуктов. Крестьянское ремесло. Кустарное ремесло. Условия сбыта на рынок. Местная сельская торговля. Ярмарки, базары, скупщики; организация оптового сбыта. Кулачество.

8) Дифференциация крестьянства по зажиточности.

9) Артели и кооперации.

10) Покупка земли крестьянами. Мобилизация земельной собственности.

11) Переселение. Земельная теснота. Деятельность крестьянского банка.

12) Крестьяне в земстве. Земство в отношении к крестьянам. Школы. Медицина. Ветеринария. Агрономия.

13) Сельское и волостное управление. Отношение к администрации волостного писаря. Земские начальники.

14) Юридическая помощь населению.

15) Крестьянские волнения. Мотивы их и результаты.

16) Крупное землевладение. Помещичье хозяйство. Сельско-хозяйственные рабочие: условия найма, расплаты, быта. Арендные отношения. Аграрные конфликты.

В. Ремесленный труд.

1) Техника производства (орудия, инструменты). Размеры ремесленных предприятий.

2) Приобретение сырья. Сбыт готовых изделий непосредственно потребителю или же торговцу (комиссионеру). Содержание лавок. Продажа на базарах и ярмарках.

3) Экономическое положение мастера (доход, производительность труда, жилищные условия).

4) Подмастерья, их заработок и формы оплаты, производительность труда, отношения между подмастерьями и хозяевами.

5) Ученики; их обязанности; условия найма; способ обучения; производительность ученика.

6) Организация ремесла. Цеховая или ремесленная управа и ее деятельность. Внутренняя жизнь (обряды, обычаи, выборы); прием и увольнение мастеров и подмастерьев.

7) Монополия производства и сбыта, принадлежащая цеху.

8) Права подмастерьев (разрешение наниматься на фабрику и работать самостоятельно, помимо хозяина).

9) Регламентация производства цехами.

10) Пожизненные и временные члены цехов.

11) Подати и повинности, взимаемые с ремесленников.

12) Разрешение споров между ремесленниками.

13) Ремесленная школа.

14) Кооперативы (промысловые, кредитные).

УЧЕНАЯ КОМИССИЯ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ

ПРИ

Петроградском Совете Профессиональных Союзов.

ЧЛЕНЫ КОМИССИИ:

Юл. Гессен, И. М. Кулишер, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков, А. С. Путилов, Е. В. Тарле, Г. В. Цыперович и представители культурно-просветительного и экономического отделов Совета Профессиональных Союзов.

Заведующие архивным каталогом: *С. В. Фарфоровский* и *Л. М. Айзенберг.*
Заведующие библиографическим указателем: *А. И. Браудо* и *Ф. А. Вальтер.*

Руководители изысканий в архивах:

А. Л. Блек—фабрично-заводских;
В. В. Колпенский—историко-революционном;
О. Е. Корнилович—министерства народного просвещения;
Г. Ф. Лапо—министерства внутренних дел;
Н. А. Мурзанов—сената;
Н. С. Платонова—горного департамента и департамента таможенных сборов;
Б. А. Романов—историко-экономических;
А. В. Шебалов—государственного совета, комитета министров и государственной думы.

Адрес Ученой Комиссии:

Петроград, здание Главного управления архивным делом, вход с площади (против памятника Петра I), под'езд бывшего сената.

910

Kol. 10, 7

II

Редакционная Коллегия:

Ю. Гессен, И. Кулишер, А. Пресняков.

Петроградский Губернский Совет Профессиональных Союзов

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

АРХИВ
ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ,

ВЫПУСКАЕМЫЙ

Ученой Комиссией по исследованию истории труда в России.

КНИГА ВТОРАЯ

ПЕТРОГРАД—1921.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ КНИГИ

„Архива истории труда в России".

Часть первая.

Стр.

1. На московско-новгородской парусной фабрике. Марии Мурзановой . . . . . 1—7
2. Жизнь рабочих на кренгольмской мануфактуре. (Волнения рабочих в 1872 г.). С. Фарфоровского . . . . . 8—14
3. Был-ли первоначально русский север крестьянским? С. Платонова. 15—18
4. Продолжительность рабочего времени в горнозаводской промышленности при крепостном праве. К. Пажитнова . . . . . 19—24
5. Бурлаки в первой половине 19 го века. Юл. Гессена . . . . . 25—36
6. Фабрично-заводские волнения и фабричное законодательство. В. Колпенского . . . . . 37—43
7. Морозовская стачка 1885 года. Р. Кантора . . . . . 44—53
8. Устройство быта свободных хлебопашцев. В. Бирюковича. . . 54—64
9. Условия труда на петербургских заводах по данным 1901 г. А. Блека. 65—85
10. Из истории производств в С.-Петербурге за 18-й век и первую четверть 19-го века. П. Столпянского. . . . . 86—104
11. Цехи «вольных матросов» в Новороссийском крае в 1830-53 г.г. А. Путилова . . . . . 105—107

Часть вторая.

12. Первые шаги легализованного профессионального движения в России. Сообщ. Р. Кантор . . . . . 108—123
13. Из официальной записки о крестьянских беспорядках в 80-х годах 19-го века. Сообщ. В. Колпенский . . . . . 124—127
14. Пилипоны или крестьяне-старообрядцы. Н. Мурзанова . . . . 128—131
15. Волнения среди фабрично-заводских рабочих. К. Пажитнова . 132—137
16. Крестьяне-самоучки. Наталии Платоновой . . . . . 138—140
17. Факты и цифры. Заметки архивистов . . . . . 141—155

Движение среди петербургских рабочих в 1901 г.—Об оставлении рабочими работ на фабрике в Вышнем-Волочке.—К вопросу об освобождении беглых бродяг от крепостной работы.—К статистике горнозаводских рабочих (1828 г.).—Бритье помещиками полголовы крестьянам для пресечения самовольных отлучек (1844 г.).—Стоимость наемного труда на полевых работах по данным 1871 г.

Часть третья.

18. Сообщения Ученой комиссии по исследованию истории труда в России . . . . . 156—158

На московско-новгородской парусной фабрике.

(1696—1772—1829 г.г.).

В 1696 году, в Москве, на берегу реки Яузы, была устроена фабрика, называвшаяся до 1703 года «хамовой двор» и поставлявшая полотна на московских царей. Фабрика находилась в ведении Разряда. 1 мая 1703 года Петр Великий повелел «хамовой двор» ведать в Адмиралтейской Канцелярии и приготовлять на нем парусные полотна для флота, а согласно указу 20 мая 1720 года на московский хамовой двор был назначен управителем Иван Тимерман, самый же «двор» перешел в ведение Адмиралтейств-Коллегии. Тимерману было выдано из казны 20000 рублей, и он обязался ежегодно поставлять в адмиралтейство по 3000 кусков полотна безденежно, лишнее же количество полотна продавать, возвращая деньги в «фабричную казну», а за свое «смотрение» за фабрикой получать 10-ую долю с каждого сорта полотна и из этих же денег держать бухгалтера и писарей. Жалованья Тимерману не полагалось, но он получал до 1200 рублей в год (в 1743 г. директором фабрики был назначен его племянник—Иван Баркузен). На московской парусной фабрике выделывались полотна: канифас, карелдук, олонецкое, брезендук, клавердук, брамзелдук, а также флагдук, тик и матросские шляпы (последние с 1753 г.). По рассчету 1769 года было приготовлено всяких полотен, тику и флагдуку 277430 аршин; матросских шляп иной год делывалось до 6000.

Рабочие получали чрезвычайно малую, так называемую «задельную» плату, зачастую не свыше 15-ти рублей в год, из которых еще делались вычеты «за медикамент», за нахождение в госпитале, или часть тратилась самими рабочими на покупку свечей для казенных работ в темное зимнее время; кроме этих денег рабочим ничего не полагалось, ни квартир, ни провианта, ни дров.

2 апреля 1775 года мастеровые заявили о своем бедственном положении; прося производить им месячный провиант, они указывали, что, в случае отказа, принуждены будут посылать своих детей по миру. Московская Адмиралтейская Контора присовокупила, в свою очередь, что при неисполнении этой просьбы «мастеровые всеконечно принуждены будут нищенствовать или впадать во всякие шалости». Просьба рабочих была удовлетворена: 3 июля 1775 г. было повелено производить выдачу месячного провианта всем, кто не вырабатывает в год более 15 рублей. Но в 1775 году московская фабрика уже находилась в агонии, после «моровой язвы», поразившей ее в 1771 году. Страшная болезнь эта, распространившаяся по Москве с ужасающей силой, погубившая в ней за три осенних месяца более 46230 человек, не считая погребенных тайно, каковых было чрезвычайно много, не пощадила и парусную фабрику: из 704-х чел. осталось в живых только 90. Московская фабрика не могла оправиться от этого бедствия; почти во всех документах того времени она стала называться не иначе, как «разоренной от язвы».

И вот родилась мысль—не восстановлять фабрику в Москве, а перевести ее в Новгород, представлявший многие удобства и выгоды, как для казны, так и для самого Новгорода, «чтобы сему городу доставить пропитание», как говорилось в одном документе.

7 января 1772 г. Екатерина II возбудила в Адмиралтейств-Коллегии вопрос, нельзя-ли «разоренную от язвы московскую адмиралтейскую фабрику перевести в Новгород, где псковский лен и пеньку будет получать из первых рук, а также и из Украины, чрез Зубцов или Селлигеру?». Адмиралтейств-Коллегия высказалась в пользу этого проекта[1]).

Подрядившиеся построить фабрику, с.-петербургский купец и коронный поверенный Ив. Ф. Антонов и кап. К. Бриммер, обязались окончить постройку в 3 года, получив за все каменное строение 70601 р. 23 коп., а за деревянное—57952 р. 9¾ коп.

Работы по строению фабрики начались в 1774 г. и закончены в 1778 г. Каменными были: главное строение ткачам, пеньковые амбары, канцелярия и караульня, флагдучная и пляпная красильни, кузницы, покои под поклажу золы, покои для варения и сушки пряж, жомная и сушильня; деревянными: 117 домов для рабочих, дома для директора, бухгалтера и лекаря, госпиталь, бани и столярная мастерская. Для наблюдения за правильностью постройки толчейных мельниц, плотин и водяных колес подрядчики просили назначить знающего мастера от казны, отказываясь от обязанности их перестраивать в случае неправильной постройки.

В 1778 году земля, отведенная под фабрику, была отмежевана от всех «посторонних» земель [2]).

На новгородской парусной фабрике предполагалось поставить до 500 ткацких станов, но к 1786 году на ней было лишь 304, в 1807 году станов имелось только 240, а к 1812 г. 300. Новгородская фабрика наследовала все станы, инструменты и материалы упраздненной московской.

Работы на московской фабрике не прерывались до тех пор, пока новопостроенная новгородская ее преемница не начала своей деятельности. Директором новой фабрики стал бывший директор московской фабрики, Баркузен.

Из Москвы были переведены в Новгород и те 90 мастеровых, которые избежали смерти от моровой язвы. Для укомплектования новгородской фабрики рабочими предложено было нанимать желающих из русских или иностранцев. Указывалось и на то, что новозаведенная фабрика «неминуемо всех праздных новгородских жителей к сей работе притянет, им доставит пропитание и предовольно чрез то достанет ей рук». Для призыва рабочих на фабрику чаще всего прибегали к так наз. «публикам», иначе публикациям, или к так наз. «припечатанию в ведомостях», при чем призыв касался не одних мужчин, но «равно и женок». Поиски делались через Наместнические Правления. Особенно долго не могли найти главного или старшего мастера, так наз. «установителя». Наконец, место старшего мастера временно занял подмастерье бывшей московской фабрики П. Усов, прибывший в 1778 г. на новгородскую фабрику с шестью рабочими. Усову предписывалось особенно следить за поведением рабочих, которых за шум, ссоры и драки повелевалось ему «штрафовать палкою или линьком, с умеренностью».

В декабре 1779 г. из Москвы в Новгород отправлены были тремя партиями мастеровые с разными инструментами и материалами: первая на 79 подводах, вторая на 95. Всего было переведено из Москвы 110 фабричных служителей, не считая членов их семейств. За подводы было уплачено 1690 руб. 50 к. На дорогу фабричным рабочим были назначены пособия: 15 рублей семейным, у которых число членов семьи превышало 4; у которых было менее 4-х, тем 10 рублей; холостым же, вдовым и подросткам по 5 рублей. Деньги эти выданы были по частям: половина в Москве, а другая по приезде в Новгород. Впоследствии комплект фабрики

---

[1]) В архиве бывшего морского министерства имеется особое собрание материалов о Новгородской парусной фабрике, вскрывающих ее историю и рисующих положение ее рабочих. Кроме того, и в архивных фондах других учреждений имеются данные о новгородской фабрике.

[2]) Из 2-х межевых книг (д. Новг. п. ф. № 2) узнаем, что фабрика была расположена в Новгородском уезде, в Градском стану, на земле, бывшей новгородского архиерея, а в 1778 году принадлежавшей ведомству Государственной Коллегии Экономии, по правому берегу реки Веряжи, против деревень «Новая Мельница» и «Коромыслова», а также на земле с правой стороны реки Волхова, граница: 1) с землей Звериного девичья монастыря 2) с землей Духова монастыря, 3) с землей церкви Косьмы и Дамиана, 4) с землей ямщиков Троицкой ямской слободы, 5) с сенными покосами, называемыми „спасовщики" ведомства Коллегии Экономии, 6) с землею новгородских купцов и мещан, 7) с землей Колмова засадья, бывшего владения новгородского архиерея, а затем ведомства „бобылей и заштатных служителей" Коллегии Экономии, 8) с землей Колмова монастыря, по речке Безымянной до речки Кзени или Гзени и вниз по последней. Всего фабрике принадлежало около 92 десятин, считая в том числе и неудобную землю.

пополнялся рекрутами. В 1785 году были присланы из Москвы, для обучения парусному полотняному делу, 27 крепостных людей графини Анны Родионовны Чернышевой. Им было положено задельное жалованье и провиант. Вступление таких «партикулярных» людей на фабрику случилось, по словам Интендантской экспедиции Адмиралтейств-Коллегии, «в первый раз». 15 июля 1785 года Адмиралтейств-Коллегия постановила: «ежели кто желает пользоваться делом таковых хороших полотен, какие делаются на казенной парусной фабрике, те для обучения оному могут работников с фабрик отдавать на Новгородскую парусную фабрику, которым во время их тут бытности будут производиться задельные деньги против того, как и находящимся на оной фабрике мастеровым производятся, а по прошествии 5 лет оные обученные опять будут отпущены к их помещикам, буде их взять пожелают; прежде которого сроку никто требовать не должен» [1]).

Работы на новгородской фабрике начались 3 января 1780 года. Она приобрела громадное значение, снабжая не только Балтийский, но и Черноморский флот полотнами, флагдуком и армяком. На Балтийский флот она поставляла ежегодно по 10000 кусков парусных полотен и по 10000 кусков канифаса, на Черноморский же флот половинное количество. В 1816 году при Новгородской фабрике было заведено суконное мастерство для гвардейского экипажа. Правительство, наблюдая за качеством полотна, поставляемого фабрикой, налагало штрафы за приготовление полотна ниже 2-го сорта, возвращая таковое обратно на фабрику.

С 1803 года начал часто подниматься вопрос о починках и перестройках фабричных зданий: обваливались потолки, проваливались полы и т. д. Фабричный госпиталь был в особенно плачевном состоянии; вместо 60 человек больных, для какого количества он был построен, ему часто приходилось вмещать 100 человек и более, которые принуждены были лежать на полу. Самый госпиталь тесно соприкасался с жилыми помещениями фабричных рабочих, которые, особенно в зимнее время, заражались один от другого и постоянно переполняли госпиталь. Заведенное при фабрике шляпное мастерство было упразднено в 1810 году, а соответствующее каменное здание было приспособлено для жилья фабричных служителей, так как деревянные казармы, в которых они жили, пришли в совершенную негодность.

Архивные документы повествуют о враждебных отношениях, существовавших между директорами и старшим мастером Самуилом Якобсоном, обвинявшим директоров и в злоупотреблениях, и в неумении вести дело. Вследствие доносов С. Якобсона был сменен (1803 г.) директор Даненберг, а назначенный вместо него кап.-лейт. фон-Гейзер, после целого ряда неприятных столкновений со старшим мастером, неоднократно умолял министра морских сил уволить его от исправления непосильно тяжкой для него должности директора фабрики.

Переходя к вопросу о рабочих, мы видим, что крепостные и рекруты, нищие и бродяги или так наз. «праздношатающиеся»—вот из кого состояли подневольные и вольные рабочие новгородской фабрики. Но среди этих случайных фабричных служителей находился и класс постоянных, исконных фабричных рабочих, в графе о происхождении которых в некоторых сохранившихся ведомостях 1799 года писалось: «из природных парусной фабрики служительских детей». Это рабочие—безвозвратно оторвавшиеся от деревни, не имеющие фактически никакой собственности, жившие в Москве на вольных квартирах, а по приезде в Новгород, в фабричных казармах со всей своей семьей, из которой уже 6-тилетние дети ходили на фабричную работу шпульниками или колесниками [2]). Скудная пища, скудное жалованье, теснота жилищ, нищенская одежда, вычеты из жалованья, строгость начальства, штрафы и телесные наказания—все это рождало постоянное (с 1807 года особенно сильное) озлобление рабочих. Бегство их с фабрики было обычным явлением.

В 1787 году, когда особенно остро стала чувствоваться недостаточность задельной или заработной платы, рабочими было подано прошение об отмене вычетов «за медикамент» (по 1 копейке с рубля) и за бытие в госпитале, а также о выдаче казенных свечей для работ в зимнее время (на свечи иногда выходило по 25 копеек в месяц); за провиант, выдаваемый от казны, ежемесячно вычиталось по 68 коп. 29 марта 1787 года указом Адмиралтейств-коллегии вычет за провиант был отменен, а свечи повелено отпускать из казны [3]).

Старший мастер Якобсон в своем «об'яснении» (1803 года), между прочим, говорил о неудобствах, связанных с близостью города, так как «мастеровые люди, сверх рабочих 250-ти, в

[1]) Новг. пар. фабрика, дело № 6.
[2]) Новгор. пар. фабрика, дело № 4.
[3]) Новгор. пар. фабрика, дело № 6.

прочие праздничные 115 дней ходят в город на вольную и трудную работу, за что получа деньги, пропивают оные и делаются больными и неспособными к хорошей казенной работе».

К 1814 году рабочие снова стали страдать невыносимо, так как заработная плата оставалась уже с 1799 года без повышения, несмотря на возросшую дороговизну припасов первой необходимости. Самый расторопный мастеровой в 1816 году получал в год не более 26 руб. $1^1/_2$ коп., а иные только 7 руб. $13^1/_2$ коп. Из этих денег производились вычеты «за мундир», выдаваемый от казны (по 81 коп. в месяц) и, по прежнему, «за медикамент», а за время пребывания в госпитале удерживалось половинное жалованье. Месячного провианта полагалось: рабочим первого и второго классов по $3^1/_2$ четверика муки и 10 фунтов крупы каждому, а рабочим третьего класса 2 четверика муки и $8^1/_2$ фунтов крупы. Мастеровые не безмолвно терпели нужду и притеснения ближайшего начальства—они выступали с прошениями и жалобами.

В связи с нашествием Наполеона, в жизни рабочих Новгородской фабрики произошла большая перемена [1]).

15 июля 1812 года новгородский, тверской и ярославский генерал-губернатор принц Георгий Гольштейн-Ольденбургский сообщил министру морских сил маркизу де-Траверсе, что, согласно высочайшему повелению, он поручил новгородскому гражданскому губернатору «из мастеровых, состоящих при здешней Адмиралтейской парусной фабрике, избрать 500 человек, для присоединения их к десятитысячному корпусу воинов, к немедленному составу, по сей губернии дворянством предложенному». С своей стороны, губернатор уведомил министра, что выбранные в ополчение «сии 500 человек фабричных по крепкому сложению их, по смельству или короче сказать молодечеству стоят, конечно, 2.000 нынешних ратников... они обучены уже поворотам, несколько владению ружьем, привыкли к сему состоянию и пойдут всюду, куда прикажут, не с вздохами, а охотою, что при нынешних обстоятельствах довольно важно». Министр морских сил отнесся отрицательно к назначению рабочих в ополчение, ставя на вид громадный ущерб, нанесенный фабрике удалением из нее 500 опытных и физически здоровых мастеровых. Однако, 1 сентября 1812 года главнокомандующий Петербурга С. К. Вязмитинов сообщил министру о полученном высочайшем согласии на зачисление 500 мастеровых в новгородское ополчение.

Между тем, для фабрики потеря 500 здоровых и способных мастеровых была очень ощутительна. Оставшиеся на ней 558 человек, по большей части, были люди «престарелые, силами не могущие и малолетние». Вырабатывать требуемое количество полотна, не только для Черноморского, но даже и для главного потребителя Новгородской парусной фабрики—Балтийского флота, оказывалось невозможным.

К тому же деятельность на фабрике была стеснена отводом двух материальных магазинов и части каменного флигеля мастерских палат под склад воинских, аммуничных и прочих припасов, а двух отделений верхнего этажа мастерских палат и десяти вновь выстроенных казарм под устройство госпиталя для имеющих прибыть из Пскова пленных, раненых и больных французов.

Директор фабрики Рерберг напрасно доносил о многих неудобствах от устройства военного лазарета и о том, что в новых десяти казармах, назначенных под лазарет, уже живут 315 человек фабричных рабочих, переселенных из старых казарм, пришедших в совершенную негодность для жилья. Губернатор распорядился поместить привезенных 118 пленных французов в то здание, где жили мастеровые. Рерберг, опасаясь заразы, решился перевести мастеровых в старые казармы, «грозящие падением». Об этих казармах рапорт директора фабрики, между прочим, сообщает: «в десяти потолки и полы провалились, в окнах рамы сгнили и без стекол, стены в некоторых местах вывалились, паче же большею частию весьма худы... и без опасения жизни служителям в оных жить невозможно... а касательно тех казарм, где находились 500 человек, поступивших в ополчение, то две из них, где жили холостые, будучи совершенно гнилы, развалились и... в приход записаны на дрова, где же жили женатые, там оставшиеся их жены с детьми и доныне проживают».

Число раненых и больных французов быстро росло и вскоре превысило 450. Близость заразных больных, скученность населения, тяжелая работа и холод сделали свое дело: болезни среди фабричных рабочих умножились до чрезвычайности, особенно много заболевало горячкой. Между тем (10 сентября 1812 года) последовало высочайшее повеление о возвращении 500 мастеровых новгородской фабрики, взятых в ополчение.

---

[1]) Департамент морского министра, дело № 3012.

Мастеровые вернулись к фабрике, но жить на ней они не могли, так как новые казармы были заняты французами, а старые были опасны для жизни. Пришлось ютиться в городе на частных квартирах.

Однако, хотя 500 мастеровых и были возвращены из ополчения в ведомство фабрики, из них велено было ежедневно отряжать нужное число для несения караулов по Новгороду. Таким образом, эти мастеровые состояли в распоряжении новгородского коменданта. На караулы еженедельно отряжалось по 120 человек (всего рабочих на фабрике было 1046). Мастеровые, отлучавшиеся на караулы, за что они ничего не получали, лишались также и тех задельных денег, которые бы могли выработать на фабрике. Кроме того, не имея теплой одежды и порядочной обуви, они часто возвращались с караулов больными.

В феврале 1813 года Вязмитинов предписал: 1) освободить рабочих новгородской фабрики от несения караульной службы и 2) вывести с фабрики военный госпиталь. Но в мае того-же года управляющий военным министерством кн. А. Ив. Горчаков вновь возбудил просьбу о разрешении употреблять рабочих парусной фабрики на караулы по Новгороду, в виду нахождения большинства нижних чинов гарнизонного батальона в разных командировках. Морской министр повторил уже раньше высказанное им мнение о неудобствах отвлечения мастеровых от работ на фабрике, как для последней, так и для самих мастеровых, которые, получая лишь задельные деньги и провиант на фабрике и не имея больше ни откуда ни жалованья, ни одежды, благодаря отлучкам в караулы, лишались последних средств содержать себя. Этот ответ, однакоже, подписан не был, а после личного об'яснения министра с кн. Горчаковым мнение министра не получило осуществления.

Прошло несколько лет. 14 января 1816 г. двое рабочих, Петр Миронов и Осип Васильев, подали директору фабрики Рербергу прошение от имени 500 рабочих, бывших в ополчении и затем несших караульную службу, о выдаче им жалованья, одежды и обуви за 3 месяца несения ими караулов в 1812 году. Рерберг заявил, что Миронов и Васильев состоят у него на дурном замечании, и что, повидимому, они зачинщики в деле составления прошения,—вследствие чего Адмиралтейств-Коллегия предписала директору: «иметь строгий присмотр за этими мастеровыми... и тех, кои заметятся орудием к подущению прочих, представить экспедиции (Исполнительной) для удаления их с фабрики, дабы чрез сие водворить там спокойствие», но все же предложила Рербергу сделать исчисление, сколько получил бы на фабрике рабочий, если бы не нес караульную службу. Сделать это исчисление оказалось затруднительным, вследствие неодинакового размера задельной или заработной платы, получаемой разными мастеровыми. Поэтому было решено удовлетворить мастеровых содержанием, даваемым рабочим, бывшим в командировках: по 3 руб. 15 коп. за месяц. Были удовлетворены и те рабочие, которые уже не находились на новгородской фабрике, а также и родственники умерших мастеровых.

Яркую, но печальную картину жизни рабочих фабрики рисуют дела Аудиториатского Департамента [1]); содержание каждого из них заслуживает быть предметом отдельной статьи; в настоящем же очерке можно указать лишь на главнейшие из этих дел.

23 мая 1816 года генерал-интендант Пущин представил на ревизию в Аудиториатский Департамент дело новгородской комиссии военного суда о девяти мастеровых, присужденных к смертной казни «за неповиновение их своему начальству», при чем Пущин предложил вместо смертной казни наказать подсудимых «шпицрутенами каждого через тысячу человек по двенадцать раз»! В чем-же заключалась их вина?

Некоторые рабочие словесно просили директора фабрики об отмене вычета за казенный мундир и о назначении полного пайка малолетним, но Рерберг не только отказал, но и велел подвергнуть просителей телесному наказанию. В 1814 г. рабочие повторили просьбу, но уже в письменной форме, однако их ходатайство было оставлено без внимания. Тогда шестьдесят мастеровых послали прошение на имя государя [2]). Копия этого прошения была переслана директору Рербергу, который решил отправить всех, подписавших бумагу, в Архангельск. Команда стала требовать, чтобы было пред'явлено высочайшее повеление на это. Тогда на фабрику прибыл губернатор и комендант с конными драгунами, про которых подсудимые говорили в своих показаниях, что они «ездя по всему фрунту, оный без всякой осторожности топтали лошадьми».

---

[1]) №№ 49, 53, 55, 56.

[2]) Новгор. пар. фабрика, дело № 11. Также дела Аудиториатского департамента.

Команда заявила, что виноваты не только те шестьдесят рабочих, которые подписали прошение: бумага «писана с общего всех мастеровых согласия... и ежели отправлять в Архангельск, то бы отправляли всех». После об'яснений губернатора команда «изъявила должное повиновение, по крайней мере по наружности, не отложив, повидимому, вовсе своих сомнений». Губернатор заключил свое представление о случившемся словами: «не взирая на всю неусыпность, деятельность и на весь порядок директора Рерберга, сей дух буйства, недоверенности к начальству и ослушание без примерного распоряжения вышнего правительства совершенно смирить и уничтожить едва ли будет возможно». Девять человек, признанных зачинщиками возмущения, были приговорены комиссией к смертной казни,—из них восемь к повешанию, а девятый—к расстрелу. Но Аудиториатский Департамент вынес по этому делу такую резолюцию: «трех подсудимых, подавших более поводов к дерзости и возмущению фабричных мастеровых, исключа из сего звания, вместо смертной казни, бить кнутом, дав каждому по 25 ударов, вырезать ноздри и, поставя указные знаки, сослать; остальных 6 подсудимых прогнать шпицрутенами чрез тысячу человек по 6 раз, а затем отослать в Архангельск на тамошний прядильный завод». Заключение Аудиторнатского Департамента было представлено морскому министру, а от него Комитету Министров, пройдя через который (31 мая 1816 г.), было несколько изменено по отношению к последним 6-ти подсудимым, которых повелено «прогнать шпицрутенами по два только раза сквозь тысячу человек». Граф Аракчеев, при подписании журнала Комитета Министров, об'явил высочайшее соизволение «и первых трех подсудимых, вместо положенного им наказания, прогнать шпицрутен сквозь тысячу человек два раза и после отослать на Иркутскую суконную фабрику в рабочие».

В июле, августе и октябре месяцах того же 1816 года рабочими были сделаны попытки подачи просьбы государю уже лично. Просьба была все о том же освобождении от вычетов за мундир и о назначении полного пайка для малолетних детей, а кроме того содержала жалобы на притеснения рабочих директором Рербергом. Первая попытка подать государю это прошение кончилась тем, что на другое же утро по прибытии в Петербург оба мастеровые, приехавшие с прошением, были задержаны ефрейтором, посланным с новогородской парусной фабрики для поисков их. Комиссия военного суда приговорила подсудимых к повешению, но Аудиториатский Департамент предложил прогнать подсудимых сквозь строй в 1000 человек два раза и отправить на архангельский прядильный завод, а морской министр уменьшил наказание, положив: «прогнать их шпицрутеном чрез 500 человек один только раз и, по наказании, отправить в Свеаборг. Эта неудача не остановила мастеровых. Под страхом страшного наказания, в июле и в октябре 1816 года, еще двое мастеровых, Ф. Лебедев и Д. Вшипов, тайно отправились в Петербург с такой же просьбой и жалобой на директора. Долго искали тот и другой случая, чтобы подать свои прошения. Наконец, Лебедев нашел случай вручить свое прошение вдовствующей императрице Марии Феодоровне; оно было затем ему возвращено с предложением передать его великому князю Константину Павловичу, который и отослал его по начальству. А Вшипов, поджидая государя на Каменном острове, увидел «молодую государыню» (Елисавету Алексеевну), и умолял ее принять свое прошение; сопровождавший ее камер-лакей взял у него бумагу и передал ее государыне. Вшипов удалился, но вскоре был разыскан тем же камер-лакеем, который возвратил ему прошение, с указанием на то, что «оная до ее величества не принадлежит». Затем, по собственной своей неосторожности Вшипов был заподозрен полицией, допрошен, а затем и он, и Лебедев были преданы военному суду. Суд нашел их «виновными в самовольной отлучке от команды, в общем согласии писать затейливые просьбы и утруждении не токмо его императорского величества, но даже и всей царской фамилии... и подлежащими смертной казни через повешение».

В это же время в Петербург приехали еще десять человек мастеровых для подачи государю прошения; жалуясь на директора и об'ясняя свои нужды, мастеровые просили также об освобождении товарищей, посланных прежде с прошениями и уже наказанных шпицрутенами.

3 октября 1816 года Военно-Судная Комиссия приговорила вышеупомянутых десять мастеровых «к битью кнутом, вырезанию ноздрей и ссылке в вечную работу на галеры». Аудиториатский Департамент постановил: Вшипова с Лебедевым и остальных десять мастеровых прогнать шпицрутенами чрез 1000 человек, каждого по 2 раза, а затем отправить в Архангельск на прядильный завод, но морской министр приказал прогнать всех подсудимых шпицрутенами через 500 человек один только раз и отправить в Архангельск.

Директор фабрики Рерберг, «после известного неспокойствия мастеровых», как говорится в одном архивном документе, подал 29 апреля 1816 года рапорт о необходимости увеличить заработную плату мастеровым, остававшуюся без перемен уже шестнадцать лет, несмотря на возросшую дороговизну предметов первой необходимости. Рапортом сообщалось, что рабочие «пришли с их семействами в крайнюю бедность, почему иные убедительно, со слезами, просят об уничтожении с них вычета за мундир или о прибавке им задельных денег».

Около восьми месяцев прошло, прежде чем Адмиралтейств-Коллегия смогла дать указ (14 декабря 1816 г.) об увеличении мастеровым новгородской парусной фабрики с 1 января 1817 г. заработной платы и отмене вычетов за мундиры и за пребывание в госпитале.

Указом 24 декабря 1824 новгородская фабрика была упразднена. Она прекратила свое существование в 1829 г.

Мария Мурзанова.

Жизнь рабочих на Кренгольмской мануфактуре.

(Волнения рабочих в 1872 г.).

I.

Товарищество Кренгольмской мануфактуры было основано в 1856 г. с капиталом, громадным для того времени (2 милл. рублей), в Эстляндской губернии (Вирляндском уезде) при водопаде близ г. Нарвы. Задумано оно было по широкому плану. Впервые в России насаждалась крупная капиталистическая промышленность в таком масштабе и при таких условиях. В скором времени мануфактура, достигнув громадных размеров, заняла первое место среди подобных фабрик не только России, но и Зап. Европы. В 1872 году мануфактура располагала водяным двигателем (из водопада) в 3700 лош. сил. Технические средства ее состояли из 239 692 ватерных и мюльных веретен и 1647 механических и ткацких станков. Дивиденд, получаемый акционерами, доходил до 35%. По своему устройству мануфактура представляла как бы маленькое государство, так как управлялась, независимо от общих правительственных учреждений, на основании собственного полицейского устава, составленного в 1857 г., которым фабричному управлению присвоялись полицейские права. На мануфактуре были учреждены две инстанции фабричной полиции. Первую составлял старшина, который должен был выбираться рабочими, а на самом деле был ставленником мануфактуры, а вторую—управляющий мануфактурой. Эта полиция имела право подвергать рабочих следующим взысканиям: 1) денежному штрафу в размере заработной платы от 1 до 10 дней, 2) телесному наказанию от 1 до 50 ударов розгами, 3) содержанию под арестом до 2 суток. Сверх того в изъятие из общего законодательства рабочая полиция (точнее полиция самой мануфактуры) могла разбирать дела по обманам и кражам не свыше 5 руб. серебра, а по гражданским делам производить взыскания по долговым обязательствам рабочих и назначить, в случае смерти рабочих, их детям опекунов. Полиция была освобождена от гербовых сборов и пользовалась правами государственных учреждений.

Обороты мануфактуры в 1872 г. дошли до 7 милл. в год при 6000 рабочих. При этом паи поднялись с 5 тысяч рублей до 15 тысяч.

На основании данных, хранящихся в архиве, возможно восстановить размеры месячного заработка в различных мастерских прядильного отделения.

Мастерские.	Мужчины.	Женщины.	Дети.
Трепальная	от 9—10 р.	от $6^1/_2$—7 р.	—
Кардная	от $10^1/_2$—$12^1/_2$ р.	—	от 6—8 р.
Ровничная	—	от 7—12 р.	—
Ватерная	—	—	от $3^1/_2$—$8^1/_2$ р.
Мюльная	от 20—30 р.	—	—
Мотовильная	—	от 7—14 р.	—
Ручные прессы	от 25—30 р.	—	—
Гидравлич. прессы . .	от 10—14 р.	—	—

[1]) Архив Министерства Внутренних Дел. Канцел. М-ра В. Д. 1872 г. Дело о беспорядках в Кренгольм. мануфактуре. № 6.

По ткацкому отделению месячный заработок был таков:

Мастерские.	Мужчины.	Женщины.	Дети.
Катушечная	—	12½ р.	—
Сновальная	—	15 р.	—
Шлихтовальная . . .	от 35—45 р.	—	—
Пом. шлихтовал. . . .	от 16—20 р.	—	—
Продевальная	—	—	7 р.
Помощн. продев. . . .	—	—	4 р.
Ткацкая при 1 станке .	от 7½—9 р.	от 7½—9 р.	—
Ткацкая при 2 станках.	от 15—18 р.	от 15—18 р.	—
Браковщики	от 18—23 р.	—	—
Помощники	10 р.	—	—
Паковальщики	от 10—15 р.	—	—
Ремизная	—	10½ р.	—

Всем рабочим в 1871 г. выплачивалось до 35 тыс. рублей в месяц. Наиболее значительное вознаграждение получали шлихтовальщики (до 15 чел.), ткачи (до 900 чел.), рабочие при ручных прессах (до 16 чел.), браковщики (до 24 чел.), мюльщики (прядильщики, до 200 чел.). По вознаграждению и по численности наиболее выделялись ткачи.

Интересны соотношения между различными группами рабочих в 1871 г.

А) По времени службы: а) от 5 до 10 лет работало мужчин 496, женщин 297,—всего 793 чел; б) 10 и более лет работало мужчин 314, женщин 117,—всего 431 чел. Остальные работали меньше 5 лет.

Б) Соотношение по национальностям: 1) эстонцев—мужчин 1351, женщин 985, детей 908, 2) русских—мужчин 807, женщин 333, детей 260, остальные др. национальностей.

В) Соотношения по специальностям: 1) рабочих прядильного отделения было 2900 чел., из них прядильщиков мужчин было 200 чел., мальчиков более 1000, остальные были заняты подготовительными для прядения работами, напр., размоткой и укупоркой пряжи; 2) рабочих ткацкого отделения было до 1470 чел., в числе их ткачей мужчин и женщин 900 чел., все другие находились при подготовке работ и при укупорке товара и др. побочных работах, 3) чернорабочих—число их колебалось.

Среди малолетних рабочих особенно плохо было положение детей, взятых мануфактурой из воспитательного дома. В 1870 г. работало до ста мальчиков и ста десяти девочек в возрасте от 11 лет. Они представляли собой в полном смысле белых рабов. Мануфактура принимала их на особых условиях, заключенных с начальством Воспитательного дома. Мануфактура брала на себя полное их содержание до достижения 21 года питомцами и 18 питомицами. Жалование полагалось им от 3 до 8 рублей в месяц. Но эти деньги, за вычетом из них расходов на содержание и одежду, сохранялись до их совершеннолетия в фабричной кассе. Этот порядок был до крайности тяжел для взрослых, которые были вынуждены воровать и заниматься проституцией (см. доклад правительств. комиссии по делу о беспорядках в Кренгольм. мануфактуре 1872 г. 15 ноября).

Кроме этих детей, были на мануфактуре и другие, нанимаемые мюльщиками за 5—6 рублей в месяц. Обязанности этих маленьких подручных заключались в присучивании обрывающихся концов выпрядаемой нити, другие должны были выметать пыль с машины, а третьи заменяли отработанные катушки ровницы (т. е. полупряжи, поступающей на мюль-машины)—новыми. Детский труд вообще применялся широко. За детьми следили взрослые (мюльщики). Особенный режим был установлен для питомцев Воспитательного дома. Ближайший надзор за ними осуществляли сторожа, щедро рассыпая им наказания (работы по воскресеньям и праздникам, карцер и розги до 10 ударов).

Так как местность, где учреждена была мануфактура, была безлюдной, то для того, чтобы набрать себе рабочих и больше привязать их к мануфактуре, учредители повысили заработную поденную плату сравнительно с другими фабриками и пригласили на выгодных условиях опытных рабочих из-за границы и внутренних губерний. Когда же предложение стало превышать спрос, мануфактура начала сокращать льготы, предоставленные рабочим. Очень широко стала применяться система штрафов. В 1870 г. ежемесячная выдача денег рабочим доходила до 35 тысяч, а сумма штрафов до 1 тысячи рублей. Ткач П. Ильин, характеризованный

администрацией в качестве хорошего рабочаго, подвергается штрафу ежемесячно с сентября 1870 г., когда он поступил, до апреля 1872 г., когда он выбыл: из 20 месяцев ни одного не было без штрафа; на заработок в 288 р. 87 к. сумма штрафов была 47 р. 25 к. (более 16%) и значительная часть их падает на малую выработку. Самый большой штраф в феврале 1872 г. равнялся 9 р. 25 к. при общем заработке в 14 р. 40 к. У Козьмы Антонова за 1871—72 г. сумма вычетов равнялась 10 р. 30 к. при заработке в 167 р. 80 к. (более 6%). а у Ah. Ehhra за тот же промежуток времени штраф равен 13 р. 90 к. при выработке в 190 р. 20 к. (более 7%). С мальчика Г. Вильмана за разорванный лист рабочей книжки взят штраф в 5 руб., хотя книжка стоит 20 коп. За 1871 г. число случаев наложения штрафа для одного прядильного отделения было 5699,—сумма штрафов равна была 3052 р. 27 к. Распределялись они так: за худую работу—914 р. 46 к., за воровство, драку, уход с фабрики не во время—661 р. 39 к. Никогда не падая ниже 600 р. в месяц, штрафы доходили до 1000 руб.

II.

Чтобы детальнее выяснить положение рабочих, которое вызвало в 1872 г. крупнейшие в России беспорядки (по количеству участвующих в них), надо ознакомиться с режимом работы, установившимся ко времени 1870 года. Начало работ было в 5 час. утра, окончание перед обедом—в 12 ч. дня, начало послеобеденных работ в 12 ч. 55 м. и окончание в 8 часов. Таким образом, рабочий день длился 14 часов. Он был одинаков как для взрослых, так и для детей. При этом последние должны были, кроме того, еще от $8^1/_2$ ч. до 10 ч. вечера учиться в школе. На завтрак времени не уделялось, мало того, администрация штрафовала, если рабочие приносили с собой на фабрику припасы для еды. Надо прибавить, что расстояние жилищ большинства рабочих требовало ходьбы более 15 минут. Поэтому большинство рабочих на обед не ходили, чтобы не подвергаться штрафу за опоздание. В то время как на других фабриках России, напр., на Самсониевской мануфактуре, на фабрике Торшилова в СПБ., был двенадцатичасовой рабочий день, Кренгольмская мануфактура упорно держалась за свой гораздо более продолжительный рабочий день. Правительственная комиссия, назначенная в 1872 г. для обследования условий труда на Кренгольмской мануфактуре, обратила внимание на изнурение рабочих таким долгим рабочим днем; особенно истощены были дети, терявшие к концу дня даже голос. Комиссией была предложена следующая мера. Для детей до 14-летнего возраста назначить только дообеденную или же только послеобеденную работу, т. е. иметь две смены малолетних рабочих. Такой порядок существовал тогда в большинстве фабрик России (напр., на фабрике Штиглица). Мануфактура категорически отказалась это сделать, заявив, что это для нее будет невыгодно, так как повлечет за собой удорожание изделий.

Чтобы показать до какой степени доходило закабаливание рабочих, и как велика была эксплоатация их, приведем выдержки из рабочих правил мануфактуры, обязательных для всех работающих на ней.

Параграф первый книжки гласил: «Рабочий обязан повиноваться беспрекословно постановлениям мануфактуры и работать до окончания года». «Если же по истечении сего срока он желает оставить фабрику, то должен об'явить за месяц ранее, в противном случае подвергается скидке месячного жалования», «кто по истечении года не об'явит, что он желает оставить фабрику, то это означает, что он остается еще на год на тех же самых условиях, что мануфактурою и принято будет без предварительного уговора»... «После семидневного пребывания на мануфактуре никакое возражение о непринятии договора или упомянутых постановлений не принимается, и договор считается в полной мере обязательным».

Из § 2: «За худое поведение, непослушание, воровство—рабочий может быть уволен без предварительной об'явки».

Из § 4: «Каждый занимающийся на мануфактуре обязан беспрекословно повиноваться всем распоряжениям директора, мастера или надзирателя отделения, в котором он занимается. Виновный штрафуется смотря на лицо и по важности его преступления от 50 коп. до 5 или 10 руб. или отпускается тотчас с мануфактуры и передается местной полиции».

Из § 6: «Во время работы никто без дозволении не должен оставлять свое место или болтовней и другими вмешательствами служить поводом к медлительности в работе... виновный подвергается денежному взысканию от 50 коп. до 5 руб.».

Из § 8: «Кто через 10 минут после последнего удара колокола не явился на свое место, подвергается денежному штрафу. Больные обязаны приходить в контору и заявлять о своей болезни». «У тех, которые в болезненном или неболезненном состоянии без дозволения конторы не явились на работу, вычитается двойное их за день жалованье». «На расходы на госпиталь удерживается 2% жалованья рабочих».

Из § 11: «Каждая отлучка от работы в другие дни (кроме праздников) штрафуется двойным вычетом за день жалования».

Другие параграфы идут дальше. Параграф 19 говорит: «за худую работу каждому рабочему будет сделана соразмерная скидка с жалованья». Параграф 20 говорит: «Каждый без различия пола отвечает своим имуществом и лицом (sic!) за все здесь непоименованные убытки—ущербы мануфактуре». Но всего выразительное параграф 25, отдающий рабочего не только в распоряжение мануфактуры, но закабаливающий его вахтерам: «В жилых покоях каждый без исключения должен повиноваться установленным правилам мануфактуры. Домоуправляющие, старосты, вахтера и караульщики должны строго наблюдать, чтобы рабочие вели себя смирно, не сорились с соседями и наблюдали чистоту; кто не повинуется сим правилам, подвергается штрафу». Характерно, что штраф или не был нормирован, или был нормирован очень неопределенно (от 50 к. до 10 рубл.) и шел в пользу штрафующего и мануфактуры. Таким образом, мануфактура создала автоматическое, так сказать, вознаграждение старших служащих из денег младших, мастеров за счет рабочих, не забывая и свои интересы, так как часть штрафов шла и в пользу мануфактуры. Мало того, старшие рабочие, штрафуя младших, этим самым отстаивали интересы мануфактуры. Администрация мануфактуры путем 22-го параграфа очень сильно привязывала к себе рабочих: «Платеж жалования, говорилось в этом параграфе, будет производиться в первую субботу после 15 числа каждого месяца за прошлый месяц. От 1-го до 5-го каждый рабочий должен представить свою счетную книжку в контору...; за два дня перед платежом рабочие должны потребовать свои книжки обратно»; «кто не доставит свою книжку в назначенное время или ее не возьмет, тот получит свое жалованье в будущем месяце». Таким образом, мануфактура всегда оставляла за собой полумесячный заработок рабочего, а иногда даже и месячный.

III.

Сами жилища рабочих служили тоже двум целям, которые преследовались мануфактурой: они закабаливали рабочего и эксплоатировали его. Так как мануфактура, как сказано было выше, основывалась в мало населенном крае и рассчитана была на пришлый элемент, то правление мануфактуры выстроило жилища для рабочих и отдавало их в наем на условиях, которые были тягостны для рабочих. Для рабочих же был выстроен мануфактурой и трактир, приносивший доход. Вот таблица рабочих, живших в домах мануфактуры в 1872 г.

Здания.	Рабочих мануфакт.	Занимающих хозяйств.	Дети.	Всего.
1. Кренгольмские казармы	2518	426	465	3409
2. Казармы Нового Острова	808	102	87	997
3. Старые дома деревни Иоларь . . .	246	74	95	415
4. В семейных домах на новом участке .	137	53	44	234

Рабочие дома Кренгольмской мануфактуры представляли собою казарменные постройки или отдельные дома на 2, 4 и 8 семейств. Холостые казармы были двухэтажными, и в каждом из этажей были устроены рядами нары. Кубическое содержание воздуха было очень незначительным. Духота достигала невероятных размеров. Щели нар кишели паразитами. Для подстилки служила собственная одежда, а иногда мешки, набитые соломой. С каждого артельного номера, где помещалось от 20 до 30 чел., мануфактура брала 6 рублей в месяц.

Казармы для семейных имели двоякое устройство. При одном из них эти казармы заключали в себе отдельные номера на 6 семей с 4 комнатами и 2 углами. Имелась общая кухня с русской печкой и плитой. При другом устройстве в казарме был коридор, шедший по длине

всего здания и разделявший казарму на две половины, из которых каждая имела в себе отдельные комнатки для семей. Для всех комнаток имелась или одна общая кухня в особой пристройке или же 3 печи с плитами, в каждом коридоре. Плата за номер была от 75 коп. до 1 руб. в месяц. Зимой она увеличивалась на 50 коп.—на дрова. Всех казарм было 11, от 40 до 90 номеров в каждой. Эти казармы приносили чистого дохода мануфактуре 10%. Здесь рабочие должны были подчиняться режиму, выработанному мануфактурой. Величина комнат 7×4 арш.; в среднем в каждой казарме жило до 350 чел. В некоторых комнатках жило по 5 взрослых—не считая подростков. Всего хуже содержались питомцы Воспитательного дома, при чем мальчики не были хорошо изолированы от девочек. Грязь и неимоверное переполнение домов рабочими превосходили всякое вероятие. При осмотре домов во время холеры 1872 г. было обнаружено, что в одной и той же комнате помещались, как умершие и больные, так и здоровые, которые «походили более на двигающиеся тени, чем на живых людей». В комнатах, рассчитанных на 5 чел., помещалось от 25 до 30 челов.

Предметом эксплоатации мануфактуры было и питание рабочих. Мануфактурой были устроены две кухни со столовыми, где рабочие харчевались с платою по 4 рубля в месяц. Получилось довольно доходное предприятие при дешевизне продуктов того времени и при скудости обедов, отпускаемых мануфактурой. Доходным предприятием была и баня, где мылись мужчины и женщины вместе за особую плату. Источником эксплоатации была и школа, за которую малолетние платили по 20 коп. в месяц. От этой платы никто не освобождался, даже и те, кто не мог ходить в школу.

На содержание больницы отчислялось с рабочих по 2%, но лечение было неудовлетворительно. Большая часть заболеваний были простудными и желудочными. Причиной этого была краткость обеденного перерыва (55 мин.) и обыск рабочих, выходивших из фабрики в более или менее разгоряченном виде на мост, через водопад, где всегда происходил обыск, несмотря на ветер, дождь и т. д. При среднем числе 5000 рабочих было в 1869 г.—64,418, в 1870 г.—24,596, в 1871 г.—19,234 и в 1872 г. с января по октябрь 24,196. Эпидемии среди рабочих почти не переводились. В 1869 г. была эпидемия возвратной горячки, от которой заболело 2080, умерло 176 (8%), в 1872 г. от холеры—заболело 430, умерло 189 (44%).

IV.

Такое положение рабочих постоянно вызывало их недовольство, но строгий режим и общая забитость удерживали их от борьбы с мануфактурой. Приходилось ждать того времени, когда какая-либо случайность даст возможность заявить свои требования. Мало-по-малу, вследствие перемены в фабричном управлении, падал авторитет фабричного начальства, вместе с тем рос произвол отдельных лиц в области наложения штрафов. Это вызывало глухое недовольство рабочих, брожение усиливалось вследствие прилива новых рабочих из внутренних губерний России, которые приносили с собою вести о новых порядках, о реформах и о новом суде, где не было такого произвола, как в суде при мануфактуре.

Начавшееся брожение поддерживалось ткачами, которые по своему умственному развитию, квалифицированности и некоторой обеспеченности, оказывали влияние и на других рабочих. В возникших волнениях ткачи и были руководителями рабочих.

В июле 1872 г. Кренгольмская мануфактура приступила к углублению каменистого русла рукава реки Наровы, наняв до 800 каменьщиков. В конце июля в г. Нарве и его окрестностях стала свирепствовать холера, унося много жертв. Кренгольмская мануфактура, вследствие антигигиеничности жизни рабочих и их истощенности, представляла удобную почву для развития этой болезни. Первыми жертвами ее сделались каменщики. Условия труда их были еще хуже, чем рабочих. Ежедневные зрелища покойников, провозимых по главным улицам Кренгольма, мимо рабочих казарм, действовали до того потрясающе, что остальные каменщики решили уйти на родину. 2 августа они явились в количестве 200 чел. в г. Нарву к жандармскому офицеру и просили его позволения оставить мануфактуру. Управление мануфактурой воспротивилось их уходу, но они ушли самовольно, оставив свои паспорта и не получив рассчета. Уход каменщиков отразился на настроении рабочих.

14 августа заволновались ткачи, которые просили разрешения заявить свои просьбы. В зале конторы их собралось до 500 чел., они выбрали 10 уполномоченных и подали через тех

свою записку с указанием тех льгот, которые были обещаны мануфактурой при их найме, а потом отняты. Прочитав записку, администрация мануфактуры об'явила, что некоторые просьбы (маловажные) будут удовлетворены, другие же удовлетворены быть не могут (напр., сократить рабочее время на $^1/_2$ часа на обед). Ответ был выслушан мирно, но рабочие не доверяли обещаниям, хотя разошлись спокойно, попросив администрацию мануфактуры пригласить в конце недели на фабрику директоров из Петербурга. Администрация обещала. Рабочие же требовали, чтобы была дана подписка в том, что директора будут приглашены.

Вся неделя прошла спокойно. Рабочие ходили на работу в определенные часы. Между тем холера не прекращалась. 18 августа, после обеда, 12 ткачей заявили фабричному начальству, что они в субботу на работу не пойдут, если не приедут директора. На фабрике ни уполномоченного, ни его поверенного не было. В субботу рабочие вышли на работу, хотя директоров не было. В воскресенье 20 августа приехал начальник жандармского управления и уполномоченный правления, которому сделалось известным, что на следующий день рабочие р е ш и т е л ь н о о т к а з ы в а ю т с я и т т и н а р а б о т у. В понедельник приехал в Кренгольм эстляндский губернатор; по его распоряжению было предложено толпе рабочих, собравшись в зале конторы, избрать выборных—40 человек из ткачей и 20 человек из прядильщиков. Наконец, приехали директора и приступили к разбору заявлений рабочих, в результате чего был составлен особый акт.

В виду того, что он рисует условия труда рабочих и отношение администрации к рабочим, приведем из него некоторые выдержки:

«Акт 1872 г. 21 августа в присутствии г. начальника губернат. свиты Е. В. генерал-майора князя Шаховского-Глебова-Стрешнева, г. начальника С.-Петербургской губерн. жандарм. управления полковника Бирима и уполномоченного Кренгольмской мануфактуры г. Кольбе выбраны были из ткачей 40 рабочих, которые просили:

1) Начинать работать утром в $5^1/_2$ часов.	1) Г-н Кольбе согласен на это.
2) На обед разрешить им $1^1/_2$ часа.	2) Г-н Кольбе согласен дать $1^1/_4$ часа.
3) Чтобы за кусок материи в 50 арш. платили 40 коп. за работу.	3) На это г-н Кольбе не согласен, но впредь цены будут установлены согласно существующих фабричных с.-петербургских цен.
4) За испорченные части машин вычитать только стоимость их в готовом виде, а не по произволу управления фабрики.	4) Заявление рабочих принято к сведению, и директор фабрики приступит с старшинами к составлению подобной таксы с тем, чтобы этот вопрос был разрешен к 1 октября сего года.
5) За малую выработку не штрафовать, а дать рассчет или удалить с машины.	5) Г-н Кольбе согласен на это с тем, чтобы в каждый рабочий день вырабатывалось не менее 45 арш.
6) Чтобы давали записки на временную отлучку домой по болезни или по другим необходимым обстоятельствам.	6) Г-н Кольбе согласен на это.
7) Удалить из больницы фельдшера Палкина.	7) Г-н Кольбе не согласен, а жалобу на него следует направить по принадлежности.
8) Старосту Петра Сека сменить и разрешить на будущее время выбирать старосту обществом фабрики.	8) Согласен на это с предоставлением обществу права выбирать и представлять на утверждение в должности старшины 3 кандидатов.
9) За детей, которые в школу не ходят, не высчитывать денег.	9) Нельзя сие ходатайство выполнить.
10) Не взыскивать показанные в § 10 постановления фабрики 2 процента в пользу больницы и церкви, ибо сия последняя уже с некоторых лет не существует.	10) Г-н Кольбе согласен на это.
11) Церковного старшину К. Сека, работников Густ. Бруса и Карела Пакальски удалить из фабрики за разные противозаконные действия.	11) В случае, если не имеется законного основания на то, им предоставляется на означенных лиц подать жалобу в установленном порядке.

Самое главное требование о регулировании штрафов и прекращении произвола мастеров даже и не рассматривалось. Были сделаны лишь небольшие уступки, но главное осталось без удовлетворения, и в сущности положение дел на мануфактуре почти не изменилось. Этот «акт» все-таки был некоторой моральной поддержкой рабочим, которые увидели, что мануфактура не является той незыблемой силой, какой она казалась рабочим. Рабочие вели себя тихо, претензии не заявляли и благодарили губернатора и уполномоченного правления за участие к ним. Порядок был восстановлен. Между тем фабричное управление, сделав уступки, старалось отобрать назад все льготы. Староста Петр Секка, о смещении которого особенно просили рабочие, остался и придирался к рабочим на каждом шагу.

9 сентября разнесся слух, что двое рабочих Брунс и Пиккамяги с одобрения заведывающего полицейской частью мануфактуры, составили прошение об отмене льгот и приглашают некоторых рабочих, по их выбору, в трактир на Кренгольме, обещая угостить водкой за подписание бумаги. Тогда толпа из 15 челов. явилась в трактир и потребовала бумагу. Брунс и Пиккамяги—бежали.

10 сентября шестеро рабочих явились в Нарву к жандармскому офицеру с заявлением, что они хотят отправиться к губернатору и просить его о расследовании дела Брунса и Пиккамяги. Жандармский офицер направил их к гакенрихтеру. Последний явился на фабрику по вызову мануфактуры, произвел дознание и приговорил четырех рабочих за самоуправство и буйство к аресту на семь дней при нарвской полицейской тюрьме. Гакенрихтер стал разыскивать бунтовавших рабочих. Тогда ткачи в числе 200 чел., оставив работу, ворвались в контору, требуя освобождения арестованных.

После отказа ткачи об'явили, что они никого не пустят на работу, и в $12^1/_2$ ч. дня толпа ткачей загородила узкий мост, ведущий на мануфактуру, и угрожала дубинами тем, кто хотел идти на работу. Все усилия убедить их отказаться от этого были напрасны. Часть рабочих стала собираться против квартиры уполномоченного, часть же отправилась в Нарву освобождать товарищей. Гакенрихтер стал арестовывать рабочих дальше, но получил несколько ударов камнями. Толпа расположилась в поле, где водрузил шест с флагом. Собралось до 1000 человек. Взяв камни, толпа окружила дом управляющего, выломала двери и освободила арестованных. В это время появилось войско, которое одним натиском, не употребляя оружия, разогнало толпу. На другой день, 12 сентября, волнение возобновилось, рабочие бросали в патрули камнями и отказывались встать на работу.

В помощь отряду в 220 человек было вытребовано губернатором подкрепление из Ямбурга. Беспорядки прекратились. Мануфактура была закрыта на пять дней для выяснения происшествия.

Особая правительственная комиссия, состоявшая из д. с. с. Габерзаля, майора Андрианова и профессора Лабзина, выяснила необходимость улучшить положение рабочих, подчинив их общеимперскому законодательству.

В ответ на это управление мануфактуры об'явило, что оно закроет фабрику, ссылаясь на постановления, напечатанные в рабочих книжках, предоставляющие ей судебно-полицейское право. Но по рассмотрении этих постановлений оказалось, что эти постановления никем не были утверждены, напечатаны бесцензурно и главное—противоречат законам.

В результате сложной и долгой переписки фабрично - полицейский устав мануфактуры был отменен, гражданские дела рабочих предоставлены для разбора Вайварскому кирочному судье; были также сделаны частичные улучшения быта рабочих.

С. В. Фарфоровский.

Был ли первоначально русский север крестьянским?

Недавно на одном из с'ездов, посвященных экономическим вопросам, в общем ходе прений солидным ученым было высказано мнение, что заселение севера Европейской России было последствием колонизации крестьянской, земледельческой, трудовой. Можно понять основание такого утверждения, но нельзя с ним согласиться. Русская колонизация „Поморья" (так назывались в совокупности берег Белого моря и долины рек, текущих в Белое море) была первоначально колонизацией боярской, промысловой, капиталистической. «Крестьянским» русский север стал позднее вследствие некоторых социальных перемен, и те ученые, которые принимают демократический строй северно русской жизни за первоначальную ее фазу, впадают в ошибку, довольно, впрочем, извинительную. Дело в том, что почти все сохранившиеся до наших дней, исторические документы (акты и писцовые книги) северных областей действительно говорят о демократическом характере жизни и мелком крестьянском землевладении. Ряд крестьянских волостей, в которых «учинены судейки, человек с 10, выборные люди тех же волостей крестьяне, и судятся меж себя по царским грамотам и без грамот»; самостоятельные приходские общины с выборными попами; все права собственности на крестьянские участки, которые переходят свободно из рук в руки по купчим, закладным, духовным и другим «грамотам», засвидетельствованным у своих же выборных властей; земледелие и мелкий подсобный промысел, как основание хозяйственного быта,—вот обычная картина северной русской жизни 16—17 веков. Если над крестьянской волостью существует какая-либо вотчинная власть, то это власть богатого монастыря (Соловецкого, Кириллова), или же московского вельможи. Она носит на себе черты феодального владения, не разрушает внутреннего устройства крестьянских миров с их самоуправлением и довольствуется обычно получением в свою пользу тех сборов, которые «черные» крестьяне (то-есть государственные) дают непосредственно государству. Помещика—служилого человека, дворянина—нет на русском севере 15—17 веков, нет и обычного последствия поместной системы—крепостной зависимости крестьянина от мелкого землевладельца. Отсюда создается впечатление, что древний русский север был крестьянским краем с примитивными формами общественности, выросшими в условиях первоначалного колонизационного процесса.

Но этому периоду 16—17 веков предшествовали другие времена. С половины 15 века на севере, в Поморье, водворилась власть московских государей, сменившая собою власть Господина Великого Новгорода. Московскому правительству пришлось на севере произвести ту же самую перемену, какую оно прозвело в самом Новгороде, а именно уничтожить власть и влияние новгородских «бояр». Когда бояре исчезли или, по московскому выражению, «извелися», Поморье стало таким, каким мы его видели выше. При боярах же новгородских оно было иным, имело другую социальную структуру, начало которой восходит к глубокой древности, пожалуй, к 12-му веку. От этих древнейших времен не сохранилось почти никаких документов, ибо время и Москва их истребили. Одни лишь летописи говорят нам о ходе событий в новгородском государстве, да остатки кое-каких памятников гражданского оборота сохранились в монастырях и случайных частных архивах. Необходимо было особое остроумие и особая точность критической наблюдательности, чтобы по намекам сохранившейся новгородской старины построить правильное понятие об основных особенностях жизни и строя Новгородского общества и связан-

ного с Новгородом Поморья. Только тогда, когда мы поймем, на чем строилась хозяйственная жизнь Великого Новгорода, мы уразумеем, кем, как и для чего колонизовалось из Новгорода интересующее нас Поморье в древнейшие времена его исторического существования.

Господин Великий Новгород обладал громадною территорией от Сумского посада на Белом море до водораздела Западной Двины и Ильменских рек. Лишь немногие места в его южных волостях были доступны для успешного земледельческого труда. Вообще же земля Новгородская была «неродима», и население ковыряло землю без верной надежды на урожай, лишь потому, что не рассчитывало на сколько-нибудь правильный подвоз зерна. Не только тогда, когда низовские (в Поволжье) князья, враждуя, закрывали свои границы для Новгорода, но и в обычное, мирное время новгородцы могли остаться без хлеба по ряду случайных причин. Подсобные промыслы (главным образом, рыболовство) кормили, но не создавали достатка, а пушной зверь, дававший когда-то доходный товар, был уже повыбит и ушел на север и восток. В таких условиях новгородцу, чтобы жить обеспеченно и хорошо, надо было торговать. Путем долгого житейского процесса сложилася торговый оборот новгородского государства. Руководили этим оборотом главнейшие города страны—сам Великий Новгород, затем Псков и Старая Руса. Их рынки обратились в главные средоточия товаров, русских и «заморских». В стенах этих городов сбилось густое население, так как в них стеклось все то, что играло руководящую экономическую роль в стране. На иностранцев, видавших Новгород и Псков в пору их хозяйственного расцвета, оба эти города производили впечатление очень больших городов, равных коим немного было в Европе. Можно сказать, что в пустынной, слабо заселенной стране Новгородской эти два или три города (если считать Старую Русу) убили все другие поселки городского типа и стянули к себе все нити экономической жизни своего государства, а вместе с ними и административно-политическое руководство всем новгородским обществом. В то время, как Новгород и Псков имели каждый около 6.000 или 7.000 дворов, а Старая Руса около 1.600 дворов, прочие городские поселки не достигали даже и 300 дворов и имели значение не рынков, а крепостей, направленных на «немцев» и «Литву». Таким образом в новгородском обществе произошла чрезвычайная централизация общественных сил, и «Господин Великий Новгород» был на самом деле «господином» над своей громадной, но пустынной страною, как позднее Псков, получив независимость от Новгорода в 14 веке, стал таким же «господином» над своею областью и своими пригородами. Оба эти городские центра властно распоряжались судьбою своих волостей и пригородов по старому порядку: «на чем старейшие положат, на том и пригороды станут». Вече новгородское было верховным распорядителем и законодателем для всего государства. Оно слагалось не из отдельных лиц и не представляло собою беспорядочной тысячной толпы. Его состав определялся теми внутренними организациями, из которых сложился город: «концами», «улицами», «сотнями». Эти организации становились на вече со своими выборными властями во главе и представляли, каждая в себе, один взгляд, одну волю, один голос. Полное их согласие, когда все они «сходили на одну мысль», становилось волею Новгорода; а разногласие вело к междоусобию. Части города, «концы» и «улицы» становились друг против друга с оружием в руках и искали выхода из разногласия в открытом столкновении, или же в мирном соглашении. Так мирное единение или же борьба составных частей города-господина создавала в результате политику всего государства. А в этих составных частях города, в «концах», «улицах» и «сотнях», вожаками и руководителями были новгородские «бояре» и «жить и люди» — знать, разбогатевшая на новгородском «торгу» и овладевшая постепенно правом на важнейшие государственные должности. Чем дальше шло время, тем сильнее становилось влияние этой знати. В политике она стала правящим классом настоящей олигархией, в руках которой сосредоточилась вся власть. В экономической жизни эта знать стала госпожею рынка и обладательницею земельных богатств. На рынке «бояре» и «житьи люди» являлись капиталистами, у которых кредитовались купцы, и которые поставляли на рынок главные виды товаров. В области аграрных отношений «бояре» и «житьи» были крупнейшими землевладельцами, за которыми была масса «боярщинок»,—хуторов и деревень. Как справедливо заметил А. Е. Пресняков [1]), крупное землевладение отнюдь не означает еще крупного хозяйства; напротив, характерной чертой средневекового крупного землевладения было его соединение с мелким хозяйством». В «боярщинках» новгородских сидели на малых пашенных участках или на мелком промысле зависимые от своих господ арендаторы или их прямые боярские «холопы», рабы.

---

[1]) «Архив истории труда в России», книга первая, стр. 35.

Целые сотни их зависели от одного и того же боярина, «позоровали к нему», говоря старым языком. Через них боярин давил на население волостей так же, как через своих приказчиков и должников на «торгу» новгородском давил он на самый торг. К исходу новгородской самостоятельной жизни (в 15-м веке) новгородское боярство стало громадной силой, от которой зависело в Новгороде решительно все: и закон, и политика, и торг, и промысел.

В полном своем развитии новгородский торговый оборот имел такой вид. Новгород стягивал на свой рынок товары из-за рубежей, потому что в собственной его стране их не было. Ему необходим был хлеб из Руси—из Поволжья и Поднепровья; чтобы получить его, надобно было в обмен дать Руси «заморский» товар, который привозили готландские и ганзейские купцы на свои «готский» и «немецкий» дворы в Новгороде. Это были сукна, вина, пряности драгоценные металлы. За них надо было дать «готам» и «немцам» морские и северные товары: ворвань, моржовую кость, меха, соль, а также воск. Все эти предметы можно было добывать только в Поморье, в северных лесах и на берегах Белого моря. Выходило так, что Новгород был торговым посредником, «маклаком» между «заморьем» (Средней Европою) и Русью. Сам он ничего не производил, а только передавал товары с севера на запад, с запада на восток и отчасти на юг, оттуда для самого себя получал зерно. Основанием этого кругового торга служила северная промысловая добыча, а целью—обеспечение Новгорода продуктами питания. Организаторы этого кругового торга, бояре, должны были устремлять свою деловую энергию и капиталы прежде всего на северную добычу, ибо она их богатила, давая возможность торгового обмена с «заморием». Вот почему боярство новгородское так дорожило Поморьем. Оно обратило его в новгородскую колонию и в договорах с князьями всегда оговаривало, что северные волости—«се, княже, волости Новгородския». Эксплоатацию этих пространств оно почитало как бы своим правом. На далекий и суровый север оно наладило пути, по которым туда шли новгородские колонизаторы, а оттуда тянулись в Новгород товары. Захватить в сферу обычного управления, сделать север государственной территорией у новгородцев не хватало сил и средств: громадные пространства земли, слабо населенные инородцами, не вполне даже были ведомы русским людям. Они оседали там местами, образуя как-бы русские оазисы среди пустынных лесов и в устьях «морских» рек. Когда новгородская колонизация встречалась на севере с попытками колонизации с юга, со стороны низовских (Поволжских) князей, новгородцам приходилось размежевываться с соперниками и признавать их право на пользование известными путями и промыслами. Так, московские князья в 14-м веке пользовались путем по Северной Двине на р. Мезень и далее на север, куда их сокольники ходили добывать «поткы» (то-есть птиц ловчих), и новгородцы им не мешали в этом их промысле. Но когда Москва пробовала укрепиться в низовьях Сев. Двины, издавна занятых новгородцами, то Новгород оказывал ей до второй половины 15-го века упорное и удачное сопротивление. Он считал «Двину» своею колонией и наказывал всякие попытки местного населения отложиться от метрополии: когда «двинские бояре» стали было «позоровать к Москве», Новгород вооруженною силою изгнал с Двины московских чиновников и жестоко покарал двинских вожаков. В Новгороде, словом, крепка была мысль, что Поморье должно тянуть к нему и должно служить его интересам, хотя оно лежало и за пределами новгородского государства.

Отдаленность от Новгорода удобных и богатых промысловых мест на севере и трудности путей, туда шедших, были причиною, почему бедному переселенцу очень трудно было в одиночку идти в Поморье. Он застревал на пути, задержанный широкими порожистыми реками, каменными «сельгами» и тонкими болотами Обонежья. На далекий морской берег (Терский, Поморский, Летний, Зимний, как его называли на разных его участках) могли проникнуть только хорошо снаряженные и снабженные партии колонистов, имевшие целью основать новый промысел или приобрести новое становище для морского лова. Такого рода партии и формировались в крупных боярских хозяйствах. Новгородский капиталист, боярин или «житой человек», желавший вновь завести или увеличить свои промысловые заимки на севере, собирал у себя своих холопов, «дворчан» или «дворян» (то-есть дворовых людей) и посылал их на север. Они шли в «ушкуях» (лодках) или на конях и добирались до морского берега. Выйдя к морю, они шли морем вдоль берегов, ища удобных мест для становищ. Найдя устье реки, впадающей в море, они входили в реку до первых ее порогов. Привлекали их и удобные бухты, в которых можно было основаться для ловли рыбы и боя моржей. Все удобные места, не занятые ранее, занимались ими на имя их господина и становились боярскою вотчиною. Так возникали промысловые боярские поселки с русским населением. Распространяясь от первых становищ по берегу или вглубь страны,

поселенцы покоряли себе инородцев—«корельских детей» или «лопь дикую», или же (восточнее) «самояд», «примучивая» их к промыслу своего господина. Понемногу целые округа подпадали вотчинной власти того или иного боярина. Семья бояр Борецких в 15 веке владела, например, значительным сплошным пространством вдоль Летнего (южного) берега Белого моря. Первые русские поселения, усевшиеся где-либо на морском берегу или на рыбной реке, становились опорными пунктами для дальнейшей колонизации. От них ползли во все стороны деревни «орамой» земли, соляные варницы с одним-двумя ренами, семужные «заколы». Под кровом знатного и сильного владельца не только его холопы, но и независимые от него мелкие русские люди, проникшие по следам боярина на север, усаживались на удобных для хозяйственной деятельности местах. А затем и монастырские иноки оказывались в ряду колонизаторов. Они или по своей воле уходили из обителей на север, в дикую глушь, искать созерцательного уединения, или же призывались светскими владельцами угодий, завещавшими и дарившими монастырям на помин их грешных душ свои земли и промыслы. К 15 веку все побережье Белого моря было уже унизано русским населением, зависимым от бояр и отчасти монастырей. Они явились здесь властными представителями крупного землевладения с тою же его особенностью, как и в самой Новгородской земле: крупное землевладение и здесь не означало крупного хозяйства. Как морские промыслы, так и все другие виды промышленной и вообще хозяйственной деятельности на севере не слагались в крупные и сложные организации, а представляли собою группы разбросанных на больших расстояниях мелких предприятий, принадлежащих одному крупному капиталисту. Он управлял ими издали, из Великого Новгорода, и был заинтересован только в том, чтобы из его отдаленной крепостной вотчины в срок и в достаточном количестве шел товар на новгородский «торг». В этом, главным образом, и заключался для него смысл его заимок в далеком краю.

Итак, первоначальные русские поселки в Поморье вышли из Новгорода. Они носили промышленный характер. Их назначением была поставка местных продуктов промысла и охоты на Новгородский рынок. Их инициаторами были хозяева этого рынка, новгородские бояре-капиталисты. Промысловые заимки новгородцев становились базою для дальнейшей русской колонизации в Поморье. Когда, в 15 веке, Москва завоевала Поморье, она «извела» новгородских бояр и освободила от их власти население их «боярщин». Она обратила «дворчан» и холопей боярских и «примученных» ими инородцев в «сирот великого государя московского», то-есть в крестьян, сидевших на земле государевой, а в своем поселье. Предоставленная этим «сиротам» возможность самоуправления повела к тому, что прежние боярщины обратились в крестьянские волости с крепкой внутренней организацией. Эти волости были составлены сплошь из мелких земледельческих и промысловых хозяйств и, постепенно размножаясь, распространялись в виде таких же мелких «починков», крестьянских заимок. В этом московском периоде своей жизни Поморье приняло вид крестьянского мира с примитивными формами хозяйства и общественности.

Отжитая эпоха капиталистической эксплоатации края была забыта и не дает себя чувствовать наблюдателю Поморья, видящему его позднейшую форму и не знающему древнейшей.

С. Платонов.

12 октября 1921 г.

Продолжительность рабочего времени в горнозаводской промышленности при крепостном праве.

(Историческая справка).

При господстве принудительного труда сами рабочие, естественно, могли иметь очень мало влияния на определение продолжительности рабочего дня и на его распределение. Это зависело от усмотрения заводских контор, которые, прежде всего, имели в виду интересы и удобства производства. Случаи вмешательства государственной власти бывали, и даже не так редко, как это обычно думают, но целью его была, в сущности, не охрана интересов труда, а внесение известного порядка и однообразия в практику местной администрации. Л. Нисселович [1]), а за ним и остальные авторы (М. И. Туган-Барановский, А. Н. Быков и др.) ведут начало законодательного регулирования продолжительности рабочего дня от «Работных регул», изданных в 1741 г. правительством Анны Леопольдовны для суконных фабрик. Но это не верно. Первым актом государственного вмешательства в эту область нужно считать регламент адмиралтейства, изданный Петром Первым 5 апреля 1722 г. Так, в § 32 главы XII его предписывается в период с 10 сентября по 10 марта звонить в колокол на работу утром за час до восхода, а вечером—с работы спустя час по заходе солнца (по календарю); обеденный перерыв определен с 11 до 12 час. С 10 марта по 10 сентября бить в колокол на работу полагается утром в $4^1/_2$ часа, а вечером в 7, кроме июня и июля, когда работа продолжается до 8 часов; обеденный перерыв начинается в 11 и продолжается в марте и апреле до $12^1/_2$, июне и июле до $1^1/_2$ и августе—до 1 часу. Избные и кузнечные работы должны были производиться в осенний и зимний период до восьмого часу, а прочие—против вышеписанного [2]).

Если справиться по календарю, то в Петрограде самый короткий день приходится на начало декабря, когда солнце восходит в 9 и заходит в 2 ч. 55 м., составляя всего 6 ч. 55 м.; самый же длинный (13 ч. 25 м.)—на начало марта и сентября, когда солнце восходит в 5 ч. 55 м. и заходит в 6 ч. 20 м. В среднем, значит, для зимнего периода продолжительность рабочего дня можно принять в десять часов. В летние же месяцы она составляет тринадцать часов. Таким образом, в среднем для всего года рабочий день, по регламенту адмиралтейства, колеблется около цифры в $11^1/_2$ час.

Указ 5 апреля 1722 г. имел обязательную силу, конечно, только для адмиралтейства; но фактически его значение было шире, и за отсутствием других указаний в законе администрация казенных заводов руководствовалась им в некоторых случаях даже много времени спустя. Так, напр., на алтайских заводах при работах, не принадлежащих собственно к горным и плавильным (по постройкам, ремеслам и др.), с давнего времени продолжительность и распределение рабочего дня установились применительно к этому регламенту адмиралтейства, и еще в постановлении Горного Правления от 30 декабря 1853 г. имеется—по словам Н. Зобнина — ссылка

---

[1]) «История фабрично-заводского законодательства».
[2]) Первое полное собрание законов, т. VI, № 3937.

на него, как на акт, «которым в заводах руководствуются и поныне» [1]). Нужно заметить, однако, что администрация при этом не стеснялась вносить в него некоторые существенные изменения, клонящиеся к невыгоде рабочих. Так, выход на работу производился здесь круглый год в $4^1/_2$ ч. утра; между тем по регламенту 1722 г. предписывалось делать это только в летнее время, а в зимнее—за час до восхода солнца, а оно, напр., в декабре показывается на широте Томска или Красноярска в $8^1/_2$ час. Точно также кончать работу правилами Алтайского горного правления предписывалось и зимою в семь часов, а по регламенту — спустя час по заходе солнца, т. е. значительно раньше. Таким образом, действительный рабочий день, за вычетом обеденного перерыва, на Алтае должен был продолжаться 13—$13^1/_2$ часов в течение всего года.

Можно думать, однако, что фактически дело обстояло иначе. Так как ремесленные работы в горнозаводском деле производились большей частью на вольном воздухе, а не в закрытом помещении, где можно было применять искусственное освещение, то начинать работу зимою в $4^1/_2$ и кончать в 7 часов было бы бесполезной тратой времени. И если,—как сообщает далее Зобнин,—ремесленники жаловались в 1853 г. на то, что их заставляют работать в мае до 8 ч. вечера, тогда как по регламенту адмиралтейства кончать работу нужно в 7, то непонятно было бы, почему они не подняли вопроса о том, что в зимние месяцы разница между регламентом и местными правилами составляет иногда целых пять и даже шесть часов. Естественным поэтому является предположение, что рабочий день здесь был зимою значительно короче, чем летом, и приближался более к 10, чем к 13—$13^1/_2$ часам.

Весьма вероятно, что указ 1722 г. применялся для работ в роде вышеупомянутых также в других районах и, может-быть, без тех искажений, которые практиковались в предприятиях кабинета его величества, ибо порядки на этих последних отличались особенной свирепостью. В сочинении Германа при описании казенных заводов (Ягошихинского, Мотовилихинского, Пыскорского и Висимского) приводится текст регламента адмиралтейства; очевидно, он имел здесь применение. Упоминается здесь также еще о предписании Берг-Коллегии, изданном в 7145 г., согласно которому рабочие в субботу должны отпускаться за три часа до вечера [2]). Это постановление не отличается большой точностью, но им санкционировался во всяком случае обычай более раннего, чем в остальные дни, прекращения работ накануне воскресенья. 4 февраля 1843 г. было издано урочное Положение на все работы, производящиеся при крепостях, гражданских зданиях и гидро-технических сооружениях. Беря за основу принцип, на котором был построен регламент Петра I, это Положение вносит в него большую точность и определенность. Так как время восхода и захода солнца очень различно на разных широтах, то положение делит всю территорию на три пояса—северный, средний и южный; а вместо двух периодов года различает четыре — весну, лето, осень и зиму. Продолжительность рабочего дня в летнее время устанавливается в 12 часов, а остальные двенадцать отводятся «для отдыха», «для переходов на работы и с оных и для других потребностей, какового времени для подкрепления физических сил человека вполне достаточно». Весною и осенью рабочий день сокращается до 9 часов. А в зимнее время предназначается производить работы только по 8 часов в каждый рабочий день [3]). Наибольшая продолжительность его для средней полосы составляет 13, а наименьшая 7 часов; средняя же продолжительность рабочего дня Положением 1843 г. определяется в $10^1/_2$ час., т. е., на один час меньше, чем по регламенту 1722 г.

Другой вопрос, конечно, в какой мере эти нормы получили осуществление на практике. В мае 1853 г. мастеровые-ремесленники Змеиногорского рудника на Алтае просили горную контору отпускать их с работы в 7 часов вечера, как следовало бы по петровскому регламенту, а не в 8 ч., как делалось на руднике. Горнозаводское правление в своей справке указывало, что если основываться на регламенте, то работу в мае нужно кончать в 7 часов; если же руководствоваться Положением 1843 г., то в $7^1/_2$ ч., но зато давать больший отдых в середине дня. Горный начальник нашел, что если заводы установят рабочий день на основании Положения 1843 г., то они не успеют выполнить того, что требуется по штату, и потому предписал Горному правлению руководствоваться прежним регламентом [4]). Но и регламент адмиралтейства —

---

[1]) Н. Зобнин, «Мастеровые алтайских горных заводов». Сибирский сборн., 1891 г., кн. 11.
[2]) «Сочинения о Сибирских рудниках и заводах». 1797 г. Часть вторая.
[3]) 2-ое полное собрание законов, т. XVIII, № 16503.
[4]) Н. Зобнин, «Сибирск. сборник» 1891 г., кн. 11, стр. 23.—Что касается уральских заводов, то «Описание Пермской губ.» Мозеля (1864 г.) неоднократно упоминает о применении урочного положения 1843 г. при земляных, плотничьих и разных строительных работах.

как мы видели выше—также не соблюдался на Алтае, поскольку дело касалось интересов рабочих. Так как ответственности за нарушение данных норм установлено не было, а равно не существовало особых органов по надзору за их применением, то можно полагать, что случаи в роде вышеуказанного не составляли исключения.

Что касается горнозаводских работ в собственном смысле слова, т. е. работ по добыче и обработке руд, то здесь под влиянием требований непрерывности производства очень рано, может быть даже с самого начала, установился порядок двухсменной работы по 12 часов каждая. В регламенте, утвержденном Берг-Коллегией 25 февраля 1725 г. («Како содержать звон при горном и плавильном деле»), предписывалось звонить на работу в 4 ч. утра, с одиннадцати до двенадцати полагался отдых, а затем звонили в 4 часа пополудни: «тогда будет шихта и смена людям, а особливо в плавильнях». Таким образом, фактический рабочий день здесь равнялся одиннадцати часам [2]). Едва-ли Берг-Коллегия выдумала этот распорядок работ из головы: несомненно она имела уже перед собой более или менее значительный опыт, накопленный практикой горных заводов. Об этом свидетельствуют то единообразие и устойчивость, какие наблюдаются в данной области отношений, несмотря на то, что нормы регламента не имели авторитета закона и в Горный устав потом не вошли. Так, в материалах для характеристики положения уральских заводов, собранных Германом в конце XVIII века, несколько раз говорится, что производство ведется двумя сменами, днем и ночью. Подобные же указания встречаются в описании Пермской губернии, произведенном Поповым в самом начале XIX столетия [3]). Четверть века спустя в описании Камско-Воткинского железоделательного завода упоминается, что смена рабочим людям в колотушечном цехе производится через двенадцать часов [4]). О двухсменной работе при плавильном деле говорится также в штатах уральских заводов, утвержденных в 1827—29 г.г. Наконец, в исследовании Безобразова об уральском горном хозяйстве мы находим сообщение, что доменный подмастерье в Екатеринбургском частном округе получал (в 1854 г). 25 коп. за двенадцатичасовую смену [5]). Точно также в Алтайском горном районе с самого начала его возникновения в конце первой четверти XVIII века и до падения крепостного права применялась двухсменная работа по 12 часов в каждой [6]).

Интересно отметить, что уже в то отдаленное время бывали, по сообщению Германа, случаи применения такой нормы рабочего времени, которая стала фигурировать в качестве программного требования передовых слоев рабочего класса лишь много десятилетий спустя. Так, в описании Колывано-Воскресенских заводов говорится, что в горном производстве «все работы производятся в смены, кои обыкновенно продолжаются 12, а иногда 8 часов» (172 стр.).

Это сообщение о случаях применения восьмичасового рабочего дня настолько расходится со всеми нашими представлениями о духе той эпохи и в особенности о характере администрации именно алтайских заводов, что невольно возникает сомнение, нет-ли тут какого-нибудь недоразумения. Конечно, такой компетентный и осторожный автор, как Герман, не мог давать в своих материалах места явно неправдоподобным известиям, но может быть тут есть неточность выражения. Дело в том, что двухсменная работа может вестись двояким образом: или каждая смена работает сначала днем, а затем ночью по 12 часов, или же 8 и 16 часов поочереди. Последний способ встречается очень редко, но все же бывает. О нем сообщает С. Швецов в своем обследовании частных заводов того же Алтайского округа, произведенном в начале девяностых годов истекшего столетия [7]). Может-быть, и сообщение Германа является отзвуком подобного распорядка. Н. Зобнин, разработавший материалы архивов Салаирской, Томской и

---

[1]) Н. Зобнин, «Сибирский Сборник». 1891 г. кн. 11, стр. 23.—Что касается уральских заводов, то «Описание Пермской губ.» Мозеля (1864 г). неоднократно упоминает о применении урочного Положения 1843 г. при земляных, плотничьих и разных строительных работах.

[2]) И. Герман, «Историческое начертание горного производства в Российской Империи» 1810 г., стр. 89.

[3]) «Хозяйственное описание Пермской губ.» 1804 г.

[4]) Горный Журнал, 1827 г. № XI.

[5]) Статистические таблицы о количестве производства, о ценах на зав. материалы, работу и провиант уральск. горн. зав. 1869 г., стр. 14

[6]) Герман, «Сочинения о сибирских заводах и рудниках». 1797 г. Часть II, стр. 172. Н. Зобнин, «Мастеровые алтайских горных заводов», Сибирский сборник, кн. II. 1891 г.

[7]) Сборник правоведения и общественных знаний, № VII.—Положение труда на частных заводах Алтайского округа.

Ирбитской горной конторы, ничего не сообщает об этом; было бы очень важно подвергнуть изучению остальные местные архивы.

Что касается количества рабочих дней в году, то их было в общем менее, чем в последующий период, т. е. после падения крепостного права. В первых штатах, выработанных Геннином и Татищевым в 1723 и 1737 г. г., количество работных дней принято в 250. Согласно «росписи праздничных и увольнительных дней, в которые мастеровые и вообще рабочие люди освобождаются от казенных работ», приложенной к штатам Камско-Воткинского завода от 7 февраля 1828 г., кроме 52 воскресений, полагалось еще 42 дня на почитание царских дней, двунадесятых и иных праздников, а также на пост и исповедь 3; всего таким образом 97 дней [1]). Кроме того, существовали еще отпуска. По регламенту адмиралтейства, «в мирное время или когда нужного дела нет, всем мастеровым с 10 ноября по 10 января не работать и на те дни работных денег не давать». Этот своеобразный двухмесячный отпуск об'ясняется повидимому, тем, что на указанное время приходится мертвый сезон в морском ведомстве. На горных заводах имелись другие основания для отпуска и притом в совершенно иное время. Почти у всех рабочих здесь были покосы, а многие имели и пашенную землю. Первоначально время отпуска вполне зависело от усмотрения администрации, но в 1726 г. состоялось определение Берг-Коллегии, которым предписывалось мастеровых и работных людей (не иноземцов) увольнять для заготовления сена в каждый год по неделе, считая в то число и праздничные дни; от тех же работ, в коих не имеется крайней нужды,—в половинном размере или по третям. Указом 19 мая 1819 г. все вообще мастеровые и рабочие люди должны были увольняться в страдное время, с 1 июля по 1сентября, от заводских работ: по заводам Екатеринбургским, Гороблагодатским, Пермским и Камско-Воткинскому на 20, а по Богословским, сенокосы коих находятся на весьма далеком расстоянии от местожительства,—на 30 дней. А для того, чтобы не терпящие отлагательства заводские работы не останавливались, предписывалось увольнять рабочих на сенокос в таком количестве, какое можно уволить за исправлением тех работ; таковыми неотложными операциями признавались: плавильное дело, поправка заводских строений, плотин, ларей, водопроводов, горнов, молотов, мехов и прочих машин. Этот отпуск делался без вычета жалованья, но с прекращением выдачи провианта как самим рабочим, так и их семьям. Но затем, восемь лет спустя, в виду все возрастающей дороговизны и ухудшения быта рабочих, постановлено было выдачу провианта мастеровым и непременным работникам с их семействами, за время их отпуска на страдные дни, не удерживать и производить в полной мере подобно тому, как производится им в страдное время жалование.

Правила об отпуске рабочих в летнюю пору распространялись также и на частные заводы, действующие казенными мастеровыми [2]).

Если присоединить теперь к вышеупомянутым 97 праздничным дням двадцать дней, полагающихся на страдную пору, то общее количество дней, свободных от казенной работы, составит 117. Таким образом, рабочих дней в году было 248 или, круглым счетом, принимая во внимание, что некоторые праздники совпадают с воскресеньями, 250. Эта цифра была принята оффициальной «росписью праздничных и увольнительных дней», из нее исходили при составлении смет на казенных заводах.

Совершенно иной порядок распределения работ в году установился на Алтае. «Добыча руд и выплавка металлов продолжаются круглый год, днем и ночью—говорит Н. Зобнин [3]),—за исключением нескольких дней, когда действие останавливается по случаю переделки печей и горнов, или по случаю маловодья в прудах. Для этих рабочих праздников не существовало. До 1786 г. горные и заводские рабочие работали круглый год, днем или ночью, по 12 часов в смену. С 1786 г. была введена система трехсменных работ, сначала на рудниках, а с 1800 г.—и на заводах. Трехсменная система состояла в том, что каждый мастеровой одну неделю работал днем, другую—ночью, а третья была свободная («гульная»), когда он мог заниматься у себя дома или служить по вольному найму».

Несмотря на авторитетность исследователя, едва ли можно принять на веру его утверждение, что до 1786 г. горные и заводские рабочие работали круглый год, не имея свободных дней для

---

[1]) 2-ое Полное Собрание Законов, т. III, № 1776.

[2]) Выс. утв. постановл. ком. мин. 30 июня 1827 г. 2-ое П. С. З. Т.

[3]) «Сибирский Сборник» 1891 г., книга 11.—Мастеровые алтайских горных заводов до освобождения.

отдыха. К сожалению, им не указываются источники, откуда почерпнуты эти сведения; но, откуда они не будут подтверждены документально, я считаю их неправдоподобными. Такое положение вещей трудно вяжется с тем, что в соседнем, Уральском, районе горнозаводские казенные рабочие имели свыше ста дней как для отдыха или удовлетворения религиозной потребности, против чего администрация едва ли могла в то время сделать достаточно сильный отвод, так и для участия в покосах, каковые также существовали на Алтае. Наибольшее количество рабочих дней, какое мне встретилось в источниках,—это 300; означенная цифра упоминается несколько раз в «Описании первого в России оружейного завода», сделанном в 1663 г. стольником Фон-Визиным, как основание для вычисления производительности разных категорий рабочих [1]). Но тульские оружейники работали сдельно и притом обычно у себя на дому, по крайней мере, в рассматриваемый период. Поэтому данную цифру нельзя считать типичной для наших горных заводов при определении количества обязательных рабочих дней в году.

Наконец, как об'яснить внезапный переход от старого порядка, при котором работа велась круглый год, к трехсменной работе, предоставляющей целую треть года в свободное распоряжение рабочих. Нужно предположить тогда, что около 1786 г. на Алтае произошло что-то необыкновенное, из ряда вон выходящее. Однако, никакого намека на это мы не находим в литературе. Остается предположить поэтому, что до 1786 г. работы велись здесь так же, как и на Урале,—беспрерывно двумя сменами, но рабочие при этом пользовались известным количеством свободных дней в году. Подтверждение этим априорным соображениям можно найти в книге Германа, с которой, повидимому, Зобнин не был знаком. Так, в описании Колывано-Воскресенских заводов отмечается, что в плавильном деле «работа производится во весь год беспрерывно, разве когда печи выгорят, тогда для починки и поправки оных останавливается, что в год раза два и три бывает, и каждая такая остановка продолжается дня 3, 4 и 5; также заводам остановка бывает в вешнее время от большеводия до месяца времени, а в засушливое время за маловодием; всей таковой остановки в году считать можно 2, а иногда и до трех месяцев» [2]).

Переход к трехменной работе совершился, повидимому, по инициативе местной администрации, но затем этот порядок был закреплен законом, войдя в Учреждение 1828 г. об управлении Колывано-Воскресенских заводов [3]). Таким образом, рабочих дней в году выходило 244, т. е. немногим менее, чем на Урале. В цитированной мною книге Германа содержится даже утверждение, что трехсменные работы «идут безостановочно, исключая воскресных и праздничных дней (курсив мой), во все годичное время и в день, и в ночь». Но это—или оплошность корректора, пропустившего частицу не («не исключая воскресных и праздничных дней»), или несомненное недоразумение. Ибо, если присоединить к «гульным» неделям воскресные и праздничные дни, то количество рабочих дней составило бы уже менее половины года, а это представляется явно неправоподобным. И в Учреждении 1828 г., санкционировавшем сложившийся ранее порядок, определенно указывается, что при трех сменах работа производится непрерывно как в будни, так и в праздничные дни. Особого отпуска на время сенокоса трехсменные рабочие, конечно, не получали, все же остальные из постоянных рабочих пользовались им на тех же основаниях, как на уральских казенных заводах. Может-быть, для того, чтобы уравнять положение этих двух категорий, законом 11 мая 1847 г. постановлено было увеличить срок отпуска на летнюю страду на пять дней, доведя его до 25 дней. При этом должен был соблюдаться такой порядок, чтобы одна часть рабочих оставалась при неотложных заводских работах, а другая тем временем пользовалась увольнением. Особое место занимают Олонецкие казенные заводы: здесь мастеровые не имели ни пахотных, ни покосных земель по отводу и потому не пользовались льготным месяцем, как на Урале и Алтае [4]).

В перечне мер, принимавшихся государственной властью в целях урегулирования рабочего времени, нужно упомянуть еще о законе 19 августа 1824 г., которым разрешалось употреблять мастеровых на уральских заводах к плавильному делу и отливке воды из рудников в воскресные и праздничные дни за тройную плату. Поводом для его издания послужило обращение группы мастеровых пермских заводов, привлекавшихся к отливке накопившейся воды из рудников в воскресные дни, к своему начальству с просьбой, чтобы им дозволено было проведенное на

[1]) Гамель, «Описание Тульского Оружейного завода». 1826 г. Прибавление VIII.
[2]) «Сочинения о сибирских рудниках и заводах». 1797 г. Часть первая, стр. 276.
[3]) 2-ое П. С. З. Т. III, № 1960.
[4]) Памятная книжка Олонецкой губ. на 1860 г. —Очерк Олонецких заводов.

этой работе праздничное время отгуливать от обыкновенных работ—в виду того, что двойная плата, установленная законом для работ в праздники, по ограниченности своей недостаточна, а между тем они лишаются возможности исправлять собственные надобности. Пермское Горное Правление признало возможным согласиться на это, но министр финансов высказался против, находя неудобным отступать от основного правила, разрешающего употреблять в экстренных случаях на работу и в праздники, и имея в виду, что тягость последней вовсе не так велика, ибо рабочие привлекаются к ней поочереди. Поэтому решено было ограничиться повышением вознаграждения до тройного размера против обыкновенного [1]).

Как видно отсюда, ближайшим поводом для этого акта послужил вопрос о работах по отливке накопившейся воды в рудниках, каковые являются не только не терпящими отлагательств, но и случайными по существу своему. Другое дело плавильное производство: оно присоединено сюда совершенно искусственно, ибо 1) непрерывность его является постоянной и 2) привлечение к нему в праздничные дни рабочих по очереди едва-ли технически допустимо. Поэтому соображения министра финансов по отношению к этим работам представляются просто основанными на недоразумении, и фактически означенные мастеровые пользовались как до, так и после этого акта другими днями отдыха взамен праздников, проведенных в непрерывном производстве [2]).

На частных заводах продолжительность рабочего времени была в общем такова же, как и на казенных; но в некоторых случаях наблюдалось стремление к его удлинению, в зависимости от личного усмотрения владельцев. Так, напр., из отношения оренбургского епископа к начальнику губернии от 29 ноября 1858 г. видно, что на юрюзанском заводе, по приказанию владельца, работы производились без различия вокресных, праздничных и высокоторжественных дней.

В октябре и ноябре 1857 г. генерал Сухозанет лично приказал работать во все праздничные и воскресные дни, чтобы устроить заводскую плотину, и на эту работу должны были являться даже беременные женщины и матери с грудными детьми, несмотря на холодную погоду. В 1858 г. заводские люди у Сухозанета в праздничные дни 26 августа, 27 сентября и 22 октября также не были избавлены от работ [3]).

К. Пажитнов.

---

[1]) П. С. З. Т. XIX, № 30030.

[2]) По данным, помещенным в справочной книжке для русских горных людей (год второй), выплавка на златоустовском заводе продолжалась в 1860 г. 280 и в 1861 г.—246 суток.

[3]) Архив 3 Отделения собственной его величества канцелярии—«О жестоком обращении с крестьянами Юрюзанского завода» (4 экспед., 1858 г. дело № 261).

Бурлаки в первой половине 19-го века [1].

...Но вдруг я стоны услыхал
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бичевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный, похоронный крик...

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски...
Н. Некрасов. „На Волге".

Обычно бурлаками называются рабочие, которые идя в ногу вдоль горного берега Волги, тянут против течения судно, закинув свою лямку (широкий кожаный ремень) за бичеву, прикрепленную к судну. Однако к бурлакам причисляются и другие рабочие, находящиеся на судне при сплаве. В описываемый нами период наименование „бурлак" не всюду было ходко. В Тверской губернии судорабочие назывались „коноводами", а также „коренными", каковое наименование применялось в других местах к бурлакам, нанимавшимся на целый рейс („путину"), а не как „добавочные", которых брали на время, по мере надобности. В Пермской губернии, повидимому, судорабочие на реке Чусовой (притоке Камы) не назывались бурлаками, но шедших по Каме от Перми к Волге именовали бурлаками [2].

Волею рока выбитые из обычной колеи, потерявшие надежду на лучшее будущее, проводившие ряд месяцев под открытым небом в непосильном труде, в неотвратимой нужде, бурлаки искали утешение и забвение в водке: в кабаках и в крайне тяжелой работе формировался тот духовный их облик, который позволял бурлака отождествлять с грубым человеком, для которого нет ничего святого, с буяном, драчуном [3]. Но если, видя, как бурлаки, едва

---

[1]) Источники: архив министерства внутренних, дел департамент полиции исполнительной—1831 г. № 227, «По донесению нижегородского губернатора о предполагаемых мерах к удержанию судорабочих от побегов»; 1831 г. № 530, «По донесению ярославского губернатора о людях, приходящих на судах к Рыбинской пристани, на счет обеспечения в продовольствии»; 1834 г. № 426, „По отношению главно-управляющего путями сообщений по предмету улучшения состояния бурлаков"; архив государств. совета, департамент экономии, 1836 г. №№ 83 и 186, «Об улучшении положения бурлаков».

Ср.: С. В. Максимов, Куль хлеба и его похождения (полное собрание сочинений, изд. 5-ое, т. 7, главы IX—X).—В. Даль, Толковый словарь (слова: бичева, бурлак).

[2]) Кое-где бурлаками назывались крестьяне, уходившие из деревни вообще на заработки (Новгородские губ. ведомости, 1869 г. № 11).

[3]) «Собака, не тронь бурлака, он сам—собака»; «дома бурлаки бараны, а на плесу (части волжского берега)—буяны» (Толковый словарь В. Даля).

прикрытые лохмотьями, со впалой грудью, тянут барки, Некрасов мог по праву назвать Волгу „рекою р а б с т в а и тоски“, то тем не менее среди бурлаков порою встречались гордые души, которые при всем материальном гнете оставались внутренне свободными,—т были люди, которые под ударами судьбы порывали общественные связи и уходили на Волгу чтобы вдали от родины забыть о мучительном прошлом, чтобы зажить новой жизнью чуждой повседневных забот, сковывающих человека, чтобы почувствовать себя таким же не покорным, своевольным, как сама река. Такой бурлак воспет поэтом И. Никитиным в стихо творении „Бурлак“:

...Запросилась душа на простор...
Взял я паспорт, подушные отдал,
И пошел в бурлаки. Разгуляли тоску
Волги-матушки синие волны!
Коли отдых придет, на крутом бережку
Разведешь огонек в вечер темный,
Из товарищей песню один заведет,
Те подхватят,—и в миг встрепенешься,
С головы и до ног жар и холод пойдет,
Слезы сдержишь,—и сам тут зальешься!
Непогода-ль случится и вдруг посетит
Мою душу забытое горе,—
Есть разгул молодцу: Волга с шумом бежит
И про в о л ю поет на просторе...

I.

Отличительный знак бурлаков—ложка, заткнутая за ленту на шляпе. В зависимости от исполняемых обязанностей они делились на несколько категорий: старший из них, следящий, чтобы груз не подмок,—в о д о л и в; управляющий судном—л о ц м а н; передовой в лямке — ш и ш к а; идущие в хвосту и обязанные освобождать бичеву, когда она зацепляется за куст или дерево,—к о с н ы е. Лишь немногие из бурлаков были сведущи в судоходном деле; остальные не знали ни приемов и правил судовой службы, ни самой реки, хотя почти все они работали на судах с детства, по примеру отца и деда.

В ряды бурлаков вступали: беднейшие из крестьян, которые не могли прокормиться своим хозяйством по малоземелью или неплодородию почвы; мещане, не находившие других источников пропитания; пьяницы и вообще опустившиеся люди, расчитывавшие провести при попутном ветре некоторое время в праздности; бродяги, порою с фальшивыми паспортами, помышлявшие лишь о коротком отдыхе от безконечных скитаний. Особо нужно упомянуть о крестьянах, которых помещики или волостные головы за неплатеж оброка или податей принудительно отдавали целыми партиями на судовую работу, чтобы полученным от судохозяина задатком покрыть их долги.

По Нижегородской губернии в бурлаки шли преимущественно крестьяне из малоземельных селений, в семьях которых были двое, трое и больше мужчин; в деревне оставалось столько мужчин, сколько нужно было для весенних работ, прочие, не желая или не умея заняться другим, более выгодным, промыслом, нанимались в судовые рабочие и возвращались домой к 29 июня, когда начинался сенокос и уборка хлебов с полей; иные же оставались на судах до прекращения навигации.—Из жителей Саратовской губернии занимались бурлачеством не более 2000 душ: городские мещане, малоземельные крестьяне Кузнецкого, Петровского и Сердобского уездов, и кузнецкие татары трех волостей, распродавшие большую часть земель, некогда пожалованных их предкам, служилым людям; впрочем, татары постепенно переселялись на луговую сторону реки, где требовались руки для полевых работ, а потому из года в год число татар-бурлаков уменьшалось. Значительно больше было в Саратовской губернии бурлаков, приходивших великим постом из Пензенской, Симбирской, даже Тамбовской и Нижегородской губерний, чтобы поспеть к первому рейсу в Астрахань, обычно начинавшемуся в конце апреля и в начале мая.—В Пермской губернии из местных жителей шли в бурлаки только немногие мещане, да иные крестьяне Чердынского уезда, гонимые неплодородием земли; их основным занятием были: в зимнее время рубка дров для солеварен, а весною—сплав этих дров; летом

же они отправлялись на Волгу; главная масса бурлаков, собиравшихся в Перми, состояла из пришлых, преимущественно из Вятской губернии.—В Вятской губернии значительное число бурлаков выходило из уездов: Орловского, Котельнического и Нолинского, а также частью из Вятского и Слободского.

Хотя законом 1810 г. и были в некоторой мере установлены взаимоотношения между судовладельцами и судорабочими [1]), но помимо того, что большинством этих правил определялись обязанности рабочего, даже те из них (§§ 15, 17, 18), которыми имелось в виду облегчить его положение, не исполнялись, и местные власти не протестовали против этого. Бурлаки были совершенно беззащитны.

В марте, а иногда и ранее, начинался наем судорабочих—артелями или по одиночке—то в деревнях, известных своим малоземельем, то в важнейших сплавных пунктах: Сомине (Новг. губ.), Вышнем-Волочке, Рыбинске, Нижнем-Новгороде, Лыскове, Бакалде, Воротынце (последние три Нижегор. губ.), Самаре, Хвалынске, Саратове, Перми, Орлове (Вятск. губ.) и др. И всегда всюду предложение труда превышало спрос на него. Это об'яснялось не только чрезмерным числом людей, не находивших лучших занятий, но и другими обстоятельствами. Особое значение имело в данном отношении то, что все больше и больше появлялось конно-машинных судов, требовавших меньшего числа людей, чем старые суда. Наряду с этим важную роль играло обыкновение судохозяев нанимать меньше людей, чем требовалось тяжестью груза по закону 1810 г. (что, конечно, увеличивало работу нанятых судорабочих). К тому же случалось, что одна и та-же артель бурлаков, быстро совершив путь при попутном ветре (напр., из Н.-Новгорода до Рыбинска в течение трех недель), успевала вернуться к месту сплава и вторично наняться на судно. Все это приводило к тому, что бурлаков было больше, нежели в них была нужда. Так, в трех пристанях Нижегородской губернии набиралось от 11½ до 14 миллионов пудов груза, следовательно в соответствии с установленной нормой полагалось от 35 до 43 тысяч бурлаков; но так как, помимо конно-машинных судов, около 200 судов (гусятки) шли вверх по Оке бичевою, которую тянули лошади, то при обыкновении судохозяев сокращать судовые штаты, для обслуживания трех пристаней было достаточно 15—20 тысяч бурлаков, между тем их приходило 50—60 тысяч. В Казанской губернии в начале 20-х годов имелось до пятисот местных судов, каковые вместе с зимовавшими в Казани из других губерний судами требовали 16—18 тысяч человек, но постепенно, с введением конно-машинных судов, эта цифра понизилась, дойдя к 1835 г. до шести тысяч, а между тем наплыв бурлаков не уменьшался.

Благодаря «перепроизводству» бурлаков, господами положения были всегда судовладельцы: «плата и условия—по словам саратовского губернатора, знакомого также с положением бур-

---

[1]) 29 октября 1810 г. (Первое полное собрание законов, № 24391).

§ 12—Договоры, заключенные с судовщиками при маклере относительно сплава судов, приравнены к контрактам;

§ 13—закон, запрещающий верить крестьянину свыше пяти рублей, не распространяется на тех, кто нанимается для сплава судна;

§ 14—судорабочие, в случае нарушения договора, обязаны вернуть хозяину задаток, а также „передаточные", уплоченные тому, кто заменил судорабочего, нарушившего договор; указанные деньги взыскиваются с поручителя, если судорабочий не может их заплатить;

примечание к § 15—судохозяин не должен оставлять заболевшего судорабочего иначе, как в городе или деревне, снабдив его деньгами, за счет артели, к которой принадлежит заболевший;

§ 17—на каждые 900 пудов груза до Н.-Новгорода и на каждые 1000 пудов от Н.-Новгорода до Рыбинска судохозяин обязан нанимать троих рабочих;

§ 18—кроме упомянутых рабочих, нанимаемых на известные расстояния, на каждом судне должны быть один лоцман и трое „коренных";

§ 22—уездное казначейство может выдать в одном и том же году крестьянину вторично паспорт лишь при пред'явлении отпуска от вотчинного начальства и свидетельства земского суда, что данный крестьянин не бежал с судна;

§ 23—по пред явлении паспорта бежавшего рабочего судохозяину выдается сумма, взысканная с бежавшего рабочего;

§ 24—если бежавший рабочий не имеет поручителя и сам лишен средств, он должен в следующем году доработать долг; если судохозяин не будет нуждаться в услугах рабочего, он может передать его другому судохозяину;

§ 25—если за бежавшего рабочего поручился мир, задаток взыскивается в двое; половина идет на содержание судоходной расправы.

§ 27—одного содержания с § 22.

лаков в Нижегородской губернии—всегда бывают выгодны для судохозяев». Конечно, размер платы зависел не от одной доброй воли судохозяев, но от ряда экономических обстоятельств. Так, в 20-х годах, когда в Казанской губернии процветало поташное дело, доставлявшее заработок всему местному малоземельному крестьянству, последнее не имело крайней надобности добиваться маловыгодной работы на судах, а потому судохозяева были вынуждены платить бурлакам от 70 до 100 рублей. Но в 30-х годах, в связи с появлением конно-машинных судов, фрахт за перевозку грузов понизился и это заставило владельцев старых судов уменьшить свои расходы, т.-е. понизить размер платы бурлакам; они и довели ее до 35—40 рублей, воспользовавшись тем, что к тому времени поташное дело значительно сократилось, благодаря чему появилось много безработных, число коих возросло и вследствие того, что часть старых судов была заменена конно-машинными, довольствовавшимися меньшею рабочею силою. С другой стороны случалось, что в собственных своих интересах судохозяева не скупились на вознаграждение бурлаков. Напр., в марте 1835 г., добившись, в виду усиленного требования судов, высокого фрахта, судовладельцы, стремясь возможно скорее доставить груз к месту назначения, платили за путину от Лыскова до Рыбинска 45 рублей. Но в следующий месяц, когда количество перевозимых грузов уменьшилось, а бурлаки все еще продолжали прибывать, судохозяева стали платить всего 20 рублей за ту же путину. А ранее за рейс от Лыскова или Нижнего-Новгорода до Рыбинска бурлаки получали всего по 12 рублей.

В 1831 г. размер платы за путь до Рыбинска колебался между следующими (в рублях) цифрами:

от Нижн. Новгорода	19—23 (454 в.);	от Новодевичья	48—52;
» Лысково	20—24;	» Самары	50—53;
» Чебоксар	29—38;	» Хвалынска	51—55;
» Казани	37—40;	» Колонки	57—59;
» Камы	45—46 (901 в.);	» Орла	35—45;
» Майн	44—45;	» Моршанска	32—36;
» Симбирска	44—45;	» Суры	34—36.

Чтобы понизить плату до крайних пределов, судохозяева нанимали бурлаков в начале года, так как это было особенно тяжелое время для крестьян,—с них тогда требовалась уплата податей за первую половину года, и малоземельные крестьяне, побуждаемые земской полицией ко взносу подати, спешили наняться хотя бы за самую малую плату, лишь бы получить задаток и им очистить повинность, лежавшую на их семействе. Так именно поступали, напр., казанские судовладельцы, когда конно-машинные суда понизили фрахт. Даже опытные бурлаки, знавшие себе цену, нередко не могли добиться надлежащего вознаграждения, благодаря тому, что судовладельцы имели в руках неотразимую приманку для крестьян—з а д а т о к! Не напрасно положением о судоходстве по Волге 1810 г. было оговорено, что закон, запрещавший верить крестьянину свыше пяти рублей, не распространяется на тех, кто нанимается на судовую работу. Задаток, щедро выдаваемый судовладельцами, настолько привлекал крестьян, что ради немедленного получения его они соглашались на самую низкую плату. И не только крестьяне, но также вотчинные начальники без долгих споров принимали суровые условия, диктуемые судовладельцем; нуждаясь в деньгах, они готовы были получить задаток даже ценою тяжелых уступок, не задумываясь над последствиями, ожидавшими бурлака. При таких условиях и опытным бурлакам поневоле приходилось следовать примеру прочих; они утешали себя, что если первая путина и невыгодна, то на второй им удастся наверстать потерянное, но эти надежды редко оправдывались.

Официальная записка (1835 г.) вятского губернатора, отнюдь не благоволившего к бурлакам, дает яркую картину найма их в Вятской губернии. Бурлаков из Орловского и Котельнического уездов нанимали преимущественно приказчики сибирских железоделательных частных и казенных заводов, а также купцы и казенные комиссионеры губернии. Обыкновенно наем начинался в феврале и даже в январе. К этому времени приказчики крупных заводчиков (Яковлевых, Демидовых и др.) приезжали в гор. Орлов; жители этого уезда, многолюднейшего и малоплодородного, «от малых урожаев хлеба и от лености» были беднее, чем в прочих местах, а потому здесь было много охотников итти в бурлаки. Приказчики и комиссионеры давали знать в волостные правления и в селения о своем прибытии, дабы желающие поступить на суда являлись к ним договориться о цене, заключить контракт и получить задаток. Так

как в ту пору происходил сбор подати за первую половину года, более тяжелый, чем платеж в октябре, ноябре и декабре—за вторую половину, когда крестьянин имел хлеб для собственного продовольствия и для продажи, то январь—март были благоприятны для судовладельцев: бедный крестьянин, не имея что продать, был вынужден как для своего прокормления, так и для уплаты подати, наняться в судовую работу на каких бы то ни было условиях. Вот почему при известии о приезде приказчиков крестьяне немедленно отправлялись в город тысячами. Видя избыток в людях, приказчик прибегал к хитрости, чтобы добиться своей цели. Он об'являл, что ему столь значительного числа рабочих не нужно, что ему достаточно половины того числа людей, которые были наняты в минувшем году, и на этом основании он ставил цену, меньшую, чем в прошлом году. Кроме того, подкупив нескольких крестьян, он пускал их незаметно на сборища, когда обсуждались условия судовладельца, и эти предатели под предлогом, что они первые нанимаются, подговаривали прочих согласиться на предложение судовладельца. Набрав об'явленное число бурлаков, приказчик через несколько дней вдруг сообщал, будто он получил новое распоряжение нанять еще столько же рабочих; так как плата была уже установлена, то и вновь нанимавшиеся соглашались на нее. И в Пермской губернии, видя значительное число крестьян, искавших заработка, судовладельцы из года в год сбавляли плату и она настолько понизилась к 30-м годам, что бурлаки не только не могли приберечь для семьи какую-либо сумму денег, но едва были в состоянии прокормить себя во время работы.

Тем не менее предложение рабочих рук продолжало превышать спрос на них. Пермский губернатор сделал правильное заключение, что ни что иное, как дороговизна хлеба заставляла крестьян цепляться хотя бы за этот, столь дурно оплачиваемый труд. Но такое же явление в Казанской губернии было об'яснено иначе: признавая, что плата бурлакам за тяжкий труд была до того ничтожна, что в сущности она должна была бы отвратить крестьян от судовой работы, здешний губернатор полагал, что если они всеже шли в бурлаки, то только из нежелания трудиться; по его словам, крестьяне, удовлетворенные уплатой подати, проводили зиму в праздности, пропивая задаток, а потом уже поневоле должны были отправляться на сплав.

К каким же последствиям приводила низкая оплата бурлацкого труда?

По свидетельству упомянутого выше саратовского губернатора, чаще всего приходилось видеть бурлаков, по окончании сплава, «возвращающимися домой в рубищах, без денег, питающимися подаянием»; только одна треть бурлаков, по его заверению, имела некоторую прибыль; из прочих одним удавалось кое-как прокормить себя во время навигации, другие же впадали в долги. Многие прибывали на судах в Рыбинск (где стекалось до ста тысяч бурлаков) лишенными малейших денег; они отправлялись отсюда домой или по Волге на легких лодках или пешком, в рубищах, пробираясь именем Христовым, и нередко умирали от истощения на дороге.

Благодаря заблаговременно выдававшимся большим задаткам, за хозяином у бурлака оставалось мало денег, питаться же на судне бурлаки должны были за собственный счет,— таким образом существенное значение имела длительность рейса. Каждый день был дорог. При попутном ветре бурлак не только отдыхал, поставив парус, но и мог в виду непродолжительности рейса кое-как свести концы с концами. При противном-же ветре ему приходилось, идя тягою, до крайности напрягать свои мускулы, да еще тратить лишнее время, а, следовательно, и лишние деньги на прокормление, что конечно сказывалось на его ничтожном бюджете.

Вообще вопрос о пропитании был чрезвычайно остро поставлен у бурлаков. Сразу закупить продукты на всю путину судовая артель не могла, так как судохозяин, предотвращая побеги бурлаков, выдавал им деньги частями; да и сами бурлаки уклонялись от оптовой покупки, расчитывая, что в другом месте будет дешевле; но такие надежды обычно не оправдывались, а между тем, сойдя на берег во время стоянок для покупки провианта, но ничего не купив, бурлаки посещали кабаки ...

Количественно скудная, пища бурлаков состояла из хлеба, нередко плохо выпеченного, толокна и щей, приправленных испорченою солониной. Вследствие недоедания и употребления алкоголя организм их был настолько подорван, что при эпидемиях бурлаки гибли в первую очередь. Нередко бывало, что бурлак не выдерживал работы, выбивался из сил, и в этих случаях его высаживали на берег, порою вдали от жилья; без денег, едва одетый, бурлак с трудом тащился домой, выпрашивая пристанища и пропитания, а иногда он падал в изнеможении тут-же, на берегу, и умирал в одиночестве. В лучшем случае больного бурлака оставляли в городе или деревне, но опять-таки без хлеба и денег, и местные власти не знали на чьи

средства оказать ему помощь. По цитированному выше закону 1810 г. судовладелец обязан был снабжать заболевшего бурлака, снимаемого с судна, деньгами за счет той артели, к которой бурлак принадлежал; но далеко не всегда составлялись артели, а если и была артель, то ее члены, сами бедствуя, не могли помочь заболевшему.

Одной из важнейших причин длительности путины являлось мелководье. Именно остановки у мели, многократно повторявшиеся в рейс, отягчали бюджет бурлака, подрывали его денежные расчеты, лишали его сбережения, обрекали его на лишения. Правительство обращало на это внимание и настаивало, чтобы в дни простоя, происшедшего не по вине судорабочих, хозяин выдавал им деньги на продовольствие. В изданной в 1809 г. общей инструкции водяным смотрителям было сказано, что в дни простоя судовладелец обязан платить каждому рабочему по 25 копеек. Но это постановление нередко игнорировалось судохозяевами; когда же простойные дни оплачивались, то лишь в размере 20 копеек. В 1811 г. было подтверждено требование, чтобы судовладельцы оплачивали простойные дни, причем, так как жизнь вообще вздорожала, поденная плата была увеличена до 30 копеек. Однако и это повторное распоряжение не исполнялось. В 1817 г. в связи с жалобою нескольких судорабочих, которые вследствие 14-ти дневного простоя оказались вынужденными продать и заложить свою одежду, чтобы прокормиться, вопрос о простое был вновь поднят. Обнаружилось, что уклоняясь от уплаты простойных денег, судовладельцы «делают и при невозможности продолжать ход умышленно самые малые перестановки судов и тем делают вид, что оные на ходу». Поэтому было раз'яснено [1]), что за первые три дня простоя бурлакам ничего не уплачивается; за дальнейшие же дни, по каким бы причинам ни произошла остановка (даже если вследствие побега нескольких бурлаков с судна), бурлак получает по 30 копеек; при этом к простою были приравнены также дни тихого хода: вниз по течению менее пятнадцати верст в день (нормальный ход от двадцатипяти до тридцатипяти верст), а против течения—менее шести верст в день. Однако это распоряжение принесло мало пользы, так как оно было истолковано в том смысле, что судовладелец пользуется тремя льготными днями при каждой остановке, а не на всей путине; таким образом, все остановки, продолжавшиеся каждая в отдельности не более трех дней,—а таких остановок в пути было много,—падали всей своей тяжестью на бурлака. Это было явным нарушением закона, но все-же при столкновении с судовладельцем бурлаки не могли добиться осуществления своих прав, так как, по словам саратовского губернатора, смотрители судоходства почти всегда становились на сторону судовладельца, давали ему возможность отплыть, не сделав правильного расчета с бурлаками; жалобы, приносимые рабочими в полицию, оставлялись смотрителями без внимания под предлогом, что у смотрителей есть свое начальство.

Нигде не находя защиты, бурлак, предвидя, что у него не хватит средств, чтобы закончить путину и вернуться домой, искал спасения в бегстве с судна, не доведя его до места назначения. С целью предовратить побеги упомянутый выше закон 1810 г. установил некоторые меры, но этот закон не соблюдался. Вообще, покидая судно, бурлак знал, что его поступок останется безнаказанным. Сельское начальство не подвергало его каре, а ведомственная переписка о взыскании с бежавшего бурлака неотработанных им денег в пользу судовладельца не приводила к цели, так как с бурлака нечего было взять — его семья вела в деревне жалкое существование. Да и не всегда можно было розыскать бежавшего по месту его жительства. По закону 1810 г., если бежавший бурлак не мог вернуть неотработанных денег, судохозяин, как было выше отмечено, вправе был требовать, чтобы он в следующем году доработал соответствующую сумму; когда же судохозяин в новом году уже не имел надобности в услугах бурлака, то мог передать его в распоряжение другого судовладельца [2]), но этого фактически не бывало. По словам вятского губернатора, вновь нанимая бурлака, сбежавшего в минувшем году, судовладелец обычно удерживал из задатка часть оставшегося за бурлаком долга, примерно из 30 рублей по 5 рублей.

---

[1]) 27 августа 1817 г. Первое полное собрание законов, № 27028.

[2]) В законе 1810 г. говорится о поручителях, ответственных за выполнение бурлаками своих обязательств по отношению к судохозяину, но в действительности поручителей не встречалось.

II.

Побеги бурлаков влекли за собою материальный ущерб для судохозяев, замедляли движение судов. Чтобы пресечь это несомненное для судоходства зло, надо было поставить бурлака в лучшие условия, так как по общему признанию именно голод чаще всего заставлял бурлаков покидать судно в пути. Иные местные администраторы так и подходили к вопросу о побегах. Но были и такие, которые полагали, что бороться с побегами можно посредством одних полицейских мер.

В 1831 г. нижегородский губернатор донес министру внутренних дел о жалобе нескольких судовладельцев, что побеги рабочих причинили им большие убытки; в течение последней «коммунации» у трех судовладельцев бежало двести пятьдесят рабочих, причем устройство у Рыбинска обсервационной заставы в виду появившейся холеры [1]) подало лишний повод для дальнейшего ухода с судов; поэтому судовладельцы просили учредить в разных местах заставы для проверки у бурлаков их видов на жительство с тем, чтобы не имеющих вида отправлять под конвоем на суда. Но губернское правление нашло, что это было бы крайне обременительно для местных властей, да и не привело бы к цели, а потому возбудило ходатайство о том, чтобы были подтверждены те пункты закона 1810 г., которыми определялись обязанности рабочего по отношению к судовладельцу и устанавливались меры против побегов [2]), причем предложило ввести новые репрессивные меры.

Совет путей сообщения все это одобрил и в свою очередь присоединил ряд правил с целью понудить бежавшего бурлака расплатиться с хозяином, между прочим, чтобы каждый рабочий имел своего поручителя. И никто не вспомнил о нуждах самих бурлаков, ни о тех параграфах закона 1810 г., которые говорили о кое-каких обязанностях судохозяев по отношению к бурлакам, ни о законе 1817 г., требовавшем уплаты рабочим за простойные дни.

Министр финансов Канкрин отнесся отрицательно к проекту совета путей сообщения, указав, что этим не будет облегчено взыскание долга с бежавшего рабочего, что вообще крайне затруднительно; достаточно подтвердить закон 1810 г., если вообще удобно подтверждать действующий закон. Было очевидно, что по мнению Канкрина, отношения между рабочим и хозяином не могли измениться, доколе останутся в силе те экономические условия, которые понуждали бурлаков покидать судно в пути, и что никакие репрессии не помогут. Это соображение разделил министр внутренних дел Д. Блудов; хотя департамент полиции исполнительной выразил полную готовность принять репрессивный проект совета путей сообщения, Блудов решил ограничиться подтверждением отмеченных нижегородским правлением параграфов закона 1810 г. без всяких дополнительных правил. В соответствии с этим и был издан сенатом указ (26 июня 1835 г.).

Вопрос о побегах был в данном случае разрешен без рассмотрения той экономической причины, которая вызывала их. Между тем одновременно с нижегородским губернатором речь о бурлаках завел и ярославский губернатор, который, не останавливаясь на общем экономическом быте бурлаков, все же коснулся их материального положения в тот роковой час, когда доведя судно до Рыбинска, бурлаки возвращались домой без малейших средств к пропитанию, отчасти благодаря тому, что вопреки закону 1817 г. судохозяева не платили им за простойные дни, толкуя, что не на всей путине, а на каждой остановке рабочие должны простоять по три дня, не получая поденного вознаграждения. Чтобы облегчить бедственное состояние бурлаков, губернатор считал необходимым обязать судовладельцев за свой счет кормить их или выдавать им по 25 копеек в день на прокормление сверх условленной платы за сплав судна; если же хозяева на это не согласятся, то пусть они платят рабочим за простойные дни в согласии с законом 1817 г.; притом, заботясь преимущественно о том, чтобы в Рыбинске не скоплялись тысячи голодных бездомных людей, губернатор предложил принудить судохозяев выдавать бурлакам в пути деньги с таким расчетом, чтобы определенные суммы (в зависимости от расстояния родины бурлака) уплачивались в Рыбинске по завершении бурлаками работы.

---

[1]) Отношение губернатора, хранящееся в архиве, носит на себе следы холерного времени: дезинфекционные проколы.

[2]) §§ 12—14, 22, 23, 25 и 27. См. выше, выноску на стр. 27.

Этот доклад привел к тому, что ведомство путей сообщения отпечатало и разослало по местам следующие [1]) три вида контрактов между судохозяевами и бурлаками: первый—продовольствие от хозяина, второй—получение от хозяина по 25 копеек в день на продовольствие (в этих двух случаях вопрос о простойных днях отпадал, так как рабочие были обеспечены продовольствием); третий—пропитание бурлака на его личные средства с уплатой по 30 копеек за простойные дни. Одновременно сенат раз'яснил (21 сентября 1834 г.), что от уплаты таковых 30 копеек свободны лишь три простойных дня на протяжении всей путины, а не, как неправильно толковали судохозяева, при каждой остановке в отдельности.

Продовольствие от хозяина могло повести к улучшению физического состояния бурлака, так как при подобном порядке устранялся соблазн купить водки вместо хлеба; получая на руки по 25 копеек на продовольствие или простойные деньги, бурлак не всегда мог бы устоять против закоренелой привычки засиживаться в кабаке. Но надежды, что продовольствие от хозяина или выдача 25 копеек на прокормление явятся дополнением к обычной плате за путину, что плата за путину останется при новых условиях на старом уровне, не имели основания. Можно было предвидеть, что соответственно размеру нового принудительного расхода по пропитанию рабочих понизится плата бурлаку за сплав судна. Действительно, несостоятельность указанных трех видов контрактов вскоре обнаружилась.

Пока из канцелярии в канцелярию ползло упомянутое выше дело о побегах судорабочих, закончившееся лишь в 1835 г. сенатским указом об исполнении закона 1810 г., а дело о тяжелом положении бурлаков, отправлявшихся из Рыбинска домой, подходило к своему завершению, новый главноуправляющий путями сообщения граф Толь совершил поездку по России. Будучу на Волге, Толь обратил внимание на два обстоятельства: на побеги бурлаков с судна в пути и на то, что бурлаки не защищают судно, когда двое-трое вооруженных людей нападают, чтобы ограбить судовладельца [2]). Эти два явления Толь об'яснил бедственным положением бурлаков. Упомянув об этом в докладе, представленном (23 августа 1834 г). Николаю I, Толь указал, что бурлаков всегда стекалось больше, чем нужно для судоходства, и хотя в виду появления конно-машинных судов потребность в бурлаках уменьшилась, «их приходит, по старой привычке, столь же почти много, как и прежде». Благодаря таковой несоразмерности между спросом и предложением труда, цены на судовую работу столь низко упали, что бурлаки не могут прокормиться в течение всей путины, и потому, воспользовавшись задатком, решаются на побег, оставляя паспорт в руках судовладельца. А при нападениях на суда (что в последнее время стало редко случаться в виду учреждения гардкоутов) бурлаки не принимают мер к охране судохозяина, так как рассматривают его «почти как утеснителя, приобретающего его работу за ничтожную плату». Такое стесненное положение бурлаков заслуживало, по мнению Толя, того, чтобы гражданские власти низовых губерний ближе ознакомились с описанными обстоятельствами и чтобы затем были приняты какие либо меры, дабы судовою работой было обеспечено их пропитание, или же направить их к другому занятию.

Николай поручил Толю совместно с министром внутренних дел рассмотреть возбужденный вопрос и о последующем ему донести. Вследствие этого, министр внутренних дел предписал губернаторам доставить заключение по поводу обстоятельств, отмеченных Толем, а также высказаться о возможности направить бурлаков к другому, более выгодному для них, промыслу.

Из донесений губернаторов раскрылась печальная доля бурлаков, а вместе с тем возникло серьезное сомнение, можно-ли уничтожить основную причину их бедственного состояния—несоответствие между предложением труда и спросом. Если в иных местах нельзя было найти для бурлаков новые занятия, то даже там, где была возможность обратить бурлаков к иным промыслам, не было надежды на уменьшение числа бурлаков, потому что они настолько привыкли к дедовскому занятию, что не было средств отвратить их от него. А между тем, в связи с ростом числа конно-машинных судов, все больше сокращалась потребность в бурлаках.

Хотя в таких условиях было крайне трудно разрешить вопрос об улучшении материального положения бурлаков, губернаторы все-же выступили с целым рядом соответствующих предложений.

---

[1]) Договоры были с той целью отпечатаны и разосланы, чтобы судохозяева не могли обманывать неграмотных рабочих, внося в договор такие условия, на которые рабочий не соглашался.

[2]) Архив министерства путей сообщения. Журнал наблюдениям главноупр-го, 1834 г., л. 100—101.

По мысли одного губернатора, достаточно было бы применить закон 1781 г. о мореплавании к речному судоходству, чтобы устранить обстоятельства, благодаря которым бурлаки испытывают бедствия: с одной стороны, надо преградить доступ на судовую службу негодным элементам (пьяницам, бродягам), для чего следует ввести поручительство и точно установить, кого именно можно записывать в бурлаки, а с другой стороны—надо обязать судохозяев кормить за свой счет бурлаков [1]). Другой губернатор предлагал: установить таксу на судовую работу в зависимости от расстояния путины и местных цен на хлеб и прочие припасы; наблюдать, чтобы на судах находилось требуемое законом число рабочих, а не меньшее, как это допускают судохозяева в своих выгодах; при несостоятельности бежавшего бурлака взыскивать его долг со всего селения, чем создастся взаимный надзор, что поведет к уменьшению числа бурлаков, а вместе с тем—к повышению платы; устроить места, где бурлаки могли бы отдохнуть, подкрепиться. Третий рекомендовал принять следующие меры к повышению платы: запретить наем рабочих зимою, когда они особенно нуждаются, и не давать большие задатки; обязать судовладельцев кормить за свой счет бурлаков или выдавать на пропитание особые суммы, а также заботиться о заболевшем бурлаке, награждать за увечье во время защиты судна. Был предложен и такой план для повышения платы: привести в известность число бурлаков и назначать их на работу по жребию—этим была бы устранена конкуренция между рабочими, являвшаяся главной причиной понижения платы. Были намечены и другие меры: чтобы уменьшить число бурлаков—запретить принимать на суда помещичьих крестьян, о судьбе которых должны заботиться сами помещики, стараясь приискать для них более выгодные занятия; чтобы обеспечить выполнение бурлаками своих обязанностей по отношению к хозяину—нанимать их артелями. Все эти доклады губернаторов дали Блудову и Толю обильный материал для разработки законопроекта.

Большинство предложенных мер, носивших принудительный характер, не удовлетворили Блудова. Например, по его мнению, такса для оплаты труда была бы стеснительна не только для хозяев, но и для рабочих, да и вряд-ли она осуществима при меняющихся ценах на продукты питания. Единственное средство поднять заработную плату заключается в уменьшении числа бурлаков, а достигнуть этого без излишних запретов можно постановлением, чтобы судорабочие имели одобрение от обществ или помещиков, т. е., иначе говоря, поручителей: таким путем будут удалены бродяги, пьяницы и вообще неблагонадежные элементы, что именно и приведет к уменьшению числа бурлаков. Далее (по примеру купеческого судоходства), задаток не должен превышать одну четверть причитающейся бурлаку заработной платы, при чем если хозяин за свой счет кормит рабочего, вся сумма денег, оставшаяся после задатка, выдается рабочему по окончании рейса, а если рабочий сам кормится, хозяин может выдавать ему на день не более 25 копеек, а остальную сумму опять-таки выплачивать по завершении путины; это будет удерживать рабочих от побегов и не позволит им чрезмерно пьянствовать.

Иными мерами бороться с неустройством бурлацкой жизни задумал Толь [2]). Он отверг поручительство и возложил свои надежды на артели; на каждом судне рабочие образуют артель, которая, с одной стороны, является материально ответственной пред судохозяином за поступки всех ее членов, а с другой стороны—заботится о них в случае беды. На ряду с возложением на артель обязанностей ей были предоставлены права: она может налагать штрафы на своих членов и даже подвергать их телесному наказанию; вместе с тем в ее распоряжение поступают средства, которые служили бы компенсацией на случай, если артели придется понести убытки вследствие побега рабочих, за которых должна была рассчитаться с хозяином, или вследствие болезни товарищей, лечение коих падало на ее счет,—в пользу артели поступали штрафы, налагавшиеся на судохозяина за неисполнение законов. Охранив посредством артелей судо хозяина от ущерба, вызывавшегося побегами рабочих, Толь не преминул возложить на него новые обязанности по отношению к рабочим; при увечьи рабочего на всю жизнь хозяин обязан

---

[1]) В конфиденциальном письме на имя министра внутр. дел саратовский губернатор несколько боязливо указал на то, что речное начальство не охраняет интересов бурлаков, а потому в целях их устройства следовало бы подчинить речное начальство губернаторам.

[2]) В архиве б. министерства путей сообщения не удалось отыскать дело о бурлаках; поэтому в моем распоряжении не имеется подлинной записки Толя; ее содержание частью изложено в других документах, которыми я пользуюсь, а кроме того, главное содержание записки вошло, как видно, в закон 31 декабря 1836 года (о нем будет далее сказано), и это позволяет восстановить проект Толя.

выплатить ему договоренную плату в двойном размере, сверх издержек на лечение и отправление его на родину; при временном увечьи хозяин за свой счет лечит и возвращает рабочего домой; в случае смерти рабочего вознаграждение, определенное за увечье, принадлежит наследникам, а если рабочий крепостной, то его помещику; если при окончательном расчете с артелью у хозяина не окажется нужных денег, часть клади или судовое снаряжение (якорь, паруса и проч.) продается с торга, чтобы удовлетворить претензии рабочих. Так как артель была призвана охранять интересы рабочих, то разосланные незадолго до того три вида контрактов были отменены: они оказались на практике неудовлетворительными. Впредь условия договора должны были зависеть от обоюдного—хозяина и рабочего—согласия.

Идея об артельном начале встретила решительное возражение со стороны Блудова. Настаивая, что только одобрение или поручительство со стороны общества и помещика может оздоровить ту атмосферу, в которой происходил наем бурлаков и протекала их работа, Блудов указывал, что судовые команды составляются из людей различных местностей, людей, друг друга не знающих, ничем взаимно не связанных, а потому нельзя обязывать рабочих ручаться друг за друга, заставлять невинного отвечать своим имуществом за виновного. Но Толь не хотел отказаться от основного положения своей реформы, а потому он направил свой проект в государственный совет вместе с возражениями Блудова [1]) и со своими об'ясненнями по поводу этих возражений, при чем Толь просил государственный совет предоставить ему ввести в действие выработанные им правила лишь в виде опыта.

Указанные материалы были рассмотрены соединенными департаментами законов и экономии государственного совета, при участии Толя и Блудова. Департаменты признали, что особое внимание должно быть обращено на улучшение быта бурлаков, так как вторая цель законопроекта—предотвращение побегов и укрывательство беспаспортных на судах имеется в виду в существующих уже узаконениях. В связи с этим департаменты остановились на следующем обстоятельстве: бедность рабочих происходит из-за низкой оплаты их труда и широко развитого среди них пьянства; только с устранением этих явлений может быть достигнута цель законопроекта, а это вызывает вопрос, можно ли вообще улучшить материальное положение бурлаков при настоящем состоянии их промысла? И вот, при разрешении его были высказаны следующие соображения.

Бурлаки не образуют особого класса, они принадлежат к разным податным сословиям; у них имеются разнообразные занятия, которые лишь временно прерываются для бурлачества на срок навигации; в судорабочие идут люди, находящиеся в крайне тяжелом положении, зависящем от многих причин (неурожая, пожаров и т. д.), а потому число бурлаков неограничено и не всегда одни и те же лица занимаются судовым промыслом; плата за труд устанавливается по соглашению хозяина и рабочего, каковой принцип проводится в законопроекте, так как цена на свободный промысел не может определяться правительством, цена же зависит от числа бурлаков и размера потребности в них; пьянство вообще очень распространено в русском народе, и если этому пороку не столько предаются земледельцы, живущие в отдалении от питейной продажи, то таких, кто был бы чужд пьянству, нельзя найти среди бурлаков, в этом скопище людей, проводящих более или менее праздно (?) целые месяцы на барках, где они почти лишены защиты от перемены погоды, оторваны от своих домов; водка поглощает значительную часть заработка, но все-же нельзя преследовать бурлаков за пьянство, если от этого не происходит беспорядков, упущений; следовательно, нет положительных способов устранить причины бедственного состояния бурлаков; напротив, можно ожидать, что с развитием пароходной тяги и конно-машинных судов, плата еще более понизится; улучшение положения рабочих наступит тогда, когда торговцы, не гоняясь за дешевыми руками, поймут, что вверять грузы надо опытным в судоходстве людям. Исходя из этого, департаменты нашли, что меры, заключающиеся в законопроекте Толя, касаются в сущности только частностей; некоторые предлагаемые им новые меры, как, напр., вознаграждение хозяевами рабочих за увечья [2]), заслуживают одобрения; но боль-

---

[1]) Блудов возражал против нескольких пунктов проекта Толя, но я остановился лишь на наиболее существенном.

[2]) Одобрено было и поступление в пользу артели штрафов с судохозяина, но за исключением штрафа за присутствие среди команды беспаспортных, так как артель, из корыстных целей, могла преднамеренно включать в свой состав таких людей, чтобы воспользоваться штрафом.

шинство мер старые, предусмотренные действующим законодательством [1]); следовательно, если тем не менее продолжаются побеги бурлаков, то это не потому, что законодатель не пытался упорядочить отношения между судохозяином и рабочим, а потому, что законы игнорируются местными начальствами, полицейскими и судоходными. Во всяком случае, если законопроект Толя и соответствует в общем поставленной цели, то все же нельзя принять учреждение артелей с круговой порукой, так как если право найма рабочих и распределения их по баркам принадлежит судохозяину, то невозможно заставить рабочих материально отвечать друг за друга пред хозяином; обычно артели образуются в целях дешевизны и удобства продовольствия без всякой ответственности одного за другого пред хозяином за неустойку или побег рабочего; рабочим надо лишь дозволить учреждать артели, но никак не обязывать их к этому; можно даже в видах поощрения установить известные преимущества для хозяина и рабочих при добровольном согласии на артельные начала. В виду изложенного, Толю было предоставлено исправить соответственно проект и вновь внести его в государственный совет [2]).

Требование исключить артельное начало разрушало все планы Толя, так как без артели нельзя было добиться, чтобы взаимные обязанности хозяина и рабочего фактически выполнялись, чтобы хозяин не терпел убытка от побега бурлака, чтобы бурлак был обеспечен, что получит вознаграждение за увечье и т. д. Вот почему Толь не торопился исправить свой проект и представить его в государственный совет. Возможно, что дело вообще приостановилось бы, как это часто бывало в подобных случаях. Но в это время Николай I, совершив поездку по Волге от Нижнего-Новгорода до Казани, лично убедился в необходимости улучшить положение бурлаков. Воспользовавшись этим, сопровождавший его Толь сообщил ему, что государственный совет вернул законопроект, составленный ведомством путей сообщений, для изменения, на что Николай заметил, что каков бы ни был законопроект, необходимо «учредить на судах надзор за судорабочими, возложив сие на них самих и обязав их круговою друг за друга ответственностью». Узнав же от Толя, что именно в этом смысле и составлен его законопроект, Николай приказал Толю представить ему этот проект с замечаниями государственного совета. Толь не замедлил не только вручить проект с замечаниями государственного совета, но и приложил свои об'яснения на эти замечания, а также указал на те изменения, которые он считал нужным внести в свой первоначальный проект: уступив Блудову, Толь отказался от старого постановления, в силу которого бежавший с судна, а затем пойманный рабочий мог быть отдан хозяином другому судовладельцу для отработки долга; кроме того Толь предложил постепенно ввести новый закон в действие: в 1837 г. ограничиться одним только внушением, не взыскивая за неисполнение нового закона; в 1838 г. напоминать о необходимости составлять артели, опять-таки не подвергая каре за несоблюдение этого постановления [3]); наконец, с 1839 г. требовать, чтобы все постановления строго осуществлялись.

Ознакомившись со всеми документами, Николай приказал Толю внести проект в исправленном виде на рассмотрение государственного совета. Этим высочайшим повелением вопрос о главном основании будущего устройства бурлацкого быта был предрешен: не могло быть сомнения, что идея об артелях восторжествует. Действительно, сославшись на то, что Толь дополнил свой проект новым условием, а именно, приведением его в действие не сразу, а в течение трех лет, каковое обстоятельство «весьма уважительно», и отметив, что проект исправлен в согласии с высочайшей волей, соединенные департаменты законов и экономии отказались от своего прежнего отрицательного взгляда на устройство артелей и даже внесли в закон пожелание, чтобы судорабочие уже с места жительства, по возможности, отправлялись артелями на работу, впрочем, без ограничения численного состава артели.

Одобренный департаментами, законопроект Толя, пройдя затем через государственный совет (общее собрание), был высочайше утвержден 31 декабря 1836 г. и опубликован 1 марта 1837 г. [4])

---

[1]) Например, попечение хозяев о больных рабочих, надзор со стороны местных властей, чтобы хозяева не притесняли рабочих.

[2]) Журналы соединенных департаментов от 14 февраля и 25 апреля 1836 г.

[3]) Спор между Блудовым и Толем шел также из-за судовых тетрадей, которые Толь вводил с целью контроля за действиями и судохозяев и рабочих; Блудов высказался против тетрадей, как обременительных для судовладельцев и их приказчиков, обычно неграмотных. Государственный совет счел нужным опростить эти журналы, сократить число граф, но Толь настоял на своем.

[4]) Вт. полное собрание законов, № 9818.

Была ли этим законом достигнута та цель, к которой стремился Толь, искренне желавший облегчить положение бурлаков? Нет, этот закон постигла та же судьба, какая выпала на долю более ранних постановлений о судорабочих. С одной стороны, местные власти мало заботились об осуществлении закона в интересах рабочих, а с другой—благодаря общим экономическим условиям число бурлаков, т. е. преимущественно крестьян, искавших заработка, не могло уменьшиться, между тем развитие пароходной тяги сокращало потребность в них. И естественно, что проистекавшая отсюда низкая оценка труда влекла за собою те именно явления, для устранения которых был издан закон 1837 г.: бедственное состояние судорабочих и, как последствие сего, бегство их с судна во время рейса.

Бурлаки и в дальнейшем оставались в тяжелой экономической зависимости от судохозяев, приближавшейся к рабству. А о том, что побеги судорабочих продолжались, гласит закон 1857 г., который в видах прекращения побегов установил новый порядок более скорых сношений [1]) по этим делам.

Юлий Гессен.

---

[1]) 14 октября 1857 г. Второе полное собрание законов, № 32271.

В архиве министерства внутренних дел (по департаменту полиции исполнительной) имеются два дела 1862 г. (№№ 54 и 87) по ходатайству Новосельского и Измаильского еврейских обществ (Бессарабской губ.) об исключении из оклада 7 и 50 бурлаков, неправильно записанных по ревизии 1848 г. в качестве отдельных семейств, хотя они жили не отдельно, а при своих родственниках.

Фабрично-заводские волнения и фабричное законодательство[1]).

В нашу задачу не входит рассмотрение вопроса о фабрично-заводских волнениях в большом масштабе; мы преследуем более скромную цель: на нескольких примерах, взятых из области «стачек-волнений» 80—90 годов 19 века, показать, как развитие стачечного движения заставляло правительство подвергать пересмотру рабочее законодательство; как правительство, с одной стороны, неохотно, а с другой—неуверенное в своей силе, должно было уступать давлению рабочей массы, и как при изыскании лучших способов борьбы с рабочим движением возникали трения и несогласия даже между ведомствами, в компетенцию которых входило направление фабрично-заводской политики, а именно: министерством внутренних дел, преследовавшим цель—ограждение внешнего спокойствия и благополучия на фабриках, и министерством финансов—стоявшим на точке зрения установления и поддержания «внутреннего порядка», обеспечивающего планомерную и совместную деятельность фабрикантов и рабочих. Материалы для нашей статьи заимствованы из дел 6. департамента полиции и находящихся в них министерских записок по разным вопросам фабрично-заводской жизни.

I.

Почти одновременно, в различных местах Империи, в начале 80-х годов, вспыхнули волнения на фабриках и заводах, вылившиеся в форму стачек. 1882-ой год был особенно тревожным в этом отношении. Крупные стачки произошли в Петербурге на гвоздильном заводе, в Нарве на Кренгольмской мануфактуре, на пушечном заводе в Перми, в Жирардове (около Варшавы) на заводе Гилля и т. д. В одном месте более спокойно, в другом бурно протекали стачки, но особенно выдающеюся в тот год по своей настойчивости и упорству в преследовании цели была жирардовская стачка, положившая начало польскому стачечному движению. Стачка захватила до 10.000 рабочих, занятых на фабрике, и приняла настолько бурный характер, что дело дошло до столкновения с казаками и войском. Успех был на стороне рабочих, выдерживавших натиск военной силы, так что через несколько дней владельцы фабрики, напуганные стачечным движением, обязались сократить рабочий день на один час, повысить плату, заплатить за дни стачки, при чем никого за стачку не преследовать, открыть фабричные лавки для продажи припасов по более дешевым ценам, чем в городских, рассчитать директора фабрики Франке и других членов администрации, особенно нелюбимых рабочими[2]).

Но, кроме «местной победы», как эта стачка, так и другие, в том же году последовавшие, принесли и общие выгоды для рабочих, вызвав к жизни закон, изданный в июне 1882 г., коснувшийся запрещения приема на фабрики малолетних до 12 лет и ограничения работы подростков от 12—15 лет восьмью часами при полном запрещении для них ночной работы. Для надзора же за выполнением этих правил введены были фабричные инспектора.

Однако, полумерами удовлетворить рабочих было нельзя; стачки и волнения разгорались все сильнее. В конце 1884 и начале 1885 года произошли один за другим крупные беспорядки

---

[1]) Давая место настоящему общему сжатому очерку, Редакция имеет в виду в дальнейших книгах подробнее рассмотреть вопрос о влиянии рабочего движения на фабричное законодательство. *Ред.*

[2]) „Рабочие стачки“ под ред. Поссе, 1906 г.

на значительнейших фабриках московского и ивано-вознесенского районов, а именно, на мануфактурах: Вознесенской, Измайловской и Никольской «Саввы Морозова С. и К°» во Владимирской губ.[1]). Поэтому поводу министр внутренних дел, граф Толстой, сообщил министру финансов Бунге (письмо от 4 февраля 1885 г. № 281), что «исследование местными властями причин означенных стачек рабочих обнаружило, что они грозили принять размеры серьезных волнений и произошли, главным образом, вследствие отсутствия в нашем законодательстве общих постановлений, на основании коих могли бы определяться взаимные отношения фабрикантов и рабочих. Такой пробел в законодательстве, обусловливая разнообразные порядки на фабриках, открыл широкий простор произвольным, клонящимся к ущербу рабочих, распоряжениям фабрикантов и ставил первых в крайне тяжелое положение: несоразмерно высокие штрафы, в виду временного упадка промышленной деятельности, часто служили в руках фабрикантов способом искусственного понижения заработной платы до того, что рабочий лишался возможности уплатить лежащие на нем повинности и прокормить свою семью; высокие цены в фабричных лавках и недобросовестность приказчиков вызывали справедливый ропот и недовольство рабочих, а недостаток точности при составлении условий с малограмотными людьми порождал постоянные споры в расчетах задельной платы». Совокупность всех изложенных и многих других причин, продолжал гр. Толстой, влекла за собою, как показал опыт, возникновение беспорядков, а необходимость, для прекращения их, прибегать к содействию войска, по мнению графа Толстого, в достаточной степени свидетельствовала о настоятельности приступить к составлению, в развитие действовавшего фабричного законодательства, таких нормальных правил, которые, ограничивая в известной степени произвол фабрикантов, способствовали бы устранению в будущем повторения «прискорбных случаев», происходивших в Московской и Владимирской губерниях [2]).

Эти «прискорбные случаи», имевшие место в 1884 и 1885 годах во Владимирской губернии, настолько участились и приняли такой острый характер, что улучшение положения рабочих сделалось прямо необходимым. Внешнее спокойствие достигалось только при помощи военной силы. Рабочее недовольство и рабочая солидарность наиболее выразились в морозовской стачке 1885 г., когда на фабрике Никольской мануфактуры Саввы Морозова в Орехове-Зуеве сразу забастовало 8000 рабочих. Одной из главных причин возмущения рабочих было систематическое злоупотребление штрафами, которые, достигая более 300.000 рублей в год, составляли до 40% выплачиваемой заработной платы. Стачка сопровождалась погромом фабричных зданий. Были вызваны войска, начались аресты и высылки. По прекращении через неделю стачки арестованные были преданы суду присяжных, которые оправдали всех обвиняемых. На суде раскрылась масса злоупотреблений со стороны фабричной администрации. В результате всего этого появились закон 3 июня и правила 1 октября 1886 г. о фабричной инспекции и урегулировании отношений между фабрикантами и рабочими. Правила эти выработаны были особою Комиссиею, учрежденною по высочайшему повелению, под председательством сенатора, затем государственного секретаря, Плеве, при чем Комиссия эта находила, что закон о правах и обязанностях, вытекающих из договора найма фабричных рабочих, может привести к полезным последствиям лишь тогда, когда исполнение его будет поставлено под надзор правительственных органов, т.-е. фабричных инспекторов. Государственный совет признал, с своей стороны, правильным такое заключение, при чем соединенные департаменты государственной экономии, законов гражданских и духовных дел, на рассмотрение коих поступил законопроект, заявили между прочим, что: «волнения в среде фабричных рабочих Московской и Владимирской губ. и произведенные ими на некоторых фабриках беспорядки с очевидностью раскрыли многие крайне неприглядные стороны фабричного быта, при чем причины, вызвавшие эти беспорядки, не имели вовсе случайного характера, а обусловливались неправильными отношениями между фабрикантами и рабочими. Хозяева некоторых фабрик, пользуясь выгодами своего положения, не стесняются нарушать условий, заключаемых с нанятыми ими людьми, и прибегают к различным средствам для извлечения преувеличенных выгод. Уменьшение рабочей платы, в противность заключаемым договорам, производится или открыто, или путем сокращения числа часов и дней

[1]) См. в настоящей книге очерк Р. Кантора, „Морозовская стачка 1885 года". *Ред.*

[2]) Из записки м-ва финансов от 23 июня 1898 г. № 356 по вопросу о пределах власти фабричной инспекции и полиции. Письмо Толстого от 4 февраля 1885 г. неоднократно цитировалось в литературе, между прочим в I томе „Истории рабочего движения" Ельницкого, в главе о влиянии рабочего движения на ход фабричного законодательства.

работы в неделю. Затем, вычеты и штрафы с рабочих, обращаемые фабрикантами в свою пользу, достигают в некоторых случаях огромных размеров, составляя, в общей сложности, до 40% с выдаваемой заработной платы. Наконец, возлагаемая на рабочих обязанность приобретать необходимые для них предметы из фабричных лавок и продажа им этих предметов по высоким ценам встречаются как заурядные явления. Такое положение вещей, естественно, влечет за собой весьма вредные последствия для успехов промышленности и прямо отражается на фабрикантах, ведущих дело добросовестно. Не имея возможности соперничать с лицами, удешевляющими выделку произведений путем притеснения рабочих, такие фабриканты должны сокращать обороты, уменьшать производство и т. д. Еще прискорбнее оказывается положение рабочих. Угнетенные до крайности безвыходной задолженностью хозяину, они нередко бывают поставлены в невозможность не только уплачивать повинности и содержать свои семьи, но даже зарабатывать достаточные средства на личное пропитание. Возникающее отсюда раздражение против фабрикантов, при трудности для темного люда отыскивать законным образом защиту своих прав, постоянно поддерживает в рабочих склонность искать восстановления этих прав путем стачек и беспорядков, сопровождающихся грубым проявлением своеволия и насилия. Накопляющееся постепенно недовольство в среде фабричных рабочих делает эту среду доступною к восприятию преступных учений, направленных к ниспровержению государственного и общественного строя. Этим об'ясняется тот факт, что деятели противоправительственной пропаганды в последнее время сосредоточивают внимание свое на фабричном населении и нередко там скрываются».

Из вышеприведенного можно усмотреть, как рабочие своими требованиями и активными выступлениями оказывали серьезное влияние на течение законодательного хода работ. Волею-неволею, правительство шло навстречу этим требованиям и, хотя с запозданием и с жертвами с обоих сторон, делало уступки в смысле улучшения быта рабочих путем все большей охраны труда.

Законом и правилами 1886 года были как бы санкционированы все те требования, которые выставили морозовские рабочие, начиная свою стачку. Были введены рассчетные книжки; запрещены самовольные штрафы, а размеры таковых должны быть утверждаемы фабричными инспекторами; запрещены выдачи платы товарами и купонами; было поставлено в обязанность выдавать заработную плату не менее двух раз в месяц; запрещено было делать вычеты на уплату долгов. Кроме того, обязанности фабричных инспекторов были значительно расширены.

Одновременно с изданием закона 3 июня 1886 года были утверждены правила о найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры и особые постановления о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности, — в лице чинов инспекции и присутствий по фабричным делам.

В те-же 80-ые годы рабочими велась систематическая борьба за уничтожение ночных работ. Под влиянием сначала мелких забастовок на отдельных фабриках, а затем большой стачки осенью 1888 года на всех фабриках шуйского района—фабриканты уступили, и ночные работы были отменены, правда, сначала за счет увеличения на один час продолжительности рабочего дня, но затем рабочим удалось в 1893 году добиться сокращения рабочего времени на один час.

II.

«Начало 90-х годов отмечено большим стачечным движением в Польском крае: Лодзь, Домбров, Жирардов, необычайно быстро выросшие благодаря наплыву иностранных капиталов, предпринимателей и даже рабочих, выдвигаются на первый план в смысле стачечного движения. Стачечники повсюду требовали сокращения рабочего дня и увеличения платы. Впереди идет Лодзь, где 5 мая 1892 года рабочее движение, начавшись стачкою на одной из небольших фабрик, постепенно перешло в открытое сопротивление полиции и даже войску. Лодзь некоторое время находилась в руках рабочих, но вскоре город был занят сорокатысячной армией.

«В середине 90 х годов особенно интенсивно вспыхнуло рабочее движение в Петербурге. В мае 1896 года произошла грандиозная стачка почти всех ткацко-прядильных фабрик. Этой массовой стачке предшествовали стачки на отдельных петербургских фабриках и заводах. Так, зимою 1894 — 95 года поднялся Семянниковский завод, а также начались стачки портовых рабочих и на бумагопрядильной фабрике Воронина. В ноябре 1895 года вспыхнула стачка на фабрике Торнтон, затем забастовка на папиросной фабрике Лаферм и на фабрике «Т-ва меха-

ического производства обуви». Но особенно бурен и неспокоен был 1896 год. Тайные рабочие организации развивались и крепли. Брожение постепенно охватило почти весь рабочий Петербург: вспышки волны стачечного движения появлялись то на ткацкой фабрике Лебедева, то у Кенига на Самсониевской мануфактуре, Сестрорецком оружейном заводе, на Калинкинской мануфактуре, в мастерских Варшавской железной дороги, на Балтийском заводе... В начале июня бастовало более 30.000 ткачей, и работа остановилась почти на всех бумагопрядильных и ткацких мануфактурах или фабриках. С тревогою ждали выступления больших механических заводов, которые, однако, не присоединяясь к стачке, не оставались равнодушны к борьбе своих товарищей ткачей и поддерживали их материальною помощью» [1]).

Основным требованием ткачей было сокращение рабочего дня с 13 часов на $10^1/_2$ часов. Хотя добиться им этого сразу и непосредственно не удалось, но уже во время стачки фабричные инспектора старались успокоить стачечников уверением, что само правительство озабочено необходимостью сократить рабочий день законодательным путем. Действительно, было образовано совещание из министров финансов, внутренних дел, полиции и обер-прокурора Синода, под председательством последнего. Пока шло совещание, рабочие волнения также шли своим чередом. 1 января 1897 года, в ожидании закона о сокращении рабочего дня, забастовали две фабрики Максвелля; с течением времени стачки перекинулись на другие заводы: бастовало 18.000 ткачей, к ним присоединился чугунный Александровский завод Николаевской железной дороги, и были близки к забастовке заводы: Обуховский и Балтийский. Это заставило усилить темп правительственной работы по рассмотрению законопроекта о нормировке рабочего дня, который вылился в форму закона 2 июня 1897 года, ограничившего рабочий день одиннадцатью с половиною часами. Но, само собою разумеется, закон 1897 года не только не остановил стачек, но местами сам послужил для широкого стачечного движения. Особенно выдвинулись фабрики Западного края, рабочие которых стали добиваться сокращения рабочего дня до $10^1/_2$ — 10 и даже до $9^1/_2$ часов.

Видя, что волна рабочего движения растет, правительство, в лице министра внутренних дел Горемыкина, стало переходить от законодательных реформ к репрессиям и всякого рода полицейским стеснениям. Перед нами секретный циркуляр министерства внутренних дел губернаторам от 12 августа 1897 года, за № 7587, знакомящий нас с направлением тогдашней правительственной политики в сфере фабрично-заводского дела [2]).

Он начинается такими словами: «В мае прошлого года, рабочие с.-петербургских бумагопрядильных, бумаго-ткацких и ниточных фабрик прекратили работы, предъявив фабрикантам требования об увеличении задельной платы и сокращении рабочего дня. Осенью того же года возник ряд забастовок в Москве и в некоторых местностях центрального фабричного района, а также возобновились, хотя и в меньших размерах, стачки в С.-Петербурге, при чем отличительными признаками всех этих стачек представляются: предъявление рабочими одних и тех же, точно формулированных требований, единодушное упорство в отстаивании своих домогательств и сохранение стачечниками внешнего порядка и спокойствия. Произведенные по поводу этих стачек расследования выяснили, что если первоначальные забастовки возникли на фабриках, на которых рабочие находились в наиболее тяжелых экономических условиях, то дальнейшее распространение движения и дисциплина среди стачечников находились в зависимости, главным образом, от деятельности тайных революционных сообществ, именующих себя «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и «Рабочим союзом».

Коснувшись далее вопроса о составе и образе действий вышеозначенных «преступных сообществ» и указав, что большинство членов этих «союзов» принадлежит к учащейся молодежи и что самые сообщества организованы на началах децентрализации, автор циркуляра отмечает поразительное влияние членов этих сообществ на рабочих и организуемые среди них кружки: у последних настолько создавалось убеждение в целесообразности стачек, что они приписывали уступки фабрикантов влиянию стачечного движения. Благодаря этому стачечное движение росло, и «с весны 1897 года забастовки фабричных, заводских и даже цеховых рабочих сделались заурядным явлением во многих городах с более или менее значительным рабочим населением».

---

[1]) „Рабочие стачки", под ред. Поссе.

[2]) Сведения заимствуются из дела № 4, ч. 22—1898 года архива б. Д-та Полиции, — „о волнениях и стачках среди рабочих: переписка по общим вопросам". Циркуляр этот в том же году был издан в Петербурге нелегально отдельной брошюрой.

Мало того, среди рабочих, как отмечено в том же циркуляре, образовались «боевые дружины», т. е. группы наиболее революционно-настроенных рабочих, «которые путем угроз и насилий принуждают менее решительных рабочих присоединиться к стачке или препятствуют желающим стать на работу». В заключение в циркуляре приводится ряд мер, необходимых «для искоренения в рабочей среде ложных представлений о целесообразности их образа действий по отношению как к правительственной власти, так и фабрикантам и товарищам».

Для сего рекомендуется:

1) Войти в ближайшее сношение с местными чинами фабричной и горной инспекции, с начальством казенных заводов и железнодорожных мастерских, с начальниками жандармских управлений губернских и железнодорожных полицейских для установления живого общения этих лиц между собою и для полного согласования деятельности правительственных властей во всех случаях проявления каких-либо признаков волнения в рабочей среде.

2) Предписать полиции установить самое строгое наблюдение за фабриками, заводами, мастерскими и местами расселения рабочих и своевременно доносить о проявлении тревожного настроения в рабочей среде, выясняя причины волнения и устраняя, по возможности, поводы к неудовольствиям, в тех случаях, когда рабочие имеют основание жаловаться на притеснения или несправедливость фабрикантов и фабричной администрации.

3) Обратить особое внимание полиции на появление интеллигентов среди рабочих и на распространение на фабриках и заводах каких-либо воззваний.

4) Безусловно воспрещать всякие сходки рабочих.

5) В случае возникновения стачки или забастовки принять меры к миролюбивому соглашению сторон, а буде соглашения не последует, прекративших работы удалять безотлагательно в места родины, а иногородних рабочих, которые бастуют с нарушением сроков найма, удалять по этапу.

6) Заработные деньги рабочих, отказавшихся получить рассчет, препровождать к подлежащему начальству в места родины или приписки.

7) Об иностранных рабочих сообщать министерству внутренних дел для высылки их за границу.

8 и 9) Об'являть местным рабочим о предпринимаемых правительством мерах в случае стачки или забастовки.

10) Всех рабочих, которые окажут в какой-либо форме сопротивление распоряжениям администрации, подвергать аресту и удалять из данного района.

11) Подвергать аресту и высылке под надзор полиции в одну из отдаленных губерний рабочих, замеченных в насильственных действиях по отношению к другим рабочим с целью воспрепятствования стать на работу или в возмездие за последовавшее согласие возобновить работы.

Наконец, рекомендуется «во всех случаях стачек и забастовок преимущественное направление дел в порядке положения об охране в том соображении, что судебное преследование не всегда бывает возможно в виду весьма частого отсутствия признаков преступления, караемого за стачку».

Министр финансов Витте прислал [1]) министру внутренних дел свои соображения по поводу вышеупомянутого циркуляра, относясь критически к некоторым частностям его, «которые вследствие не совсем точной редакции циркуляра вызывают некоторые недоразумения».

Возражая против пункта 2 циркуляра, министр финансов писал, что «наблюдение за исполнением фабрикантами и рабочими правил, определяющих их обязанности и взаимные между ними отношения, равно как принятие мер к предупреждению споров между ними, путем исследования на месте, возникших неудовольствий и миролюбивого соглашения сторон, возложены на чинов фабричной инспекции. По самому существу дела, чины фабричной инспекции являются в каждой губернии органами, наиболее знакомыми с условиями промышленной жизни того или другого заведения и потому наиболее компетентными в выяснении причин возникающих среди рабочих неудовольствий, обусловленных отношениями их к фабричной администрации; органы же полиции едва ли могут иметь, на практике, действительную возможность к выяснению существа таких неудовольствий, причины коих, большею частью, лежат в технических условиях и осо-

---

[1]) 31 октября 1897 г. № 962.

бенностях данного заведения, т. е. зависят от обстоятельств, для правильной оценки которых необходимы специальные технические познания и близкое знакомство с бытом рабочих. Едва ли поэтому возможно ожидать в каждом отдельном случае всестороннего выяснения органами полиции истинных причин неудовольствий, возникающих среди рабочих на почве взаимных их и фабрикантов отношений, а тем менее—устранения поводов к таким волнениям... Поэтому, в интересах дела, обязанности расследования и устранения поводов к неудовольствиям на почве договорных отношений рабочих и фабрикантов должны, по моему мнению, быть оставлены всецело на чинах фабричной инспекции»...

«По тем же соображениям, продолжал министр финансов, я полагал бы небходимым, чтобы упоминаемые в ст. 9 циркуляра об'явления составлялись при непременном участии чинов фабричной инспекции и вывешивались на фабриках не иначе, как за их подписью». Далее, по поводу содержащегося в п. 5 циркуляра постановления Витте писал: «наказание рабочих, прекративших работы с соблюдением законных сроков и не учинивших никаких проступков, за которые они подлежали бы каре, безотлагательным удалением в места родины или приписки, представлялось бы едва ли правильным, ибо закон предусматривает, в строго определенных случаях, право рабочих отказаться от таких условий найма, которые они признают для себя невыгодными. Очевидно, что так именно и следует разуметь циркуляр № 7587, применяя рекомендованную им меру лишь к тем из числа вышеозначенных рабочих, которые при прекращении работ будут замечены в каком-либо противозаконном поступке, влекущем за собою необходимость его удаления из места, где он работает, или даже в пребывании их там без определенных занятий, но редакцию п. 5 было бы, во всяком случае, желательно изложить несколько яснее».

Обращаясь с просьбой к м-ру внутренних дел «преподать губернаторам, в устранение возбуждаемых циркуляром № 7587 недоразумений, надлежащие раз'яснения в вышеуказанном смысле», Витте высказал пожелание, чтобы «для установления живого общения органов министерств внутренних дел и финансов в деле надзора за фабриками и заводами и для полного согласования их деятельности в этом направлении, министерством финансов своевременно и при том непосредственно были преподаваемы подчиненным ему органам для руководства и исполнения надлежащие указания, в соответствии с теми, которые министерством внутренних дел преподаются подчиненным ему органам».

В заключение министр финансов излагает: «было бы крайне желательно, чтобы распоряжения министерства внутренних дел, касающиеся порядка действия чинов фабричной инспекции и полиции по надзору за фабриками и заводами и взаимных отношений означенных органов министерств внутренних дел и финансов, издавались по предварительному соглашению с министерством финансов».

Результатом вышеприведенной переписки между двумя министрами явился конфиденциальный циркуляр обоих министерств (внутренних дел и финансов) от 4 сентября 1898 года [1]), в коем установлены пределы деятельности фабричной инспекции и полиции по части наблюдения за фабрично-заводской промышленностью.

Из сказанного видно, что жизненные требования рабочих опережали сухие схемы разных законоположений, направленных к урегулированию отношений между фабрикантами и рабочими, что фабрично-заводский быт настолько своеобразен и эластичен по условиям своего существования, что едва-ли можно было предусмотреть или предупредить требования рабочих путем закона или циркуляров министерств внутренних дел и финансов; что и сами эти ведомства блуждали во многом в потемках, критикуя друг друга и стараясь направить свою деятельность по правильному руслу,—а между тем жизнь рабочих в большинстве случаев шла мимо этих законных норм, которые их нисколько не удовлетворяли, и путем все новых стачек и волнений завоевывали право на лучшее существование.

Как иллюстрацию можно привести из дел б. д-та полиции [2]) выдержку из донесения начальника тверского губернского жандармского управления от 15 июня 1898 г. за № 753 на имя помощника шефа жандармов. Говоря о причинах неудовлетворительности деятельности фабричной инспекции, жандармский начальник отмечает то обстоятельство, что деятельность фабричных инспекторов, благодаря многообразию их работ, принимает характер сухого формализма и канцелярской переписки, и в доказательство приводит такой случай: «В 1897 году на

---

[1]) Министерства внутр. дел—за № 3384, министерства финансов—за № 580.
[2]) Особ. отд. № 4, ч. 22/1898 г.

фабрике товарищества Тверской мануфактуры бр. Морозовых, где, вследствие перевода рабочих с изделия узорчатых материй на миткаль, понижение месячного заработка с 22 руб. 50 коп. на 10—12 р. 50 коп., можно было ожидать волнения рабочих, старший фабричный инспектор вынужден был обратиться с просьбой, в соображении, что рабочим нечем жить, к собственнику, заведывающему фабрикой Ивану Абрамову Морозову о прибавке расценочной платы для отстранения могущей быть забастовки. Но в ответ на это ходатайство пришлось услышать возражение со стороны хозяина: «не прибавлю, мы давно стремились на понижение и достигли», а со стороны рабочих через две недели после этого проявлена была забастовка, которая длилась 8 дней и принесла Морозову убытки более 50.000 руб., рабочим же, конечно, втрое более. Затем тот-же Морозов, хотя работы восстановились при согласии рабочих на тех условиях, против которых они протестовали, сделал немедленную прибавку заработка под другим видом довольствия, но кому же из рабочих осталось это непонятным и в ком из них не окрепло еще более убеждение, что действие скопом, посредством стачки, или забастовки, есть единственное средство к достижению улучшения положения, в особенности в виду неудачного исхода ходатайства за них инспектора, не оставшегося также тайной, которое только понизило должностное значение этого чиновника в глазах массы».

В. Колпенский.

Морозовская стачка 1885 года [1].

I.

«Морозовская стачка 1885 года»—так называется возникшая в январе 1885 г. грандиозная стачка рабочих фабрики Саввы Морозова, или, точнее, т-ва Никольской мануфактуры Саввы Морозова, Сына и К-ния (одной из крупнейших текстильных фабрик центральной России), находящейся вблизи ст. Орехово (села Зуева), Моск.-Нижегородской ж. д., в пределах Владимирской губернии. Морозовская стачка факт большого значения. Ее не может обойти молчанием ни один историк русского рабочего движения. Одни из исследователей отмечают эту стачку как наиболее «выразительную», другие—как одну «из замечательнейших», третьи—как «историческую забастовку», по мнению четвертых—знаменитая стачка «в особенности заслуживает внимание» и т. д. [2]).

И, действительно, она явила пример в высшей степени мужественной, упорной и солидарной борьбы рабочих, показав воочию внушительность силы об'единяющейся рабочей массы. «Русские рабочие могут с гордостью оглянуться назад, вспоминая дружную и мужественную борьбу своих товарищей, сумевших добиться удовлетворения своих требований и оказавших этим великую услугу всем русским рабочим»—писал автор брошюры «Десятилетие Морозовской стачки», указывая на рабочих мануфактуры Саввы Морозова. Процессом рабочих, участников стачки, «поднимается завеса с фабричного мира России, с быта в нем рабочего, положения его труда и отношения к нему фабриканта—заявил присяжным заседателям защитник 24 рабочих, прис. пов. Шубинский.—Мир этот в обычную пору жизни представляется герметически закрытым от нас высокими каменными стенами фабричных корпусов со вделанными в них железными решетками. Властители его зорко следят, чтоб ни одна подробность, происходящая в нем, не была достоянием пытливой гласности. Ныне стены эти раздви-

---

[1]) Для настоящей статьи кроме общеизвестной литературы, как-то: отчеты о процессах 1886 года, печатавшихся в современной прессе, из которых один довольно обстоятельно изложен в книге „Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах", т. III, изд. 1898 г., стр. 422—478 (Речь защитника подсудимых Плевако по другому процессу, см. т. I его речей, под ред. Н. К. Муравьева, Москва, 1909 г., стр. 321—325), брошюры „Десятилетие Морозовской стачки" с заключительным словом В. Засулич, изд. „Союза борьбы за освобождение рабочего класса", Женева, 1897 г. (или II изд. организации газ. „Искры", 1901 г). и др. использовано, главным образом, дело архива департамента полиции (3-го делопроизводства, № 2, часть 3 за 1885 г.) „о беспорядках среди рабочих на никольской мануфактуре Саввы Морозова и комп. в Владимирской губ". и доклады министра внутренних дел гр. Дм. Толстого Александру III о ходе стачки, хранящиеся особо в том же архиве.

[2]). См. А. Ельницкий, „История рабочего движения в России," ч. I (XIX век.), 1918г., стр. 98—102 и 178—179, К. Пажитнов, „Рабочее движение в России", изд. „Новый мир", стр. 29—31; И. Биск, „Экономическая и политическая борьба рабочего класса в России", изд. А. Н. Сурат, стр. 18—22; М. Л. Хейсин, „Рабочее движение в России", 1917 г., стр. 18—19; А. С. Серафимович, „Рабочее движение в России", 1917 г., стр. 27—28; В. Фриге. „Рабочее движение в России", 1920 г., стр. 22—23 и др. Из историков русской с.-д. стачки вскользь коснулся М. Лядов („История российской соц-дем. рабочей партии", ч. I, изд. 1906 г., стр. 22—23 и 25).

гаются и дают возможность изучить порядки фабричной жизни в их живом, действительном виде» [1]).

Уже одна внешняя сторона события заметно выделяет морозовскую стачку из общего ряда больших и мелких забастовок и волнений, вспыхивавших в 80-х годах прошлого века. На фоне разрозненности рабочего движения, случайного характера стачек, чисто экономической подоплеки их, неорганизованности и оторванности рабочей массы в целом от сознательной идейной борьбы, при наличии этих условий, резко отделяющих стачки 70 и 80-х годов от последующих, хотя бы даже от стачек 90-х годов, внешняя форма событий на морозовской мануфактуре в 1885 году приковывает внимание. Почти 8000 забастовщиков, измученных хроническим недоеданием; поразительная настойчивость их не только в отношении себя, т.-е. большинства безусловно приемливших забастовку с первого момента ее возникновения, но в отношение неопределившегося меньшинства, насильно недопущенного к работам; удивительная солидарность, выразившаяся особенно ярко при попытке отбить арестованных товарищей от вооруженных казаков и солдат, смелость при переговорах с представителями правительственной власти, напр., с губернатором, необходимость привода для подавления беспорядков и ликвидации забастовки значительного отряда разного рода войск (для того времени явление редкое!),—все это, вместе взятое, несомненно выдвигает эту стачку в разряд «исторических»!

«Слухи о зуевской стачке [2]) докатились и до нас, для нашего горючего материала они явились запалом, искрой, рабочие зашевелились, и они вышли за ворота»—пишет участник иваново-вознесенской стачки 1885 г. [3]).

Стачка знаменательна и по своим результатам. Рабочие в конечном итоге добились своего. Правда, не сразу, но спустя недолго. И добились определенных, облегчавших неимоверно тяжелую их жизнь результатов не только для себя, но и для всей рабочей массы: под влиянием, главным образом, этой стачки, как справедливо замечают многие историки, и как признают даже оффициальные документы, был издан закон 3-го июня 1886 года. «Со стороны хозяев промышленных заведений возникали в прежнее время многочисленные злоупотребления правом сильного, которые, при постепенном росте нашей промышленности, вызвали в конце 1884 и начале 1885 годов крупные беспорядки в Московской и Владимирской губерниях, послужившие толчком к изданию специального закона 3-го июня 1886 года»—читаем мы в оффициальной записке» о пересмотре статей закона, карающих забастовки и досрочные расторжения договоров о найме, и о желательности установления организации рабочих в целях самопомощи», составленной в 1898 году в отделе промышленности министерства финансов [4]).

«Произведенное расследование доказало, что причины, вызвавшие эти беспорядки, не имели случайного характера, а обусловливались неправильными отношениями между фабрикантами и рабочими»—пишет историк русского фабричного законодательства [5]).

Результаты расследований беспорядков в конце 1884 г. и в начале 1885 г. привели к образованию, под председательством сенатора Пэвэ, особой комиссии, которая уже в мае месяце 1885 г. внесла на обсуждение государственного совета проект соответствующих правил которые были высочайше утверждены 3 июня 1886 г. под наименованием правил «о найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры» и «Особенные правила о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих».

Вот полностью требования рабочих морозовской мануфактуры, изложенные в тетради, предъявленной с общего их согласия владимирскому губернатору [6]).

---

[1]) „Русские судебные ораторы", т. III, стр. 459—460.

[2]) Т.-е. морозовской. Географически морозовская стачка определяется как „Орехово-Зуевская": ст. Орехово и село Зуево—одна местность.

[3]) А. Н., „Стачка 1885 года". „Иваново-Вознесенский губернский ежегодник" на 1921 г., стр. 35.

[4]) „Русский закон и рабочий", изд. ред. „Освобождения", с предисловием П. Струве (Штутгарт, 1902 г.), стр. 1—2.

[5]) В. П. Литвинов-Фалинский, „Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России" (СПБ., 1900 г.), стр. 60—62.

[6]) Текст требований приводится впервые с копии, доставленной губернатором м-ру внутренних дел (отмеченное выше дело л. л. 62—64). Текст печатается здесь по новой орфографии, но без всяких исправлений.

ТРЕБОВАНИЕ ПО ОБЩЕМУ СОГЛАСИЮ РАБОЧИХ.

По общему нашему согласию Рабочих при фабрике Саввы Морозова и Компании и сын. Также и потребованию нашему с хозяина возвратить штраф В пользу Рабочих с пасхи 1884 года ткачей, также и придильщиков о в пользу хозяина оставить неболее пять процентов с Рубля Выработки. О пожеланию хозяина уволить Робочих от Работа хозяин обязан удовлетворить По условленому Даговору нашей Расписки тоесть допаски по 23 Марта 1885 года без всякого вычета.

Также Панашему общему согласию мы Рабочие уже в продолжении несколько лет нашей Работы мы желали бы возбудить выробатки 1880-81-82 также года когда все мы Рабочия были доволь нашеми выробатками и не имели никакой притензии на хозяина, также мы все Рабочия в течении 1884 и по 1885 год остались небезспечнами в своей Работе, что мы неможем оправдать самих себя нежели своева семества и остаемся не удовлетворительными своему обществу казенных повинностей.

ТРЕБОВАНИЕ РАБОЧИХ.

Во-первых:

1-е. По изданному Государственному закону хозяин недолжен производить чрезмерных штрафоф, которыми обременяет своих рабочих. Мы рабочии требуем, и просим чтобы штрафы не привышали пяти % заработанного рубля, и чтобы рабочий был предупрежден о его плохой работе, и вызывался не более двух раз в течении месяца.

2-е. Вычет за прогул, чтобы не привышал более одного рубля, но стем чтобы и хозяин также был-бы обязан уплатить рабочему запрогул происходящий по вине хозяйской, как то запростой из заоснов поломки машин и переделку оных надругии работы и пр. и пр., чтобы каждый прогулянный час записывался в тетрадь ращетную или заработную, считая повыработки понеменее сорока копеек в день (40) или двадцати копеек в смену (20).

3-е. Полное изменение условия найма между хозяином и рабочими по изданнаму Государственному закону чтобы каждый рабочий мог получить полный ращет без всякого вычета и задержки по заявленню рабочим за 15-ть дней о нежелание продолжать работу. Также и хозяин обязан об'явить рабочему за 15-ть дней о его ращете, и все это записывалось бы в ращетные тетради. Буде-же будет неисполнено с какой либо стороны то чтобы удовлетворялось двух недельной заработной платой, как с рабочего так и с хозяина.

4-е. Доброкачественный материал соответствующий спросу о работе, и заявление осем происходило-бы с свидетелями тех рабочих, которые работают поблизости и записывались-бы в товаро-приемную книгу записи в книжку излишней меры в аршинах не привышать вес товара не учащать ращет бердов и плотность товара. До сего времени отнас не принималось никакое заявление. Вновь назначенные работы не об'явленные в расценках производились-бы поденной платой до тех пор по рабочие окончательно усвоят эту работу и об'явят за сколько можно работать. Такой то товар. Без общего соглашения нарасценки выстановленные конторой учредить государственной контроль, который уравнял-бы заработную плату. Полное удовлетворение рабочих запрогул содня нашей остановки, происшедшей по вине хозяина. Прогульный день считать по прозбе рабочих неменее 40 копеек в день.

Без препятственное выдача харчей, до тех пор пока рабочие будут удовлетворены в своих требованиях, без всякой росписки. По тому что у нас за них уже вычтено и на каждом счету положено клеймо что: (деньги получены сполна). Также и набудущие время не задерживать. Потому что у нас за хозяином за декабрь месяц удержана заработка. Выдача жалованья не задерживалось бы далее 15-го или в первую суботу после 15-го.

Свободный выбор старосты в артелях, и чтобы староста не мог служить более трех месяцов, в виду того чтобы не усвоить для хищения сбыта; производить ежемесячный учет. Уволить от должностей тех служащих и мастеров, которых найдут нужным рабочие и покажут отдельной запиской».

Большинство, именно, требований, приведенных выше, были признаны законом 3 Июня 1886 года [1]).

---

[1]) О законе 3 июня 1886 г. подробнее см. в цитированной работе В. П. Литвинова-Фалинского, главу IV-ую, стр. 57-65.

II.

Переходя к причинам, вызвавшим стачку, мы опишем события, разыгравшиеся на мануфактуре, в том порядке и виде, в каком они рисуются в лежащих пред нами материалах.

Основными причинами стачки, как известно, были, во-первых, резкое понижение на фабрике расценок в годы 1882—1885 г. и, во-вторых, столь же резкое возрастание штрафов. В 1881 г. рабочий в среднем зарабатывал в день 56 коп., а к 1885 года цифра эта была понижена до 42 коп. При этом штрафы, налагавшиеся в то время совершенно произвольно, достигали 30—50% заработка. Последние цифры подтвердились на суде показанием целого ряда свидетелей, вызванных обвинительной властью.

Владимирский губернатор, которого нельзя заподозрить в особой благожелательности к рабочим, определял причины стачки в следующих словах:

«Поводом к прискорбным событиям, начавшимся 7 января, послужило то крайнее угнетение, которому подвергаются рабочие, поступающие на эту фабрику. С издавна возведенные в систему, крайне строгие и высокие штрафы и вычеты за выделку тканей, признаваемою фабричной администрацией плохою, в настоящее, в особенности, время, когда и здельная плата уменьшена, по сравнению с бывшей до Пасхи 1884 г., более чем на 20%,—сокращают заработок еще от 30 до 40%; из массы рассмотренных мною рассчетных книжек не встретилось ни одной, где бы не значилось вычетов. Зарабатывающий, примерно, 8 гривен, при таких условиях получает только 40 коп., и когда идет, с харчевым листком, в лавку, за получением провизии, то зачастую получает отказ, с об'явлением, что за ним уж значится перебор, или получает, например, селедку, вместо фунта мяса, так как на последний денег у него не хватает. Расходуя ничтожные, до-нельзя сокращенные, заработки, на свое прокормление, значительное число рабочих состоит должниками Морозова, и, при таких условиях, по их выражению, находится у него как бы в кабале».

«Об'ясняя нужды рабочих, один из обвиняемых, крестьянин Московской губернии, Богородского уезда, д. Корпусов, Федор Леонтьев Козлов, между прочим, показал: что расценка работы чрезвычайно низка, тогда как материал (пряжа) стал выдаваться теперь гораздо хуже прежнего и постоянно рвется. Так в прежнее время за выработку куска миткаля платили 48 коп., а теперь 38—40, при том в куске миткаля прежде полагалось 55 аршин, а теперь—от 65—67. Помимо не доброкачественности выдаваемой для работы пряжи, значительно уменьшено число подмастерьев (вместо 1-го на 50 станков—один на 70), на обязанность коих возлагается помогать ткачам в работе, налаживать испортившиеся станки и проч., так что иной ткач, в особенности женщина, проработает целый день и в итоге ничего не выработает. Матерьяла для работ часто не достает, и при том постоянно производится переделка и приспособление машин для выделки других товаров, отчего у рабочих являются невольные прогулы; часто случалось, что вместо 4 недель в месяц, рабочим приходилось работать только 2 недели, или вместо 2-х станков, на одном, тогда как, если рабочий, по своей вине, прогуливал день, у него вычитается за 3 дня работы, 2 дня за 6 дней и т. д. Штрафуют немилосердно, даже не об'ясняя в чем заключается какой-либо, хотя незначительный недостаток в работе. На что уж строго штрафует Шорин (главный ткацкий мастер), а сам хозяин Т. С. Морозов еще строже. Так, около 29 декабря, г. Морозов заходил в ткацкую: Шорин показал ему образцы товара, уже им принятого от рабочих. Кажется, лучше товара и быть не может, а хозяину он не понравился, он его весь смял и бросил, а ткачам приказал записать штраф.

«С своей стороны представители товарищества, хотя и об'ясняют понижение здельной платы необходимостью, вызванной крайне слабым сбытом товара, а строгие штрафы,—средством поддержать репутацию фирмы изящной выделкой тканей, чего, по словам их, без штрафов достигнуто быть не может, но не уклоняясь в обсуждение степени основательности подобного рода доводов, нельзя, тем не менее, не принять в соображение, что тягостное положение рабочих на Никольской мануфактуре, в данном случае, представляется исключением. На соседних мануфактурах, поставленных в те же неблагоприятные и затруднительные условия сбыта, с нею однородных фабрикантов, рабочие остаются, однако, спокойны и высказывают даже удовольствие своими заработками,—не испытывая тех притеснений, которыми товарищество Никольской мануфактуры

обуславливает возможность своего производства и поддерживания репутации морозовской фирмы, и которыми между тем, вызваны были прискорбные события последних дней» [1]).

С такими до крайности тяжкими условиями рабочего быта столкнулся один из крупных представителей русских рабочих 70-х и 80-х годов—Петр Анисимович Мосеенок (кличка его „Студент", чем рабочие подчеркивали его начитанность), поступивший на морозовскую мануфактуру в ноябре 1884 года. Будучи деятельным участником, даже организатором некоторых стачек 70-х г., за что и подвергся административной высылке, одухотворенный идеей освобождения рабочих от изнурительной эксплоатации, Мосеенок, едва переступив порог фабрики, занялся подготовлением забастовки. Благодаря ему, именно, и рабочему Василию Сергеевичу Волкову („адвокату" как звали его рабочие) стачка явила „пример чрезвычайной для того времени организованности и планомерности» [2]).

7 января 1885 года на фабрике начались беспорядки. В Петербурге первое известие о них было получено от владельца фабрики—Тимофея Морозова. В 1 ч. 10 м. дня последний была отправлена из Москвы министру внутренних дел следующая телеграмма: «На фабрике товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова, Сын и К-о, в местечке Никольском, Покровского уезда, Владимирской губ., рабочие волнуются, производят беспорядок, бьют стекла. Сообщив об этом владимирскому губернатому, правление т-ва почтительнейше просит ваше сиятельство не оставить приказать принять меры к прекращению беспорядка».

Не приходится удивляться тому, что владелец мануфактуры сразу обратился к центральной власти за содействием. Правительство всегда являлось на выручку крупному капиталисту там, где последний в угоду своих интересов не находил нужным иными путями ликвидировать спор с рабочими. Характерно, что Тимофей Морозов в ту минуту не счел нужным непосредственно отправиться на место беспорядков, будучи, видимо, уверенным, что конфликт будет ликвидирован силою войска. В его мыслях и намека не было на то, что можно вступить в какие-либо переговоры с восставшей массой, не говоря уже об уступках. На исходе того дня, в 7 ч. 35 м. вечера, он отправил из Москвы уже вторую телеграмму м-ру внутр. дел, в которой чувствуется большая тревога: «Беспорядки увеличиваются, разбиты окна училищ, конторе, домах директоров. Администрация и фабрика находится в крайней опасности. Хотя телеграфировано господину владимирскому губернатору еще несколько раз, но помощи ни откуда не получается. Правление товарищества еще почтительнейше просит ваше сиятельство приказать ускорить меры к прекращению беспорядков». Губернатору телеграфно, за подписью товарища м-ра П. В. Оржевского, было предложено «принять надлежащие меры».

К концу дня поступило первое сообщение от губернатора о том, что «фабричная администрация разбежалась»), а не находится «в крайней опасности», как доносил Морозов), и что он, губернатор, «потребовал войска. Отправляюсь с ними в сопровождении жандармского полковника и прокурора». В тот же день в Орехово-Зуево выехал и прокурор московской судебной палаты.

По цитированным телеграммам была составлена краткая докладная записка, которая была доложена Александру III на следующий день м-ром внут. дел (им в то время был граф Дм. Толстой). «*Я очень боюсь, что это дело анархистов. Пожалуйста сообщите мне все подробности, которые получите от губернатора и жандармского начальства*»—размашистым почерком написал на докладе Александр III. И вследствие этого ежедневно до окончания дела стали поступать телеграфные губернаторские донесения.

8 января Судиенко (владимирской губернатор) сообщал: «беспорядки прекратились без мероприятий. Причина, повидимому, неудовольствие на фабричное управление. Разбиты и разграблены две квартиры директора и ткацкого мастера, две фабричные лавки, попорчены некоторые машины, при взаимной драке фабричных пятеро ранены, один смертельно».

Содержание телеграммы вечером же было доложено царю. «*Гораздо успокоительнее*»—пометил он.

Одновременно от губернатора поступила очередная телеграмма: «Морозов, прибывший из Москвы, простил (!) штрафы, дает расчет, рабочие не берут, предъявляют невозможные требо-

---

[1]) Отрывок этот заимствуем из пространной докладной записки владимирского губернатора о беспорядках на морозовской фабрике, представленной им 19 января 1885 г. министру внутренних дел (указанное дело архива департамента полиции, л.л. 47—60).

[2]) Л. Мартов, „Развитие крупной промышленности и рабочее движение до 1892 г." („История России XIX в." изд. Граната, т. VI, стр. 128).

вания. Общая забастовка, желающих работать не пускают, буйства нет, по соглашению с прокурорами потребовал полк казаков».

Впоследствии, в своем выше цитированном докладе о стачке, губернатор подробно осветил события этого дня.

«8-го утром—писал он—совместно с чинами прокурорского надзора мною были осмотрены разбитые квартиры, фабричные корпуса и разграбленные лавки. По окончании об'езда и осмотра местности, на коей расположена фабрика, я, имея в виду, что волнение началось в ткацком корпусе, сделал распоряжение о приводе, под конвоем одной роты, по нескольку ткачей из каждой рабочей казармы. Приведено было до 60 человек. На вопрос мой, что вызвало их неудовольствие против хозяина фабрики, окончившееся буйством, один из них, впоследствии оказавшийся серпуховским мещанином Василием Сергеевым Волковым, от имени товарищей об'яснил, что все работающие издавна терпят крайние притеснения от штрафов и взысканий, беспощадно налагаемых за малейшую ошибку и провинность, что терпеть долее они не в силах, и что этими взысканиями заработки их сокращаются до такой степени, что они не в состоянии ни платить повинностей, ни прокормить своих семейств... Все единодушно заявили, что на работу, без новых расценок, не пойдут, расчет желают получить по 24 марта, но буйствовать не будут. Отпуская их, я обещал им поговорить с имеющим прибыть из Москвы хозяином фабрики Т. С. Морозовым.

«В 4 часа по полудни прибыл в Никольское Морозов, с которым прокурор Судебной Палаты и я имели продолжительное совещание о способах прекращения забастовки, признавая, с своей стороны, необходимым сделать некоторые облегчения для рабочих, действительно, крайне теснимых фабричной администрацией. Вместе с сим я решительно потребовал удаления с фабрики Шорина, как лица, против коего выказано было общее озлобление. Это требование мое было исполнено. После возражений г. Морозова, что всякое облегчение в настоящее время было бы уступкой грубому насилию, и дурным примером, поощряющим к новым беспорядкам, нам удалось, однако, убедить его на некоторые, хотя, к сожалению, весьма незначительные льготы для рабочих. Он согласился: 1) на скидку, взыскав за плохие работы с 1-го октября 1884 г. по день забастовки; 2) на расчет всех, без исключения, рабочих с условием, за сим, приема на фабрику, желающих согласиться на расценки, об'явленные 1-го октября 1884 г., предоставив себе, при этом, право не принимать обратно на службу рабочих по своему усмотрению. Решено было обнародовать это на следующий день посредством наклейки об'явлений, но, чтобы предварительно познакомить рабочих с содержанием оных, я приказал один экземпляр об'явления пред'явить в казармах ткачей и прядильщиков, при чем вызвать по 10 из каждой комнаты в фабричную контору для увещания их в необходимости подчиниться и работать до пасхи, в виду заключенных ими, с конторой, условий. При чтении об'явлений рабочие подняли страшный шум и свист, об'явив, что на предложения Морозова не согласны, и в контору притти отказались».

В донесении от 9 января Судиенко, между прочим, писал: «Озлобление рабочих отчасти справедливо. Под охраной двух рот до 300 человек работало и работает в красильне... Ночь спокойна, сего дня утром рабочие расклеили от себя письменные об'явления о несогласии на условия Морозова, с требованием новых расценок, задельной платы, или же расчета по праздник пасхи, предупреждая, иначе будут бунтовать, работать не дадут. Наружных беспорядков нет. Толпы на улицах убеждений не слушают. Ожидаю прибытия казаков, для принятия более решительных; по обстоятельствам, мер. Повидимому, без новых уступок со стороны Морозова умиротворить не удастся... Подстрекательств извне пока не обнаружено». При докладе содержания этой телеграммы Александру III замечание губернатора, что «озлобление рабочих отчасти справедливо», было опущено.

Текст об'явления, расклеенного рабочими в ответ на первые уступки Морозова (когда он «простил» штрафы), следующий:

«Об'является Савве Морозову, что за эту сбавку ткачи и прядильщики ни (как) не соглашаются работать. А если ты нам не прибавишь расценок, то дай нам всем расчет и разочти нас по пасху, а то если не разочтешь нас по пасху, то мы будем бунтоваться до самой пасхи. Ну, будь согласен на эту табель, а то ежели не согласишься, то и фабрики вам не водить» [1]).

[1]) Приведено в докладной записке губернатора от 19 января 1885 г., л. 49.

10 января губернатор телеграфировал, что «правление, кроме уступок, о коих сообщал вчера, решительно ничего существенного в облегчение рабочих сделать не желает. Завтра утром об этом будет обнародовано расклейкой об'явлений Правлений. Надо ожидать новых беспорядков». Александр III подчеркнул слова «решительно ничего более нет» и поставил вопрос, не то прямой, не то иронический, «*какие облегчения еще*»? Во всяком случае после этой царской резолюции министр внутренних дел. Дм. Толстой меняет позу пассивного зрителя на роль усмирителя, начиная рекомендовать местным властям более конкретные меры к предотвращению надвигающихся из-за неуступчивости фабриканта новых беспорядков. «Имейте в виду— шифровано телеграфировал он 2 января губернатору,—что при упорстве рабочих весьма полезно последовательно отделять уроженцов других губерний и уездов и немедленно отправлять их на родину. Мера эта принесла пользу во время недавних беспорядков рабочих в Московской губернии».

«Сегодня утром, восемь часов,—сообщал губернатор 11 января,—расклеены решительные об'явления фабричного управления, с приглашением желающих встать на работы, не желающих явиться за расчетом. В девять часов, указанные пункты заняты войсками; собрались толпы, я лично убеждал согласиться на одно из двух,—шум и крики, что несогласны. На месте произведены аресты уличаемых в руководительстве. Главный кричал: нечего говорить с капиталистами, вызовите наших. Толпа бросилась за арестованными, кричали о задержании всех, удержана казаками. Кричали ссылайте хоть всех, мы готовы, что над здешним начальством есть начальство высшее. Около одинадцати часов, отрезана толпа,—находившаяся впереди и препровождена за конвоем, с целью высылки. Толпы разошлись, но в час дня, собравшись по звонку значительными массами, стали напирать, чтобы освободить арестованных, здесь произошла свалка между солдатами и толпой, среди которой были с кольями и железными прутьями; одно ружье сломано брошенным камнем. От меня толпа потребовала освобождения арестованного Василия Сергеева Волкова, очевидно коновода, представившего письменные требования рабочих. Часть арестованных толпою освобождена. Теперь огромные массы, прогнанные от фабричных зданий, толпятся у своих казарм, расположенных на противоположной стороне. Несоглашающихся работать предполагаю выслать партиями на родину. Волкова отправлю в тюремный замок. В виду крайне возбужденного состояния фабричных масс, ожидаемого большого скопления народа в Воскресенье, крайней растянутости и пересеченности местности, требую еще две сотни казаков и баталион пехоты».

Более детально этот интересный день освещается в следующем отрывке позднейшей докладной записки губернатора:

«Утром 11-го, по расклейке об'явлений, из коих многие опять были сорваны, стали собираться толпы рабочих, но, по приказанию моему, живущие в казармах, находящихся вне фабричных корпусов, за фабричные ворота не пропускались. Этим распоряжением раз'единены были две толпы: одна, самая многочисленная, находилась вне фабричной черты, другая, состоящая из живущих в черте фабрик, толпилась на улицах, площадях и между зданий.

«По фабричным улицам производились казачьи раз'езды, а в некоторых пунктах была поставлена пехота в ротных колоннах. Прибыв к толпе, стоящей вне черты фабричных корпусов, я об'явил им, что Морозов на просьбу их не соглашается, что дальнейшие переговоры представляются бесполезными, и что желающие работать могут стать на работы по расценкам и условиям, на кои они сами согласились 1-го октября, а не желающие—явиться в контору, где получат расчет. Единодушным криком толпа отвечала, что работать на этих условиях не желают, что за расчетом итти нечего, потому что ничего не получат,—все пошло на штрафы и на харчи. Стоявшие впереди Василий Волков и запасный рядовой Астраханского Гренадерского полка, Шалухин, оказавшийся одним из его сподручников, по приказанию моему, были незаметно оттеснены казаками от толпы. Волков громко кричал: «Как здесь говорить, здесь» все капиталисты, позовите моих людей;«где правила»? Ему из толпы подали писанную тетрадь [1]), которую я передал прокурору и об'явил, что здесь не место разбирать ее, приказав Волкову и Шалухину итти в контору. Когда, окруженные войском, они двинулись в путь, Волков, обратясь к толпе, закричал: «что же, господа, один за всех или все за одного». Толпа загорланила: «все все, всех берите»! и бросилась за арестованными, но была удержана цепью казаков.

---

[1]) В тетради были изложены требования рабочих, приведенные выше дословно с копии, доставленной в Петербург губернатором.

Тут я вновь стал убеждать толпу разойтись по домам, или итти на работы, но, составив плотную стену пред фронтом казаков, она стояла и шумела. Часть стоявших впереди и наиболее шумевших, движением казачьей цепи была оттеснена, окружена и препровождена во двор конторы, остальная за сим пошумела и мало по малу разошлась, разгоняемая казачьими раз'ездами и пехотными патрулями, при чем, с обоих сторон, никаких насилий делаемо не было.

«Во дворе конторы арестованные, отказавшись назвать свои имена, были все переписаны по указаниям табельщиков, смотрителей и других должностных лиц фабричной администрации, и за сим, дано было приказание под сильным конвоем отправить их под арест, в помещение одной из фабричных казарм, называемой «для мальчиков». Между тем, к казарме этой, прилегающей одним концом к соседним фабрикам другого владельца, Викула Морозова, успела, мало по малу, собраться значительная масса народа и, когда привели арестантов, то, по свистку и звонку в сигнальный фабричный колокол, бывшие впереди толпы мальчики, внезапно бросились к одной из дверей и успели ее выломать. Арестованные, с своей стороны, кинулись по корридорам и лестницам к этой двери и преследуемые конвойными успели выскочить на улицу, где, большая часть их скрылась в толпе. В этой суматохе, между ротой, охранявшей казарму, и рабочими, у коих были дубины и другие т. п. орудия, завязалась рукопашная схватка. Нападение солдаты отбили прикладами, одна винтовка попорчена ударом брошенного камня. Двое из нападавших на караул арестованы. Толпа, оттесненная за фабричную черту, мало по малу разошлась, а часть войск возвратилась в казармы.

«Около 2-х часов пополудни снова стали формироваться группы, вскоре сплотившиеся в значительную массу. Раздавались крики и требования говорить со мной. Прибыв на место, я спросил, что им нужно. Сотни голов отвечали: «выпустите Василья». Об'явив им, что Василий (Волков) привлечен следственной властью к делу о буйстве и беспорядках, и что выпустить его я не в праве, я вновь убеждал толпу разойтись, и так как она не расходилась, приказал ее оттеснить.

«Убедившись, что при сильном напоре толпы и при том в такой крайне пересеченной местности как м. Никольское, численный состав войск находившихся в распоряжении моем не представляется достаточным, я просил телеграммой командующего войсками Московского Военного Округа о присылке еще двух сотен казаков и баталиона пехоты, рассчитывая на возможность, с большими силами, одновременно действовать против масс в нескольких пунктах. Требование подкреплений вызвано было еще и опасением, чтобы в воскресенье—базарный день, беспорядки не усилились наплывом народа из соседних фабрик Викула Морозова, и находящихся, в смежном с Никольским, с. Зуеве, Московской губернии.

«Вечером, в 6-м часу, толпы стали снова собираться и сильно напирать на казачью цепь, охранявшую входы на фабрики, со стороны железной дороги и от так называемого нового заведения. Из цепи дали знать, что имеется намерение напасть на главную контору, где находились под арестом Василий Волков и другие, задержанные по требованию судебной власти. К конторе были немедленно вызваны 2 сотни казаков и 2 роты Великолуцкого полка. Вскоре на улице с обоих сторон появились громадные массы народа, приближавшиеся к конторе с криками—«выпустите нашего человека Василия». Некоторые подступили к зданию, в котором находились арестованные, с намерением выломать окна, но, по распоряжению моему, немедленно были оттеснены казаками, на этот раз пустившими в ход нагайки, и прогнаны за черту фабричных помещений. Между тем я распорядился посылкой роты на платформу станции «Орехово», так как слышно было, что, при отправлении Василия Волкова, толпы намерены были сделать попытку к его освобождению, напав на поезд. Одновременно, двумя сотнями казаков, очищен был весь рельсовый путь и прилегающая местность. В 7-мь часов Волков, в сопровождении двоих жандармов и под конвоем полусотни, был привезен на поезд, и беспрепятственно отправлен во Владимир, для заключения в местном тюремном замке.

«По отправке Волкова, я совместно с камандующим отрядом, полковником Кобордо, составил план действий на следующий день. Положено было, окружив так называемую «артельную» казарму, в которой помещались холостые рабочие, проявившие наиболее буйства, и влияние которых на остальное население признавалось вредным, арестовать всех массою, с тем, чтобы тех из них, которые фабричной администрацией будут признаны за благонадежных,—освободить, остальных же выслать из Никольского по железной дороге в Москву и Владимир, для отправки оттуда на места родины».

В департамент полиции в тот день поступило заявление забастовавших рабочих, под писанное Я. В. Филипповым, о том, что, прекратив все до единого работы, они не возобновя таковые, пока не прибудет из Петербурга доверенное лицо для производства расследования н месте «обид», нанесенных рабочим [1]).

На докладе о событиях этого дня Александр III пометил: *„все это весьма н утешительно“*.

Имея пред собою такую неутешительную резолюцию государя, убеждаясь, что упорств рабочих не так-то легко сломить, столкнувшись лицом к лицу в открытой борьбе с 8-ми ты сячной армией рабочих, граф Толстой сам пишет телеграммы губернатору и командующем войсками Московского военного округа:—первому „потребуйте побольше войск из Москвы“ а второму—„послать на фабрику Морозова войска, сколько потребует владимирский губернатор“ А в это время, когда в центре круто повернули линию и решили принять самые решительны меры к подавлению невиданной забастовки, местные власти в лице губернатора Судиенко вс больше и больше убеждаются в том, что рабочие справедливы в своих требованиях, и в до несениях как-будто подчеркивают, именно, то, что виноваты не рабочие, а администрации мануфактуры, что ее-то и следовало бы заставить пойти на уступки. «Издавне правлением т-в практикуются крайне высокие взыски и штрафы с рабочих, с целью этим способом понизит задельную плату; вычеты эти составляют в среднем до 30%»—телеграфировал губернатор 12 ян варя. Того-же числа министром внутр. дел получена была новая срочная телеграмма из Мо сквы от Тимофея Морозова следующего содержания:

„Двумя телеграммами 7 января правление товарищества Никольской мануфактуры Савви Морозова Сын и К-о доводило до сведения вашего сиятельства о бунте на фабрике рабочих раз бивших дома и разграбивших имущество по недостаточности военной силы беспорядок про должается до сих пор и увещания губернатора не действуют по совету губернатора в при сутствии прокурора Московской судебной палаты со стороны правления товарищества об‘явлено что рабочим возвращаются те взыски, которые были сделаны за плохие работы, что им делается расчет по ценам при заключении условий найма первого октября 1884 года и что желающи поступить на работы могут быть вновь наняты по этим же ценам, но об‘явления эти рабочими сорваны. Они требуют расчета по ценам высшим существовавшим до пасхи 1884 г. при том по пасху 1885 года. Значит здесь была и есть стачка с разрушением и разграблением иму щества. Некоторые рабочие желали бы стать на работы, но большинство других не допускает под угрозою мести. Явившиеся на работы разгоняются бунтовщиками об‘ясняющими что они заставят удовлетворить за прогульные дни. Удовлетворить этого требования, а также и того требования, о котором сказано выше, нельзя. Требования эти не законны. Удовлетворить их значит наградить за бунт и поощрить к новым беспорядкам. Оставаясь без дела, рабочие с каждым днем теряют заработок. Отказ в удовлетворении незаконных их требований может поро дить большое в них недовольство и дело обострится. Уже вчера толпа рабочих явилась освобо дить арестованного главного виновника бунта, но была разогнана. Положение таково, что жи вущие на фабрике не безопасны. Нет уверенности и в том, что имущество останется в целости Такая крайность вновь заставляет правление товарищества иметь почтительнейше просить ваше сиятельство о защите и к прекращению беспорядка теми мерами какие вы изволите признать необходимыми—Директор распорядитель Тимофей Морозов“.

Мольбы Морозова о помощи были в ту минуту излишни. На подмогу находившимся в Орехово-Зуево войскам в тот же день прибыли две сотни донцов и батальон солдат. Начались усиленные аресты среди рабочих, которых сотнями высылали на родину. 13 января Толстой имел уже возможность уверять царя, что фабрики скоро начнут работать.

И, действительно, с 13-го января стачка идет быстро на убыль. Рецепт опытного графа Дм. Толстого возымел действие: массовые аресты и высылки изолировали наиболее активный элемент. Донесения и доклады за 14—20 января полны единственно цифрами арестуемых и высылаемых, при чем преимущественное внимание обращалось на молодых рабочих, наиболее энергичных и сознательных. Большое количество войска было, по приказанию гр. Толстого, оставлено до водворения полного порядка.

---

[1]) Как впоследствии оказалось, прошение это было написано Мосеенком.

20 января министр внутренних дел докладывал, наконец, царю, „что на Никольской мануфактуре, в субботу, 19 января, работали уже 4508 человек и на понедельник записалось еще 300. Порядок восстановлен вполне". *„Дай Бог, чтобы так и продолжалось"*—написал Александр III на докладе гр. Толстого [1]).

Дело о январской стачке слушалось в 1886 г. в заседаниях владимирского окружного суда. Первая группа, в числе 17-ти человек, была предана суду без присяжных заседателей. Коронный суд приговорил их, за исключением двух оправданных, к аресту на разные сроки, в том числе Мосеенка, скрывшегося на третий день стачки и впоследствии арестованного, и Волкова к аресту на 3 месяца. По отбытии наказания оба они были сосланы административным порядком: первый—в Шенкурск на 5 лет, а второй—в Вологодскую губ.

Группе 33-х человек, среди которых фигурировали опять-таки Мосеенок и Волков, преданной суду с участием присяжных заседателей, присяжные в мае 1886 г. вынесли оправдательный приговор. То был, по выражению реакционного публициста М. Н. Каткова, „салют рабочему вопросу" в России.

Р. Кантор.

---

[1]) О положении и жизни рабочих на Никольской мануфактуре в 80-ых годах см. еще: *Песков, П.*—Фабричный быт Владимирской губ. (Петербург, 1884 г.), и *В. Н. Ануфриев*—История развития и деятельности потребительного общества при фабрике т-ва Никольской мануфактуры Саввы Морозова, Сын и К-о (Москва, 1913 г.).

Устройство быта свободных хлебопашцев.

Не взирая на свою численную незначительность, свободные хлебопашцы, тонувшие в массе прочего крепостного и свободного сельского населения, заслуживают внимания историка, так как быт их отражает на себе своеобразие строя жизни русского крестьянства, в целом, в его недавнем прошлом. Это своеобразие отчетливо выступает на вид при анализе столкновения положений указа 20 февраля 1803 г. о свободных хлебопашцах [1]) с деревенскою действительностью.

Указ 1803 г. мало занимается внутренней жизнью свободных хлебопашцев; все положения, которыми эта внутренняя жизнь регулируется, можно свести к трем.

Во-первых, крестьяне при увольнении получают землю на правах частной, а не общинной собственности. В правилах 21 февраля 1803 г. было особо указано, что раздел земли между увольняемыми производится при заключении условия, при чем каждый из крестьян получает план своего участка с подписью уездного землемера. Отсюда вытекало для каждого свободного хлебопашца как право свободного распоряжения землею (завещания, продажи, дарения и т. д.), с единственным ограничением, не дробить участки менее 8 десятин, так и право залога недвижимости и вступления во всякого рода залоговые обязательства.

Во-вторых, свободные хлебопашцы подчиняются местным властям в судебном отношении наравне с крестьянами государственными. Но об административно-хозяйственном надзоре этих властей, подобным тому, какому подвергались государственные крестьяне со стороны казенной палаты, по отношению к свободным хлебопашцам нет и речи.

В-третьих, в смысле исполнения государственных и земских налогов их повинностей они ставятся в положение, одинаковое с государственными крестьянами, с той только разницей, что в качестве земельных собственников не должны уплачивать оброка [2]).

Вникая в смысл этих положений, убеждаешься в стремлении указа создать совершенно чуждый до тех пор для русского аграрного строя класс мелких земельных собственников, свободных как в личной хозяйственной деятельности, так в сфере административно-хозяйственного уклада деревни, но одновременно остающихся в отношении к государству податным сельским состоянием. Такая тенденция вполне отвечала либерально-индивидуалистическому настроению части высших кругов русского общества начала 19-го в. Но отвечала ли она общественным и хозяйственным условиям крестьянского строя России того времени? Как же слагался под влиянием этих либеральных положений быт свободных хлебопашцев?

Можно ли считать прививку русскому крестьянину первой половины 19-го в. начал имущественной свободы и свободного от надзора свыше сельского самоуправления удавшейся, или же этот эксперимент оказался также несостоятелен, как попытка того же указа построить освобождение крепостных на примирении противоречащих взаимно интересов крепостных и дворян землевладельцев?

Вот вопросы на которые нам предстоит дать ответ.

Первые сомнения в применимости указа 1803 г. появились в правительственных кругах еще в Александровское время. Однако, результаты практического приложения закона еще

---

[1]) См. В. Бирюкович, «Судьба указа о свободных хлебопашцах в царствование Александра I» («Архив истории труда в России», книга первая).

[2]) Полное собрание законов № 20620.

были слишком недостаточны для того, чтобы сделать определенное заключение о правильности избранного законодательством пути. Только в тридцатых годах стала выясняться для правительства картина жизни свободных хлебопашцев, и оказалось возможным перевести вопрос о применимости указа на практическую почву.

Раньше других обратило на себя внимание положение указа об имущественных правах свободных хлебопашцев.

I.

Уже министр внутренних дел Козодавлев в 1811 г., а затем в 1818 г., принужден был констатировать, что правило о немедленном по увольнении крепостных раздроблении земли между собственниками редко проводилось в жизнь. Обычно крестьянам самим предоставлялось распределить между собою землю, на основаниях, которые они сами для себя устанавливали [1]). Правительству, дабы избежать неутверждения большинства договоров об увольнении, приходилось мириться с этим нарушением закона. Однако, предоставлением раздела земли на усмотрение крестьян не разрешались все трудности вопроса, необходимо было для правильного осуществления этого раздела взаимное согласие крестьян относительно его принципа. Между тем согласие как-раз в таких случаях нередко не обнаруживалось. Взнос денег за выкуп земли внедрял в сознание крестьянина мысль, что он является собственником определенной доли земли, пропорциональной величине взноса. С этим убеждением не могла согласоваться уравнительная разверстка земли, практикующаяся в русской деревенской общине. Оно исключало равное распределение земли при неравенстве взносов, и устройство переделов по мере прироста душ. Таким путем назревал в деревне конфликт индивидуального и общинного начала, который подчас проявлялся в виде столкновения хозяйственно слабых и сильных элементов внутри общества свободных хлебопашцев. За отсутствием высшей инстации, руководящей хозяйственными делами хлебопашцев, эти столкновения принимали иногда затяжный характер, выливаясь в продолжительные судебные тяжбы одной части крестьян с другою. Подобного рода трения своей частой повторяемостью привлекали внимание органов местного, как государственного, так и сословно-дворянского управления.

В 1828 г. с сообщением о частых спорах среди свободных хлебопашцев о раскладке мирских земель обращалось к министру внутренних дел тверское губернское дворянское собрание [2]). В 1837 г. тверской губернатор доносил тому-же министру, что из 3.442 свободных хлебопашцев, проживающих в этой губернии, многие находятся в худшем положении от неравного разделения между ними земли, которое служит поводом к ссорам и тяжбам, и что это тяжело, состояние свободных хлебопашцев побуждает их просить о перечислении в государственные крестьяне [3]).

Вопрос о порядке земельных разделов был слишком острым и тревожным в быте свободных хлебопашцев, чтобы его оставлять навсегда открытым. Он явно нуждался в особом законодательном урегулировании. В 1838 г. Государственный совет приступил к его обсуждению. Поводом для этого послужило поступившее в министерство внутренних дел дело свободных хлебопашцев сельца Гайнова и деревни Пикаревки Тверской губернии, которые постановили разделит землю сообразно с величиной взносов за увольнение, т. е. вопреки традиционному уравнительному переделу по числу душ. По наблюдению министра внутренних дел Блудова, крестьяне «большею частью миром постановляют вскоре после об'явления им об утверждении условий, владеть каждому из них тем самым участком земли, каким кто пользовался в крепостном состоянии», иначе говоря, сохраняют общинный порядок землевладения. «Но бывают случаи, что крестьяне... уславливаются между собою владеть уступленною им землею без раздела в продолжении известного времени, по истечении которого приступать к окончательному разделу оной по участкам; между тем некоторые семейства из уволенных крестьян приумножаются рождением, другие уменьшаются смертностью; от сего со стороны первых возникают жалобы на недостаток земли и настояния о уравнительном разделении оной, а со стороны последних, споры, влекущие и тех и других ко взаимному неудовлетворению и тяжбам,

---

[1]) Семевский, «Крестьянский вопрос в России», т. I, стр. 273.
[2]) Архив министерства внутренних дел. 1828 г., дело № 367.
[3]) Журнал комитета министров 9 февраля 1837 г. № 200.

для обеих сторон тягостным». В виду этого Блудов предложил сенату учесть жизненный опыт и дополнить закон о свободных хлебопашцах новыми статьями.

Сенат, не решаясь изменить установленный указом порядок землевладения, обратился к Блудову с запросом о возможности дальнейшего применения положения о немедленном по увольнении разделе земли, и получил ответ в том смысле, что положение это никогда почти не соблюдается, и что требование строгого его применения принуждает министерство внутр. дел отсылать обратно значительное число поступающих к нему условий для исправления, «на что проходит несколько месяцев, а иногда год и более», так что нередко «помещик умирает, не приведя своего намерения в действо, отчего возникают неприятные и вредные споры между его наследниками и крестьянами и следствием бывает неповиновение сих последних новым своим господам, которые хотят их оставить у себя в крепости».

Таким образом оторванность принципа частного землевладения от уклада русского крестьянского хозяйства была удостоверена еще раз оффициально. По предложению Блудова сенат признал возможным сохранение общинного владения при выкупе крестьян на волю. Что касается вопроса о способе разверстки земли по участкам, в случаях, когда крестьяне приступают к земельному разделу спустя известный срок после освобождения, то он был разрешен гораздо менее определенно.

Блудов, а за ним и сенат нашли, что и раздел уравнительный, и раздел по величине взносов за выкуп на волю, оба, не взирая на взаимную противоречивость, отвечают с известной точки зрения справедливости, и поэтому постановили предоставить выбор основания для распределения земли самим крестьянам, но с тем, чтобы во избежание споров, в условии об увольнении обозначалось, каким образом намерены они в случае земельного раздела распределять участки, «по количеству ли взнесенных за себя каждым крестьянином при заключении условия выкупу или же по числу наличных душ, какое будет состоять в их обществе, по наступлении помянутого срока» [1]). Это было одобрено государственным советом и высочайше утверждено [2]).

Поводом для земельных споров могло служить не только предписание закона относительно раздела земли в собственность, но также и то неограниченное право распоряжаться своим участком, каким свободных хлебопашцев наделял указ 1803 г. Пользуясь этим правом, отдельный собственник - крестьянин мог продать свой участок в чужие руки, минуя односельчан, что, конечно, нарушало интересы всей остальной деревни, старавшейся не выпускать земли из своего обладания и не допускать черезполосности ее с участками посторонних общине лиц. Правда, случаи подобной продажи земли на сторону, очевидно, были исключениями, так как за время существования указа лишь однажды правительству пришлось столкнуться с такого рода явлением. Тем не менее, явление это любопытно, поскольку уясняет те жизненные условия, на почве которых происходило столкновение общинных интересов с признанным законом широким правом свободных хлебопашцев на частную хозяйственную деятельность.

В 1809 г. были уволены помещиком Толстым в свободные хлебопашцы его крестьяне села Никольского, Рязанской губ., в количестве 36 душ при очень незначительном количестве земли—всего 179 десятин и из них годной для обработки 146 десятин пашенных и усадебных земель, притом в черезполосном владении. К 1826 г. число хлебопашцев возросло до 65 чел. Стал остро ощущаться недостаток в земле. Чтобы найти выход из малоземелья, часть крестьян (34 ревизск. души) стала ходатайствовать перед местной казенной палатой о переселении их на казенные земли в Оренбургскую губернию, при чем крестьяне обещали внести за три года вперед государственные подати. Остающиеся свободные хлебопашцы охотно соглашались на переселение своих односельчан, но при непременном требовании—чтобы вся земля выселяющихся была продана им по 50 руб. за десятину, так как только при этом условии выселение половины жителей из деревни не только не наносила им никакого ущерба, но даже было выгодным, освобождая их от земельной нужды. Наоборот, «если переселенцы, по замечанию губернатора, продадут владеемую ими землю посторонним лицам, то действительно малые участки, остающиеся могут придти в большое раздробление». Переселенцам предлагаемая цена показалась слишком низкой, и они, опираясь на предоставленное им право собственности, настаивали на свободной продаже своих участков.

---

[1]) Архив госуд. совета, департамент законов, 1838 г., дело № 41.
[2]) 2-ое полное собрание законов, № 11287.

В правительственных сферах, разрешение этого дела возбудило крупные разногласия. Министр внутр. дел Ланской, ссылаясь на букву закона, предлагал разрешить продажу участков каким угодно покупателям; если при этой продаже пострадают интересы остальных односельчан, то устранение подобных неудобств должно быть произведено правительством «независимо от сей продажи», так как всякое принуждение при продаже «будет противно существенному понятию права, которым пользуются свободные хлебопашцы по владению своими землями». Однако, комитет министров не отважился разрубить противоречие тем формальным путем, какой рекомендовал ему Ланской, и, не разрешив вопроса, передал дело на рассмотрение государственного совета [1]). Здесь также обнаружилось колебание. Не зная, как примирить принцип частного землевладения с потребностями деревенского хозяйства в целом, «ибо свобода продавать участок земли кому бы то ни было введет чересполосность владения в дачах свободных хлебопашцев, а стеснение сей свободы нарушило бы право собственности», государственный совет «положил: разрешение означенного вопроса в виде закона отложить до другого времени». Что касается непосредственно инцидента с переселением свободных хлебопашцев села Никольского, то госуд. совет поступился при разрешении его неприкосновенностью собственнических прав, поручив министерству внутр. дел об'явить просителям, что ежели они продадут землю, им принадлежащую, остающимся в селе Никольском свободным хлебопашцам, тогда могут переселиться на казенные земли в Оренбургскую губ... Если же желающие переселиться и остающиеся на месте хлебопашцы не согласятся в цене, то предложить им средство оценки чрез депутатов, по одному с каждой стороны при посредстве уездного предводителя дворянства; после чего оценка сия утверждена быть должна гражданским губернатором» [2]).

Свободные хлебопашцы не представляли собою замкнутого сословия. Указ 24 дек. 1823 г. предоставлял им право перехода в другие податные состояния, при условии взимания с них двойной подати до ближайшей ревизии [3]). С 1830 г. этот переход дозволялся им без уплаты податей по двойному окладу. Наконец, указ 1831 г. распространил право перехода во все податные состояния на свободных хлебопашцев, не исполнивших еще своих обязательств к помещику. При подвижности свободного сельского населения выходы из сословия свободных хлебопашцев были явлением заурядным. Чем-же об'ясняется отсутствие конфликтов из-за земли при отчислении от сословия? Из указанных только-что законодательных актов лишь последний определенно предписывает лицам, выходящим из общества свободных хлебопашцев, оставлять односельчанам принадлежащие им участки. Первые два акта не касаются этого вопроса, оставляя таким образом для свободных хлебопашцев, окончивших свои обязательства к помещикам, в силе положение указа 1803 г. о свободном распоряжении собственностью. Очевидно, ответ на поставленный вопрос лежит не в законодательных мероприятиях, а в силе установившейся традиции о праве общины на землю выходящих из нее членов, благодаря чему переход участков последних к деревенскому обществу обычно не вызывал протестов.

Признание за свободными хлебопашцами права собственности на землю было чревато для них еще одним важным последствием: их участки подлежали публичному торгу в случае их несостоятельности по долговым обязательствам. Между тем к займу денег, как у частных лиц, так и в государственных кредитных учреждениях, свободных хлебопашцев зачастую толкала невозможность уплаты выкупной суммы из наличных средств. Так как сумма эта нередко превосходила их платежеспособность, то и задолженность их принимала безнадежный характер. Благодаря экстренным мерам со стороны правительства дело большей частью не доходило для крестьян до полного их разорения, но почти неизменно оканчивалось взносом за них долга казною и переводом их самих в разряд государственных крестьян. Вот несколько примеров.

Свободные хлебопашцы села Мшалихи заняли при своем увольнении для расплаты с помещиками у двух частных лиц 21300 руб. Вскоре обнаружилось, что крестьяне при займе совершенно не расчитали своих сил. Кредиторы, не получив в срок деньги, подали ко взысканию. Сообщая

---

[1]) Архив министерства внутр. дел, департамент общих дел, 1826 г., дело № 338.

[2]) Архив государственного совета, журнал 11 июня 1828 г. В 1828 г. после двухлетнего ожидания обе стороны хлебопашцев сельца Никольского, получив решение госуд. совета, пришли к взаимному соглашению, по которому земли переселяющихся достались односельчанам по ранее предложенной им цене в 50 руб. за десятину (архив министерства внутр. дел, департамент общих дел, дело № 338: отношение рязанского губернатора от 31 декабря 1828 г.).

[3]) 2-ое полное собрание законов, № 29715.

министру внутр. дел об описи имущества свободных хлебопашцев, губернское правление предложило вместо продажи их имущества, что неизбежно довело бы их до полного обнищания, обложить их ежегодным оброком по 10 руб. с души и отдать четвертую часть земли в наем, с тем, чтобы ежегодно уплачивать часть долга. После длительного обсуждения получило перевес мнение министра государств. имущества Киселева, который подал мысль о б р а т и т ь с в о б о д н ы х х л е б о п а ш ц е в в г о с у д а р с т в е н н ы х к р е с т ь я н, «выдать кредиторам их сумму, равную цене, которая состоится на торгах за продаваемое имущество их, если только цена сия не будет превышать долга, а затем обложить крестьян оброком, на равне с прочими государственными крестьянами». После одобрения сенатом и госуд. советом это мнение получило высочайшее утверждение [1]). Подобное же разрешение получило дело свободных хлебопашцев деревни Коробецкой, которые вследствие крайней бедности не были в состоянии уплатить долга Орловскому приказу общественного призрения. В 1845 году они были зачислены в государственные крестьяне с платежом установленного оброка [2]). Такому же переводу в государственные крестьяне подверглись в 1826 г. хлебопашцы, отпущенные за три года до того помещиком Яшкуровым, оказавшиеся не в состоянии возвратить взятую ими из Заемного Банка ссуду в 10.000 руб. [3]).

В правительственной среде наиболее ярко сознавал неудобство права отчуждения земель свободных хлебопашцев при наличии задолженности последних и низкого уровня благосостояния Киселев. «Весьма часто, писал он в записке, представленной в комитет 1839 г., для выкупа себя они делают займы, превышающие их способы, под залог земель, которыми они по праву собственности могут располагать произвольно. По невыплате в срок займа, земли отчуждаются во владение кредитора, и хлебопашцы лишаются средств к существованию или остаются в совершенной нищете, или требуют переселения на казенные земли, где правительство, сверх того, должно оказать им пособие на водворение. В сих обстоятельствах дело оканчивается тем, что на устройство вольных хлебопашцев казна делает пожертвование едва ли не наравне с суммою выкупа» [4]). Свой отрицательный взгляд на отчуждаемость крестьянского имущества Киселев провел в законе 2 апр. 1842 г. об обязанных крестьянах, но здесь основанием для неотчуждаемости служило не ограничение права свободного распоряжения собственностью, а превращение крестьян в наследственных арендаторов помещичьей земли [5]). Что касается самого указа 1803 г., то в нем не было сделано никаких изменений, прямо обеспечивающих земли свободных хлебопашцев от продажи за долги.

Итак, применение принципов частной земельной собственности и свободного оборота земель порождало много трений в жизни свободных хлебопашцев и далеко не отвечало как их общинному хозяйственному укладу, так и тем тяжелым экономическим условиям, в какие их ставило освобождение от крепости, построенное на невмешательстве государственной власти в выкупную операцию, в силу чего правительству приходилось вводить в эти принципы существенные ограничения и коррективы или в законодательной форме, или в форме административных мероприятий и судебных решений.

II.

Значение для быта свободных хлебопашцев той свободы от хозяйственного контроля, которую для него создавал указ 1803 г., может быть понято лишь в том случае, если мы учтем административно-хозяйственное положение большинства крепостного крестьянства. Вотчинное управление крепостного поместья, в большей или меньшей степени в зависимости от частного случая, осуществляло административно-хозяйственную опеку над крепостными не только барщинными, но и оброчными.

Урегулирование хозяйственного быта деревни было одной из существенных предпосылок доходности дворянского имения, поскольку обеспечивало определенный уровень крепостного труда. Способ земельных переделов, ведение хозяйства, выборы должностных лиц, разверстка повинностей, составление рекрутских списков—все эти важнейшие стороны крестьянской жизни испы-

---

[1]) Архив министерства внутр. дел, департамент общих дел. 1830 г.,—дело № 424.
[2]) Журнал комитета министров 9 янв. 1845 г. № 32.
[3]) Журнал комитета министров, 28 янв. 1847 г. № 132.
[4]) С е м е в с к и й, «Крестьянский вопрос в России», т. II, стр. 36, примеч.
[5]) 2-е Полное собрание законов, № 15462.

тывали на себе в той или другой мере давление помещичьего авторитета [1]). Естественно, что там, где вотчинный надзор проводился длительно и систиматически, он в сознании самих крестьян превращался в необходимый элемент их быта. Крепостные утрачивали способность к самоуправлению. В них вырабатывалась привычка к помещичьей феруле, воздействие которой на себе они никогда не переставали ощущать, от которой они всеми силами старались избавиться, но без наличия которой они начинали чувствовать себя беспомощными.

Указ 1803 г. переносил освободившихся от крепости крестьян в совершенно новую атмосферу, очищенную от административно-хозяйственной опеки. Такая ломка привычных отношений не могла не произвести сильного сдвига в деревенском строе и настроении самих крестьян. Не удивительно, что этот сдвиг порождал часто болезненные явления в существевании свободных хлебопашцев. Судя по сообщениям как местных властей, так и самих свободных хлебопашцев, привычный строй их жизни, будучи предоставлен самому себе, подвергался, подчас сильнейшей внутренней дезорганизации. Некоторые из хлебопашцев, освободившись от вотчинных должностных лиц, переходили к системе выборов сельской администрации на краткий срок, при чем, не чувствуя доверия к авторитету своих выборных, начинали сменять их произвольно до срока, что сопровождалось крупными столкновениями и несогласиями в крестьянской среде. Характерно, что иногда сами свободные хлебопашцы приходили к заключению о ненормальности такого положения вещей и пытались создать прочную власть в деревне.

Так, например, в 1829 г. многочисленное общество свободных хлебопашцев, получившее в 1822 г. увольнение от помещика Наумова, обратилось к губернскому предводителю дворянства Левашеву с такого рода прошением: «Состоя за бывшими господами нашими помещиками Наумывыми, вотчина наша управлялась по воле господ безсменными бурмистрами, но с выпуском нас в свободные хлебопашцы сие управление, заключавшее наше благоденствие, изменили мы сами по неблагоразумию нашему, и на мирской сходке положили избирать вотчинных бурмистров ежегодно, предполагая, что порядок таковой будет для нас полезнее. Ныне же управляясь таким образом ежегодно сменяемыми бурмистрами, а иногда сменяли мы их произвольно и ранее даже года, мы в полной мере испытали, что управление сие постепенно удаляет нас от порядка, выводит нас из подчинения и даже разрушает наше общее благосостояние; а потому и положили мы все с общего согласия изобрать себе бурмистра на трехлетие и просим начальство утвердить оного, с тем чтобы мы не имели уже впредь права сами собою переменить его, а вместе с тем обязуемся в полной мере повиноваться ему во всех его распоряжениях и взысканиях, каковые мы заслужим».

Этот документ был переслан министру внутренних дел, при отношении губернского предводителя дворянства, Левашева, в котором высказывался очень пессимистический взгляд на состояние свободных хлебопашцев в Вологодской губернии и подчеркивалась надобность в установлении над ними хозяйственного надзора. По мнению Левашева, в случае, если не будут выработаны «постоянные правила, по которым можно было бы входить в хозяйственные их распоряжения, то они должны будут приходить более и более к совершенному разорению, ибо многие, полагая право вольности в самоуправстве, оставляют от нерадения свои участки, и со временем... продадут оные и тогда от таковых семейств неминуемо не только тяготиться должна вотчина, но и само правительство».

Если даже признать, что краски в сообщении Левашева сгущены, благодаря помещичьему пристрастию к опеке, то значительная доля истины все же в нем содержится. Но министр внутренних дел Закревский отнесся неодобрительно к предложению изменить порядок управления свободными хлебопашцами, считая, что «всякое стороннее влияние на внутренние их хозяйственные распоряжения, очевидно должно стеснять дарованные им права» [2]).

Разверстка повинностей, сбор денег, уплата долгов, поставка рекрутов—все эти острые вопросы крестьянской жизни доставляли обильную пищу для смуты, в которую вовлекалась вся деревня, разбивавшаяся на враждебные партии, сменявшиеся у власти. Принцип уравнительной раскладки повинностей при этом нарушался, конечно, неоднократно. Обнаруженный по сию пору архивный материал не заключает в себе, к сожалению, достаточных данных для вскрытия тех общественных противоречий, которые чувствуются за этими затяжными деревенскими раздорами.

---

[1]) О заинтересованности русского помещика в надзоре за жизнью крепостной деревни свидетельствует то внимание, какое этому вопросу посвящают статьи по сельскому хозяйству в нашей журналистике первой половины 19-го века.

[2]) Архив министерства внутренних дел, департамент общих дел 1829 г., дело № 398.

Но по скольку этот материал освещает, так сказать, казенную сторону дела, т. е. ту, которою быт свободных хлебопашцев непосредственно соприкасался с органами власти, явствует, насколько неопределенность административного положения свободных хлебопашцев затрудняла подчас возвращение раз замутившейся деревенской жизни в нормальное русло.

Весьма показательным примером в этом отношении являются неурядицы, в продолжение семи лет под ряд царившие в деревнях Титовой и Мисковой Московской губернии. Крестьяне этих деревень при самом увольнении в 1823 г. раскололись на две враждебные партии из-за несогласий в разверстке взносов по сделанному ими, при выкупе на свободу, долгу опекунскому совету. Несогласия приняли сразу же очень острую форму. Спустя едва месяц по получении свободы, одна из партий, получив перевес на мирском сходе, добивается от него обвинения крестьянского поверенного Федорова, которого поддерживает другая партия. Сход признает Федорова виновным «в самовольной отдаче нескольких человек в рекруты, во взыскании по собственному произволу штрафов по 250 и 500 р., в присвоении мирской усадьбы, в вырубке леса, в назначении в бурмистры крестьянина, участвовавшего с ним в самовольных поступках и в невозвращении обществу 1072 р.». Вследствие этих обвинений Федоров арестовывается богородским земским судом. Тогда дружественная ему партия направляет к министру внутренных дел одно за другим два прошения, где все возведенные на Федорова обвинения об'являются вздорными, и он изображается жертвой «самовольства» своих деревенских врагов и потакающего им местного начальства. По постановлению комитета министров Федоров был выпущен на поруки просителей [1]). Однако, это не утишило волнения. Чтобы установить порядок в деревнях, московский генерал - губернатор командировал в 1825 г. туда свое чиновника, который предложил крестьянам, выбрав по три поверенных от каждой из сторон, составить на будущее время точное и постоянное расписание раскладки, но предложение его не имело никакого успеха у большинства крестьян. На основании донесения этого чиновника. генерал - губернатор пришел к заключению в необходимости учреждения над свободными хлебопашцами «временного надзора и управления из особого чиновника..., которого обязанность будет руководствовать крестьянами при составлении общих раскладок... равномерно присутствовать при выборе крестьянами вотчинных начальников их и удалять все могущие быть при сем раздоры между ими».

Министр внутренних дел и комитет министров отнеслись отрицательно к предложению учредить чиновничью опеку над свободными хлебопашцами взамен опеки крепостной. Единственной мерой целесообразной, отвечающей закону, было признано предписание хлебопашцам немедленно составить постоянное расписание раскладки под угрозой репрессий для несогласных [2]).

Тщетность чисто-репрессивного воздействия, как средства упрядочения крестьянской жизни, обнаружилась из того обстоятельства, что ровно через шесть лет спустя в министерство внутренних дел поступило снова прошение одной из партии тех же деревень Титовой и Мисковой, наполненное обвинениями против выборного сельского управления, среди которых видное место занимают жалобы на нарушение рекрутской очереди, заведенной «блаженной памяти его превосходительством Степаном Абрамовичем Лопухиным, «которая и до днесь самая истинная и никому не отяготительная»; «ныне, замечают просители, неизвестно по какому праву отдают в рекруты безо всякой очереди, очередные же находятся свободными, чрез что некоторые лишаются своих промыслов и казенной подати делается остановка» [3]).

Вот еще один случай, который ярко отражает неустойчивость порядка управления свободных хлебопашцев в том виде, как он определен указом 1803 г.

В 1827 г. среди свободных хлебопашцев села Елани Саратовской губернии обнаружилось недовольство против головы Волкова и его предшественника по должности. по поводу сбора ими денег для взноса долга в Заемный банк. Для предотвращения столкновения между крестьянами казенная палата взяла на себя проверку книг волостного управления. Однако, министр внутренних дел раз'яснил, что хозяйственные дела свободных хлебопашцев не подлежат ведению казенной палаты, в виду чего волостные книги были отосланы в губернское правление. Благодаря этой путанице инстанций был упущен момент для предотвращения беспорядков в деревне. Когда в слободу Елань прибыл для расследования дела земский суд, толпа крестьян, находясь в состоянии крайнего возбуждения, отказавшись слушать увещаний начальствующих лиц,

---

[1]) Журнал комитета министров 14 февраля 1825 г. № 25.
[2]) Журнал комитета министров 14 декабря 1826 г. № 2209.
[3]) Архив министерства внутренних дел, департамент общих дел, 1832 г. дело № 441.

потребовала, «об'ясняясь самым неприличным образом насчет головы Волкова», его немедленной смены; «когда же об'явлено было им, что смена не зависит от земского суда, то они, оставив квартиру его, с тем же шумом, с каким пришли, отправились в волостное правление, сказав при том, что они властны сменить голову также как и выбирали». Когда земский суд попытался арестовать вожаков, то встретил стойкое сопротивление со стороны остальных крестьян, которые, отказавшись от всяких переговоров с земским судом, собственной властью сменили деревенского голову. В конце концов, удалось внести успокоение в деревню без применения военной экзекуции. Саратовский губернатор Голицын, донося о случившемся министру внутренних дел, поставил на вид, «что если бы существовали определительные правила о вольных хлебопашцах, то происшедших в помянутой Елани беспорядков никак не могло бы быть», и потому просил министра раз'яснить, «в чьем именно заведывании должны состоять вольные хлебопашцы» [1]).

Само собой понятно, что дезорганизация в сельском быту свободных хлебопашцев должна была печально сказываться и на их хозяйственной жизни. В 1847 г. леса того же села Елани были отданы под надзор казенного лесного управления, так как свободные хлебопашцы истребляли, по сообщению местной палаты государственных имуществ, лесную дачу по своему произволу до того, что они и потомки их могли остаться вовсе без леса [2]).

Все описанные случаи разложения общественного уклада свободных хлебопашцев указывали на потребность в изменении административного порядка, установленного для нового крестьянского сословия указом 1803 г. Однако, правительство долгое время не решалось произвести реформу управления свободных хлобопашцев.

Впервые стал на очередь этот вопрос в 1830 и 1831 г.г. в министерстве внутренних дел. По поручению министра Закревского, чиновником особых поручений кн. Салтыковым был разработан «проект устава об управлении свободных хлебопашцев». Проект этот был составлен на основании узаконений о казенных и удельных крестьянах и положений о крестьянах остзейских губерний. Он регламентировал всесторонне быт свободных хлебопашцев, определяя их имущественные права, административно-хозяйственный порядок, судебное и полицейское устройство. Закревский отнесся одобрительно к работе своего подчиненного, но, тем не менее, проекту не суждено было выйти из недр министерской канцелярии [3]). Только в 1838 году «проектом учреждения об управлении государственными имуществами в губерниях» административно-хозяйственный строй свободных хлебопашцев был окончательно урегулирован законом. Актом этим, изданным благодаря министру государственных имуществ Киселеву, быт свободных хлебопашцев подвергся государственному надзору и опеке.

Общее заведывание свободными хлебопашцами на ряду с другим свободным крестьянским населением поручалось в каждой губернии палате государственных имуществ. Специально хозяйственный контроль над хлебопашцами осуществлял хозяйственный отдел, на обязанности которого лежало содержание инвентарных книг земель и угодий свободных хлебопашцев, а также ведение бухгалтерских книг для регистрации их денежных капиталов. Кроме того, ей же вверялся надзор за исправлением хлебопашцами налогов и повинностей и за выполнением принятых ими по условиям обязанностей к помещику. Последнего рода надзор в округе осуществлялся окружным начальником. В более мелких территориальных единицах—волости и селе—свободные хлебопашцы совместно с государственными крестьянами ведались выборными волостным и сельским правлением, порядок выборов которых, срок полномочий и компетенции были определены законом [4]). В 1839 г. подобный же порядок управления свободных хлебопашцев был введен в западных губерниях и белорусской области [5]), а в 1841 г. распространен на Закавказье [6]).

III.

В отношение отбывания податей и повинностей свободные хлебопашцы в силу указа 1803 г. оказались в положении, общем для всего свободного сельского податного населения, если не считать освобождения их от оброка. В этом отношении быт их мало изменялся при переходе

---

[1]) Архив министерства внутренних дел, департамент общих дел, 1827 г. дело № 13506.
[2]) Журнал комитета министров 22 апреля 1847 г. № 631.
[3]) Архив министерства внутренних дел, департамент общих дел, 1830 г., дело № 420.
[4]) 2-ое полное собрание законов, № 1189.
[5]) Там-же, № 13035.
[6]) Там-же, № 14157.

из крепостного состояния в свободное. Они, подобно остальной массе крестьянства, терпели от несоответствия тяжести государственного и земского обложения с чрезвычайно низким уровнем их хозяйства. В экстренных случаях, во время неурожаев, правительству приходилось прибегать по отношению к ним, к тем же мерам облегчения податей и повинностей, что и по отношению к крестьянам государственным. Так, в 1840 г. по представлению Киселева последовало со стороны комитета министров освобождение потерпевших от недорода свободных хлебопашцев 15 губерний от платежа пени за невзнос податей [1]).

В общем, установленный указом порядок выполнения налогов и повинностей породил в жизни свободных хлебопашцев гораздо менее новых осложнений по сравнению с положениями, определяющими их имущественное право и способ управления. Однако, и здесь дело не обошлось без некоторых затруднений, об'ясняющихся одной существенной особенностью быта свободных хлебопашцев, заключающейся в том, что хлебопашцы зачастую не составляли целых поселений, а, увольняясь из крепости небольшими группами, иногда в одну, две семьи, оказывались разбросанными по разным деревням по преимуществу помещичьих крестьян. Что увольнение крестьян небольшими группами было заурядным явлением, отмечено в литературе [2]). Насколько вследствие этого была дробность расселения свободных хлебопашцев, видно из нижеприводимой таблицы [3]) распределения по губерниям и уездам крестьян (мужского пола—по разным ревизским сказкам), вышедших в свободные хлебопашцы с 1804 г. по 1830 г.

Воронежская.		
Валуйский	5001	7994
Старобельский	2986	
Нижнедевицкий	7	
Виленская.		
Упитский повет		7000
Витебская.		
Полоцкий уезд		57
Вологодская.		
Вологодский	587	1103
Вельский	64	
Грязовецкий	313	
Кадниковский	115	
Сольвычегодский	24	
Владимирская.		
Владимирский	214	697
Судогодский	11	
Юрьевский	299	
Гороховский	144	
Шуйский	29	
Калужская.		
Мещовский	15	1500
Масальский	676	
Козельский	32	
Малоярославский	33	
Тарусский	5	
Боровский	739	
Костромская.		
Чухломский	553	613
Варнавинский	19	
Нерехтский	8	
Костромской	20	
Солигаличский	13	
Курская.		
Дмитриевский уезд		616
Казанская.		
Ланшевский уезд		186
Московская.		
Московский	18	1518
Клинский	118	
Рузский	44	
Богородский	594	
Коломенский	487	
Бронницкий	228	
Серпуховский	29	
Нижегородская.		
Макарьевский	82	2094
Семеновский	429	
Арзамасский	400	
Горбатовский	291	
Нижегородский	520	
Сергачский	204	
Васильский	14	
Балахнинский	84	
Ардатовский	70	

[1]) Журнал комитета министра, 9 июля 1840 г. № 1355.
[2]) Вишняков. «Крестьяне-собственники в России» (СПБ. 1858 г.), приложение 2-ое.
[3]) Архив министерства внутренних дел, департамент общих дел, 1830 г., дело № 420.

Новгородская.

Новгородский	567	711
Боровицкий	31	
Старорусский	83	
Крестецкий	11	
Тихвинский	19	

Олонецкая.

Вытегорский уезд		71

Оренбургская

Мензелинский	160	314
Уфимский	154	

Орловская.

Мценский	175	233
Севский	58	

Псковская.

Островский	17	97
Опочецкий	28	
Новоржевский	32	
Порховский	20	

Пермская.

Шадринский уезд		70

Рязанская.

Данковский	35	2065
Зарайский	1874	
Пронский	126	
Егорьевский	30	

С.-Петербургская.

Луговский	128	171
Царскосельский	43	

Симбирская.

Сызранский	266	381
Самарский	115	

Саратовская.

Кузнецкий	81	3158
Аткарский	3077	

Слободско-Украинская.

Богодуховский	61	529
Харьковский	468	

Тверская.

Вышневолоцкий	452	1926
Корчевский	220	
Осташковский	13	
Ржевский	65	
Кашинский	74	
Новоторжский	471	
Старицкий	557	
Зубцовский	74	

Тамбовская.

Борисоглебский	155	244
Темниковский	89	

Таврическая.

Феодосийский уезд		1452

Тульская.

Тульский уезд		839

Ярославская.

Мышкинский	255	2780
Ярославский	395	
Романово-Борисоглебский	47	
Романовский	40	
Мологский	53	
Рыбинский	24	
Ростовский	1168	
Даниловский	32	
Любимский	6	
Пошехонский	760	

Итого	38419

Благодаря раздробленности свободных хлебопашцев сильно затруднялось об'единение их в самостоятельные округа для исполнения повинностей. Выходом из этого затруднения часто служило присоединение их в отношении отбывания повинностей к государственным крестьянам, но подчас этому препятствовало проживание их в помещичьих деревнях в отдалении от крестьян государственных. Указанное обстоятельство очень усложнило устройство свободными хлебопашцами запасных хлебных магазинов на случай голода. В 1836 г. была установлена законом организация в селениях свободных хлебопашцев хлебных магазинов независимо от числа хлебопашцев, «не причисляя их к ближайшим магазинам ни помещичьих, ни казенных селений» [1]). Но в следующем же году обнаружились препятствия для применения этого закона. Хлебопашцы Костромской губ. оказались слишком малочисленны и бедны, чтобы взять на себя самостоятельно содержание магазинов; то же произошло и в Черниговской губ., где 119 мужских ревизских душ свободных хлебопашцев проживали в городе и 22-х селениях от одной до пятнадцати в

[1]) 2-е полное собрание законов, № 8782, ст. II.

каждой. Вопрос был разрешен в смысле присоединения свободных хлебопашцев по отбыванию этой повинности к ближайшим казенным крестьянам [1]).

Еще большие осложнения на той же почве возникли с отбыванием свободными хлебопашцами Могилевской и Витебской губерний рекрутской повинности. Из них не удалось образовать ни отдельных рекрутских округов, ни общих с казенными крестьянами, вследствие чего сенатским указам 1833 г. [2]) и постановлением комитета министров 1836 г. [3]) отбывание повинности натурой было заменено для них платежем рекрутских денег.

* * *

Какой же ответ можно дать на поставленный выше вопрос о том, в какой мере соответствовал указ 1803 г. общественным и хозяйственным основам крестьянского строя, и каково было его влияние на уклад деревенской жизни? Ответ напрашивается сам собою. Принцип свободы индивидуальной хозяйственной деятельности разбился об общинный порядок крестьянского хозяйства, принцип невмешательства государственной власти в административно-хозяйственную жизнь свободных хлебопашцев должен был отступить перед привычкой последних к авторитетному регулированию их общественных и хозяйственных отношений. Но прежде, чем правящие круги осознали оторванность указа 1803 г. от реальной жизни, и прежде, чем были проведены видоизменения соответствующих положений указа, в быте свободных хлебопашцев стали возникать крупные и болезненные осложнения, подтачивавшие исторически сложившиеся устои их общественного существования и деградировавшие их экономически.

К сороковым годам из всех статей указа, определяющих быт свободных хлебопашцев, в неприкосновенности сохранилась лишь та, которая говорит об обязанностях хлебопашцев в отношении податей, повинностей, статья консервативная, не вносившая никаких новых начал в жизнь крестьянина.

Вл. Бирюкович.

---

[1]) Журнал комитета министров, 9 июля 1840 г. № 1355.
[2]) 2-е полное собрание законов, № 6009.
[3]) Журнал комитета министров, 9 июня 1836 г. № 964.

Условия труда рабочих на петербургских заводах по данным 1901 года.

(Балтийский и другие десять заводов).

I.

Общие сведения о положении рабочих на петербургских заводах.

В виду происходивших с 31 мая по 3 июня 1901 г. рабочих беспорядков на Балтийском судостроительном и механическом заводе морского ведомства, управляющий морским министерством предложил (6 июня) правлению завода подробно обсудить и представить свои соображения относительно общего увеличения платы мастеровым и рабочим и сокращения продолжительности рабочего времени до 8-ми часов в сутки.

Не находя достаточным ограничиться общими своими соображениями, правление завода сочло нужным сперва выяснить условия, в которые поставлены рабочие на других петербургских заводах.

Обследование было поручено делопроизводителю правления А. Н. Чиколеву, который в промежуток времени с 15 июня по 15 октября посетил главнейшие петербургские, преимущественно механические заводы, имевшие более или менее общий с Балтийским заводом характер производства. Обследованию были подвергнуты следующие десять заводов:

Франко-Русский (1600—2000 рабочих), Невский Судостроительный и Механический (4700 рабочих), Крейтон и К-о на Охте (700—800 рабочих), Путиловские (12.000 рабочих) Александровский Сталелитейный (1400 рабочих), Лесснера (600 рабочих), С.-Петербургский Железопрокатный (850 рабочих), Проволочный и Гвоздильный (1250 рабочих), С.-Петербургский Вагонный (2200 рабочих), С.-Петербургский Металлический (1550 рабочих).

Всего, таким образом, число рабочих на осмотренных заводах, включая и Балтийский (4557 рабочих), достигало цифры около 32000 чел.

Чтобы предотвратить уклончивость при ответах администрации частных заводов, А. Чиколев предусмотрительно устранил в своей анкете вопросы, касавшиеся коммерческой стороны дела, и ограничился вопросами, относившимися лишь до внутреннего их распорядка и рабочих. Нижеприводимые ответы, данные заводами и не возбуждающие сомнений в своей достоверности, исчерпывающим образом охватывают поставленные анкетою вопросы.

Ответы на первые восемь вопросов находятся на следующей странице.

№№ по пор.	Вопросы, поставленные заводам.	Сообщенные заводами сведения и данные.										
		Франко-Русский.	Невский Судостр. и Механич.	Крейтон и К° на Охте.	Путиловские.	Александр. Сталелит.	Лесснер.	Железопрокатн.	Проволочн. и Гвоздильный.	С.-Петерб. Вагонный.	С.-Петерб. Металлич.	Балтийск.
1	Число рабочих	2000	4707	700—800	11944	1428	597	860	1242	2208	1546	4557
2	Наименьшая поденная рабочая плата (в рублях):			в час:								
	а) ученикам	0,30	0,30	0,05	0,25	0,30	0,30	—	0,60	0,30	0,40	0,40
	б) чернорабочим	0,70	0,60	0,08	0,80	0,70	0,75	0,80	0,70	0,70	0,70	0,65
	в) мастеровым	0,70	0,80	0,09	0,80	0,90	1,10	1,10	1,15	0,75	0,77	0,70
3	Средняя поденная плата мастеровым (в рублях) .	1,25	1,07	0,15	1,85 на задельных.	1,61	1,60	1,84	1,45	1,06	1,29	1,28
4	Наивысшая поденная плата мастеровым (в рублях) .	3,20	3, 0	0,23	8,02 на задельных.	3,00	2,35	4,50	3,50	2,50	2,40	3,00
5	Процентное отношение к общему числу:											
	а) учеников	7,60%	9,35%	4,03%	4%	5,3%	8%	—	4%	4%	10,7%	5%
	б) получающих наименьшую плату	19,30%	1,81%	7,14%	—	9,8%	39%	41,28%	11%	12%	10,40%	29%
	получ. менее 1 р. . .	48,34%	51,5%	36,00%	74,84%	—	20%	45%	24,2%	48%	55,44%	37,4%
	в) „ наивысшую плату Более 2 руб.	0,82%	0,68%	0,36%	—	3,2%	10%	15,9%	18%	0,2%	1,3%	3,4%
		13,75%	1,60%	8,00%	1,12%	—	13,5%	47,9%	11,4%	1,7%	4%	3,4%
6	Какое число (в % отношении) рабочих находится на задельной плате	19%	90,36%	10%	87,60%	84,6%	60%	11,4%	57%	84%	81,63%	56%
7	Как велик % задельной платы относительно поденной	55%	217,16%	50%	320,2%	162%	50%—150%	155%	236%	72%	159%	29%
8	Распределение рабочего дня:											
	а) в обыкновенные дни часы	7—12 $1^1/_2$—$6^1/_2$	7—12 $1^1/_2$—$6^1/_2$	$6^1/_2$—12 $1^1/_2$—7	$6^1/_2$—12 $1^1/_2$—6	6—12 $1^1/_2$—6	7—12 $1^1/_2$—7	6—8 $8^1/_2$—12 $1^1/_2$—7	6—12 $1^1/_2$—7	7—12 $1^1/_2$—7	$6^3/_4$—12 $1^3/_4$—7	$6^1/_2$—12 $1^1/_2$—6
	продолжительность . . .	10 ч.	10 ч.	11 ч.	10 ч.	$10^1/_2$ ч.	$10^1/_2$ ч.	11 ч.	$11^1/_2$ ч.	$10^1/_2$ ч.	$10^1/_2$ ч.	10 ч.
	б) в субботние дни часы .	7—2	7—2	$6^1/_2$—2	$6^1/_2$—2	6—2	7—$2^1/_2$	6—8 $8^1/_2$—12 $1^1/_2$—6	6—12 $1^1/_2$—$5^1/_2$	7—3	$6^3/_4$—$2^1/_4$	$6^1/_2$—2
	продолжительность . . .	7 ч.	7 ч.	$7^1/_2$ ч.	$7^1/_2$ ч.	8 ч.	$7^1/_2$ ч.	10 ч.	10 ч.	8 ч.	$7^1/_2$ ч.	$7^1/_2$ ч.

9. Порядок выдачи жалованья:

Франко-Русский	В 2 недели раз по субботам.
Невский Судостроительный и Механический	2 раза в месяц по расписанию.
Крейтон и К-о на Охте	4 раза в месяц.
Путиловские	2 раза в месяц.
Александровский Сталелитейный	2 раза в месяц по табели, составленной на год вперед.
Лесснер	Через каждые 2 недели по вторникам.
Железопрокатный	2 раза в месяц.
Проволочный и Гвоздильный	2 раза в месяц по субботам после 26 и 11 числа.
С.-Петербургский Вагонный	2 раза в месяц по субботам после 7 и 21 числа.
С.-Петербургский Металлический	2 раза в месяц по субботам после 7 и 21 числа.
Балтийский Судостроительный и Механический	Через 2 недели по субботам.

10. Производится ли обыск мастеровых и рабочих при выходе из завода, а если нет, то каким способом предупреждается возможность тайного выноса заводского имущества?

Франко-Русский — производится.

Невский Судостроительный и Механический—не производится, но в воротах каждой мастерской имеются сторожа для наблюдения за рабочими и в выездных воротах рабочие проходят через ряд сторожей, где производится беглый осмотр их.

Крейтон и К-о — на Охте производится.

Путиловские — не производится, но в отдельных случаях может быть произведен по подозрению, доносу или сомнительному наружному виду. В случаях замеченных пропаж в мастерских, иногда устанавливается негласный надзор.

Александровский Сталелитейный — обыск производится.

Лесснер — производится.

Железопрокатный — производится.

Проволочный и Гвоздильный — производится.

С.-Петербургский Вагонный — производится, исключаются мастеровые, зарекомендовавшие себя в течение продолжительной службы с хорошей стороны.

С.-Петербургский Металлический — производится.

Балтийский — производится.

Из вышеприведенных ответов вытекает нижеследующее:

1) Наименьшая поденная плата ученикам в большинстве составляла 30 копеек.

2) Наименьшая плата чернорабочим составляла от 60 коп. до 80 коп.

3) Наименьшая поденная плата мастеровым колебалась от 75 до 90 копеек и лишь на 3 заводах (Лесснера, Железопрокатном и Проволочно-Гвоздильном) достигала 1 р. 10 к.— 1 р. 15 коп.

4) Средней поденной платой мастеровым надо считать от 1 р. 06 к. до 1 р. 61 к., в общем средняя—1 р. 37 к., так как показанная Железопрокатным заводом цифра 1 р. 84 к. явно преувеличена, а цифра Путиловских заводов 1 р. 85 к. показана на задельных работах.

5) Наивысшая поденная плата мастеровым от 2 р. 35 к. до 3 р. 50 к., в общем средняя—2 р. 81 к. (данные Железопрокатного и Путиловских заводов по вышеуказанным же причинам не могут быть приняты в соображение). При этом за единицу цеховой платы на всех заводах принят рабочий день, за исключением завода Крейтона и К-о на Охте, где установлена часовая плата рабочим, более справедливая и удобная для учета работ; в сравнительных выводах для однообразия часовая плата рабочим приведена к поденной в зависимости от продолжительности рабочего дня.

6) Процентное отношение учеников к общему числу рабочих составляет от 4% до 10%.

7) Процентное отношение мастеровых, получающих наименьшую плату, представляет большие колебания (а именно — от 1,81% до 41,28%), равно как и процентное отношение

мастеровых, получающих наивысшую плату, колеблется по отдельным заводам весьма значительно; разница в показаниях по этим двум пунктам об'ясняется, повидимому, неясностью поставленных анкетою вопросов и вероятно явилась результатом некоторого произвола и разнообразия в определении самых понятий о наименьшей и наивысшей платах; более наглядная картина получается, если мы обратимся к ответам заводов на дополнительно поставленные им более определенные вопросы: а) как велик % мастеровых и чернорабочих (не считая учеников) получающих цеховую поденную плату ниже 1 рубля, и б) как велик % мастеровых (не считая учеников и чернорабочих), получающих от 2 рублей и более.

Не принимая в рассчет крайних цифр, как представляющих случайные отклонения, можно сделать вывод, что получающих поденную плату менее 1 р. оказывается от 20% до 74,84% в среднем—44,8%, а получающих свыше 2 рублей—от 1,12% до 47,9%, в среднем—11,44%.

8) Число рабочих, работающих на задельной плате, в процентном отношении к общему числу рабочих, колеблется по заводам весьма значительно, именно от 10% до 90,86%, что может быть об'яснено различными условиями и характером производства; средний процент равен 58,6%.

9) Величина задельной платы относительно поденной представляет также большие колебания по заводам, а именно от 50% до 236%, и стоит в обратно пропорциональном отношении к поденной плате, т. е. чем ниже поденная цеховая плата, тем выше % задельной платы, и наоборот, чем, в конце концов, и уравниваются более или менее цены изделиям на различных заводах. Установление высоких задельных плат при низкой цеховой поденной плате имело за собой, по об'яснению заводчиков, коммерческие основания, так как, с одной стороны,— относительно высокий размер заработка при задельных работах заставлял мастеровых дорожить условной платой, воодушевляя их при работе в предвидении хорошего заработка, с другой стороны, в случае неимения достаточных заказов, но не желая делать чувствительных временных сокращений числа мастеровых, заводы переводили мастеровых на цеховую плату и таким образом случайные сокращения в работах не так тяжело отзывались на коммерческой стороне завода. Средний % задельной платы относительно поденной составлял на заводах обследованной группы 142%.

10) Распределение рабочего дня как в обыкновенные, так и в субботние дни, не одинаково по заводам.

В обыкновенные дни работали: на 3 заводах по 10 часов, на 4—по $10^1/_2$ ч., на 2—по 11 ч. и на 1—$11^1/_2$ часов.

В субботние дни работали: на 2 заводах по 7 часов, на 4—по $7^1/_2$ ч., на 2—по 8 ч. и на 2—по 10 часов.

Общее число рабочих часов в течение недели составляло: на 2 заводах—57 часов; на 2—$57^1/_2$ ч.; на 2—60 ч.; на 2—$60^1/_2$ ч.; на 1—даже $67^1/_2$ часов (Проволочный и Гвоздильный).

11) Выдача жалования производилась на всех заводах или в 2 недели раз, или два раза в месяц, и лишь на заводе Крейтона 4 раза в месяц, причем на большинстве заводов первый платеж производился по цеховой плате, а второй в окончательный рассчет—по задельным работам. Платежный день почти на всех заводах предпочитается субботний, но были заводы на которых рассчет производился по вторникам—с целью избежать обычного пьянства или похмелья мастеровых в понедельник, и заводоуправления были довольны последствиями этого порядка.

С другой же стороны, оказывалось, что некоторые заводы, введя этот порядок (хотя по другим соображениям, а именно по просьбе полиции, чтобы в данном районе не производилась выдача жалования одновременно многими заводами по субботам), впоследствии отказались от этого нововведения, так как, кроме обычного понедельника, являлся еще новый «пьяный день»— следующий за днем выдачи жалованья.

12) Почти на всех заводах производился поголовный обыск рабочих при выходе их из завода, за исключением 3 заводов (С.-Петербургского Вагонного, Путиловского и Невского Судостроительного и Механического), на которых допускались некоторые отступления.

Сравнение условий производства работ на Балтийском заводе с другими заводами. При сравнении вышеизложенных данных по 10 заводам с Балтийским заводом оказывается, что наименьшая плата ученикам на последнем не выходила из предельных циф

других заводов, но наименьшая плата чернорабочим (в 65 к.) и особенно мастеровым (в 75 к.) определенно была ниже всех или почти всех других перечисленных заводов.

Средняя плата мастеровым 1 р. 28 к. ниже общей средней платы других заводов, составлявшей 1 р. 37 к., почти на 10%. Ниже ее средняя плата только на 3 заводах (1 р. 25 к. 1 р. 07 к. и 1 р. 06 к.).

Наивысшая плата мастеровым 3 р., выше средней общей платы других заводов, составлявшей 2 р. 81 к., почти на 8%.

Процент учеников, имевшихся на всех заводах, кроме одного, не выходил на Балтийском заводе из пределов их числа на других заводах.

Получающих поденную плату до 1 р. на Балтийском заводе 37,4% общего числа мастеровых и чернорабочих; для других заводов этот средний % составлял—44,8%, т. е. более на 7,4%.

Получающих поденную плату свыше 2 р. на Балтийском заводе—3,4%, а на других заводах этот средний % равнялся 11,44%.

Эти две последние сравнительные данные указазывают, что на Балтийском заводе около 60% мастеровых состояло на плате от 1 р. до 2 р., а для других заводов этот средний % составлял около 45%.

Процентное отношение числа рабочих на задельной плате на Балтийском заводе (56%), близко подходит к среднему выводу для других заводов (58,6%), но задельная плата на Балтийском заводе, превышающая цеховую лишь на 29%, значительно менее среднего % для других заводов , равного 142%; что при сравнительно (почти на 10%) более низкой средней цеховой плате указывает, что или условные работы на Балтийском заводе расценивались чрезвычайно низко, или же на подобных работах состояло большинство рабочих, получавших более высокую цеховую плату, а малоплатные мастеровые и рабочие состояли на цеховой плате.

Очевидно в этом именно обстоятельстве, помимо различных привходящих, и надо искать экономическую и психологическую первопричину возникновения и развития беспорядков на Балтийском заводе.

Продолжительность обыкновенного рабочего дня в 10 часов на Балтийском заводе равнялась наименьшей других заводов, и лишь в субботние дни она была на 1/2 часа (именно 7 1/2 часов) продолжительнее, чем на двух других заводах, на которых работа в эти дни продолжалась только 7 часов.

Порядок выдачи на Балтийском заводе жалованья—через 2 недели по субботам—и производства обыска при выходе из завода в общем вполне соответствовал установившимся на других заводах порядкам.

II.

Два исследования о положении труда на Балтийском заводе.

Печатаемые ниже две записки явились в результате исследования, предпринятого в 1901 г. правлением завода.

Автор первой из записок, упомянутый в первой главе настоящего очерка делопроизводитель правления *А. Н. Чиколев*, считался в окружающей бюрократической среде, судя по сохранившейся переписке, большим знатоком рабочего вопроса на механических заводах Петербургского района. Когда Комитет Общества для содействия Русской Промышленности и Торговли, «придавая особенно важное значение улучшению положения трудящегося населения, образовал Комиссию для всестороннего исследования вопроса о страховании рабочих» и просил назначить в эту Комиссию представителя от Балтийского завода, то выбор пал на А. Н. Чиколева, который в течение почти трех лет принимал деятельное участие в ее работах. Эта Комиссия выработала и представила в министерство финансов проект положения о страховании от болезней (Больничные Кассы) и заканчивала в то время проект Положения государственного страхования от несчастных случаев. Близость А. Чиколева к Обществу фабрикантов наложила определенный отпечаток на его выводы и обобщения. Тем любопытнее заглянуть в

один из уголков тогдашней лаборатории оффициального «изготовления рабочего вопроса». Приводим конец записки А. Чиколева (гл. III и гл. IV).

Вторая записка составлена начальником Балтийского завода, генерал-майором Ратником; она представляется более независимой и весьма ценной по содержащимся в ней данным [1]).

Подстрочные примечания принадлежат нам.

А. Л. Блек.

Извлечение из докладной записки «По рабочему вопросу» [2]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Общие выводы.

Изучение условий производства работ на различных заводах и сравнение таковых на Балтийском заводе, в связи с происходившими в течение летних месяцев (1901 года) на некоторых заводах беспорядками рабочих и пред'явленными последними многообразными требованиями, имело целью выяснить, насколько существующие на заводах порядки непригодны, и насколько требования рабочих основательны.

Вне всякого сомнения, что имевшие место беспорядки рабочих возбуждались извне на социалистической подкладке, совершенно непонятной общей массе рабочего люда; подвинуть эту инертную массу на какие-либо беспорядки можно было только указанием на некоторые частные непорядки и условия работ данного завода, вполне доступные пониманию рабочих, и изменение которых для рабочих этого завода особенно желательно [3]).

К подобным, совершенно частным для каждого завода требованиям уже пристегиваются руководителями беспорядков обязательно и общие требования, как, например, 8-мичасовой рабочий день, поголовная прибавка жалованья с установлением минимальной поденной платы, уничтожение сверхурочных работ и т. п. Некоторое сокращение числа рабочих часов на заграничных заводах теоретически и практически показало, что в известных пределах, при меньшем числе часов, рабочий работает интенсивнее, и продуктивность его работы не только не уменьшается, но даже немного увеличивается; завод же имеет при этом выгоду в побочных расходах производства. Остающийся излишний досуг рабочий может или утилизировать в свою пользу, работая на дому, или же отдохнуть, чтобы с более свежими силами приняться на другой день за свою обычную заводскую работу.

При наших же условиях быта рабочих в столице, когда рабочий помещается с семьей по большей части в темном и тесном углу, ему не представляется возможным ни отдохнуть, ни приткнуться как-нибудь для работы. Эти условия, под гнетом подавляющей нужды семьи, скорее заставят рабочего покинуть дом и итти в трактир— единственное место, где он может отвести душу [4]). На другой день он является на работу с туманной головой и с пониженной еще продуктивностью труда.

---

[1]) Архивное дело Балтийского завода за 1901 г. № 395—1.

[2]) Представлено 31 октября 1901 г. председателю правления Балтийского судостроительного и механического завода. Курсив в настоящей записке везде принадлежит нам.

[3]) Отметивши социалистическое происхождение беспорядков, автор делает это только по догадкам, так как в деле непосредственных доказательств этого не имеется, кроме общности некоторых выставленных рабочими требований.

[4]) Это напоминает ссылки наших фабрикантов на интересы рабочих и в других случаях, для оправдания вполне очевидных собственных выгод. Так, например, в своих возражениях против ограничения ночной работы малолетних, фабриканты между прочим тоже указывали на то, что «лишась заработков на фабриках, дети будут пребывать во вредной для их возраста праздности и разстроят свое здоровье, находясь, вместо светлого и здорового помещения фабрики, в душной атмосфере избы» (М. Туган-Барановский: «Русская Фабрика в ее прошлом и настоящем», т. I, ч. II, гл. II, стр. 388, изд. 3-е 1907 г.).

Сокращение числа рабочих часов, конечно, желательно, но оно должно итти с большею постепенностью, десятками лет, параллельно с воспитанием рабочей массы и предоставлением рабочим возможности правильно утилизировать излишние свободные часы для отдыха и частных своих потребностей, не в ущерб его заводской продуктивности.

Поголовная прибавка жалованья и установление минимальной поденной платы не имеет за собою никакого смысла [1]) и искусственно не могут быть установлены.

Размер поденной платы устанавливается, во-первых, общими условиями спроса и предложения, во-вторых—в каждом частном случае—искусством мастерового и продолжительностью его службы в одном заводе; никакой нормы установить нельзя и заявление в требованиях рабочих Балтийскаго завода минимальной поденной платы для чернорабочих и мастеровых в 1 рубль совершенно произвольно [2]). Нет никаких оснований платить на Балтийском заводе чернорабочим 1 руб., когда по соседству кругом и у ворот завода не будет отбоя от предлагающих работать по 60 коп.

Что же касается мастеровых, получающих менее 1 руб., то это те же чернорабочие, приученные к специальному делу и входящие вместе с мастеровыми в задельную условную работу, на которой и зарабатывают не менее 1 руб. в день. Средняя же плата мастеровым на всех заводах превышает 1 руб. и составляет, включая и Балтийский завод, около 1 р. 35 к.

Грозившая возникновением в настоящее время, с 1 ноября, во Франции грандиозная общая стачка углекопов, отложенная до февраля будущего 1902 года, является результатом социалистических же руководителей под кличкой: «Комитета национального союза углекопов» и французскому министерству были заявлены Комитетом следующие требования:

1) установление законодательным путем 8-мичасового рабочего дня;

2) установление минимальной заработной платы; и

3) производство пенсий в 2 франка в день рабочим, проработавшим 25 лет.

Министр-президент письмом к секретарю союза, отклоняя категорически возможность установления законодательным путем неизменного минимума заработной платы и указывая, что это должно быть устанавливаемо в каждом данном случае соглашением между сторонами, признавал необходимость изучения условий, при которых могли бы быть удовлетворены, в той или другой мере, остальные домогательства углекопов, оговариваясь, что нельзя выполнить это в какой-либо определенный срок, и почему он не желает давать обещаний, которые не могут быть исполнены.

Палата депутатов, в заседании своем 9 октября, высказываясь за неотложность предложений, отвергла, однако, требование о немедленном обсуждении [3]).

Главнейшей почвой, на которой возникли беспорядки на Балтийском заводе, следует считать отмену, в виду общего сокращения работ, всяких сверхшабашных работ, дававших рабочим значительный дополнительный заработок.

Привыкшие за это время жить на большие средства, с сокращением заработка за отменой сверхшабашных работ, рабочие, понятно, оказались в затруднительных денежных обстоятельствах. Между тем, в коллективном своем прошении, рабочие Балтийского завода заявляют, между прочим, о том, чтобы на заводе не производилось, за исключением лишь крайних случаев, сверхшабашных работ. Подобное заявление рабочих, кажущееся совершенно противоречащим их же интересам, об'ясняется тем, что заявление это социалистического характера и продиктовано руководителями беспорядков [4]), имеющих целью доставить заработок людям, не пристроившимся к заводам и ожидающим работы, а требование общего увеличения поденной платы имело целью вознаграждение рабочих за отмену сверхшабашных работ.

К разряду общих же требований рабочих относится и заявление их об отмене обысков при выходе рабочих из завода.

---

[1]) Это утверждение удачно опровергается соображениями, изложенными в п. 3 докладной записки К. Ратника, приводимой ниже сего.

[2]) Регулятором и нормою являлся бы прожиточный минимум, при определении которого требование поденной платы в размере не менее 1 руб. отнюдь не являлось «совершенно произвольным».

[3]) Приводимый автором эпизод из истории борьбы французского Союза углекопов за освобождение труда ничего не доказывает, ибо стоит особняком, и не указана его связь с дальнейшим развитием движения.

[4]) См. примечание выше.

Все заводы сами относятся к этой мере с большим предубеждением и охотно отказались бы, если бы к этому представилась возможность и были бы найдены другие способы к ограждению заводского имущества от расхищения. Нельзя не признать, с одной стороны, унизительным для самолюбия людей обшаривание их с головы до ног заводскими сторожами, имеющее применение на Балтийском заводе и к выходящим из ворот завода совместно с мастеровыми матросам, а, с другой стороны, меру эту не достигающей цели, так как обыск за массой людей производится формальный, поверхностный, и попасться может лишь самый неопытный вор.

Установление круговой поруки по мастерским при постоянно меняющемся их составе нельзя признать мерой справедливой.

Поэтому, может-быть, правильнее было бы хорошим содержанием привлекать на заводскую службу в сторожа особенно надежных и сметливых людей, проницательный взгляд которых при пропуске рабочих заставлял бы смущаться и трепетать воров и тем невольно выдавать себя [1]).

Два из запрошенных заводов не применяют у себя обыска, но выслеживают воров благодаря системе доносов или же сметливости сторожей, хотя сознаются, что найти подобных сторожей очень трудно, а если сторожа и оказываются ловкими, то ловкость свою направляют в свою пользу, являясь сообщниками воров, и под их покровительством воровство развивается в усиленной степени.

Многие частные заводы, состоящие под обязательным наблюдением фабричных инспекторов, жалуются, что инспектора, не устраняя недоразумений и дискредитируя значение заводоуправления, портят взаимные его отношения к мастеровым, а в некоторых случаях даже способствуют возникновению беспорядков, не всегда удачно принимая на себя обычную им роль заступников за рабочих [2]). Так, напр. рабочие одного завода летом этого года (1901 г.) обратились к начальству завода с требованием, чтобы не было на заводе работ в следующий день по случаю праздника (9 мая), не значещегося в росписании праздничных дней и обычно на заводе не праздновавшегося. Заводоуправление отказало рабочим в их просьбе, но, тем не менее, на другой день рабочие самовольно не вышли на работу, за что, согласно заводским правилам, и подлежали штрафу. Но фабричный инспектор не разрешил штрафовать рабочих в виду того, что не вышли на работу не некоторые рабочие, а все поголовно, т.-е. другими словами, вопреки закона и в поощрение своеволия оправдывал действия рабочих скопом [3]).

На другом заводе, бывшие весной беспорядки грозили возобновиться летом, рабочие волновались, слышались заявления самого крайнего характера, но вледствие принятых полицией энергичных приемов на других волновавшихся заводах и явно принятых предупредительных полицейских мер на указанном заводе рабочие притихли, и от всех их предыдущих уже не пред'являемых заявлений остались следующие скромные требования, на которые заводская администрация и согласилась безусловно, а именно:

1. Празднование дней—9 мая, память Св. Николая Чудотворца, и 1 октября — Покрова Пресвятой Богородицы и

2. предоставление рабочим после 3-го свистка 5-ти льготных минут для входа в завод без штрафа.

На заводе до этого существовал такой порядок, что рабочие оповещались утром 3-мя свистками с промежутком между ними в $^1/_2$ часа и после третьего свистка ворота тотчас запирались. Опаздывание многих рабочих происходило от того, что они, не имея при себе часов,

---

[1]) Выразительную отповедь системе обысков во всех ее видах дает К. Ратник в п. 4 своей записки. В частности, идиллический проект А. Чиколева, найти надежных сторожей, „взгляд которых заставлял бы смущаться и трепетать воров", напоминает анекдотическое вручение Николаем I шефу жандармов, вместо инструкции, носового платка „для утирания слез" униженным и оскорбленным и всю последующую практику их деятельности. Сам автор в своей записке приводит совершенно трезвое показание двух заводов, что подобные „ловкие сторожа ловкость, свою направляют в свою пользу".

[2]) Отголосок систематической борьбы капиталистов-фабрикантов против фабричной инспекции, подробно изложенной, напр., у М. Туган-Барановского, „Русская фабрика" (цитир. соч.) у С. Н. Прокоповича. „К рабочему вопросу в России". СПБ. 1905 г. и др. авторов.

[3]) Недостает точных указаний, без которых упреки и обвинения остаются голословными и сопровождавшие обстоятельства не поддаются никакой проверке.

плохо рассчитывали время прихода, так как промежуток между 2-м и 3-м свистками в $^1/_2$ часа значителен. С введением льготных 5 минут опаздывание рабочих, за весьма редкими исключениями, прекратилось, и незначительная льгота прекратила большие неудовольствия рабочих. На Балтийском заводе всегда существовал 10-тиминутный льготный срок для пропуска рабочих после 3-го свистка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Заключение.

Хотя беспорядков на заводе в настоящее время (конец октября 1901 г.) и не происходит, что зависит и от времени года, но ручаться, что они не возникнут вновь весною или летом, было бы опрометчиво. Наоборот, раз руководителям волнений удалось под разными заманчивыми предлогами расшевелить инертную массу рабочих, то в последующие разы сделать это будет еще легче, тем более, если общий промышленный кризис, лишающий рабочих заработка, будет продолжаться [1]), а в частности если различные заводы сами некоторыми благовременными предупредительными мерами не отнимут почвы для возникновения волнений, так как первые возбудители их не общие более или менее утопические социальные требования, а частные, сознаваемые самими рабочими данного завода [2]).

Во всяком случае, одной из общих мер к предупреждению беспорядков на заводах и ссылок рабочих на существующие распорядки на других заводах можно было бы предложить: взаимным согласием однородных по характеру производства заводов установить однообразные главные порядки заводов, как, напр.: распределение рабочего дня в обыкновенные и предпраздничные дни, расписание праздничных дней, о прогулах, штрафах и пособиях на случай болезни и т. д.

Оставляя без обсуждения условия общего промышленного кризиса, следовало бы принять теперь же следующие меры в предупреждение возникновения беспорядков на Балтийском заводе [3]):

1. Приступить к сокращению рабочего дня до $9^1/_2$ часов, начиная работу с 7 часов утра, как в обыкновенные, так и в субботние дни.
2. Установить празднование чтимых рабочими дней—9 мая и 1 ноября.
3. Пересмотреть цены на задельные работы с целью некоторого их повышения.
4. Уничтожить обыски, ограничиваясь осмотром выходящих с завода рабочих, останавливая для обыска лишь подозрительных.

В заключение считаю долгом указать, что заводы с интересом отнеслись к принятой морским министерством задаче и, делясь охотно своими сведениями, просили познакомить их с результатами предпринятых исследований по рабочему вопросу.

Докладная записка начальника Балтийского завода К. Ратника [4]).

По содержанию докладной записки А. Н. Чиколева по рабочему вопросу, не касаясь фактических справок и обобщений их, могу высказать мнение только по следующим выводам и заключениям этой записки:

---

[1]) Опасение не оправдалось вплоть до событий 1905 г.

[2]) В данном случае чутье подсказало автору как правильную оценку факторов назревшей борьбы, так и применямых в ней методов.

[3]) Приводимый автором перечень проектируемых мероприятий встретил достойные возражения со стороны г.-м. Ратника (в следующей записке), стоящего в общем на однородной идеологической почве, но выгодно отличающегося глубиною понимания и самостоятельностью суждения.

[4]) Представлена в правление Балтийского завода 12 декабря 1901 г. за № 103. (Архив завода, д. № 395 за 1901 г.).

По вопросу о сокращении рабочего времени меня интересовало влияние его на производительность завода, почему мною собраны с натуры некоторые справки:

А) Об относительном количестве у нас людей, работающих на станках и других механических приспособлениях, как, напр.: механические краны, паровые молота и т. п., так как на них производительность ближе всего подходит к прямой пропорциональности к рабочему времени. С этою целью 8 и 9 ноября сего года была, по моему приказанию, обоими контролерами работ, А. Е. Дьяковым и С. А. Федоровым, произведена опись с натуры. В среднем выводе оказалось:

количество работавших в эти дни станков к общему числу бывших в эти же дни на заводе мастеровых в среднем 14,09%

По отделам завода эти соотношения выражаются крайне отдаленными друг от друга цифрами:

на механическом отделе	28,80%
» корабельном »	3,85%

Этими цифрами определяется степень оборудованности завода и его отделов по отношению к умеренному ныне комплекту работников, отражающаяся на единичной стоимости и прибыльности производства отделов.

Но так как на некоторых механических орудиях производства работает не по одному, а по несколько человек, то влияние оборудования на относительную продуктивность людей выражается не этими цифрами, а отношением числа людей, пользующихся механическими орудиями производства, к общему числу наличных работников. Данные сделанной переписи за 8 и 9 ноября с. г. дают для этого отношения следующие цифры:

на механическом отделе	33,93%
» корабельном »	10,52%
средняя для всего завода	22,22%

Из сравнения этих цифр с предшествовавшими, следует, что на корабельном отделе, несмотря на меньшее оборудование, к механическим орудиям пристраивается относительно большее число людей, чем на механическом отделе, главным образом, вследствие отсутствия автоматических приспособлений для перемещения предметов во время работы, отчего работа этих орудий более зависит от усердия и неутомимости людей, чем на механическом отделе.

Во всяком случае, не считая кронштадтских и судовых работ, исполняемых с ничтожными по числу и величине механическими орудиями обработки, преимущественно в-ручную, на всем заводе только $^1/_5$ часть работает на станках и прочих орудиях, работа же остальной массы зависит исключительно от ее личной энергии, на которую продолжительность рабочего времени выше известной нормы оказывает ослабляющее влияние.

Теперь вопрос, какова норма рабочего времени для неистощающейся энергии при ручной работе.

Б) Лучшим мерилом может служит задельная работа, при которой человек наиболее заинтересован в развитии своей производительности при сбережении в то же время своих сил, если эта работа не кратковременная, а длительная. Для определения влияния продолжительного рабочего времени на производительность по задельным работам, было произведено сравнение выработки в обыкновенные рабочие дни с 10-тичасовым трудом 12, 13, 15, 16 и 19 ноября с. г. с таковыми же в укороченные рабочие дни с $7^1/_2$ часовым трудом (до 2 часов дня на один шабаш) 14, 17 и 20 ноября с. г. при том же составе мастеровых и на тех же работах по разным цехам.

Это сравнение данных переписи показало, что при продолжительности укороченнаго рабочего дня 75% от обыкновенного производительность его на задельных работах составляла от таковой же в обыкновенные дни:

на механическом отделе	83,88%
» корабельном »	86,21%
средний по заводу	85%

т. е. выработка в укороченные дни была не пропорциональна продолжительности рабочего времени по часам, а, наоборот, часовая производительность в укороченные дни превосходила таковую в обыкновенные дни:

на механическом отделе	11,73%
» корабельном »	14,94%
средний по заводу	13 1/3%.

Несмотря на относительное обилие механических орудий на механическом отделе, часовая выработка на нем также выросла, хотя и в меньшем размере, чем на корабельном, где более преобладает ручная работа, исключительно распространенная в таких цехах, как клепально-чеканный и малярный.

Между тем, работа в укороченные дни, несмотря на отсутствие потери времени на приготовление к обеденному выходу и приступ к работе после обеда, находится в невыгодных условиях по сравнению с обыкновенным днем вследствие своей непрерывности, которая практически нарушается произвольными и разновременными перерывами работы на отдых и питье чая с принесенною в завод пищею, составляющими потерю около часа времени, когда на приготовление к обеденному выходу и приступление к работе после обеда при задельных работах теряется около 20 минут.

На основании продолжительности этих перерывов, не учитывая потерю на приступ к работе в начале дня и приготовление к выходу под конец его, одинаковую как для обыкновенного, так и для укороченного рабочего дня, можем принять число действительно рабочих часов в заводском деле, начиная с шабашного свистка:

в обыкновенные дни	9 1/3 часа,
в укороченные »	6 1/3 »

т. е. продолжительность работы в укороченные дни составляет по сравнению с обыкновенным не 75%, а 67,86%, почему, на основании предшествовавших данных, часовая производительность в укороченные дни превосходит таковую в обыкновенные:

на механическом отделе	23,60%,
» корабельном »	27,04%,
в среднем по заводу	25,32%,

часовая работа в укороченные дни производительнее, чем в обыкновенные [1]).

Так как укороченных дней в году относительно немного, то абсолютная выработка по задельным работам за эти дни не повышает штучной цены, и последняя входит в общий расчет оценки работ. Если же все рабочие дни сделать укороченными до 2-х часов на один шабаш, то невыработка мастеровыми платы за весь день непременно поведет к повышению штучной цены, как это бывает при сплошных сверхшабашных работах, так как мастеровой интересуется абсолютной величиной заработка и, главным образом, тем % его, который превышает его поденную, а не часовую плату. По предшествовавшему выводу средняя производительность всего укороченного рабочаго дня на заводе по задельным работам составляет 35% от обыкновенного, поэтому для сравнения общего заработка людей с нынешним, если перейти к нормальному рабочему времени по укороченному дню, пришлось бы штучную расценку увеличить на

$$\frac{15 \times 100}{85} = 17{,}65\%,$$

чтобы % заработка сверх поденной платы остался прежним, несмотря на большую энергию работ почти на 25%, т. е. укороченный день повел бы к удорожанию производства.

Хотя часовая производительность работ по цеху также несколько растет по сравнению с обыкновенными днями вследствие меньшего изнурения работников, но она трудно поддается учету

[1]) Курсив в настоящей записке принадлежит нам. А. Б.

в виду отсутствия текущих записей по количеству дневной выработки и вследствие влияни на нее усиленного надзора, в каждой партии далеко не одинакового. Во всяком случае она н когда не может дойти до 25%, так как у работающего по цеху нет такого же п буждения к увеличению производительности, как у работающего з дельно, почему приращение средней часовой производительности поденной работы в уко ченные дни можно намечать только гадательно. Чтобы несколько обосновать цифру % эт прироста энергии на работах по цеху в укороченные дни, ссылаюсь на 29% среднего заработ по задельным работам на заводе сверх поденной платы (см. 6 стр. докладной записки А. Чиколева) и принимаю, что сравнительная энергия работ задельной и цеховой, в виду средн вывода этого % для всего завода при выгодных и невыгодных ценах и при разнообразн поденных платах участников работы, прямо пропорциональна задельному % их. Так как ра мною было выведено, что часовая производительность в укороченные дни при задельных работ была для всего завода на 25,32% более чем в обыкновенные дни, то для работ по цеху эта средн цеховая производительность за те же укороченные дни, на основании сделанного перед эт допущения прямой зависимости между задельным % и продуктивностью задельной работы в л личественном отношении, будет

$$\text{на } \frac{25{,}32\%}{1{,}29} = 19{,}63\%$$

более часовой производительности работ по цеху в обыкновенные дни.

Приводя продуктивность как задельной, так и цеховой работ в укороченные дни к чи часов нормальной работы в обыкновенные дни, на основании указанных в докладной запи А. Н. Чиколева (стр. 6) 56% задельных мастеровых на заводе к общему их числу, получ что она равна

$$\frac{6^1/_2 \text{ час.}}{9^1/_2 \text{ час.}}\left[0{,}56\times 1{,}2532 + 0{,}44\times 1{,}1963\right] = \frac{7{,}78 \text{ час.}}{9{,}33 \text{ час.}} = 83{,}39\%$$

продуктивности обыкновенного рабочего дня, хотя почти на половину (44%) оплачивается о наково с ним, именно по цеховым работам.

Следовательно, принятие нынешнего укороченного дня за нормальный невыгодно для зав без соответственного понижения платы мастеровым и рабочим. Но это еще не значит, что вся сокращение рабочего времени по сравнению с нынешним в обыкновенные дни вообще невыгод Если принять приращение часовой производительности как по задельным, так и по цехов работам постоянным даже при несколько меньшем сокращении рабочего времени по сравнен с обыкновенным рабочим днем, то наименьшее рабочее время, одинаковое по производительно с нынешним, мы получим непосредственно из предшествовавшего уравнения, приняв иско укороченное рабочее время за неизвестное, и оно будет равно

$$\frac{9^1/_2 \text{ часа}}{0{,}56\times 1{,}2532 + 0{,}44\times 1{,}1963} = 7{,}6 \text{ часа}$$

действительного рабочего времени. Если же это время перевести к укороченному дню на о шабаш, как ныне по субботам и перед большими праздниками, то рабочий день должен б равен:

$$7{,}6 \text{ час.} + (7{,}5 - 6{,}3) = 8{,}8 \text{ часа.}$$

Но после опроса многих мастеровых через годовых депутатов по совершенно другому просу оказалось, что мастеровые не любят работы на один шабаш с большими антрактами виду того, что завтраканье и перерыв работы с пребыванием на заводе не дает им такого восстановления сил и энергии, как обеденный перерыв в $1^1/_2$ часа со свободным выходом завода. Поэтому нормальный рабочий день при обеденном перерыве, согласно предшествовавше подсчету, должен быть равен

$$7{,}6 + (10{,}0 - 9{,}3) = 8{,}3 \text{ часа.}$$

Этот результат, близкий к нормальному рабочему дню социалист был получен непосредственно из перечисленных опытных данных практики Балтийского завода совершенно неожиданно, без всякой пр

взятой мысли оправдать социалистов [1]). Для округления цифры возьмем результат в $8^1/_2$ часов для нормального рабочего дня, безубыточного для завода и мастеровых, вместо произвольных $9^1/_2$ часов в заключении ст. I докладной записки А. Н. Чиколева.

Теперь остается решить, как распределить эти часы для начала и конца работ.

Для всякого человека, существующего личным трудом на стороне, в том числе для мастерового, важным вопросом при условиях рассеянной городской жизни с дальними расстояниями от места работ является их начало. Для того, чтобы являться даже из Гавани на завод к $6^1/_2$ часам утра, необходимо человеку встать не позже $5^1/_2$ часов утра, при этом он не успеет напиться чаю или позавтракать, так как в такое раннее время вставая, он не найдет даже готового кипятку, тем более если он холостой и живет на чужой квартире с очень ограниченными услугами, а питье чая с едой требует достаточно времени, почему даже ближайшие жители из мастеровых являются на завод натощак, покупая по пути и у завода хлеб для чая и завтракая на заводе в рабочее время, как в обыкновенные, так и в укороченные дни. Значительная же часть мастеровых, около $^2/_3$, живущая по линиям Васильевского Острова или на той стороне в Коломенской, Нарвской, Рождественской и даже Александро-Невской или Выборгской частях, принуждены вставать значительно ранее 5 часов утра, чтобы во-время добраться до завода к началу работ.

Однако, даже для ближайших жителей раннее вставание вносит расстройство в семейный режим мастеровых и рабочих. По переписи, сделанной мною 3-го декабря с. г. среди наличного на работе числа поденных мастеровых на заводе и командированных в Кронштадт, на все их число в тот день 3917 человек, оказалось:

холостых и вдовцов без детей = 39,07%

имеющих семьи { на родине . . 17,45%
при себе . . 43,48%

т. е. 61% оказались женатыми и с детьми. Из холостых и женатых, но живущих без семей, т. е. из $56^1/_2$%, незначительное меньшинство живет артелями, а все остальные живут по углам и комнатам в семейных квартирах, а большинство холостых—молодежь, живущая с родителями или у родственников, почему число живущих в семьях значительно больше указанных в переписи — $43^1/_2$%.

При той тесноте, иногда изумительной, при которой приходится жить рабочему люду, и при отсутствии прислуги, всякий жилец, вставший очень рано, причиняет беспокойство всем остальным не только шумом, неизбежным при одевании, мытье и т. п., но и необходимостью поднять кого-нибудь из жильцов запереть за собою дверь квартиры, если он даже не пьет дома чаю, а если пьет, то сбегать в трактир за кипятком и купить в лавке хлеба. Такая возня нарушает утренний сон и заставляет всех, кроме детей, подниматься раньше нужного им времени. Отдельное питье чая на стороне для семейного или живущего в семье доставляет лишний расход при его и без того скудном жалованьи. Условия же городской общительной жизни приучают даже рабочий люд ложиться спать не ранее 10 часов вечера, и легший ранее все равно не имел бы покоя от разговора и шума остальных бодрствующих. При таких условиях вставший даже в $5^1/_2$ часов утра не выспался бы до полного минимума 8 часов, необходимого для трудящегося человека вообще, а для рабочего даже недостаточного. Поэтому все мастеровые завода при начале работ в $6^1/_2$ часов утра, за редкими исключениями, не досыпают, являются на работу вялыми, а при продолжительной службе или изнуряются, или умышленно берегут свои силы, т. е. уклоняются от работ и нередко прячутся на заводе досыпать, хотя бы сидя, особенно с похмелья, или работают в каком-то полусне.

Вероятно, на этом основании, на некоторых ближайших к нам заводах: Гвоздильном, Франко-Русском и др., за исключением имеющих артельных рабочих, живущих в казармах под известным режимом в них, работы начинаются только в 7 часов утра [2]).

---

[1]) Поучительно сравнить этот об'ективный, чисто-технический подход к вопросу о нормальном 8-мичасовом рабочем дне с возражениями против сокращения рабочего времени русских фабрикантов в их борьбе против фабричного законодательства. См., напр., М. Туган-Барановского: «Русская фабрика в ее прошлом и настоящем», т. I, ч. I, гл. II, стр. 385—430 (изд. 3-е, 1907 г.).

[2]) Это не совсем верно: в действительности на Проволочном и Гвоздильном заводе работы начинались в 6 ч. Из обследованных А. Н. Чиколевым 10 заводов только на 4 заводах работы начинались в 7 часов; из остальных: на 1—в $6^3/_4$ ч., на 2 — в $6^1/_2$ ч. и на 3 — в 6 ч. утра, как и на Балтийском.

В виду же сбережения сил мастеровых, особенно живущих с семьями в значительном отдалении от завода по разным экономическим и семейным соображениям (обучение детей, заработок женщин, совместное житье с родственниками и т. п.), так как такое сбережение сил отразится на количестве и качестве работы для завода, я нахожу и этот 7-мичасовой срок для начала работ ранним и при общем сокращении рабочего времени предлагаю его в $7^1/_2$ часов, а лучше даже в 8 часов утра. При этом сроке не будет такой розни во вставанье семьи, даже включая сюда и детей, мастеровой может пользоваться утренним чаем и едой вместе с семьей, что для него выгоднее, может помочь семье утром уборкой и другими домашними работами, особенно при болезни женщин и старших детей, а на завод явится более бодрым, поевшим, выспавшимся и хорошо настроенным.

Таким образом при $8^1/_2$-часовом рабочем дне распределение работ получится такое:

или с $7^1/_2$ ч. у. до 12 ч. дня и с $1^1/_2$ ч. до $5^1/_2$ час. вечера,
или с 8 ч. у. до 12 ч. дня и с $1^1/_2$ ч. до 6 часов вечера.

Удлинение на $^1/_2$ часа даже на 1 час вечернего срока работ не так чувствительно для завода и рабочего человека, как сокращение на столько же утреннего.

2) По 2-му пункту заключения докладной записки о включении чтимых праздников, заявляю, что вешний Никола 9-го мая состоит в числе праздников на заводе, а празднование Покрова Пресвятой Богородицы 1-го октября вместе с 3-м днем Рождества Христова с будущего 1902 года введено в расписание по расплатным книжкам и цехам. Во всяком случае празднование тех или других дней на Балтийском заводе не имеет острого характера, так как неявка на работу, кроме исключительных случаев упорства и частого его повторения, не сопровождается штрафованием мастеровых, как на других заводах, а потому нежелающий работать ничего не теряет, кроме отсутствия за этот день платы, как и при установленном празднике. За то введение новых праздников желающих работать иноверцев (преимущественно финляндцев) или некоторых православных лишает доступного для них заработка за эти дни, если бы завод продолжал работы [1]). С другой стороны, для месячно-служащих, среди которых большинство те же мастеровые: кочегары, установщики, машинисты, рассыльные, сортировщики, цеховые писаря, подмастера и т. п. включение праздников выгодно, так как 1) неявка во время их не сопровождается соответственным дневным вычетом из месячного жалованья, 2) явка же по вызову считается сверхшабашной работой и сопровождается дополнительной полуторной платой, кроме охраны и дворников, состоящих на беспрерывной службе завода. Поэтому этот пункт рабочего вопроса по отношению Балтийского завода сам собою отпадает и скорее в интересах большинства может принять обратную форму в смысле уменьшения обязательных праздников без штрафа для неявившихся.

3) С 3-м пунктом заключения докладной записки я совершенно не согласен. Низкий 29% заработок по задельным работам на заводе об'ясняется обыкновенно или низкой расценкой, или преобладающим участием в них мастеровых с высокою поденною платою. Для выяснения последнего предположения могу сказать, что по последним законченным задельным работам в мае 1901 г., т. е. до бывшего бунта мастеровых на заводе, из числа 4377 человек мастеровых, состоявших по списку, следовательно, со включением сюда всякого рода нетчиков: отпускных, больных, неявившихся самовольно, работало задельно 2850 человек, т. е. 65%. Если же исключить нетчиков и кронштадтских, работающих преимущественно по цеху при установочных судовых работах, то % задельных превзойдет 80%. Из числа же работающих задельно в мае 1901 г. 2850 человек, получавших плату до 1 р. 30 к., следовательно, получавших ниже средней платы или малоплатных, было 1977 человек или почти 70%, а за вычетом нетчиков и кронштадтских и того более. Следовательно, предположение о преобладающем участии в задельных работах высокоплатных противоречит действительности.

---

[1]) Характерно, что вопрос о праздновании пролетарского праздника 1-го мая и здесь, как и в записке А. Н. Чиколева, обойден молчанием, хотя после грандиозного побоища в том же году по поводу этого празднования на Обуховском заводе вопрос о 1 мая стал в Петербурге открыто на очередь (см. ст. В. Колпенского: «Первое мая» в России. «Архив истории труда в России». Книга I, ч. 1, стр 82).

Касательно же нормы оценки задельных работ я должен сказать следующее. Всякая задельная работа может быть оправдана только в том случае, если штучная цена изделия обойдется не дороже, а дешевле исполнения ее по цеху, при условии не худшего качества, сравнительно с цеховым производством, и при достаточном надзоре за производительностью последнего. При ослаблении этих условий задельный % может быстро подняться, особенно при ослаблении надзора за количеством цехового производства, с которым задельные работы конкурируют. Поэтому, осуждаемый общий низкий задельный % служит, напротив, рекомендацией заводу вследствие взыскательной приемки задельных работ и продуктивного производства цеховых от усиленного надзора за ними. На этом основании никакого повышения оценки задельных работ независимо от того, на сколько она может увеличиться от общего повышения платы мастеровым, делать не требуется [1]).

При поездках в 1889 и 1894 г.г. на заграничные механические заводы мне от директоров приходилось слышать, что они предпочитают вести работы по цеху, а не задельно, чтобы гарантировать себя от переплат и, главным образом, от порчи работы с умелой со стороны рабочих ее маскировкою. С другой стороны, рабочие союзы в Англии усиленно пропагандировали отмену задельных работ, изнуряющих рабочих в погоне за наживой, и принимали в члены союза только тех, кто отрекался от задельных работ [2]).

Напротив, отвергнутый запискою А. Н. Чиколева вопрос об общем увеличении платы мастеровых и об улучшении их быта во время службы на заводе заслуживает самого серьезного внимания.

При личных моих об'яснениях во время бывшего 3 дня бунта с различными группами мастеровых слышалась общая жалоба, что большинство их едва может существовать на получаемый заработок, все они перезакладывали свое имущество, которое нередко пропадает за пустяки, так как они не в состоянии его выкупить и в настоящее время дошли до крайности после уменьшения сверхшабашных работ, при которой, даже в случае преследования за бунт, им хуже не может быть, а потому настоятельно требуют прибавки жалованья, чтобы выйти из нетерпимого более их бедственного положения. Этот вопрос для мастеровых самый жгучий и гораздо важнее сокращения рабочего времени по непосредственному его влиянию на текущую жизнь человека, связанного семьей или общественными обязательствами.

И, действительно, нужно войти в материальное положение мастеровых и рабочих завода. Большинство из них составляет элемент кочующий, преимущественно имеющий семьи на родине. Из 6783 человек, бывших на заводе к 1-му июня 1900 г., за год до бунта рассчиталось за год 4189 человек, т. е. почти 70%: менее всего в модельном 12½% и месячно-служащих 27⅓ %, несколько более в механических цехах (40%—50%), значительно более—в литейных, медницкой и кузнечных (89%—100%) и всего более в такелажном цехе 175½%, остальные цеха находятся между механическими и литейными. В составе рассчитывающихся преобладают малоплатные мастеровые и рабочие, имеющие семьи на родине. Процент рассчитывающихся служит показателем степени специализации уходящих к цеховому делу.

Из числа 6783 человек за год до бунта осталось служить на заводе, проживших на нем год и более, 3599 человек или 53,05%, остальные ушли, равно как и многие поступавшие в течение года также не оставались служить на нем до 1-го июня 1901 г., отчего и получился такой большой 70% всех рассчитавшихся от первоначального числа мастеровых к 1-му июня

---

[1]) Вся вышеизложенная аргументация построена преимущественно на капиталистических производственных предпосылках, без надлежащего учета интересов рабочих. В частности, приводимая средняя цифра 65% и даже 8 % мастеровых, работающих на заводе задельно, не совпадает с нашими данными, согласно которым эта цифра не превышала 56%.

[2]) Ссылка на рабочие союзы в Англии получает здесь, в применении к русскому фабрично-заводскому быту, очевидно одностороннее освещение: речь о «погоне за наживою» может итти лишь постольку, поскольку нормальное рабочее время обеспечивает, по крайней мере, прожиточный минимум. Поэтому борьба против задельных работ должна сопровождаться одновременным нормированием рабочего времени и повышением цеховой заработной платы.

1900 г., не считая отлучавшихся домой в отпуск на 1 — 3 месяца. Из числа оставшихся после службы год и более было:

детных	38,78%	59,88%
женатых без детей	21,10%	
холостых	40,48%	

между тем как число семейных по нынешней переписи равняется 43,48% + 17,45% = 60,93%, т. е. число семейных среди оставшихся уменьшилось на 1%, именно из имеющихся семьи на родине. В свою очередь, к числу женатых бездетных принадлежат не столько молодожены, процент которых не велик, сколько имевшие, но потерявшие детей от большой их смертности, особенно до 1½ года, начиная от новорожденных, от неблагоприятных условий городской обстановки жизни мастеровых, почему, в виду этой смертности, многие из них или отправляют жен родить в деревню, где оставляют их для вскормления новорожденных до 2—3 лет, когда ребенок окрепнет и требует меньше ухода за собой, или, рожденных в городе после ½ года и даже ранее отсылают в деревню к ближайшим родственницам для вскормления там коровьим молоком и развития их на большем просторе деревенской обстановки.

Преобладающее большинство личного состава завода были и есть крестьяне [1]) ближайших к Петербургу и вообще великорусских губерний—оскудевшего центра России, а именно из числа оставшихся на заводе годовой и более службы 3599 человек:

крестьян	80,62%,
мещан и ремесленников	16,75%,
разночинцев и дворян	2,63%.

Отсюда видно, что, несмотря на свою связь с общиной и даже с землей, крестьянский элемент сравнительно стойко держится на заводе, если, составляя более ⅘ заводского личного состава, с месячно-служащими, имеет охоту и возможность держаться на службе завода более года.

По переписи, произведенной 3—5 декабря с. г. как на заводе, так и в Кронштадте, среди мастеровых и рабочих из наличного состава их на работе в эти дни 3917 человек оказалось:

имеющих надел	46,10%.
не имеющих надела.	53,90%.

Так как наделы имеют только крестьяне, то среди них, за вычетом служащих других сословий, должно не иметь надела сверх усадебной земли:

80,62% — 46,10% = 34,52% от всего наличного состава или

$$\frac{34,52}{80,62} \times 100 = 42,82\%$$

от всего количества крестьян, служащих на заводе, т. е. немного менее половины их числа. Из числа неимеющих надела многие не имеют никакой усадьбы—бобыли, и связь их с деревней чисто-формальная; это будущие кандидаты в мещане и ремесленники, т. е. в постоянные горожане. За ничтожностью, если не за полным иногда отсутствием заработков в провинции вообще, а в деревне в особенности, не имеющие надела изгоняются из деревни родней не только для того, чтобы не иметь излишнего едока, но и для помощи остающимся в деревне членам поддержать ничтожное усадебное хозяйство даже для ее прокормления. Поэтому не только холостые из этой группы, но даже юная молодежь является пособниками своих семей в деревне не то, что городская молодежь. Между тем, вследствие меньшего навыка с малолетства к заводским работам, эта група не в состоянии конкурировать с последней в заработке и в выборе более выгодных производств и более оплачиваемых специальностей, и в состоянии сводить концы с концами путем больших лишений, возрастающих с обзаведением собственной семьей, в то время как заработок ее на роли подручных мало прогрессирует. Эта группа мастеровых и рабочих, отставшая от деревни и к городу окончательно не приставшая, в особенности заслуживает

---

[1]) Приводимые ниже данные не лишены интереса при изучении вопроса о связи с землею у различных групп рабочих. Ср. с данными, приводимыми, напр., у М. Туган-Барановского: «Русская фабрика», гл. III, ст. 441 и след.

внимания для увеличения ее текущих заработков, поддерживающих отчасти, хотя первое время, деревню и для облегчения приобретения земли, к обработке которой она чувствует наследственную склонность.

В значительно лучшем положении находятся мастеровые из крестьян, имеющих наделы, хотя на завод их гочит и держит здесь также нужда. Незначительность этих наделов, ничтожная производительность при множестве денежных повинностей и многочисленности едоков, вынуждает их искать в городе лучших заработков, из которых им можно было бы не только уплачивать повинности по своему наделу, но нанимать еще в деревне более дешевого работника или работницу, прикупать скот и хлеб, обстраивать усадьбу и даже прикупать или снимать в аренду дополнительный кусок земли. Эта группа живет добровольно, прижимисто, копит деньги, семью часто держит в деревне на земле, куда наезжает для построек и личного участия в страдных сельских работах, сравнительно лучше устраивается на заводе, приучаясь на нем с малолетства, и, получая протекцию от односельчан, может переживать безработицу в деревне и выбирать лучшие заработки не в одном, так в другом месте и, вкладывая часть заработков в свой надел и особенно в усадьбу, служит серьезной поддержкой крестьянскому хозяйству, с которым никогда не теряет связи. Несмотря на кажущуюся бедность,—элемент земельных мастеровых наиболее зажиточный, имея обеспечение в своем недвижимом имуществе и даже кое-какой доход с него. Женится он большею частью в деревне и если в городе, то на деревенских, чтобы иметь хозяйку, привычную к сельским работам, детей воспитывает на половину в деревне, если не выделен, и целиком, если выделен, обучает же нередко в городе при себе, особенно мальчиков, так как в городе школы доступнее и лучше. Парней своих, не отваживая от деревни, приучает к ремеслу или заводскому делу под своим или родственным присмотром, держит их строго, но помогает выбраться на хороший заработок и женит в деревне, приготовляя из них таких приверженцев и старателей своей родной земли, как и сами. Это элемент на заводе наиболее консервативный и самостоятельный.

Самый же беспокойный и распущенный состав мастеровых на заводе из мещан и ремесленников, а затем из детей безземельных крестьян, выросших в городе; большею частью грамотный и по своему начитанный, он к тому же наиболее развитой и юркий, нередко даровитый, занимает должности лучше оплачиваемые и требующие наименьшего физического труда и хотя живет изо дня в день, но по своему материальному положению занимает средину между мастеровыми из безземельных и надельных крестьян. Он всегда мастеровой, а не рабочий, имеет хороший заработок, которого ему редко достаточно по широко-развитым городским потребностям; детям старается дать лучшее по своим средствам образование, определить их в чертежники и конторщики, составляющие интеллигенцию заводского люда, но зато ничем материально не может их обеспечить, почему с поднятием молодежи на ноги, она, как более развитая по сравнению со старшим поколением, быстро теряет с ними всякую нравственную и родственную связь и большею частью становится с ним в прямой разлад. Среди этой молодежи, пока она не натерпится какого-либо горя, развивается наиболее активный элемент рабочего движения, увлекающий других всякими мерами, хотя бы насильственными.

Материальное положение этой группы мастеровых наиболее шаткое, так как, несмотря на способности ее на все руки в городских профессиях, она презирает чисто-физический труд и потому в случае потери своего обычного места скорее будет сильно бедствовать или примется за предосудительные занятия, чем поступит куда-либо обыкновенным рабочим. Алкоголизм среди нее наиболее развит, и последствия его сказываются не только на виновниках в нем, но и на всем потомстве, почему среди нее нередки случаи паралича и умственного разстройства. Все-таки, хотя беспокойная, а во многих отношениях и порочная, эта группа мастеровых из мещан и ремесленников, наиболее способная, дающая из своей среды большую часть толковых указателей, подмастеров и даже мастеров, а потому заслуживает особого внимания к улучшению ее быта не только материального, но и нравственного, как лучшей технической опоры производства.

Последняя, малочисленная, группа мастеровых из разночинцев и дворян, самая жалкая по способностям. Состоит она исключительно из неудачников и выродившихся экземпляров, лишенных энергии и обычного здравого смысла, но одаренных большим самолюбием и претензиями, вечно недовольных окружающим и презирающих свое дело, за что в связи с непомерными претензиями и неискоренившимися худыми привычками среды, из которой они вышли, пользуются взаимным презрением остальной массы мастеровых и рабочих. Эта группа составляет самый бесполезный

и несимпатичный осадок среди мастеровых и более всего на месте только в одиночных писъ менных занятиях, если получила к тому подходящую образовательную подготовку.

Лучше всего картину относительного распределения всех 3 групп—служащих, мастеровы и рабочих по специальностям выразить таблицей % состава их в каждом цехе. В основу е положен тот личный состав завода в 3599 человек, прослуживший до бывшего бунта 1 год более, на основании которого ранее был сделан общий подсчет распределения этих групп п всему заводу.

ЦЕХА И СПЕЦИАЛЬНОСТИ.	Дворяне и разночинцы.	Мещане и ремесленники.	Крестьяне безземельные и с наделами.
1) Месячно-служащие (среди них 2¼% состоящих и состоявших на государственной службе). . .	15%	27%	55¾%
2) Механический	1¼%	24%	74¾%
3) Электротехнический и ремонтный	—	33%	67%
4) Водотрубный	—	22%	78%
5) Модельный	—	50%	5 %
6) Столярный	1¼%	31	67¾%
7) Литейная чугунная	—	18%	82%
8) » стальная	—	11%	89%
9) » медная	—	12%	88%
10) Кузница прессовая	—	2 %	80%
11) » корабельная. . . .	6%	20%	74%
12) Котельный	¾%	13%	86¼%
13) Судостроительный.	⅓%	5%	94⅔%
14) Медницкий	—	26%	74%
15) Плотницкий	—	2 %	98%
16) Малярный.	—	22%	78%
17) Такелажный	2%	9%	89%

Из этой таблицы видно, что дворяне и разночинцы составляют повсюду меньшинств даже среди месячно-служащих и занимают среди них сравнительно более интеллигентные должности инженеров, мастеров, чертежников и конторщиков. Что касается цехов, то там они не к двору, и находящиеся там принадлежат к разряду неудачников и жалких людей.

Не то можно сказать о мещанах и ремесленниках. Специальности, требующие менее фи зического труда и более умственного развития и ловкости, излюблены ими: модельная, электро техническая, столярная, чертежное и конторское дело, медницкая, механическая. В кузница и литейных они занимают передовые и лучше оплачиваемые места руководящих кузнецов формовщиков, также как в водотрубном, котельном и малярном цехах старших мастеровых за то в цехах, требующих приложения более физической силы и машинального навыка и менее всего, как например: в плотничном, судостроительном и такелажном.

Эти цеха усиленно наполняются крестьянами, особенно плотницкий цех, наиболе подходящий к крестьянам по их деревенской практике, равно как и кузнечные. Судостроитель ное дело, которое занимает по обилию крестьян 2-е место после плотницкого в ряду специ альностей завода, знакомо крестьянам по практике их отчасти по железнодорожным мостовы и строительным работам, исполняемым летом и преимущественно по пароходостроению на Волге исполняемом, главным образом зимой. В свою очередь многочисленные железнодорожные мастер ские приучили многих соседних крестьян к механическим работам (литейному, котельному столярному) и преимущественно к слесарному и отчасти металло-токарному, почему в меха нической, электротехнической, водотрубной и столярной мастерских завода сравнительно та много 2-й руки слесарей, токарей, столяров и медников из крестьян, преимущественно без земельных, так как продолжительное предварительное изучение этих ремесл до поступления н завод в железнодорожных мастерских по хозяйственному складу надельных крестьян мало и доступно, а устроившиеся там предпочитают держаться поближе к наделам. Во всех други цехах и в вышеперечисленных роли подручных, рабочих и менее оплачиваемые степени масте ровых занимаются исключительно крестьянами и притом большею чйстью безземельными вслед

ствие отвычки от деревни, неимеющими такой земляческой поддержки, как надельные крестьяне, между тем, как заводский порядок работ, приспособленный к узкой специализации, дает мало шансов для изучения на опыте деталей ремесла без доброжелательного руководства со стороны близких людей, каковыми являются у всех родственники и свояки, а у надельных крестьян сверх того, односельчане. На южнорусских заводах, осмотренных мною в марте 1900 г., являются большие затруднения в подборе мастеровых и рабочих, так как среди местного крестьянства безземельных мало, почти нет, в сельских рабочих руках большая нужда и оплата их хорошая, а надельные сравнительно зажиточны и на заводы для заработков ходить не нуждаются, почему весь контингент рабочих южных заводов пришлый из северо-западного края и губерний оскудевшего центра; напр., на доменных печах работают почти исключительно одни витебчане. Петербургские заводы также работают не местными крестьянами, имеющими другие более выгодные промысла, а пришлыми людьми из тех же обездоленных наделами районов, как и южные заводы.

Отсюда из всего вышеизложенного непосредственный вывод тот, что экономическое улучшение быта фабричного и заводского люда возможно не столько частными мероприятиями в его пользу, сколько общими мерами к под'ему крестьянского благосостояния, земледелия и промыслов в малонадельных, малоплодородных или изнуренных неурожаями и повинностями губерниях, чтобы уменьшить безземельный пролетариат, ищущий выхода для своего пропитания между прочим на фабриках и заводах [1]). Тогда, с уменьшением на них предложения со стороны крестьян, цены на мастеровых и рабочих сами собою поднимутся, а удорожание их поведет к расширению оборудования заводов лучшими станками и более совершенными процессами. Ныне же, при быстро возрастающем оскудении крестьянства почти повсюду в европейской России, а в средней ее полосе в особенности, от дробления наделов, от упадка земледелия, от недостатка промыслов и заработков на месте и от множества других причин, можно ожидать только дальнейшего понижения заработной платы на заводах и фабриках, чему содействует возрастающий наплыв к ним безработных людей из всех мест России по развитой железнодорожной сети с удешевленным тарифом для больших расстояний. С постройкою северных дорог на фабрики и заводы нахлынет вероятно еще новый контингент рабочих из голодных крестьян северных губерний, до сих пор державшихся поневоле за дальностью на месте, на скудных местных промыслах.

По поводу частных мероприятий к улучшению материального положения мастеровых рабочих и служащих завода могу сказать следующее.

В докладной записке А. Н. Чиколева сделаны выводы низшей, высшей и средней платы людям на поденном жалованьи на основании детальной ведомости числа людей каждого цеха на каждой плате через 5 копеек, начиная с 35-ти коп. до 3 рублей в день. В дополнение к этим выводам следует привести следующую таблицу плат в порядке наибольших % отношений числа людей, их получающих. До бывшего бунта на заводе из общего числа 4553 человек, состоявших по спискам в количестве свыше 1% мастеровых и рабочих получали поденную плату:

12,49	проц.	—	р.	70	коп.	2,89 проц.	— р. 85 коп.
7,07	„	—		75	„	2,79 „	— „ 65 „
6,69	„	1	„	—	„	2,74 „	1 „ 15 „
5,73	„	—		80	„	2,30 „	1 „ 45 „
5,64	„	1	„	20	„	2,06 „	— 95 „
5,38	„	—		90	„	1,69 „	1 „ 05 „
4,83	„	1	„	10	„	1,53 „	1 „ 80 „
4,72	„	1	„	50	„	1,29 „	— 50 „
4,63	„	1	„	30	„	1,25 „	1 „ 55 „
4,45	„	1	„	40	„	1,25 „	— 60 „
3,49	„	1	„	25	„	1,09 „	1 „ 70 „
3,07	„	1	„	35	„	1,03 „	2 „ 00 „
2,92	„	1	„	60	„		

[1]) Все дальнейшие общие соображения автора настоящей записки по политико-экономическим и социальному вопросам оставляются нами здесь вне обсуждения, так как жизнь далеко перешагнула через эту точку зрения именно по затрагиваемым им пунктам.

Из этой таблицы видно, что в порядке многочисленности и не все были одни малоплатные. Напр. 43,35 % состоявших на заводе получали плату от 1 рубля до 1 р. 50 к. в день, что считается сравнительно хорошим вознаграждением и перед этим числом людей—35,62 % рабочих, получавших плату от 70 к. до 95 к. включительно и 6,89% учеников с платою от 35 к. до 65 к. включительно [1]), даже вместе взятые (42,51%) не могли их превзойти многочисленностью. Остальные 14,14% получали плату свыше 1 р. 50 к. в день. После открытия завода, приостановленного на время беспорядков, согласно личного моего обещания мастеровым перед бунтом, было мною прибавлено жалование малоплатным до получавших 1 р. 25 к. включительно, прослужившим на заводе без прибавки более 2 лет, а затем последовала прибавка по личным прошениям мастеровых и по представлениям мастеров после надлежащих справок о просителях по обоим путям ходатайств. Поэтому, хотя плата от 70 к. до 1 руб. еще и осталась, особенно в применении к новопоступившим, но % малоплатных до 1 руб. нынче значительно уменьшился, а от 1 р. до 1 р. 30 к. значительно увеличился. За недостатком времени не могу представить текущей справки изменения этих %% отношений. Повальную же прибавку жалованья хотя бы одним малоплатным мастеровым я не считаю возможным сделать в виду развращающего влияния такового приема и несправедливости истощать операционные средства на подобную прибавку, когда вследствие промышленного кризиса много голодного народа порывается поступить на завод на самое скромное жалованье менее получаемого ими ранее, а между тем приходится стеснять себя приемом их по нынешней неуменьшенной оценке только не по достатку свободных средств на рабочую силу по годовой смете и преобладающего прилива рабочих перед мастеровыми. Наоборот, при нынешнем обилии безработных людей полезнее было бы их пристроить к делу хотя бы за счет общего понижения содержания на заводе всех без исключения. Отсюда ясно, что руководителями рабочего движения вопрос о всеобщей прибавке жалованья рабочим и мастеровым на заводе при массовой безработице вне его был поставлен не во «благовремении» и в разрез с окружающей нуждой безработных, почему и не имел будущности для выдержки забастовки, а мог дать толчек только к началу ее под увлечением массы соблазнительностью темы. Такая игра руководителей движения судьбой массы возбуждением в ней неисполнимых надежд возмутительная особенно по отношению к самой этой массе, умышленно обманутой ее ложными друзьями в личных целях [2]).

Кроме повышения содержания служащего есть другой путь к улучшению его материального положения,—это удешевление его неотложных расходов. Кое что и делается в этом направлении на заводе по мере сметной возможности,—это различные пособия на лечение и отпуски для всех безразлично, на родины, погребение, свадьбы, обучение детей—для семейных, не считая экстренных пособий по разным несчастным случаям. Но подобных пособий очевидно недостаточно для достаточного благополучия заводского люда; расходы по текущим потребностям его в продовольствии и квартирном помещении остаются необлегченными. Заводская столовая может доставлять хорошую пищу по качеству, дешевизне и количеству не более 1/6 части служащих и приносит облегчение только 15% их и притом только в отношении обеда, а не всего дневного продовольствия. Все потребительные общества, как мне лично пришлось убедиться среди обширной публики, представляют только самообман в дешевизне и не могут по соседству конкурировать с вольной торговлей и ее свободным выбором, и как неверующий в них, не рискую рекомендовать их без больших приплат от завода.

Квартирный же вопрос с отоплением жилья, самый острый для всех городских жителей, а для заводского люда, стремящегося селиться поближе к месту работы, в особенности, так как от этого стремления между нанимателями квартир является конкуренция и добровольное повышение ими цен в соседстве с заводом. Между тем, на квартиру с отоплением заводским

---

[1]) В частности здесь автором записки напрасно опущены данные о наиболее малоплатных мастеровых и учениках. Из подлинных материалов усматривается, что число таковых составляло: по 35 к.—1 чел., по 40 к.—19 чел. по 45 к.—25 чел., и по 55 к.—26 чел., итого вместе с получавшими 50 к. (9 чел.), общее число до 130 чел., т. е. 2,85% всего число мастеровых.

[2]) См. предшествующее примечание на стр. 83. Указания начальника завода на «возмутительную игру руководителей движения судьбой массы возбуждением в ней неисполнимых надежд» особого опровержения не заслуживают.

семейным людям приходится тратить нередко около половины своего заработка или тесниться в убийственных условиях, разрушающих людей и их семьи не только физически, но и нравственно. Можно гораздо более делать выбора в расходах на здоровую и достаточную пищу, чем в расходах на квартиру, и потому квартирный вопрос стоит гораздо острее и сам по себе важнее, чем продовольственный. Пособия от завода долгосрочными ссудами для приобретения мастеровыми и рабочими дров за круговой порукой—ничтожная капля в океане других потребностей в квартирном помещении. В некоторых случаях даже даровая квартира, напр., мне, моему помощнику и многим другим служащим, не помощь, а прямо систематическое наказание в гигиеническом и нравственном отношении [1]), а потому не всякое кажущееся сбережение на квартире—есть благополучие. Нужны квартиры по средствам и нуждам потребителя, не только безусловно здоровые, но еще удобные и пригодные для достаточного покоя трудящемуся человеку и его семье. Дешевые городские квартиры, за случайными исключениями, не только не приближаются к этим требованиям, но чем дешевле, тем более от них удаляются, становясь, в большинстве случаев нестерпимыми по доброй воле, а не по нужде. Следовательно требуемые образцовые квартиры для служащих и рабочих завода необходимо создать со всеми удобствами как для личной, так и для общественной жизни обитателей.

Этот вопрос меня давно занимал; 3 года назад был сделан подсчет стоимости дома на 3000 квартир, начиная от комнат для совместного жилья двух человек холостых, до квартир в 2—3 комнаты для семейных разного размера, с церковью, лазаретом, сборными для игр детей, беседы и совместной трапезы взрослых, с читальнями, залами для лекций и спектаклей, прачечными, сушильнями, садом и двором для игр и прогулок, со школой грамотности, с провизионными и одежными лавками на льготных условиях и т. п., и оказалось, что для постройки такого дома с местом и оборудованием понадобится около 1500 рублей в среднем на квартиру или около $4^1/_2$ миллионов на весь дом единовременных затрат. Я не рисковал заикаться о таких больших затратах, пока завод не выпутается из текущих денежных затруднений. При личном свидании в июне с. г. с кн. Святополк-Мирским, которому высочайше поручено было выяснить причины следовавших друг за другом рабочих беспорядков и изыскать меры к их устранению, я настойчиво указывал на дороговизну содержания рабочих на квартирах при угнетающих ум и тело условиях жилья в них, как на одну из главных причин действительно бедственного положения заводского и фабричного люда после изнурительного труда на фабрике, переходящего в изнурительную по нездоровью и нравственному расстройству скорее общую берлогу, чем в уютный покой для отдыха.

То же имею честь повторить и правлению, так как настоятельно нужно беречь и заботиться о тех людях, умом и силами которых держится производительность. Человек только тогда может всецело отдаваться порученному делу, когда он поставлен вне угнетающих забот о своем личном и своей семьи существовании. Без удачного решения квартирного вопроса и без обеспечения труженика на старость и в случае болезни достаточными пенсиями или доходами с накопленного для него недвижимого имущества, не может быть поглощения его нашими интересами, которого мы от него не только ожидаем, но и требуем. Все злобы нынешнего рабочего вопроса подтверждают пословицу: „как аукнется, так и откликнется“ [2]).

4) Предлагаемой пунктом 4 заключений докладной записки А. Н. Чиколева отмене обысков, вошедшей в программу требований во время бывших беспорядков на заводе, я вполне сочувствую, как средству недостигающему цели устранить воровство, несмотря на оскорбительность его для обыскиваемых; но считаю возмутительным отдавать судьбу людей и себя на благоусмотрение шпионов. По моему мнению, небольшой риск, если разрешит начальство, отменить его совсем без шпионства, но с созданием взаимного надзора и ответственности сослуживцев материально за исчезнувшие из их учреждения предметы или взыскание ущерба с виновника покражи, если он обнаружится.

---

[1]) Все в мире относительно: даровая квартира, предоставленная служащим, конечно не показалась бы рабочему «прямым систематическим наказанием в гигиеническом и нравственном отношении» при сравнении с тою «скорее общей берлогой, чем уютным покоем для отдыха», как далее характеризует рабочие квартиры сам автор настоящей заметки.

[2]) Что касается прозорливости автора записки относительно назревших «злоб нынешнего рабочего вопроса», то его прогноз подтвердился и оправдался даже скорее, чем он мог предполагать.

Из истории производств в С.-Петербурге за 18-й век и первую четверть 19-го века.

Две статистические таблицы.—Анализ их.—Кирпичное производство.—Частные и казенные заводы.—Характеристика действий последних.—Пивоваренное и сахарное производства.—Канатные фабрики и причины их неуспеха.—Кожевенные фабрики.—Восковой завод.—Чулочная фабрика Ягужинского.—Культивирование табачного производства Петром I и Екатериною II.—Специфическое производство трубок.—Ситцевые фабрики.—Полотняная фабрика начальника тайной канцелярии Ушакова.—Департамент уделов в роли фабриканта.—Суконные фабрики.—Чугуно-литейныя заведения.—Завод Берда.—Паноптика.—Бронзовая фабрика.—Литейный завод на Шлиссельбургском тракте.—Коллежский советник Ладыгин и его перекубы для духов.—Покровительство отечественному сургучу и итальянскому шоколаду.—Борьба с роскошью.—Производство предметов роскоши.—Заработная плата.—Труд малолетних.

Настоящая работа—насколько нам известно, первая попытка в этой области—не является чем-либо законченным, исчерпывающим, претендующим на какие-либо общие выводы и заключения, это только сводка сравнительно обширного, но одностороннего материала, собранного автором. Но все же эта работа до известной степени проливает свет на ту область, которая до настоящего времени все еще ждет своего историка; некоторые своеобразные, чисто-петербургские, специфические условия роста промышленности безусловно выясняются этой работою, ею вносятся новые черточки и детали, даются данные к составлению более правильного общего взгляда.

Главный материал—«извещения», как некогда назывались об'явления различных заводов и фабрик, помещавшиеся в «С.-Петербургских Ведомостях» за означенный промежуток времени: эти об'явления зарегистрированы если не вполне целиком, то во всяком случае свыше 90%, затем к ним присоединяется, правда, очень небольшое количество архивных данных, извлеченных из архива бывшего морского министерства (не нужно забывать, что в первые годы своего существования Петербург являлся портом, адмиралтейством, но не столицею, и зависел главным образом от морского начальства); далее следует полное собрание законов, описи сенатских указов и некоторые другие источники. В примечаниях точно указываются использованные источники.

Собранные мною данные сгруппированы в две таблицы. В первой (см. отдельный лист) они расположены хронологически по отраслям производства, во второй (см. стр. 89) эти отрасли производств сгруппированы территориально, в зависимости от тогдашнего разделения Петербурга на 8 частей: Первую Адмиралтейскую, оставшуюся такою же до последнего времени; Вторую Адмиралтейскую, соответствующую былой Казанской части; Третью Адмиралтейскую, соответствующую Спасской части: Литейную, составленную из Литейной и Рождественской; Московскую (соединяющую Александро-Невскую, Каретную, Московскую и Нарвскую) и Васильеостровскую, Петербургскую и Выборгскую части, оставшиеся без изменений.

В первой таблице нет итогов, так как помещенные в ней цифры не соответствуют числу тех или иных производств, а лишь числу зарегистрированных мною извещений о том или ином производстве. Этим об'ясняются пропуски и перерывы в таблице. Например, в графе «Пивоваренное производство» за время с 1789 г. по 1800 г. имеются данные, за годы 1801 и

1802 пропуск, далее опять следуют цифры.—Пропуски за 1801 и 1802 года, конечно, свидетельствуют только о том, что в эти года содержатели пивных заводов по каким-то причинам не поместили об'явлений, а вовсе не о том, что с 1801 и 1802 г. в Петербурге не было заводов пивоваренного производства. Весьма понятно, что итоги в этой таблице не заключали бы никаких данных для суждений и заключений. Но, несмотря на это, все же сгруппировка собранных данных в таблице позволяет вывести некоторые обобщения.

Прежде всего обратимся к общему списку производств, заключающему в себе 72 различных производства. Некоторые из них характерны для описываемой нами эпохи. Так, в 1792 году зарегистрировано «соляное» производство—может появиться, конечно, недоуменный вопрос, какую такую соль добывали в Петербурге, но это недоумение вполне удовлетворяется, когда мы прочтем следующее [1]): «от С.-Петербургской казенной палаты об'является, буде кто желает купить состоящий на Выборгской стороне завод, в котором производилась переварка погоревшей соли, то бы явились в экспедицию Винную и Соляную». Из этого мы видим, что во время перевозки в Петербург соль перегорала, и казенная палата, ведавшая в то время поставкою соли, нашла выгодным учредить даже особый завод для переварки ее. К сожалению, не удалось установить, когда начал функционировать этот один из многочисленных не удавшихся казенных заводов.—Затем в таблице есть еще ряд несколько непонятных производств. Так, под 1800 годом значится «стальное производство», о котором есть только следующее сообщение [2]): «г. г. содержатели стальной фабрики, ныне находящейся в Колтовской, дом Щулепова, для производства работ желают купить место удобнее»; быть-может, нижеследующее об'явление, датированное тем же 1800 годом, даст об'яснение этой стальной фабрики [3]): «желающие отдавать мальчиков для обучения делать столовые ножи и вилки»—но это только предположение: может-быть, «стальная» фабрика занималась чем-либо более существенным. Точно также непонятно, какое-то «нашатырное» производство и производство «купоросного масла».

Если таблица не позволяет нам учесть количество функционирующих производств, то до известной степени она позволяет определить время возникновения того или другого производства. Вполне естественно, что, открывая новое производство, содержатель его предпринимал меры, чтобы об его предприятии знали, и лучшим средством, конечно, являлась реклама, об'явление. А отсюда явствует, что первые годы, под которыми у нас указано то или иное производство, являются в то же время и годами возникновения этого производства. Общий взгляд на таблицу говорит, что возникновение большинства производств надо отнести к концу 80-х и началу 90-х годов 18-го века. До этого времени производства в Петербурге считались единицами.

Анализируя список «производств», мы не можем не обратить внимания на следующее обстоятельство—большинство их принадлежит к кустарным, к заводским производствам; чистофабричные производства считаются единицами, и зарождение их относится или к самым последним годам 18-го века, или, что даже чаще, к 19-му веку. Из кустарных производств наибольшее распространение получили те, которые обслуживали двор и аристократию—шелковые фабрики, заведения пудры, румян, парфюмерные и т. д.

Более детальное рассмотрение «производств» мы дадим в дальнейшем изложении, теперь скажем несколько слов о второй таблице. Из этой таблицы оказывается, что в 1-ой Адмиралтейской части зарегистрировано 12 заведений различных производств; во 2-ой Адмиралтейской 23; в 3-ьей Адмиралтейской 21; в Литейной 8; в Московской 27; в Василеостровской 31; в Петербургской 24; в Выборгской 12.

Таким образом, самое малое распространение производства имели в Литейной части, которая и до нынешнего времени сохранила тот же характер. Большинство производств сконцентрировалось на Васильевском острове, который долгое время был населен преимущественно иностранцами, а известно, что иностранцы были главными двигателями отечественной промышленности. Затем значительное количество было во 2-ой Адмиралтейской части на нынешней Казанской и Офицерской улицах и Вознесенском проспекте; Казанской в то время звалась Большая или Первая Мещанская; здесь были еще две Мещанские—Средняя и Малая, и эти улицы своими названиями подчеркивали, что жители их мещане, ремесленники, мелкие кустари.

Из 158 зарегистрированных производств, помещенных во второй таблице, 94, т. е. $^2/_3$ находились на окраинах—на Васильевском острове, Петербургской и Выборгской сторонах и в так называемой Московской части.

---

[1]) Эта библиографическая ссылка и все дальнейшие помещены вслед за настоящей статьей.

Незначительность производств в Петербурге зависела и от общего правительственного взгляда—12 января 1759 года появился указ [4]): «о воспрещении в ближайших к С.-Петербургу местах учреждать фабрики и заводы». Мера эта вызывалась боязнью, что фабрики и заводы как Петербурга, так и окрестностей, истребят здесь находящиеся леса, и Петербургу будет неоткуда заготовлять для себя отопление. Этот сенатский указ был подтвержден при Павле I, когда 11 мая 1799 г. появилось распоряжение: о неутверждении заводов ближе назначенного указами расстояния от С.-Петербурга [5]). При такой тенденции правительства обрабатывающая промышленность не могла успешно развиваться в Петербурге, забота о ее развитии относится к более позднему времени.

После таких общих выводов приступим к более подробному рассмотрению некоторых производств, при чем в примечании мы прежде всего поместим собранную нами библиографию в порядке производств, помещенных в первой таблице [6]). Рассмотрение производств мы сделаем сперва хронологически, начав со старейшего.

В 1714 году императором Петром был издан следующий указ [7]): «Понеже здесь (т. е. в Петербурге) каменное строение зело медленно строится от того, что каменщиков того дела трудно и за довольную цену, того ради запрещается во всем государстве на несколько лет (пока здесь удовольствуются строения) всякое каменное строение, какого-б имяни ни было, под разорением всего имения и ссылкою». Принимая такие экстраординарные меры, Петр должен был озаботиться и доставкою материала для каменного строения в Петербурге—нужно было устроить кирпичные заводы, и Вебер говорит в своих записках [8]): «Множество кирпичных заводов доставляют кровельную черепицу и обожженный кирпич для петербургских построек, хотя материалы эти и оказываются еще не довольно прочны, а так как кроме того известь там нехороша или же изготовляется и потребляется в дело зимою, постройки в Петербурге продолжаются беспрерывно круглый год, то неудивительно, что возведенные вновь дома и дворцы в два или три года требуют поправки».

Таким образом кирпичное производство, вызванное жизненною необходимостью, было первым, появившимся в Петербурге. Кирпичные заводы стали устраиваться вверх по Неве.

Первое время заводы эти находились в казенном ведомстве, в ведении так называемой каменной канцелярии, но 9 октября 1713 года появился сенатский указ [9]): „о продаже кирпичных сараев, построенных от канцелярии каменных дел, частным людям с предоставлением каждому свободы делать кирпичи и продавать по вольною ценою». Из этого указа видно, что в начале кирпичные заводы устраивались в Петербурге частными лицами, затем производство кирпича было монополизировано, но, очевидно, неудачно, и было решено вернуться к частной промышленности, продав устроенные казною заводы. Но и молодая частная промышленность также не могла удовлетворить растущий в то время спрос на кирпичи как для казенных, так и частных построек, и Петр, не отменяя своего распоряжения о частной промышленности, в 1713 году повелел параллельно устраивать и казенные заводы [10]). Этот принцип господствовал в течение всего 18-го века, при чем каждое мало-мальски значительное казенное учреждение, производившее для себя постройки, старалось устроить свой кирпичный завод. Такой порядок—устройство чуть-ли не каждым казенным ведомством своего кирпичного завода — безусловно стеснял частную инициативу; главные каменные постройки производились казною, так как обыватель, несмотря на бесчисленное подтверждение воспрещения строить деревянные дома, спокойно строил деревянные хибарки и не на окраинах столицы, а в самых центральных местах. Таким образом, главный потребитель кирпича устраивал свои заводы, конкурировать с ним частному заводчику было тяжело и больших частных кирпичных заводов в 18 м веке было мало.

Вот одно из немногочисленных описаний частного кирпичного завода, относящееся к 1769 году [11]): «На Выборгской стороне, на 10-й версте по берегу реки Невы, желающим купить мызу с хоромным строением, службами, огородом и прудом: при одной мызе кирпичные заводы, где 7 шатов, 14 печей обжигальных, сарай, 3 избы артельных, бани, кирпича обожженного 300.000, дров трехполенных 300 сотен».

Как видим, завод довольно значительный, при-чем для рабочих выстроены 3 избы артельные и бани, такая заботливость была редким исключением. Завод этот принадлежал петербургскому тузу, купцу Гнеушеву, который устроил его между прочим; завод не был главным источником дохода. Гнеушев не представлял собою исключения, подобно ему, попутно с другими

Местонахождение производств.

Производства.	Части города.							
	Выборгская.	Петербургская.	Васильевская.	Московская.	Литейная.	Первая Адмиралт.	Вторая Адмиралт.	Третья Адмиралт.
Бронзовое	—	—	0*)	0	—	—	—	—
Булавочное	—	—	0	—	—	—	—	—
Бумажное	—	—	0	—	—	—	—	—
Ватное	—	—	—	—	—	—	0	0
Водочное	0	0	—	0	—	0	0	—
Восковое	—	0	—	—	—	—	—	—
Галантер. вещей	—	—	—	—	—	—	0	—
Гончарное	—	—	0	0	—	—	—	—
Дрожжевое	—	—	—	0	—	—	—	—
Занавес на колесах.	—	—	—	0	—	—	0	—
Канатное	0	0	0	—	—	—	—	—
Карточное	—	—	0	0	—	0	0	0
Кирпичное	0	—	—	0	—	—	0	—
Кистей рисовальн.	—	—	—	0	—	—	—	—
Кожевенное	—	—	0	—	—	0	0	—
Красильное	—	0	0	—	—	—	—	—
Красочное	—	—	—	—	—	—	0	—
Кружевное	—	—	—	—	—	—	0	0
Купоросного масла	—	0	—	—	—	—	—	—
Ламповое	—	—	—	—	—	—	—	0
Ленточное	—	0	0	0	—	—	—	—
Литейное	—	—	0	0	—	—	—	0
Макаронное	—	—	—	—	—	0	0	—
Масла осветит.	—	0	0	—	—	—	—	—
Мебельное	—	—	—	—	—	0	—	—
Медное	—	—	0	—	—	—	—	—
Медоваренное	—	—	—	0	—	0	—	—
Мельница костян.	—	0	—	—	—	—	—	—
Мельница крупян.	—	0	—	—	—	—	—	—
Мельница мучная	—	—	0	—	—	—	—	—
Мельница пильная	—	—	—	—	—	—	—	—
Музыкальное	—	—	0	0	0	0	0	—
Мыльное	—	0	—	—	0	0	0	—
Нашатырное	—	0	—	—	—	—	—	—
Обойное	—	—	0	0	—	—	—	—
Парфюмерное	—	—	—	—	—	0	—	0
Пергаментное	—	—	0	0	—	—	—	—
Перчаточное	—	—	—	0	—	0	—	—

Производства.	Части города.							
	Выборгская.	Петербургская.	Васильевская.	Московская.	Литейная.	Первая Адмиралт.	Вторая Адмиралт.	Третья Адмиралт.
Печное	—	0	0	—	—	—	—	—
Пивоваренное	0	0	0	—	0	0	—	—
Позументное	—	—	—	—	0	0	—	0
Полотняное	0	0	—	—	—	0	—	—
Помадное	—	—	—	—	—	0	0	—
Пороховое	0	0	—	—	—	—	—	—
Поташное	—	0	—	—	—	—	—	—
Прядильное	—	0	—	—	—	—	—	—
Пудры	—	—	0	—	—	—	0	—
Румян	—	—	—	—	—	—	0	0
Сахарное	0	—	0	0	—	0	0	—
Свечное	—	—	0	0	—	0	—	—
Ситцевое	0	0	0	0	—	—	—	—
Слесарное	—	—	0	—	—	—	—	—
Соляное	0	—	—	—	—	—	—	—
Стальное	—	0	—	—	—	—	—	—
Стеклянное	—	—	—	0	—	—	—	—
Суконное	0	0	—	0	—	—	—	—
Сургучное	—	—	—	0	—	—	—	0
Табачное	—	0	0	0	0	0	0	0
Трубок курит.	—	0	0	—	—	—	—	—
Уксусное	—	—	—	0	0	0	0	—
Фарфоровое	0	0	0	0	—	—	—	—
Фольги	—	—	—	—	—	0	0	—
Холстинки	—	—	0	—	—	—	—	—
Цветов искусств.	—	—	—	—	—	—	0	—
Цикорное	0	0	—	—	—	—	—	—
Часовое	—	—	0	—	—	—	—	—
Чугунное	—	—	0	—	0	—	0	—
Чулочное	—	—	0	0	—	—	—	—
Шелковое	—	—	0	—	—	0	—	—
Шляпное	—	—	—	0	0	0	0	0
Шоколадное	—	—	—	0	—	0	0	0
Эполетное	—	—	—	0	—	—	—	—
Всего	12	24	31	28	8	22	23	12

*) Знак 0 обозначает наличие производства.

своими предприятиями, не надеясь на значительные доходы, устраивали кирпичные заводы и другие богатеи того мира. Наиболее значительным по размеру и долее других существовавшим был завод некоего Василия Перфильева, который был мастером на каком-то казенном заводе, а потом открыл и свой собственный, действовавший чуть ли не всю вторую половину 18-го века—мы нашли сведения об этом заводе и в 1768 г. и в 1785 г. Завод помещался около Фарфорового завода [12]). Затем не мало частных заводов было в слободе Рыбной [13]); с середины 90-х годов 18-го века мы встречаем указания и на кирпичные заводы немецкой колонии Саратовки [14]). Устраивали заводы не только купцы и крестьяне, но и чиновные люди; так, «на кирпичных генерал-манора Бороздина заводах имеется в готовности кирпич до 800.000 штук» [15]).

Но опять-таки, повторяем, деятельность частных заводов не могла сравняться с деятельностью казенных и, главным образом, известных под названием «Невские заводы», т. е. расположенных около Александро-Невского монастыря. Эти заводы были устроены Ѳедором Соловьевым; на них производилась выработка кирпича для главных казенных построек и для частной продажи; администрация этого завода была снабжена особенными правами надзора за частными заводами. Конечно, можно предположить, что этот завод представлял не коммерческое учреждение, а что-то в роде особой кирпичной канцелярии, особенно в первые годы своего существования.

В 1723 году в Петербурге на Литейной стороне возникли постоялые дворы, в которых нужно было устроить печи. И сочиняется в петербургской гарнизонной канцелярии следующая премория: «От С.-Петербургской гарнизонной канцелярии в канцелярию над строением. По его императорского величества указу и по присланному ордеру за подписанием светлейшего римского и россиского государств князя... санктпетербургского, военной коллегии президента Александра Данилова Меншикова: строится при Санкт-Петербурге, на Московской стороне, к прежним в добавок еще постоялые домы да две бани, для кладки печей надобно зженого доброго кирпича двадцать две тысячи. И об отпуске оного числа кирпича по приеме за них по цене почему на заводах становяца денег канцелярия над строением заблаговолить учинить по его императорского величеству указу» [16]). Таким образом, для того, чтобы получить 22 тысячи кирпича, т. е. произвести расход не более 40 р. (по ценам того времени), потребовался указ самого Петра и ордер князя Меншикова.

Конечно, с течением времени порядок сношения несколько облегчился: то или иное учреждение посылало запрос уже не в канцелярию от строений, но прямо в контору кирпичного завода; затем требование на кирпич исходило или от начальствующего над учреждением, или даже от архитектора, но все же «бумажное производство» слишком стесняло деятельность кирпичных заводов. Особенно тяжела была уплата денег после получения кирпича; учреждения платили туго, оставаясь по много лет должниками кирпичного завода, поэтому последний всегда был стеснен в оборотных средствах и, следовательно, не мог расширять своей деятельности.

Процесс самого производства на кирпичном заводе был таков. Каждую осень канцелярия помещала об'явление в «С.-Петербургских Ведомостях» подобно следующим: «На ново-невские кирпичные и черепичные заводы для дел кирпича и черепицы к предбудущему 1744 году потребно мастеровых людей до 500 человек, того ради желающие оное число мастеровых поставить явятся на заводы» [17]). Несмотря на заблаговременный вызов рабочих людей, невские заводы терпели большое затруднение: «Хотя из дальних мест на невские кирпичные и черепичные заводы и подряжено до 600 человек, однако уповательно, что они к означенному сего 1756 года маю 1 числа не будут, как они прежде делали, хотя им при выдаче на задаток денег и наикрепко подтверждаемо было: чего ради желающим делать оный кирпич явиться в конторе тех заводов немедленно» [18]). Какою патриархальностью веет от этого извещения и как хорошо выражалась контора невских заводов—«однако уповательно, что они не будут».

После найма рабочих контора извещала, что на дело кирпича и черениц потребно выкопать глины несколько сот куб. «и стеми, кто из охочих людей для валки той глины желает подрядиться посотенно, может явиться в контору» [19]). Вслед за заготовкой глины приступали к заготовке дров для обжига, а затем уже вызывали кирпичеобжигателей, т. е. тех лиц, которые взялись бы обжигать сделанный на заводах кирпич. Наконец, кирпич был готов и поступал на рынок. Нам удалось составить нижеследующую таблицу цен за 1000 кирпичей.

В 1741 году . .	2 р.	В 1749 году . .	от 2 р. 25 к. до 2 р. 50 к.
„ 1747 „ . .	3 р. 40 к.	„ 1750 „ . .	2 р. 25 к.
„ 1748 „ . .	3 р. 30 к.	„ 1756 „ . .	2 р. 30 к.

1758 году . .	от 2 р. 15 к. до 2 р. 75 к.	В 1775 году . .	от 2 р. 65 к. до 3 р. 40 к.
1761 „ . .	3 р. 80 к.	„ 1776 „ . .	4 р. 10 к.
1764 „ . .	1 р. 85 к.	„ 1779 „ . .	5 р. 70 к.
1767 „ . .	3 р. 40 к.	„ 1782 „ . .	4 р. 98 к.
1770 „ . .	от 1 р. 81 к. до 2 р. 70 к.	„ 1784 „ . .	6 р.

Резкое падение цен в 1764 г. (1 р. 85 к.) об'ясняется тем обстоятельством, что к 1761 году кончилась в Петербурге постройка Зимнего дворца, и с восшествием Екатерины II на престол начались еще ее усиленная строительная деятельность. Первые годы своего царствования Екатерина II, как известно, считала свое положение непрочным, опасаясь возможных перево-ротов, но как только политический горизонт прояснился, императрица приступила к строитель-ству, и цена кирпича с 1 р. 85 к. (1764 г.) поднялась до 3 р. 40 к. (1767 г.).

Такие же цены существовали и на частных заводах. С ними казенные заводы вступали в конкуренцию, и мы находим ряд указаний, что контора невских заводов очень лаконически под-черкивала в своих извещениях, что у нее «продается кирпич казенной добротою лучше дела-емого от партикулярных заводчиков», или делала пространное об'яснение превосходству своего «казенного» кирпича, и, наконец, извещала, что в конторе имеется «образцовый» кирпич, «за печатью», с которым обыватель мог сравнивать кирпичи, изготовляемые на частных заводах, и если эти кирпичи разнились от образцового, то покупатель мог отказаться от покупки. Но, конечно, этот образцовый кирпич был вполне «бумажного» происхождения, и частные заводчики делали кирпичи такие, какие хотели. Но во всяком случае эти первые попытки ре-гламентации производства, при чем эту регламентацию должен был производить конкурент част-ных заводчиков—казенный завод, нельзя не отметить как характерное явление, свойственное русской действительности 18-го века.

Несколько позже в Петербурге возникли одновременно два производства «пивоваренное» и «сахарное».

Пиво в начале 18-го века являлось и медицинским средством и необходимою принадлеж-ностью стола моряков. Каждый корабль снабжался определенным запасом пива. Весьма понятно поэтому, распоряжение Петра Великого о постройке на Выборгской стороне, недалеко от госпи-талей, казенной пивоварни. Эта казенная пивоварня, как видно из одного документа, датиро-ванного 2 апреля 1720 года, имела довольно значительные размеры, а именно мы читаем [20]): «Для варения пива во флот голландским мастером построить каменную солодовню в линию с каменною пивоварнею, которая построена на Выборгской стороне, да по сторонам той пивоварни и солодовни в гору построить деревянных погребов на 600 бочек».

Что же касается частных пивоварен, то две из них, долгое время бывшие в Петербурге и пользовавшиеся известностью, возникли сравнительно рано: о Калашниковской пивоварне упо-минается в 1746 году [21]): «против Малой Охты лежащей дом и пивоварню со всем строением желающие купить». Калинкинская пивоварня появилась лет на 10 позже, по крайней мере в 1756 году велено было собрать сведения [22]), с чьего разрешения отведено место купцу Ки-риллу Попову под пивоварню у Калинкина моста. Но, кроме таких больших общественных пи-воварен, существовали маленькие, хозяйственные пивоварни, которые устраивались у больших хозяев Петербурга. Дом такого хозяина, особенно на окраине на Петербургской стороне, в по-следних линиях Васильевского острова, где-нибудь в Коломне, долгое время напоминал усадьбу помещика—дом, окруженный садом, двор, наполненный различными хозяйственными построй-ками, между ними бывала и маленькая пивоварня, на которой варилось пиво для собственного употребления. С течением времени оказывалось выгодным сдать эту пивоварню какому-нибудь иностранцу, который и начинал варить пиво уже на продажу. Конечно, обороты этой пиво-варни были более чем ничтожны, функционировала эта пивоварня очень не постоянно и одною из особенностью было и то обстоятельство, что владелец ее варил на ней пиво и желающим из их материала [23]).—«На Фонтанке у Чернышевского перевоза в Гнеушевском доме варится самое лучшее пиво и полпиво искусным мастером, желающие из своего солода варить могут оные во всякое время указною мерою, т. е. меньше 1/4 вари получать». Цена такого пива в 60-х годах 18-го столетия была следующая [24]): «Варя пива из 8 четвертей солоду без гущи 36 рублей, а полпива из 7 четвертей 32 рубля». Кроме пива продавалась и «гуща», как корм для скота. Приведем еще одно об'явление, являющееся до известной степени харак-

теристикою описываемого нами времени. 14 октября 1771 года появились нижеследующие строки [25]): «у директора Иван Родионовича сын Чиркина на пивоварнях будут в исходе ноября сего 1777 года варить пиво и полпиво, желающие заказывать оное варить, благоволили бы нынешнем месяце присылать деньги на покупку хмеля и хлеба, ибо он, Чиркин, от бывшего на острову пожара понес большой убыток, а в принятии денег будет он давать своеручны росписки. Цена пиву из 8 четвертей вари без гущи 36 р., а полпива 26 р.». Такой своеобразный кредит едва ли часто практиковался [26]).

Первый сахарный завод в Петербурге возник на той же Выборгской стороне в 1718 году его построил московский промышленник Вестов. К сожалению, нам не удалось определить, как долго Вестов содержал этот завод, и продал ли он его английским купцам Мею и Стефенсу (по написанию того времени Штевенсу), или последние открыли этот завод самостоятельно но уже в 1751 году [27]) [28]) Стефенсон продавал „черную патоку пудом и полпудами ценою пуд 1 рубль"—менее чем в 10 лет цена на патоку сильно возросла, так как в 1743 году на той же Выборгской стороне на заводе патока продавалась «несколько пуд по 40 алтын» [29]). Затем с 1756 года, вплоть до царствования Павла, на Васильевском острове, на 11 линии функционировал сахарный завод Каваназа [30]),—дом этого заводчика Павел I приобрел для Морского кадетского корпуса; в 1764 году есть упоминание о сахарном Володимеровом заводе на Московской стороне [31]).

Производительность сахарных заводов мы, к сожалению, не можем определить. Нам удалось только наткнуться на такие сведения: «в 1824 году «на Вас. остр. 4 кв. в 14 линии продавался вновь выстроенный сахарный завод № 460, в котором ежегодно варится от 50 до 60 т. пудов сахара» [32]) и в 1800 году [33]) «на Выборгской стороне на Малой Неве реке продавалась сахарная фабрика со всеми принадлежностями, посудою и инструментами, при оной фабрике людей, мужеска пола 10, женского 4 души»—очевидно, эти люди были приписаны к фабрике.

В 1822 году [34]) появилось извещение такого содержания: «Поелику публика давно уже желала иметь рафинад, который бы очищался без крови и костей, то я, опытами своими, успел дойти до того, что приготовляю сахар без оных вещей. Г.г. купцы и фабриканты могут лично в нем удостовериться на моей фабрике, и, если пожелают, то я каждому согласен дать наставление. Карл Кан, сахарный фабрикант, Выборгская сторона 1 кв. д. № 25».

Безусловно в этом об'явлении можно найти отголосок существовавшего среди не только петербургского, но вообще русского обывателя убеждения, что сахар делается помощью собачьих костей и потому он «поганен», и православному христианину нельзя его употреблять.

На Выборгской стороне зародились и канатные фабрики, которые не могли успешно развиваться, так как главный потребитель канатов—морское ведомство—в течение всего 18-го века обладало своим канатным заводом, помещавшимся между нынешними Красною (Галерною) улицею и Бульваром профессиональных союзов (Конногвардейским бульваром). Размер этих канатных заводов до некоторой степени определяется нижеследующими данными:

«В 1755 году продавался «на Выборгской стороне двор английского купца Фр. Гарднера с канатным заводом, оцененный в 700 р.» [35]), эта оценка позволяет до некоторой степени судить о размере производства, которое за 18-ый в. безусловно увеличивалось, так как в 1792 г. «на Выборгской стороне вверх по берегу Невы реки подле мызы Его Сиятельства графа Александра Андреевича Безбородки продается или в наем отдается о двух этажах канатная фабрика» [36]). Понятно, что в двухэтажной фабрике производство было гораздо значительнее.

Вместе с вышеуказанными фабриками возникли также и кожевенные, которые избрали своим местопребыванием известную и в настоящее время Кожевенную линию на Васильевском острове; приблизительно в 80-ых годах 18-го столетия, по крайней мере, в 1792 году, эти места звались «ново-коженные», как видно из следующего извещения [37]): «Продается каменная кожевенная более нежели на 30 сажень простирающаяся Іогана Кестнера фабрика на Васильевском острове в новокоженных местах, а сверх-оных разныя принадлежности той фабрики, как то более 300 чанов с железными обручами».

Как видим, к этому времени, т. е. к концу 18-го века, производство достигло уже значительного размера, когда могла появиться фабрика с 300 чанов. И в развитии кожевенной промышленности есть одна очень интересная черточка. Одной из первых кожевенных фабрик должна считаться фабрика иностранца, по всей вероятности немца, Христофора Рихтера. Она помещалась где-то по Фонтанке, около места, ныне занимаемого Комиссариатом путей сообщения в бывшем доме кн. Юсупова. Возникла она или в конце 30-тых годов 18-го века, или в начале 40-ых, так как в 1742 году [38]) Рихтер уже продавал свою фабрику. Но назначение этой кожевенной фабрики было особенное—на ней изготовлялась не просто кожа, а «пожарные кожевенные ведра» [39]). Это обстоятельство и позволяет предположить, что фабрика Рихтера возникла после громадных пожаров Петербурга 1736—1737 года, когда спохватились и решили, хоть на будущее время, иметь в достаточном количестве «пожарные ведра» и, видимо, поощрили для этой цели иностранца, которому, конечно, выдали надлежащую субсидию.

Совсем особняком стоит в Петербурге появившийся также в 1719 году особый завод, специфическая принадлежность 18-го века и вместе с ним исчезнувший; мы подразумеваем—восковой завод. Воск в 18-м в. играл громадное значение в обиходе, заменяя современное электричество и газ; воску шло для царских дворцов громадное количество, так «про дворцовый расход в нынешнем 1744 году и впредь про запас потребно желтого воску 500 пудов» [40]).

Уже 10 ноября 1719 года Петром Великим было издано распоряжение о переводе в С.-Петербург восковых белильных заводов, бывших на Ижоре [41])—нужно думать, что для этих заводов отвели место на Петровском острове, по крайней мере в 1752 году на Петровском острове был построен деревянный восковой завод, который перестроили в 1777 году в каменный [42]), а в 1792 году пристроили еще один каменный корпус, постройка которого по смете должна была обойтись в 5135 рублей [43]). Значительность этой суммы показывает, что флигель был пристроен обширный, что вообще постройки делались так, чтобы производство можно было вести в очень большом масштабе—но это производство имело вполне определенную цель: оно служило лишь дворцу, на рынок воск с этого завода не выпускался, конечно, легальным путем: нелегально, нужно думать, шло не мало. Завод этот функционировал до 5 декабря 1836 года, когда, наконец, была признана его ненужность [44]) [45]).

Возникновение вышеописанных производств в первые годы жизни Петербурга вполне естественно и не требует дальнейших пояснений: эти производства удовлетворили такие потребности жизни, которые требовали немедленного же удовлетворения. Но если обратиться к нашей первой таблице, то мы не можем не высказать удивления, почему одной из наиболее скоро удовлетворенной потребностью было открытие фабрики для производства чулок.

Фабрика эта открылась в 1738 году 28 ноября [46]), при чем открыл ее не простой иноземец, а большой русский барин, один из деятелей Петра Великого, граф Ягужинский или, как писали в то время, Ягушинский, бывший в то время одним из самых богатых вельмож Петербурга. Почему этот вельможа открывает чулочную фабрику, для которой отводит один из своих многочисленных домов Петербурга (на 23 линии Васильевского острова), остается вопросом без ответа. Может-быть, граф Ягужинский содействовал новой моде—башмакам с длинными чулками, может-быть Ягужинского натолкнул на мысль открыть чулочную фабрику какой нибудь из иностранцев, видевший, что это производство даст значительный барыш. Фабрика первое время, видимо, функционировала очень успешно, но затем—сын графа Ягужинского сумел в очень короткий срок спустить все приобретенное отцом—попала в конкурс, и последнее сведение о ней мы нашли в 1785 году, когда был назначен вторичный торг этой фабрики [47]). Оборудована фабрика была, надо полагать, по последнему слову производства, по крайней мере, в 1768 году за нее давали арендную плату «свыше 6.000 рублей» [48]), и производство ее заключалось в следующем [49]): «продаются самого хорошого мастерства разных номеров шелковые чулки, коленки, галстуки, штаны, перчатки, нарукавники и котелки»; «котелки» было принадлежностью 18-го века—котелком называлась особая очень тонкая сетка, которую наши прабабушки одевали на волосы, чтобы предохранить затейливо исполненную крепостным парикмахером прическу—à la «кораблик», или «ежом», или в какой-либо иной форме.

Точно также рано началась забота и о другом производстве, удовлетворение которого не вызывалось неотложною нуждою—мы подразумеваем «табашное» производство, о нем заботился и Петр I, и старавшаяся ему подражать, по крайней мере, в мелочах, Екатерина II.

В 1714 году появилось распоряжение «об отправке из Азовской губернии в петербургское адмиралтейство 5000 пудов черкеского табака» [50])—табак отправили, но что с ним делать, в Петербурге не знали; видимо, этот табак сгноили и в 1716 году прибегли к другой, очень обыкновенной в то время мере,—«о присылке из Голландии в Санкт-Петербург табашного мастера с инструментами и подмастерьями для переделывания его царского величества черкесского табака на голландскую манеру» [51]). В том же 1716 году приехал табашный мастер Абрам Кейзер [52]), и велено было сделать распоряжения «об оказании помощи и покровительства» этому приезжему иностранцу [53]), который должен был не только сам делать русский табак на «голландскую манеру», но обучить этому производству и русских. При Екатерине II таким же покровительством пользовался почему-то иностранец Буте [54]), которому 17 августа 1766 года было разрешено продавать под гербом ее величества [55]).

Табачные фабрики находили для себя более удобным располагаться в центре города, по главным улицам, поближе к потребителю. Так, «Табашная фабрика и принадлежавшая к ней лавка, бывшие в Милютиновом доме, переведены в Малую Миллионную дом № 73» [56]) или «Табашная под фирмою Плейо и К° мануфактура, бывшая на Васильевском острове, 9 линия, дом Косиковского № 82, переведена близ Каменного моста, дом Воробьева № 143. В оной попрежнему изготовляется всех сортов как российский, так и иностранный табак лучшей доброты и по сходным ценам, при сем случае Плейо и К° изъявляет свою благодарность друзьям и почтенной публике за оказанную им доселе благосклонность, которую и впредь заслужить они приложат всякое старание» [57]).

Вместе с табашным производством—не забудем, что делался, главным образом, табак и сигары, папиросы не были еще изобретены,—было связано особое производство, в настоящее время не могущее существовать самостоятельно, а в то время сильно процветавшее — а именно изготовление курительных трубок. Изготовление это разбивалось на две стадии—самое изготовление, производство, так сказать, и затем на подготовление трубки к процессу курения.—«Гирш Изак, обделывающий курительные трубки, сим уведомляет, что он квартиру свою переменил и живет ныне на Васильевском острове в 5 линии дом № 197. Он обрезывает, как новые, так и окуренные уже трубки по желанию каждого и принимает оныя также для починки» [58]). Сама же фабрика «глиняных курительных трубок», на сколько мы могли установить, с 1808 года [59]) вплоть до 1825 года [60]) помещалась на Петербургской стороне в Колтовской д. № 159 и на ней продавались «разного сорта глиняныя трубки на манер голландских» [61]).

Перейдем теперь к рассмотрению полезных—если так можно выразиться—производств и начнем с ситцевого производства. Первая специальная ситцевая фабрика была основана в Мюльгаузене братьями Кехлин в 1746 году, первая таковая же появилась в Англии в 1763 году, а в 1760 году [62]) «от Мануфактур-конторы сим об'является, что всякого чина люди ситцов, выбоек и полотен набивных, печатанных на бумажных и льяных полотнах, также и платков разных цветов кои делаются на фабрике Козенса и состоят ценою не свыше 70 копеек, кроме печатанных синею краскою на масле, за учиненным от правительствующаго сената запрещением не делали и не продавали под опасением по указам штрафа».

Как видим, у нас была введена монополия для фабриканта Козенса, и весьма понятно, что, несмотря на более раннее, чем в Англии, появление ситцевой фабрики, эти последние не могли развиваться, надо было выжидать срока привилегии.

Первое указание на ситцевую фабрику мы нашли в 1786 году; она помещалась где-то на Выборгской стороне [63]); затем в 1792 году: «немец, который несколько лет в иностранной земле управлял ситцовою и выбошною фабриками, был заводчиком оных и которой все потребные к заведению, печатанию и составлению красок знания имеет и с оными сопрягает (т. е. соединяет) искусство печатания на бумазее, холсте и мусселине для желетов и для больших дамских косынок, также нужныя сведения торговли и разумение французского и английского языков, предлагает в управлении, так и заведения фабрик свои услуги, кои на самом опыте докажут истинну его знаний. Требуемая им плата по важности дел умеренная. Подробнейшее о

сем уведомление получите в Морской в доме Гишпанского Генерального Консул Коломба от купца Пауля Пелтера» [64]).

Появление этого уведомления безусловно свидетельствует, что возник спрос на ситцевые фабрики и в 1794 г. на Петербургской стороне «за Инженерным корпусом на ситцевой г. Броувера фабрике продаются партиями на той же фабрике отделанныя и ни в чем английским и другим заморским сего рода товаром ниже в узорах, ниже в живности красок, не уступающие ситцы» [65]). Несмотря на такое уверение, что ситцы Броуверской фабрики «ниже в узорах, ниже в живности красок» не уступают заграничным ситцам, фабрика эта просуществовала всего три года. В 1797 году [66]) появилось такое длинное об'явление о продаже фабрики: «На Петербургской стороне, на устьи малой Невки, против Петровского острова продается и в откуп отдается дача купца Броувера, принадлежащая пред сим покойному гоф-банкиру барону Фридрихсу (предок последнего министра двора), на котором месте, как в каменных, так и в деревянных строениях, во всей исправности на 20 станов основанная Ситцевая фабрика, со всеми к ней принадлежащими инструментами, как то: медными большими котлами, медными валами и медными для тиснения досками и несколько сот вырезанных на грушевом дереве новейших узоров и довольное количество запасенных лучших красочных материалов и несколько тысяч аршин на оной фабрике напечатанных выбоек, полуситцев, и ситцов, новейших узоров и отменного бордюру для обоев. Сие обширное место обнесено каменною стеною по фасаду более 130, а поперечнику более 60 сажен, включая в себе планированной земли для отбелки и сенокосу более 8 т. кв. сажен».

На смену этой фабрики в 1799 году появилась новая на Выборгской стороне [67]): «На Выборгской стороне, по малой Невке продается ситцевая с 26 печатными станами, 570 станами, разными образцами ситцев, выбойки, прессом, котлами и прочими принадлежностями дача, под которой место 100 сажень длины и 62 сажени поперечнику и к ней сверх того принадлежит 13 жилых строений». Об этой фабрике мы находим указания в 1800 году [68]) и в 1801 году [69]) и надо думать, что о ней же, но уже с указанием имени владельца, упоминается в 1802 году [70]), к которому относится такое указание: «На ситцевую Сигмунда Нисселя фабрику, состоящую на Выборгской стороне насупротив Аптекарского острова и возле дому купца Перлера, принимаются для печатания ситец, полуситец и выбойки, равно как и таковая же цветная материя для навождения на оных лоску». Затем, за тот промежуток времени, который мы исследуем, встречаются еще две фабрики. В 1805 году [71]) на Васильевском острове, 2 линия о 50 станах, какого-то Андреаса Тома и в 1808 году [72]), там же, на Васильевском острове, но уже в Гавани.

Мы находим некоторые данные относительно рабочих на ситцевых фабриках. Но так как данных о положении рабочих очень немного, то мы соединяем их в конце нашей работы.

Полотняная фабрика появилась в Петербурге очень рано, и владельцем и основателем ее был известный страшный деятель былой тайной канцелярии (впоследствии граф) Андрей Иванович Ушаков. Мы читаем в 1744 году [73]): «Его превосходительства Андрея Ивановича Ушакова полотняная и парусная фабрика на Охте, при устье реки Малиновки, стоит ныне праздно».

Как видим, в 1744 году фабрика уже прекратила свое действие; кажется, в 1765 году [74]) она перешла в руки известного петербургского купца и фабриканта Чиркина, который изменил несколько ее производство, а именно: «С петербургского купца питейных сборов директора Ивана Чиркина на фабрике в С.-Петербурге на Малой Охте делаются на продажу хорошаго мастерства на полотне настольные и обойные, травчатые, также зеленого, черного и прочих цветов вощенка, половые брезенты и разных манеров бумажные шпалеры».

В конце 18-го века в Петербурге стала заводиться казенная полотняная фабрика, ее устраивал департамент уделов, только что созданный в то время и желавший на первых же порах проявить свою деятельность. В 1748 году [75]) «желающие подрядиться к построению на полотнянной фабрике до 60 станов с жилыми покоями каменного корпуса, явились бы в департамент уделов»—рабочими на этой фабрике должны были быть воспитанники воспитательного дома, и эта фабрика, кроме того, что спасая незаконнорожденных от гибели—нищенства и тунеядства, должна была заботиться о прогрессе производства. Конечно, в результате не обнаружилось ничего, и фабрику пришлось «за убыточностью» закрыть.

Как Выборгская сторона была колыбелью кирпичного, пивоваренного, канатного и кожевенного производств, так на Петербургской стороне, кроме уже указанного ситцевого производства, зародилось и суконное.

Земельные участки на Петербургской стороне были вообще слишком велики: на Большой Пушкарской, например, продавался каменный дом с местом в три тысячи квадратных сажень, тут же, где-то помещалось огородное место такой значительной величины, что ему было дано даже особое название—«Розенгоф». Один из таких громадных участков, на котором впоследствии находился лицей, был отведен под суконную фабрику. В разысканных нами данных сохранились имена трех владельцев таких фабрик, но мы полагаем, что это были не владельцы трех различных фабрик, а одной и той же, переходившей путем продажи. Первый владелец и, надо полагать, основатель фабрики барон фон-Штеин в 1760 году [76]) вызывал «желающих работать из полы ткачей и ткальщиц», «прядильщиков и прядильщиц», но, очевидно, таких рабочих было мало, фабрика не пошла, и барон Штеин продал ее архитектору Фростинбергу, в свою очередь переуступившему барону Вульфу; последнему удалось и фабрику и свой громадный земельный участок продать Екатерине II, которая на приобретенном участке решила открыть «оспенный дом»; понятно, что фабрика должна была перестать функционировать, хотя она еще действовала в 1763 году [77]).

Затем с 1779 года [78]) у нас появляются сведения о какой-то суконной фабрике на Охте; эта фабрика также довольно часто меняла владельцев, по крайней мере в 1816 году тогдашний ее владелец Никонов продал барону Ралю, одному из крупных дельцов Александровского времени, а барон Раль вскоре перепродал ее также сиятельному владельцу графу Комаровскому [79]); в 1823 году фабрика сгорела [80]), но владелец ее мог ее возобновить,—однако, в конце концов, граф Комаровский разорился на своих аферах, и имущество его пошло с молотка.

Затем в 1824 году появляется какая-то суконная фабрика близ Екатерингофа [81]), и в 1809 году была заведена суконная же фабрика при работном доме [82]) — арестанты должны были работать на этой фабрике, но из этой затеи ничего не вышло. Укажем еще на фабрику двух французов, выписанных из Франции с специальною целью завести фабрику волосяных материй, употребляемых к обивке мебели [83]).

Конец 18-го века и начало 19-го ознаменовались для Петербурга основанием в нем чугунолитейных заводов. Первыми были совершенно неизвестные нам заводы, помещавшиеся где-то на Лиговке, о которых имеется известие от 1794 года [84]).

Затем в 1800 году [85]) был выстроен на «Васильевском острове, 5 квартал, на Чекушах вновь чугунный литейный завод», почему «желающие заказывать что либо из чугуну, как то: кухонные и очаговые доски, разную посуду, могут на него обращаться». Из перечисления предметов выделки этого завода, можно, пожалуй, заключить, что он называл себя «заводом» по ошибке, из самохвальства, на самом деле это была незначительная мастерская для выделки чугунной посуды. Но к этому же году [86]) относится учреждение первого большого настоящего завода—это завод известного Берда [87]). О заводе Берда нужно и можно написать целую монографию; этот завод у нас был долгое время инициатором во многих предприятиях; достаточно указать хотя бы на пароходы — первые пароходы вышли с этого завода; чугунные тумбы, стоящие у петербургских тротуаров, также изделия (конечно, не все, но многие) того же завода. Завод Берда не имеет уже того характера «кустаря» или «случайной затеи барина» — как ранее нами описанные заводы, это была первая или, по крайней мере, одна из первых ласточек настоящего капиталистического производства, уже закладывавшего первые начатки на российской почве.

К числу механических заводов относится одно из начинаний царствования Александра I,— начинаний, носящих совсем не русское название—Панoптический Институт [88]). В конце 1805 года в морском министерстве возникло предположение об устройстве в Петербурге механического инструментального завода для флота, под руководством прибывшего из Англии бригадира Вентама. Его предложение, одобренное морским министром, заключалось в том, чтобы основать институт для образования искусных механиков по всем техническим работам, до флота касающимся, и образцового завода, где бы выделывались всякого рода инструменты, машины и вообще изделия, необходимые в морском деле. Здесь предположено было сосредоточить приготовление физических, оптических и математических инструментов, компасов, парусных полотен, выделывание кож, помп, разной обуви, шляп, разных одежд; кручение веревок, вообще, все работы существенной для флота и частного мореходства необходимости; сюда же предполагалось перевести и морскую типографию.

В институте назначено было преподавать: сверх чтения, письма, арифметики и черчения, физику, математику, некоторые высшие науки и свободные художества, как-то: рисование и скульптуру. Институт должен был принимать для воспитания детей всякого происхождения и звания, начиная с 7-летнего, и продолжать их воспитание и обучение до 22-летнего возраста; по достижении воспитанниками этих лет, от воли родителей или начальства зависело бы оставить их на дальнейшее время в Институте для продолжения работ и усовершенствования в разных искусствах или взять обратно для определения на места по усмотрению. Но строившееся для института здание (стоившее свыше 400 тысяч рублей) сгорело в 1818 г., и на этом дело кончилось.

Восемнадцатый век оставил нам память устройством бронзовой фабрики [89]). Фабрика устраивалась, как писали в 1782 г. [90]): «здесь по Высочайшему повелению на Васильевском острове на берегу Невы на 19 линии и ныне действительно производить разную бронзовую работу с позолотою и без позолоты, как казенную, так и партикулярную с хорошим искусством и при том весьма дешевле выписываемой из чужих краев. И как заведение оной фабрики уповательно многим еще не известно, то сего дня и публикуется, дабы желающие отдавать такую работу явились бы в экспедицию бронзовой фабрики или бы прислали в оную письменное требование и при том модели или самыя бронзовыя штуки, по которым фабрика делать будет. Что-же принадлежит до цены, то оплата партикулярным работам получаема будет таже самая, в каковую и казенные со всеми материалами, инструментами, платежем за работу ставиться со взятием только сверх того цены на содержание фабрики не свыше 12% с рубля».

Несмотря на такое обращение к публике, несмотря на то, что работы на фабрике производились не только образцово, но высоко художественно, фабрика не могла себя окупить, и 27 июня 1789 г. последовало узаконение [91]) «о употреблении на содержание учрежденной в С.-Петербурге бронзовой фабрики ежегодно 4166 р.». Но не помогла и эта ассигновка, и бронзовая фабрика испытала участь, подобную почти всем нашим казенным начинаниям—она закрылась.

Наконец, 25 июня 1825 года был заложен на 7-й версте Шлиссельбургского тракта казенный Литейный завод [92]).

Из ряда производств, помещенных в первой таблице, укажем только на некоторые, имеющие какие-либо характерные для 18-го века черты.

Добывание духов в то время представляло собою дело «особливого достоинства», и 9 июля 1781 года [93]) в обыкновенном собрании С.-Петербургской Императорской Академии Наук представлена была изобретенная «господином коллежским советником Дмитрием Михайловичем Ладыгиным для гонки спиртов, благовонных вод и масл машина, которую он назвал перекубом. «Сия машина освидетельствована господами академиком Лепихиным и адъюнктом Георгием и в рассуждении простого и с намерением согласного состава оной найдено особливо похвалы достойною. По чему оная охотникам для гонки спиртов, душистых вод и благовонных масел преимущественно рекомендуется. К употреблению же сей машины мало труда и издержек требуется. И как оная содержится зазженным в ней винным спиртом, всегда одинаковую лампадную теплоту, то действие ее должно быть всегда одинаково и верно, что особливо при гонке уважается». Колежский советник Ладыгин усиленно рекламировал свою машину, свой «перекуб» и также продавал различныя эссенции, добытые этим перекубом.

Иностранец же Франц Симон Рисару «намерен с платою 5 рублей за выучку каждого сорта, учить делать сургуч 30-ти сортов» [94]). Как видим, производство сургуча в то время считалось производством в достаточной степени сложным—полная выучка обходилась в 150 рублей.

Одно время—60 и 70-ые года 18-го века, как это видно из таблицы, усиленно распространялось производство карт: карточные фабрики, освобожденные от акциза, росли как грибы после дождя, и «на карточной фабрике в Луговой Миллионной д. № 66 сверх обыкновенных карт можно еще получать карты о двух головах (очевидно, современные) и такой доброты, каковой еще здесь не бывало, си же и обыкновенные карты продаются по 3 р. 50 к. дюжина» [95]).

Отметим еще, что с конца восьмидесятых годов 18-го века [96]) в Петербурге усилилось производство шоколада, при чем производство шоколада обыкновенно соединялось и с торговлею другими продуктами [97]): «Его императорского высочества шоколадный фабрикант М. Цакория, приехавший недавно из Турции, живший до сего подле католицкой церкви, переменил свою квартиру и переехал ныне в дом покойного г.-фельдмаршала князя Голицына. У него же можно

получать самой лучшей доброты шоколад с ванилью и без оной, кокосовое и лубское масло, итальянские минеральные краски, черный карандаш для разных чертежей, также шитые платья». Цена шоколада сильно колебалась—«цена ему неодинаковая и по различию его сорта фунт продается от 80 к. до 5 и 6 р.» [98]).

Относительно шоколадного производства покровительство не выражалось чем-либо особенным,—лишь разрешением фабриканту шоколада называться поставщиком его императорского высочества, но не величества, как это видно из вышеприведенного об'явления. Но на производство сургуча взглянули с серьезной точки зрения, и в 1811 году [99]) появилось распоряжение: «о неупотреблении не в одном министерстве иного сургуча, кроме российского».

Чуть ли не с самых первых дней своего существования российское имперское правительство поставило себе задачу—оберегать российского обывателя от излишней роскоши. 11 декабря 1717 года появилось, как кажется, первое узаконение на этот счет—«о том, чтобы по случаю предстоящей войны не продавать, не покупать и не носить никакого золота и серебра [100]), затем 17 декабря 1740 года о запрещении носить дорогие парчи и штофы с золотом и серебром, как неуместный и разорительный расход [101]). Этот указ получил след. редакцию 11 декабря 1742 года [102]): «Именной указ о запрещении вследствие недостатка денежной казны носить богатые платья с золотом и серебром, кроме военнослужащих и приезжих иностранцев под опасением взыскания штрафа, о наблюдении, чтобы на российских мануфактурах делаемы были шелковые парчи добротою против иностранных; о неношении не имеющих роков, подбоев шелковых под платьев (т. е. шелковой подкладки); о дозволении носить кружева известного размера только первым пяти классам; о неделании в российских фабриках золотых и серебряных парчей и об изготовлении на них только такового количества позументов, сколько на строевое платье и в церкви разойтись может». Указ этот неоднократно повторялся, например, в 1743 году [103]) и затем несколько варировался,—так, например, воспрещение делать позумент на российских фабриках, более определенного количества, дополнялось «запрещением ввоза в Россию немецких мишур, мишурных позументов, сети и лент» [104—108]).

И одновременно с такою заботливостью оберегать россиян от роскоши мы наблюдаем явления, прямо противоположные. Вот несколько примеров. По Фонтанке, в Литейной части, второе место от набережной Невы было отведено Петром Великим обер-гофмейстеру Василию Олсуфьеву. Олсуфьев сам на этом месте не жил, но эксплоатировал его отдачею в аренду купцам иноземцам Я. Меллеру и Я. Рихтеру, которые завели в Петербурге первую золотого, серебряного и шелкового дела фабрику. Фабрики эти пользовались большим покровительством, рабочие для них вызывались со всей России особыми извещениями, которые печатались в оффициальных «С.-Петербургских Ведомостях»; для устройства этой фабрики была выдана 5 августа 1736 года ссуда в 10 тысяч рублей под поручительством действительного тайного советника барона Шафирова [109]). Наконец, с монетного двора выдавали также в ссуду золото и серебро для делания золотых и серебряных галунов и шитья на одежду. Эту фабрику 18-го июня 1735 года удостоила посещением императрица Анна Иоанновна, которая осматривала ее «с великим удовольствием» [110]). Так поступала Анна Иоанновна относительно иноземцев-фабрикантов предметов роскоши; точно так же она покровительствовала и российским предпринимателям этого рода. 4 Марта 1735 года [111]) было об'явлено генерал-полицмейстером Салтыковым высочайшее повеление об отводе в С.-Петербурге места комнатному истопнику Алексею Милютину для содержания волочильной и позументной фабрики—место это теперь известно под названием Милютин ряд. Шелковые, ленточные, флеровые фабрики процветали в Петербурге. Например, в 1794 году [112]) продавалась «близь Калинкина моста № 626 ленточная фабрика со всеми при ней находящимися машинами, из которых каждою можно вытькать 18 разных сортов лент»; в 1817 году продавалась другая такая же фабрика на 6 станов—[113]) производство, как видим, не маленькое. Ленточное производство вызвало появление даже особого политического акта: «По Высочайшему Его Императорского Величества повелению сим об'является Высочайшее запрещение всякого рода фабрикантам делать вообще трехцветные ленты и всем купцам торговать таковыми же под опасением неизбежного наказания, ослушникам закона положенного». Это запрещение было датировано 4 мая 1798 года [114]).

Инициатором позументного дела у нас был царский истопник, продолжателем его—именитый гражданин Семен Феодорович Роговинов, обер-директор откупа, который завел близ

Пятова рынка (на нынешней Гагаринской улице) фабрику, на которой делают разных сортов золотые и серебряные часы (газ), позументы, разных манеров блонды и прочие галантерейные золотые и серебряные вещи [115]). Фабрика эта была, видимо, значительных размеров с большим количеством рабочих, так как 5 апреля 1758 года происходило освящение особо устроенной на этой фабрике церкви для рабочих [116]).

Инициатором шелкового производства в Петербурге были армяне—в 1770 году [117]) на Васильевском острове, в 1-ой линии дом Шарова, была шелковая фабрика армянина Мануилова, в 1773 году на том же самом Васильевском острове действовала фабрика Богдана Хахвердова, очевидно, опять-таки армянин [118]), у которого продавались разноцветные тафта, шелковые платки и также делались по заказу шелковые и полушелковые занавески; в 1774 году мы находим упоминание об «армянской шолковой фабрике» [119]).

И чуть ли не в тот же год, когда правительство издавало распоряжение о неупотреблении шелковых попон содержатель шелковой фабрики извещал, что у него делаются «уборы для лошадей» [120]), а торговец шелком продавал шелковую «материю на обивку карет» [121]).

К сожалению, нам удалось собрать очень незначительное количество данных о положении рабочих. Делать какие-нибудь выводы из этих данных, конечно, не приходится.

К 1741 году [122]) относятся такие сведения: «Во всенородное известие при сем об'является: потребно быть в С. Петербурге при сахарных заводах в ученической работе к варению оного сахара добрых и охочих людей 7 человек которые б люди свободные и с добрыми паспортами, также, чтоб молодые и добрые, которым дано будет каждого месяца на человека по 3 руб., да сверх той платы квартира и дрова, свечи готовые; и ежели кто из оных может то ученическое дело рачительнее исполнять, которым за то будет прибавлено денежное жалование и чтоб те же люди от сего известия явились при тех сахарных заводах в контору в непродолжительном времени для заключения контракта с оными на 7 лет». Жалование 36 р. в год при готовой квартире, отоплении, освещении могло назваться по тому времени (1741 год) значительным.

Следующие данные относятся к 1796 году—«на ситцевую фабрику потребны до 10 рабочих людей, коим месячной платы назначается по 8 р. 50 к.» [123]); спустя месяц это же требование повторилось, но несколько в иной форме—«содержателю ситцевой фабрики потребны для производства работы 10 здоровых и трезвого состояния человек, из коих каждому дается по 100 р. в год» [124]), и, наконец, имеется еще одно сведение [125]): «Константин Бург, суконный фабрикант, предлагает тем, кои работают на таковых фабриках, употребить их в работу на следующих условиях: работники будут получать равную плату помесячно с теми, кои уже находятся на фабрике с начала оной. Каждая семья будет иметь особливый покой; в случае нужды давать им будут взаймы по 25 р. в зачет их работы, с тем чтобы они выплатили в 25 месяцев; почему он и будет у них вычитать по 1 р. в каждый месяц из их жалованья».

Правительство, основывая в 18-м веке фабрики, преследовало две цели—содействовать развитию отечественной промышленности и обучать известное число людей тому или иному мастерству. Эти цели особенно рельефно выражены в нижеследующем извещении [126]):

«Для распространения рукоделий к пользе Российских подданных Ея Императорское Величество, выписав искусных мастеров, указала завести под смотрением главного фабриканта Гутена фабрики: 1-ую—прядильную, 2-ую—полотняную, 3-ью для тканья разных шелковых материй. Желающие отдавать в учение крепостных людей или свободные люди, вступив в учение сами по выбору мастерства, мужского полу от 15 до 25 лет, а женского от 12 до 20 лет должны явиться для записи: вольные люди с паспортами, а крепостные с одобрением господ своих и с прописками чего они учиться просят. Как свободные люди, так и крепостные обучаемы будут без всякой доплаты и без найму будут пользоваться казенными квартирами, но должны содержаться платьем и пищей, а ежели кто пожелает содержим быть на готовом столе и готовой одежде, тот платит по 1 р. 50 к. в месяц за стол, по 1 р. за одежду, внося за каждый месяц сумму наперед. По окончании учения ремесленники будут увольняемы со свидетельством от фабриканта Гутена о совершенной их выучке».

Почти подобное об'явление поместила много позже [127]) и контора стеклянных заводов, подчеркивая, что учеников завод принимает, «желая споспешествовать улучшению заведений сего рода».

Примеры заразительны—и частные фабриканты, один за другим наперерыв предлагают брать учеников. Вот ряд примеров, расположенных хронологически: «Сим об'является, чтоб желающие детей своих отдавать учиться чулочному делу могут договариваться» [128]).—Бронзовых дел мастер Валтер через сие об'являет, что он принимает людей для обучения всякую бронзовую работу делать [129]).—Некоторый иностранец, содержащий на Петербургской стороне фабрику, желает принять в учение на сходных условиях господских мальчиков» [130]).—На чугунный завод принимаются молодые люди для обучения на условиях, сходных помещикам [131]).—Желающие отдавать на открывающуюся пуговичную фабрику 12 мальчиков по 14 лет для обучения [132]).—На бумажной фабрике принимаются для обучения по сходным условиям молодые господские и вольные люди [133]).

Число этих извещений можно увеличить. Но все они с яркою убедительностью говорят о том, что петербургские фабриканты 18-го века и первой четверти 19-го в. особенно охотно эксплоатировали труд малолетних и труд даровой под видом обучения ..

П. Столпянский.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) С.-Петербургские Ведомости, 1792 г., 24 февраля, № 16, стр. 275

[2]) Там же, 1800 г., стр. 836.

[3]) Там же, 1800 г., стр. 2381.

[4]) Полное Собрание Законов, № 10914.

[5]) Там же, № 18962.

[6]) *Бронзовое.* С.-Пет. Вед., 1792, стр. 27; 1793, стр. 1488; 1794, стр. 1449; 1799, стр. 2117; 1804, стр. 552, 1349.

Булавочное. С.-Пет. Вед., 1804, стр. 1435.

Бумажное. С.-Пет. Вед., 1815, стр. 60; 1819, стр. 8; 1820, стр. 815.

Ватное. С.-Пет. Вед., 1796, стр. 2057; 1797, стр. 219.

Водочное. С.-Пет. Вед., 1789, стр. 532; 1791, стр. 213; 1793, стр. 1449, 1664; 1795, стр. 635, 2184, 2182; 1798, стр. 452; 1819, стр. 157; 1820, стр. 85, 110, 332, 399, 413.

Восковое. С.-Пет. Вед., 1770, № 70; 1773, № 37; 1776, № 82; 1792, стр. 926; 1796, стр. 80.

Галантерейных вещей. С.-Пет. Вед., 1794, стр. 1584.

Гончарное. С.-Пет. Вед., 1763, № 33; 1788, стр. 448; 1792, стр. 929, 1512; 1797, стр. 240, 1805, стр. 136.

Дрожжевое. С.-Пет. Вед., 1816, стр. 647.

Занавес на колесах. С.-Пет. Вед., 1867, стр. 328.

Канатное. С.-Пет. Вед., 1744, № 135; 1753, № 43; 1761, № 16; 1762, № 16; 1769, № 6, 1771, № 51; 1787, стр. 947; 1791, стр. 1009; 1792, стр. 777, 1090; 1795, стр. 1772, 1953; 1807, стр. 888; 1820, стр. 1151; 1823, стр. 10; 1824, стр. 751.

Карточное. Арх. Деп. Там. Сбор., стр. 231; С.-Пет. Вед., 1768, № 102; 1774, № 83; 1775, № 21, 81, 84; 1776, № 2, 10, 33, 65; 1777, № 88; 1780, стр. 851; 1785, стр. 581; 1794, стр. 396, 1789, 1874; 1795, стр. 2029; 1798, стр. 317; 1802, стр. 516

Кистей рисовальных. С.-Пет. Вед., 1800, стр. 2079.

Кирпичное. Опись сенат. указов Баранова, № 1353. С.-Пет. Вед., 1742, стр. 150. Опись Баранова, № 9061. С.-Пет. Вед., 1782, стр. 151; 1789, стр. 833; 1792, стр. 1002; 1793, стр. 1451; 1794, стр. 1422; 1795, стр. 272; 1808, стр. 430; 1811, стр. 432; 1823, стр. 51.

Кожевенное. С.-Пет. Вед., 1742, стр. 112; 1743, стр. 332; 1748, стр. 5; 1752, стр. 358; 1773, № 76; 1780, стр. 124; 1788, стр. 384; 1790, стр. 72; 1792, стр. 178, 1261, 1657, 1905; 1793, стр. 222, 1359, 1447; 1795, стр. 1502; 1798, стр. 1988, 2213; 1799, стр. 1347; 1800, стр. 2340; 1801, стр. 1240. Арх. Мор. Мин. д. гр. Кушелева №№ 51, 52 л. 205. С.-Пет. Вед., 1819, стр. 813.

Красильное. С.-Пет. Вед., 1761, № 43; 1763, № 59; 1790, стр. 932; 1794, стр. 1603.

Красочное. Арх. Мор. Мин. Указ. Ад. Кол., № 22 (II), лист 215 — 216. С.-Пет. Вед., 1867, стр. 422.

Кружевное. С.-Пет. Вед., 1781, стр. 395; 1787, стр. 64.

Купоросное масло. С.-Пет. Вед., 1807, стр. 728.

Ламповое. С.-Пет. Вед., 1807, стр. 49, 1809, стр. 312.

Ленточное. С.-Пет. Вед., 1770, № 29; 1794, стр. 2173; 1797, стр. 1665; 1798, стр. 824; 1802, стр. 1925; 1803, стр. 126; 1817, стр. 520.

Литейное. С.-Пет. Вед., 1800, стр. 435; 1825, стр. 108.

Макаронное. С.-Пет. Вед., 1805, стр. 397; 1812, стр. 501.

Масла осветительного. С.-Пет. Вед., 1808, стр. 326, 1155; 1809, стр. 987.

Мебельное. С.-Пет. Вед., 1801, стр. 490; 1821, стр. 933.

Медное. С.-Пет. Вед., 1754, стр. 376; 1755, № 63.

Медоваренное. С.-Пет. Вед., 1819, стр. 534; 1821, стр. 983.

Мельница костяная. С.-Пет. Вед., 1825, стр. 53.
Мельница крупяная. С.-Пет. Вед., 1767, № 32; 1803, стр. 2189.
Мельница мучная. С.-Пет. Вед., 1799, стр. 520; 1801, стр. 418.
Музыкальное. С.-Пет. Вед., 1765, № 69; 1780, стр. 121, 184; 1784, стр. 1368; 1785, стр. 126, 801, 1016; 1789, стр. 869, 1598; 1792, стр. 485; 1793, стр. 67; 1800, стр. 183; 1801, стр. 130, 3022; 1805, стр. 865; 1811, стр. 276, 367; 1814, стр. 679; 1815, стр. 59; 1816, стр. 355; 1818, стр. 672; 1819, стр. 1183; 1820, стр. 98.
Мыльное. 1772, № 97; 1773, № 82; 1779, стр. 505; 1779, стр. 370; 1784, стр. 586; 1785, стр. 888; 1787, стр. 835, 1184; 1800, стр. 60; 1862, стр. 682; 1863, стр. 2492; 1805, стр. 980, 1053; 1808, стр. 1433; 1815, стр. 815; 1816, стр. 713; 1820, стр. 1183; 1823, стр. 868.
Нашатырное. С.-Пет. Вед., 1805, стр. 584.
Обойное. С.-Пет. Вед., 1751, стр. 769; 1768, № 43; 1769, № 16; 1770, № 38; 1773, № 37; 1774, № 49, 87.
Парфюмерное. С.-Пет. Вед., 1749, стр. 291; 1778, стр. 610.
Пергаментное. Арх. Мор. Мин. д. Адм. Ов. 20, л. 16; д. Адм. Кол., 1718, ов. л. 144. С.-Пет. Вед., 1739, стр. 7; 1745, стр. 623; 1805, стр. 1805, стр. 1029.
Перчаточное. С.-Пет. Вед., 1795, стр. 200.
Печное. С.-Пет. Вед., 1795, стр. 899.
Пивное. Мор. Арх. д. Апраксина, № 178, л. 244; д. Адм. Кол., № 20, л. 340—382. Мат. Ист. Русск. Флота, т. IV, стр. 406. Арх. Мор. Мин. д. Адм. Кол., 1719, № 6, лл. 133—136. Мат. Ист. Русск. Фл., IV, 478. С.-Пет. Вед., 1739, стр. 7; 1746, стр. 518; 1747, стр. 56, 383; 1755, № 100. Опись сенатских указов Баранова, № 10713. Полное Собрание Законов, № 11300, 11302. С.-Пет. Вед., 1761, № 6; 1762, № 17, 70; 1763, № 81. Петров. История С.-Петербурга, 748. С.-Пет. Вед., 1767, № 84, 91; 1768, № 18; 1769, № 103; 1771, № 30, 40, 46, 82, 82, 82, 87; 1772, № 11, 68, 91; 1774, № 98; 1775, № 8, 80; 1776, № 60; 1777, № 35; 1778, № 13; 1779, стр. 1450; 1780, стр. 123; 1781, стр. 375; 1783, стр. 105; 1784, стр. 41, 105, 1150; 1787, стр. 1367; 1788, стр. 286; 1789, стр. 1512, 1566; 1790, стр. 236, 357, 1042, 1546; 1791, стр. 55, 201, 229, 305, 1086, 1205, 1470; 1792, стр. 264, 272, 287, 395, 370, 1240; 1793, стр. 343, 592, 801, 1008; 1794, стр. 203, 944, 987, 1359, 1533, 1621, 2071, 2282; 1795, стр. 92, 635, 303, 635, 1834, 1861, 2184, 2250; 1796, стр. 444, 1835, 1860, 2309; 1797, стр. 344, 814, 1372, 1372; 1798, стр. 915, 1009, 2424, 2422, 2521; 1799, стр. 79, 461, 943, 1641; 1800, стр. 22, 397, 3023; 1801, стр. 734, 2264, 3072. Арх. Гор. думы 377/154, св. 9. С.-Пет. Вед., 1864, № 89; 1806, стр. 110; 1808, стр. 314; 1809, стр. 240, 988; 1821, стр. 77, 1778; 1823, стр. 31; 1825, стр. 233.
Позументное. Опись сенат. указов Баранова, № 5118. С.-Пет. Вед., 1735, стр. 409; 1752, стр. 287, 1765, № 41; 1766, № 47; 1771, № 20; 1775, № 19; 1776, № 21.
Полотняное. С.-Пет. Вед., 1744, стр. 255; 1765, № 43; 1797, стр. 1956; 1798, стр. 958, 1889; 1799, стр. 136, 320; 1807, стр. 169.
Помадное. С.-Пет. Вед., 1782, стр. 725; 1789, стр. 11; 1794, стр. 2318; 1795, стр. 458, 852; 1796, стр. 627; 1798, стр. 2578; 1807, стр. 1264; 1823, стр. 801.
Пороховое. Арх. Мор. Мин. Указы Ад. Кол., 2 л., 780, 81, 86, 88. Арх. Арт. Музея. Д. П. П., 137/18.
Поташное. С.-Пет. Вед., 1792, стр. 1656.
Прядильное. С.-Пет. Вед., 1794, стр. 299.
Пудры. С.-Пет. Вед., 1792, стр. 391, 690; 1793, стр. 1684; 1794, стр. 78, 2299, 2318; 1795, стр. 1954; 1796, стр. 1692; 1798, стр. 2631.
Румян. С.-Пет. Вед., 1781, стр. 156; 1782, стр. 726; 1786, стр. 996.
Сахарное. Петров, стр. 595. С.-Пет. Вед., 1741 — 430; 1743, стр. 50, 382; 1749, стр. 792; 1751, стр. 578; 1756, № 32; 1757, № 28; 1759, стр. 264, 584; 1764, № 37, 79; 1765, № 34, 39; 1766, № 17; 1775, № 46; 1777, № 3; 1789, стр. 568; 1791, стр. 24, 344, 374; 1792, стр. 73, 416, 1414; 1793, стр. 431, 496, 652, 712, 852; 1794, стр. 1089, 1359, 1696, 1874; 1795, стр. 780, 929, 1408; 1796, стр. 174, 1475, 1566, 1859; 1797, стр. 850; 1800, стр. 2956; 1861, стр. 1387; 1862, стр. 1233. Арх. Гор. думы, 366/210, св. 9. С.-Пет. Вед., 1805, стр. 373; 1869, стр. 740; 1810, стр. 293; 1813, стр. 472; 1816, стр. 193; 1818, стр. 680; 1820, стр. 660; 1822, стр. 597, 994; 1823, стр. 659; 1824, стр. 317, 707; 1825, стр. 225, 291, 639, 748.
Свечное. Арх. Мор. Мин. Адм. Кол., № 137. С.-Пет. Вед., 1790, стр. 357; 1795, стр. 95; 1797, стр. 936; 1798, стр. 1931; 1807, стр. 1130; 1812, стр. 1336; 1818, стр. 1049; 1821, стр. 1183; 1822, стр. 132; 1824, стр. 1050.
Ситцевое. С.-Пет. Вед., 1786, стр. 423; 1794, стр. 966; 1795, стр. 852; 1784, стр. 1918; 1796, стр. 677; 1797, стр. 1290; 1799, стр. 521; 1800, стр. 1672; 1801, стр. 486; 1802, стр. 119; 1805, стр. 890; 1808, стр. 1152; 1820, стр. 358; 1822, стр. 947.
Слесарное. С.-Пет. Вед., 1768, № 58.
Соляное. С.-Пет. Вед., 1792, стр. 275.
Стальное. С.-Пет. Вед., 1800, стр. 836.
Стеклянное. Пол. Собр. Зак., № 7574. С.-Пет. Вед., 1739, стр. 302; 1741, стр. 160; 1751, стр. 596; 1752, стр. 208; 1753, стр. 227; 1756, № 49; 1763, № 20; 1765, № 45; 1767, № 3; 1770, № 45; 1771, № 29; 1773, № 20; 1774, № 6; 1777, № 25; 1802, стр. 1089; 1803, стр. 2032. Арх. Мин. Дв., 1/456, XLVI, 213. С.-Пет. Вед., 1806, стр. 129.
Суконное. С.-Пет. Вед., 1760, № 66; 1763, № 3; 1779, стр. 1236; 1791, стр. 39, 1798, стр. 31; 1812, стр. 322. Мансуров. Охтенская Слобода, стр. 114. С.-Пет. Вед., 1818, стр. 720; 1823, стр. 538; 1824, стр. 43.

Сургучное. С.-Пет. Вед., 1752, стр. 764; 1753, стр. 464; 1768, № 84; 1769, № 1; 1770, № 21; 1771, № 9; 1785, стр. 273; 1791, 465; 1814, стр. 853; 1818, стр. 263.

Табачное. С.-Пет. Вед., 1746, стр. 296; 1747, стр. 823; 1751, стр. 424; 1778, стр. 741; 1786, стр. 829; 1797, стр. 758; 1800, стр. 2887; 1864, стр. 1317, 1465; 1865, стр. 673; 1809, стр. 1091; 1811, № 63; 1816, стр. 193; 1823, стр. 946; 1824, стр. 1179; 1825, стр. 168, 327, 920.

Трубок курительных. С.-Пет. Вед., 1802, стр. 1596; 1817, стр. 1165; 1822, стр. 1068; 1825, стр. 446.

Уксусное. С.-Пет. Вед., 1796, стр. 1067; 1797, стр. 445; 1807, стр. 297; 1816, стр. 647; 1824, стр. 698.

Фарфоровое. С.-Пет. Вед., 1793, стр. 1318; 1794, стр. 1763; 1796, стр. 1095; 1797, стр. 222, 1548; 1798, стр. 678; 1800, стр. 2580; 1801, стр. 788; 1802, стр. 484; 1805, стр. 219; 1811, стр. 113; 1812, Селиванов, стр. 97; С.-Пет. Вед., 1823, стр. 93; 1824, № 22.

Фольги. С.-Пет. Вед., 1776, № 17; 1790, стр. 179; 1791, стр. 584; 1794, стр. 2299; 1795, стр. 111.

Холстинки. С.-Пет. Вед., 1818, стр. 1123.

Цветов искусственных. С.-Пет. Вед., 1798, стр. 2374.

Цикорное. С.-Пет. Вед., 1863, стр. 665; 1864, стр. 2133.

Часовое. С.-Пет. Вед., 1764, № 99; 1772, № 7; 1775, № 52.

Чугунное. С.-Пет. Вед., 1794, стр. 1844; 1800; стр. 435. Арх. Мор. Мин. Выс. Пов., № 72, л. 162. С.-Пет. Вед., 1801, стр. 3189; 1865, стр. 108; 1807, стр. 43; 1808, стр. 1128; 1809, стр. 280; 1810, стр. 309; 1817, стр. 684.

Чулочное. С.-Пет. Вед., 1784, стр. 1447. Полн. Соб. Зак., № 10845. С.-Пет. Вед., 1759, стр. 375, № 84; 1760, № 16; 1763, № 61; 1768, № 32; 1769, № 67; 1770, № 61; 1780, стр. 1078; 1785, стр. 582; 1792, стр. 742; 1805, стр. 1150; 1815, стр. 60; 1818, стр. 1124.

Шелковое. С.-Пет. Вед., 1770, № 20, 39; 1773, № 78; 1774, № 9, 16, 37; 1776, № 15; 1784, стр. 255; 1787, стр. 50; 1788, стр. 575; 1791, стр. 1632; 1794, стр. 1135, 1490; 1795, стр. 220; 1796, стр. 816, 967; 1798, 2215; 1799, стр. 496, 356.

Шляпное. С.-Пет. Вед., 1754, стр. 560; 1760, № 14; 1761, № 24, 34; 1763, № 29; 1764, № 44; 1765, № 38; 1768, № 100; 1769, № 26; 1771, № 42; 1818, стр. 287; 1822, стр. 413, 316, 413; 1825, стр. 346.

Шоколадное. С.-Пет. Вед., 1753, стр. 464; 1788, стр. 33; 1791, стр. 163, 307, 1718; 1795, стр. 1198; 1796, стр. 495, 1569; 1797, стр. 107, 219, 2152; 1798, стр. 1931; 1799, стр. 2260; 1802, стр. 1926; 1812, стр. 383; 1817, стр. 839, 1185; 1818, стр. 331; 1823, стр. 14.

Эполетное. С.-Пет. Вед., 1820, стр. 1417.

[7]) Полное Собрание Законов, № 2848.

[8]) Русский Архив, 1872, стр. 1417.

[9]) Полное Собрание Законов, № 2721.

[10]) Материалы к истории флота, т. IV, стр. 383.

[11]) С.-Пет. Вед., 1769, № 49.

[12]) Там же, 1770, № 98.

[13]) Там же, 1780, стр. 499.

[14]) Там же, 1795, стр. 10.

[15]) Там же, 1775, № 70.

[16]) Общий архив б. минист. двора. Опись 73/187, кореш. 8433, дело 82, л. 874.

[17]) С.-Пет. Вед., 1743, стр. 674.

[18]) Там же, 1756, № 33.

[19]) Там же, 1745, стр. 568.

[20]) Материалы к истории Рус. флот, т. IV, стр. 406.

[21]) С.-Пет. Вед., 1746, стр. 518.

[22]) Опись Сенатских указов Баранова, № 10713.

[23]) С.-Пет. Вед., 1769, № 103.

[24]) Там же, 1767, № 91.

[25]) Там же, 1771, № 82.

[26]) Между прочим, укажем, что в архиве б. городской думы—где теперь этот архив, мы не знаем—имелось очень интересное дело 1803 года — ведомость существования в то время пивоварен — опись 377/154, св. 9 и другое, на год раньше, 1802 г., оценка сахарных фабрик, опись 366/210 св. 9. Мы, к сожалению, могли только отметить эти дела по описи, использование их было отложено на более благоприятное время — сохранились ли эти дела в настоящее время, мы не знаем.

[27]) Петров. История Петербурга, стр. 595. На этой и следующих страницах Петров приводит к сожалению, без указания источника заимствования, ведомость петербургских заводов за 1758 г. По словам Петрова, в это время в Петербурге было 43 промышленных заведения.

[28]) С.-Пет. Вед., 1751, стр. 578.

[29]) Там же, 1743, стр. 382.

[30]) Там же, 1756, № 32.

[31]) Там же, 1764, № 37.

[32]) Там же, 1824, стр. 317.

[33]) Там же, 1800, стр. 1958.

[34]) Там же, 1822, стр. 994.

[35]) Там же, 1755, № 43.

[36]) Там же, 1792, № 41, стр. 777.

[37]) Там же, 1792, № 96, стр. 1905

[38]) Там же, 1742, стр 112.

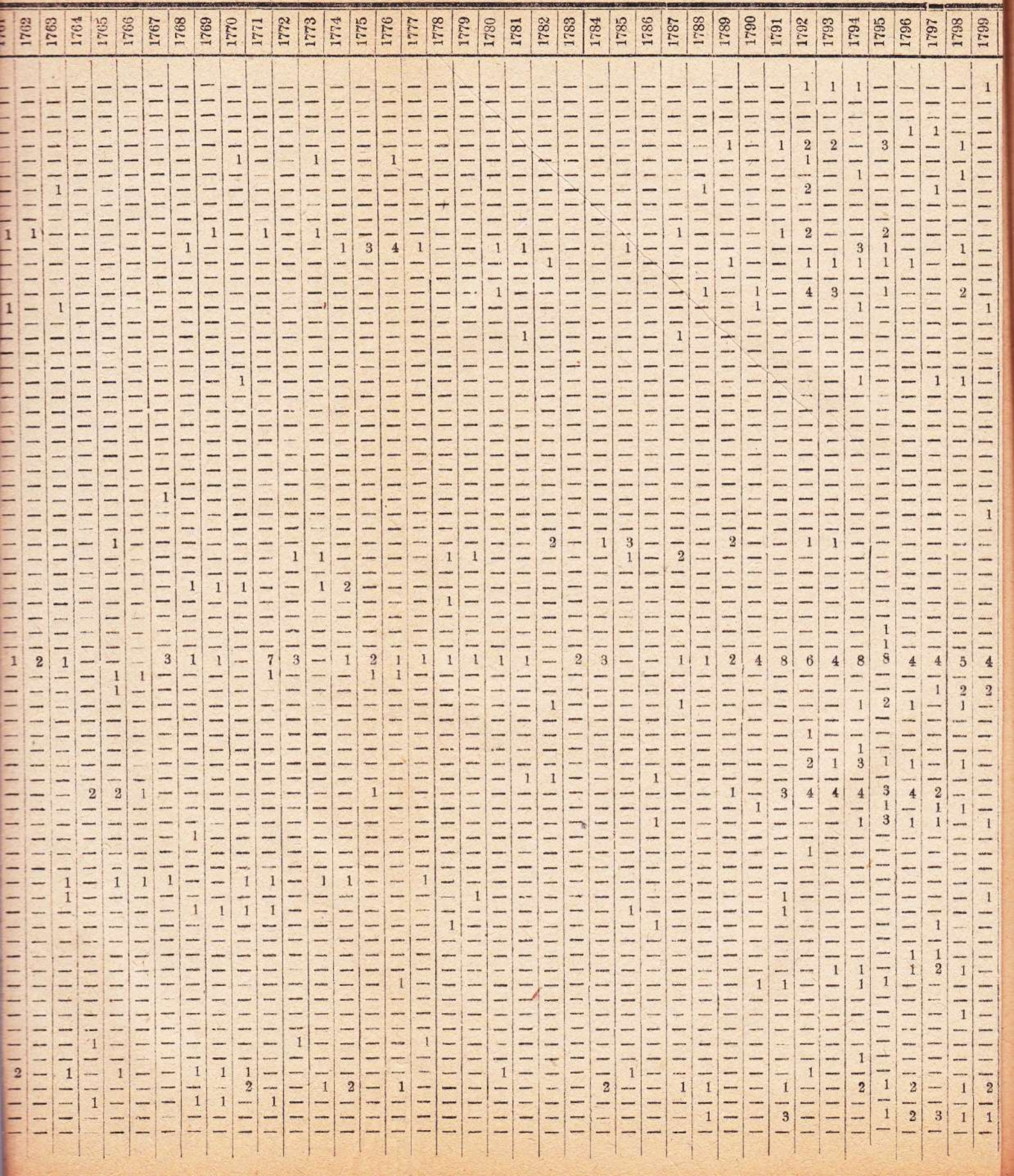
[39]) Там же, 1748, стр. 5.
[40]) Там же, 1744, стр. 295.
[41]) Полное Собрание Законов, № 3449.
[42]) Общий архив бывш. минист. двора, опись 127/361, д. 98, л. 107.
[43]) С.-Пет. Вед., 1792, стр. 989.
[44]) Общий архив бывш. Мин. двора, опись 127/561, д. 98, л. 159.
[45]) Там же, д. 32, л.л. 32 и 66.
[46]) С.-Пет. Вед., 1784, стр. 1447.
[47]) Там же, 1785, стр. 582.
[48]) Там же, 1768, № 32.
[49]) Там же, 1769, № 67.
[50]) Арх. б. Мор. Мин., дела гр. Апраксина, № 79, л.л. 53—56; 61—64; 101—102.
[51]) Там же, д. Крюйса, № 28, л.л. 13—16; 88—93; 144—146.
[52]) Там же, д. Крюйса, № 9, л.л. 13, 14, 17, 19, 80, 84, 200, 240, 242.
[53]) Там же, д. Крюйса, № 12, л.л. 18, 60, 81, 82.
[54]) Там же, д. Мордвинова, № 13, л. 576.
[55]) Там же, Указы Адм. Кол., 68 (I) л.л. 732—757.
[56]) С.-Пет. Вед., 1786, стр. 829.
[57]) Там же, 1823, стр. 946.
[58]) Там же, 1802, стр. 1596.
[59]) Там же, 1808, стр 1064.
[60]) Там же, 1825, стр. 446.
[61]) Там же, 1822, стр. 1068.
[62]) Там же, 1760, № 61.
[63]) Там же, 1768, стр. 423.
[64]) Там же, 1792, стр. 1132.
[65]) Там же, 1794, № 41, стр. 966.
[66]) Там же, 1797, № 59, стр. 1290—1291.
[67]) Там же, 1799, стр. стр. 521.
[68]) Там же, 1870, стр. 1672.
[69]) Там же, 1801, стр. 786.
[70]) Там же, 1802, стр. 119.
[71]) Там же, 1805, стр. 870.
[72]) Там же, 1808, стр. 1152.
[73]) Там же, 1744, стр. 255.
[74]) Там же, 1768, стр. № 43.
[75]) Там же, 1798, № 41, стр. 958.
[76]) Там же, 1760, № 66.
[77]) Там же, 1763, № 3.
[78]) Там же, 1779, стр. 1236.
[79]) Мансуров. Охтенская слобода, стр. 114.
[80]) С.-Пет. Вед., 1823, стр. 538.
[81]) Там же, 1824, стр. 43.
[82]) Северная Почта, 1809, № 4.
[83]) Там же, 1810, № 89.
[84]) С.-Пет. Вед., 1794, № 79, стр. 1844.
[85]) Там же, 1800, стр. 435.
[86]) Архив бывш. Морск. Минист. Высоч. повел., № 72, л. 162.
[87]) С.-Пет. Вед., 1801, стр. 3189; 1807, стр. 43; 1808, стр. 1128; 1809, стр. 280; 1810, стр. 309; 1817, стр. 684.
[88]) Цитируемое уже сочинение Мансурова, стр. 85 и 129.
[89]) С.-Пет. Вед., 1778, стр. 156, 124; 1781, стр. 89; 1782, стр. 613; 1784, стр. 650; 1781, стр. 89.
[90]) Там же, 1782, № 49, стр. 308.
[91]) Полное Собрание Законов, № 16783.
[92]) Северная Пчела, 1826, № 108.
[93]) С.-Пет. Вед., 1781, стр. 427.
[94]) Там же, 1791, стр. 405.
[95]) Там же, 1798, № 15, стр. 317.
[96]) Там же, 1788, стр. 33.
[97]) Там же, 1791, № 85, стр. 1718.
[98]) Там же, 1795, № 54, стр. 1118.
[99]) Архив бывш. Мин. Нар. Просв., опись 81/19, № 9128.
[100]) Опись Сенатских Указов Баранова, № 507.
[101]) Там же, № 8078.
[102]) Там же, № 8961.
[103]) Архив б. Мор. Мин. Указы Адм. Кол. 38 (I), л.л. 43—73.
[104]) Полное Собрание Законов, № 9694.
[105]) Там же, № 10440.
[106]) Там же, № 11218.
[107]) Там же, № 16781.

[108]) Там же, № 17275.
[109]) Сборник Исторического Общества, том 114, стр. 371, 404, 520, 582 и 535.
[110]) С.-Пет. Вед., 1785, стр. 409.
[111]) Опись Сенатских Указов Баранова, № 5118.
[112]) С.-Пет. Вед., 1794, № 94, стр. 2173.
[113]) Там же, 1817, стр. 523.
[114]) Там же, 1765, № 36, стр. 824.
[115]) Там же, 1798, № 41.
[116]) Историко-статистические сведения о С.-Петербургской Епархии, выпуск VI, стр. 19.
[117]) С.-Пет. Вед., 1770, № 39.
[118]) Там же, 1733, № 78.
[119]) Там же, 1774, № 37.
[120]) Там же, 1787, стр. 50.
[121]) Там же, 1791, № 81, стр. 1632.
[122]) Там же, 1741, стр. 480.
[123]) Там же, 1796, № 31, стр. 677.
[124]) Там же, № 40, стр. 852.
[125]) Там же, 1799, стр. 31.
[126]) Там же, 1782, № 29, стр. 215.
[127]) Там же, 1806, стр. 129.
[128]) Там же, 1759, № 84.
[129]) Там же, 1792, стр. 27.
[130]) Там же, 1802, номер от 4 апреля.
[131]) Там же, 1810, стр. 309.
[132]) Там же, 1810, стр. 359.
[133]) Там же, 1820, стр. 815.

Опечатка. На вкладном листе в первой графе вместо слова „Выбошное" следует читать „Водочное".

Производства.	1704	1713	1718	1719	1720	1721	1724	1729	1735	1738	1739	1741	1742	1743	1744	1745	1746	1747	1748	1749	1751	1752	1753	1754	1755	1756	1757	1758	1759	1760
Бронзовое																														
Булавочное																														
Бумажное																														
Ватное																														
Выбошное																														
Восковое				1																										
Галантерейных вещей																						1								
Гончарное																														
Дрожжевое																														
Занавес на колесах																														
Канатное															1										1					
Карточное																							1							
Кирпичное	1	1					1						1	1																
Костей																														
Кожевенное													1	1					1			1								
Красильное																														
Красочное																						1								
Кружевное																														
Купоросного масла																														
Ламповое																														
Ленточное																														
Литейное																														
Макаронное																														
Масла осветительного																														
Мебельное																														
Медное																														
Медоваренное																								1	1					
Мельница костяная																														
Мельница крупяная																														
Мельница мучная																														
Мельница пильная																														
Музыкальное																														
Мыльное																														
Нашатырное																														
Обойное																					1									
Парфюмерное																				1										
Пергаментное			1								1					1														
Перчаточное																														
Печное																														
Пивоваренное				1	1	1					1						1	2							1	1			1	
Позументное									1						1							1								
Полотняное																														
Помадное																														
Пороховое				1																										
Поташное																														
Прядильное																														
Пудренное																														
Румян																														
Сахарное			1									1		2						1	1					1	1		1	
Свечное								1																						
Ситцевое																														
Слесарное																														
Соляное																														
Стальное																														
Стеклянное										1	1	1									1	1	1			1				
Суконное																														
Сургучное																													1	
Табачное																						1	1							
Трубок курительных																	1	1			1									
Уксусное																														
Фарфоровое																														
Фольги																														
Холстинки																														
Цветов искусственных																														
Цикорное																														
Часовое																														
Чугунное																														
Чулочное										1																				
Шелковое																												1	1	1
Шляпное																								1						1
Шоколадное																							1							
Эполетное																														

ческая таблица известий о производствах в Петербурге.



К очерку П. Столпянского «Из истории производств в С.-Петербурге за 18-й век и первую четверть 19-го века».

1800	1801	1802	1803	1804	1805	1806	1807	1808	1809	1810	1811	1812	1813	1814	1815	1816	1817	1818	1819	1820	1821	1822	1823	1824	1825
—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	5	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1	—
—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	1	—	—	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	1
—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	2	—	—	—	1	—	—	—	—	—	2	—	—	1	1	1	—	1	2	1	—	—	—	—	—
—	—	1	1	—	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—	1	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3	—	—	1	1	—	1	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—	1
—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	1	2	—	—	1	—	—	—	1	1	—	—	1	—	—	1	—	1	—	1	—	2	1	2	4
—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1	—	1	—
1	1	1	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	1	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	1	1	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
1	—	—	—	2	1	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	1	3
—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	1
1	1	1	—	—	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	1	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	1	—	—	—	1	—	1	1	1	1	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	2	1	—	1	—	3	1	—	1

Цехи „вольных матросов" в Новороссийском крае в 1830—1853 г.г. [1]).

По утверждении русского владычества на берегах Азовского и Черного морей, естественно возник вопрос о местном торговом мореплавании. Вступивший в управление Новороссийским краем князь М. С. Воронцов, об'езжая подведомственные ему местности, не мог не видеть, что прибрежные жители Днепра приобретают с детства склонность к мореплаванию, и для того, чтобы быть хорошими моряками, им недостает только правильных знаний и приемов морского дела. Явилась мысль образовать из прибрежных жителей особое сословие матросов.

Представляя в 1826 г. министру финансов соображения о средствах поощрения торгового мореплавания, Воронцов, между прочим, высказался за желательность основания сословия моряков и образования из них в портовых городах цехов или обществ «вольных матросов», с предоставлением поступающим в цех льгот от некоторых повинностей. Министр финансов гр. Канкрин, разделяя мнение князя Воронцова, выработал постановление о торговом судостроении и мореходстве (высочайше утвержденное 12 февраля 1830 г.), которым были устранены некоторые формальности, стеснявшие судоетроение, и было предоставлено местному начальству учредить в Азовских, Черноморских и Дунайских портах цехи «вольных матросов». Вместе с тем (§ 26) указано было, что «за недостатком еще искусных и опытных русских матросов, и во уважение, что во время рейсов всегда полезно иметь некоторое число матросов других земель, дозволяется иметь на российских кораблях, принадлежащих собственно россиянам, матросов иностранных по 1840 г. не более трех частей, в течение следующих 10 лет не более половины, а с 1850 г. не более уже четвертой части, кроме случаев, в которых число иностранных матросов определено особыми торговыми трактатами; шхипера же и штурмана до 1840 г. могут быть русские и иностранцы, а потом шхипер всегда должен быть российский» [2]).

Ссылаясь на указанное повеление, местные начальства начали усиленно хлопотать об учреждении цехов,—но желающих вступать в них оказывалось немного, так как льготы представлялись недостаточными. Едва закон о сокращении иностранного экипажа был издан, как пришлось ослабить его действие: по представлению генерал-губернатора последовало 24 июня, 1830 г. повеление, чтобы выпускать суда из портов, если даже на них не будет определенного числа русских матросов.

Князь Воронцов, стремившийся освободить Азовское море от иностранных судов учреждением в Керчи карантина и создать отечественный каботаж, не мог оставаться равнодушным, видя неудачу первой попытки образования цехов «вольных матросов». Поэтому были составлены новые правила для учреждения морских цехов в приднепровских городах: Алешках и Никополе; главные условия были следующие: мещан и государственных крестьян, записавшихся в цехи добровольно, освободить от платежа податей, земской повинности, военного постоя и рекрутской

---

[1]) По материалам, хранящимся в отделении частных архивов Единого Государственного Архивного Фонда.

[2]) Полн. Собр. Зак. 1830 г. Т. V, № 3485.

повинности с тем, чтобы из них половина молодых людей, имеющих от роду от 15 до 20 лет, а из женатых и тех, которые имеют от 20 до 35 лет, десятый человек поступал на службу в Черноморский военный флот сроком на пять лет; в дальнейшем ежегодно поступает во флот по одному человеку от 20 душ; поступившие таким образом из цехов во флот люди должны были размещаться на транспортных судах, служба на которых ближе подходит к службе на купеческих судах. По окончании службы в военном флоте, каждый матрос мог получить патент на звание «опытного матроса», служащий ему и паспортом, с которым он может отправляться в плавание и за границу. Правила эти были высочайше утверждены 26 января 1834 г. [1]).

Благодаря личному попечению князя Воронцова в 1834 году учредились в Никополе и Алешках цехи «вольных матросов», в которые записалось 1.143 души; в 1835 г. из них поступило 120 человек на пятилетнюю службу в Черноморский флот и по отзывам морского начальства оказали хорошие успехи в изучении морского дела. Убедясь вследствие этого в пользе нового способа образования цехов моряков, князь Воронцов возбудил ходатайство о разрешении учредить цехи вольных моряков и в других местностях, прилегающих к Днепру и Азовскому морю, на что последовало высочайшее разрешение 7 ноября 1837 г., распространенное затем на черноморские и дунайские порты.

При дальнейшем учреждении цехов «вольных матросов» возник вопрос, могут ли вольные матросы, поступившие в цехи из государственных крестьян, пользоваться казенною землею для хлебопашества. Князь Воронцов настаивал, чтобы им было предоставлено право пользоваться землею бесплатно, но в виду возражений со стороны министра государственных имуществ графа Киселева, не разделявшего, повидимому, мнения о пользе учреждения матросских цехов в государственных селениях, вопрос этот был рассмотрен комитетом министров и в результате, по Положению 7 ноября 1839 г. [2]), вольным матросам было представлено в государственных селениях пользоваться паями земли, но с платежем оброчной подати. Кроме того, этим положением предписывалось: при первоначальном образовании цехов записывать государственных крестьян с семействами и одиноких, имеющих от роду от 17 до 35 лет, а после образования принимать в матросы лишь людей в возрасте от 17 до 20 лет. Уменьшение льгот [3]), назначение платежа за землю и определение лет, в какие можно записываться в цехи матросов, угрожало прекращением образования новых обществ. Поэтому в 1840 г. в Херсонскую губ. был командирован титулярный советник Бухтеев для ознакомления с положением дела и для привлечения местных жителей к записи в матросские цехи, ему удалось записать до 2.000 душ. Признавая меру эту удачной, князь Воронцов командировал Бухтеева и в другие губернии Новороссийского края.

Согласно материалам, собранным в 1856 г. (повидимому, Бухтеевым) для министерства государственных имуществ, число ревизских душ в цехах «вольных матросов» ежегодно увеличивалось и составляло:

Годы.	Число ревизских душ вольных матросов.	Число поступивших на 5-летнюю военную службу.	Годы.	Число ревизских душ вольных матросов.	Число пост. на 5-летн. воен. службу.
1835	1143	120	1845	7936	407
1836	1315	18	1846	8291	342
1837	1478	8	1847	8525	281
1838	1500	19	1848	8628	406
1839	1565	22	1849	9129	373
1840	3253	17	1850	9881	145
1841	3275	255	1851	11751	392
1842	3610	280	1852	12369	439
1843	3668	190	1853	12925	353
1844	7810	368	—	—	—

[1]) Полн. Собр. Зак. Т. IX, № 6745.
[2]) Полн. Собр. Зак. Т. XIV, № 12860.
[3]) Вольные матросы до 1840 г. освобождались от подушных податей в размере 95 к., оброчных за землю—2 р. 44 к., на устройство путей сообщений 9 к. и земской повинности—около 50 к., а всего 3 р. 98 к. с души. После 1840 г. матросы освобождались только от подушных 95 к., на устройство путей сообщений 9 к. и земской повинности 50 к., а всего 1 руб. 54 к.

По тем же материалам можно установить, что размер рекрутского набора с 1000 душ составлял:

Годы.	Размер рекрутского набора с 1000 душ.	Годы.	Размер рекрутского набора с 1000 душ.
1835	набора не было	1845	набора не было
1836	5	1846	5
1837	5	1847	7
1838	набора не было	1848	набора не было
1839	5	1849	8
1840	6	1850	7
1841	6	1851	набора не было
1842	5	1852	7
1843	набора не было	1853	набора не было
1844	5	—	—

Как было выше указано, вольные матросы поступали на военную службу на 5 лет, где, зачисляясь в комплект военных судов, заменяли матросов из рекрутов, набиравшихся на 25 лет. Таким образом пять вольных матросов равнялись одному рекруту. Из приведенных таблиц видно, что за рассматриваемый период из цехов на военную службу поступило 4435 человек; разделив эту цифру на 5, получим, что вольные матросы заменили во флоте 887 рекрутов, а если бы члены матросских цехов состояли в подушном окладе, то они должны бы были дать только 447 рекрутов. Следовательно, цехи «вольных матросов», учрежденные, главным образом, для обслуживания торгового флота, дали и для военного почти вдвое больше людей, чем податные сословия.

Образовавшиеся по мысли кн. Воронцова на всем пространстве Новороссийского края цехи «вольных матросов» принесли пользу как военному флоту, так и в деле развития русского коммерческого судоходства, сперва местного (каботажного), а затем заграничного и, быть-может, явились тем зерном, из которого, постепенно развиваясь и изменяясь, выросла организация настоящего времени—работников водного транспорта юга России.

А. Путилов.

Описания архивных фондов и дел, документы, заметки и проч.

Первые шаги легализованного профессионального движения в России.

Начало массового об'единения русских рабочих и прочего трудящегося элемента в профессиональные союзы относится к началу 1905 г., когда под влиянием событий 9-го января союзы начали создаваться явочным порядком. Таким революционным путем они продолжали возникать в течение всего 1905 и начала следующего года, пока, наконец, правительство, по признанию автора ниже приводимой оффициальной записки, не убедилось в том, что «нелегальное» положение союзов угрожало серьезнейшей опасностью «общественному спокойствию». Очутившись перед фактом открытого существования организованной массы трудящегося элемента, выдвинутой стихийными силами революции на арену экономической и политической борьбы, правительство вынуждено было издать знаменитые «временные правила 4 марта 1906 года о союзах, обществах и собраниях», которые предоставили относительную возможность легально об'единяться в союзы [1]). Началось лихорадочное законное об'единение в многочисленные профессиональные организации. Спустя год с небольшим, Россия покрылась целой сетью легальных и нелегальных союзов, при чем, по признанию того же автора, «административная власть, при существующем законе, оказалась бессильной бороться с проявившимся стремлением к об'единению».

Бессильная бороться с профессиональными союзами при существующем законе, власть, возглавляемая П. Столыпиным, стала взыскивать пути для подавления движения или, конкретнее выражаясь, прониклась мыслью о необходимости издания нового закона, позволившего бы тем же легальным путем начать систематическую ликвидацию массового профессионального движения.

Отголоском этого переходного периода (конец 1907—начало 1908 г.) в веяниях правительства служит лежащая перед нами оффициальная печатная «записка о профессиональном движении в империи», составленная, повидимому, в начале 1908 г. чиновником особых поручений при министре внутренних дел Блажчуком [2]). Исходя из того, что «невозможность борьбы с народившимися организациями обусловливалась главнейшим образом самим законом 4 марта 1906 г., вовсе не предоставлявшим правительственной власти надлежащих средств к прекращению производившегося революционизирования масс», Блажчук в записке прямо ставит вопрос: «не следует ли, в виду таких обстоятельств, отменить закон 4 марта 1906 г., совершенно упразднить легальное положение профессиональных обществ в России».

---

[1]) Список литературы о „временных правилах 4-го марта 1906 г." см. в „Указателе литературы по профессиональному движению рабочих", составленном *В. В. Святловским* (изд. 3-е, 1917 г., стр. 44—45).

[2]) Действительный статский советник Мих. Иван. Блажчук был в то время откомандирован для занятий в департамент полиции.

Не касаясь здесь общей истории борьбы правительства с профессиональным движением в то время [1]), не останавливаясь на содержании и оценке записки Блажчука, мы ограничиваемся передачей лишь одного из трех приложений к записке, позволяющего определить по губерниям приблизительное количество профессиональных союзов—легальных и нелегальных,—возникших в то короткое время. Дело в том, что вопрос о размерах профессионального движения того периода, насколько нам известно, вызывает споры. В. Святловский, напр., на основании статистических данных главного по фабричным делам присутствия, собранных к 1-му июля 1907 г., указывает на 861 профессиональное общество,—из них считалось действующих—643, получивших отказ в регистрации—187 и закрытых властями—31 [2]). Б. Гриневич ссылается на более «полный и авторитетный» подсчет, сделанный на основании материалов организационной комиссии по созыву с'езда профессиональных союзов, собранных второй анкетой в начале 1907 г.; по этому подсчету в России в начале 1907 г. существовали 652 союза [3]). Блажчук-же насчитывает 1046 профессиональных обществ, из числа коих «за вредное направление» закрыто 161, и вовсе не функционировали 85, при чем указывает, что рядом с зарегистрированными обществами существовали 94 нелегальных союзов. Таким образом, по оффициальным сведениям Блажчука, функционировало 800 союзов, т.-е. приблизительно на 150 больше—цифра относительно крупная—количества, указываемого Святловским и Гриневичем (первый—643, второй—652). Правда, иные сведения записки относятся к началу 1908 года, но не следует упустить из виду, что если во вторую половину 1907 г. количество союзов и могло увеличиться, то бесспорно, что в этот именно период правительство рядом циркулярных распоряжений, исходивших, между прочим, и от департамента полиции, вступило в полосу ликвидации профессионального движения и больше, чем в предшествующее время, позакрывало их. В соотношении пропорциональном, нам кажется, здесь большой разницы быть не может.

Но не только цифровой итог заставляет обратить внимание на сведения, заключающиеся в записке Блажчука. Они представляют помимо всего прочего интерес для характеристики первых шагов легального профессионального движения, так как отмечают размер движения по губерниям и областям. Такая сводка в литературе отсутствует.

К цифровым данным этим, конечно, можно отнестись с относительным доверием. Источником для них послужили материалы департамента полиции, собранные по секретному циркуляру (4-го его делопроизводства от 27 июля 1907 г. за № 73614), которым предлагалось всем губернаторам и градоначальникам представить—1) список существующих в губернии профессиональных обществ легальных, 2) нелегальных, 3) сведения о их деятельности и 4) сведения о закрытии обществ. А эта, именно, администрация была больше всего в курсе дела.

Р. Кантор.

Профессиональное движение по сведениям местных властей.

1. **Архангельская** губерния (по 3 ноября 1907 г.).

Зарегистрировано 16 профессиональных обществ, из коих закрыто два: «рабочих лесопильных заводов Архангельской губернии» и «рабочих лесопильного завода товарищества Кемских лесопильных заводов в г. Кеми», а три общества сами не функционируют. Члены закрытого общества «рабочих лесопильных заводов Архангельской губернии» пытались легализовать общество под другим названием, но ходатайство их уважено не было. В существующем ныне обществе «рабочих пекарень и булочных г. Архангельска» была попытка допустить в собрание агитаторов из посторонних лиц и, сверх того, в помещении этого общества была обнаружена при обыске нелегальная литература. Общество предупреждено, что при повторении подобных злоупотреблений будет закрыто.

---

[1]) Об этом см. в трудах *В. Святловского*, „Профессиональное движение в России“, и *Б. Гриневича*, „Профессиональное движение рабочих в России“ (подробный список литературы предмета—в упомянутом указателе В. Святловского).

[2]) В. Святловский. Профессиональное движение в России, стр. 171—172.

[3]) Б. Гриневич. Профессиональное движение рабочих в России. стр. 277—285. На стр. 89 автор высказывается, что в действительности число закрытых правительством союзом выше цифры, приведенной В. Святловским.

Сведений о существовании нелегализованных обществ у губернатора не имеется.

Уставы некоторых обществ, особенно общества «рабочих по металлу», имеют боевое направление, близкое к социал-демократической программе: целью общества поставляется стремление к улучшению правовых условий жизни членов, сокращению рабочего дня, к отмене сверхурочных работ, штрафов за прогулы и вычетов из жалования за ломку и порчу инструментов, к устройству потребительских лавок, к наблюдению за исполнением предпринимателями лежащих на них обязанностей, к замене договоров отдельных рабочих с хозяевами договорами последних с обществом, умственному и нравственному развитию членов путем издания газет, брошюр и книг и посредством устройства библиотек, читален, публичных лекций, чтений, курсов, вечеров, поездок, спектаклей и собеседований с общеобразовательной целью для выяснения текущих вопросов жизни. В запасные капиталы для расходов на массовые забастовки отчисляется до половины всех доходов. В среду общества допускаются «соревнователи» и сведущие лица, причем на посторонних лиц возлагается заведывание библиотеками, чтение лекций и т. п. В качестве органов управления, кроме общих собраний, правлений и ревизионных комиссий, в некоторых обществах учреждены Советы Общества и товарищеские суды.

2. **Астраханская** губерния (по 22 декабря 1907 г.).

Зарегистрировано 8 обществ, из коих два: «Астраханских таскалей, каталей и чернорабочих» и «рыбопромысловых и валовых рабочих на форпосте» закрыты за насильственные съемки с работ рабочих, не принадлежащих к обществу. Это последнее общество пыталось легализоваться под другим названием, но ходатайство уважено не было.

Нелегализованное общество одно—«Астраханский союз тружеников печатного дела».

Уставы обществ умеренного направления. В состав «церковно-певческого общества» допущены «почетные члены» и «члены-соревнователи» из посторонних лиц.

3. **Бессарабская** губерния (по 21 сентября 1907 г.).

Зарегистрировано 16 обществ. Нелегализованное общество одно, в гор. Бендерах, отделение всероссийского железно-дорожного союза; заметной деятельности оно не проявляет. Всех отделений 14, из коих 4 состоят отделениями зарегистрированных в гор. Одессе обществ. Из этих последних 4 отделений два отделения сами прекратили свою деятельность.

В уставах встречаются положения, близкие к социал-демократической программе: целью обществ ставятся: содействие умственному и культурно-нравственному развитию членов, выработка тарифных расценок, наблюдение за исполнением хозяевами их обязанностей, организация «собраний, с'ездов и конференций», издание периодического органа и «листков», устройство клубов, библиотек, читален, публичных лекций, рефератов, концертов, спектаклей, экскурсий, чтений курсов, собеседований с общеобразовательной целью. Кроме общего собрания и правления встречаются не установленные в законе органы управления: «делегатские собрания» и «товарищеские суды». Делегатским собраниям присвоено право вербовать новых членов, собирать взносы и назначать экстренные и специальные сборы. На членов возлагается обязанность выяснять товарищам значение и цели общества, с угрозою удаления из общества членов, не исполняющих в точности правил устава. При ликвидации общества остающиеся капиталы передаются другому обществу, преследующему однородные цели, по преимуществу, такому, в которое вступило наибольшее число членов закрытого общества. В запасные капиталы отчисляется до 40% всех доходов на нужды при массовой безработице. Для своих отделений некоторые общества выработали особые инструкции, коими совершенно закрепостили под свою власть отделения.

4. **Виленская** губерния (по 24 декабря 1907).

Зарегистрировано 21 общество, из коих 4 закрыто за вредное направление (устройство общих собраний без заявления полиции, участие в собраниях посторонних лиц, насилия), а 5 сами не функционируют (с 1906 года). Нелегализованных обществ 8, а именно: нелегально продолжают свою деятельность закрытые общества и, сверх того, нелегально же функционируют 3 общества, в легализации коим было отказано.

Виновные в нарушении уставов, «за невозможностью преследовать их судебным порядком», подвергались аресту в административном порядке. По надзору за обществами администрация поставлена в тяжелое положение «в виду непредоставления ей права рассмотрения уставов по существу и с точки зрения необходимости и целесообразности возникающего общества».

Уставы такого же направления: с целью просветительной деятельности допускают устройство клубов, библиотек, читален, школ, концертов, вечеров, рефератов, лекций, чайных, столовых и т. п. и разрешают публичные собрания с целью привлечения в общество новых членов. Вводятся непредусмотренные законом бюро, товарищеские суды и организационные комиссии. В боевой фонд отчисляется до 50% всех доходов. Для заведывания библиотекой, чтением лекций, юридической и медицинской помощью и т. п. приглашаются посторонние лица.

5. Витебская губерния (по 18 декабря 1907 г.).

Зарегистрировано 45 обществ, из коих 14 закрыто и 3 предполагается закрыть за вредное направление. Общество «посадчиков, кожевенников и шорников» не функционирует. Общества сосредоточены главным образом в городах Двинске и Витебске и находятся в теснейшей связи с революционными организациями, проводя забастовки, об'являя бойкот и допуская насильственные действия по отношению к работодателям. При обысках были найдены: в правлении общества торгово-промышленных служащих гор. Витебска—разрывной снаряд, в правлении общества рабочих спичечного дела—библиотека с преступными изданиями, в доме Мизроха и в квартире Мовшо Цивкина, известного под кличкою «Михаил»,—проекты уставов двух Витебских профессиональных обществ. Председателем правления общества рабочих по обработке металлов оказался член местного комитета Р. С. Д. Р. П. и военной организации Абросимов. Помещение правления этого последнего общества, за неразысканием его, осталось необысканным. На свободно разрешаемых администрацией общих собраниях партийные работники произносили зажигательные речи. Страх перед бойкотом и насилиями вынуждал и благонамеренных людей вступать в члены профессиональных обществ. Жандармская власть единственным выходом из этого положения признает совершенное закрытие обществ.

Нелегализованное общество одно, в г. Полоцке, а именно «общество портних, портных и шапочников».

Уставы такого же направления и, между прочим, разрешают доступ в общество посторонним лицам «соревнователям» и допускают, в случае ликвидации общества, передачу его имущества другому обществу.

6. Владимирская губерния (по 7 февраля 1908 г.).

Зарегистрировано 12 обществ, из числа коих общества: «рабочих фабрики И. А. Треумова» в г. Коврове и «ситце-печатных мастеров г. Иваново-Вознесенска», в виду их вредного направления, закрыты; сверх того приостановлена деятельность профессионального общества фабричных рабочих текстильного производства, в виду обнаружения, при обыске, в его библиотеке массы книг и брошюр революционного содержания. В губернии имеются, сверх того, три отделения зарегистрированных в Москве обществ, 18 таких же отделений закрыто, при чем одно из них закрыто самостоятельно Владимирским присутствием. Два общества были временно приостановлены. Попыток к возобновлению со стороны закрытых обществ не было.—Нелегализованных обществ нет.—Общество торгово-промышленных служащих города Иваново-Вознесенска просило разрешения открыть, с политическими целями, вечерне-воскресные курсы с программой средне-учебных заведений. Общество это, согласно своему уставу, «содействуя умственному, профессиональному и моральному развитию членов», устраивает клубы, библиотеки, читальни, публичные лекции, чтения, курсы и собеседования, а также вечера, концерты, спектакли и т. п. Обществу в означенном ходатайстве отказано.

В уставах целью общества поставляется защита правовых интересов его членов и содействие их умственному развитию. Обществу предоставляется право производить исследования быта рабочих, вырабатывать соглашения с хозяевами и следить за точным выполнением последними этих соглашений. В общество допускаются посторонние лица—«соревнователи».

7. Вологодская губерния (по 9 ноября 1917 г.).

Зарегистрировано 8 обществ, из коих 7 были временно приостановлены за стремление к слиянию, в целях революционных, в общий союз во главе с закрытым ныне обществом «служащих в торгово-промышленных заведениях гор. Вологды». Из этих 7 обществ лишь одно имело помещение для правления, и все они не заявляли фабричному инспектору о составе правления. Пяти обществам в регистрации было отказано. Закрытое общества дважды делало попытку к возобновлению под названием: «в единении сила». После закрытия сего общества руководительство прочими обществами взяло на себя «общество печатного дела». «Под влиянием политических ссыльных», рабочие, лихорадочно стремясь к об'единению, «обнаруживают

неспокойное настроение». В числе зарегистрированных присутствием обществ имеется «Пчеловодное общество на паях в гор. Никольске»; цель общества—получение его членами доходов от устраиваемой пасеки (дивидендов).

Нелегализованных обществ нет.

В уставы обществ введены положения о повышении заработной платы, отмене ночного труда и сдельных и сверхурочных работ, сокращения рабочего дня, об организации примирительных камер для разбора недоразумений рабочих с хозяевами, о наблюдении за исполнением хозяевами установленных для них соглашений с рабочими и т. п.

8. **Волынская** губерния (по 16 октября 1907 г.).

Зарегистрировано лишь «общество рабочих печатного дела Волынской губернии», деятельность которого приостановлена губернатором. «Общество вспомоществования приказчиков», утвержденное до закона 4 марта 1906 года, закрыто за стремление к обсуждению на собраниях политических вопросов. Имеется три отделения зарегистрированных в Киеве обществ.

Нелегализованных обществ тринадцать: печатного дела, приказчиков и конторщиков, приказчиков, рабочих табачных и гильзовых фабрик, рабочих гнутой мебели, столяров, рабочих по изделию кавказского серебра, жестяников, портных и шапочников, часовщиков и ювелиров; маляров, гладильщиков в прачечных заведениях и прачечников.

9. **Воронежская** губерния (по 1 февраля 1908 г.).

Зарегистрировано—в 1906 году—четыре общества, из коих одно (общество по обработке дерева) еще не открыло своих действий, за отсутствием желающих вступить в число его членов, и в 1907 году—5 обществ, которые также не открыли своих действий. За вредную деятельность закрыто общество приказчиков и служащих в торгово-промышленных предприятиях.

19 декабря 1907 года в гор. Воронеже был задержан один из участников разбойного нападения на бакалейную лавку Стаховского; задержанный назвался бывшим учителем Антоном Шевцовым; из найденных при нем документов выяснилось, что он, будучи членом одного профессионального общества и помощником секретаря правления другого общества, уполномочен на сбор пожертвований и на партийную работу в профессиональных обществах, а также на открытие отделений профессиональных обществ и на обозрение деятельности в существующих отделениях.

Нелегализованных обществ нет.—Уставы носят обычный боевой характер.

10. **Вятская** губерния (по 9 ноября 1907 г.).

Зарегистрировано пять обществ.—Нелегализованных обществ нет.

В уставах общества ставят своею целью: стремление к сокращению рабочего дня, к установлению праздничного отдыха, недопущению сверхурочных и домашних работ, к уплате жалованья 2 раза в месяц, установлению ежегодных отпусков до 1 месяца с сохранением жалованья, к уплате уволенному рабочему трехмесячного жалованья, а также устройство клубов, библиотек, читален, курсов и чтений. В общество допускаются, в качестве почетных членов, посторонние лица.

11. **Гродненская** губерния (по 24 октября 1907 г.).

Зарегистрировано в 1906 году три общества, из коих одно (общество торгово-промышленных служащих гор. Бреста), за политическую неблагонадежность некоторых членов, закрыто (определение присутствия о закрытии обжаловано в Сенат), и в 1907 году—четыре общества, из коих три, зарегистрированных 12 мая, еще не открыли своих действий.

Нелегализованных обществ 5: портных, печатного и игольного дела и кожевенников (в м. Свислочь и Скидель).—В уставах содержатся те же положения боевого характера.

12. **Екатеринославская** губерния (по 3 ноября 1907 г.).

Зарегистрировано в 1906 году 50 обществ, из коих 4, а именно: рабочих печатного дела, рабочих железоделательных заводов, рабочих электрической тяги и общество по покупке и продаже лесных материалов—закрыты за противоправительственную деятельность (за предоставление своих помещений для социал-демократических собраний), и в 1907 году 15 обществ, из коих 2, зарегистрированных в апреле и мае, еще не функционируют. Одно из закрытых обществ (общество по покупке и продаже лесных материалов) пыталось возникнуть под другим названием, но ходатайство уважено не было.

Нелегализованных обществ два: союз учителей и союз железно-дорожных служащих.—Уставы обычного боевого характера.

13. Казанская губерния (по 13 декабря 1907 года).

Зарегистрировано семь обществ, из коих три: фармацевтов, булочников, кондитеров и калачников и рабочих кожевенного производства—закрыты за слияние с социалистическими организациями, каковое слияние выразилось в учреждении «центрального бюро профессиональных союзов», состоящего из социал-демократов и социал-революционеров, а также из представителей от профессиональных обществ. Закрытые общества отпускали средства на содержание Ц. Б. и, при посредстве бюро, вступили на путь выполнения партийных директив.

Нелегализованных обществ 7: по обработке дерева, по обработке металла, портных, печатного дела, газетчиков, книжников, экипажного производства и конторщиков, машинистов и канцеляристов.—Центральное бюро ликвидировано; сделано также распоряжение о ликвидации нелегализованных обществ.— Газета «Дневник Казани», подстрекавшая своими статьями рабочих соединяться в профессиональные союзы и образовывать этим путем капиталы для борьбы за пролетариат, прекратила свое существование.

Положения уставов такого же боевого направления.

14. Калужская губерния (по 22 сентября 1907 г.).

Зарегистрированных обществ нет.—Нелегализованных обществ также нет. Существовало лишь 4 отделения зарегистрированных в Москве обществ, из коих три уже закрыты. Одно из закрытых отделений пыталось легализоваться в общество, но ходатайство о сем уважено не было.

15. Киевская губерния (по 29 декабря 1907 г.).

Зарегистрировано 32 общества, из коих одно (Киевский союз рабочих печатного дела) закрыто за бойкот, а 3 общества сами не функционируют. Из существующих обществ «союзу служащих в торгово-промышленных предприятиях гор. Киева», за выбор делегатов, участие в собраниях посторонних лиц и не установленные уставом сборы пожертвований предложено, с предупреждением о закрытии, устранить эти неправильности, а по отношению к обществу «Киевскому союзу рабочих по металлу», в правлении которого было найдено по обыску значительное количество возникших явочным порядком брошюр революционного характера, никаких мер принято не было, за отсутствием «данных, подтверждающих, что деятельность союза изменила свою, утвержденную уставом, цель». Получены, но еще не проверены сведения о революционном направлении «общества служащих фармацевтов Киевской губернии». Бердичевское отделение этого последнего общества об'явило забастовку и постановило избрать примирительную камеру с тем, чтобы обратиться за содействием во Врачебное отделение, если аптекари откажутся от улажения конфликта посредством означенной камеры.

Из нелегальных обществ: в Киеве—одно—«центральное бюро киевских профессиональных союзов»,—уже прекратило свою деятельность; в гор. Умани—два: «союз печатников» и «союз рабочих чугуно-литейного завода Пинеса», которые также ныне не существуют; и в городе Бердичеве—четыре бундовских: «союз приказчиков, бухгалтеров и конторщиков» (самый многолюдный), «союз кожевников», «союз портных» и «союз рабочих печатного дела», из коих последний отличается наибольшей влиятельностью. Эти последние нелегальные союзы (Бердичевские, кроме кожевников) проводят забастовки и бойкоты, штрафуют непокорных хозяев, назначают рабочих из безработных, и притом, сверх штата, помимо желания хозяев, и допускают умышленно небрежную работу (саботаж).

Уставы обществ в большинстве случаев крайне либеральны и целиком построены на общих принципах социал-демократической программы: общества ставят своею целью: об'единение рабочих в пределах всего генерал-губернаторства, содействие умственному и нравственному развитию членов, изгнание сверхурочных работ и сдельной платы, достижение еженедельного отдыха непрерывно в течение 42 часов, отмену штрафов за прогулы, браковок и проч., приобретение обществами, несмотря на национальность их членов, в пределах генерал-губернаторства недвижимой собственности, наблюдение за выполнением предпринимателями их соглашений с рабочими, устраивают библиотеки, читальни, публичные лекции, чтения, вечера, концерты и спектакли, устраивают общежития и столовые, кружки для самообразования и собеседования с общеобразовательной целью и для выяснения текущих вопросов жизни, сами изменяют свои уставы, производят статистическое обследование быта своих членов. Кроме общего собрания и правления допущены, в качестве органов управления, делегатские и депутатские собрания, третейские и товарищеские суды, бюро и т. п. Особенно широкая власть предоставлена депутатским собраниям; они исключают членов за неисполнение уставов, производят экстренные и специаль-

ные сборы, наблюдают за хозяевами и т. п. В запасный капитал (боевой фонд) отчисляется половина всех доходов. В общества входят и посторонние лица в качестве почетных членов.

16. **Ковенская** губерния (по 26 ноябри 1907 г.).

Зарегистрировано восемь обществ.—Нелегализованных обществ нет.—Уставы умеренного направления.

17. **Костромская** губерния (по 18 сентября 1907 г.).

Зарегистрировано 11 обществ, из коих 2 (по обработке волокнистых веществ), за противоправительственное направление (празднование 1 мая, манифестация с красными флагами, забастовки), закрыты. Одно из закрытых обществ имело 7 отделений. Нелегализованных обществ нет.

Согласно уставов—целью общества ставится: стремление к увеличению заработной платы и сокращению рабочего дня, организация собраний и с'ездов, наблюдение за точным исполнением хозяевами установленных для них соглашений с рабочими, устройство библиотек, читален, публичных лекций, экскурсий, чтений, собеседований и т. п.

18. **Курляндская** губерния (по 18 сентября 1907 г.).

Зарегистрировано два общества. Были 2 отделения общества, зарегистрированного в гор. Риге; отделения эти закрыты курляндским губернатором.—Уставы общества умеренного направления.

19. **Курская** губерния (по 7 января 1908 г.).

Зарегистрировано три общества.—Нелегальных союзов пять: «рабочих и служащих железно-дорожного узла», «рабочих по металлу», «рабочих свечного завода», «рабочих и работниц по изготовлению одежды» и «рабочих печатного дела». Существует также «центральное бюро курских профессиональных союзов», служащее об'единяющим органом местного профессионального движения.

20. **Лифляндская** губерния (по 27 октября 1907 г.).

Зарегистрировано 27 обществ, из коих одно («Прибалтийское общество типографов») за крайне вредное направление приостановлено. Но вообще во всех обществах имеется значительное число членов, входящих в состав социал-демократических организаций и стремящихся подчинить общества своему влиянию. В губернии почти все рабочие об'единились в профессиональные общества. Некоторые общества распространили свою деятельность и на другие губернии Прибалтийского края.

Уставы обычного боевого направления.

21. **Минская** губерния (по 13 ноября 1907 г.).

Зарегистрировано 16 обществ, из коих «общество приказчиков и приказчиц», за связь с «тайным стачечным комитетом» (прибегавшим к угрозам, стачкам, забастовкам, насилиям и покушениям на жизнь и целость имущества хозяев), закрыто; усилен надзор над обществом рабочих спичечных фабрик гор. Борисова, так как было замечено, что общество это допускает в свое помещение посторонних лиц.—Нелегализованных обществ нет.

В уставах целью общества ставится: устройство лекций, чтений, собеседований, рефератов докладов и т. п., открытие библиотек, читален, школ, клубов и курсов, учреждение потребительских обществ. В общества допускаются, в качестве членов соревнователей, посторонние лица. При ликвидации общества имущество его передается другому обществу с однородными целями.

22. **Могилевская** губерния (по 17 сентября 1907 года).

Зарегистрированных обществ нет, так как все ходатайства о легализации (коих было 5) были отклонены. Нелегализованных обществ 4: фармацевтов, приказчиков (в гор. Могилеве и Гомеле) и рабочих печатного и переплетного дела.

23. **Московская** губерния (по 8 января 1908 г.).

В губернии зарегистрировано шесть обществ, из коих одно (общество рабочих Мытищенского машиностроительного завода) за вредную деятельность закрыто. Зато губерния покрыта целой сетью отделений зарегистрированных московским столичным присутствием обществ; таких отделений было 33, из коих 26 были закрыты лишь после донесения губернатора от 22 мая 1907 года о серьезной опасности, которой эти отделения угрожают общественному спокойствию в виду их взаимной между собой связи чрез посредство «Московских центральных бюро», состоящих из революционных элементов и представителей от профессиональных обществ, а также благодаря тому, что в уставах этих обществ имеются особые параграфы о свободе стачек и допущении в общества членов соревнователей (врачей, юристов, литераторов). Опасность усу

гублялась отсутствием в законе правила, по которому отделения могли бы открываться не иначе, как с разрешения местной власти.—Нелегализованных обществ в губернии нет. Градоначальник Рейнбот, не отрицая того, что в уставах общества допускались правила о свободе стачек и о допущении в общество членов соревнователей, донес (6 июля 1907 года за № 17685), что в последнее время регистрация уставов с такими дефектами отклонялась.

По городу Москве зарегистрировано 83 общества (сведения дополнены данными, имеющимися в Департаменте Общих Дел), из коих продолжают свою деятельность 57, остальные 26 обществ закрыты за вредное направление (за стачки и бойкот). Из числа закрытых обществ девять пытались возродиться под другими названиями, а 8 продолжают действовать подпольно. Кроме того, существуют следующие нелегальные общества: «всероссийский железнодорожный союз» и «всероссийский профессиональный союз железнодорожных служащих». Замечено настойчивое проникновение деятелей революционных организаций в составы правлений как зарегистрированных, так и нелегальных обществ.

Уставы крайне боевого направления.

24. **Нижегородская** губерния (по 24 сентября 1907 года).

Зарегистрировано 21 общество, из коих одному (печатного дела), за насильственное вытеснение с работ рабочих, не состоящих членами, воспрещены общие собрания, а 6 обществ (портных Сормовских заводов, приказчиков, конторщиков, кустарей и кожевенников) закрыто за вредную деятельность (открытие, без разрешения, библиотек с запрещенными изданиями, бойкот, выражение порицания должностному лицу). Одно из закрытых обществ (портных) пыталось возродиться под другим названием.

Из зарегистрированных обществ два общества — рабочих товарищества льнопрядильной мануфактуры при сельце Молитовке и домостроительная артель рабочих (с момента регистрации—января 1907 года и сентября 1906 года) не функционируют; учредители первого из них вскоре после регистрации выбыли из сельца Молитовки, где предполагалось учредить общество. Нелегализованных обществ два: «волжская судоходная организация» и «учительский союз».

В уставах целью общества ставится—организация собраний и с'ездов, наблюдение за выполнением хозяевами установленных для них соглашений с рабочими, устройство библиотек-читален, публичных лекций, экскурсий, чтений, курсов и собеседований. В запасный (боевой) капитал отчисляется свыше 50% всех доходов.

25. **Новгородская** губерния (по 20 сентября 1907 года).

Зарегистрировано три общества, из коих одно (рабочих булочно-кондитерского, бараночного и хлебного производств) не развилось и само прекратило свое существование.—Нелегализованное общество одно—«союз учителей и деятелей по народному образованию». — Уставы обществ умеренного направления.

26. **Олонецкая** губерния (по 11 сентября 1907 г.).

Ни зарегистрированных, ни нелегализованных обществ нет.

27. **Оренбургская** губерния (по 20 октября 1907 года).

Зарегистрировано семь обществ.—Нелегализованных обществ нет.—Уставы обществ умеренного направления.

28. **Орловская** губерния (по 25 сентября 1907 г.).

Зарегистрировано четыре общества, из коих одно («содержателей булочных и кондитерских заведений») не функционирует.—Нелегализованных обществ нет.—Уставы обществ умеренного направления.

29. **Пензенская** губерния (по 14 сентября 1907 г.).

Зарегистрировано пять обществ, из коих одно (рабочих хлебопекарного цеха) закрыто за попытку снятия со службы рабочего, не принадлежащего к членам общества.— Нелегализованных обществ нет.

В уставах общества ставят свою целью—организацию собраний и с'ездов, производство исследования быта рабочих, наблюдение за выполнением хозяевами установленных для них соглашений с рабочими, устройство клубов, библиотек, читален, публичных лекций, экскурсий, чтений, курсов и собеседований, издание периодического органа или листков. В общества, в качестве «членов соревнователей», входят посторонние лица: врачи, литераторы, юристы и проч.

30. **Пермская** губерния (по 14 августа 1907 г.).

Зарегистрировано восемь обществ, из коих два, портных и кондитеров еще не открыли своих действий (с момента регистрации—16 марта и 26 июля 1907 г.). Два из сих обществ—

«приказчиков в городах Перми и Екатеринбурге» существовали еще до закона 4 марта 1906 г. (с 1884 и 1887 года). — В уставах проводится стремление к умственному и моральному развитию членов общества и к наблюдению за выполнением хозяевами соглашений о нормировании заработной платы и других условий труда.

31. **Подольская** губерния (по 24 августа 1907 г.).

Зарегистрировано три общества.—Нелегализованных обществ нет.—В уставах проводится такое же стремление к развитию членов общества и к наблюдению за деятельностью хозяев.

32. **Полтавская** губерния (по 29 декабря 1907 г.).

Зарегистрировано четыре общества, из коих одно (союз служащих в торгово-промышленных предприятиях гор. Прилук) закрыто за выдачу правлением без разрешения общего собрания ссуды неизвестным лицам и за разрешение в утвердительном смысле вопроса о праве евреев на торговлю в воскресные дни.—В губернии, ранее регистрации, обыкновенно собираются сведения о благонадежности учредителей.— Нелегализованное общество одно — союз рабочих портняжного цеха.—В уставах допущено участие в обществах посторонних лиц в качество «почетных членов» и «членов соревнователей».

33. **Псковская** губерния (по 16 октября 1907 г.).

Зарегистрировано одно общество—«артель трубочистов».—Нелегализованных союзов нет.—Устав общества умеренного направления.

34. **Рязанская** губерния (по 28 сентября 1907 г.).

Никаких обществ не имеется.

35. **Самарская** губерния (по 13 октября 1907 г.).

Зарегистрировано десять обществ, из коих два—«портных» и «печатного дела» закрыты за вредное направление Закрытое общество портных предоставляло свое помещение для многолюдного дискуссионного собрания революционных элементов, в каковом собрании, между прочим, находились члены комитета Р.С.Д.Р.П., лица, входящие во второй подрайонный комитет той же партии, делегат от центрального комитета той же партии и представители профессий. Пять обществ, зарегистрированных 20 июня, 31 июля и 25 сентября 1906 года и 28 марта и 23 мая 1907 года, до сих пор не отпечатали своих уставов.

В уставах общества ставят своею целью—улучшение правового положения рабочих, содействие их умственному развитию, наблюдение за выполнением хозяевами установленных для них соглашений с рабочими, издание периодического органа, устройство библиотек, читален, публичных лекций, прогулок, собраний, чтений, курсов и собеседований. В запасный (боевой) капитал отчисляется 5%% всех доходов.

36. **С.-Петербургская** губерния (по 8 октября 1907 года).

В губернии (через городское присутствие) зарегистрировано 43 общества, из коих правления 41 общества находятся в С.-Петербурге, вследствие чего губернатору не известно, функционируют ли эти общества; «общество портных» еще не открыло своих действий.

Особо от этого по городу Петербургу зарегистрировано 74 общества, из коих 3 закрыто, а деятельность 25 обществ приостановлена градоначальником за вредное направление.

Губернатор затруднился представить уставы, так как он лишен возможности истребовать их от обществ.

Сведений о существовании в гор. С.-Петербурге нелегализованных обществ в градоначальстве не имеется.

37. **Саратовская** губерния (по 2 декабря 1907 г.)

Зарегистрировано 21 общество, из коих три: «кулинарного цеха», «оффициантов» и «приказчиков»—закрыты за вредное направление, а 11 сами не функционируют.—В августе 1907 года социал-демократы проявили особо интенсивную деятельность, стремясь сблизиться с существующими обществами и создать новые, но потерпели неудачу, так как лица, составившие для этого особую «техническую группу, были арестованы.—Нелегализованных обществ три: «организационное бюро профессионального союза почтово-телеграфных служащих», такое же «бюро железнодорожных служащих» и (в гор. Вольске) «фельдшерско-акушерская городская корпорация».

В уставах целью общества становится—сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, отмена сдельных и сверхурочных работ и ночного труда наблюдение за точным исполнением законов об охране труда, выработка соглашений с хозяевами о нормировании заработной платы, длине рабочего дня и других условий труда и наблюдение за исполнением хозяевами

таковых соглашений, организация с'ездов и собраний, устройство библиотек, читален, публичных лекций, чтений, курсов, собеседований, вечеринок, рефератов, концертов. спектаклей и т. п. В общества, в качестве «членов-соревнователей», допускаются посторонние лица. В запасный (боевой) капитал отчисляется 50% и свыше 50% всех доходов.

38. **Симбирская** губерния (по 18 сентября 1907 года).

Зарегистрировано 13 обществ, из коих три («по обработке дерева», «конторщиков» и «взаимопомощи»), за участие их членов в политической сходке, закрыты. Общества создались искусственно, по настоянию доктора Сахарова, стремившегося пройти в члены Государственной Думы.—В уставах проводится такое же стремление к просвещению членов общества и к наблюдению за действиями хозяев.

39. **Смоленская** губерния (по 12 ноября 1907 года).

Из десяти зарегистрированных обществ три: «печатного дела», «булочников» и «деревообделочного цеха»—закрыты за вредное направление, а два: «механического» и «портняжного» цехов—сами не функционируют.—Нелегализованных обществ нет.—Уставы такого же боевого направления.

40. **Ставропольская** губерния (по 3 октября 1907 года).

Все зарегистрированные общества, в числе семи, закрыты по введении в губернии положения о чрезвычайной охране.—Нелегализованных обществ нет.—Уставы обычного боевого направления.

41. **Таврическая** губерния (по 21 января 1908 г.)

Зарегистрировано 60 обществ, из коих Феодосийское общество «портных, модисток, шапочников и шляпниц» и Евпаторийское общество «портных» закрыты за революционное направление, а деятельность симферопольских обществ «мельничных рабочих» и «рабочих конфектных и консервных фабрик» приостановлена за вредное направление. Еще 4 общества навлекают на себя сильное подозрение в отношении неблагонадежности их членов, а именно общества: «фармацевтов», «сапожников и заготовщиков», «рабочих строительного цеха» и «приказчиков Б. Токмака», но данных для их закрытия, согласно донесению губернатора, не представляется возможным добыть.—Десять обществ сами прекратили свою деятельность. — Нелегализованное общество одно—в гор. Симферополе «областной центр крымских профессиональных союзов».—Уставы обычного боевого направления.

42. **Тамбовская** губерния (по 17 августа 1907 г.).

Было зарегистрировано 4 общества, но губернатор, признавая институт профессиональных обществ вредным для государства, собственною властью прекратил действие этих 4-х обществ, через министра внутренних дел вошел в Правительствующий Сенат с представлением об отмене постановлений присутствия о регистрации. Все последующие многочисленные ходатайства как членов закрытых обществ, так и других лиц о легализации обществ оставляются присутствием без удовлетворения—в виду установленной тесной связи обществ и союзов с революционными организациями.

43. **Тверская** губерния (по 27 августа 1907 года).

Зарегистрировано восемь обществ.—Нелегализованное общество одно—«всероссийский союз учителей», проявлявший свои действия в губернии тремя отдельными группами.—Уставы боевого направления.

44. **Тульская** губерния (по 21 сентября 1907 г.).

Зарегистрировано всего одно общество «рабочих по обработке металлов». Существует также общество приказчиков, утвержденное до закона 4 марта 1906 г. Были 3 отделения зарегистрированных в Москве обществ, каковые отделения ныне закрыты за вредное направление.—Нелегализованных обществ нет.—Устав существующего «общества рабочих по обработке металлов» такого же боевого направления.

45. **Тургайская** область (по 7 ноября 1907 г.).

Ни зарегистрированных, ни нелегализованных обществ нет.

46. **Уральская** область (по 18 августа 1907 г.).

Зарегистрировано пять обществ.—Нелегализованных обществ нет.—Уставы боевого направления; в общества допускаются посторонние лица в качестве «почетных членов» и «членов-соревнователей». Уставы обществ «ломовых извозчиков» и «кондитеров» изготовлены на тех же бланках, на каких встречаются уставы в Саратовской губернии; на бланках этих про-

печатан целиком весь текст устава и лишь оставлено место для вписки наименования общ ства: «ломовых извозчиков» и «общество кондитеров», каковые слова вписаны чернилами.

47. **Уфимская** губерния (по 15 сентября 1907 года).

Зарегистрировано лишь одно общество служащих в торговых предприятиях. Ходатайст о регистрации нескольких других профессиональных обществ были отклонены. Существует од отделение зарегистрированного в Москве общества.—Сведений о существовании нелегализова ных обществ у губернатора не имеется.—Устав существующего общества обычного боево направления.

48. **Харьковская** губерния.

От губернатора никаких сведений не получено. Согласно же сообщениям начальник охранного отделения от 16 и 29 августа 1907 года за №№ 3497 и 3910,—в губернии зареги стрировано 16 обществ, из коих в помещении общества «портных» были замечены собрани с участием членов местной социал-демократической организации.

49. **Херсонская** губерния (по 10 октября 1907 года).

Зарегистрировано 9 обществ, из коих одно («взаимопомощи приказчиков») закрыто, з вредное направление, а два («фармацевтов» и «рабочих машиностроительных заводов») сам не функционируют.—Нелегализованных обществ четыре: «булочников», «портных», «сапожни ков» и «союз учителей» («спилка»).—Уставы такого же боевого направления.

51. **Эстляндская** губерния (по 11 февраля 1908 года).

Зарегистрировано 13 обществ, из числа коих одно («типографов») самостоятельно обра зовалось из бывшего ранее отделения закрытого в гор. Риге «прибалтийского общества типо графов». Все эти общества, повидимому, тайно об'единились в один общий союз, так как 1 из них наняли помещения для своих правлений в одном и том же доме в г. Ревеле.—Нелега лизованных обществ нет.

Уставы обычного боевого типа. В общества, в качестве «членов-соревнователей», допу скаются посторонние лица. Делами общества, кроме правлений и общих собраний, заправляю «бюро», «совет», «собрания уполномоченных», «собрания отделений». Кроме «отделений» обра зуются особые «кружки». По делам о неправильной выдаче пособий воспрещается обращаться с исками в общие суды. При ликвидации дел какого-либо общества остающиеся после него капиталы поступают в пользу публичных библиотек г. Ревеля.

52. **Ярославская** губерния (по 9 августа 1907 года).

Ни зарегистрированных, ни нелегализованных обществ не существует.—Были многочислен ные попытки разных лиц к регистрации профессиональных обществ, но все эти ходатайства были оставлены без последствий, за установлением того обстоятельства, что ходатайства эти «носили характер совершенно искусственно навеянных извне тенденций и не обусловливались действительными потребностями профессий». От просителей требовались доказательства о при надлежности к определенной профессии, каковые доказательства не представлялись. Опреде ления присутствия обжалованы в Сенат не были.

53. Область войска **Донского** (по 15 октября 1907 года)

Зарегистрировано десять обществ, из коих одно («общество рабочих печатного дела») закрыто за вредное направление, за празднование 1 мая, за снятие с работ рабочих, нанятых хозяевами без согласия общества, за недопущение сверхурочных работ и т. п. — Уставы обычного боевого типа.

ПРИВИСЛИНСКИЙ КРАЙ.

54. **Варшавская** губерния и гор. **Варшава** (по 5 февраля 1908 года).

Зарегистрировано 48 обществ. Одно из обществ («рабочих сахарных заводов царства Поль ского») имеет 5 отделений. За вредное направление представлены к закрытию: «беспартийное общество портных и портних», «общество рабочих печатного и переплетного дела», «общество еврейских приказчиков», и приостановлено «Польское профессиональное общество шляпочников»; район действий последнего общества распространен на всю Империю.—Нелегальных обществ девять.

Сильное стремление к легализации об'ясняется, по словам губернатора, теми выгодами, каковые последняя представляет для смелой и открытой партийной работы. Почти все общества

восприняли партийную программу. Взносы некоторых обществ погашаются особыми партийными марками; на марках, членских книжках и сборных листах попадаются с.-д. эмблемы (две поданные друг другу руки). Помещение «общества еврейских приказчиков» служило центральной квартирой представителей партий; здесь устраивались спектакли и читались лекции, сбор с которых поступал в партийный фонд. Обыкновенно к легализации приступалось лишь после выбора и назначения в общество активных работников партии.—По гор. Варшаве общества регистрируются губернским присутствием, подведомственным губернатору, помимо воли обер-полицеймейстера.

В целях просвещения рабочих масс издаются следующие органы нелегальных социал-демократических профессиональных союзов: «Млот» (молот), «Звёнзковец» (союзник), «Колеярж» (железнодорожников), «Едность» (единение), «Будовничий» (строитель), «Звёнзек заводовый» (профессиональный союз), «Червонный штандарт» (красное знамя) и «До валки» (к борьбе).—Уставы усиленно-боевого типа: общества распространяют свою деятельность на весь Привислинский край; допускаются «почетные члены», «делегаты», «делегатские собрания», «секции», «специальные комиссии», «суды чести» и «товарищеские суды». Эти суды решают дела по совести, «на принципах», и безапелляционно, при чем между прочим исключают членов, нерадеющих в делах общества. Члены обязываются пользоваться этим «собственным своим судом». Изменение устава (в обществе рабочих сахарных заводов царства Польского) становится обязательным с момента регистрации установленным порядком. Особенно обращает на себя внимание финансовая сторона обществ; часть доходов обращается «на образование вечного неприкосновенного фонда». При ликвидации какого-либо общества остающееся после него имущество либо обращается на «культурные цели», либо передается «одному из общественных польских учреждений» в качестве «железного фонда», либо хранится, в качестве «депозита», в течение, однако, не свыше 10 лет, в одном из банков, «для могущих возникнуть польских профессиональных организаций». Даже после ликвидации общества общее собрание продолжает сборы «следующих с членов сумм до полной их уплаты».

55. **Калишская** губерния (по 15 сентября 1907 года).

Зарегистрировано два общества. Имеются 4 отделения обществ, зарегистрированных: 2 в Варшаве и 2 в Петрокове.—Нелегализованных обществ нет.—Согласно уставу одного из этих обществ («кассы сбережения и вспомоществования для фабричных рабочих и ремесленников Лесьмерского промышленного общества») часть общественного капитала не подлежит аресту за долги.

56. **Келецкая** губерния (по 23 сентября 1907 года).

Ни зарегистрированных, ни нелегализованных обществ нет.

57. **Ломжинская** губерния (по 18 сентября 1907 года).

Зарегистрированных обществ нет.—Имеется лишь одно отделение зарегистрированного в Варшаве общества рабочих сахарных заводов царства Польского.—Нелегальный «профессиональный союз» один, состоящий из 5 групп; «строительный», «шила», «портняжный», «кожевенников» и «торгово-промышленников».

58. **Люблинская** губерния (по 9 сентября 1907 года).

Зарегистрировано четыре общества и имеется 4 отделения зарегистрированных в Варшаве обществ.—Нелегализованных обществ нет.—Уставы обычного боевого типа.

59. **Плоцкая** губерния (по 12 сентября 1907 года).

Ни зарегистрированных, ни нелегализованных обществ нет.

60. **Петроковская** губерния (по 19 ноября 1907 года).

Зарегистрировано 39 обществ, из коих на гор. Лодзь приходится 32: из них, за вредное направление (за насилия и террористические действия) одно общество («дворников») закрыто, а за семью установлено усиленное наблюдение Одно общество («Едность»—в Лодзи) состоит из 20.000 членов, при ежегодном доходе в 32.500 рублей и расходе в 18.000 рублей. Сверх того, имеется 6 отделений, зарегистрированных в Варшаве обществ.—Сведений о существовании нелегализованных обществ у губернатора не имеется.

Уставы резко отличаются от варшавских своим умеренным направлением; лишь в нескольких («волокнистых веществ», «тружеников печатного дела» и «сапожников») заключаются положения о «товарищеских судах» и передаче имущества закрытого общества другому обществу, или в одно из «местных общественных учреждений».

61. **Радомская** губерния (по 30 ноября 1907 года).

Зарегистрировано 3 общества, из коих одно («общество рабочих кожевенного производства»), в виду принадлежности членов его правления к социалистической партии, закрыто в порядке правил военного положения. Сверх того имеется одно отделение общества («дворников»), зарегистрированного в Петрокове, и 11 отделений обществ, зарегистрированных в Варшаве.—Нелегализованных обществ нет.—Уставы умеренного направления.

63. **Седлецкая** (по 15 октября 1907 г.)

Ни зарегистрированных, ни нелегализованных обществ нет, а имеется лишь 3 отделения зарегистрированных в Варшаве обществ.

ГРАДОНАЧАЛЬСТВА:

64. **Керчь-Еникальское** градоначальство (по 22 сентября 1907 года).

Зарегистрировано 13 обществ, и, сверх того, 2 общества возникли явочным порядком, а именно: «прачечников» и «служащих в торгово-промышленных заведениях».—Уставы градоначальником не присланы.

65. **Кронштадтское** градоначальство (по 15 октября 1907 года).

Никаких обществ не существует.

66. **Николаевское** градоначальство (по 20 сентября 1907 года).

Никаких обществ не существует.

67. **Севастопольское** градоначальство (по 4 февраля 1908 года).

Зарегистрированных обществ нет.—Существует нелегализованный «профессионально-политический союз работников по дереву»; в силу печатного устава этого «союза» он ставит своею целью политическую борьбу с правительством, рекомендуя своим членам примкнуть к общему движению в случае массового выступления всех трудящихся.

68. **Одесское** градоначальство (по 31 декабря 1907 года).

Зарегистрировано 89 обществ, из коих 17 сами не функционируют (правления двух из них не обнаружены), 7 закрыто присутствием и 10 генерал-губернатором—за вредное направление (угрозы и насилия, хранение нелегальной литературы, предоставление своих помещений для собраний членов Бунда и Р. С. Д. Р. П. Остальные общества, путем проведения в них на должности членов правления и секретарей агентов преступных сообществ, также находятся под влиянием противоправительственных организаций. Присутствию по делам об обществах было предложено о закрытии еще 4 х обществ, но присутствие, «за отсутствием фактических данных», отложило суждение по вопросу о закрытии этих обществ впредь «до представления дополнительных сведений».

Существовало «центральное бюро» местных профессиональных союзов, состоявшее из партийных деятелей и представителей от обществ. Члены закрытых обществ пытались образовать общества под другими названиями, но, вследствие неудовлетворительного составления уставов, желания многих из них не могли осуществиться.—Общественные капиталы служат главным источником содержания партийных деятелей. Отсутствие установленных 23 статьей 11 отдела закона 4 марта 1906 года правил о представлении отчетности, как не изданных по сие время министерством торговли и промышленности, не дает администрации возможности предупреждать употребления означенных капиталов на политические цели борьбы с правительством. Для поддержания агитаторов и вообще партийных деятелей—они принимаются в общества, за жалованье, на службу, в качестве секретарей. Испытывается большое неудобство в виду недостатка уставов; не имея таковых в достаточном количестве в своем распоряжении, власти лишены возможности наблюдать за точным исполнением их подлежащими обществами.

Уставы обычного боевого типа. В общества допускаются посторонние лица в качестве «почетных членов», «членов-соревнователей» и «пожизненных членов». Общества распространяют свою деятельность на весь юг Империи. Кроме установленных законом органов правления, существуют «суды чести», «советы», «местные комитеты», на коих возложено «привлечение новых членов, пропаганда идей и т. п.» («работников конторского труда») и пользующиеся почти неограниченною в обществах властью «делегатские собрания». На большинстве уставов пропечатан эпиграф: «В единении сила». В запасный (боевой) фонд отчисляется 50%—75%

всех доходов. При ликвидации общества остающиеся после него капиталы передаются в продолжающую существовать «кассу общества» или другому, однородному незакрытому обществу или отделению.

69. **Ростовское на Дону** градоначальство (по 12 сентября 1907).

Зарегистрировано 6 обществ, из коих за вредное направление навлекает на себя сильное подозрение и предназначается к закрытию «общество рабочих печатного дела», как составляющее политический союз, действующий в революционных целях, а именно поставляющий рабочих в тайные типографии.—Нелегализованных обществ нет.—Уставы умеренного направления.

КАВКАЗ:

70. **Тифлисская** губерния (по 15 декабря 1907 г.).

Зарегистрировано 18 обществ, из коих 3 закрыты за вредное направление (в том числе «общество рабочих печатного дела»), а 11 не открыли (некоторые с февраля и мая месяцев) своих действий.—Нелегализованных обществ 2—«рабочих печатного дела» и «фармацевтов». Кроме того, существует «местное центральное бюро профессиональных союзов», печатающее воззвание с призывом рабочих бороться с правительством «до последней капли крови».—Уставы обычного боевого типа. Общество «рабочих печатного дела», кроме зарегистрированного устава, имело также частный устав с партийной программой.

71. **Кутаисская** губерния.

Сведений от губернатора не получено.

72. **Черноморская** губерния (по 24 сентября 1907 г.).

Зарегистрировано лишь общество «приказчиков, бухгалтеров и конторщиков».—Нелегализованных обществ нет.—Устав существующего общества боевого направления; он вводит, между прочим, кроме «третейских судов», «суды чести».

73. **Елисаветпольская** губерния (по 4 декабря 1907 года).

Никаких обществ не имеется.

74. **Эриванская** губерния (по 31 августа 1907 г.).

Никаких обществ не имеется.

75. **Бакинская** губерния и гор. Баку (по 14 октября 1907 года).

В губернии никаких обществ не имеется, по городу же Баку зарегистрировано 12 обществ, охвативших весь рабочий класс, даже самых отсталых. Самое многочисленное «общество рабочих механического производства» состоит из 4000 членов.—Уставы градоначальником не представлены.

76. **Дагестанская** область (по 18 сентября 1907 г.).

Никаких обществ не существует.

77. **Кубанская** область.

Никаких сведений не получено.

78. **Терская** область.

Никаких сведений не получено.

79. **Карсская** область (по 29 ноября 1907 г.).

Никаких обществ не существует.

80. **Батумская** область (по 22 января 1908 г.).

Зарегистрированных обществ нет.—Существуют лишь нелегализованные общества: «профессиональный союз приказчиков» (имеет свой партийный устав), «общество рабочих печатного дела», «фармацевтов» и «безработных», преследующие, кроме профессиональных, также чисто революционные цели; особой деятельности эти общества впрочем не проявляют.

81. **Сухумский округ** (по 15 сентября 1907 г.).

Никаких обществ не существует.

СИБИРЬ:

82. **Тобольская** губерния (по 4 октября 1907 г.).

Зарегистрировано три общества: «служащих в торгово-промышленных предприятиях», «портных» и «сундучного производства».—Нелегализованных обществ нет.—Уставы обычного боевого типа.

83. **Томская** губерния (по 11 октября 1907 года).

Зарегистрировано лишь Бийское общество служащих торгово-промышленных предприятий.—О существовании нелегализованных обществ сведений у губернатора не имеется.—По уставу существующего общества в среду его членов допускаются посторонние лица в качестве почетных членов и «членов-соревнователей».

84. **Енисейская** губерния (по 9 января 1908 года).

Зарегистрировано семь обществ, а именно: 4 в г. Красноярске и по одному в г.г. Канске, Ачинске и Минусинске.—Нелегализованных обществ нет.—Уставы умеренного направленыя.

85. **Иркутская** губерния (по 24 августа 1907 года).

Никаких обществ не существует. В регистрации обществ «портных» и «рабочих печатного дела», в виду неудовлетворительности их уставов, было отказано.

86. **Якутская** область (по 19 сентября 1907 года).

Зарегистрировано лишь «общество взаимопомощи приказчиков», с уставом умеренного направления.

87. **Забайкальская** область (по 19 декабря 1907 года).

Зарегистрировано лишь «общество служащих в торговых и промышленных предприятиях в г. Чите, с уставом обычного боевого типа, по коему обществу предоставлено право устройства школ, курсов, чтений, библиотек, читален, клубов, концертов, спектаклей, гуляний, лекций, рефератов и юридической и медицинской помощи. Изменение устава и исключение членов предоставлено общему собранию.

88. **Амурская** область (по 27 ноября 1907 года).

Зарегистрировано лишь «Амурское речное общество» с уставом умеренного направления, хотя и допускающим «почетных членов» и «членов-соревнователей».—Нелегализованное общество одно—«общество рабочего союза», не проявившее особенно вредного направления.

89. **Приморская** область (по 1 декабря 1907 года).

Зарегистрировано два общества с уставами умеренного направления.—Нелегализованных обществ два—«приказчиков» и «печатного дела».

90. **Акмолинская** область (по 3 октября 1907 года).

Зарегистрировано восемь обществ, из коих одно находится в г. Петропавловске, а остальные в г. Омске. Одно из этих обществ (столяров) закрыто; о закрытии четырех обществ, уставы коих были утверждены единоличною властью губернатора и оказались не вполне соответствующими правилам 4 марта 1906 г.,—сделано предложение степному генерал-губернатору, с предоставлением закрываемым обществам права представить для регистрации вновь выработанные уставы.—Нелегализованных обществ нет.—Уставы обычного боевого типа.

91. **Семиреченская** область (по 20 октября 1907 года).

Никаких обществ нет.

92. **Семипалатинская** область (по 21 сентября 1907 года).

Зарегистрировано два общества («служащих торгово-промышленных предприятий» и «общество взаимопомощи работающих в ремесленных и заводских заведениях»), из коих одно (последнее), за вредное направление, закрыто.—Уставы боевого типа.—Нелегализованных обществ нет.

93. **Сыр-Дарьинская** область (по 28 августа 1907 года).

Зарегистрировано 6 обществ, из коих одно («общество работников печатного дела») закрыто. Все общества находятся в гор. Ташкенте.—Нелегализованных обществ нет.—Уставы боевого направления.

94. Ферганская область (по 31 августа 1907 года).
Никаких обществ нет.

95. Самаркандская область (по 14 августа 1907 года).
Зарегистрировано лишь общество «служащих торгово-промышленных предприятий», с уставом боевого типа.—Нелегализованных обществ нет.

96. Закаспийская область (по 18 августа 1907 года).
Зарегистрированных обществ нет.—Нелегализованное общество одно—«союз железнодорожных служащих», имеющий революционную организацию.

97. Закатальский округ (по 31 августа 1907 года).
Никаких обществ нет.

Из оффициальной записки о крестьянских беспорядках в 80-х годах 19-го века.

В архиве департамента полиции [1]) находится «Записка о крестьянских беспорядках, бывших в различных местностях Империи в течение 1881—1888 г.г.», заключающая в себе статистический материал о числе крестьянских беспорядков за отмеченный период времени, соображения о ближайших поводах, послуживших основанием к возникновению беспорядков и рассуждения о причинах волнений и о мерах, которые могли бы уничтожить таковые.

За время с 1 января 1881 г. по май месяц 1888 г. произошло 332 случая крестьянских беспорядков. Из 92 губерний и областей Империи (за исключением Финляндии) беспорядки происходили в 61 губернии, распределяясь между ними весьма неравномерно. На долю отдаленных окраин России выпадает сравнительно ничтожное число беспорядков. При обширности занимаемой территории и разноплеменности населения эти окраины (Северный Кавказ и Закавказье, Сибирь и области Центральной Азии, Архангельская и Олонецкая губернии) представляли, повидимому, условия, мало благоприятные для возникновения беспорядков; резкое исключение составляет лишь Вологодская губерния. Волнений по окраинам было 17 (5,1% общего числа беспорядков). В другом виде являются западные окраины: здесь уже не встречается ни одной губернии, в какой не было бы беспорядков, и число их, по местам, значительно. На долю западной окраины приходится 117 случаев (35,2%). В пяти южных губерниях (Екатеринославской, Херсонской, Таврической, Донской области и Астраханской губ.) было 19 случаев (5,7%). В четырех восточных губерниях (Оренбургской, Уфимской, Пермской, Вятской) 23 случая (6,9%). В Петербургской, Новгородской и Псковской губерниях 14 (4,9%). В губерниях Витебской, Смоленской, Минской и Могилевской 36 случаев (10,8%). В губерниях Киевской, Черниговской, Полтавской, Курской, Харьковской 43 случая волнений (12,9% о). В губерниях приволжских (Саратовской, Самарской, Симбирской, Казанской, Нижегородской) произошло 20 беспорядков (6,0%). Остаются двенадцать центральных губерний: Тверская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Московская, Рязанская, Калужская, Тульская, Орловская, Воронежская, Тамбовская и Пензенская. В трех из них (Ярославская, Костромская и Тамбовская) беспорядков совсем не было; в остальных же произошло 43 беспорядка (12,9%).

Наибольшее число беспорядков, т.-е. 18 случаев, приходится на долю Люблинской губернии. По 13 беспорядков произошло в губерниях: Виленской, Минской, Могилевской, Подольской, Полтавской и Сувалкской; 12 беспорядков было в Черниговской губернии. По 10 случаев в губерниях: Гродненской, Орловской и Уфимской. По 9 в Витебской, Вологодской и Вятской. По 8 в Ковенской и Келецкой. По 7 в губерниях: Воронежской, Курской, Псковской, Рязанской, Таврической, Тверской и Седлецкой. По 6 беспорядков в губерниях: Варшавской, Харьковской, Херсонской, Нижегородской и Казанской.

---

[1]) Дело № 34, ч. 44—1889 г. по 2-му делопроизводству.

Переходя к распределению 332 случаев крестьянских беспорядков по годам, получим нижеследующее:

В 1881 г. в	12	губ.	произошло	17	беспоряд.	В 1885 г. в	25	губ.	произошло	40	беспоряд.
» 1882 »	12	»	»	21	»	» 1886 »	29	»	»	54	»
» 1883 »	36	»	»	61	»	» 1887 »	31	»	»	40	»
» 1884 »	35	»	»	68	»	» 1888 »	26	»	»	31	»

Из приведенной таблицы видно, что, в среднем, беспорядки происходили ежегодно в 25 губерниях, и на год падает по 52 беспорядка.

«Из сопоставления такого среднего вывода,—говорится в «Записке»,—с действительными цифрами за пятилетие с 1883 по 1887 год, нельзя вывести определенного заключения относительно увеличения или уменьшения, с течением времени, об'ема рассматриваемого явления. Хотя действительные цифры выше средней за 1883 и 1884 годы и ниже ее за следующие три года (за исключением 1886), что как бы указывает на колебания в сторону уменьшения числа беспорядков, но тем не менее придти к такому именно выводу едва-ли возможно, отчасти в виду краткости взятого периода времени, отчасти в виду тех жизненных условий, под влиянием коих возникают и развиваются крестьянские беспорядки. Имея в виду преимущественно эти условия, казалось бы можно остановиться на той мысли, что крестьянские беспорядки в России в настоящее время достигли в территориальном и в количественном отношениях известной более или менее устойчивой нормы; что нет оснований опасаться сильного развития этого стихийного проявления народной жизни в ближайшем, по крайней мере, будущем, равно как, с другой стороны, нет оснований надеяться, что число беспорядков будет уменьшаться само собою без всяких существенных изменений в настоящем строе крестьянской жизни. В теперешних своих размерах крестьянские беспорядки еще не угрожают особенною опасностью государству, но им присущи некоторые свойства, в силу коих на них следует обратить внимание теперь-же, заблаговременно, а именно: заразительность и упорство, как то свидетельствуют непосредственные наблюдения на местах и, отчасти, цифры».

Далее, в «Записке» приводятся соображения, иллюстрирующие высказанное положение, а именно: крестьянские беспорядки захватывают из года в год новые местности и более или менее упрочиваются в них. Так, если принять за основание список губерний, в которых происходили беспорядки в 1883 году, и сравнить его с такими же списками последующих лет, то окажется, что каждый год, за исключением 1887 г., беспорядки возникали в таких местностях, в которых их раньше не было. Цифровые данные по уездам свидетельствуют, что крестьянские беспорядки, возникнув первоначально в одном уезде, легко переходят в соседние и последовательно обходят почти всю губернию, заражая и соседнюю.

Обстоятельства, по поводу которых возникали крестьянские беспорядки, как отмечает «Записка», чрезвычайно разнообразны, но в большинстве случаев их следует искать в аграрных отношениях и, главным образом, «в неопределенности их в действительности или только в глазах крестьян». Так, из 332 случаев крестьянских беспорядков 91 случай (27,4%) произошли благодаря спорам, тяжбам и ссорам крестьян с окрестными владельцами, в особенности с помещиками, за земельные угодья. Не прибегая к содействию суда и администрации, крестьяне обращали свои требования непосредственно к землевладельцам и, в случае неудовлетворения их, сами осуществляли свои претензии. Из 91 случая этого рода, 24 беспорядка вызваны были спорами между сельскими обществами, 2 случая—спорами с казною и земством, 65 спорами с помещиками.

Кроме неопределенности поземельных отношений, беспорядки вызывает, как указывается в «Записке», «также и упорядочение владений, раз оно не согласуется с желаниями крестьян, которые всегда выдвигают на первый план свои личные, действительно или мнимые, интересы, не обращая внимания ни на требования закона, ни на бесспорное право лиц, не принадлежащих к их среде».

В доказательство изложенного приводятся в «Записке» следующие цифровые данные:

а) при производстве межевых операций произошло 55 беспорядков (16,5% общего числа их);

б) приведение в исполнение судебных решений и административных распоряжений по восстановлению нарушенного владения было поводом к беспорядкам в 44 случаях (13,2%);

в) при взыскании с крестьян штрафов и убытков, в особенности в пользу помещиков, за потравы, порубки и т. п. произошло 26 случаев беспорядков (7,8%).

Таким образом, на почве чисто-аграрных отношений произошло 216 беспорядков из 332 (65%). Затем наиболее частыми поводами к беспорядкам явились: взыскание податей, недоимок, оброчных и выкупных платежей (27 случаев или 8,1%); опись и продажа имущества в исполнение различных взысканий (13 или 3,9%); меры против эпизоотий, как-то: страхование скота и в особенности убиение зачумленного скота (14 случаев или 4,2%); споры и недовольства выборами мирских властей и вообще по делам, касающимся общинного управления (13 или 3,9%); под влиянием религиозного фанатизма (униаты, католики и магометане) произошло 7 беспорядков или 2,1%; в 7 случаях крестьяне выступили в защиту односельчан против правительства, не допуская ареста их, требуя освобождения из тюрьмы и т. п. Остальные 35 случаев беспорядков возникли по разным поводам, не поддающимся классификации: беспорядки на ярмарках, анти-еврейские погромы, беспорядки в связи с различными административными мероприятиями (страхование от огня, речная полиция, акцизные обыски, истребление саранчи, исполнение натуральных повинностей) и вызванные ложными слухами.

Относительно последних в «Записке» говорится следующие: «Хотя ложные слухи возникают довольно часто и в многих местностях, но сами собой, помимо других поводов, порождают беспорядки весьма редко. Известно лишь 4 случая, когда крестьянские беспорядки возникли непосредственно под влиянием слухов о переделе земель, восстановлении крепостного права и переселении в отдаленные окраины. Тем не менее, ложные слухи, неопровергаемые своевременно авторитетными в глазах крестьянства властями, порождают в этой среде известное брожение, даже волнения, обостряют аграрные отношения и тем, несомненно, содействуют возникновению беспорядков».

Что касается форм проявления крестьянских беспорядков, то они заключались или в пред'явлении толпою (иной раз целым селением или несколькими селениями) требований к властям или частным лицам, или в сопротивлении властям, выражавшемся в упорном непризнании известных юридических фактов или прав отдельных лиц, или же в нежелании совершить известные действия, требуемые законом или судебным постановлением. Не ограничиваясь пред'явлением скопом требований, толпа иной раз сама фактически осуществляла их, при чем происходил захват или уничтожение не принадлежащего крестьянам имущества, в особенности помещичьего. Так, многие домохозяева одновременно или даже целым селением выгоняли скот на непринадлежащие им луга, вырубали лес, запахивали участки земли и т. п.; порою толпа производила насилие над отдельными лицами (оскорбление действием и побои, иной раз смертельные, толпа наносила преимущественно должностным лицам); случались драки, большею частью, между жителями соседних селений из-за земельных споров; наконец, оказывалось вооруженное сопротивление в собственном смысле,—пускались в ход каменья, палки, мотыги и т. п., а иногда и огнестрельное оружие.

Коснувшись вопроса о причинах беспорядков, а затем о мерах к искоренению их, автор «Записки», на основании донесений местных властей, приводит такие рассуждения:

1) «жизнь крестьянства идет вообще путем неверным и опасным, так как еще недавно жившие в нем традиции утратились, и оно в настоящее время верит только тому, что представляется для него непосредственно выгодным, не придавая никакого значения указаниям и требованиям начальств, которые в сущности стоят слишком далеко от него; что необходима поэтому близкая к крестьянам власть, разумный руководитель, который сумел бы подчинить своему влиянию нашего селянина и вместе с тем служил бы противовесом людям зла»;

2) «в случаях крестьянских беспорядков чины местной полиции действуют нерешительно, вяло, что об'ясняется преимущественно недостаточностью их полномочий и непормальностью отношений к ним судебных властей; необходимо расширение уполномочий администрации, когда ей приходится иметь дело с одной лишь грубой силой, не желающей или не могущей по своей неразвитости «принимать ни раз'яснений, ни увещаний»;

3) «в деле усмирения и предупреждения крестьянских беспорядков весьма важно быстрое производство следствия и суда, дабы крестьяне видели и сознавали, что поступки их влекут за собою немедленное наказание; не менее вредными последствиями сопровождается медленность суда в преследовании единичных случаев аграрных правонарушений, порождая убеждение в безнаказанности и тем поощряя коллективные правонарушения. В настоящее время, когда полицейская и вообще исполнительная власть лишена возможности в подобных случаях принимать исправительные меры, когда признание виновности и определение размера наказания зависит единственно от судебной власти, необходимо, чтобы эта последняя в делах об ослушании и со-

противлении, кроме быстроты в окончании дел, применяла к виновным существующие узаконения во всей их строгости, дабы один, другой случай был в глазах крестьян действительно наказанием, между тем суд нередко оправдывает виновных или определяет слабое наказание».

Таково в существенных чертах содержание «Записки».

Высказанные в ней пожелания о необходимости близкой к крестьянам власти — «разумного руководителя, который сумел-бы подчинить своему влиянию нашего селянина», а также о расширении полномочий администрации и предоставлении ей возможности принимать в некоторых случаях исправительные меры по отношению к крестьянам, вскоре нашли свое выражение в высочайшем указе от 12 июля 1889 года, создавшем, в лице земских начальников, правительственную опеку над крестьянином.

В «Записке» не затронуты истинные причины крестьянских беспорядков; автор ее коснулся лишь внешних проявлений или поводов к крестьянским волнениям. Спасение от таковых правящие сферы видели в твердой правительственной власти, могущей, по мысли указа 12 июля 1889 года, «охранить благочиние, общественный порядок, безопасность и права частных лиц в сельских местностях». Между тем ни этот закон об опеке над крестьянами, ни разного рода паллиативные меры в этом-же роде не могли вылечить тяжелую форму болезни крестьянского труда, заключавшуюся в ненормальных отношениях между крестьянами и помещиками, в неправильной постановке вопроса о землепользовании и в стеснении свободы крестьянского труда. Полтавское сельско-хозяйственное общество гораздо позднее, а именно 16 марта 1905 года, выслушав доклад об отношении сельских хозяев к аграрным волнениям последнего времени, разгадало истинные причины таковых волнений и отметило их в единогласно принятой резолюции такого содержания [1]):

1) «Беспорядки являются следствием постоянно накоплявшегося раздражения против так называемых правящих классов и привилегированных сословий. Раздражение и недовольство вызвано, с одной стороны, экономической зависимостью, с другой—убеждением крестьян в неправильности и пристрастных действиях этих правящих классов.

2) «В самой основе беспорядков и волнений лежит глубоко коренящаяся в сознании народа мысль, что вся земля должна принадлежать только непосредственно трудящимся над нею массам.

3) «Некультурные формы аграрного движения исчезнут сами собой, если крестьянам будет предоставлено право мирным путем проводить свои требования и заявлять свои протесты, — конечно, при условии свободы печати, а главное—народного представительства.

4) «Национализация земли, как способ решения в будущем земельного вопроса, должна быть поставлена в первую очередь».

Сообщил В. Колпенский.

---

[1]) П. Маслов, «Аграрный вопрос в России», т. I, стр. 447.

Пилипоны или крестьяне-старообрядцы.

К вопросу о закрепощении их.

В 1800 г. генерал Сергей Вязмитинов продал маршалу Белорусской губернии Ланевскому-Волку пожалованное ему в 1797 г. имение, «войтовство Качеричское» в Бобруйском повете, Минской губернии. Покупка эта доставила не мало хлопот Волку и принудила его обратиться к властям с жалобой [1]).

Вновь купленные крестьяне, говорил Волк в прошении на имя минского губернатора, «старообрядцами именующиеся, неизвестно из каких побуждений, решась к отыскиванию мнимой ими вольности и воображая, якобы они не суть крепостные, собрались всеми слободами в Капустиной слободе и там сделали заговор, под клятвою в своей часовне», не повиноваться своему помещику, о чем подали заявление управляющему имением. Волк обвинял кого-то во внушении крестьянам «воображения, якобы они должны непременно освободиться от крестьянства», и добавлял, что «упрямство старообрядцев произвело даже то, что уж и старожильцы сомневаются о своем крестьянстве». Требуя «приличного» наказания некоторым из крестьян, Волк заключил свое прошение следующими словами: «поелику крестьяне мои старообрядцы несправедливою жалобою о тягощении якобы их несоразмерными оброками чувствительнейше меня обидели и навлекли начальническое ко мне замечание, то, дабы впредь сие со мной не встретилось и не имели б они повода подобными жалобами утруждать начальство, а сим образом подвергать честь мою безвинному предосуждению, решился я не налагать на старообрядцев малейшего денежного платежа, а оставить их желаю, чтоб, вместо оброка, служили панщизну к запашке господской земли, со всякой рабочей мужеска и женска пола души по три дня в неделю».

Произведя расследование по прошению Волка, минский губернатор Захар Яковлевич Карнеев [2]) послал 7 сентября 1800 г. генерал-прокурору Обольянинову письмо, содержание которого приводим без всякого изменения:

«На основании прежних здешнего края прав, немалое число народа, в давности зашедшего из соседственных держав под именем менонистов и пилипонов (или старообрядцев), также и из вольных здешнего края людей, под названием земян, поселились на казенных и владельческих землях по добровольному с владельцами условию, как о времени пребывания, так и о следующей от них владельцу повинности, и на то между ими сделаны контракты, надлежащим образом в судах утвержденные. В соблюдение чего, по присоединении здешнего края ко Всероссийской империи, при сочинении всему народу переписи или ревизии, по руководству бывшего здесь господина генерал-губернатора и кавалера Тутолмина, между прочим, предписано было.

«7-е. Земян, буде присвоена им по узаконением свобода, и других вольных людей черного народа, кои владельцам в собственность не принадлежат, оседлых и неоседлых, хотя и писать в тех же по городам, местечкам и селениям ревизских сказках, но особою статьею от корен-

---

[1]) Архив сената. Дело I отделения 3 департамента 1801 г. № 447. В деле недостает нескольких страниц.

[2]) Образованный человек, член масонской ложи.

ных подданных и с точным означением, что они суть люди вольные и пребывающие на землях казенных или владельческих по условиям, за заплату оброка, или за что другое; когда ж бы в присвоении им вольности об'явлено где было от владельца противоречие, то о сем к поданной сказке приобщать особенное владельца и особенное сего рода жителей об'явление, для рассмотрения и утверждения права той и другой стороны спорящихся по точной силе законов».

«18-е. Меноннсты, в некоторых местах здесь поселившиеся, и пришельцы из россии известные под именем пилипонов или старообрядцев, яко живущие на казенных и владельческих землях также по добровольному с владельцами условию, долженствуют подать о себе ревизские сказки особо от прочих поселян, порознь по каждому и самомалейшему селению, где они токмо обитают».

Почему от всех таковых меноннстов и старообрядцев (о праве коих споров не было) ревизские сказки поданы и приняты особо от владельческих коренных поселян.

Между ж произведением оной ревизии высочайшим рескриптом, данным 3 мая 1795 года бывшему здесь г-ну генерал-губернатору Тутолмину, повелено: «при настоящей переписи поселян разного звания держаться со всевозможною точностию как общих государственных узаконений, так и особенно указа нашего от 3 мая 1783 года о разных губерниях данного, по силе коих каждый должен написан быть в звании, ему свойственном, и остаться там, где он по ревизии внесен на основании помянутых установлений; тем людям, которые, не быв поселены, докажут законным образом свою свободу, предоставить на волю избрать род жизни, какой они заблагоразсудят, записав их потому в надлежащие звания».

Во исполнение чего господин генерал губернатор и кавалер Тутолмин, относя то до вольных людей из черного народа, владельцам в собственность непринадлежащих, упомянутых в 7 пункте его руководства, предписал: «отряженным для производства ревизии чиновникам при принятии ревизских сказок, отбирать от вольных людей, но единственно от таких, кои оседлости не имеют, об'явления, в какой род жизни они поступить пожелают; что и исполнено.

Оседлые ж земяне, меноннсты и старообрядцы остались на местах их жительства в звании крестьянском, так как поданы ревизския сказки о первых самими владельцами, а о последних их выборными, без всякого однакож от владельцев, на землях которых поселились, противоречия, а от правительства определения о уничтожении их по контрактам права, но с запрещением токмо самовольного перехода.

А потому везде такового рода поселяне доныне и пользуются правом, им по договору с владельцами предоставленным, что даже и при настоящей в казенных имениях люстрации не переменяется; иные ж из старообрядцев, по силе временного их с владельцами договора, перешли уже в купечество и мещанство, и владельцы, у которых на землях они жили, соблюдая договор, не могли им в том препятствовать, да и не препятствовали; поелику переход таковой быть может и впредь, и иногда случится от владельцев противоречие, подкрепляемое тем только, что их, яко оседлых, велено записать на месте жительства, то казенная палата, не осмеливаясь сама собою нарушить права оных людей, добровольно с помещиками утвержденного, и будучи в нерешимости как сего состояния крестьян почитать, свободными ли, за выполнением владельцу договора, к избранию непременного рода жизни, общими государственными законами дозволенного, или укрепить уже их в вечность помещикам, у которых на землях живут и по ревизии записаны, представила об оном по команде, прося в разрешение повеления.

Но как некоторые из казенных имений по всемилостивейшему пожалованию отданы разным особам, то из числа таковых господин генерал от-инфантерии и кавалер Вязмитинов полученную им часть в старостве Бобруйском, с 750 душами крестьян мужеска пола, между которыми числилось, как выше сказано, за польского еще правления поселившихся по договору старообрядцев 346-ть, продал Белорусской губернии, Рогачевского повета маршалу Ланевскому-Волку; сей же, не взирая, в рассуждении повинностей, на право тех старообрядцев, наблюдавшееся во все время бытности их в казенном ведомстве и наблюдающееся доныне по другим казенным и владельческим имениям, и даже того ж самого Бобруйского старостна в частях, пожалованных другим лицам, вознамерился оброк с них, в рассуждении прежнего, чрезвычайно умножить, противу какового излишества и видя сотоварищей своих нигде так необремененных, старообрядцы, отговариваясь тягостию и считая в праве при прежнем оброке оставаться, не захотели принять оного на себя.

По таковому поводу Ланевский-Волк жаловался земской полиции, а исправник, будучи на месте, найдя, что старообрядцы оные, утверждаясь прежним своим правом, с которым они поселились, от требуемого помещиком повиновения действительно отказались, главнейше виновных тому из них 16-ть человек взял под караул и отослал в суд, прочим подтвердил послушание, а помещик Ланевский-Волк, сверх того, еще 23 человека представил в казенную палату, для принятия в зачет будущих наборов в рекруты и на поселение; люди ж сии, яко особо от прочих казенных подданных поселившиеся и в ревизии записанные, исправляя следующую по договору для владельца за землю повинность, казенные подати и поставку рекрут, сколько по числу их душ причитается, всегда исполняли сами и отдачу в рекруты [1]).

Я, поставляя себе долгом предупреждать всякий по высочайше вверенной мне губернии беспорядок и пресекать жестокости, принужденным был войти в подробное о причинах выше сказанному обстоятельству познание и, осведомясь от представленных в рекруты при поверенном от Ланевского-Волка, что главнейшею тому причиною было действительно, при жестокостях экономa, прибавление оброка противу прежнего положения, с которым оные старообрядцы жили и поступили в помещичье владение из казенного ведомства, не осмеливаясь дозволить им совершенно утвердиться на том праве и быть в прочем помещику непослушными, ниже сему утеснять их над меру, старался всячески первых, открыв им их заблуждение, привесть к раскаянию и обещанию быть впредь помещику своему во всем безмолвно послушными, а сего убедить не делать им безмерного и несообразного соседам налога, в чем и успел было.

Но господин Ланевский-Волк опровергает совершенно право тех старообрядцев, хранимое во все время получения им владения, остается при прежнем намерении, — в доказательство того при сем прилагается копия просьбы его, в которой покрывает он намерение, наравне с казенными крестьянами, положить их, вместо оброка, на пашню, определяя мужскому и женскому полу в неделю по 3 дня работать.

Я, не делая более в предприятиях его остановки, но имея долг однако защищать утесняемых, а не видя, чтоб право, их добровольно с помещиками в рассуждении повинностей утвержденное, уничтожаемо было высочайшими указами, в которых изображено: в 1-м—оседлых оставить там, где они по ревизии внесены в звании, им свойственном; во 2-м—в воздаяние усердной и ревностной службы нашего генерал-лейтенанта Вязмитинова, пожаловали мы ему, в вечное и потомственное владение, из состоящих в казенном ведомстве деревень в Минской губернии, в старостве Бобруйском, 750 душ мужеска полу, со всеми принадлежащими к ним землями и угодьями,—по получению казенною палатою на представление ее разрешения и по случаю последования вышеписанного обстоятельства, осмеливаюсь представить вашему высокопревосходительству и покорнейше просить снабдить меня в разрешение повелением, должно ли подкреплять право таковых людей касательно положенных по договорам их с помещиками и всегда хранимых повинностей, или, яко высочайше пожалованных, оставить, наравне с казенными крестьянами, в полном распоряжении помещика».

Дело поступило на рассмотрение сената, который (10 февраля 1802 г.) постановил: старообрядцев, или пилипонов, по Минской губернии числилось мужеска полу 1359 душ, из коих, по указу 25 октября 1797 г., избрало законный род жизни и выбыло в купечество и мещанство 70 душ; остальные 1289 душ, хотя живут по условиям с помещиками и при ревизии подали сами от себя сказки, но на основании общих постановлений должны остаться на том месте и в том звании, где кто по ревизии записан был, не могли присвоивать себе «каковой либо вольности и удаляться от должного повиновения помещикам», что они, как по званию своему, так и по земледельческим занятиям являются крестьянами известных помещичьих селений, и состоят в крестьянском окладе; «не имея средств и способов к упражнению своему в другом каком звании, не должны избирать и другого рода жизни, как только сего им свойственного»; к тому же от свободного перехода с места на место нарушается правильная уплата казенных податей, «помещики же восчувствуют отягощение оттого, что земли, пилипонам при первоначальном их обселении данные, останутся необработанными и безвинно подвержены будут нести за них все общественные по раскладкам повинности». Поэтому сенат предложил всех пилипонов, по высочайшему пожалованию поступивших из казенного ведомства в потомственное владение к разным помещикам, а также живших в селениях на собственных

[1]) Подчеркнутые слова приписаны Карнеевым.

их землях, оставить наравне с прочими крестьянами «в полном повиновении помещикам»; что же касается меноннстов, то им предоставляется свобода в избрании рода жизни.

Таким образом, всем без исключения пилипонам предстояло быть крепостными. Но в своем дальнейшем течении дело, благодаря, как видно просвещенному сенатору Осипу Козодавлеву, получило иное направление: 9-го апреля 1806 г. последовал высочайший указ, которым было постановлено:

1-е, перешедшим из России и других мест в Польские губернии людям, именуемым пилипонами и поселившимся на землях помещичьих и старостинских по письменным условиям, или договорам, и по ныне на тех землях оставшимся, в казенном или помещичьем владении, предоставить полное право пользоваться их свободою и теми выгодами, какие означены в их условиях и договорах, сохраняя оные с обоих сторон во всей их силе; 2-е, тех же из оных, которые поселились на землях владельческих без письменных условий и, вступя в состояние крестьян, поныне в оном находятся, оставить на всегда приписанными к земле хлебопашцами, наравне с прочими владельческими крестьянами; 3-е, как из дела о пилипонах видно, что некоторые из них записаны были по присоединении польских губерний к Российской империи в мещанское звание, то буде таковая записка была учинена на законном основании, то и обратить таковых в звание мещанское.

Сообщ. Н. А. Мурзанов.

Волнения среди фабрично-заводских рабочих.

(С 1824 г. по 1860 г.).

По данным архива 3-го отделения собственной его величества канцелярии.

Продолжение [1]).

Летом 1831 г. произошли волнения среди приписных крестьян колывано-воскресенских заводов на Алтае. В рапорте томского губернатора сообщается, что крестьяне Ояшинской волости, получив предписание Горного правления алтайских заводов о выполнении заводских работ по Положению 1828 г., отказались от этого под тем предлогом, что они со времени поступления заводов в управление министерства финансов свободны от заводских работ. После ареста главнейших подстрекателей некоторые деревни начали «оставлять свою непокорность», испрашивая прощение. Но деревни, ближе расположенные к г. Томску и раньше замеченные в наклонности к неповиновению, продолжали упорствовать, особенно деревня Варюхина, служившая центром движения. Здесь крестьяне, не только «отвергли с ожесточением» все попытки склонить их к выполнению обязанностей, но и отказывались «с явным упорством» доставлять к допросу из своей среды и выбирать новых старшин вместо взятых под стражу. Не останавливаясь на этом, крестьяне Варюхина и селений Зеледеевского и Ярского стали рассылать своих единомышленников в окрестные волости. Прибывшим военным отрядом около 200 крестьян деревни Варюхиной были арестованы и заперты в этапном здании. Тогда крестьяне соседних деревень явились толпою с требованием, чтобы или освободили арестованных, или задержали их вместе с ними. То же повторилось и на следующий день. После окружения толпы вооруженными солдатами, вызванный священник стал увещевать их, но это увещание «было отвергнуто ими с ожесточением». Тогда наиболее упорные были тут же подвергнуты полицейскому наказанию через городовых казаков. Таким образом толпа была приведена к покорности и разослана из Варюхиной по деревням, к которым они принадлежали. После этого принялись за тех крестьян, которые находились в каземате этапного здания. Едва только дверь была открыта и 25 человек вызвано для допроса, как все закричали в один голос: „не выдавать никого и стоять грудью“ и с этими словами бросились на вошедшего к ним полковника Глазкова, бригадного адъютанта Отопкова, и на вооруженных солдат, хватали даже за штыки и ружья. Но после того, как властям удалось захватить трех главных руководителей, а некоторые из упорствующих были подвергнуты наказанию в пример другим, „неповиновение было в корне уничтожено“. Немедленно выбраны были новые старшины, утверждены раскладки и взяты с них подписки в исполнении возложенных законом работ. Вскоре повинились и остальные деревни [2]).

Весною 1836 г. на заводе Лазаревых в Пермской губернии [3]) возник небольшой кружок из числа служащих и учеников местной горно-заводской школы; выработан был устав организации для приверженцев свободы, т. е. противников крепостного права, и кружок выпустил соответствующее воззвание. „Во всех известных странах света—говорится здесь—не видно таких законов, чтобы граждане государства даны были в неотъемлемое владение таковым же, как и они, людям. Но у нас, в России, напротив издревле дворянам и гражданам, имеющим капиталы, предоставлено Российскими государями полное право иметь своих крепостных людей... с неограниченной властью, не только от самих господ, но и от равных крепостных людей“. Далее рисуется тяжелое положение низших классов, изнывающих под игом обязательнаго труда в пользу господ, доказывается неосновательность санкционирования

---

[1]) См. «Архив истории труда в России», кн. I.

[2]) 4 экспед. дело № 122 за 1831 г. О неповиновении крестьян Ояшинской волости, приписанных к колывановским заводам Томской губ.

[3]) 4 экспед. дело № 58 за 1837 г. О противозаконном обществе на заводах г.г. Лазаревых в Пермской губ.

этого порядка авторитетом священного писания, ибо Бог, создавая людей, хотел, чтобы между ними было равенство, и наконец делается ссылка на пример „граждан образованных стран, которые единодушно восстали и сбросили с себя поносное иго невольничества, сделавшись свободными гражданами... Иго рабства в России от времени становится несноснее, и должно полагать, что на будущее время оно будет еще несноснейшим. Из опытов видно, что причина величия государств есть свобода граждан, но в России иго рабства в большой силе; следственно она никогда не взойдет на степень величия. Почему для блага России и потомства ничего больше не остается делать, как собрать благомыслящих граждан в одно общество, которое бы всячески старалось о ниспровержении власти присвоивших ее несправедливо и о ускорении свободы. Для сего то, благородные сограждане, ниспровергнем соединенными силами невольничество, восстановим свободу и чрез то заслужим благодарность потомства". Воззвание это попало в руки начальства. Так началось дело о „противузаконном обществе", состоящем из шести человек в возрасте от 18 до 25 лет.

По прибытии на место губернатора и жандармерии был допрошен первый подписавший бумагу Петр Поносов, который, по словам акта, сознался, что он был первым зачинщиком к составлению общества к ниспровержению власти, первоначально—ближайших из среды их начальников, впоследствии же возымел он намерение „отторгнуться от власти помещиков"; наконец, он решился составить общество, которое бы старалось об'единить как можно более членов из различных мест, и когда оно разрастется до такой степени, что станет возможным уже начать явно действовать, тогда „распространить о восстановлении всеобщей вольности". Мысли эти возникли в нем под влиянием „начитанности книг", а именно книги под названием Куно фон Кибург; при обыске у него были найдены стихи Рылеева. О намерении составить общество сообщено было им в конце апреля или в начале мая 1836 г. трем товарищам по учению (Наугольных, Мичурину и Михалеву), которые обещали ему полное содействие. Впоследствии были приглашены еще пять учеников (Десятов, Ромашов, Мих. Поносов и два брата Ширкалины, один из которых занимал должность учителя в заводском училище), и в общем собрании были составлены воззвание и правила общества. Правила эти были подписаны П. Поносовым, Десятовым, Михалевым, Ромашовым, Мичуриным и Наугольных; братья Ширкалины, хотя и обещали содействовать всем замыслам, но правил не подписали. Засим приглашаемы были некоторые из должностных заводских лиц, именно Н. Поносов, Лобов и Мохнаткин, но им о существе дела и составленных правилах не было открыто.

По распоряжению из Петербурга было предписано произвести тщательное расследование, нет ли в этом деле других сообщников среди населения окрестных заводов и лиц иных состояний, и в особенности, нет ли руководителей из посторонних, более „дальновидных людей". Однако, таковых обнаружено не было; округ Лазаревских заводов очень глухой, население отличается спокойствием, и все дело—„лишь плод безрассудной мечтательности Петра Поносова, превратного понятия читанных им книг и своего состояния". По высочайшему повелению шестеро подписавшие правила общества были сданы в 1837 г. в рядовые в финляндские батальоны, трое участвовавшие в составлении общества, но не подписавшие правил,—рядовыми в отдельный кавказский корпус, а трое, оговоренные в знании о составленном обществе, но не уличенные в этом—отданы под секретный надзор местной полиции. Деятельность этого кружка и его задачи носили довольно невинный характер, но он напугал правительство тем, что здесь впервые оно столкнулось с протестом, возникшим не на почве экономических жалоб заводского населения, а идущим от „превратных мыслей" среди тех элементов его, которые благодаря получению некоторого образования могли рассчитывать на привилегированное положение.

Поэтому 4 февраля 1837 г., еще до окончания дела, состоялось высочайшее повеление гр. Сперанскому о составлении особого комитета с участием Бенкендорфа и министров Народного Просвещения и Внутренних Дел для пересмотра существующих постановлений о приеме в учебные заведения людей не свободного состояния и их программ [1]).

В 1835—37 г.г. внимание правительства было привлечено к делу мастеровых поссессионной фабрики Осокина в Казани. Как известно, Осокинские рабочие волновались несколько раз, начиная с конца 18-го века [2]), то из-за недостаточности заработной платы, то добиваясь признания их свободными людьми. В 1835 г. во время высочайшего смотра войскам в Нижнем-Новгороде рядовой из фабричных Осокина Сапожников лично подал жалобу Николаю I на притеснения мастеровых Осокиным и на неправильную отдачу его самого в рекруты [3]).

Для разбора дела была назначена комиссия из представителей министерств внутренних дел и финансов, а также корпуса жандармов, которая, приступив к исполнению поручения в октябре 1835 г., собрала всех наличных мастеровых и об'явила им, в доказательство законности владения Осокиным фабрикою, все акты, утверждающие его права, а в опровержение ложного мнения о возможности получить свободу, с давних пор ими отыскиваемую, сочла нужным прочесть с надлежащим истолкованием как указ 7 января 1736 г., упоминаемый фабричными во всех их прошениях, так и все существующие узаконения, воспрещающие им незаконное отыскивание свободы. Повторенное несколько раз, это вра-

---

[1]) Как известно, указом 19 августа 1827 г. предписывалось принимать в высшие и средние учебные заведения только людей свободных состояний, а помещичьи крепостные крестьяне и дворовые люди допускались лишь в приходские и уездные училища и частные заведения, в коих предметы учения не выше преподаваемых в уездных училищах.

[2]) См. *Туган-Барановский*, „Русская фабрика", стр. 125—129.

[3]) 4 экспедиция, № 125 за 1835 г. Об учреждении комиссии по жалобам фабричных Осокина.

зумление не имело, однако, успеха, почему комиссия об'явила, что дальнейшее упорство сочтется ослушанием закона, но рабочие решительно заявили членам комиссии, что не перестанут отыскивать избавления от рабства Осокина, пока не получат удовлетворения. При этом они указали на то, что предки их были свободного состояния, добровольно пришедшие на фабрику; читанные же им членами комиссии статьи свода законов (66 и 67), опровергающие их домогательства, они оставляли без внимания под тем предлогом, будто их не понимают. От дачи подписки в дальнейшем повиновении Осокину все, за исключением 32 человек, отказались, полагая, что иначе они лишатся права на отыскание свободы и что если бы жалобы их были несправедливы, то, конечно давно бы всех их наказали, но не предоставляли после каждого прошения льготы.

Считая, что жалобы рабочих „происходят единственно от закоснелой лености и мысли о свободе, которая... располагает их к недоброжелательству владельцу и нерадению к ремеслу своему", комиссия постановила прибегнуть к мерам строгости. Разделив всех „упорствующих" рабочих на три группы, она признала необходимым: 51 человека отдать в солдаты, а при неспособности к военной службе—сослать в Сибирь; 177 человек подвергнуто полицейскому наказанию; 144-м сделано внушение о повиновении. Это заключение было 5 января 1837 г. высочайше одобрено. По приведении приговора в исполнение было приступлено к отобранию подписки о дальнейшем послушании Осокину. Однако, некоторые мастеровые заявили, что без согласия всего общества дать подписку не могут, вследствие чего 12 наиболее упорных из них были наказаны розгами от 200 до 900 ударов, после чего согласились дать подписку, чему последовали и другие, за исключением двух из наказанных, отправленных в госпиталь; только там они покорились и дали подписку.

Уроки и оклады, установленные Положением 1834 г., в общем остались без значительных изменений, но комиссия решила предоставить владельцу фабрикой право употреблять на суконные работы жен и дочерей мастеровых, которые раньше были свободны от них, с платою на $^1/_3$ меньше против мужчин. Затем усилена была дисциплинарная власть фабриканта. Прежде за малозначительные вины, как, напр., пьянство, леность и прогул, фабричные наказывались при фабрике, согласно предоставленной указом 1736 г. фабриканту власти; но „впоследствии, когда самое ничтожное наказание по духу непокоства мастеровых подавало повод к ябедам, власти вынуждены были отсылать их для наказания в городскую полицию". Этот порядок был санкционирован и Положением, составленным для фабрики Осокина в 1834 г., где говорилось следующее: „за самовольную неявку к работе на фабрику в третий раз или более сверх назначенного денежного штрафа подвергать виновного полицейскому наказанию, а от праздности, буйства, неповиновения, пьянства и других пороков отвращать мастеровых убеждением, а в случае нужды—полицейскими мерами исправления". Теперь же комиссия, в целях поднятия престижа фабриканта, предоставила ему право наказывать мастеровых, на основании указа 1736 г., за маловажные проступки в своем присутствии или через управляющего в одной из палат фабрики во время производства работ, с занесением в штрафную книгу, и только в случаях особенной важности—испрашивать содействия полиции. Эти новые правила были высочайше утверждены.

1838-ой год начался делом о буйстве крестьян на золотых промыслах помещиков Всеволожских в Пермской губ. Согласно донесению горного инженера Николаева от 5 января из 700 государственных крестьян Усть-Сысольского уезда Вологодской губ., нанятых по вольному найму на Всеволодоблагодатские промыслы Верхотурского уезда, некоторые постоянно оказывали смотрителям и штейгерам неповиновение и, несмотря на удовлетворение их полным содержанием, не выходили на работы; наконец, они разбили двери и окна конторы, в которой хранилось золото, избили писаря, казаков и штейгеров и, запасшись хлебом и мясом, 4 и 5 января в числе 300 человек ушли с промыслов по тракту к Богословским заводам с намерением пройти в Усть-Сысольский уезд [1]).

10 января Николаев сообщил, что многие из ушедших, отстав от общей партии, возвратились с покорностью, а остальные 182 человека возвращены обратно вызванной им воинской командой, при чем замеченные „возмутители" взяты под караул.

Причины волнения указаны не были, и на это было обращено внимание жандармским подполковником Коссинским, который, независимо от производившегося расследования, принял „секретные меры к открытию истинной причины сего беспорядка", ибо последний не мог, по его мнению, „произойти без особенных каких-либо неаккуратностей со стороны заведывающих заводами, и сколько мне известно,—писал он—именно г.г. Всеволожских сильно расстроено, а контора их, постоянно имея недостаток в деньгах, нередко останавливает своевременную выдачу рабочим людям следуемой платы, от каковой неаккуратности в расчетах происходят частые жалобы разных лиц, и заводы В—х не пользуются хорошим мнением в торговых сношениях". В следующем рапорте (6 марта) Коссинский сообщает, что по собранным им частным сведениям „действительно оказывается, что неповиновение и буйство крестьян произошло оттого, что им не было выдаваемо полной пропорции хлеба, отчего они и терпели в продовольствии недостаток". Из дополнительного сообщения видно, что крестьяне жаловались на то, что двух пудов муки в месяц недостаточно для рабочего человека, что они не могут выполнять уроков, согласно Положению, по непривычке к земляным работам.

---

[1]) 4 экспед. дело № 78 за 1838 г. О буйстве крестьян на золотых промыслах помещиков Всеволожских.

За сороковые годы ни одного дела о рабочих волнениях в архиве 3-го Отделения нами не обнаружено [1]).

Следующие дела относятся уже к царствованию Александра II; но так как они заключают собою рассматриваемый период принудительного труда, то в пределах до 1861 г. будет уместным их подвергнуть рассмотрению.

29 июля 1856 г. с Мариинского прииска (Оренбургской губ.), принадлежащего Устинову, бежали рабочие в числе 180 человек, нанятые по контракту из башкир 8-го кантона; возвращенные обратно 167 человек заявили, что, несмотря на контракт, работать не будут, пока не последует разрешения по поданной ими жалобе. Когда же горный ревизор с помощью казаков задержал старосту их, они толпой бросились на казаков и освободили арестованного; для усмирения их потребовалось еще до 100 нижних чинов. За два дня перед тем, т. е. 27 июня, бежали рабочие, из башкир того же кантона с Александровского прииска Баженовой. Схваченные по дороге, они были 4 июля водворены на прииске, но 8-го снова ушли, в числе 98 человек, вооружившись рычагами, и когда горный исправник останавливал их, они „с криком и ругательством делали ему угрозы" и отправились по дороге в деревню Кулутеву. При этом исправник доносил, что побудительными причинами к побегу были грубость рабочих, леность и неповиновение. Однако, в дальнейшем выяснилось [2]), что „причиною побега башкир были злоупотребления промыслового управления, заключающиеся главнейше в том, что их дурно и недостаточно кормили, жестоко обращались с ними, заставляя, в противность условиям, работать в сырых и топких местах, не платили по условиям заработанных денег, а в рассчетных листах даже написали, что в задаток дано башкирам более, чем в действительности ими получено. Если бы полицейское начальство на промыслах—говорится в отношении департамента полиции—обратило на эти причины должное внимание и во-время отклонило их, а башкиры видели-бы себе справедливую защиту в местной полицейской власти, то не было бы надобности требовать воинской команды и наряжать следствие, а башкирам—повода покидать работы, на которые они нанимались добровольно".

Бежавшие рабочие были успокоены „кротким внушением" и обратились к работам, а зачинщики арестованы для производства следствия; но так как они подлежали бы прощению в силу манифеста 26 августа, да к тому-же между рабочими и владелицей прииска состоялось полюбовное соглашение, то дело было прекращено.

В конце декабря 1857 г. из крестьян, работавших—частью по добровольному соглашению, частью за поручительством помещиков—у подрядчика Гладина по Варшавской железной дороге, между Лугой и Островом, бежало 324 человека в свои деревни (пятеро вернулись с дороги). Это было вызвано убеждением, что к 1-му января во всех церквах будут читать манифест, после чего они станут работать уже не на помещиков, а только на себя [3]). Некоторые при этом так спешили, что за 4 дня прошли около 200 верст. Это происшествие обратило на себя высочайшее внимание, и для расследования его и „вразумления крестьян" был командирован флигель-адъютант Бобринский. Последний, однако, действовал не столько в духе вразумления, сколько устрашения. Хотя крестьяне, вернувшиеся в ожидании воли домой, не обнаружили никакого непокорства и готовы были возвратиться на работы,—Бобринский, переезжая с одного места в другое, всюду подвергал их телесному наказанию, после чего донес, что мера эта „произвела при нынешних обстоятельствах самое благоприятное впечатление на умы помещиков", показывая им, что правительство неусыпно следит за пресечением всяких превратных толкований.

---

4 января 1858 г. мастеровые чугунно-плавильного Авгорского завода и вспомогательные заводу крестьяне деревни Русской Маскиной, Краснослободского уезда Пензенской губ., толпой в 200 человек явились к поручику Манухину, которому сивинские заводы принадлежали на поссессионном праве, и потребовали от него нового положения по задельным платам, а равно дозволения рубить дрова в заводских дачах без ограничения, сколько хотят. Затем, под предводительством мастерового Ив. Герасимова, толпа направилась в Краснослободск, дав общую клятву не выдавать друг друга; 9 января, явясь к уездному предводителю дворянства, она ему предъявила вышеозначенные требования [4]).

Чиновник особых поручений Караулов и заводской исправник, прибыв в Русскую Маскину, старались обратить возмутившихся крестьян горно-заводского ведомства к повиновению, но их усилия остались тщетными; крестьяне отказались работать, пока им не будет увеличена задельная плата с $7^1/_2$ коп. до одного рубля ассигнациями. Вместе с тем они требовали, чтобы владелец завода отдал им в пользование всю заводскую землю и выдал капитал, составившийся вычетами из задельной платы за прошлое время. На следующий день должностные лица прибыли уже с двумя ротами солдат и застали крестьян, в числе более 200 человек, собравшихся в одной узкой улице деревни, вооруженными дубинами, топорами и ножами. Когда солдаты стали окружать их, толпа, по увещанию одного бывшего

---

[1]) Об'ясняется-ли этот пробел тем, что вообще за данное время рабочих беспорядков не было, или они почему-либо не попали в сферу внимания агентов корпуса жандармов,—можно будет сказать лишь после ознакомления с архивами других ведомств.

[2]) 4 экспед., дело № 199 за 1856 г. О неповиновении рабочих башкирцев на золотых приисках в Оренбургской губ.

[3]) 4 экспед., дело № 104 за 1858 г. О самовольном уходе крестьян с работ на Варшавской ж. д. по слухам о свободе.

[4]) 4 экспедиция, дело № 116 за 1858 г. О неповиновении и буйстве крестьян горно-заводского ведомства, находящихся в поссессионном владения поручика Манухина.

ратника, с криками бросилась на них, пустив в ход имевшееся у них оружие, но солдаты дали отпор прикладами, и крестьяне усмирились. Шестнадцать человек из них были арестованы и преданы военному суду, который многих из них подверг жестокому наказанию и ссылке в Сибирь. В конце того же года здесь произошли снова волнения. Хотя приехавшим для разбора жалоб берг-инспектором поденная плата была несколько увеличена, но крестьяне Авгорского завода остались недовольными и выразили это новым возмущением и противодействием военной команде. Семнадцать рабочих наиболее виновных были посажены в острог, и дело о них перешло на рассмотрение правительствующаго сената.

В следующем, 1859 г., 50 мастеровых того же завода снова подали жалобу на притеснения со стороны Манухина. Ревизовавший Пензенскую губернию сенатор Сафонов, познакомившись с их положением, признал необходимым повысить поденную плату на пять копеек ассигнациями, и с августа установлена была новая табель, согласно которой мастеровые от 15 до 18 лет получали по 21 коп. ассигнациями в день, от 18 до 21 года—25, а от 21 года—40, 45, 52 и 72 коп., смотря по цеху.

В августе 1859 г., по донесению администрации Юрюзанского завода (Оренбургской губ.), 80 крестьян, по окончании сенокосов, разбежались с работ в рудниках и дровосушилен и отправились в селения соседних уездов [1]). Владелец завода генерал Сухозанет просил о предании их военному суду. Однако, эта просьба не встретила сочувствия, так как произведенное дознание выяснило, что сообщение заводоуправления, известного своими притеснениям и жестоким обращением, было неверно. Крестьяне не уклонялись от работ, они уходили в льготное время, с единственной целью заработать на стороне насущный хлеб и одежду, при чем их отлучка происходила не в раз, а разновременно и под влиянием крайности; к тому же, большинство отлучившихся крестьян, по возвращении, были наказаны распоряжением заводской конторы с превышением власти, т. е. большим против узаконенного числом ударов.

Вместе с тем произведенное расследование обнаружило, что на заводе ген. Сухозанета далеко не все обстоит благополучно. Согласно сообщению земского исправника, уроки на заводе настолько тяжелы, что „ни один почти мастер, работая все семь дней в неделе, не в состоянии выделать назначенного по положению урока". У неисполнившего этого делается вычет из получаемой платы в зависимости от недоделанного урока, так что нередко мастер вместо получения платы за месячную работу остается еще должным. „Сверх того вычеты еще производятся и тогда, когда мастер, хотя и сделал урок, но при делании железа сжег более положенного угля или же не выделал из определенного количества чугуна назначенный вес железа. Подобные вычеты делаются вообще по всем цехам. Самая высшая плата мастеровому производится в месяц 20 рублей ассигнациями, но это количество по случаю делаемых вычетов редкие получают. Нередко случается, что мастеровой, имеющий семейство 7 или более человек, получает в месяц 8 рублей ассиг., а иногда менее или даже ничего. . . Престарелые и неспособные к работам заводские люди от заводовладелицы никаким пособием не пользуются; некоторым из них действительно дается вспомоществование, но это не от щедрот владелицы, а от крестьян, которым заводоуправление, выдавая в счет задельной платы хлеб по ценам, немного выше справочных, составляет из излишка капитал, раздаваемый между крестьянами и неспособными к работам людьми, которые не имеют в семействах своих работников, долженствующих их пропитывать".

В отношении рабочего времени мастеровые юрюзанского завода также находились в худших условиях сравнительно с другими заводами. Из переписки Оренбургского епископа с начальником губернии от 29 ноября 1858 г. видно, что работы здесь по приказанию самого владельца производятся ежедневно, не исключая воскресных, праздничных, и высокоторжественных, дней. В октябре и ноябре, напр., 1857 г. генерал Сухозанет лично приказал работать во все праздничные и воскресные дни, чтобы устроить заводскую плотину, и на эту работу должны были являться даже беременные женщины и матери с грудными детьми, несмотря на холодную погоду. В 1858 г. в праздничные дни 26 августа, 27 сентября и 22 октября заводские люди также не были избавлены от работ [2]).

Телесные наказания были в большом ходу, хотя за последние годы жестокость их несколько уменьшилась „вследствие исключительности времени". В последнюю свою непродолжительную бытность на заводе осенью 1858 г. Сухозанетом „наказано было только (!) около 40 человек, и самая высшая мера наказания простиралась не более 100 ударов розог". Раньше же наказания были жесточе, и несколько лет тому назад сам главный приказчик Абаимов получил 700 ударов...

Запрошенный по поводу тяжелого положения рабочих на заводе Сухозанета, главный начальник уральских горных заводов отозвался в том смысле, что на всех вообще частных заводах Оренбургской губернии „размеры плат нельзя назвать удовлетворительными, но как крестьяне не жалуются на бедность содержания, то горное начальство не имеет ни повода, ни права к какому-либо вмешательству". Но в дальнейшем разговоры и переписка, возникшие в связи с этим делом, побудили администрацию выйти до известной степени из состояния безучастности. 8 декабря 1860 г. главный начальник Уральских заводов Фелькнер посетил лично Юрюзанский завод, при чем более 100 рабочих жаловались ему на недостаточность платы. Фелькнер нашел, что хотя против прежней платы, составлявшей в общей сумме 70.000 руб., прибавлено уже 21.345 р. серебром в год, но этого недостаточно, ибо цены на продовольствие повысились более значительно, и так как за хлеб заводоуправлением вычитается теперь по 43 коп. сер. за пуд, то у некоторых мастеровых не хватает заработной платы, чтобы купить потреб-

---

[1]) 4 экспед., дело № 261 за 1858 г. О жестоком обращении с крестьянами Юрюзанского завода.

[2]) На казенных заводах праздничные и высокоторжественные дни соблюдались строго, и общее количество рабочих дней в году не превышало 250. См. выше мой очерк „Продолжительность рабочего времени в горнозаводской промышленности".

ное количество одного даже хлеба... Между тем на казенных заводах провиант выдается мастеровым бесплатно, а на соседних частных Симских заводах за отпускаемый хлеб взимается, при одинаковой заработной плате, только по 24 коп. за пуд.

В ответ на это Сухозанет писал, что нельзя сравнивать положение казенных рабочих с таковым же на частных заводах, и что понижение цены на хлеб до 24 к. будет для него разорительным; но все таки она была сбавлена до 35 коп. за пуд.

На Юрюзанском заводе не было крупных волнений, кажется, со времени Пугачевского бунта: но что настроение умов было далеко не спокойным в рассматриваемый период, об этом может дать представление нижеследующая выписка из письма главного приказчика Абаимова. „В нынешнее время— писал он в мае 1858 г.—очень стало трудно управляться... Мужичье—дураки, ничего не понимают, и как до сих пор живут на цепи, то и желают сорваться, как обыкновенно срываются цепные собаки и по воле не могут набегаться. А как уже из зла ко мне были зажиги (т. е. поджоги), то боюсь, как бы вместо подкладки огня под угольные сараи не подложили огня в людей... Зажигатели же все около меня и прошлогодняя искра не погасла. Вот причина, по которой я боюсь этой обязанности, как огня, и почту себе в награду, ежели генерал освободит меня“...

Дело о Юрюзанском заводе является последним в архиве 3-го отделения; следующее относится уже к новому периоду „свободного“ труда.

К. Пажитнов.

Крестьяне-самоучки.

Среди архивных материалов, разрабатываемых Ученой Комиссией по исследованию истории труда в России, есть материалы, дающие нам сведения об отдельных лицах—крепостных крестьянах, которые, благодаря своим природным дарованиям и приобретенным ими знаниям, выделились из той среды, к которой принадлежали по своему рождению, получили свободу от крепостного состояния и возможность дальше работать в избранном ими направлении. Таковы сведения о крестьянах Власове и Соболеве, сообщаемые ниже: поскольку удалось нам навести справки об указанных двух лицах, материал наш дает некоторые неизвестные до сих пор штрихи и более подробно рисует нам их историю [1]).

I.

Семен Прокофьевич Власов был крепостным помещицы Скульской в имении ее в Любимском уезде Ярославской губернии. Родился Власов в 1789 году. Он выделялся большими способностями и стремлением к знанию. Будучи сначала пастухом в имении Скульской, он стал позднее работником в аптеке и на фабрике Грейсона, где и приобрел некоторые познания в химии. В январе 1811 года Власов подал на высочайшее имя прошение о допущении его к испытаниям в химии и физике и о приеме его в число воспитанников Медико-хирургической Академии. При этом он представил изобретенную им модель гидростатической машины, посредством которой вода поднимается на высоту нескольких саженей: машина эта могла быть пригодна к употреблению в деревнях для поливания полей во время засухи, для поливания растений в огородах, а также вместо пожарных труб. Подвергнутый испытанию в Конференции Академии, Власов обнаружил такие сведения в физике и химии, каких трудно было ожидать от человека, находящегося в его звании и лишенного средств к жизни. Конференция Академии нашла, что Власов, оказал такие сведения, которые доказывают отличные природные его способности, подающие надежду, что при надлежащем руководстве и с помощью учебных пособий приобретет он важные успехи «и чрез то сделается полезным для общества членом». Президент Академии Виллие высказал, однако, особое мнение о познаниях Власова: «хотя и приобрел он по навыку... некоторые познания о химических операциях, но не получив предварительно надлежащего воспитания, не может изъяснить ученым языком явлений вещественного мира ни из опытов, а еще менее умозрительно»—пишет Виллие, и, не соглашаясь с положением конференции, предложил поместить Власова в Педагогический Институт.

---

[1]) Считаем необходимым указать, что имеется также материал о механике-самоучке Кулибине, построившем «машинные суда» на Волге (три дела Департамента государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел. По части проектов сочинений. 1798—1834 гг., в делах есть планы и чертежи изобретенных Кулибиным судов). Материал этот не используется нами в виду, того, что о Кулибине имеется весьма обширная литература.

Министр народного просвещения гр. Разумовский, желая поместить Власова в учебное заведение, обратился к министру полиции Балашову, прося его исходатайствовать перед государем об увольнении Власова из крестьянского состояния. На всеподданнейший доклад министра полиции Балашова о деле Власова последовало повеление—по делу об увольнении Власова из крепостного состояния отнестись к генерал-губернатору Новгородскому, Тверскому и Ярославскому. Одновременно с этим Балашов обратился к гр. Разумовскому с просьбою приказать Власову доставить изобретенную им модель машины министру полиции.

На запрос генерал-губернатора помещица Скульская отвечала, что она готова отпустить Власова на свободу, но в виду своего «посредственного состояния» хотела бы получить за него и за жену его 5000 рублей, при чем эту сумму, по мнению ее, мог бы «по своему художеству» заплатить и сам Власов. Государь повелел дать Власову свободу, а Скульской выдать зачетную рекрутскую квитанцию с предоставлением ей права продать ее в другие руки—помещичьим или казенным крестьянам,—или же зачесть ее за свое имение.

5 августа 1811 года Скульская отпустила Власова и жену его Афимью Федоровну, на свободу, получив сама за них рекрутскую квитанцию. Указ на имя генерал-губернатора об освобождении Власова, от крепостного состояния был дан Александром I 14 сентября 1811 года. 21 сентября министр полиции уведомил об этом гр. Разумовского, переслав ему и самую отпускную для передачи Власову, а 5 октября последовало согласие министра народного просвещения на определение Власова в число воспитанников Медико-Хирургической Академии по фармацевтической части [1]).

В академии Власов обнаружил такие способности к изучению химии и к производству химических опытов, что был определен лаборантом к профессору химии, оставаясь в то же время и студентом для приобретения необходимых теоретических познаний. Отлично исполняя свои обязанности, связанные со званием лаборанта, он свободное время употреблял на производство новых опытов. В течение 1814—1815 годов ему удалось сделать некоторые открытия, о которых он доносил своему начальству по академии и министру народного просвещения графу Разумовскому.

В январе 1815 года Власов представил медицинскому совету медико-хирургической академии доклад об изобретенном им новом, более выгодном, способе добывания серной кислоты при помощи деревянных, напитанных растопленною серой, камер, вместо употреблявшихся свинцовых домиков. При употреблении деревянных камер вместо свинцовых приготовление серной кислоты должно было обойтись несравненно дешевле, а добытая серная кислота оказывалась лучшего качества, так как не была смешана со свинцом. Медицинский совет поручил корреспонденту академии Рихтеру произвести испытание этого способа и, ввиду удовлетворительного результата опыта, одобрил изобретение Власова. В сентябре 1815 года Власов представил министру народного просвещения записку о том, что он изобрел способ заменить употреблявшиеся в то время паровые машины сложного устройства другими, более простыми. Машина Власова, устроенная из дерева, не заключала в себе ничего металлического, кроме котла. Сделать такую машину, сообщает Власов, может простой плотник, и стоит она дешево — около 1.000 рублей, причем она вполне может заменить прежнюю паровую машину, обходившуюся в 25 тысяч рублей. По замечанию Власова, «каждый зажиточный крестьянин иметь оные может, если потребует того какая либо надобность»; такие машины могут быть полезны в разных случаях, например, при большом урожае хлеба, когда замечается недостаток в мельницах, на фабриках и заводах. Власов нашел также средство чрезвычайно усиливать действие электрических машин и распространять это действие на большие расстояния. При учиненном опыте выяснилось, что проведенная на расстояние нескольких сот саженей проволока «весьма скоро зажигала электрическим огнем приготовленные горючие вещества». Власов изобрел дешевый состав, посредством которого можно, примешивая его к воде, тушить чрезвычайно скоро сильнейшее пламя.

Сверх того, Власов изобрел химический состав для снимания лака со старых картин для наведения нового лака и открыл способ составления хороших и дешевых чернил. Среди других работ Власова интересно отметить придуманный им дешевый способ делать хорошую красную

---

[1]) Архив министерства внутр. дел, департамент полиции исполнительной, № 67 (16), по книге архивной № 494. 1811 г.—См. также: Архив Медицинской Академии, журнал заседаний конференции за 1811 г.

краску из остающейся на монетном дворе в большом количестве после добывания селитренной кислоты смеси, продававшейся по чрезвычайно низкой цене.

Как видно из прошения Власова от 29 декабря 1815 года на имя министра народного просвещения, он опасался, что бумаги, содержащие сведения о произведенных им открытиях, не имели должного действия и остались без рассмотрения «погребенными втуне между архивными делами бывшего министра просвещения»; поэтому Власов просил об отыскании и рассмотрении его бумаг. Власов писал о различных научных предметах, но труды его напечатаны не были.—Умер Власов в 1821 году [1]).

II.

Кирилл Васильевич Соболев [2]) столярный мастер, был, крепостным крестьянином отставного капитана Макарова в сельце Таракунине Чухломского уезда Костромской губернии. В июне 1810 года Соболев, за многие изобретения, за модели машин и за сделание пожарной лестницы по модели, доставленной из Швейцарии, получил высочайше пожалованную серебряную медаль на аннинской ленте с надписью «за полезное», для ношения на шее. Сверх того, за сработанную им пожарную лестницу ему были выданы 2.000 рублей из кабинета его величества. В то же время Александр I повелел Балашову, петербургскому военному губернатору, снестись с помещиком Макаровым и узнать, на каких условиях согласен он отпустить на волю Соболева с семьей.

Макаров согласился дать Соболеву отпускную, прося для себя 2 тысяч десятин из земли, принадлежащей г. Любиму, Ярославской губернии. Государь указал, что просимая Макаровым земля есть городской выгон, отдавать который нельзя. Сообщая об этом Макарову (5 ноября 1810 года), Балашов запросил, какую денежную сумму Макаров желал бы получить за свободу Соболева и как велик оброк, получаемый Макаровым от Соболева. Макаров от ответа уклонился, не желая отпускать на волю нужного ему человека. Однако, Балашов в январе 1811 г. обратился к ярославскому гражданскому губернатору с просьбой потребовать от Макарова указанных сведений. В ответ на это Макаров просил о награждении его тремя рекрутскими квитанциями (по числу душ мужского пола в семье Соболева), с правом продать их экономическим или помещичьим крестьянам, и сообщил, что оброк, платимый Соболевым, «был более признаком его подчиненности, нежели соразмерною по его способностям для меня пользою», и что он, Макаров, употреблял знания и способности Соболева, стремясь «обрести полезные выгоды и сим средством умножить мой прибыток и тем привести в лучшее устройство малоимущественное мое состояние»...

Согласно воле государя, просьба Макарова была удовлетворена: 28 марта 1811 года Макаров отпустил на волю Кирилла Соболева с женой его Матреной Никитиной и с сыновьями Игнатом и Михайлой, а 13 апреля был подписан Александром I указ костромскому гражданскому губернатору о выдаче помещику Макарову трех рекрутских квитанций. Отпускная была вручена Соболеву под его росписку, из которой видно, что он был плохо грамотен и писал с трудом. Вскоре после этого, в мае 1811 г., обнаружилось, что Макаров не включил в отпускную 13-тилетнюю дочь Соболева и что он требует от Соболева уплаты оброка, угрожая, в противном случае продать его дочь [3]). Поступок Макарова стал известен государю, который повелел ярославскому гражданскому губернатору немедленно потребовать от него отпускную дочери Соболева и об'явить Макарову, что «если он с подобными правилами будет поступать в управлении прочими своими крестьянами, то Его Величество повелит имение его взять в опеку».

11 июня 1811 года ярославский гражданский губернатор сообщил министру полиции о том, что Макаров дал отпускную дочери Соболева, и что девушка эта живет вместе с матерью в Костромской губернии.

Наталия Платонова.

---

[1]) См. четыре дела архива департамента народного просвещения по описи общих дел за 1814—15 г.г. об изобретениях Власова.

[2]) О Соболеве см. Архив мин. внутр. дел, департ. полиц. исполнительной, № 302 (137), по книге архивной № 1087. 1810 год. 36 листов.

[3]) Интересна записка Макарова к Соболеву, содержащая требования и угрозы: «Кирило Васильевич, ты шельмовским своим упорством опять забыл, что тебе надобно прислать за прошлый год оброк—если ж ты не пришлешь на первой же почте, то дочка твоя будет запродана и выдана. Макаров».

Факты и цифры.

ЗАМЕТКИ АРХИВИСТОВ.

Движение среди петербургских рабочих в 1901 г.—Об оставлении рабочими работ на фабрике в Вышнем Волочке.—К вопросу об освобождении беглых бродяг от крепостной работы.—К статистике горнозаводских рабочих (1828 г.).—Бритье помещиками полголовы крестьянам для пресечения самовольных отлучек (1844 г.).—Стоимость наемного труда на полевых работах по данным 1871 г.

Движение среди петербургских рабочих в 1901 г.

Извлечение из печатного доклада петерб. градоначальника генер. Клейгельса от 10 июня 1901 г. министру внутренних дел.

«Не менее серьезным является и усиливающееся движение среди рабочих; движение это, хотя все еще не вполне смелое и необ'единенное, благодаря своевременно принимаемым опять таки чисто административно-полицейским мерам, растет с каждым годом и из обычной мирной стачки превращается зачастую в буйный беспорядок, сопровождаемый насилиями со стороны рабочих и вооруженными столкновениями их с полицией. Вот последовательная картина проявления рабочаго движения:

Революционная пропаганда организует правильные рабочие комитеты с руководителями-интеллигентами, преимущественно из учащейся молодежи, во главе. Последние снабжают рабочих громадной массой подпольной литературы; живо откликаются на каждый частный фабричный непорядок, клонящийся ко вреду рабочих, и издают по этому поводу соответствующие листки, тогда как фабричная инспекция узнает об этом только из тех же листков. Издают для рабочих специальныя подпольныя газеты, в которых знакомят их, конечно в извращенном виде, с результатом экономической борьбы их сотоварищей на фабриках всей Империи. Устраивают кассы взаимопомощи и «боевые фонды»; утилизируют собираемыя деньги на развитие той же пропаганды. Из года в год, систематически, все с большею и большею энергиею, не смотря на неудачи, агитируют демонстративное празднование 1 Мая, чтобы сплотить рабочую массу и потом направить ее к достижению своих конечных, чисто революционных целей. Пропаганда крайних групп где можно (в меньшинстве случаев) не скрывает этих своих конечных целей и открыто проповедует необходимость для рабочих сплотиться и выступить с требованиями права сходок, стачек, свободы печати и участия в законодательстве. Умеренные (в большинстве) тщательно скрывают свои политическия цели и ведут пропаганду на почве экономической, подчеркивая однако, что врагом своим рабочий должен считать не только капитал и фабриканта, но и правительство, которому будто бы выгодно «угнетенное и темное» положение рабочего люда. И та и другая пропаганда имеет успех вследствие многих причин, которыя требуют тщательного и немедленного обследования для предотвращения серьезных осложнений, перед которыми одне административно-полицейские меры окажутся недействительными. Причины эти: кроме интенсивности пропаганды, искусственное и неестественное

умножение фабрик и заводов; плохое их оборудование, как в смысле техническом, так и в обстановке для рабочих; оторванность последних от земли, которая для русского крестьянина всегда будет главным жизненным фактором; неудовлетворительная организация фабричной инспекции, деятельность которой не связана с видами Министерства Внутренних Дел—регулирования и поддержания порядка, равномерно справедливого и возможного для рабочего и для лица, эксплоатирующего его труд, а подчинена расчетам финансового ведомства, не совпадающим часто с интересами министерства внутренних дел. О деятельности фабричной инспекции я имел честь подробно докладывать вашему высокопревосходительству в представлении моем от 5 июня 1900 года, а потому не буду распространяться здесь по этому, одному из самых важных и ближайшему вопросу в деле умиротворения рабочего движения. Перехожу к фактам, как проявилось в настоящем году это рабочее движение. 27 марта неожиданно рабочие металлического завода пред'явили желание окончить работу в четверг на страстной неделе двумя часами раньше обычного времени. Последовал отказ со стороны заводской администрации и фабричная инспекция была бессильна умиротворить возникшия неудовольствия. Рабочие разбили контору, подожгли ее и разбежались. Намерены были возбудить беспорядок и на соседней фабрике, но там отклонили их от этого товарищи, сказав, что у них вопрос о более раннем прекращении работ уже мирно разрешен соглашением с администрацией.

29 марта на судостроительной верфи Крейтон и К°, на Охте, половина рабочих заявила просьбу об окончании в великий четверг работ в 2 часа дня. Рабочие настояли на исполнении своего желания, уйдя в 2 часа с работы и не пустив на нее тех, которые желали работать весь день.

4 апреля произошла забастовка подручных и мальчиков на бумагопрядильне «Джемс-Бек» и пред'явлено требование о повышении гарантии и расценок для мюльщиков подручных и мальчиков.

1 мая забастовали все рабочие Никольской мануфактуры акционерного общества Воронин, Лютш и Чешер. Пред'явлены требования: установить 8-часовой рабочий день; прибавить 30% к расценкам; оканчивать работы по субботам в 2 часа: исправить и проверить расценки заработной платы, так как в настоящее время одна и та-же, или очень похожия между собою ткани ткутся по разным ценам, и жаловались на плохое качество кипятка.

2 мая забастовала Выборгская прядильня акционерн. общ. Воронин, Лютш и Чешер, причем пред'явлено требование о сокращении рабочего дня до 8 часов и соответственного повышения расценок на 30%.

3 мая забастовала Северная ткацкая мануфактура с требованием сокращения рабочего времени до 8 часов, но без повышения расценок.

4 мая повторилась забастовка на бумагопрядильной мануфактуре «Джемс Бек». Требования были пред'явлены общия, т. е. о сокращении рабочего времени до 8 час. и соответственном повышении расценок.

Во всех упомянутых случаях фабричная инспекция оказалась бесполезной и после тщетных и безплодных переговоров, когда страсти рабочих достигали крайних пределов, она передавала дело успокоения, или скорее усмирения непокорных, в руки полиции. Рабочие, желая возбудить забастовки и в соседних фабриках путем насильственного прекращения там работ, встретили препятствие к этому в лице полицейских нарядов, которым при восстановлении порядка и оказали вооруженное (камнями) сопротивление.

7 мая происходит забастовка рабочих казенного Обуховского сталелитейного завода, сопровождаемая уже такими беспорядками, которые вызвали необходимость действия против бунтующейся толпы рабочих огнестрельным оружием, что только и прекратило дальнейшее развитие уличных беспорядков и насилий. В числе многих требований, пред'явленных обуховскими рабочими чисто местного характера, были и явно незаконныя, навеянныя революционной пропагандой: 8-ми часовой рабочий день, внесение 1 Мая в число табельных дней, а также общее увеличение заработной платы. Администрация завода, состоящего в ведении морского министерства, удовлетворив некоторыя требования рабочих, вывешивает об'явление, что три последних желания рабочих переданы на разрешение министерства внутренних дел, которое, таким образом в глазах рабочих и явится виновным в случае отказа в удовлетворении.

8 мая бастуют рабочие соседняго Александровского сталелитейного завода, но без заявлений каких либо требований. 14—16 мая забастовка на Невском судостроительном и механическом заводе. Требования: сокращение рабочего времени сперва на $^1/_2$ часа, что удовлетво-

ется заводом немедленно, а затем и еще на 1/2 часа, на что последовал отказ; уничтожение штрафа в 20 коп. за приход без номерной жестянки; продолжение льготного времени для входа в завод после последняго свистка; допущение запоздавших более четверти часа на работу ранее наступления ближайшаго перерыва в работах; уничтожение штрафов за опоздание по понедельникам; учреждение общества потребителей и сберегательной или сберегательно-вспомогательной кассы для рабочих; назначение выборных старост для каждой отдельной мастерской.

17-го мая забастовка на Александровском вагоностроительном и 19-го—на Александровском механическом заводах Николаевской железной дороги. Требования: сократить время сверхурочных работ; повысить для этой работы расценки; оканчивать работу по субботам в 2 часа, а не в 3 часа дня и распространить подобное сокращение окончания работ на кануны всех празднуемых заводами дней.

Наконец, грандиозная забастовка (завод не действует и до сего времени) на казенном судостроительном Балтийском заводе, сопровождаемая насилиями и побоями против двух заводских мастеров, разбитием окон и насильственным прекращением работ на соседнем частном гвоздильном заводе и других местных мелких фабриках. Здесь опять встречаемся с фактом, что администрация завода, склонная уступить незаконному требованию рабочих освобождения арестованных за безпорядки товарищей, готовится вывесить об'явление, что освобождению препятствуют власти министерства внутренних дел—товарищ министра и градоначальник.

По имеющимся сведениям, рабочее движение не успокоилось и можно ожидать новых и новых осложнений.

Из представленного перечня фактов видно во первых, что большинство требований рабочих носят местный характер и могли-бы быть улажены своевременно, если-бы органы фабричной инспекции правильно функционировали; во вторых, необходимо строго различать стачку или забастовку чисто экономическую от политической и бунтовской. Первая, ранее применения карательных административно-полицейских мер, должна быть немедленно подробно рассмотрена какою либо коллегиальною, заранее определенною по своему составу особою комиссиею, постановление которой было-бы обязательным как для рабочих, так и для фабриканта, тотчас после утверждения его министерством внутренних дел. Всякия же насильственныя действия рабочих и уличные безпорядки должны быть подавлены и прекращены немедленно, быстро и хотя-бы самыми крайними мерами—силою оружия». Г.

Об оставлении рабочими работ на фабрике в Вышнем Волочке [1]).

Секретное письмо тверского губернатора от 16 июня 1876 г. министру внутренних дел.

«Имею честь довести до сведения Вашего Сиятельства, что 14 сего июня в г. Вышнем Волочке на фабрике купцов Ермаковых рабочие половинщики и стальщики, в числе 114 человек, оставили работы, прося прибавки задельной платы и выставляя причиною оставления работ то, что на них будто бы налагают слишком частые и большие штрафы, но контора фабрики на прибавку платы не согласилась, почему остальные рабочие должны были оставить свои занятия, 114 рабочим оказалось невозможно продолжать работы и фабрика в настоящее время остановилась.—При этом долгом считаю доложить Вашему Сиятельству, что так как ни со стороны рабочих, ни со стороны фабричного управления не поступало никаких заявлений по этому делу [2]), то местныя власти и не встретили надобности принимать какое либо участие в настоящем деле».

---

[1]) Архив министра внутренних дел, департ. полиции исполнительной в 1876 г., дело № 103.

[2]) Курсив наш.

Ответное письмо министра Тимашева от 2 июля 1876 г.

«Отношением от 16 июня с. г. за № 138 Ваше Превосходительство довели до сведения вверенного мне Министерства, что... (следует изложение).—По поводу сего считаю долгом сообщить Вам, Милостивый Государь, что означенный беспорядок со стороны фабричного населения, выразившийся в прекращении занятий с целью добиться возвышения заработной платы, составляет один из самых опасных и вредных видов стачки [1]); предупреждение вредных последствий подобных стачек составляет постоянную заботу Правительства и послужило в 1870 году поводом к изданию особого Высочайшего повеления, изложенного в циркуляре Министерства от 6 июля того года за № 1906, а потому, хотя ни со стороны владельцев фабрики, ни со стороны рабочих, не последовало никакого заявления, тем не менее я покорнейше прошу Вас, М. Г., приказать обнаружить: кто были в данном случае подстрекатели или зачинщики волнений между фабричными, и по обнаружении таковых принять против них меры, указанные упомянутым циркуляром. О последующем не оставьте уведомить Министерство».

Письмо губернатора управляющему министерством внутренних дел от 31 июля 1876 г.

«Согласно предложения Г. Министра внутренних Дел от 2 сего июля за № 2136, мною было поручено Старшему чиновнику особых при мне поручений расследовать, кто были подстрекатели или зачинщики в деле оставления в минувшем июне месяце рабочими в числе 114 человек работ на фабрике купцов Ермаковых в г. Вышнем Волочке по случаю отказа им в прибавке задельной платы, последствием чего была остановка всей фабрики, и по расследованию этому оказалось, что в данном случае собственно стачки рабочих не было и ни фабричное управление, ни полиция не могли указать ни одного из рабочих, которого можно было бы назвать подстрекателем или зачинщиком в произшедшем безпорядке. Выше упомянутые 114 человек рабочих, производивших работу в отдельном корпусе, заявили конторе фабрики свою претензию на значительность налагаемых на них штрафов, избежать которых они положительно немогут по крайней неопределенности и неясности правил, определяющих их отношение к фабрике, и затем обратились с просьбою об увеличении их задельной платы, которую, как выяснилось также расследованием, контора фабрики нередко уменьшала, или вовсе без всякого предуведомления рабочих, или хотя и с исполнением этой формальности, но в такое время, когда наверное знала, что рабочие не уйдут, как бы ни была мала предложенная им плата; контора же, отказа в этой просьбе, сама закрывала работы в этом корпусе, а так как с приостановкой работ этими рабочими не могли продолжаться работы и остальными рабочими, то и была остановлена вся фабрика».

Письмо губернатора от 14 июля 1877 г. министру внутренних дел.

«Имею честь довести до сведения Вашего Высокопревосходительства, что работы на фабрике Ермаковых в г. Вышнем Волочке вновь остановились с 6 сего июля и рабочие все расчитаны.

---

[1]) Курсив наш.

Остановка фабрики на этот раз последовала по инициативе самого фабриканта, который признал необходимым произвести ремонт одного из корпусов фабрики, об'явив 5 июля рабочим этого корпуса в числе 400 человек, что со следующего дня работы прекращаются; когда же некоторые из рабочих другого корпуса заявили просьбу купцу Ермакову о прибавке им задельной платы, то он об'явил им, что они могут расчитывать на продолжение работ в корпусе только при том условии, если они останутся при прежней плате, в противном же случае он остановит работы и в этом корпусе. А так как рабочие на это не согласились, то Ермаков и остановил всю фабрику.

При этом считаю своим долгом доложить Вашему Высокопревосходительству, что хотя Ермаков распустил рабочих без предварения их о том заблаговременно, тем не менее последние не заявляли по этому поводу никаких претензий и жалоб и в среде распущенных людей не было никаких волнений и беспорядков».

А. Б.

К вопросу об освобождении беглых бродяг от крепостной работы.

В крепостной России 18—19 ст. «вольные, гулящие» люди, без «письменного вида» или «печатного паспорта», как известно, были явлением совершенно нетерпимым [1]). Полицейское государство, скреплявшее всю народную массу записью в ревизские сказки для платежа подушной подати и отбывания рекрутской повинности, неизбежно видело во всяком «гулящем» человеке беглого или «дезертира труда» и стремилось вернуть его в первобытное состояние. Такое возвращение не всегда, однако, было осуществимо и часто сопряжено было с более или менее длительною затяжкою, если беспаспортный не открывал своего звания или же помещик или тяглая община тут же не заявляли своих прав на задержанного в «праздношатайстве» бродягу. В Московскую эпоху государство в последнем случае готово было «учинить» такому человеку «свободу», а к концу 17 в. делало неоднократные попытки ввести лишь регистрацию «пришлых, гулящих» людей, во множестве проживавших, «без поручных записей» и «без записки», в слободах самой Москвы [2]). В царствование Петра В. вопрос о пришлом бродячем люде стал на иную почву: привлекая всех себе на службу, государство должно было и этому люду дать принудительное трудовое употребление. Законодательство 18 ст. исходило из такой именно точки зрения, рассматривая бродяжество, как «праздношатайство» и даже преступление: бродяга, при поимке не открывший или не сумевший доказать свое звание, лишался свободы и затем или шел в солдаты или отдавался на фабрику, постройку канала, крепости и т. п. или, реже, ссылался в Сибирь [3]).

Государственное распределение бродячей рабочей силы в России 18-го столетия на практике осложнялось тем, что действовало в условиях крепостного строя. В самом деле, беспас-

---

[1]) Полн. Собр. Законов, т. V, указ 30 окт. 1719 г.; т. XI, № 8738, ук. 21 мая 1743 г.

[2]) Полн. Собр. Зак., т. III, № 1495, ук. 19 июля 1694 г.: здесь имеется в виду тот случай, когда помещики и вотчинники, приведшие в Московский Судный Приказ своих беглых людей и крестьян, «учнут крестьян своих приводных отступаться... и на росписку себе не возьмут: и таким приводным людям и крестьянам после недели из Приказу учините свободу, выпускать и без росписок». Это «для того, что в Судном Приказе те люди и крестьяне сидя многое время за неходьбою тех людей, которые их привели и чьи они люди и крестьяне, терпят голод и всякую нужду, а иные многие от тесноты и заболев и с голоду помирают».—См. также П. С. З., т. III, № 1403, 23 апр. 1691 г., № 1454, 16 ноября 1693 г., № 1509, 2 окт. 1695 г.

[3]) Ср. А. С. Лаппо-Данилевский „Очерк истории образования главн. разрядов крестьянского населения в России" (Сборн. „Крестьянский строй", СПБ, 1905 г., т. I, стр. 82—83).—П. С. За ., т. V, № 3369, ук. 11 мая 1719 г.: „вел. государь указал сысканных и пойманных в С.-Петербурге беглых и гулящих и слоняющихся по улицам людей,... которые сущего подлинного свидетельства о себе не показали и отосланы на каторгу до указу, 18 человек, взяв с каторжного двора, написать в солдаты или матросы или к каким другим указным работам, по рассмотрению достоинстве, кто куда надлежит... Такоже и впредь... определять против вышеписанного ж Его Величества указу".— П. С. Зак., т. VI, № 4023, ук. 1 июня 1722 г., предписавший, чтобы „никто в гулящих не был", „а без службы не шатался бы", и угрожавший за противное „галерною работою".—П. С. Зак., т. VI, №№ 4047, 3939, 4055; VII, № 4199; т. VIII, № 5441; т. IX №№ 6858, 7017, 7016; т. X, № 7827; т. XII, № 8886.

портный бродяга, «непомнящий родства», в редких случаях не был беглым крестьянином или дворовым человеком, владелец которого в любой момент мог пред'явить на него свое право. При отдаче бродяги в солдаты оно охранялось тем, что владелец получал на своего беглого рекрутскую квитанцию и в следующий рекрутский набор такой беглый «зачитывался за рекрута». При всякой иной комбинации беглый подлежал возврату в натуре и вне зависимости от давности побега. За редкими исключениями [1]), правительство не оспаривало частно-владельческого права и проявляло, поэтому, возможную осторожность при поимке бродяг, подвергая их энергичному допросу, «чьи они и где жили» и, в случае удовлетворительного показания, препровождая допрошенных на места их жительства. Но повседневный опыт настойчиво указывал на тщетность такой «пересылки» беглых «из места в место». Ложные показания пойманных, затруднительность хорошо и быстро оповестить обширную владельческую округу и добиться обратного приема беглых их владельцами делали из беглых досадную для воеводской канцелярии тему, а пересылку их обращали в безцельную трату «казенной суммы». К началу 60-х г.г. 18 ст. бегство крепостных приняло такие размеры, что оказалось необходимым пересмотреть вопрос о беглых с указанной точки зрения. Указом 9 ноября 1765 г. пересылка беглых по их показаниям отменялась вовсе и вводился новый порядок обращения их в первобытное состояние, в силу которого «беглые беспаспортные и с просроченными видами владельческие люди» после допроса отсылались в казенные работы поблизости от места поимки, а тем временем принимались все меры к оповещению их владельцев. Действие этих мер (как-то: публикование «от полиции», сообщение в академию «о пропечатании в газетах», посылка «таковых известий» в воеводские канцелярии, «которых в ведомстве жилища тех беглых состоят, а сим канцеляриям помещикам о том давать знать и брать с них подписки») рассчитано было на годовой срок, по истечении коего беглые, не взятые владельцами, отдавались в солдаты с зачетом за рекрут, а негодные в службу—оставлялись в казенных работах и не подлежали более возврату [2]). Вместе с тем указ 9 ноября решительным образом подтвердил бессрочность права иска о возврате беглого из казенных работ во всех тех случаях, когда тот «утаит настоящего владельца своего и свое имя, почему в срочное время ни от кого взят не будет».

При такой четкости в постановке владельческого права на беглого, указ 9 ноября с карательной точки зрения не проводит никакого различения между беглым, который, дав правильное показание, обнаружил готовность вернуться в крепостную зависимость и лишь не взят самим же его владельцем, и бродягою, «умышленником и отбывателем от холопства»: того и другого, после годичных казенных работ «на денежном дворе, у городового строения», постигала рекрутчина или, за негодностью, суровая трудовая каторга [3]). В последнем случае беглый, который «в преступлениях, кроме побега, не оказался», подвергался действию режима, рассчитанного на «арестантов», «прямых преступников» и бродяг, «непомнящих родства», в которых власть обычно подозревала тех же преступников. Любой бродяга, утаивший свое звание и впоследствии «сысканный и от владельца доказанный», сохранял легальную возможность вырваться из каторжного состояния. Беглый же, минувший указанную годичную давность, обречен был навсегда и безусловно.

Интересующее нас различение, как и вытекающее из него определение срока пребывания беглого в крепостных работах, проведено было лишь сорок лет спустя, при имп. Александре I, в указе 9 сентября 1805 г., пограничным военным губернаторам данном [4]). Ст. 3-ья его гласила: «безпаспортных помещичьих людей, кои в положенный годичный срок помещиками их требованы не будут, по истечении сего срока, если окажутся они доброго поведения, начальники губерний имеют представлять об освобождении их от крепостной работы; по освобождении же имеют

[1]) Напр. П. С. З. т. VI, № 4055, 18 июля 1722, о невыдаче с фабрик и заводов беглых, научившихся там соответствующему производству.

[2]) П. С. Зак. т. XVII; № 12506. Годичная давность для иска о возврате беглого, здесь установленная, в дальнейшем прочно вошла в оборот и удержалась до известного указа 23 февраля 1823 г. (П. С. З. т. XXXVIII № 29328), заменившего прием беглых и бродяг в полки и крепостные работы ссылкою их в Сибирь на поселение, не ожидая окончания изысканий о первобытном их жительстве. Ср. П. С. З., т. XXXV, № 27492 и т. XXXVII, № 28263.

[3]) Обычно то были крепостные работы в ведении Военной Коллегии или военного министерства.

[4]) П. С. Зак., т. XXVIII, № 21910.

они быть поселяемы при казенных селениях, по усмотрению местного начальства, где удобно признано будет, исключая тех губерний, в коих они прежде жили». При всей условности понятия «доброго поведения», ясна освободительная тенденция этого указа, два года перед тем проникшая, в столь же условной оболочке, в указ о свободных хлебопашцах (9 февр. 1803 г.). Известна тусклая судьба этого последнего. Первому посчастливилось еще менее.

В свое время, за вычетом самих героев нашего указа, он представлял лишь ведомственный интерес и, надо думать, публике остался вовсе неизвестен. Ближайшим образом касался он двух ведомств: министерства полиции, ведению которого через губернаторов принадлежали беглые, и инженерного департамента военного министерства, который вел крепостные работы и распоряжался трудом сосланных туда преступников и беглых бродяг. В 1818 г. инженерный департамент вступил в переписку с министром полиции по вопросу о том, как поступать с бродягами уже неспособными ни к какой крепостной работе [1]). Министр полиции вошел в комитет министров по этому вопросу с запискою, в заключение которой полагал предложить окружным инженерным начальникам, по освидетельствовании неспособных, на преступников пересылать подробные списки в министерство полиции, беглых же бродяг препровождать непосредственно к местным гражданским властям для распределения в учреждениях приказа общественного призрения с тем, чтобы оттуда, по возможности, отсылать их к владельцам. Исчерпав, таким образом, тему, докладчик, этим, однако, не ограничился и прибавил заключение еще и о здоровых бродягах, а именно, что списки на тех из них, которые сосланы в работы не за преступление, а лишь за побег, «по точной силе указа 9 сентября 1805 г. [2]), по прошествии годового срока, надлежит сообщать от инженерного ведомства начальнику губернии, а сей обязан представлять оные вышнему начальству» (т. е. министру полиции). 20 августа 1818 г. комитет министров утвердил названный доклад министра полиции, а тот препроводил его в инженерный департамент к исполнению.—Спрашивается, зачем понадобилось столь решительное напоминание об указе, на основе которого инженерный департамент должен был действовать без малого 13 лет? Ответ находим в одном донесении инженерного департамента военному министру, из коего явствует, что о существовании нашего указа департамент впервые «осведомился» из вышеупомянутой переписки о неспособных к работам бродягах, а копии текста указа получил от министерства полиции лишь 21 июня 1818 г., после чего и разослал их подчиненным органам к исполнению [3]). При таких условиях подтверждение силы указа 1805 г. со стороны комитета министров, может быть, и имело бы известный смысл, если бы в день 20 августа, когда оно состоялось, часы новооткрытого указа не были бы уже сочтены: на другой день 21 августа высочайше утверждено было положение о военно-рабочих ротах, на укомплектование которых назначались, между прочим, как раз «те из крепостных арестантов, не по суду в сие звание отданных, кои окажутся благонадежны в поведении». Совершенно убийственной для нашего указа была здесь оговорка, что комплектование учреждаемых рот рекрутами допускается только за недостатком «благонадежных в поведении» арестантов [4]). Не отменяя его формально, «положение о военно-рабочих ротах» на деле крайне уменьшало возможность его применения и противопоставляло освободительной его тенденции прежний принцип специфического трудового принуждения, не ограниченного никаким сроком.

Систематического и широкого применения указ 9 сентября 1805 г., вероятно, не находил себе и прежде: так, по крайней мере, можно себе об'яснять обнаруженную инженерным департаментом неосведомленность о самом существовании указа, ближайшим образом касавшегося сферы ведения департамента. Есть, все же, указание, что губернские власти его знали и время от времени обращалась с представлениями об освобождении бродяг из крепостной работы к министру полиции. В делопроизводстве департамента полиции исполнительной сохранилось одно дело об освобождении бродяг, возникшее по представлению рижского военного губернатора [5]).

---

[1]) П. С. Зак., т. XXXV, № 27487, полож. Комитета министров 20 авг. 1818 г.

[2]) Три статьи указа 9 сентября приведены в записке полностью.

[3]) Архив департамента полиции исполнительной м. вн. дел, дело № 265, 1818 г., по книге архивной № 845, лл. 2 и об.

[4]) П. С. Зак., т. XXXV, № 27487.—Известен, впрочем, один случай освобождения пяти бродяг по инициативе инженерного департамента, имевший место в ноябре 1818 г. См. указанное выше дело № 265.

[5]) Архив д-та полиции исполнительной м. вн. дел, № 240, 1817 г., по книге архивной № 953: «по отношению рижского военного губернатора об освобождении некоторых бродяг от крепостной работы», на 55 лл.

Из него узнаем о четырех случаях освобождения от крепостной работы в Лифляндской губ. разного звания бродяг, каждый раз по именным высочайшим указам: трех случаях—в 1811 г. и об одном—в 1819 г. В первых трех случаях освобождено было 74 человека, из них 59 уже совсем неспособных к работам. В последнем случае—53 человека, дело о которых затянулось на два года и вызвало большую переписку, при чем все они провели в работах от трех до пяти лет и около половины из них принадлежало к числу бродяг, не помнящих родства, т. е. не подлежащих, в сущности, действию нашего указа. Как видно, правильной и срочной периодичности в освобождении очередных партий бродяг в Лифляндской губ. не соблюдалось. Зато указу придано было довольно широкое и явно непредусмотренное точным его смыслом толкование.

Б. Романов.

К статистике горнозаводских рабочих.

Рабочие на частных горных заводах по сведениям 1828 г.

С целью дать возможность департаменту разных податей и сборов министерства финансов проверить правильность сведении, представляемых казенными палатами, департамент горных и соляных дел предписал в 1828 году московскому и пермскому горным правлениям сообщить, какое число крестьян состоит по каждому заводу, сколько числится в окладе крестьян, за которых заводы уплачивают подать, и каково число не состоящих в окладе, но соответствующие подати «полагаются в продажную цену материалов».

Оба горных правления прислали нижеследующие сведения, причем сообщили, что состоящие на заводах «заводские люди и крестьяне» находятся в податном состоянии и что государственные подати за них уплачиваются заводами [1]).

1 Сведения, сообщенные московским горным правлением.

Калужская губерния.

Верхний и Нижний Песочинские заводы (Голынских) в Жиздринском уезде—по 7-ой ревизии 775 крепосных и 25 казенных приписных.

Песочинский зав. (купцов Масловых) —заводских мастеровых 50, Серинский—заводских мастеровых 154.

Дучненский (Лаврова)—по последней ревизии числится «мастеровых и рабочих людей 192 души; еще принадлежащих к заводу и находящихся временно в работе при селах Николаевском, Никитском и деревнях Истоминой, Рвае и Струковой дворовых людей и крестьян 283 души—всего 475 душ».

Иншевский (кн. Бибарсова)—мастеровых 94.

Ханинский (Купца Ивана Засыпкина)—«имеется приписных на праве заводском крестьян по последней ревизии 778 душ, из сего числа разных мастеровых 138 душ».

Богдано-Петровский (купца Петра Засыпкина)—по 7 ревизии крестьян 770.

Людиновский и Сукрешенский (г. Мальцова)—мастеровых и рабочих людей по 7 ревизии всего 1300.

Завод Билибиных—«собственных приписных крестьян не имеется, а употребляются для работ заводских по найму из разных соседних деревень с узаконенными видами».

Сепетско-Ивановский—по 7-ой ревизии мастеровых и крестьян всего 283.

Орловская губерния.

Заводы Любохонский—361 и Радицкий—955 крепостных.

Бытошевский и Петровский (купцов Мельниковых)—238 душ.

---

[1]) Архив горного департамента, 1 стол 3-го отделения, 1828 г., дело № 13 «Бумаги, выпитые из дел 1828 г. о числе людей при частных горных заводах».

Рязанская губерния.

Непложский (Масалова)—по 7 ревизии мастеровых 244.

Кирицкий (Генике)—«по сказкам ревизии 274 крестьян, принадлежащих заводу в сельце Засечье на праве заводском 37, там же на праве помещичьем 5 душ крестьян, в селе Добром—на заводском праве 202 мастеровых, при зеркальной фабрике 197, всего 715 душ».

Истинско-Залипянский (Полторацкой)—мастеровых людей 263, заводских крестьян в Пронской округе 23, в Ряжской 293.

Сынтульский—мастеровых 96, крестьян 167.

Ереминский—мастеровых 601, крестьян 446.

Мердушенский—мастеровых 152, крестьян 301.

Вознесенская фабрика—мастеровых 117, крестьян 45. «При оной же фабрике живущих и по ревизии числящихся при селе Вознесенском крестьян 295 душ».

Белоключевская стеклянная фабрика—мастеровых 28.

Завод прапорщика Яблочкова—«приписных крестьян, не имеется, а употребляются для работ заводских по найму из разных соседних деревень с узаконенными видами».

Пензенская губерния.

Рябкинский (купца Шапкина)—мастеровых 371.

Савинско-Авгарский (купца Манухина) и особо в деревни Маскиной 794 (штатных мастеровых 760, не поступивших в штат 34).

Тамбовская губерния.

Виндреевский (Очкиной)—525 душ.

Уженский-(Шепелевич)—323 мастеровых.

Тульская губерния.

Дубенский (Масаловых)—29 душ (крестьян).

Владимирская губерния.

Гусевский—«на праве заводском мастеровых 967 душ, на праве помещичьих крестьян 642 души, в оном же заводе живущих, а по ревизии числящихся при деревне Малышовой крестьян 144 души».

Верхне-Унженский—мастеровых 67, крестьян 110.

Железницкий—938 мастеровых.

Нижегородская губерния.

Илевский—мастеровых 345, крестьян 391. «Сверх сего таких, кои числятся при селениях или состоят при заводах Меленковскаго уезда при деревне Самойловке 6», а в Темниковском уезде 18.

Выксунский,—1648 мастеровых.

Велетменский—471 мастеровых.

Снаведский—979 мастеровых, «да причисленных к сему же заводу после ревизии из мастеровых стеклянной фабрики, состоявшей в Тамбовской губ. 48 мастеровых».

Верхнежелезницкий—938 мастеровых.

II. Сведения, доставленные Пермским горным правлением.

Таблица крепостных крестьян по последней 7-ой ревизии (число казенных мастеровых и непременных работников, состоявших при заводах, указано в подстрочных примечаниях).

Пермская губерния.

	Крепостных крестьян.		Крепостных крестьян.
Верхисетские (Яковлева)	4.706 [1])	Иргинский (купца Кнауфа) . . .	1.153
Юговский (купца Кнауфа)	1.467	Саранинский „ „	544
Курашимский „ „	768	Билимбаевский (гр. Строгановой) .	1.917
Бизярский „ „	439	Добрянский „ „ . . .	2.856

[1]) А также казенных: мастеровых 2202 и непременных работников 1520.

	Крепостных крестьян.
Очерский (гр. Строгановой) . . .	3.377
Лысвенский (графини Полве) . . .	3.534
Кусве-Александровский „	1.896
Бисертский „ „	2.159
Югокамский „ „	1.391
При соляных промыслах „	1.879
Сукоянский (наслед. Демидова) . .	1.147
Уткинский „ „ . .	1.467
Молебский „ „ . .	875
Тисовский „ „ . .	444
Бымовский „ „ . .	1.168
Ашабский „ „ . .	784
Камбарский „ „ . .	964
Шаквинский „ „ . .	70
Деревня Поздянка (наслед. Демидова)	87
Невьянский (наслед. Яковлева) . .	3.960
Быньговский „ „ . .	1.201
Петрокаменский „ „ . .	498
Деревни Тавали верхние	156
„ „ нижние	155
Кыновский (гр. Строганова) . . .	542
Шайтанский (купца Ярцова) . .	825
Богословский (Тюбук) (купца Ярцова)	130
Нытвенский (князей Голицыных) .	1.130
Архангелопашийский (князей Голицыных)	783
Кусве-Александровский (князей Голицыных)	158
Село Верхомулинское (князей Голицыных)	471
Село Ленвенское (князей Голицыных)	199
В разных селах и деревнях временно работающих при всех горных заводах (кн. Голицыных) . . .	10.985
Соляные промыслы (князей Голицыных)	1.852
Нижнетагильский (наслед. Демидова)	6.166
Нижнесалдинский „ „ .	1.833
Верхнесалдинский „ „ .	640
Черноисточинский „ „ .	978

	Крепостных крестьян.
Висимоуткинский (насл. Демидова) .	920
Висимошайтанский „ „ .	417
Выйский „ „ .	931
Лайский „ „ .	309
Ревдинский (наслед. Зеленцова) . .	2.884
Бисертский „ „ .	960
Рожественский „ „ .	1.458
Нижне-Сергинский (купцов Губиных)	1.672 [1]
Атичский (купцов Губиных) . . .	114
Верхне-Сергинский и Козинский (купцов Губиных)	1.185
Михайловский (купцов Губиных) .	87
Уфимский и Суховятский (купцов Губиных)	1.580
Уфимская пристань (купцов Губиных)	327
Деревня Атичская „ „ .	79
Деревня Половинная „ „ .	23
Сысертский (наслед. Турчанинова) .	— [2]
Полевский „ „ .	— [3]
Северский „ „ .	— [4]
Алапаевский (наслед. Яковлева) .	634 [5]
Уинский и Щерминтский (наслед. Яковлева)	585
Пожевский (Всеволожского) . . .	3.215
Марвинский „ . . .	110
Елизаветопожевский (Всеволожского)	580
Александровский „	1.840
Всеволодовильский (Всеволожского)	506
Никитоивенский „ .	1.294
Кизеловский рудник „ .	182
Кислинский (наслед. Расторгуева) .	1.652
Кыштымский „ „ . .	1.770
Назепетровский „ „ . .	1.503
Шемахинский и Сорокинский (наследн. Расторгуева)	315
Село Воскресенское (наследн. Расторгуева)	603
Село Рождественское (наследн. Расторгуева).	1.041

Вятская губерния.

Бымышевский (Лебедева)	554
Шурманикольский (наслед. Мосолова)	160
Шурминский „ „	265
Буйский „ „	318
Залазнинский (насл. Мосолова) . .	433
Холуницкие „ „ . .	1.324
Кирсинский (Бобарыкиных) . . .	54
Песковский „ . . .	12

[1]) Казенных непременных работников—314.
[2]) Казенных мастеровых—1458.
[3]) Каз. мастеровых—1063, непр. работников—2369.
[4]) Казенных мастеровых—377.
[5]) Каз. мастеровых—2189, непр. работников—2387.

Оренбургская губерния.

	Крепостных крестьян.		Крепостных крестьян.
Архангельский (гр. Лаваль) . . .	1.453	Катав-Ивановский (кн. Белосельской-Белозерской)	3.041
Иштеряковский (купца Ярцова) . .	242	Архангельский (Красильникова) . .	170
Омутинский Вятской губ. (Осокина)	432	Белорецкий (Пашкова)	2.817
Пудожский Вятской губ. „	63	Преображенский (Гусятникова) . .	1.373
Верхнетроицкий, Нижнетроицкий и Усень-Ивановский (Осокина) . .	1.229	Симский и Миниярский (Бекетова)	3.245
Благовещенский (Полторацкой) . .	1.026	Богоявленский (Бекетова)	1.282
Авзянопетровский (купцов Губиных)	1.019 [1]	Кананикольский (Мосолова) . . .	669
Верхоторский (Пашкова)	1.588	Богословский (Глазова)	263
Воскресенский „	2.167	Казинский и Узянский (Демидова)	776 [2]
Юризень-Ивановский (кн. Белосельской-Белозерской)	2.540	Шильвинский (купца Подьячева) .	262

Казанская губерния.

Таишевский (купца Ярцова) . . .	899	Мешинский (Осокина)	327

Вологодская губерния.

Кажимский (Боборыкиных) . . .	26	Нювчимский (Боборыкиных) . . .	51

Енисейская губерния.

Ирбинский (купца Патюкова)

«При сем последнем заводе на основании Высочайше утвержденного 27 марта 1816 г. мнения Государственного Совета положено иметь рабочих людей из ссыльных 300 человек; но оных полнаго комплекта за делаемыми ссыльными побегами не имеется».

Сообщила **Нина Платонова.**

Бритье помещиками полголовы крестьянам для пресечения самовольных отлучек [3].

Секретное письмо псковского губернатора ген.-майора Бартолова от 13 июля 1844 г. министру внутренних дел.

«Некоторые из помещиков вверенной управлению моему Псковской губернии, а именно: ныне покойный отставной генерал-маиор Марков, статский советник Дубецкий, подполковник Крекшин и коллежский асессор Ковединев приняли за правило брить крестьянам своим полголовы, а г-н Крекшин даже всякую субботу под предлогом удержания их от побегов и самовольных отлучек, в которых они уже оказались виновными, но оставляя их в таком виде весьма продолжительное время и пуская их на работу и по большим работам.

Находя, что подобная мера *во-первых* установлена 70 ст. XV тома Свода законов уголовных (изд. 1842 г.) только для одних содержащихся в тюрьмах и острогах, *во-вторых*

[1] Казенных непременных работников—205.
[2] Казенных непременных работников—213.
[3] Архив минист. внутр. дел, департ. полиции исполнительной, 1844 г., дело № 413 (по архивной книге № 3417).

налагают на крестьян, так сказать, видимое клеймо позора, особенно пуская их в таком виде на работу и по дорогам, и тем ожесточают их против владельцев, и, наконец, противно народному обычаю стричь волосы в кружок, а также что эта мера никак не может подойти под разряд домашних исправительных средств, указанных 971 ст. IX тома и 335 ст. XIV тома Св. Зак. Устава о предупреждении и пресечении преступлений и предоставленых помещикам, я обязал, без огласки, упомянутых владельцев подписками не брить вперед своим крестьянам полголовы, за исключением только такого случая, когда это будет сделано ввиде наказания и сопряжено с домашним арестом.

Таковое распоряжение, вынужденное необходимостью предупреждения могущих возникнуть дурных последствий и сделанное без малейшей огласки, имею честь представить на усмотрение В. В., долгом считая присовокупить, что к сделанному мною распоряжению я почитаю необходимым присовокупить правило, что бритье голов ввиде наказания и сопряженное с домашним арестом не иначе может быть допущено, как по воле самого владельца или управляющего имением его по законной доверенности, а отнюдь не по распоряжению временных и бездоверенных управителей и старост;—о последующем же покорнейше прошу почтить меня разрешением, для руководства на будущее время».

На подлинном надпись: Его Высокопревосходительство изволил обратить особое внимание на сие донесение.

Ответное секретное письмо министра внутр. дел графа Л. А. Перовского [1]), *от 22 июля 1844 г.*

«На представление Вашего Превосходительства от 13 сего июля за № 419 о принятии некоторыми помещиками вверенной Вам губернии правила брить полголовы тем из крестьян своих, кои делают побеги и самовольные отлучки из мест их жительства, считаю долгом уведомить, что хотя с одной стороны и желательно бы не видеть употребления этой меры в помещичьих имениях, но с другой и возбранять помещикам прибегать к оной для удержания от бродяжничества крестьян их дурного поведения я не предвижу необходимости, ибо эта полицейская мера, не заключая в себе никакого истязания, может быть действительною для удержания помещичьих людей от бродяжничества».

А. Б.

Стоимость наемного труда на полевых работах по данным 1871 года.

Министерство внутренних дел затребовало 15 октября 1871 года от губернаторов цифровые данные о стоимости наемного труда при посеве, сенокосе и уборке хлеба [2]). Сведения были получены не от всех губернаторов, а только от 39, при чем по некоторым губерниям сведения имеются не по всем уездам. Из доставленного материала видно, что цены на рабочую силу были весьма разнообразны не только по губерниям, но даже в уездах одной губернии.

Повышение платы за труд происходило от различных причин, но главным образом зависело от урожая: если урожай был хорош, то и требования на рабочие руки возрастали, что влекло за собою повышение платы. Заработная плата поднялась в местностях, подвергшихся эпидемическому заболеванию холерою, так как от уменьшения здорового трудового населения увеличилось требование на наемный труд.

---

[1]) Гр. Л. А. Перовский (1792—1856). Окончил курс в Московском университете... В 1841 г. назначен министром внутренних дел, с сохранением должности товарища министра уделов... Довольно значительною была его деятельность в комиссиях по крестьянскому вопросу... Признавая уничтожение крепостного права весьма желательным, он советовал освободить крестьян с землею (но так, чтобы не «обеднить» помещиков), в правах сравнять их с государственными крестьянами и действовать путем постепенного изменения, предварительно приняв меры к улучшению местного управления и особенно земской полиции, к устройству и уравнению повинностей денежных и натуральных и к обеспечению народного продовольствия.—Ср. Энциклопедич. словарь Брокгауза—Ефрона.

[2]) Дело 1 ст. 1 Отд. Хоз. Д-та М. В. Д. 1871 г. № 109.

Ниже приводятся сведения о ценах на рабочую силу в 1871 г. по губерниям: Петроградской, Олонецкой, частью Псковской, Новгородской и Архангельской.

В Петроградской губ. цены на рабочие руки, чем ближе к столице, тем дороже, при чем в Ямбургском уезде цены начали повышаться со времени открытия работ по устройству Балтийской железной дороги, а в Гдовском—в виду требования значительного числа рабочих в Петроград.

В Олонецкой губ. плата рабочему увеличивается или уменьшается в зависимости от погоды, благоприятствующей или препятствующей полевым работам. Летние и годовые рабочие всегда имели продовольствие от нанимателей и даже выговаривали часть одежды сверх условленной платы.

В Холмском уезде Псковской губ. рабочие помесячно не нанимались, а летние и годовые рабочие пользовались продовольствием от нанимателя.

В Череповецком уезде Новгородской губ. продовольствие было от нанимателя.

В Архангельском уезде Архангельской губ. [1]) обработка полей производилась самими хозяевами, что не представлялось особенно затруднительным, так как на семью в Архангельском уезде приходилось не более двух десятин земли. В тех же редких случаях, когда хлебопашцы прибегали к найму посторонних людей, плата за день не превышала 40 коп., при продовольствии за счет рабочего, а с лошадью доходила до 1 руб. Несмотря на столь незначительное вознаграждение, оно падает еще ниже в других уездах, где свободных рабочих рук было больше, а, следовательно, сильнее конкуренция между ними.

Условия обработки полей наемным трудом **в Холмогорском уезде** одинаковы с Архангельским уездом; дневная плата рабочему на его продовольствии не превышала 40 коп., с лошадью доходила до 1 руб.

Плата в Шенкурском уезде не подымалась выше 30 коп. на продовольствии рабочего, что зависело отчасти от значительного числа женщин, нанимающихся там для полевых работ за весьма низкие цены.

В Пинежском уезде цены за обработку полей посредством наемного труда были весьма невысоки.

Жители Кемского уезда нанимались для земледельческих работ обыкновенно на продовольствии нанимателя. Такой же порядок существовал и во 2-м стане Онежского у., почему показанные в ведомости на продовольствии нанимающегося цифры относятся собственно только к 1-му стану уезда.

В Кемском уезде плата за лето превышет плату в год, потому что жители этого уезда заняты преимущественно морскими промыслами, и на год для земледельческих работ нанимаются лишь неспособные к морским промыслам.

В 4 и 5 станах хлебопашества не существовало, и лошадей не было. Поденная плата во время сенокоса рабочему—60 коп. и работнице 40 коп.

По Онежскому уезду средняя плата при продовольствии от нанимателя оказалась в некоторых случаях высшею, чем плата на продовольствии самого рабочего; об'ясняется это тем, что жители 2-го стана этого уезда заняты большею частию работами на заводах. Отдельно же взятая по 1-му стану уезда плата при продовольствии от нанимателя во всех случаях оказывается много ниже, чем при продовольствии самого рабочего.

Г. Лапо.

Таблица цен на рабочую силу—см. след. страницы.

---

[1]) Дело 1 ст. 1 Отд. Хоз. Д-та М. В. Д. 1871 г. № 140, ч. 1.

Цены на рабочую силу в 1871 году по Петроградской и Олонецкой губерниям, Черепо и Кемскому уездам

		ПОДЕННАЯ					
		Посев.			Сенокос.		
		Работник с лошадью.	Пеший.	Работница.	Работник с лошадью.	Пеший.	Работница.
Петроградская губ.							
Петроградский у.	продовольствие нанимателя	1.50	—.40	—.25	2.—	—.60	—.40
	продовольствие рабочего	1.25	—.50	—.45	2.25	—.75	—.55
Царскосельский у.	продовольствие нанимателя.	1.75	—.45	—.20	1.—	—.75	—.35
	продовольствие рабочего	1.75	—.60	—.40	1.50	—.90	—.50
Петергофский у.	продовольствие нанимателя.	1.50	—.50	—.25	—.8)	—.60	—.40
	продовольствие рабочего	2.—	—.70	—.40	1.50	—.8)	—.50
Новоладожский у.	продовольствие нанимателя.	от 75 до 1.40	от 40 до 50	от 20 до 30	от 1 до 1.75	от 60 до 80	от 35 до 45
	продовольствие рабочего	от 1 до 1.50	от 50 до 60	от 30 до 40	от 1.— 25 до 1.50	от 75 до 1 р.	от 30 до 40
Шлиссельбургск. у.	продовольствие нанимателя.	—	—	—	—	—	—
	продовольствие рабочего	от 1.— 50 до 1.80	от 70 до 1 р.	от 35 до 50	от 1.— 50 до 1.80	от 1—до 1.20	от 40 до 60
Ямбургский у.	продовольствие нанимателя.	1.15	—.30	—.20	1.75	—.75	—.40
	продовольствие рабочего	1.40	—.50	—.30	2.—	1.—	—.60
Гдовский у.	продовольствие нанимателя.	—.75	—.50	—.15	—.80	—.70	—.25
	продовольствие рабочего	1.—	—.75	—.25	1.10	—.80	—.30
Лужский у.	продовольствие нанимателя.	от 60 до 1 р.	от 30 до 50	от 10 до 20	от 1 до 1.25	от 50 до 75	от 15 до 30
	продовольствие рабочего	от 80 до 1.75	от 50 до 1.20	от 2) до 30	от 1.— 2) до 1.50	от 75 до 1 р.	от 25 до 40
Олонецкая губ.							
Петрозаводский у.	продовольствие нанимателя.	1.—	—.60	—.18	1.—	—.80	—.50
	продовольствие рабочего	1.50	1.—	—.40	1.30	1.20	—.80
Олонецкий у.	продовольствие нанимателя.	—.75	—.45	—.20	—	—.55	—.20
	продовольствие рабочего	—.85	—.70	—.35	1.5	—.75	—.35
Повенецкий у.	продовольствие нанимателя и его одежда	1.—	—.45	—.25	1.—	—	—
	продовольствие рабочего	1.30	—.60	—.40	1.50	—.70	—.45
Каргопольский у.	продовольствие нанимателя	от 75 до 1 р.	от 30 до 90 к.	—.20	—	—.5	—.40
	продовольствие рабочего	—	—	—	—	—	—
Вытегорский у.	продовольствие нанимателя.	1.—	—.50	—.20	1.—	—.75	—.30
	продовольствие рабочего	1.50	—.75	—.30	1.50	1.—	—.40
Пудожский у.	продовольствие нанимателя.	—.75	—.50	—.30	—.75	—.50	—.30
	продовольствие рабочего	1.—	—.60	—.40	1.—	—.60	—.40
Лодейнопольск. у.	продовольствие нанимателя.	1.—	—.50	—.30	1.—	—.50	—.35
	продовольствие рабочего	1.30	—.80	—.45	1.50	—.80	—.50
Новгородская губ.							
Череповецкий у.	продовольствие нанимателя.	—.40	—.25	—.15	—.80	—.60	—.20
	продовольствие рабочего	—	—	—	—	—	—
Псковская губ.							
Холмский у.	продовольствие нанимателя.	—.40	—.25	—.15	—.45	—.30	—.15
	продовольствие рабочего	—.80	—.45	—.35	—.90	—.50	—.35
Архангельская губ.							
Онежский у.	продовольствие нанимателя.	1.15	—.40	—.20	1.35	—.50	—.25
	предовольствие рабочего	1.—	—.50	—.25	1.50	—.70	—.35
Кемский у.	продовольствие нанимателя.	1.35	—.70	—	—	—.90	20
	продовольствие рабочего	—	—	—	—	—	—
по 4 и 5-му станам Кемского уезда	продовольствие нанимателя.	—	—	—	—	—.60	—.40
	продовольствие рабочего	—	—	—	—	1.—	—.60

вецкому уезду Новгородской губернии, по Холмскому уезду Псковской губ., Онежскому Архангельской губернии.

ПЛАТА			Помесячная плата.						Подесятинная плата.			В лето.		В год.	
Уборка.			Посев.		Сенокос.		Уборка.								
Работник с лошадью.	Пеший.	Работница.	Работник.	Работница.	Работник.	Работница.	Работник.	Работница.	Посев.	Сенокос.	Уборка.	Работник.	Работница.	Работник.	Работница.
1.90	—.45	—.30	9.—	5.50	16.—	8.50	10.—	6.—	7.50	6.50	9.25	70.—	45.—	100.—	60.—
2.10	—.65	—.45	12.60	8.50	18.—	10.50	13.50	9.—	10.—	8.—	11.50	80.—	55.—	130.—	80.—
1.50	—.45	—.35	10.—	6.—	18.—	10.—	15.—	10.—	—	—	—	65.—	45.—	120.—	60.—
2.—	—.60	—.50	15.—	10.—	25.—	15.—	20.—	15.—	21.—	8.50	—	—	—	—	—
1.50	—.45	—.25	10.—	5.—	10.—	5.—	8.—	5.—	6.—	3.—	5.—	50.—	25.—	70.—	40.—
2.25	—.70	—.50	15.—	8.—	15.—	10.—	15.—	8.—	10.—	5.—	7.—	80.—	45.—	120.—	60.—
от 75 до	от 40	от 40			от 15 до							от 40	от 25	от 55	от 30
1.40	до 60	до 60	—	—	20 р.	—	—	—	—	—	—	до 70 р.	до 36 р.	100 р.	до 50 р.
от	от	от			от							от	от	от 100	от
1 до	50 до	50 до			0 до							80 до	50 до	до	70 до
1.50	70	70	—	—	25 р.	—	—	—	—	—	—	100 р.	60	150 р.	100
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
от 1.—	от	от									от	от	от	от	от
50 до	1 до	40 до									6 до	60 до	35 до	120 до	55 до
1.80	1.20	60	—	—	—	—	—	—	—	—	10 р.	80	50	150	90 р.
1.—	—.40	—.30	8.—	5.—	12.—	8.—	9.—	5.—	—	—	—	40.—	25.—	70.—	55.—
1.20	—.60	—.50	14.—	10.—	17.—	12.—	14.—	10.—	10.—	3.—	5.—	70.—	55.—	140.—	110.—
—.80	—.50	—.35	8.—	4.—	11.—	6.—	7.—	7.—	1.50	4.—	3.—	45.—	20.—	60	30
1.—	—.65	—.50	12.—	8.—	15.—	10.—	12.—	10.—	2.—	5.—	4.—	70.—	44.—	108.—	78.—
от 60	от 30	от 25	от 4	от 3	от 5	от 3	от 4	от 3	от 2	от 3	от 3	от 30	от 20	от 40	от 30
до 1 р.	до 50	до 35	до 6 р.	до 4 р.	до 7 р.	до 5 р.	до 6 р.	до 5 р.	до 4 р.	до 5 р.	до 5 р.	до 100 р.	до 30	до 60 р.	до 50 р.
от	от	от	от	от	от	от	от	от	от	от	от	от	от	от 100	от
80 до	50 до	35 до	8 до	6 до	10 до	7 до	8 до	7 до	3 до	5 до	5 до	60 до	50 до	до	80 до
1.20	75	50	10 р.	8 р.	12 р.	9 р.	10 р.	9 р.	5 р.	7 р.	7 р.	80 р.	70 р.	120 р.	100 р.
1.—	—.70	—.35	15.—	2.50	15.—	6.—	15.—	9.—	—	—	—	50	15.—	70.—	20.—
1.30	1.—	—.65	20.—	8.—	20.—	10.—	18.—	12.—	—	—	—	—	—	—	—
—.95	—.45	—.25	—.—	—	—	—	—	—	—	—	—	50.—	15	55.—	24.—
1.20	—.65	—.40	—.—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—.90	—.40	—.20	7.—	3.—	12.—	6.—	8.—	3.—	—	—	—	30.—	12.—	50.—	20.—
1.20	50	—.30	12.—	—	—	—	12.—	—	—	—	—	—	—	—	—
		от	от	от									от	от	от
	до	40 до	3 до	2 до	до	до	до	до				от 75	10 до	45 до	15 до
до 75 к.	50 к.	50	4 р.	3 р.	7 р.	6 р.	7 р.	6 р.	3 р.	—	—	до 25 р.	20 р.	50 р.	25 р.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
90	—.50	—.25	7.—	2.—	7.—	3.—	7.—	3.—	—	—	—	70.—	20.—	80	30.—
1.20	—.75	—.30	18.—	5.—	20.—	7.—	18.—	5.—	—	—	—	—	—	—	—
—.75	—.50	—.30	6.—	3.—	6.—	3.—	6.—	3.—	—	—	—	25.—	15.—	50	30.—
1.—	—.60	—.40	15.—	4.50	15.—	4.50	15.—	4.50	—	—	—	—	—	—	—
1.—	—.50	—.45	5.—	4.50	5.—	3.—	5.—	3.—	—	—	—	50.—	25.—	75.—	40.—
1.50	—.80	—.50	10.—	3.—	10.—	6.—	10.—	6.—	—	—	—	—	—	—	—
—.50	—.30	—.25	3.50	1.—	5.—	2.—	4.—	2.—	—	2.—	2.75	25.—	10.—	36.—	18.—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
												от 10	от 7	от 20	от 15
47½ к.	—.30	—.20	не	на	ни	ма	ют	ся	—	—	—	до 15 р.	до 8 р.	до 30 р.	до 20 р.
—.95	—.50	—.40	не	на	ни	ма	ют	ся	—	—	не	на	нима	ют	ся
1.—	—.40	—.25	11.—	6.—	15.—	7.50	12.—	6.—	3.—	3.—	55.—	23.—	23.—	72.—	29.—
1.—	—.50	—.25	15.—	7.50	21.—	19.50	15.—	7.50	—	—	60.—	20.—	20.—	80.—	30.—
от	от	от									от	от	от	от	от
60 до	20 до	15 до									45 до	6 до	6 до	25 до	12 до
1.50	85	20 к.	—	—	—	—	—	—	—	—	70 р.	10 р.	10 р.	36 р.	18 р.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Сообщения Ученой комиссии по исследованию истории труда в России.

I.

Положение об Ученой комиссии по исследованию истории труда в России.

(Утверждено Президиумом Петр. Совета Проф. Союзов).

1) Комиссия имеет задачей разработку архивных материалов и использование печатных источников по истории труда в России и тех социальных групп, которые живут личным трудом, а также опубликование научных исследований. В соответствии с этим Комиссия устанавливает план ближайших работ и, сохраняя за собою руководство и наблюдение, поручает выполнение их постоянным сотрудникам и отдельным специалистам.

2) Перемены в личном составе Комиссии производятся по соглашению Комиссии с Петроградским Советом Профессиональных Союзов.

3) Комиссия большинством голосов избирает из своей среды председателя, заместителя председателя (управляющего делами) и членов Редакционной коллегии, а также назначает как постоянных (получающих определенный оклад), так и временных (оплачиваемых сдельно) сотрудников.

Примечание. При включении новых лиц в установленное число постоянных сотрудников Комиссия испрашивает разрешения Петроградского Совета профессиональных союзов на производство дополнительного расхода.

4) Заседания Комиссии происходят не реже одного раза в неделю. Ее постановления заносятся в протоколы, подписываемые присутствующими членами ее.

Заместитель председателя дает отчет о ходе работ и представляет предположения о дальнейших заданиях.

5) Редакционная коллегия собирается по мере надобности. Она докладывает Комиссии о ходе своих занятий.

6) Комиссия и Редакционная коллегия могут приглашать на свои заседания как сотрудников, так и посторонних лиц, могущих быть полезными своими познаниями.

7) Каждые три месяца Комиссия представляет Петроградскому Совету Профессиональных союзов отчет о своей деятельности.

8) На всех изданиях Комиссии отмечается, что данная книга выпущена ею, а также указываются редакторы.

9) Комиссия ведет от своего имени переписку с учреждениями и лицами по научным вопросам.

10) Комиссия в праве вступать в соглашения с Главархивом, Российской Публичной Библиотекой и другими учреждениями о предоставлении ей во временное пользование рукописных и печатных источников под ее полною ответственностью.

11) Комиссия может разрешать отдельным лицам пользоваться с научной целью материалами, имеющимися в ее распоряжении, при чем эти лица обязаны подчиняться правилам, установленным Комиссией.

12) Никакая часть материалов, принадлежащих Комиссии, не может быть уносима из помещения Комиссии, разве на это последует разрешение всех ее членов.

13) Собрания сотрудников, постоянных и временных, происходят еженедельно под председательством заместителя председателя.

14) На собраниях сотрудников присутствуют члены Редакционной коллегии и члены Комиссии, которым это поручено ею.

15) Служащие канцелярии назначаются заместителем председателя.

II.

Отношением от 10 декабря 1921 г. № 5244 Петроградское Отделение Управления Научными учреждениями академического центра уведомило Ученую Комиссию, что она зарегистрирована в управлении с 8-го декабря 1921 г.

III.

К сведению и руководству сотрудников.

Усиленные изыскания, сосредоточенные в нескольких крупных архивах, привели к тому, что в короткий срок в архивном каталоге, составляемом Комиссией, накопилось столь значительное число карточек, что они в ближайшее время не могут быть в достаточной мере использованы исследователями; с другой стороны, часть карточек оказалась в своей массе до известной степени однородного характера, так как отражает материалы небольшого числа архивов. Между тем интенсивное составление каталога ослабило исследова-

тельскую работу сотрудников, от результатов которой зависит содержание „Архива истории труда в России". Поэтому, экономя как денежные средства, так и силы сотрудников, Комиссия признала нужным: временно задержать чрезмерный наплыв карточек, допуская дальнейший приток их лишь постолько, посколько они вносят в архивный каталог разнообразие, а вместе с тем заняться, в интересах „Архива истории труда в России", по мере возможности, изучением самих архивных материалов, зафиксированных архивным каталогом.

В виду этого постановлено:

а) на время прервать или умерить обследование архивов государственного совета, сената и министерства внутренних дел и начать изыскания в сравнительно небольших по размеру архивах горного департамента, сухопутных и водных сообщений;

б) предложить сотрудникам знакомиться с отдельными делами или группами их, обращающими на себя внимание заключающимися в них данными или затрагиваемыми в них темами, и представлять соответствующие письменные доклады, сообщая не только о содержании дела, но и об его особенностях, об его значении для освещения тех или иных вопросов (эти доклады будут особо храниться, как ценное подспорье для исследователей); материалы, признанные заслуживающими быть обработанными или опубликованными в „Архиве истории труда в России", будут передаваться компетентным сотрудникам.

Примечание. Если какое-нибудь дело, просмотренное сотрудником, не может быть использовано, сотрудник делает краткое письменное сообщение о содержании дела и о причине, по какой оно непригодно.

Так как план систематизации архивного каталога уже установлен и в связи с этим выработана в основных чертах классификация карточек, то с целью облегчить труд систематизаторов, необходимо, чтобы сотрудники сдавали карточки для архивного каталога, разбив их на соответствующие группы (напр, рабочие, крестьяне, ремесленники, и проч.). Если какая-либо карточка не подходит ни к одной из намеченных групп, сотрудник делает об этом отметку на карточке, и в этом случае место для нее в каталоге подыскивается систематизатором.

Редакционная Коллегия:

Юлий Гессен, И. М. Кулишер, А. Е. Пресняков.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ КНИГИ

„Архива истории труда в России".

Часть первая.

Стр.

1. На московско-новгородской парусной фабрике. Марии Мурзановой . . . . . 1—7
2. Жизнь рабочих на кренгольмской мануфактуре. (Волнения рабочих в 1872 г.). С. Фарфоровского . . . . . 8—14
3. Был-ли первоначально русский север крестьянским? С. Платонова. 15—18
4. Продолжительность рабочего времени в горнозаводской промышленности при крепостном праве. К. Пажитнова . . . . . 19—24
5. Бурлаки в первой половине 19-го века. Юл. Гессена . . . . . 25—36
6. Фабрично-заводские волнения и фабричное законодательство. В. Колпенского . . . . . 37—43
7. Морозовская стачка 1885 года. Р. Кантора . . . . . 44—53
8. Устройство быта свободных хлебопашцев. В. Бирюковича. . . 54—64
9. Условия труда на петербургских заводах по данным 1901 г. А. Блека. 65—85
10. Из истории производств в С.-Петербурге за 18-й век и первую четверть 19-го века. П. Столпянского. . . . . 86—104
11. Цехи «вольных матросов» в Новороссийском крае в 1830-53 г.г. А. Путилова . . . . . 105—107

Часть вторая.

12. Первые шаги легализованного профессионального движения в России. Сообщ. Р. Кантор . . . . . 108—123
13. Из официальной записки о крестьянских беспорядках в 80-х годах 19-го века. Сообщ. В. Колпенский . . . . . 124—127
14. Пилипоны или крестьяне-старообрядцы. Н. Мурзанова . . . . 128—131
15. Волнения среди фабрично-заводских рабочих. К. Пажитнова . . 132—137
16. Крестьяне-самоучки. Наталии Платоновой . . . . . 138—140
17. Факты и цифры. Заметки архивистов . . . . . 141—155

Движение среди петербургских рабочих в 1901 г.—Об оставлении рабочими работ на фабрике в Вышнем-Волочке.—К вопросу об освобождении беглых бродяг от крепостной работы.—К статистике горнозаводских рабочих (1828 г.).—Бритье помещиками полголовы крестьянам для пресечения самовольных отлучек (1844 г.).—Стоимость наемного труда на полевых работах по данным 1871 г.

Часть третья.

18. Сообщения Ученой комиссии по исследованию истории труда в России . . . . . 156—158

Культурно-Просветительное Кооперативное Товарищество

„НАЧАТКИ ЗНАНИЙ“.

Петроград,
Проспект 25 Октября (быв. Невский) № 110.

Книгоиздательство и Книжный магазин.

Книжный магазин отпускает книги по всем отраслям знания и специально по учебно-педагогической и детской литературе.

НОВЫЕ КНИГИ:

А. Калмыкова и О. Каница—Указатель лучшей детской литературы.
А. Калмыкова—Мировая художественная литература, как учитель юных поколений.
Н. П. Черепнин—Некрасов, его жизнь и творчество.
Н. П. Черепнин—Достоевский, его жизнь и творчество.
Б. Е. Соколова—Грамматика первинка, ч. I и II.
П. И. Грацианский—Первые шаги в арифметике, ч. I и II.

„ЭКОНОМИСТ“

Вестник XI Отдела Русского Технического Общества.

Редакционная Коллегия: Б. Д. Бруцкус, А. И. Буковецкий, С. И. Зверев, Д. С. Зернов, Е. И. Зубашев, А. С. Каган, В. И. Ковалевский, И. М. Кулишер, Д. А. Лутохин, Н. В. Монахов, А. Л. Рафалович.

ВЫШЕЛ № 1:

Статьи Б. Д. Бруцкуса, Дж. Кейнео, И. М. Кулишера, Пит. Сорокина, Л. Л. Пумпянского, Д. Д. Протопопова, А. Л. Рафаловича, В. М. Штейна и др.

Редактор **С. И. Зверев.**

Уполном. издат. **А. С. Каган.**

Издания „АРТЕЛЬТРУДСОЮЗА“. (Петроград, Фонтанка, 34).

1. **Слобожанин, М.**—Историч. развитие идей артельного движения. Изд 2-е.
2. **Его-же**—Артели. Общедоступный очерк.
3. **„Артельное Дело“**—№№ 1-4, 5-8, 9-16, 17-20 (под ред. В. С. Миролюбова).
4. Устав промысловой кустарной артели (т-ва) (2-ое перераб. изд.).
5. Устав союзов промысл., произв.-труд., сельскохозяйств. и лесных артелей и товариществ.
6. Устав лесной артели.
7. **Блатов, Н. А.**—Элементарный курс общей бухгалтерии.
8. Кооперативный календарь на 1922 г.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

1. **Болотов, П. А.**—Краткое руководство по счет-ву произв.-трудов. артелей в связи с основами общего счет-ва (2-ое изд.).
2. **Блатов, Н. А.**—Основы калькуляции.
3. **Слобожанин, М.**—Основные моменты в развитии западно-европ. кооперации.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВО“

Петроград, Литейный просп., № 28.

М. И. Боголепов: Европа после войны. Петр. 1921 г. (распр.).

А. М. Смирнов: Кризис денежной системы французской революции. Петр. 1921 г.

Карл Диль: Золото и валюта во время и после войны. Пер. **А. С. Кагана.** Петр. 1921 г.

И. М. Кулишер: Международные торговые договоры (в печати).

Б. Д. Бруцкус: Аграрный вопрос и аграрная политика в России (в печати).

В. Э. Ден: Новая Европа (в печати).

Norman Angell; Версальский мир и экономический хаос в Европе. Пер. под ред. проф. **М. И. Боголепова.**

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

„МЫСЛЬ“.

Петроград, Ковенский, 11.

Снабжение провинциальных книжных организаций литературой по различным отраслям знаний.

Вышла в свет вторая (№ 2-3) книга

„ВЕСТНИКА ТРУДА“.

Изд. Петрогр. губернского совета профессиональных союзов.

Склад издания: Культурно-просветительный отдел Петр. губ. совета проф. союзов.

Петроград,
Бульвар Професс. союзов, д. № 21.

В. Гессен. ВЕЧЕВОЙ СУД.

Ц. 1000 р.

Продается во всех книжных магазинах. **Склад издания «ОСНОВА».**

Петроград, Литейный, 25, кв. 1.

14 Гос. типография. Петроград, Соц. 14. Р. В. Ц. 5000.

УЧЕНАЯ КОМИССИЯ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ.

Председатель: *С. Ф. Платонов.*
Заместитель председателя: *Ю. Гессен.*
Члены: *И. М. Кулишер, А. Е. Пресняков, А. С. Путилов, Е. В. Тарле, Г. В. Цыперович* и представитель культурно-просветительного отдела Петр. совета професс. союзов *З. И. Любинский.*

Адрес Комиссии: Петроград, здание Главного управления архивным делом, вход с площади (против памятника Петра I), под'езд 6. сената.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ КНИГИ

„Архива истории труда в России".

Часть первая.

1. Задачи и деятельность Ученой комиссии по исследованию истории труда в России. Ю. Гессена. – 3
2. История труда и ее значение. Е. Тарле. – 6 стр.
3. Вопросы истории русской промышленности и промышленного труда (в дореформенное время), постановка их в нашей исторической литературе. И. М. Кулишера. – 11
4. Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения. А. Преснякова. – 34 стр.
5. Принудительное обращение помещичьих крестьян в горнозаводские рабочие (Из истории крестьянских волнений). Ю. Гессена. стр. 48
6. Судьба указа о свободных хлебопашцах в царствование Александра I. В. Бирюковича. стр. 63.
7. „Первое мая" в России. В. Колпенского. стр. 80

Часть вторая.

8. Волнения среди фабрично-заводских рабочих (с 1824 г. по 1860 г.). К. Пажитнова. стр. 86
9. Материалы для истории рабочих на горных заводах. Сообщил А. Шебалов. 91
10. Против забастовок на заводах морского ведомства. Сообщ. А. Блек. стр. 113
11. Из практики предварительного обследования заводских архивов (архивы Обуховского и Балтийского заводов). А. Блека. стр. 116
12. О состоянии некоторых фабрично-заводских архивов в Петрограде. стр. 122
13. Эпизод из хозяйственной жизни крепостной вотчины 19 века.—Б. Романова. 124

Часть третья.

14. К сведению и руководству сотрудников. – стр. 146

ЭНБ

С. А. 2
1-2
+12/XII 72

Журнал „Архив истории труда в России“ продается во всех книжных магазинах.

Склад издания: Культурно-просветительный отдел Петроградского совета профессиональных союзов.

Петроград, Бульвар Профессиональных Союзов, д. № 21.

14-я Государственная типография. Птг., Социалистическая, 14. Р. В. Ц. Тир. 5000.